

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 1 5

№ 4
(54)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Европейский институт JUSTO;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the European Institution JUSTO;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Podshibiyakin A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI века

Палазян А.С. Государственная молодежная политика как инструмент противодействия экстремизму

Важенин В.В., Васильченко Д.А., Зувев Е.А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России

Завьялова Н.Ю. Присутствие в правовых отношениях иностранного элемента в виде юридического факта

Имаков Т.З., Яблонский И.В. Теоретико-методологические основы применения мировоззренческого знания в правоохранительной деятельности

Прохоров В.В. Органы внутренних дел Крымской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 годы)

Спирин М.Ю. Дуалистическая природа суверенности правовой системы

Архиреева А.С. Нормативное обеспечение правового положения государственных служащих гражданского ведомства в Российской империи в XIX веке

Луков М.Г., Подерёга С.В. Деятельность местных Советов в социальной сфере в период действия Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года

Стифанько М.Н. Проблемы понятия метода реализации правовой демографической политики Российской Федерации

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Гриб В.В. Проблемы определения и обнародования результатов общественного контроля

Зайцев А.О. О значении решений Европейского суда по правам человека для правовых стандартов правомерности заключения под стражу обвиняемого

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ильяшенко А.Н., Никитина Л.К. Проблемы квалификации незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

10 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

10 **Karnaushenko L.V.** The intellectual sovereignty of the state and the problem of its security in the society of the XXI century

15 **Palazyan A.S.** The state youth policy as an instrument for combating extremism

18 **Vazhenin V.V., Vasilchenlo D.A., Zuev E.A.** Regularities of formation and development the highest criminal estate in Russia

23 **Zavyalova N.Yu.** Presence at legal relations of a foreign element in the form of the legal fact

27 **Imakov T.Z., Yablonsky I.V.** Theoretical-methodological bases of application of worldview knowledge in law-enforcement activity

32 **Prochorov V.V.** Interior services of the Crimea ASSR on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945)

35 **Spirin M.Yu.** The dualistic nature of legal system's sovereignty

39 **Arkhireeva A.S.** Standard providing the legal status of public servants of civil department in the Russian empire in the XIX century

44 **Lukov M.G., Poderega S.V.** Activity of local Councils in the social sphere during action of the Constitution of the USSR of 1936 and the Constitution of RSFSR of 1937

50 **Stifanko M.N.** Problem of the notion of legal methods of implementing demographic policy of the Russian Federation

56 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

56 **Grib V.V.** Issues of definition and promulgation of public control results

62 **Zaytsev A.O.** The significance of decisions of the European Court of Human Rights legal standards for legality detention of the accused

68 CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

68 **Ilyashenko A.N., Nikitina L.K.** The problems of qualification of unlawful use of means of individualization of goods (works, services)

- Иногамова-Хегай Л.В., Курносова Т.И.** 72 *Inogamova-Khegai L.V., Kurnosova T.I.* The correlation of the definition of crimes against humanity and crimes against mankind
- Квашиш В.Е., Морозов Н.А.** 77 *Kvashis V.E., Morozov N.A.* Major trends in the practice of appointment and execution of the death penalty in Japan
- Наумов А.В.** 81 *Naumov A.V.* Criminal law «pendulum» hardness and softness of the punishment as a condition of the limits of filling prisons
- Образиев К.В.** 85 *Obrazhiev K.V.* Rules of qualification of crimes and external forms (sources) of their expression
- Понятовская Т.Г.** 93 *Ponyatovskaya T.G.* Whether formal signs are necessary to conditions of release from criminal liability?
- Сидоренко Э.Л.** 99 *Sidorenko E.L.* Crimes in the sphere of entrepreneurship: problems of legal identification
- Вертепова Т.А.** 105 *Vertepova T.A.* The legal methods of protection of honor, personal dignity and business reputation under the legislation of the Russian Federation
- Кубанцев С.П.** 108 *Kubantsev S.P.* Approaches to the implementation of international crimes against peace and humanity in the criminal legislation of the CIS countries
- Рябченко О.Н.** 113 *Riabchenko O.N.* Crimes against public order in the Russian legislation of the X–XI centuries
- Скачко А.В.** 116 *Skachko A.V.* System of contraband crimes in the Criminal code of the Republic of Kazakhstan of 2015: new approaches to regulation of criminal liability
- Стешич Е.С.** 122 *Steshich E.S.* Some theoretical issues of causation in crimes against life (philosophical and legal aspect)
- Дикаева М.С.** 129 *Dikaeva M.S.* Criminal and penitentiary policy of achievement of goals of assignment and execution of criminal punishments
- Рыбалка А.А.** 134 *Rybalka A.A.* International instruments of criminal law protection of labor rights of the individual
- Хисамова З.И.** 139 *Khisamova Z.I.* Illegal turnover of means of payments in the context of the rules on liability for crimes committed against information and communication technologies

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений

Ларичев В.Д. Причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере экономической деятельности

Щербакова Л.М., Белая О.П. Исследование личности преступника: теоретико-рефлексивный анализ

Кравченко Н.А., Иванов С.И. Причины и условия роста уровня теневой экономики (на примере Крымского федерального округа)

Пихов А.Х.-А. Проблемы противодействия транснациональному экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе

Савенко И.А. Виктимологический аспект коррупционных преступлений

Аветисян Б.Р. Игровой бизнес как криминальный рынок услуг

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Антонов И.А. Уголовное судопроизводство: развитие нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности и совершенствование нравственного содержания уголовно-процессуального закона

Лозовский Д.Н. К вопросу о проведении судебных экспертиз по делам экстремистской направленности

Садьков А.У. Проблемы правового регулирования дознания в сокращенной форме

Адаменко И.Е. К вопросу об объективных и субъективных факторах, определяющих уголовно-процессуальную деятельность

Алексеев И.М., Михальчук Ю.П. Временные границы разумного срока уголовного судопроизводства

Башинская И.Г. Уголовно-процессуальный аспект проверки фактов мошенничества в сфере строительства инфраструктуры дорог

Дмитриева А.А. Совершенствование системы принципов осуществления государственной защиты участников современного российского уголовного судопроизводства

Науменко О.А. Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания

145 THE PREVENTION OF CRIMINALITY

145 Ignatov A.N. Criminological research of victimological component of the mechanism of violent crimes

151 Larichev V.D. The reasons and conditions promoting commission of crimes in the sphere of economic activity

160 Scherbakova L.M., Belaya O.P. Study of the criminal personality: theoretic-reflexive analyses

165 Kravchenko N.A., Ivanov S.I. The reasons and conditions of growth of level of shadow economy (on the example of the Crimea federal district)

169 Pyhov A.H.-A. Combating transnational extremism in the North Caucasus federal district

173 Savenko I.A. Victimological aspect of corruption crimes

176 Avetisyan B.R. Gambling as criminal services market

180 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

180 Antonov I.A. Criminal proceedings: the development of moral principles of criminal procedure activity and improvement of the moral content of the criminal procedure law

185 Lozovsky D.N. To the question of the forensic examinations in cases of an extremist nature

188 Sadykov A.U. Problems of legal regulation of inquiry in abbreviated form

193 Adamenko I.E. On the question of objective and subjective factors determining the criminal procedure activity

196 Alekseev I.M., Mikhailchuk Ju.P. The temporal boundaries of a reasonable time in criminal proceedings

200 Bashinskaya I.G. Criminal procedure aspects of verification of fraud in the construction of road infrastructure

204 Dmitrieva A.A. Improvement of system of the principles of implementation of the state protection of participants of modern Russian criminal legal proceedings

209 Naumenko O.A. Protection of the rights of the victim at the reduced form of inquiry

Сидоренко М.В. О системе источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в контексте идеи определенности права	213	Sidorenko M.V. On the system of sources of Russian criminal procedural law and their hierarchy in the context of the idea of certain rights
Яковлева Л.В. Генезис и перспективы правового регулирования медиации в уголовном процессе	218	Yakovleva L.V. Genesis and perspectives of legal regulation of mediation in criminal proceedings
Борозенец Н.Н. Надзор и правообеспечительная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: проблема соотношения	222	Borozenets N.N. Supervision and law protection activity of the Prosecutor in criminal proceedings: the problem of the relation
Горак Н.В. Злоупотребление правом на обжалование прокурору действий (бездействия) и решений должностных лиц в досудебном производстве	227	Gorak N.V. Abuse of the right on the appeal to the prosecutor of actions (inaction) and officials' decisions in pre-trial production
Гусейнов Н.А. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства	231	Guseinov N.A. On the issue of differentiation of criminal procedural form of pre-trial proceeding
Цинова М.В., Насонов А.А. О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме	236	Tsinova M.V., Nasonov A.A. On the subjects ensure the suspect or defendant the right to defense and some features of their procedural opportunities in the manufacture of inquiry in abbreviated form
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	242	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Говорова Е.С., Говорова А.О. Тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при производстве предварительного расследования	242	Govorova E.S., Govorova A.O. Tactical features of interrogation of the suspect (the accused) during production of preliminary investigation
Дрога А.А., Першин С.П. К вопросу о признании дохода от незаконной хозяйственной деятельности при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы данных, сопряженных с использованием компьютерных средств	246	Droga A.A., Pershin S.P. To the questions of recognition of income from illegal enterprise using expertizing investigation computer date
Стукалов В.В., Горбунов А.Н. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет	251	Stukalov V.V., Gorbunov A.N. Problem solving crimes of past years
Микрюкова Т.Е. Типичные версии по делам о мошенничестве при получении выплат	256	Mikrukova T.E. Typical versions on cases of fraud when receiving payments
Эндерс А.И. Проблема выявления следов преступления, сокрытых путем поджога, на первоначальном этапе расследования	260	Enders A.I. The problem of detecting traces of the crime concealed by arson at the initial stage of the investigation
СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	265	JUDICIAL AND PUBLIC PROSECUTOR'S ACTIVITY
Вецкая С.А. Особенности судебного контроля по делам несовершеннолетних	265	Vetskaya S.A. Features of judicial control in minors cases

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Шахкелдов Ф.Г., Михайлов Э.М. Взаимодействие органов прокуратуры и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере противодействия терроризму и экстремизму

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Старостин С.А. Об унификации норм процессуального права

Затолокин А.А. Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности

Шкеля О.В. Об обеспечении привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

**ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ,
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ**

Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен социального сознания как интенциональный ориентир исследования проблемы экстремизма

Нарыков Н.В., Пилюгина Ю.Г. К вопросу о методологии анализа моделей корпоративного управления

Самойлов С.Ф., Шеуджен Н.А. Ценностные основания процесса конструирования правоохранительного мировоззрения

Жуйков А.А. Интернет и проблема информационного экстремизма в современном российском обществе

Конonenko Н.С. Информационный характер современной социальной коммуникации как основание интенсификации проблемы суицида

Светиков И.А. Теоретические и эмпирические аспекты социологического анализа ценностных ориентаций

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Украинский С.В. Методические, педагогические, психологические и социальные аспекты профессионального обучения (профессиональной подготовки) сотрудников полиции

**269 LAW-ENFORCEMENT
ACTIVITY: HISTORY
AND PRESENT**

269 *Shakhkeldov F.G., Mikhaylov E.M.* The interaction of the prosecution and the executive bodies of subjects of the Russian Federation in the field of combating terrorism and extremism

**274 ADMINISTRATIVE LAW
AND ADMINISTRATIVE PROCESS**

274 *Starostin S.A.* About unification of norms of a procedural law

282 *Zatolokin A.A.* Topical issues of ensuring of transport safety

286 *Shkelya O.V.* On ensuring the prosecution of an administrative offense under article 12.8 of the Code of the Russian Federation about administrative offences

**289 QUESTIONS OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**

289 *Kubyakin E.O., Plotnikov V.V.* The phenomenon of social consciousness as intentionality reference point research problems of extremism

294 *Narykov N.V., Piluygina Yu.G.* To the issue of methodology of analysis of corporate management models

298 *Samoilov S.F., Sheudzhen N.A.* Valuable bases of process of designing of law-enforcement worldview

303 *Zhuykov A.A.* Internet and the problem of information extremism in modern Russian society

307 *Kononenko N.S.* Information nature of modern social communication as the basis of intensification of suicide problems

311 *Svetikov I.A.* Theoretical and empirical aspects of the sociological analysis of value orientations

**315 MODERN PROBLEMS
OF THE HIGHEST EDUCATION**

315 *Ukrainskiy S.V.* Methodological, pedagogical, psychological and social aspects of vocational learning (training) of police officers

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Костюченко Н.И. Проблемы теории управления и общих функций управления на примере определения понятия «управленческое решение» как общей функции управления

Данильян А.С. О тактических особенностях проведения допроса потерпевшего при расследовании имущественных преступлений

Бондарев А.В. Современные проблемы информационной безопасности в российском обществе

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**319 TOPICAL QUESTIONS
OF SCIENCE AND PRACTICE**

319 Kostiuchenko N.I. Problems of management theory and general management functions on the example of definition of notion «management decision» as general management function

324 Danilyan A.S. About tactical peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded when investigating property crimes

327 Bondarev A.V. Modern problems of informational security in the Russian society

332 INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI века

В статье рассматриваются изменения основных социальных институтов и подсистем современного общества. Отмечается, что глобальное информационное общество, наряду с очевидными индикаторами социального прогресса, формирует определенные угрозы и риски, в том числе связанные с суверенитетом государства в интеллектуальной сфере. Подчеркивается, что произошедший пересмотр места и роли информации в жизни социума активизировал ряд угроз интеллектуальному суверенитету государства, которые требуют оперативной научной и управленческой рефлексии.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, глобализация, информация, информационно-компьютерные технологии, интеллектуальный суверенитет.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

The intellectual sovereignty of the state and the problem of its security in the society of the XXI century

In article changes of the main social institutes and subsystems of modern society are considered. It is noted that global information society, along with obvious indicators of social progress, forms the certain threats and risks including connected with the sovereignty of the state in the intellectual sphere. It is emphasized that the happened revision of a place and role of information in life of society intensified a number of threats to the intellectual sovereignty of the state which demand an operational scientific and administrative reflection..

Key words: post-industrial society, globalization, information, ICT, intellectual sovereignty.

Современное общество исследователи относят к постиндустриальному, информационному типу. Его основой становится не просто информация, информационно-компьютерные и телекоммуникационные технологии. Речь идет о принципиально новой роли индустрии знаний, образования, интеллектуальной подсистемы инновационного облика социума. Поскольку в современном мире информация признается основным активом и источником социального прогресса (как и соответствующие инструменты – «высокие» информационные технологии), значительно повышается роль знаний, компетенции, обладания необходимыми данными, информационными базами и т.д. В новых условиях корпорации, государственные организации и государства ведут борьбу за обладание инициативой в интеллектуальной сфере и, как следствие, за тех, кто способен дать подобный эффект. «Утечка мозгов» становится системной проблемой для развивающихся стран, не способных в силу объективных причин предоставить материально-бытовые ус-

ловия на уровне стран «большой семерки». Как следствие, талантливая молодежь, воспитанная и обученная в развивающихся странах, обладающая высоким уровнем интеллекта и знаний в перспективных областях науки и экономического производства, переезжает в принимающие страны (более успешные в экономическом плане), усиливая их научно-технический и технологический потенциал (и без того весьма высокий).

Главным продуктом глобализации в информационной сфере стало возникновение информационного общества – среды, в которой индивиды взаимодействуют с социальными институтами и между собой с помощью современных средств коммуникации. Государственные границы и географические расстояния теряют свое барьерное значение [1].

Еще один аспект проблемы, связанный с эволюцией традиционного облика постиндустриального информационного общества (в его классической репрезентации социологической и философской наукой 1950-х – 1970-х гг.), заключается в значительном усилении агрессивной

составляющей в глобальной коммуникационной системе, а также в изменившихся взаимоотношениях между странами. Вопреки мнению классиков постиндустриального информационного общества (М. Маклюэна, Д. Белла, Э. Тоффлера, И. Масуды и др.) о прогрессивном развитии социума, априори предполагающих мирное, бесконфликтное сосуществование индивидов, групп, общностей, государств, события конца 1990-х – начала 2000-х гг. продемонстрировали совершенно иную тенденцию. Информационные войны, масштабные пропагандистские кампании, беспрецедентные акты информационного терроризма и экстремизма насчитывают десятки резонансных случаев. По справедливому замечанию И.Ю. Алексеевой, «характеристика современной эпохи как эпохи информационных войн вряд ли может быть поставлена под сомнение» [2].

Как отмечали Д. Белл [3] и его последователи, в постиндустриальном информационном обществе действительно происходит коренное переопределение сути информации как социального процесса. Однако проблема заключается в том, что информация отождествляется уже не с социальным прогрессом и модернизационными процессами. На первый план выходят не позитивные, а негативные тенденции социальных изменений в социуме.

Исследователи констатируют тот факт, что в современном обществе информация осознается как ценность, источник силы и власти, а сила и власть – как средство доступа к информации, к возможностям формирования информационного пространства. Реальностью является интенсивный рост коммуникационно-компьютерных технологий, обеспечивающих (или предотвращающих) возможности передачи, распространения и получения информации [2].

Вполне закономерным социальным изменением общества начала XXI в. становится значительное повышение ценности информации, информационного обмена и, как следствие, информационно-компьютерных технологий, становящихся эффективным инструментом приема-передачи информации в масштабах глобального мира. В этих условиях информация ожидаемо становится фактором и ресурсом власти, входит в систему властных отношений. Социальные группы, слои, общности и отдельные государства ведут активное информационное противоборство, с одной стороны, стремясь оказывать эффективное влияние на субъекты информационного воздействия (в том числе, с использованием инструментов ведения информационных войн и пропагандист-

ских кампаний), с другой стороны, прикладывая максимальные усилия для недопущения подобного воздействия в собственном отношении.

По мнению И.Ю. Алексеевой, «информационное общество не мыслится без распространения интеллектуальных технологий, без развития и эффективного использования интеллектуальных ресурсов. Реальности информационного общества несут с собой специфические вызовы человеческому интеллекту, обнаруживают новые проблемы, связанные с осуществлением его возможностей и прав. Одна из проблем такого рода – проблема интеллектуального суверенитета» [2].

Стоит отметить, что в современном обществе проблема суверенитета приобретает серьезное значение, проявляясь в различных аспектах. Необходимо учитывать, что категория «суверенитет» имеет множество толкований, в том числе верховенство, верховные права субъекта, независимые от каких-либо внешних сил, обстоятельств и лиц.

Относительно государственного суверенитета целесообразно подчеркнуть, что традиционно он понимался как правовая характеристика государственной власти. Классическое понимание внутренней природы суверенитета основывалось на степени контроля государственных институтов над определенной территорией, на «легитимности власти внутри политики и предела, до которого эта власть может осуществлять контроль»; а внешней – на легитимном равенстве, когда государство воспринимается другими как «одно из», когда «государства равны в такой же степени, как и равны индивиды» [4, р. 4].

Заслуживает внимания весьма удачная трактовка государственного суверенитета А. Хасенклевера и Т. Милебока. Авторы указывают: «Суверенитет как институциональное понятие неотъемлемо связан с территориальной и иерархической организацией управления в современных государственных системах» [5, р. 3]. При реализации данного подхода к суверенитету вопросы, связанные с проблемной государственностью, не являются актуальными.

Как известно, глобальное информационное общество нивелирует границы национальных государств, посредством информационно-коммуникационных технологий мир связывается в единое целое. Такая ситуация несет в себе не только позитивный (общение, деловые, образовательные, культурные контакты), но и негативный социальный потенциал. Ряд исследователей высказывают опасения, что проницаемость границ, неспособность государств

традиционными (и весьма эффективными ранее) методами оградить себя и свою территорию от атак иных стран фактически формируют новую мир-систему [6]. В рамках мировой системы США, Япония и страны Европы являются основными поставщиками новостной информации или же обладают большей частью мировых технических средств для ее трансляции. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом информационной асимметрии, безобидным лишь на первый взгляд. Неравноценный информационный обмен детерминирует особое социально-коммуникативное и социокультурное воздействие, способствующее насаждению ценностной, мировоззренческой, идеологической, морально-нравственной картины гражданам одной страны специально подготовленными коммуникаторами из других стран. Значительная часть современных государств «смотрят на мир» принципиально не «собственными глазами», а довольствуются информационной картиной, полученной извне.

В этой связи исследователи констатировали, что группа наиболее экономически развитых стран имеет возможность придавать происходящим в мире событиям определенную «окраску», формируя общественное мнение не только своих граждан, но и людей по всему миру. Такая ситуация имеет ряд последствий:

а) с помощью монополии на производство информационного продукта или его трансляции страны «ядра» могут распространять свои политические, экономические и социальные ценности по всему земному шару, придавая им исключительно позитивный смысл;

б) для целого ряда стран этот факт является угрозой национальной безопасности, требует решительных ответных, оградительных шагов;

в) позволяет вести «молниеносные войны» – короткие решительные броски западных держав «с использованием передовых технологий, преподносимые СМИ как стерильные» [7, р. 21].

В обществе начала XXI в. государственный суверенитет впервые начинает существовать на двух уровнях: 1) физической повседневной реальности, осложненной обострением ситуации, когда новые реалии вступают в противоречие со старыми, ставящими во главу угла международное право; 2) на уровне «виртуальном» (в новом обществе государству приходится беспокоиться о безопасности не только территории, но и информационного пространства).

Анализ сложившейся ситуации в современном глобальном мире показывает, что в условиях масштабных социокоммуникативных

трансформаций критерии суверенности того или иного государства претерпели существенные изменения. С одной стороны, изменились классические критерии, а с другой – сформировалось принципиально новое измерение суверенитета – виртуальное, потребовавшее несколько иного научного и управленческого осмысления.

В начале XXI в. все отчетливее становится заметен рост социальной значимости сферы знаний, интеллекта, неудивителен факт повышения внимания научного сообщества и управленческих структур к проблеме интеллектуального суверенитета, который предполагает, прежде всего, право субъекта – обладателя данного суверенитета – развивать свой интеллект, осуществлять его возможности. Возможности интеллекта реализуются в добывании (не сводимом к «приобретению» или «получению») знания, в оценке предлагаемых сообщений как истинных, ложных, вероятных, представляющих интерес и т.д., в использовании для принятия решений информации, признанной адекватной [2].

Безусловно, стоит учитывать достаточную условность абсолютного интеллектуального суверенитета. В реальной, повседневной жизни постоянно дают о себе знать границы, связанные с принятием на веру мнений других людей, отношением к результатам их интеллектуальной деятельности. Данные границы носят весьма относительный характер, однако в ряде случаев под влиянием рисков сокращения привычных пределов возникают напряжения, происходит актуализация процесса осознания значимости интеллектуальных возможностей и прав людей.

XXI в. – эпоха агрессивных коммуникативных технологий и процессов. Растущая значимость информационно-коммуникационной среды, ее потенциал использования в целях достижения социально-политических целей увеличивает риски антисоциальных процессов в масштабах глобального информационного общества. Тревожные тенденции дисфункционального развития социальной системы стали проявляться еще в 1980-х – 1990-х гг. Так, А.И. Ракитов указывал, что «развитие информационно-компьютерных технологий создает возможности такого вида социально-экономической, политической и духовно-культурной сегрегации, при котором в наиболее развитых информационных обществах сконцентрируется вся или почти вся интеллектуальная индустрия. Они станут источником, хранителем и держателем основных интеллектуальных ре-

сурсов, производителем доминантных информационных технологий, продуцентом основных культурных и социально-гуманитарных потребностей. Остальные же страны мира превратятся в потребителя информационной технологии и информационной продукции, производителя сырья и отдельных видов промышленной продукции» [8].

Исследователи попытались систематизировать отрицательные моменты, связанные с «информационным переделом» мира и ростом социальной значимости информационно-коммуникационных технологий. Т.В. Ершова в этой связи обращает внимание на то, что «в условиях интенсивного использования глобальных сетей возникают новые формы агрессии со стороны наиболее развитых стран в отношении менее развитых, появляется опасность утраты целыми сообществами своей культурной и национальной самобытности, включая самобытность языковую» [9].

Беспокойство вызывает тот факт, что современные информационные технологии помогают возбуждать в других носителях естественного интеллекта страсти, затемняющие разум, искусно составлять рацион информационного питания потребителей, выдавая за факты собственные интерпретации событий. Процессы формирования информационного общества стимулируют осознание еще одной грани проблемы интеллектуального суверенитета, а именно интеллектуального суверенитета страны, народа [2].

Особенно следует обратить внимание на стремительно возрастающую социальную значимость глобальной компьютерной сети Интернет в современном обществе. Научный анализ Интернета со всей очевидностью демонстрирует его диалектическую природу. С одной стороны, глобальная сеть предельно расширяет сферу интеллектуального суверенитета как отдельного пользователя, так и национально-государства; с другой стороны, наблюдается легкость доступа к мировым научно-информационным ресурсам, что обостряет проблему надежности информации и реальных возможностей ее проверки. Представляется возможным констатировать, что глобальное информационное пространство существенно изменило геополитическую ситуацию в глобальном мире начала XXI в. Интернет принес правящим экономическим и политическим элитам реальные возможности осуществлять информационное воздействие на граждан, организации и государство, руководствуясь собственными интересами.

Новый социотехнический и социокультурный облик общества диктует необходимость эффективного использования интеллектуальных ресурсов. Информационное общество порождает проблему интеллектуального суверенитета, особенно на фоне активного развития Интернета. В наиболее развитых информационных обществах концентрируется почти вся интеллектуальная индустрия. Остальные же страны мира становятся потребителями и покупателями информационной продукции [10].

Таким образом, масштабные трансформации социума начала XXI в. привели к существенному переопределению роли информации и информационно-коммуникационных технологий. Однако рост социальной значимости информационной подсистемы актуализировал ряд социальных проблем, одной из которых выступают перспективы сохранения интеллектуального суверенитета в условиях изменений социальной реальности. В новом обществе прежние ценностные, ментальные, мировоззренческие, идеологические основы утрачивают свое значение, на их место приходят иные, неизвестные ранее социокультурные основания. Сейчас на первый план выходит интеллектуальное противоборство между субъектами геополитических интересов, поэтому важное значение приобретают возможности воздействия на сознание больших групп людей (с широким использованием манипулятивных, пропагандистских, агитационных, рекламных и PR-технологий). Информация в современном мире выступает лишь технико-технологическим «фоном», за которым скрывается социокультурное содержание, несущее в себе угрозы национальным культурам, информационным системам, системе масс-медиа, культурному наследию. Именно поэтому для государств, не относящихся к «большой семерке», актуальным становится противостояние мощному информационно-интеллектуальному воздействию и, как следствие, сохранение интеллектуального суверенитета государства.

Информационно-психологические войны, масштабные манипулятивные и пропагандистские кампании, проводимые странами «большой семерки», транснациональными корпорациями и их дочерними структурами, направлены на психо-интеллектуальное воздействие на население ряда развивающихся стран, в том числе и России. В особенно сложном положении оказывается подрастающее поколение, которое в силу своих социально-возрастных и социально-психологических особенностей оказывается легко внушаемой

аудиторией. Попадая под влияние коммуникативных инструментов глобального мира, российская молодежь усваивает жизненно-стилевые, социокультурные стандарты западного мира. Часть из них стремится уехать из России в те страны, которые для них являются своего рода «эталоном», «идеалом». Наша страна теряет часть своей интеллектуальной элиты в результате ее ставшего уже стабильным отъезда на постоянное место работы и жительства в США, страны Евросоюза, другие государства. Именно поэтому в новых условиях весьма актуальной является проблема обеспечения интеллектуального суверенитета государства в «открытом», но не утеревшем свою агрессивность и настойчивость в плане продвижения стандартов массовой культуры потребления,

соответствующего стиля жизни, показного «жизненного успеха», эгоизма и, в конечном счете, доминирования материального мира над духовным глобальном мире. Массированное информационно-коммуникационное воздействие на население нашей страны приводит к утрате исконно русских основ духовной культуры, менталитета. Именно поэтому в изменившихся условиях общества начала XXI в. требуется сосредоточение усилий науки и практики для выработки адекватных механизмов и инструментов защиты интеллектуального суверенитета Российской Федерации. В противном случае экономически развитые страны будут доминировать не только в социальной, экономической, но и в культурной, политической сферах.

1. Глобализация и государственный суверенитет. URL: <http://inwarfare.blogspot.ru/2013/02/globalisatsija.html> (дата обращения: 27.03.2015).

2. Алексеева И.Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/1b9f045b1ae21c9bc3256c4c002fb909> (дата обращения: 23.03.2015).

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Инземцева. М., 1999.

4. Krasner S.D. *Sovereignty organized hypocrisy*. Princeton, New Jersey, 1999.

5. Hasenclever A., Mielebock Th., Schimfelfennig F. *Sovereignty, international democracy and the united nations*. Tubingen, 1996.

6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001.

7. Roberts K., Webster F. *Times of technoculture*. Routledge, 1999.

8. Ракитов А.И. *Философия компьютерной революции*. М., 1991.

9. Ершова Т.В. Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века // *Вестн. РФФИ*. 1999. № 3(17).

10. URL: <http://www.market-journal.com/questionsupravleniya/146.html> (дата обращения: 14.02.2015).

1. *Globalization and state sovereignty*. URL: <http://inwarfare.blogspot.ru/2013/02/globalisatsija.html> (date of access: 27.03.2015).

2. Alexeeva I.Yu. *The intellectual problem of sovereignty in the information society*. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/1b9f045b1ae21c9bc3256c4c002fb909> (date of access: 23.03.2015).

3. Bell D. *The coming post-industrial society. The experience of social fore-casting / transl. from engl. ed. by V.L. Inozemtsev*. Moscow, 1999.

4. Krasner S.D. *Sovereignty organized hypocrisy*. Princeton, New Jersey, 1999.

5. Hasenclever A., Mielebock Th., Schimfelfennig F. *Sovereignty, international democracy and the united nations*. Tubingen, 1996.

6. Wallerstein I. *The analysis of global systems and the situation in the modern world*. Moscow, 2001.

7. Roberts K., Webster F. *Times of technoculture*. Routledge, 1999.

8. Rakitov A.I. *Philosophy of the computer revolution*. Moscow, 1991.

9. Ershova T.V. *Conceptual issues of transition to the information society of the XXI century // Vestnik of Russian Foundation for basic research*. 1999. № 3(17).

10. URL: <http://www.market-journal.com/voprosiupravleniya/146.html> (date of access: 14.02.2015).

Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, профессор

(тел.: +78612583414)

Государственная молодежная политика как инструмент противодействия экстремизму

В статье рассматривается проблема экстремизма в молодежной среде. Одним из инструментов ее преодоления выступает государственная молодежная политика, призванная в тесной связи с правоохранительной и пенитенциарной системами не допустить разрастания экстремистских угроз в современной России.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, преступления экстремистской направленности, государственная молодежная политика, национальная безопасность.

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Professor; tel.: +78612583414.

The state youth policy as an instrument for combating extremism

The article considers the problem of extremism among youth. One of the tools to overcome it is the state youth policy designed in close liaison with law enforcement and prison systems to prevent the proliferation of extremist threats in modern Russia.

Key words: youth, extremism, extremist crimes, national youth policy, national security.

Молодежная среда современной России характеризуется рядом признаков дезорганизации и дисфункциональности. Институциональная дисфункциональность нередко позиционируется как фактор развития экстремистских тенденций [1]. Сложившееся положение детерминировано неустойчивым социальным положением молодежи, противоречивостью ее социально-психологических и социокультурных характеристик. Определяя содержательную суть понятия «молодежь», отметим, что это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации [2, с. 478].

Стоит отметить, что имманентно присущие подрастающему поколению черты создают предпосылки для различного рода социальных отклонений. В частности, молодежная культура – это в основном культура протеста в том или ином аспекте. В изучении молодежного экстремизма неслучайно появляется термин экстремпарантность, позднее применяемый к готовности к совершению экстремальной деятельности вообще [3]. Протест может быть направлен на различные сферы общественной и культурной жизни и быть связан с действием одного, нескольких

факторов или их комплекса. В целях недопущения развития отклонений в молодежной среде государство проводит молодежную политику.

Согласно «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» государственная молодежная политика является системой государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности [4].

Как отмечают исследователи, работа с молодежью – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти всех уровней, научных и образовательных учреждений, ветеранских, молодежных и других общественных и религиозных организаций, творческих союзов, региональных отделений политических партий. Основная задача работы с молодежью – оградить ее от негативного влияния, предложив альтернативные законопослушные молодежные организации. При этом организовать их пропаганду в СМИ, ориентировать на существующие в нашем обществе ценности, какими являются патриотизм, активная правовая гражданская позиция и т.д. [5].

Вместе с тем, проводимые в настоящее время мероприятия государственной молодежной политики не всегда оказываются эффективными, вызывая определенные нарекания у самой молодежи. Так, исследование Института со-

циологии РАН показало, что нынешнюю молодежную политику государства однозначно положительно оценивают лишь 15,3% молодежи, т.е. 5,7 млн человек. Большинство – 41,7% – придерживаются мнения, что в России в интересах молодежи «что-то делается, но это мало заметно». Недовольны результатами нынешней молодежной политики российской власти 32% молодежи (11,8 млн человек), еще 11% затрудняются оценить эффективность такой политики. Эффективность молодежной политики примерно одинаково оценивают представители всех возрастных групп молодежи [6].

Становится очевидным, что в настоящее время в молодежной среде современной России имеет место ряд проблем, связанных как со сбоями в процессах социализации и социального развития, так и обусловленных недостатками в работе государства с молодежью, проблемами в государственной молодежной политике. Усугубляется ситуация и глобальными процессами, накладывающими свой отпечаток на социокультурную ситуацию в стране [7]. Тяжесть и инерционность ситуации, наличие годами не разрешаемых противоречивых ситуаций, а также характерологические особенности подрастающего поколения (иррациональность, повышенная ранимость, максимализм, жажда самоутверждения и самореализации) влекут возрастание риска развития различных форм девиаций, в том числе одной из самых социально опасных – экстремизма.

Исследователи обращают внимание на опасность распространения негативных, разрушительных тенденций в молодежной среде (в том числе, в среде несовершеннолетних). Молодежь – будущее государства. Этот факт неоспорим. Именно молодое поколение, обладающее поистине огромным жизненным потенциалом, во все времена было деятельным творцом развития государства по всем направлениям. В этой связи крайне неблагоприятным представляется то, что данная группа населения подвержена такому негативному фактору, как экстремизм [8].

Экстремизм представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации, включая его крайнюю форму – терроризм. Поэтому в настоящее время противодействие экстремизму как идеологии нетерпимости, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Современный российский экстремизм, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм

и фашизм, отрицая этническое и религиозное многообразие, составляющее важнейший фактор исторического развития России, угрожает безопасности общества (безопасному сосуществованию наций и социальных групп) и государства, нарушает права человека, препятствует достижению гражданского согласия, подрывает устои демократического и правового государства [9].

Одним из инструментов государственного противодействия угрозе экстремизма (в том числе, в молодежной среде) выступает пенитенциарная профилактика. Основная стратегическая задача исправительного учреждения – «оторвать» преступника от условий криминализации, обусловленной его связями с анти-социальным окружением, и организовать исправительное воздействие на данное лицо с целью недопущения совершения им повторного преступления (рецидива) [10].

Как полагают Н.И. Махиборода и А.М. Сысоев, целесообразно планировать профилактическую работу с осужденными к лишению свободы за преступления экстремистской направленности по следующим направлениям:

1) оперативное сопровождение данных лиц, т.к. довольно часто эти осужденные входят, в силу своих уголовно-правовых и психологических характеристик, в группу риска в плане совершения правонарушений в условиях исправительного учреждения;

2) в основе режимного обеспечения должно находиться разделение данной группы осужденных с целью не создавать их скопление в одном исправительном учреждении;

3) правовое воспитание, направленное на осознание степени своей вины перед обществом и устранение дефектов в этой сфере; в условиях мест лишения свободы основным объектом воздействия правовой пропаганды выступает личность;

4) закрепление устойчивых положительных связей с целью создания эффективной базы для воздействия на личность осужденного к лишению свободы за преступления экстремистской направленности [10].

Весьма серьезные проблемы государственные институты испытывают и в процессе определения преступных форм экстремистской деятельности (преступления экстремистской направленности, преступления экстремистского характера и собственно «экстремистские» преступления). Данные формы серьезным образом различаются и, соответственно, предполагают различные формы управленческого реагирования.

Понятием «преступления экстремистской направленности» охватываются все уголовно наказуемые деяния, которые совершаются по любому из названных в законе экстремистских

мотивов. К «преступлениям экстремистского характера» относятся все преступления, совершаемые по любому из экстремистских мотивов, если он в составе того или иного преступления играет роль квалифицирующего признака. Группу «экстремистских преступлений» в узком смысле (или собственно «экстремистских») образуют деяния, в основной состав которых законодатель включил признаки экстремизма в качестве обязательных. К «экстремистским» относятся преступления, при описании которых законодатель определяет их экстремистский характер терминологически либо сущностно (ст. 280, 282–282² УК РФ) [7].

Таким образом, системная организация государственной молодежной политики в аспекте преодоления экстремистских угроз сталкивается с рядом сложностей. Многофакторная система, детерминирующая возникновение

экстремизма в молодежной среде, диктует сложную архитектуру государственной молодежной политики. Данные мероприятия должны охватывать и общий уровень молодежной политики (осуществляемый в отношении всей молодежи в целях профилактики девиаций), и специализированный уровень (оптимизация законодательной базы, коррекция пенитенциарной профилактики). В условиях современной России государству важно также уделить повышенное внимание пропаганде правового сознания и правовой культуры подрастающего поколения, оптимизации процесса воспитания, преодоления кризиса институтов семьи и образования. Только комплексные согласованные действия способны решить проблему экстремизма в молодежной среде либо, по меньшей мере, способствовать развитию позитивных трендов в данной сфере.

1. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 4. С. 38–41.

2. Кон И.С. Молодежь // *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. М., 1986. Т. 16.

3. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. *Экстремпарантность*. Краснодар, 2014.

4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98606> (дата обращения: 31.01.2015).

5. Мишота В.А., Селезнев А.А. К вопросу об экстремистских проявлениях среди молодежи // *Юриспруденция*. 2010. № 3.

6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

7. Нарыков Н.В. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции // *Общество и право*. 2003. № 1. С. 32–35.

8. Попов О.В., Попова О.О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // *Науч. ведомости Белгород. гос. уни-та. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2008. № 3.

9. Мусаелян М.Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Журнал рос. права*. 2009. № 3. С. 18–27.

10. Махиборода Н.И., Сысоев А.М. Особенности профилактической деятельности учреждений и органов исполнения наказаний в системе предупреждения экстремизма // *Государство и право*. 2007. № 12. С. 103–107.

1. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // *Humanitarian, social and economic and social sciences*. 2014. № 4. P. 38–41.

2. Kon I.S. Youth // *The Great Soviet encyclopedia*. 3rd ed. Moscow, 1986. Vol. 16.

3. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. *Extremparativity*. Krasnodar, 2014.

4. The strategy of the state youth policy in the Russian Federation. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98606> (date of access: 31.01.2015).

5. Mishota V.A., Seleznev A.A. To the question of extremist manifestations among youth // *Jurisprudence*. 2010. № 3.

6. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The youth of Russia: sociological portrait. Moscow, 2010.

7. Narykov N.V. Globalization as a source of international conflicts and increased competition // *Society and law*. 2003. № 1. P. 32–35.

8. Popov O.V., Popova O.O. Causes and features of extremism among youth. Countermeasures youth extremism // *Sci. bull. of the Belgorod state university. Ser.: Philosophy. Sociology. Law*. 2008. № 3.

9. Musaelian M.F. Extremism as a threat to national security of the Russian Federation // *Journal of Russian law*. 2009. № 3. P. 18–27.

10. Mahiboroda N.I., Sysoev A.M. Peculiarities of preventive activities of the institutions and agencies of the penal system of preventing extremism // *State and law*. 2007. № 12. P. 103–107.

Важенин Вячеслав Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181919530)

Васильченко Денис Александрович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России
(тел.: +79139702773)

Зуев Евгений Александрович

заместитель начальника ОБОП УУР полиции УМВД России по Омской области
(e-mail: mih_des@mail.ru)

Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России

В статье исследуются условия возникновения в России лиц, занимающих высшее положение в преступной среде. Анализируются особенности формирования института «воров в законе». Изучаются закономерности исторического развития высшего преступного сословия в годы Октябрьской революции и Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: «вор в законе», криминальная среда, криминальное лидерство, преступный авторитет.

V.V. Vazhenin, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181919530;

D.A. Vasilchenlo, Master of Law, Lecturer of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79139702773;

E.A. Zuev, Deputy Head of the Department of Fight Against Organized Crime of Criminal Office of the Department of Internal Affairs of Russia of the Omsk region; e-mail: mih_des@mail.ru

Regularities of formation and development the highest criminal estate in Russia

In the article emergence conditions in Russia of the persons holding the highest position in the criminal environment are investigated. Features of formation of institute of «thieves in law» are analyzed. Regularities of historical development of the highest criminal estate in the years of October revolution and the Great Patriotic War are studied.

Key words: «thief in law», criminal environment, criminal leadership, criminal authority.

Криминальное лидерство представляет собой весьма сложное, многоаспектное явление, неразрывно связанное с самой преступностью. Последняя, несмотря на ее ярко выраженный аморальный, антисоциальный, аморфный, в целом дезорганизованный характер, обладает двумя очень важными качествами, способствующими не только ее существованию, но и развитию, – она постоянна и адаптивна. Постоянство и адаптивность проявляются в способности противостоять мерам, предпринимаемым государством по ее нивелированию, дезактивации, ликвидации, а также в умении подстраиваться под изменяющуюся обстановку, меняя тактику и стратегию выживания. Полагаем, это возможно благодаря кон-

станте преступного мира, его альфе и омеге. Речь идет о преступных лидерах.

Как справедливо отмечает В.М. Анисимков, «современная криминальная среда ... возникла не на голом месте. Преступный мир обладает собственной историей и внутренней логикой развития. Особенно рельефно это проявляется в исправительных учреждениях» [1, с. 96].

Действительно, многие уголовные традиции, в том числе почитание преступных лидеров и соблюдение иерархии, родом из тюрьмы. Именно там в конце XIX в. появились первые представители высшего преступного сословия – «иваны» [2] – авторитеты уголовной среды, тюремные старожилы, главные хранители пенитенциарной субкультуры. Свое название

данная категория преступников получила в связи с тем, что многие из них, постоянно занимаясь бродяжничеством и совершая кражи, грабежи и разбои, в случае задержания полицией называли себя Ивановыми Иванами, чтобы скрыть свои настоящие данные и уйти от ответственности за другие, совершенные ранее преступления. Высший неформальный статус для осужденного присваивали тому, кто заслужил привилегированное место своим поведением и образом жизни. Нередко таких лиц называли «паханами», «сидельцами», а чаще всего «бродягами», поскольку именно бродяжничество было первой школой совершения преступлений (отсюда проистекает тюремная традиция заключенных называть друг друга «бродягами», выказывая тем самым взаимное уважение). Этим же обусловлены и некоторые традиции «воров в законе», связанные с запретом не только жить в роскоши, но и иметь личную собственность.

Утверждая себя в качестве своеобразных «князей» арестантского мира, поддерживая друг друга, «иваны» с выгодой для себя руководили артелью заключенных, занимая наиболее комфортные во всех отношениях места. Правилами криминального элемента в местах лишения свободы предусматривалось преклонение перед «иванами», подчинение им всех других категорий осужденных, обязанность последних покрывать противоправные действия криминальных «авторитетов». Хорошо организованная «бродяжня» располагалась всегда на нарах, а остальные ютились большей частью на голом полу, в грязи, темноте и холоде [1, с. 98–100]. Полагаем, данная расстановка лидерских приоритетов криминальной среды того времени во многом предопределила роль последователей первых уголовных главарей, а также подчиненное восприятие их другими заключенными.

В специальной литературе отмечается, что существенным образом на характеристику преступных лидеров повлияла Октябрьская революция 1917 г., а также последовавшие за ней колоссальные изменения в жизни общества и, естественно, тюрьмы. Профессиональные преступники всех категорий, спекулянты, «классовые враги» значительно изменили и увеличили состав прежнего населения исправительных учреждений. В силу того, что у многих работников тюрем отсутствовало ясное представление о методах работы с правонарушителями (в 20-е гг. лишь менее 40% работников ИТУ имели соответствующее образование [2, с. 24]), обострилось опасное явление – широкое самоуправление заключенных при весьма скромной и ограниченной функции администраций тюрем, сводившейся к внешнему надзору. Стратификация заключенных укреплялась и

расширялась в условиях постоянных конфликтов между уголовными авторитетами прошлого и преступниками «новой формации» [3, с. 84]. На наш взгляд, такая конкурентная борьба значительно укрепила позиции потомственных арестантов, годами занимавших высшее положение в тюремной иерархии, создав тем самым важную с идеологической точки зрения базу для дальнейшего развития криминального лидерства.

Представители воровских «профессий» – карманники, квартирные воры, воры, совершающие кражи на железной дороге, и проч. – были наиболее близки по духу и образу жизни к «иванам», что позволило им объединиться. «Иваны» и «воры» считали себя настоящими преступниками, поскольку их основным занятием являлось воровство, а большую часть жизни они проводили в заключении. Стоит заметить, что в то время между представителями уголовных верхов не возникало, как правило, никаких конфликтов. В соблюдении неформальных правил поведения «иваны» и «воры» считались самыми «чистоплотными» тюремными представителями. Кроме того, они отличались от других заключенных большей выдержкой, артистичностью, изворотливостью, мгновенной сообразительностью. «Воры» составляли в большинстве своем окружение «иванов», постепенно укрепляя свои позиции по мере приобретения тюремного опыта. Стоит обратить внимание на весьма важное обстоятельство: при очевидном доминировании «иванов», обусловленном их безупречным авторитетом среди заключенных, их количество постепенно сокращалось по сравнению с «ворами». В результате в 30-х гг. произошло обновление преступной иерархии и на лидирующие позиции вышли «воры», которые, считая себя потомственными представителями «урок» и наследниками «иванов», строго отделяли себя от остального преступного люда, именуемого «фраерами», т.е. прочими, «не ворами». Понятие «урка» являлось производным от используемой в царской полиции аббревиатуры УРК – уголовно-регистраемый контингент, включавший всех лиц, совершивших уголовные преступления. С нашей точки зрения, тогда же возникла и начала стремительно развиваться идея соблюдения так называемых «воровских законов», основанных на традициях и обычаях прошлого и призванных, как мы полагаем, кастомизировать истинных «воров», не допустить в их ряды посторонних лиц. Поскольку статус «воров» уже тогда был весьма высок и многие арестанты стремились попасть в воровскую элиту, упомянутые «законы» значительно сужали круг претендентов на звание их настоящего блюстителя, потомственного

вора – «вора в законе». Так, наряду с принятыми от «иванов» правилами, обусловленными их бродяжническим образом жизни (запрет иметь семью; промышлять только воровством; не брать в руки оружия и пр.), «ворам» предписывалось не работать, не заниматься общественной деятельностью, не вступать во взаимоотношения с тюремной администрацией, не служить в армии и пр. Таким образом, «воры», с одной стороны, возвеличивались, наделяя себя огромным авторитетом и властью, что было обусловлено в первую очередь желанием обогащения за чужой счет при минимальных затратах сил и времени. С другой стороны, ограничивали численность воровской «элиты», связанной взаимной круговой порукой (по мнению В.И. Монахова, в тот период насчитывалось не более 7% «воров» [4, с. 16]), повышая тем самым ее значимость и исключительность.

Стоит заметить, что авторы не отличаются единодушием в вопросе появления «воров в законе», которые, кстати, так себя никогда не называли, получив такое наименование от сотрудников правоохранительных органов (себя они называли ворами, братьями, людьми, бродягами, законниками). Помимо озвученной выше версии формирования института «воров в законе», некоторые исследователи связывают их появление со сложившейся в стране Советов обстановкой неразберихи, голода, всплеска преступности. В этих условиях опытные взрослые преступники «жиганы» («жиганами» в дореволюционной России называли тюремный «пролетариат», который формировался из неграмотных рабочих, совершивших первые преступления или обвиненных в таковых; после революции вплоть до 30-х гг. XX в. «жиганами» называли любых профессиональных преступников), не имея возможностей получения легального дохода, вовлекали в преступную деятельность малолетних беспризорников («босяков», «шпану»), число которых в тот период резко возросло. Не желая собственноручно совершать имущественные преступления, «жиганы» цинично воспользовались детской наивностью (юношеским максимализмом), убедив их в собственной исключительности, заложив в них стремление к профессиональному «воровскому» росту, основанному на соблюдении определенных правил, за соблюдением которых стояло личное обогащение «жиганов» – наставников. К 30-м гг. «босяки» выросли, заматерели, начав конкурировать с «жиганами», выдвигая своих лидеров. Для закрепления своих позиций были разработаны «воровские правила», о которых упоминалось ранее [5, с. 14–15].

По другой версии, которой придерживаются Б.Ф. Водолазский и Ю.А. Вакутин, «воровская

идея» возникла в переломный для страны Советов период, начиная с 20-х гг., когда в места лишения свободы хлынула масса непролетарских, нетрудовых элементов – представителей «эксплуататорских классов», изолируемых по признаку классовой, сословной принадлежности, для «пролетарского перевоспитания». Данная категория заключенных, считая действия властей в отношении себя явно несправедливыми и не имея возможности защищаться от произвола традиционными легальными способами, в порядке протеста против складывающихся неблагоприятных условий существования создала знаменитый «кодекс тюремной жизни» – «воровской закон», в основу которого были положены формы протеста против властей: не участвовать ни в каких формах общественной деятельности, не трудиться на «пролетарское государство», сохранять чувство собственного достоинства и духовную независимость, никогда не служить и не брать в руки оружие, не вступать ни в какие отношения с администрацией тюрем, жестоко преследовать наушничество, ябедничество. Не видя для себя перспектив возврата к прошлому образу жизни, эти «бывшие» организовались в стойкие преступные микрогруппы со своей субкультурой. Будучи в интеллектуальном развитии на порядок выше массы уголовников, «авторитеты» нового преступного сообщества легко увлекли за собой основную массу заключенных [6, с. 5–19].

Иной точки зрения придерживается А.И. Гуров, по мнению которого «воры» и их «закон» появились во время бурного развития советской лагерной системы, когда уголовники при поддержке НКВД СССР взяли на себя функции управления в условиях несвободы, установили свои правила поведения [7].

Полагаем, достоверность той или иной точки зрения принципиального значения не имеет, важен сам факт возникновения данного явления. Несмотря на некоторые расхождения во взглядах ученых, анализ данного исторического периода становления высшего преступного сословия дает основания выделить ряд общих для всех перечисленных версий позиций. Во-первых, каста «воров в законе» появилась не стихийно, ее возникновению предшествовали многолетние, а возможно, и многовековые процессы стратификации уголовной среды, выделения наиболее сильных и грамотных ее лидеров, что, несомненно, обусловило в дальнейшем колоссальное влияние данных лиц на преступное сообщество. Во-вторых, лица, называвшие себя «ворами», обособились, замкнулись, ограничив тем самым возможности других преступников причаститься к элите, но не утратили возможности управлять преступ-

ными массами, укреплять собственное превосходство над ними. В-третьих, с целью закрепления собственной потомственной «воровской чистоты», а также формирования идейного содержания своей деятельности, правил поведения «ворами» был сформирован собственный кодекс чести, который, наряду с процедурой коронования, несмотря на последующие многократные метаморфозы, является одним из краеугольных камней «воровского» движения.

Не меньший интерес вызывает следующий этап развития рассматриваемого явления, датируемый по разным оценкам специалистов 40–50-ми гг. прошлого века и именуемый «сучьей войной» («сучья война» получила свое название в связи с появлением новой категории «воров», изменивших традициям и обычаям, в тюремной среде их называли «суками» или «ссучившимися ворами»). В течение 1941–1943 гг. в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР и специальными решениями Государственного комитета обороны из мест лишения свободы были досрочно освобождены различные категории заключенных для отправки на фронт (около 35% от общего числа осужденных). В числе специального контингента, мобилизованного в армию, оказалось и немало «воров». Кроме того, в военный период в результате усилившегося давления администрации многие «воры» были вынуждены начать работать, что было обусловлено ужесточением наказания за отказ от работы, который карался ссылкой на север, а систематические отказы – высшей мерой наказания. Все это повлекло разделение высшего преступного сословия на два противоборствующих лагеря: «воров», оставшихся преданными «законам», и «сук», считавших себя по-прежнему «элитой» преступного мира, но в силу сложившихся обстоятельств вынужденных частично нарушить «воровской закон» [8, с. 71–72].

После окончания Великой Отечественной войны большинство оставшихся в живых «сук» вернулись в криминальный мир и тюрьму. В силу того, что в местах лишения свободы по-прежнему оставались истинные «воры», «суки» признавались предателями, после чего следовала жестокая смерть. В результате крайне агрессивных действий «воров», направленных на истребление «сук» и их окружения, последние, объединившись с «польскими ворами» («польскими ворами» называли несколько категорий заключенных: бывших «воров в законе», отправленных на фронт и побывавших в других странах (в том числе в Польше); авторитетных заключенных, этапированных в СССР из тюрем Прибалтийских государств, Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии) [9], стали «развенчивать» «законников», под угрозой орудия заставляя становиться на колени, отка-

зываться от принадлежности к своему сообществу, нередко прибегая к мужеложству. С целью укрепления своих позиций «суки» совместно с «польскими ворами» создали новый «воровской закон», существенно отличавшийся от старого. Например, «авторитетам» мест заключения разрешалось работать в лагерях и тюрьмах старостами, нарядчиками, бригадирами, не запрещалось иметь семьи, не преследовалась прошлая служба в армии [1, с. 129]. Ответной реакцией «воров» стало, напротив, ужесточение правил приема в воровское криминальное сообщество, что выразилось в разрешении убивать лиц, причинивших ущерб преступному миру (ранее это было запрещено). Кроме того, «воры», опять же вопреки «закону», пошли на сближение с «фраерами», которых до недавнего времени считали низшим арестантским сортом, «черным людом».

Важно отметить одно обстоятельство: и те, и другие претендовали на власть, по-прежнему не желая работать, но при этом получать доход за счет других заключенных. Данная позиция, полагаем, существенным образом повлияла на дальнейшее формирование высшего преступного сословия.

Принимая во внимание вышесказанное, следует заключить, что в этот период наметились важные изменения характеристики высшего преступного сословия. Оно не просто поменялось в качественно-количественном отношении, но и существенным образом видоизменилось, грубо нарушив собственные правила, некогда служившие символом «воровского» братства. Полагаем, данное обстоятельство прямо указывает на истинную суть рассматриваемого явления, заключающуюся в стремлении выжить любой ценой, невзирая ни на что.

Думается, предпринятые государством меры (была проведена всесторонняя комплексная работа по нейтрализации негативного влияния авторитетов уголовной среды на остальных заключенных) впервые за всю историю противодействия организованной преступности в целом и ее лидерам в частности привели к конкретным результатам. Так, существенно снизился уровень преступности в исправительно-трудовых учреждениях и лагерях, «воры в законе» вынуждены были перейти от открытой антиобщественной деятельности к скрытой; расширилась сеть нелегальной переписки, «сходки» стали проводиться по правилам строгой конспирации; «коронование» осуществлялось только в тюрьмах. Вновь изменился и «воровской закон», принявший форму чего-то среднего между старым «воровским» и новым «сучьим». Он стал значительно мягче и либеральнее в отношении действующих и вновь принимаемых «воров в законе». Из «старых» устоев неизменным осталось, пожалуй, самое

святое для «воровского» сообщества, то, ради чего, на наш взгляд, возникла сама идея криминального лидерства – сбор «общака» [8, с. 74–75].

Подводя итог, сформулируем основные закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России.

1. Перманентное стремление к власти. С момента своего возникновения лидеры сами наделили себя властью, убедив остальной арестантский мир в собственной исключительности и необходимости. Однако, как отмечалось ранее, в основу их положения заложена корыстная мотивация своего поведения, сопряженная с потребностью расширения сфер своего влияния.

2. Адаптивность и гибкость «воровского закона». Несмотря на то, что эти правила приобрели статус символа «воровского» движения, их содержание кардинальным образом корректировалось с изменением внешних условий существования самих «воров». Имея стабильную тенденцию к смягчению и либеральности, «законы» постепенно утрачивают свое значение, что определенным образом характеризует и их основных блюстителей.

3. Высокий уровень выживаемости. В разные периоды своего развития «воровская» каста не единожды оказывалась на грани исчезновения. Полагаем, ее живучести во многом способствовала названная выше гибкость во взглядах на существующие запреты, что ярко проявилось, например, в вовлечении в свои круги некогда отрицаемых «фраеров» для увеличения числа авторитетов и укрепления своих позиций в тюрьмах.

4. Непрерывность существования и развития с момента зарождения. Данная закономерность находится в прямой зависимости от предыдущей и представляется одним из основополагающих традиционных элементов современной организованной преступности, отражающим ее устойчивый характер, наряду с годами выработанной способностью противостоять мерам, предпринимаемым правоохранительными органами.

5. Постепенное искоренение «воровских» традиций и обычаев. Анализ условий развития высшего криминального лидерства в контексте обозначенных закономерностей позволяет заключить, что сегодня мы наблюдаем стремительный регресс «воровского» движения. Это обусловлено, прежде всего, отмиранием основополагающих традиций ограничительно-фильтрующего значения, а также повсеместной и целенаправленной подменой их «новыми» правилами преимущественно лично-корыстного характера (например, разрешение «коронования» за денежный взнос в «воровской» «общак»).

Названный перечень не отражает всех закономерностей развития криминального лидерства, нами предложены лишь основные, использование которых, на наш взгляд, в преломлении к историческому развитию «воровского» движения может способствовать качественному изменению оперативно-розыскного противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

1. Анисимков В.М. *Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы*. СПб., 2003.

2. Кузьмин С.И. *Политико-правовые основы становления и развития ИТУ*. М., 1988.

3. Гуров А.И. *Криминальный профессионализм и борьба с ним*. М., 1983.

4. Монахов В.И. *Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними: учеб. пособие*. М., 1957.

5. Метелев А.В. *Криминальная субкультура: учеб.-метод. пособие*. Ижевск, 2009.

6. Водолазский Б.Ф., Вакутин Ю.А. *Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы». Прошлое и настоящее: учеб. пособие*. Омск, 1979.

7. Гуров А.И., Щекочихин Ю. Лев прыгнул // *Литературная газ.* 1988. 20 июня.

8. Дубягина О.П. *Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды*. М., 2008.

9. Гуров А.И., Рябинин В.И. *Исповедь «вора в законе»*. М., 1991.

1. Anisimkov V.M. *Russia in the mirror of prison criminal traditions*. St. Petersburg, 2003.

2. Kuzmin S.I. *The political and legal bases of formation and development of correctional labor institutions*. Moscow, 1988.

3. Gurov A.I. *Crime professionalism and the fight against it*. Moscow, 1983.

4. Monahov V.I. *Groupings of thieves-recidivists, and some issues to deal with them: study aid*. Moscow, 1957.

5. Metelev A.V. *Criminal subculture: guidance manual*. Izhevsk, 2009.

6. Vodolazky B.F., Vakutin Yu.A. *Criminal groups, their customs, traditions and «laws». Past and present: study aid*. Omsk, 1979.

7. Gurov A.I., Schekochikhin Yu. Leo jumped // *Literary newsp.* 1988. June 20.

8. Dubyagina O.P. *Criminological characteristics of norms, customs and means of communication of the criminal environment*. Moscow, 2008.

9. Gurov A.I., Ryabinin V.I. *Confessions «thief in law»*. Moscow, 1991.

Завьялова Наталья Юрьевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zavyalovan1@rambler.ru)

Присутствие в правовых отношениях иностранного элемента в виде юридического факта

В статье анализируется иностранный элемент в фактическом составе правоотношения. Автор рассматривает частноправовые и публичные правоотношения, содержащие иностранный элемент, исключительно в виде конкретных жизненных обстоятельств, имеющих место за границей, и приходит к выводу о том, что наличие иностранного элемента в фактическом составе всегда свидетельствует о коллизии регулирования правоотношения.

Ключевые слова: иностранный элемент, правоотношение, юридический факт, механизм правового регулирования.

N.Yu. Zavyalova, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zavyalovan1@rambler.ru

Presence at legal relations of a foreign element in the form of the legal fact

The article is devoted to the analysis of a foreign element in the actual structure of legal relationship. The author in detail analyzes the private-law and public legal relationship containing a foreign element only in the form of the concrete vital circumstances taking place abroad and comes to a conclusion that existence of a foreign element in the actual structure always testifies to a collisions in legal relationship of regulation of legal relationship.

Key words: foreign element, legal relationship, legal fact, mechanism of legal regulation.

Традиционно в отечественной науке различают три вида иностранного элемента, наличие которого свидетельствует о коллизии регулирования правоотношения и необходимости обращения при его регулировании к международному либо иностранному праву: а) иностранный субъект; б) объект, находящийся на территории иностранного государства; в) юридический факт, имеющий место за рубежом. Отмечается, что в конкретном правоотношении подобные варианты могут присутствовать в любых сочетаниях, включая и такие случаи, когда все три изложенных выше схемы воплощаются в одной практической ситуации. Тем не менее, в составе правоотношения достаточно наличия хотя бы одного из указанных элементов, чтобы оно имело международный характер [1, с. 11–12].

Действительно, субъект и объект являются элементами правоотношения, а юридический факт есть предпосылка и условие вступления субъектов в правоотношение.

Проанализируем ситуацию, когда проявлением иностранного элемента в правоотношении является наличие юридического факта, имеющего место за пределами государства, на

территории которого осуществляется правовая связь между субъектами.

Юридические факты представляют собой конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. К таким фактам относятся, например, факт рождения ребенка, нахождения лица на иждивении, владения и пользования имуществом, факт принятия наследства, причинения вреда и т.п. Следует иметь в виду, что не всякий жизненный факт является юридическим. Таковым может считаться только то обстоятельство, которое предусмотрено нормами права. Без наличия же соответствующего правового предписания о том, что то или иное обстоятельство реальной жизни может вызвать определенные правовые последствия, любое движение или развитие правоотношения оказывается невозможным. Изучая юридические факты в гражданском праве, А.Н. Махиева отметила, что «без наличия в законе соответствующего указания на то, что то или иное обстоятельство реальной жизни может вызвать определенные правовые последствия, любое движение или развитие

гражданского правоотношения оказывается невозможным» [2, с. 4]. Можем к этому добавить, что высказанное положение справедливо не только по отношению к гражданскому праву, но может быть отнесено и к любой другой отрасли права. При этом, как представляется, юридическими фактами становятся только обстоятельства, имеющие социальную значимость, т.е. такие, которые влекут появление интересов не только вступающих в отношение лиц, но и интересов общества, государства, иных коллективных субъектов. Кроме того, чтобы быть опосредованным правом, отношение должно входить в сферу правового регулирования.

Признание факта юридически значимым осуществляется путем фиксации того или иного обстоятельства в гипотезе правовой нормы. Остается выяснить, правом какого государства то или иное обстоятельство может быть признано юридическим фактом. Иными словами, в праве какого государства следует искать гипотезу, фиксирующую то или иное обстоятельство (либо совокупность обстоятельств) как основание для перераспределения прав и обязанностей между субъектами. По сути, вопрос сводится к тому, какое государство должно реагировать на социально значимые фактические обстоятельства, признавая их в качестве основания для урегулирования отношения между субъектами, вступающими в социальную связь.

Представляются два возможных варианта: 1) юридический факт имел место на территории того же государства, где реализуется правоотношение; 2) юридический факт произошел на территории другого государства относительно реализуемой правовой связи между субъектами. Обе эти ситуации можно разбить еще на подгруппы в зависимости от того, являются ли стороны иностранными относительно друг друга и находится ли объект правоотношения не в том государстве, где реализуется само правоотношение. Эти случаи нами рассмотрены в других публикациях [3; 4], поэтому, учитывая ограниченный объем настоящей статьи, здесь мы проанализируем только те варианты, когда стороны имеют одну и ту же национальность и предмет их интереса находится в пределах того же государства, где находятся сами стороны.

Итак, начнем с анализа первого случая.

Для этого сначала вспомним, что норма права, предусматривающая регулирование отношений сторон, «оживает», воплощаясь в практику распределения прав и обязательств контрагентов правовой связи, благодаря по-

явлению в реальности всех необходимых для этого юридических фактов, являющихся основанием для включения механизма применяемой правовой нормы. Как справедливо заметил А.З. Долова, «способность вызывать наступление правовых последствий» [5, с. 15] является важнейшим признаком юридического факта.

Однако для того, чтобы норма права сработала, необходимо, как минимум, возникшие или существующие явления правовой действительности квалифицировать как юридические факты. Таким образом, чтобы реализовать ту правовую конструкцию, которая запрограммирована в конкретной правовой норме, следует осуществить определенную правовую деятельность, а именно квалификацию конкретных обстоятельств действительности как юридических фактов, соответствующих правовой модели. Только положительное решение вопроса о квалификации дает основание применить правила нормы права к конкретному отношению между субъектами.

Представляется, что определенное влияние на процесс квалификации оказывают господствующая в обществе идеология, общественное сознание, нравственные ориентиры, достигнутый уровень развития правовой деятельности, иные факторы. А это, в свою очередь, означает, что не всегда одни и те же обстоятельства квалифицируются одинаково, по крайней мере, на территории разных государств отношение к ряду явлений социальной действительности как к юридическим фактам неоднозначно. И действительно, можно привести множество примеров в подтверждение этого положения. Так, одни государства со смертью лица, не имеющего наследников, признают факт появления выморочного имущества, другие – факт появления бесхозного имущества; в одних государствах факт заключения договора ассоциируется с моментом направления оферты, в других – с моментом ее получения.

Далее рассмотрим вариант, когда юридический факт произошел на территории другого государства относительно реализуемой правовой связи между субъектами. Высказанные выше положения дают основание задаться вопросом: может ли государство признавать жизненные обстоятельства, имеющие место за рубежом, в качестве юридических фактов, т.е. таких обстоятельств, которые бы приводили в действие механизм правовой нормы? Не будет ли квалификация социальной действительности иностранным государством означать вторжение в иностранную юрисдикцию? По нашему

мнению, любая юридическая деятельность на территории иностранного государства (а именно таковой, как представляется, следует считать квалификацию конкретных обстоятельств действительности как юридических фактов) должна обсуждаться государствами. Отсюда следует, что иностранный элемент в виде юридического факта, имеющего место за рубежом, всегда вызывает необходимость согласования воли заинтересованных государств.

Теперь второй вариант, т.е. ситуация, когда юридические факты имеют место на территории того же государства, где реализуется правовая связь между сторонами. Зададимся целью определить, могут ли в урегулировании такого правового отношения быть заинтересованы одновременно несколько государств? Напоминаем, мы намеренно условились, что стороны имеют одну и ту же национальность и предмет их интереса находится в пределах того же государства, где находятся сами стороны (чтобы исключить влияние на правовое отношение других проявлений иностранного элемента). При таких условиях иностранный элемент в правоотношении возможен только в случае, если стороны не имеют правовой связи с государством, где реализуется их связь. Регламентация этого правового отношения теоретически может осуществляться или правом государства гражданства сторон, или правом государства, где реализуется правоотношение. Если отношение между субъектами регламентируется не правом того государства, на территории которого реализуется, а правом страны гражданства сторон, то логично напрашивается вопрос: не противоречит ли регулирование такого правоотношения нормами иностранного права принципу государственного суверенитета? Очевидно, что применение иностранного права возможно при условии, что само правоотношение имеет частноправовой характер либо публичный характер, властным субъектом в котором выступает публичное образование (представитель публичного образования), не имеющее отношение к государству, на чьей территории правоотношение будет реализовываться. Отсюда следует, что прежде чем урегулировать правоотношение, которое может быть осуществлено за рубежом, следует убедиться в том, что оно не имеет публичного характера по отношению к государству, где в дальнейшем будет практически воплощаться; в противном случае юридическая конструкция правовой нормы не будет реализовываться, т.к. никто не вправе указывать государству, как оно должно выстраивать свои политические связи

на своей территории с кем бы то ни было, с любыми субъектами права.

Таким образом, если публичное правоотношение, одной из сторон которого является государство (государственные органы, должностные лица, иные структуры, наделенные властью от имени государства), окажется урегулированным иностранным правом, то такое иностранное правило не может быть применено, значит, оно не может иметь юридической силы. Отсюда следует, что независимо от того, на территории какого государства произошли юридические факты, указанные в гипотезе иностранной правовой нормы, она не может быть применена к публичным отношениям, где в качестве стороны-суверена выступает государство (его структуры), на территории которого реализуется правоотношение.

Представляется справедливым и обратное. Если реализуется публичное отношение, то оно должно подчиняться праву государства, которое (или органы которого) выступает в нем сувереном, независимо от того, на чьей территории реализуется это отношение, вне зависимости от того, на чьей территории возникли юридические факты, являющиеся «толчком» к включению действия правового механизма.

Рассмотрим далее регулирование частноправовых правоотношений между субъектами, выстраиваемых «на равных».

Нас интересует все та же ситуация, обозначенная выше: стороны имеют принадлежность одного и того же государства и объект правоотношения находится на той же территории, где реализуется правовое отношение. Возможные варианты:

1) стороны находятся за рубежом по отношению к «своему» государству, а юридический факт произошел не в том государстве, где имела место их правовая связь;

2) стороны находятся на территории «своего» государства, а юридический факт произошел не в том государстве, где имела место их правовая связь;

3) и стороны находятся на территории «своего» государства, и юридический факт имел место в государстве, где реализуется их правовая связь;

4) стороны правоотношения находятся за рубежом по отношению к «своему» государству, при этом юридический факт произошел в том же государстве, где имела место их правовая связь.

Мы не будем анализировать два первых варианта из этого перечня, т.к. выше уже пришли к выводу о том, что необходимость квалифи-

кации обстоятельств, имеющих место за рубежом, выступает поводом для урегулирования интересов разных государств, независимо от того, имеет ли место публичное или частное правовое отношение.

Исключим также третий вариант, поскольку в таком «наборе» исходных условий иностранный элемент не усматривается, а, значит, такое правовое отношение регулируется исключительно нормами внутреннего права.

Проанализируем последний из обозначенных вариантов. Как видим, иностранный элемент в нем присутствует, хотя и не связанный с юридическими фактами, а относящийся к субъектам правового отношения. Нам видится, что при указанных условиях государство гражданства сторон не может не участвовать в регулировании правовой связи между субъектами, поскольку оно обязано в процессе ее реализации, а также после реализации всего правового отношения обеспечить защиту своих граждан, юридических лиц, иных субъектов права от неправомерных действий контрагента.

Итак, вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Если юридический факт произошел за пределами государства, в котором реализуется правовая связь между субъектами, то такое правовое отношение должно подчиняться не только праву страны реализации правоотношения, но и учитывать нормы иностранного и (или) международного права. Поводом к согласованию воли разных государств является необходимость осуществления квалификации конкретных обстоятельств действительности как юридических фактов.

2. Если же юридический факт имел место на территории государства, в котором реализуется правовое отношение, объект правоотношения также не выходит за пределы этого государства, а сами субъекты правоотношения не являются иностранными по отношению друг к другу, то необходимость согласования воли разных государств возникает в том случае, если стороны являются иностранными по отношению к государству, на чьей территории осуществляется взаимодействие между ними, только если отношение имеет частный характер. Если характер отношения публичный, то оно регламентируется исключительно правом того государства, чью национальность имеют стороны.

1. *Международное частное право: учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2004.*

2. Махиева А.Х. *Юридические факты в гражданском праве Кыргызской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2011.*

3. Завьялова Н.Ю. *Влияние иностранного элемента на субъект правоотношений // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 1. С. 13–16.*

4. Завьялова Н.Ю. *Влияние иностранного элемента на объект правоотношений // Право и государство: проблемы методологии, теории, истории: материалы III Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под ред. Е.О. Кубякина. Краснодар, 2013. Ч. 1. С. 275–279.*

5. Долова А.З. *Юридические факты в трудовом праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.*

1. *International private law: textbook / ed. by G.K. Dmitriyeva. Moscow, 2004.*

2. Makhiyeva A.Kh. *The legal facts in civil law of the Kyrgyz Republic: auth. abstr. ... Master of Law. Dushanbe, 2011.*

3. Zavyalova N.Yu. *Influence of a foreign element on subject of legal relationship // Bull. of the Krasnodar university of the Russian MIA. 2013. № 1. P. 13–16.*

4. Zavyalova N.Yu. *Influence of a foreign element on object of legal relationship // Law and state: problems of methodology, theory, history: proc. of the III All-Russian sci. and pract. conf.: in 2 pt. / ed. by E.O. Kubyakin. Krasnodar, 2013. Pt. 1. P. 275–279.*

5. Dolova A.Z. *The legal facts in the labor law: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2009.*

Имаков Таймаз Зайнутдинович
кандидат юридических наук

Яблонский Иван Владимирович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583414)

Теоретико-методологические основы применения мировоззренческого знания в правоохранительной деятельности

В статье анализируется применение мировоззренческого знания в профессиональной деятельности полицейских. Особое внимание уделяется определению степени общественной опасности девиантных идеологий и уровню усвоения их содержания индивидуальным сознанием.

Ключевые слова: мировоззренческая подготовка, фундаменталистское мировоззрение, экстремистское мировоззрение, социально-идеологический анализ, девиантные формы мировоззрения, функции мировоззренческой подготовки.

T.Z. Imakov, Master of Law;

I.V. Yablonsky, Master of History, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Theoretical-methodological bases of application of worldview knowledge in law-enforcement activity

This article analyzes the content of the application of philosophical knowledge in professional work of police officers. Particular attention is paid to the definition of the degree of public danger of deviant ideologies, as well as level of learning their content by individual consciousness.

Key words: ideological training, fundamentalist ideology, extremist ideology, social and ideological analysis, deviant ideology, ideological function of world view training.

В процессе противодействия преступности мировоззренческое знание способно выполнять целый ряд функций. Важнейшими из них следует признать:

образовательную функцию, способствующую формированию у сотрудника целостной духовной культуры;

моральную функцию, позволяющую сотруднику посредством определенного понимания сущности мира и человека осознать социальную и этическую востребованность своей профессии;

психологическую функцию, дающую сотруднику посредством определения смысла жизни устойчивость сознания при решении служебных задач;

коммуникационную функцию, делающую сотрудника способным взаимодействовать с представителями различных социальных слоев и мировоззрений;

методологическую функцию, предлагающую сотруднику методологические приемы и мето-

ды исследования идеологий криминальной и экстремистской направленности;

социально-коррекционную функцию, позволяющую посредством определенной системы аргументов сменить поведение индивида с антиобщественной модели на правовую модель;

следственную функцию, заключающуюся в предоставлении знаний, способных раскрыть преступления, которые имеют мировоззренческие мотивы;

профилактическую функцию, связанную с проведением разъяснительной работы среди различных групп граждан, направленную на ликвидацию мировоззренческих предпосылок проявления ксенофобии, экстремизма и терроризма.

Наличие значительного числа важных функций, выполняемых мировоззренческим знанием по отношению к правоохранительной деятельности, позволяет признать ее значимым элементом профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Наверное, не будет большим преувеличением утверждать, что для профессиональной

подготовки сотрудника полиции методологическая функция мировоззренческого знания имеет наибольшее значение. Во многом это обусловлено тем, что мировоззренческий анализ девиантных идеологий и форм поведения лежит в основании коммуникационной, корректирующей, профилактической и следственной работы сотрудников полиции по противодействию распространению идеологий экстремистской направленности или поддерживающих идеи ксенофобии и криминальной субкультуры.

Необходимость осуществления мировоззренческого анализа той или иной девиантной идеологии проводится с целью решения следующих задач:

- установления характера ее первичной интуиции по отношению к миру в целом и социальному миру в частности;

- определения степени общественной опасности исследуемого мировоззрения;

- фиксации степени разработанности мировоззрения;

- установления степени освоения индивидом девиантной идеологии;

- определения реального и потенциального положения индивида в субкультуре.

Для успешного решения поставленных задач представляется необходимым создание разветвленной системы методов, направленной на исследование девиантных форм мировоззрения. Наиболее перспективными методологическими приемами представляются социально-идеологический и когнитивный анализ фундаменталистских и экстремистских идеологий.

Важнейшей теоретической предпосылкой применения метода социально-идеологического анализа девиантных форм идеологий и субкультур является идеальная модель духовной жизни. Необходимость создания такой модели объясняется тем, что, отклоняясь в своем содержании от нормальных мировоззрений, фундаменталистские и экстремистские мировоззрения имеют примерно ту же структуру. Так, несмотря на всю свою радикальность и в некоторых случаях преступность, они являются хотя и девиантными, но все же формами человеческой духовности. При этом под духовностью следует понимать способность человека подчинять свою психическую энергию и волю решению определенной задачи. Другими словами, духовность есть служение идее, которая далеко не всегда является нравственно оправданной, как, например, «воровская идея» или идея «расовой чистоты нации». Какой бы по содержанию ни была та или иная идеология, она содержит в себе следующие важнейшие

элементы: интуицию, знание, мировоззрение и самосознание. Рассмотрим эти элементы, свойственные как нормальным, так и девиантным формам духовности, более подробно.

Первым элементом духовной жизни следует признать интуицию, которая представляет собой тождество субъекта и объекта [1]. Это означает, что любая нормальная или девиантная форма жизни исходит из определенного самоочевидного представления о внешнем мире и человеке.

Вторым элементом духовной жизни следует признать знание, имеющее объект-объектную структуру. Данная структура знания объясняется тем, что она интересуется объектом как таковым и пытается изобразить его таким, каким он является сам по себе, независимо от сознания. В нормальных формах духа знание представлено в виде системы научных, философских и теологических дисциплин. В экстремистских концепциях в силу доминирования в них аффективного начала система знания представлена в менее рельефном виде, нежели в нормальных формах духа, однако она всегда имеет место в них.

Третий элемент духовной жизни – самосознание, которое предполагает обращенность субъекта на самого себя и имеет субъект- (субъект/объектную) структуру. Другими словами, самосознание – это видение субъектом самого себя в определенной существующей независимо от него социальной роли [1]. Как нормальная, так и девиантная формы духовной жизни в зависимости от усвоения индивидом системы знания и его организационных способностей предлагают различные социальные роли, выстроенные в определенную иерархию. Важнейшими элементами этой иерархии являются: ученик, исполнитель, популяризатор, идеолог и руководитель. В науке роль ученика играет студент, исполнителя – сотрудник научного коллектива или рядовой исследователь, популяризатора – преподаватель вуза, идеолога – основоположник научной школы или направления, руководителя – директор научного института, руководитель научного проекта или научной лаборатории. В религии в качестве ученика выступают: неофиты, семинаристы или студенты медресе; исполнителями являются монастырский послушник, монах, мюрид; роль популяризатора выполняется проповедником; идеолога – теологом; руководителя – настоятелем храма, игуменом, епископом, патриархом, имамом-хатыбом или муфтиями различных регионов. В отличие от многих нормальных форм жизни, в экстремистских организациях социальная иерархия имеет большое значение и в зависимости от задач, стоящих перед

ними, принимает специфические черты. Рядовые члены экстремистских организаций могут быть разделены на «тройки», «пятерки» и т.д., идеолог и руководитель могут не иметь непосредственного контакта с подчиненными, которым они известны только по псевдонимам, а переход из одного статуса в другой является весьма проблематичным. Тем не менее, экстремистские организации, как правило, сохраняют деление на статусы, характерные для нормальных форм духа.

Четвертый элемент духовной жизни мировоззрения имеет субъект-объектную структуру и представляет отрефлексированную форму первичной интуиции, выражая отношение индивида к природно-социальному миру. Мировоззрение включает в себя три основных уровня: мироощущение, миропредставление, миропонимание, в каждой форме духа может быть сделан особый акцент на один из них. Например, искусство делает упор на мироощущение, религия на миропредставление, философия и наука на миропонимание. В экстремистском мировоззрении доминирует мироощущение, при этом оно принимает ярко выраженный негативный характер, окрашенный в цвета агрессии и страха. Все три элемента мировоззрения: субъект, объект и мировоззренческая установка – представляют собой детальную проработку основных элементов интуиции. Так, субъект в мировоззрении представлен в виде определенного идеального типа верующего в религии, мыслителя в философии, ученого в науке. В экстремистском мировоззрении, в котором социальное действие занимает особое положение, субъект предстает в виде борца. Объект также в зависимости от характера духовной жизни может принимать вид природно-социального мира в науке, совокупности онтологических категорий в философии, греховного и грядущего преобразованного мира в религии. В экстремистских идеологиях, за редким исключением, мир оценивается как несовершенный, но в отличие от религиозного сознания они предполагают, что его преобразование в совершенное общество является главной обязанностью человека. Непосредственное переживание мира, характерное для интуиции, занимается в мировоззрении отрефлексированной установкой. В религии она принимает форму поклонения, в философии – осмысления, в науке – объяснения, в экстремистских идеологиях мировоззренческую установку можно определить как социальную агрессию. Последняя имеет как отрицательную, так и положительную (в логическом смысле этого слова) стороны. Отрицательная сторона социальной агрессии заключается в наличии врага, определяемого

как абсолютное зло и подлежащего либо уничтожению, либо социальной изоляции, его роль могут играть различные социальные, этнические группы, расы, политические партии и т.д. Положительная сторона социальной агрессии представлена определенной социальной программой, предлагающей проект преобразования мира, который, как правило, имеет утопический характер и несет на себе отпечаток либо архаизма, либо футуризма.

Предлагаемая идеальная модель духовной жизни при ее наложении на ту или иную девиантную идеологию позволяет установить ее характер и степень разработанности. Характер идеологии определяется путем выявления природы и направленности ее интуиции. Природа или сущность интуиции той или иной девиантной идеологии заключается в редукации реальности к какому либо простейшему основанию: натуралистическому, идеальному, спиритуальному и т.д. Фиксация сущности мира, характерной для исследуемой идеологии, важна тем, что она позволяет определить: во-первых, характер неприятия ею социальной реальности; во-вторых, степень этого неприятия; в-третьих, мировоззренческие системы, которые будут подвергаться с ее стороны наибольшей критике.

Например, идеология салафизма в силу своего религиозного характера исходит из спиритуалистического понимания конечного основания мира, соответственно этому наиболее беспощадной критике с ее стороны будет подвергаться материализм и скептицизм, ставящие под сомнение само существование Бога. Кроме того, фанатизм, добавляемый салафизмом к религиозному поклонению, приводит к отрицанию всех светских форм жизни. Вместе с тем, спиритуализм салафизма не предполагает спиритуализацию человека и мира в целом, это означает, что индивиду и религиозному сообществу следует утверждаться в реальном социальном пространстве, а не отгораживаться от него. В свою очередь, социальное самоутверждение, основанное на религиозном фанатизме, означает борьбу с миром неверных, которая неизбежно приведет к совершению преступлений на почве религиозной ненависти. Таким образом, исходную интуицию салафизма можно определить как спиритуалистический экспансизм. В целом можно утверждать, что точное определение исходной интуиции позволяет выяснить не только криминальность той или иной девиантной идеологии, но и установить вид преступных деяний, к совершению которых склонны представители тех или иных фундаменталистских и экстремистских мировоззрений.

Задача проекции второго элемента идеальной модели духовной жизни на девиант-

ные формы мировоззрения в установлении степени обоснованности и рациональности исследуемой идеологии. Важность решения данной задачи обусловлена тем, что характер и детальность разработки знаний, используемых той или иной девиантной формой мировоззрения, существенным образом связана с постановкой ею социальных задач. Например, большинство молодежных субкультур уделяет внимание знанию определенных направлений поп- и рок-музыки, видам так называемого индустриального искусства, формированию специфической моды и т.д.

Одновременно с этим они демонстрируют отсутствие интереса к социальной реализации, политике, научному познанию и другим формам нормальной общественной и духовной жизни. Отсюда можно сделать вывод об отсутствии интереса большинства молодежных субкультур к изменению сложившегося социального и правового порядка [2]. На фоне этого безразличия молодежные группировки леворадикального (анархисты) и праворадикального (скинхеды) толка проявляют интерес к псевдонаучным (расовая теория) и утопическим концепциям. Этот интерес не является случайным, он свидетельствует о том, что данным субкультурам нужна развитая система знания для того, чтобы обосновать свои претензии на переустройство общества. Чем детальнее будет система знания того или иного девиантного мировоззрения, чем ближе по своему характеру оно будет к нормам нормальной духовной культуры, тем амбициознее будут его социальные планы. Социальная опасность этих амбиций заключается в том, что они, во-первых, реализуются противоправными методами, а во-вторых, основаны на маргинальном знании. В силу данных причин знание девиантных идеологий никогда не приводило к созданию устойчивого и динамически развивающегося общества [3].

Третий элемент идеальной модели духовной жизни – самосознание, спроецированное на девиантную идеологию, позволяет сделать выводы о степени ее готовности выполнять определенные социальные функции, а если точнее – о способности заменить собой государство. Данные возможности самосознания заключаются в том, что оно представлено иерархией социальных ролей. В зависимости от решимости той или иной маргинальной группы захватить власть ее структура принимает максимально приближенную к государству форму. Наверное, самым ярким примером связи социальной структуры экстремистской группы с ее стремлением к политической власти является процесс демонтажа либерально-демократического государства в Германии после прихода

Гитлера к власти. Скорость перехода Германии от демократии к тоталитаризму впечатляет только в том случае, если забыть, что «третий рейх» начал строиться не в 1933, а в 1919 г. Дело заключается в том, что национал-социалистическая партия к 1933 г. представляла собой теневое государство, включающее в себя следующие элементы: правительство (высшее партийное руководство), административные округа (гау), чиновничество (партийные функционеры различного ранга), суд (партийный суд), парламент (партийные съезды), полицию и армию (СА), спецслужбы (СС, СД), профсоюзное движение (трудовой фронт), молодежные организации (гитлерюгенд, союз немецких девушек) и т.д. По этой причине назначение Гитлера канцлером означало не начало построения тоталитарного государства, а его завершение. Данный пример доказывает, что при определенных условиях девиантные идеологии способны создавать достаточно жизнеспособные социальные структуры, которые, с одной стороны, удовлетворяют социально-политические потребности людей во власти, престиже, повышении самооценки, а с другой – в состоянии завоевать и удерживать государственную власть.

Проекция четвертого элемента духовной жизни – мировоззрения позволяет, с одной стороны, представить целостную картину мировосприятия той или иной девиантной идеологии, которая, несмотря на свою важность, часто выпадает из поля зрения сотрудников правоохранительных органов, а с другой – выявить антропологические и социальные причины ее опасности. Каждое девиантное мировоззрение предлагает конкретный искаженный образ человека и мира. В силу данного обстоятельства представляется необходимым зафиксировать образ человека и модель мира, предлагаемую тем или иным фундаменталистским или экстремистским мировоззрением. Например, идеология анархизма исходит из представления о человеке как о животном индивиде, главной потребностью которого является потребность в свободе, которая опять-таки имеет чисто животную природу. В соответствии с этим окружающая социальная реальность, представляющая собой регламентированный строгими правилами мир, оценивается анархизмом как царство несправедливости и насилия над индивидом. Альтернативой этому миру являются различные модели анархистского общества, свободного от эксплуатации и государственного насилия. Предлагаемая схема проста и включает в себя следующие элементы: редукционистское понимание сущности человека и мира; критику реального мира; образ врага, мешающего установлению справедливого со-

циального порядка; утопический проект переустройства общества, стратегию построения нового мира. Проекция данной модели на экстремистскую или фундаменталистскую идеологию позволяет представить ее в целостном виде.

В завершение краткого обзора социально-идеологического анализа девиантных мировоззрений следует подчеркнуть, что его применение представляется наиболее перспективным при исследовании неизвестных ранее фундаменталистских и экстремистских идеологий. Таким образом, данный метод должен служить средством профилактики преступлений экстремистской направленности.

Важность когнитивного анализа в деле противодействия распространению экстремистской идеологии заключается в том, что далеко не все проявления экстремизма имеют устойчивый, сущностный характер. Например, какое-либо антисемитское или ксенофобское высказывание еще не говорит о том, что лицо, его озвучившее, является убежденным сторонником какой-либо экстремистской идеологии. Данная фраза могла быть произнесена под влиянием другого лица или как реакция на какую-либо ситуацию. В связи с этим представляется необходимым установить: является ли то или иное проявление экстремизма проявлением мировоззренческой установки или оно носит ситуативный характер. Выделение понятия «ситуативный экстремизм» связано с определенными закономерностями протекания конфликта. Так, вступая в конфликт, индивид инстинктивно ищет реальной или воображаемой поддержки, и чем глубже конфликт, тем сильнее его стремление заручиться поддержкой как можно большей группы. Поэтому он вспоминает о своей принадлежности к гендерной, социальной, национальной, профессиональной группе. Соответственно этому его противник также может рассматриваться не как отдельная личность, но как представитель

какой-либо «негативной» по своему характеру общности. Таким образом, конфликт представляется одной или обеими сторонами не как личностный, а как социальный.

Несмотря на внешне экстремистский характер, многие конфликты по сути таковыми не являются. Конечно, апелляция к социальной, национальной, расовой или иной принадлежности противной стороны конфликта не возникает на пустом месте, но она еще не свидетельствует о наличии у индивида сформировавшегося экстремистского мировоззрения. Другое дело, что определенные предпосылки у него имеются и могут быть использованы убежденными экстремистами. По этой причине возникает потребность в проведении социально-психологической коррекции мышления и поведения индивида.

Важнейшей теоретико-методологической предпосылкой такой коррекции служит когнитивный анализ девиантного сознания. В свою очередь, его главной целью служит определение степени погруженности индивида в ту или иную экстремистскую идеологию. Реализация данной цели осуществляется путем решения следующих задач: установление степени и характера агрессивности индивида; определение глубины его знаний той или иной экстремистской или фундаменталистской идеологии; подтверждение или опровержение принадлежности его к той или иной экстремистской группе; выявление однозначности негативного отношения к социальной группе, к представителю которой он испытывает ненависть; демонстрация негативных социальных последствий экстремистских высказываний или действий и фиксация реакции на нее. Последовательное осуществление данных действий может оказать существенную помощь в установлении мотивации экстремистского поведения индивида.

1. Самойлов С.Ф. *Философские установки сознания как форма духовной культуры*. Краснодар, 2008.

2. Безюлёва Г.В. *Молодежный экстремизм: предупреждение и профилактика: учеб.-метод. пособие*. М., 2013.

3. Шнейдер Л.Б. *Молодежный экстремизм: сущность, гендерная специфика, противодействие и профилактика*. М., 2014.

1. Samoilov S.F. *Philosophical attitude of consciousness as a form of spiritual culture*. Krasnodar, 2008.

1. Bezyuleva G.V. *Youth extremism: prevention and prophylaxis: guidance manual*. Moscow, 2013.

3. Schneider L.B. *Youth extremism: nature, gender specificity, counteraction and prevention*. Moscow, 2014.

Прохоров Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
 профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
 Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79780281718)

Органы внутренних дел Крымской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 годы)

В статье рассмотрены организация и деятельность органов внутренних дел Крымской АССР в 1939–1945 гг. Освещен комплекс условий и причин, повлиявших на реорганизацию системы ОВД полуострова, их внутреннюю структуру, основные и вспомогательные функциональные обязанности. Определены основные направления работы органов милиции.

Ключевые слова: органы внутренних дел, рабоче-крестьянская милиция, Народный комиссариат внутренних дел, охрана общественного порядка.

V.V. Prochorov, Master of History, Assistant Professor, Professor of the Chair of State and Law Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79780281718.

Interior services of the Crimea ASSR on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945)

The article deals with complex analysis of activity of the departments of Internal Affairs of the Crimean ASSR during 1939–1945 years. The complex of measures, conditions, which influenced the formation during the short period of time of system of the departments of Internal Affairs of the peninsular, their internal structure, the main and subsidiary functional duties are shown.

Key words: departments of Internal Affairs, workers and peasants militia, People's commissariat of Internal Affairs, protection of public order.

Логическим завершением мероприятий по ужесточению карательной политики Советского Союза и организации единой централизованной общесоюзной системы органов рабоче-крестьянской милиции (РКМ) явилось учреждение 10 июля 1934 г. НКВД СССР. Будучи союзно-республиканским наркоматом, НКВД СССР вновь возглавил руководство деятельностью создаваемых народных комиссариатов внутренних дел в союзных и управлений в автономных республиках. Одновременно из ведения республиканских наркоматов изымались некоторые функции, не имевшие прямого отношения к охране общественного порядка (ООП) [1, с. 43].

С ноября 1934 по февраль 1938 г. структуру управления НКВД СССР по Крымской АССР составляли: секретариат, управление РКМ (в свою очередь включавшее отдел уголовного розыска (УР), отдел регулирования уличного движения (ОРУД), отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), особую инспекцию УРКМ, а с 1936 г. и отдел лесной охраны); отдел местами заключения; отдел пожарной охраны, административно-хозяйственный и финансовый отделы [2, с. 292].

Руководителем республиканского УНКВД СССР по Крыму в 1935 г. был назначен майор государственной безопасности (что соответствовало воинскому званию РККА полковник. —

В.П.) Т.И. Лордкипанидзе. Его помощником и одновременно начальником управления РКМ республики стал майор милиции Я.А. Бухбанд.

Летом 1938 г. на сессии Верховного Совета Крыма утверждаются новый состав СНК Крымской АССР. Среди двенадцати наркоматов автономии НКВД республики занимал одно из важнейших мест. В аппарате комиссариата функционировали: Главное управление РКМ (с отделами УР, ОБХСС, ГАИ, паспортно-регистрационным отделом и отделом лесной охраны), отдел актов гражданского состояния, архивный отдел. Обновленный наркомат внутренних дел возглавил кавалер орденов Боевого Красного Знамени и Красной Звезды, член ВКП(б), 40-летний майор государственной безопасности А.И. Михельсон, через год на этом посту его сменил Г.Т. Каранадзе.

Кадровые перестановки не обошли и Главное управление РКМ. В январе 1940 г. на должность начальника управления будет назначен 44-летний кавалер ордена «Знак Почета», член ВКП(б) с 1919 г. Н.Д. Смирнов. В новой должности начальник Главмилиции проработает до весны следующего года. В марте 1941 г. этот пост он уступит своему заместителю — М.С. Казакевичу.

Структура Главного управления милиции (с 25 февраля 1941 г. название «рабоче-крестьянская милиция» будет заменено на «милиция») Крымской республики в предвоен-

ную пору включала: политический отдел, отдел УР, отдел БХСС, отдел службы и боевой подготовки, паспортно-регистрационный отдел, отдел железнодорожной милиции и ГАИ.

Героической страницей в истории крымской милиции является ее участие в Великой Отечественной войне. Начало боевых действий потребовало скорейшего изменения характера и содержания работы всех государственных органов без исключения и в первую очередь правоохранительных. Изменения, произошедшие в структуре НКВД Крымской АССР, в полной мере коснулись и органов милиции полуострова. Стремительно приближающийся театр военных действий потребовал срочной организационно-штатной перестройки на военный лад всех звеньев ОВД республики и других управлений наркомата. С июня 1941 г. обязанности милиции значительно расширились. Теперь на нее стали возлагать не только борьбу с уголовниками, но и борьбу с дезертирами, паникерами, мародерами, вражескими корректировщиками огня, дезорганизаторами тыла [3, с. 160].

Освещая вопросы участия органов крымской милиции в Великой Отечественной войне, необходимо выделить несколько основных направлений их деятельности в военные годы: во-первых, это непосредственное участие в боях с немецко-румынскими оккупантами, во-вторых, охрана прифронтовой полосы, обеспечение ООП, борьба с уголовной преступностью и, наконец, в-третьих, участие в спецоперациях в составе партизанских отрядов. Особо следует отметить самоотверженность крымских милиционеров при обороне Севастополя в 1941–1942 гг.

Несмотря на то, что бои за удержание Крыма как важнейшего стратегического плацдарма южного участка советско-германского фронта длились более 2-х месяцев, к концу октября 1941 г. советскому командованию пришлось смириться с потерей практически всего полуострова и полностью сосредоточиться на обороне г. Севастополя. К ноябрю 1941 г. Севастопольский гарнизон милиции количественно пополнился за счет части центрального аппарата НКВД Крыма и личного состава Евпаторийского, Сакского, Бахчисарайского, Ялтинского и Алуштинского городских и районных управлений милиции [4, с. 71]. Здесь следует отметить, что в рядах защитников города плечом к плечу с сотрудниками крымской милиции воевали милиционеры Николаевской, Одесской и Херсонской областей, эвакуированные на полуостров частями Отдельной Приморской армии.

Пополнение в рядах РКМ позволило сформировать под командованием начальника городского управления, кавалера ордена «Знак Почета» В.И. Бузина сводный отряд севастопольской милиции в количестве 120 человек

и перебросить его на передовой рубеж обороны города. В блокированной военно-морской базе оставшиеся милиционеры не только несли службу по ООП и борьбе с преступностью, но и выполняли много других обязанностей, возникших в связи с военной обстановкой. С ноября 1941 г. и по июль 1942 г. в окруженной крепости все силы милиции вновь возглавлял Н.Д. Смирнов.

С целью ослабления натиска немецко-румынских войск, штурмующих Севастополь, Крымский обком ВКП(б) постановил: усилить разведывательно-диверсионную работу в тыловых районах противника и в первую очередь – на шоссейных и железных дорогах. Для выполнения этих задач осенью 1941 г. из части сотрудников Севастопольского гарнизона милиции был сформирован отряд в количестве 48 человек под командованием бывшего начальника ОБХСС Севастопольского городского управления милиции Н. Кобрин. После перехода линии обороны милиционеры в период проведения оперативных мероприятий тесно взаимодействовали с Ялтинским, Симферопольским и Евпаторийским партизанскими отрядами.

В декабре 1941 – январе 1942 г. работники Севастопольской, Евпаторийской и Сакской милиции принимали активное участие в Керченско-Феодосийском и Евпаторийском десантах [4, с. 183]. Кроме них, в состав десантов входили оперативные группы милиции, укомплектованные сотрудниками, ранее эвакуированными из Крыма в Краснодар. Целью морских десантов было овладение Керченским полуостровом, отвлечение частей 11А генерал-полковника Э. фон Манштейна от Севастополя и создание плацдарма для дальнейшего освобождения Крыма.

Летом 1942 г. из-за ухудшившейся стратегической обстановки Главное управление милиции (ГУМ) НКВД Крыма вынуждено было эвакуироваться из осажденного города на Северный Кавказ и далее в Закавказье.

В апреле 1944 г. после тяжелых боев Советские войска прорвали немецко-фашистские укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке и ворвались на полуостров. Вместе с передовыми армейскими частями 4-го Украинского фронта на крымскую землю вступили оперативные группы ГУМ НКВД Крыма. К концу мая 1944 г. восстановленный и реорганизованный аппарат НКВД Крыма пополнил свою структуру отделом местной противовоздушной обороны, отделом исправительно-трудовых учреждений, отделом по борьбе с детской беспризорностью и бродяжничеством, а управление милиции – оперативным отделом.

Общее руководство НКВД Крымской АССР в этот период осуществлял комиссар государственной безопасности 3 ранга (что соответствовало воинскому званию СА генерал-лейтенанта. – В.П.) Сергиенко.

По мере освобождения населенных пунктов автономии от немецко-румынских оккупантов возобновлялась работа городских управлений и районных отделов внутренних дел. Перед органами милиции Крымской АССР встали первоочередные задачи по дальнейшему укреплению общественного порядка, борьбы с преступностью в республике, ликвидации беспризорности несовершеннолетних. Неоценимую помощь работникам милиции в этом деле оказывали партизанские отряды.

Одними из первых в г. Симферополь 13 апреля 1944 г. вошли партизанские отряды Северного соединения Крыма. В приказе № 1 командира соединения П.Р. Ямпольского указывалось: «Охрана революционного порядка в городе осуществляется партизанами». В связи с этим, руководство партизанским соединением требовало от всех граждан города строжайше соблюдать революционный порядок и оказывать всемерное содействие партизанам в борьбе с мародерами, шпионами и лицами, нарушающими порядок в городе. По этому поводу газета «Красный Крым» 16 апреля 1944 г. писала: «Борьба еще не кончена. Различные провокаторы и темные личности пытаются кое-где забраться в магазин, в склад, на предприятие и поживиться за счет народа. Необходимо немедленно, железной рукой, навести строгий революционный порядок в республике. Всех мародеров, воров, провокаторов и шпионов привлекать к самой строгой ответственности и судить по законам военного времени».

После окончания боевых действий в республике велась активная работа по ликвидации последствий войны. Выполняя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», органы внутренних дел поэтапно возвращались к своим прямым обязанностям, параллельно оказывая всемерное содействие процессу восстановления 149 полностью разрушенных и сожженных городов и сел полуострова.

Сталкиваясь с трудностями острейшей нехватки кадров, органы милиции Крыма в короткое время смогли полностью восстановить все городские и районные управления, организовать охрану предприятий и учреждений, эффективно провести противодиверсионные и противопожарные мероприятия, осуществить сбор военного имущества и снаряжения, брошенного отступающими немецкими и румынскими частями.

Война существенно усложнила деятельность органов милиции по борьбе с уголовной преступностью. Однако в результате улучшения оперативной работы общий процент раскрываемости уголовных преступлений существенно увеличился. Так, в течение апреля – июня 1945 г. только по Ялте и Ялтинскому району было совершено 196 уголовных преступлений, при этом раскрытие составило 65,8%. Примечательно то, что за этот период не было зарегистрировано ни одного убийства и грабежа [5, л. 6]. Борьба с преступностью в период с апреля 1944 г. по июнь 1945 г. осложнялась значительной миграцией населения полуострова. В этих условиях первостепенное значение стали приобретать такие направления деятельности милиции, как охрана прав и законных интересов граждан, борьба со спекуляцией, соблюдение паспортной и разрешительной систем.

Восстановленная довоенная структура органов милиции полуострова эффективно действовала и не менялась вплоть до 30 июня 1945 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР.

Таким образом, на протяжении 1939–1945 гг. в структуре органов милиции Крымской АССР постоянно происходили качественные и количественные изменения, которые проводились с целью поиска лучшего организационного построения ОВД. Проводимая работа способствовала приобретению необходимого опыта в деле организации службы, укрепления ООП на полуострове и улучшения борьбы с преступностью.

1. Воробейкова Т.У. Советская милиция в годы борьбы за социалистическую реконструкцию народного хозяйства (1926–1934 гг.) // Тр. Киев. высш. шк. МВД СССР. 1977. № 11.

2. Прохоров В.В. Милиция Крымской АССР как составная часть ГПУ и НКВД автономии (1930–1941 гг.) // Крым. юрид. вестн. 2010. Вып. 2(9). Ч. 1.

3. Советская милиция: история и современность (1917–1987 гг.). М., 1987.

4. Казакевич М.С. Милиция остается на посту. Симферополь, 1963.

5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р – 4093. Оп. 1. Д. 3.

1. Vorobeykova T.U. Soviet militia during the years of fight for socialist reconstruction of national economy (1926–1934) // Proc. of Kiev higher school of Interior Ministry of the USSR. 1977. № 11.

2. Prochorov V.V. Militia of the Crimean ASSR as a constituent of HPB and PCIA of the autonomy // Crimean law bull. 2010. Iss. 2(9). Pt. 1.

3. Soviet militia: history and contemporary state (1917–1987). Moscow, 1987.

4. Kazakevich M.S. Militia stays on sentry duty. Simferopol, 1963.

5. State Archives of the Republic of Crimea (SARC). F. R – 4093. Inv. 1. R. 3.

Спирин Михаил Юрьевичкандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
международного права
Самарского государственного университета
(e-mail: smy@samaradom.ru)

Дуалистическая природа суверенности правовой системы

В статье предпринимается попытка определить возможность использования термина «суверенность правовой системы» на основе концепций государственного суверенитета и правовой системы общества. Выдвигается идея дуалистической природы суверенности правовой системы при определении ее одновременно как суверенной (государственной, публичной) и как несuverенной (субъективной, частной), затрагивается проблематика «мягкого права», рассматривается соотношение нормативно устанавливаемого государством «hard law» и выраженного в правовых обычаях, позициях высших судов, договорах и юридической доктрине «soft law».

Ключевые слова: правовая система, суверенитет, суверенность правовой системы, суверенное публичное право, несuverенное частное право, «жесткое право», «мягкое право».

M.Yu. Spirin, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, International Law of the Samara State University; e-mail: smy@samaradom.ru

The dualistic nature of legal system's sovereignty

The article attempts to define the term «sovereignty of the legal system» based on the concepts of state's sovereignty and of legal system. The author puts forward the idea of the dualistic nature of legal system's sovereignty, in determining its both sovereign (state, public) legal system and as a non-sovereign (subjective, private) legal system that refers to «soft law» and correlation by the state «hard law» and expressed in legal traditions, positions of higher courts, in treaties and legal doctrine «soft law».

Key words: legal system, sovereignty, sovereignty of legal system, sovereign public law, non-sovereign private law, «hard law», «soft law».

При определении категории «правовая система» с национальной, внутригосударственной точки зрения следует согласиться с мнением И.Н. Сенякина о том, что такая система является предельно широкой, собирательной категорией, отражающей правовую организацию конкретного общества [1, с. 573]. В этом случае при анализе конкретных форм выражения права и механизмов его реализации в общественных отношениях мы определяем каждую правовую систему как динамическое отражение категории «право», которое при этом не заменяет и не подменяет само право как социально-регулятивную ценность [2; 3, с. 67–69; 4, с. 181, 182, 186]. Тем самым теоретическая и прикладная самостоятельность самой категории «правовая система» предоставляет возможность ее внутренним элементам обозначать собой структурные части права соответствующего общества.

Как подчеркивает Н.И. Матузов, правовая система фиксирует конкретную правовую реальность со стороны ее внутренней и внешней организации, структурных элементов, дина-

мического состояния, механизма действия и эффективности [4, с. 185]. Таким образом, правовая система в теории права определяется в качестве завершённой на момент ее анализа реальности социально-правового характера, которая подлежит изучению в качестве многокомпонентного и мультифункционального объекта. Существование и эффективное функционирование правовой системы фактически означает правовую организацию общества, формализацию или материализацию его правовой действительности (правовой жизни) [5].

Употребляя термин «правовая система» в значении национального (территориально ограниченного или внутригосударственного) права, следует внимательно отнестись к выбору подходящей для обозначения ее уникального характера характеристики. Суверенитет как признак верховенства и независимости государственной власти в пределах своих территориальных границ, очевидно, не подходит в полной мере для аналогичного определения так называемой «суверенной правовой системы». В то же время очевидно, что всякая существо-

вавшая в прошлом и действующая в настоящее время территориальная правовая система, публично-правовая часть которой определяется волей соответствующего государственного аппарата, обладает определенными чертами самостоятельности, которую важно учесть и надлежащим образом осмыслить.

Исходя из вышесказанного, необходимо производить логически точное соотношение терминов «суверенность правовой системы» и «суверенность системы законодательства»; в этом случае именно система законодательства, представляющая собой продукт деятельности органов государственной власти, обладает значительно большей степенью суверенности в своем действии в сравнении с правовой системой, которая в значительной мере определяется традиционной структурой и многочисленными терминологическими и формально-юридическими заимствованиями как из древнего права, так и из современных знаковых родовых групп правовых систем («материнских право порядков»).

В современной правовой системе фактически именно публичная составляющая носит суверенный, самоидентификационный характер. Частное же право как в рамках романо-германской традиции, так и в духе «общего права» обладает устойчивой тенденцией к внешнему заимствованию регулятивного материала и более высокой степенью изменчивости под влиянием постоянно модифицирующихся имущественных и личных неимущественных отношений и, следовательно, не может быть охарактеризовано как «суверенное частное право».

Тем самым, говоря о суверенности (суверенном характере) правовой системы, мы можем применить данную характеристику лишь к публичной и объективной составляющей данной системы. В этом случае такое право выступает в качестве имманентно присущего государству, которое, в свою очередь, обладает признаком внутреннего и внешнего суверенитета. Следовательно, если целое является суверенным образованием, то и каждая логическая часть его также суверенна вовне, а значит публичное объективное право как продукт деятельности государства и его неотъемлемая составляющая – право суверенное. В данном значении абсолютно справедлив известный тезис И.Д. Левина – «право как проявление суверенитета государства (национальное право)» [6, с. 53, 103]. Более того, такое право может быть названо неограниченно суверенным правом, что означает «формальную свободу государства устанавливать свое право... и самый порядок установления права» [6, с. 102]. Исходя из того, что суверенитет применительно к публич-

ному аспекту проявления правовой системы, по Георгу Еллинеку, «есть способность исключительного самоопределения» [7, с. 10], можно обозначить сферу и внутреннюю структуру именно публичного права как исключительно суверенную и определяемую в этом аспекте лишь волей конкретного государственного аппарата. Другой вопрос, есть ли смысл в этом случае говорить о самостоятельности такого регулятора, как публичное объективное право, и, более того, возможно то, что мы привыкли обозначать в качестве публичного права, системы публично-правового регулирования, таковым в этом смысле и вовсе не является, а образует лишь установленную организационно структуру закрепленного и поддерживаемого обществом в силу социальной привычки государственного произвола.

В случае с частным субъективным правом мы встречаемся с противоположным явлением, которое вызывает значительные сложности при определении суверенного характера такого права. Носителем частного права выступает индивид, свободная воля которого в силу объективных причин взаимодействует с юридически значимым волеизъявлением многих других окружающих его индивидов и глобально отражается в обобщенной правовой воле общества, проявляемой в сфере имущественных отношений. Следовательно, носителем суверенности частного права в данном случае является даже не само общество как единый субъект, но каждый индивид с присущими ему правовыми притязаниями. Но эти его притязания не суверенны, они перманентно ограничены незримыми и гибкими внешними пределами их осуществления, которые устанавливают другие индивиды с помощью своих субъективных правовых притязаний. Поэтому в области частного субъективного права мы фактически не сможем найти не только единого носителя суверенности, но всякий раз должны иметь в виду принципиальную ограниченность суверенитета правовых возможностей каждого конкретного реального и даже потенциального субъекта правовых отношений. Это обстоятельство в свое время подчеркивал И.Д. Левин, указывая, что «суверенитет не состоит из прав; он является основанием прав, выражая вместе с тем и характер осуществления этих прав» [6, с. 80]. Именно поэтому в рамках частного аспекта права, по сути, нельзя говорить о суверенности правовой системы.

На основании этого складывается достаточно любопытная картина двойственного (дуалистического) характера суверенности права в обществе: система нормативных предписаний, в соответствии с которой взаимодействуют

лица в социуме, является одновременно как суверенной (государственной, публичной), так и несуверенной (субъективной, частной). Попутно возникает вопрос о самой необходимости существования системы частно-правового регулирования как именно суверенного права.

Тем самым становится более определенным известный тезис сравнительно-правовой науки о принципиальном различии уже наднациональных (трансграничных) правовых систем именно по частно-правовым критериям. Фактически национальное публичное право, будучи суверенным и отражая выраженную в нем суверенную волю государства, не может быть адекватным объектом сравнения, во всяком случае для целей создания устойчивой юридической карты мира. В то же время частное право, имея определенный запас «несуверенной» прочности и будучи не столь жестко связанным государственной волей, обычно выступает в качестве основного объекта сравнительно-правовых исследований [8, с. 73].

Наряду с этим можно рассматривать активно обсуждаемую в современной научной литературе теорию «мягкого права» и соотношение выделяемых ее сторонниками двух элементов системы современного правового регулирования: «жесткого» права, нормативно устанавливаемого государством в соответствующих формальных источниках («hard law»), и «мягкого» права, выраженного в правовых обычаях (в том числе обычаях *contra legem*), правовых позициях высших судов, в частно-правовых договорах и юридической доктрине («soft law») [9, с. 86–87, 100, 154–156].

«Размыванию» суверенности правовой системы способствует не только сравнительно-правовой анализ и учение о «мягком праве», но и действие норм международного права, которое фактически является своеобразной «внешней питательной средой» для внутригосударственного правового регулирования. Тем самым сама по себе реализация норм международного права и (тем более) включение общепризнанных принципов и норм этого права в состав национальных правовых систем, определение этого постулата в основных законах современных цивилизованных государств указывает на нечеткое, «расплывчатое» значение суверенности в отношении фактически всего национального (территориально организованного) права (в большей степени – для его частно-правовой стороны).

Элементы так называемого «не-права» («non-law») также усложняют суверенную характеристику правовой системы. Особое значение в этом случае имеет «теневое право», происхождение которого может быть не просто

не связано с регулирующей деятельностью государства, но часто вовсе не сопряжено с ней и являет собой действенную социальную альтернативу регулирования общественных отношений в определенный момент развития конкретного социума. Поскольку правовая система фактически взаимодействует с элементами этого «теневого права» или, по крайней мере, вынуждена считаться с его существованием и изобретать адекватные варианты реакции на его проявление, она становится куда менее суверенной в отличие от допущения полного абстрагирования от альтернативных форм нормативного воздействия на социальное поведение.

В то же время, если согласиться с позицией формального позитивизма и принципиально не обращать внимание на категорию «теневого права», а также на различные инфраправовые явления, можно прийти к противоположному выводу, а именно – к апологии суверенного (государственного) права: «Вне государства нет права... Правила, бывшие не юридическими, с учреждением государственной власти превратились в право» [10, с. 28]. Тем самым можно констатировать стремление таким образом понимаемого позитивного права к суверенности относительно других социальных регуляторов, но в то же время абсолютно полной зависимости от воли государственного аппарата, что делает такое право весьма относительным и глобально (именно в смысле отдельного социального регулятора) несуверенным явлением.

Как признание суверенности правовой системы, так и анализ элементов ее взаимосвязи с другими образцами национального и наднационального права имеют свои положительные и отрицательные последствия.

Признание суверенности правовой системы, по сути, предполагает ее включение в «лоно государственной власти», которая вследствие этого распространяет свой суверенитет не только на общественные отношения, а также права и обязанности лиц в них, но и на легальные средства и способы упорядочения этих отношений. Однако в этом допущении есть известная опасность низведения национального права до уровня сиюминутного инструментального придатка государственного аппарата, что, естественно, значительно снижает как его глобальную культурную ценность, так и реальное регулятивное значение в обществе.

Пресловутое «размывание» суверенности «правовой системы» позволяет осуществлять более гибкую регламентацию различных общественных процессов и одновременно воспринимать право в классическом смысле *ars boni et aequi* не только в пределах территориально организованного общества, но и за его пределами,

на уровне межкультурного взаимодействия. В то же время такое понимание национального права не способствует четкости и логичной определенности профессионального юридического мышления и порождает известные трудности в вопросах реализации и толкования правовых норм.

Традиционным аргументом сторонников уменьшения степени суверенности любой национальной правовой системы является представление существующего территориально организованного права как не вполне самостоятельного явления, возникшего в ходе длительного исторического процесса под влиянием многочисленных рецепций и имплементаций и обозначающего собой в настоящее время один из вариантов (юридический вариант) социальной самоидентификации. В то же время очевидно, что, какими бы схожими не были аккультурационные процессы даже в соседних родственных правовых системах, в итоге они непременно приведут к определенным терминологическим, структурным и содержательным отличиям. Рецепция римского частного права (как первичная, в эпоху Средневековья, так и вторичная, в XIX–XX вв.) в этом случае является наиболее характерным примером такой ситуации для многих стран мира и их современных правовых систем.

Итогом наших размышлений о значении категории «суверенитет» («суверенность») для отдельной национальной правовой системы может быть вывод о принципиальном влиянии на территориально-государственное нормативное регулирование объективного процесса глобализации в современном правовом воздействии в целом. Данную тенденцию стоит рассматривать не только в рамках сугубо юридических явлений, которые имеют тенденцию к сближению, но, в более общем смысле, в пределах всех реально существующих культурных процессов, протекающих в жизни человечества. Изменение информационной среды, развитие английского юридического языка как новой *lingua franca* юриспруденции, ускорение многих формально-юридических процессов, которое одновременно находит свое отражение в текущем правовом регулировании – все это способствует пониманию по сути любого национально организованного права не как отдельно существующего и суверенного, а как несколько обособленного, но, в то же время, связанного невидимыми логическими и цивилизационными нитями с существующим общечеловеческим правовым пространством (глобальным правопорядком).

1. *Общая теория государства и права. Акад. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд. М., 2010. Т. 2.*

2. Алексеев С.С. *Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1.*

3. Алексеев С.С. *Общая теория права. 2-е изд. М., 2008.*

4. *Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 3-е изд. М., 2012.*

5. *Правовая жизнь в современной России. Теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2005.*

6. Левин И.Д. *Суверенитет. СПб., 2003.*

7. Хвостов В.М. *Общая теория права: элементарный очерк. 5-е изд. М., 2011.*

8. Цвайгерт К., Кётц Х. *Сравнительное частное право: пер. с нем. М., 2010.*

9. Демин А.В. *«Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М.*

10. Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве: лекции. 2-е изд. М., 2015.*

1. *General theory of state and law. Acad. course: in 3 vol. / ed. by M.N. Marchenko. 3rd ed. Moscow, 2010. Vol. 2.*

2. Alexeev S.S. *Law and legal system // Jurisprudence. 1980. № 1.*

3. Alexeev S.S. *General theory of law. 2nd ed. Moscow, 2008.*

4. *Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matusov and A.V. Malko. 3rd ed. Moscow, 2012.*

5. *Legal life in modern Russia. Theoretical and methodological aspects / ed. by N.I. Matusov and A.V. Malko. Saratov, 2005.*

6. Levin I.D. *Sovereignty. St. Petersburg, 2003.*

7. Khvostov W.M. *General theory of law: elementary sketch. 5th ed. Moscow, 2011.*

8. Zweigert K., Kötz H. *Comparative private law: transl. from German. Moscow, 2010.*

9. Demin A.V. *«Soft law» in an era of change: experience of comparative study. Moscow.*

10. Shershenevich G.F. *General theory of law and state: lectures. 2nd ed. Moscow, 2015.*

Архиреева Анастасия Сергеевна
 преподаватель кафедры теории и истории государства и права
 Кубанского государственного аграрного университета
 (тел.: +79181293444)

Нормативное обеспечение правового положения государственных служащих гражданского ведомства в Российской империи в XIX веке

В статье рассматриваются некоторые особенности нормативного регулирования правового положения государственных служащих гражданского ведомства в XIX в. Автор отмечает, что правовой статус государственного служащего является основной составной частью системы правового обеспечения государственной службы, исследует теоретические подходы к пониманию такой категории права, как «правовой статус».

Ключевые слова: правовой статус, государственный служащий, права государственных служащих, обязанности государственных служащих.

A.S. Arkhireeva, Lecturer of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79181293444.

Standard providing the legal status of public servants of civil department in the Russian empire in the XIX century

In the article some features of standard regulation of a legal status of public servants of civil department in the XIX century are considered. The author notes that legal status of the public servant is the main component of system of legal support of public service, theoretical approaches to understanding of such category of law as «legal status» are investigated.

Key words: legal status, civil servant, rights of civil servants, duties of public servants.

На разных этапах становления и развития института отечественной государственной службы правовой статус государственного служащего всегда выступал как центральный элемент, т.к. все остальные элементы призваны выполнять обслуживающую функцию государственной службы в целом и непосредственно государственных служащих. Иные элементы правового института государственной службы уточняют, конкретизируют правовой статус государственного служащего, позволяют в наибольшей степени реализовать его потенциал, сущность.

В целом ряде европейских государств обеспечено законодательное закрепление на конституционном уровне статуса государственных служащих. Например, во Франции, Федеративной Республике Германия и других действуют нормативные правовые акты, устанавливающие статус государственных служащих с учетом особенностей в зависимости от сферы реализации их полномочий. При этом в литературе актуализируется точка зрения, согласно которой совокупность норм, регулирующих деятельность органов государственного управления, в том числе устанавливающих статус государственных служащих, следует обозначать

термином «бюрократическое право» или «чиновное право» [1, с. 50].

Правовой статус государственного служащего является основной составной частью системы правового обеспечения государственной службы, поэтому «методологически важно выяснить сущность научно-правовой категории «правовое обеспечение» в соотношении с понятием «правовое регулирование»» [1, с. 54].

Указанные правовые категории, на первый взгляд, не представляются различными, однако, как справедливо отмечает В.А. Козбаненко, именно через взаимодействие правового обеспечения и правового регулирования достигается оптимальное юридическое закрепление и претворение в жизнь требований и предписаний правовых норм [1, с. 54].

Научно-юридическую категорию «правовое обеспечение» можно рассматривать как в широком, так и в узком понимании.

С позиции исследования в широком смысле правовое обеспечение включает в себя комплекс социально-правовых элементов, а также процедуры выработки и использования юридически значимых мер в непосредственной деятельности субъектов права. Ключевыми элементами правового обеспечения являются:

а) создание целостной системы норм права, отвечающей актуальным потребностям общества и государства, т.е. правотворчество;

б) формирование у граждан правового сознания и правовой культуры, посредством которых обеспечивается достижение целей правотворчества;

в) деятельность по контролю и надзору за соблюдением осуществления правового обеспечения и др. [2, с. 37].

В узком значении суть правового обеспечения сводится к наличию системы нормативных правовых актов, обеспечивающих установление организации и деятельности тех или иных категорий субъектов права. При этом, используя узкий подход к определению правового обеспечения, можно сделать вывод о схожести с определением «правовое регулирование».

Термин «правовое регулирование» означает юридическую функцию, реализуемую «в процессе воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм». Главной целью правового регулирования является установление режима законности и правопорядка в той или иной сфере общественной жизни, закрепление меры должного и возможного поведения субъектов правовых отношений.

Правовое регулирование – упорядочивание общественных отношений, представляющее собой сложный процесс, имеющий свою внутреннюю структуру, методы реализации [3, с. 39].

Исследовав юридическую природу понятий «правовое обеспечение» и «правовое регулирование», рассмотрим более подробно значение понятия «статус».

Сам термин «статус» происходит от латинского слова «status» и означает положение, состояние [4].

Современные научные подходы к определению правовой категории «статус» характеризуются достаточной многоаспектностью, единство мнений по данному вопросу отсутствует, что позволяет сделать вывод о сложной, многокомпонентной системе элементов статуса государственных служащих.

Как отмечает профессор Е.В. Охотский, правовой статус является комплексной, качественной характеристикой правового положения государственных служащих как особой категории субъектов права, отличающихся от правового статуса иных субъектов права наличием многочисленных параметров и показателей [5, с. 17].

Мы не разделяем позиции Н.В. Гуцовой, полагающей, что статус государственных служащих характеризуется наличием признаков, в качестве которых выступают права, обязанности, должности, чины, правоограничения и ответственность [6, с. 71]. Думается, что будет более правильным говорить о наличии эле-

ментов правового статуса, которые выступают «кирпичиками» в формировании целостного правового закрепления положения государственных служащих как субъектов права.

Проанализировав законодательство Российской империи, мы пришли к выводу, что на нормативном уровне отсутствовал единый акт, обеспечивающий комплексное, полное закрепление правового положения (статуса) государственных служащих.

В основе характеристики нормативного регулирования правового статуса государственных служащих лежали должности, подразделяемые на две достаточно большие категории: должности, состоящие в сфере государственной службы, и должности, не входящие в сферу государственной службы [7, с. 78].

Актуальным являлся вопрос о моменте приобретения статуса государственного служащего. Законодательство Российской империи данный аспект не всегда решало ясно и определенно.

Полагаем, что частное лицо приобретает статус государственного служащего с момента издания приказа, в соответствии с которым лицо призывалось к исполнению служебных обязанностей, т.е. с момента, когда государственный служащий наделялся соответствующими правами и обязанностями и в случае нарушения которых мог быть привлечен к юридической ответственности.

Однако в литературе отмечалось, что вступление на службу не совпадает с моментом определения к должности. Так, А.Д. Градовский полагал, что это объясняется отсутствием точного определения должности в законодательстве, а также наличием класса канцелярских служащих, не имеющих никакой должности [8, с. 54–55]. Мы не разделяем данной позиции, поскольку правовое оформление служебных (должностных) правоотношений имело место исходя из содержания целого ряда нормативно-правовых актов. Так, нормы Устава о службе [9] устанавливали, что каждый орган государственной власти имел свой собственный перечень должностей.

Помимо общих требований, предъявляемых к кандидатам на должность государственного служащего, кандидаты на должность, где требовались специальные познания, подвергались особому испытанию на должность [10]. При получении положительного результата кандидат принимался на службу с испытательным сроком, не превышающим четыре месяца (в соответствии с требованиями положения Комитета Министров 1853 г. «О сроке для испытания способностей чиновников при принятии их на службу») [11].

Отметим, что законодательство о правовом статусе государственных служащих характе-

ризовалось определенными противоречиями. Так, лица, ранее проходившие военную службу, могли быть приняты на должности гражданского ведомства [12]. Подобная практика шла вразрез с предписаниями Устава о службе, согласно которому существовало ограничение по поступлению на государственную службу, а именно, допускалось принятие на службу на должности первых трех классов по назначению императора на должности полицмейстеров, на должности чиновников особых поручений и некоторые другие.

Неотъемлемым признаком должностей государственной службы выступал институт присяги. Анализ служебного дореволюционного законодательства показал, что практика принесения присяги «на верность Государственной службе» применялась еще с начала XVIII в., когда была утверждена унифицированная форма присяги.

С течением времени институт присяги приобрел новую форму и был установлен в качестве обязанности. Присягу приносили служащие Сената, коллегий, губернаторы, представители судебной власти и некоторые другие категории служащих.

При этом согласно Указу от 21 октября 1857 г. государственные служащие были обязаны принести присягу и при продвижении по службе [13].

В связи с тем, что институт принесения присяги был возведен в ранг обязанностей государственного служащего, за неисполнение данной обязанности служащего привлекали к ответственности (за указанное нарушение на виновное лицо возлагался такой вид наказания, как вычет из жалования). По правилам ст. 383 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, если государственный служащий приступил к исполнению своих служебных (должностных) обязанностей без принесения присяги и совершал преступное деяние, то виновное лицо подвергалось высшей мере наказания.

В целях наиболее полного исследования правовой природы статуса государственных служащих рассмотрим некоторые особенности нормативного регулирования института чиновничества.

Еще в Московской Руси понятием «чин» называли как должности, так и собственно чины. Позднее начала проследиваться тенденция к использованию понятий «должность» и «чин» самостоятельно, да и чинам уделялось особое внимание представителями верховной власти [14, с. 166].

В Российской империи чины играли значительную роль. Данная тенденция проследивалась как во властной среде, так и среди населения. Получить чин стремились все, поскольку от этого зависело дальнейшее продвижение по службе.

Легальное определение понятия «чин» в законодательстве отсутствовало. Б.Н. Чиче-

рин под чином понимал «служебную степень, присвоенную лицу». Советские ученые также предлагали свое видение категории «чин» – почетное обозначение положения лица, которому чин присвоен согласно служебной иерархии, сопряженное с приобретением особого правового статуса [15, с. 17].

Табель о рангах подразделял все чины на 14 классов. Служащий, получая определенный чин, наделялся соответствующими правами, обязанностями, преимуществами.

Присвоение чина зависело от образования соискателя. Так, соискатели, имевшие ученую степень студента, утверждались в чине XII класса, кандидата – X класса, магистра – IX класса, доктора – VIII класса.

Канцелярские служащие получали чины в зависимости от происхождения и образования [16]. Однако в конце XIX в. правила поступления на службу были упрощены, единственным требованием для соискателя должности канцелярского служащего являлось образование.

Если у соискателя не имелось аттестата об успешном окончании учебного заведения, то законодательство предусматривало такой способ получения чина, как испытание (испытательный срок).

Проведение испытания осуществлялось согласно Правилам, утверждаемым министром народного просвещения либо иными профильными министрами по согласованию с министром народного просвещения.

Например, согласно Правилам для испытательных комитетов и учебных заведений Министерства народного просвещения о порядке испытания на первый классный чин лица, состоявшие на должностях гражданской службы и изъявившие инициативу пройти испытания для получения первого классного чина, обращались с письменным прошением к своему непосредственному руководству.

Успешно пройдя испытание и получив первый классный чин, служащий дальнейшее продвижение по службе осуществлял по выслуге лет (за усердную или отличную службу).

Главным принципом производства в чины являлась постепенность, т.е. нужно было пройти всю иерархическую ступень чинов, таким образом, по общему правилу не допускалось получить более высокий чин, пропустив промежуточный чин. Под это правило не подпадали судьи, губернские и уездные предводители дворянства [17].

За ненадлежащее присвоение классного чина виновное лицо подлежало наказанию, установленному Уложением о наказаниях уголовных и исправительных. Также ответственности подлежали лица, которым был присвоен чин по подложным документам. Лицо, совершившее по-

добное деяние впервые, подлежало наказанию в виде денежного взыскания до 200 рублей. При совершении подобного деяния повторно – до 500 рублей, а в третий и последующий разы – арест на срок от трех недель до трех месяцев с обязательной публикацией об этом в ведомостях Москвы и Санкт-Петербурга [18, с. 810–811].

Правовой статус государственного служащего – сфера реализации прав и обязанностей, законных интересов, юридической ответственности, гарантий [19, с. 67].

Права являются основным, базовым элементом правового статуса государственного служащего, представляющим собой условия, способствующие качественному, своевременному, успешному исполнению служебных обязанностей.

Права государственных служащих в Российской империи можно условно подразделить на две большие категории:

общие права государственных служащих, касающиеся исполнения непосредственных полномочий государственного служащего, например право на доступ к сведениям, составляющим служебную тайну; право ознакомления с материалами рассматриваемого дела; принятие процедурных решений по вопросам соответствующей компетенции и др.;

специальные права государственных служащих, связанные с обеспечением права на достойную жизнь, материальное обеспечение. Полагаем, что данные права тесно связаны с институтом гарантий государственных служащих.

При этом следует учитывать, что все элементы правового статуса государственных служащих тесно связаны между собой. Рассматривать ни один элемент правового статуса изолированно нельзя. Представляется, что единственным верным является путь рассмотрения всех элементов в системе, тесной взаимобусловленности, единстве.

Основополагающим правом государственных служащих в Российской империи являлось осуществление предоставленной им «доли государственной власти» [20, с. 282, 286].

К числу специальных прав следует отнести право на денежное содержание; право на почетные преимущества; право на обеспечение чиновника после прохождения службы; право на пенсионное обеспечение.

Отметим, что Н.М. Коркунов и Н.И. Лазаревский относили право на получение пенсии и обеспечение после прохождения службы к категории общих обязанностей.

Лицо, состоящее на службе, получало соответствующее содержание, включающее в себя: жалование; столовые деньги; деньги, выдаваемые для оплаты за жилье, в котором проживал служащий; квартиры в натуре согласно ст. 541 Устава о службе.

Содержание – это совокупность видов денежных выплат и иных мер обеспечения, вы-

плачиваемых из средств государственной казны или иных видов источников.

Позднее, по закону от 9 июня 1873 г. «О вычетах при увеличении содержания состоящим на государственной службе лицам», содержание подразделялось на несколько видов: жалование; столовые деньги; квартирные деньги по штатам и особым назначениям; денежные аренды; пенсии; иные виды добавочного содержания.

Данный перечень видов содержания является открытым. При этом к их числу не относились временные выплаты.

Жалование – основной вид содержания служащего. Следует подчеркнуть, что законодательство не давало толкования понятия «жалование». В связи с этим представители административно-правовой науки предлагали свои подходы к определению данного понятия. С точки зрения Н.М. Коркунова, жалование является не платой, а условием деятельности государственных служащих, нацеленным на выполнение служащими своих должностных обязанностей [20, с. 286–287].

Стимулирование правомерного поведения, безупречной службы должностных лиц осуществлялось через институт поощрения.

Однако говорить о систематическом применении стимулирующего воздействия на государственных служащих не приходится. Сам размер жалования львиной доли служащих был не высок, было сильно распространено лихоимство и иные коррупционные проявления. Об этом пишет Н.Ф. Дубровин, который отмечал, что «...гражданский губернатор получает гораздо менее жалованья, чем вице-губернатор, заведующий в губернии казенными интересами и губернатору подчиненный. Управляющий винною продажей в уезде один получает более жалованья, чем все вместе чиновники целого уезда. Исправник имеет 200 руб. в год, уездный судья – 250 руб., а чиновник особых поручений при вице-губернаторе или ревизор кабаков получает 1600 руб. жалованья и 1500 руб. на разъезды. Все чиновники гражданских судов, несмотря на большие занятия, имеют жалованья менее чем чиновники казенных палат» [21, с. 61].

Таким образом, служебное законодательство в Российской империи детально регламентировало особенности правового статуса государственных служащих. Нормодателями подготовлен массивный пласт правовых актов, который в дальнейшем был усовершенствован и, по сути, в измененной форме нашел свое отражение и в советский период развития института государственной службы, несмотря на то, что в результате революции 1917 г. все нормативные правовые акты были отменены.

1. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Зубарев С.М. Проблемы правового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Преступление и наказание. 1999. № 2.
3. Галаган И.А. О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. тр. Вып. 4: Право и политика: современные проблемы соотношения и развития. Воронеж, 1996.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
5. Охотский Е.В. Правовой статус государственного служащего Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 9.
6. Гущева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
7. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому дореволюционному праву. Т. 2: Административное право. Ч. 1: Органы управления. СПб., 1910.
8. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. М., 2006.
9. Там же. Т. XV. № 13361.
10. Там же. Т. XXVI. Отд. 1. № 49551.
11. Там же. Т. XXVIII. № 27019.
12. Там же. Т. XXVI. Отд. 1. № 50585.
13. Там же. Т. XXV. № 24686.
14. Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. СПб., 1898.
15. Шепелев Л.Е. Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.
16. ПСЗ. II. Т. IX. Отд. 1. № 7224.
17. СЗ РИ. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1896. Ст. 250; Судебные уставы 1864 г. Учреждение Судебных установлений. М., 1870. Ст. 241.
18. СЗ РИ. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1896. Ст. 520; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1912.
19. Черемухина Ю.А. Административно-правовой статус несовершеннолетних как объекта административной опеки. Воронеж, 2004.
20. Коркунов Н.М. Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1893. Т. 1.
21. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская Старина. 1899. Т. 98. Кн. 4.
1. Kozbanenko V.A. Legal support of the status of the public civil servants (theoretical and administrative aspects): diss. ... Master of Law. Moscow, 2003.
2. Zubarev S.M. Problems of legal support of criminal and executive system // Crime and punishment. 1999. № 2.
3. Galagan I.A. About the nature of legal regulation. Political aspects. Problems. Possible decisions // Legal science and reform of legal education: coll of sci. papers. Iss. 4: Law and policy: modern problems of a ratio and development. Voronezh, 1996.
4. Soviet encyclopedic dictionary. Moscow, 1987.
5. Okhotsky E.V. Legal status of the public servant of the Russian Federation // State and law. 2003. № 9.
6. Gushcheva N.V. Responsibility of officials for official offenses and crimes under the Russian pre-revolutionary legislation in the XIX – the beginning of the XX century: diss. ... Master of Law. Nizhny Novgorod, 2006.
7. Lazarevsky N.I. Lectures on the Russian pre-revolutionary law. Vol. 2: Administrative law. Pt. 1: Governing bodies. St. Petersburg, 1910.
8. Gradovsky A.D. Beginnings of the Russian state law: in 2 vol. Moscow, 2006.
9. Complete coll. of laws. II. Т. XV. № 13361.
10. Ibid. Т. XXVI. Otd. 1. № 49551.
11. Ibid. II. Т. XXVIII. № 27019.
12. Ibid. Т. XXVI. Otd. 1. № 50585.
13. Ibid. Т. XXV. № 24686.
14. Pavlov-Silvansky N. Monarchic servant people. St. Petersburg, 1898. P. 166.
15. Shepelev L.E. Canceled by history ranks, ranks and titles in the Russian Empire. Leningrad, 1977.
16. Complete coll. of laws. Т. IX. Otd. 1. № 7224.
17. Coll. of laws of the Russian empire. Vol. 3. B. 1. St. Petersburg, 1896. Art. 250; Judicial charters of 1864. Establishment of Judicial Establishments. Moscow, 1870. Art. 241.
18. Coll. of laws of the Russian empire. Vol. 3. B. 1. St. Petersburg, 1896. Art. 520; The Code about punishments criminal and corrective of 1885. St. Petersburg, 1912.
19. Cheremukhina Yu.A. Administrative legal status of minors as object of administrative guardianship. Voronezh, 2004.
20. Korkunov N.M. Russian state law: in 2 vol. St. Petersburg, 1893. Vol. 1.
21. Dubrovin N.F. Russian life at the beginning of the XIX century // Russian Old times. 1899. Vol. 98. B. 4.

Луков Михаил Геннадьевич

преподаватель кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612581426)

Подерёга Сергей Владимирович

адъюнкт кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Деятельность местных Советов в социальной сфере в период действия Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты деятельности местных Советов в социальной сфере в период действия Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г.

Ключевые слова: исполнительные комитеты, местные Советы, медицина, образование, культурная работа, социально-трудовое обеспечение.

M.G. Lukov, Lecturer of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426;

S.V. Poderega, Adjunct of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Activity of local Councils in the social sphere during action of the Constitution of the USSR of 1936 and the Constitution of RSFSR of 1937

The article discusses the legal aspects of the activities of the local Councils in the social sphere during the period of validity of the Constitution of the USSR of 1936 and the Constitution of the RSFSR of 1937.

Key words: executive committees, local Councils, healthcare, education, cultural work, social and labor welfare.

В период с 1936 по 1942 г. для местных Советов депутатов трудящихся приоритетными направлениями деятельности являлось развитие промышленности и сельского хозяйства, а социальная сфера соответственно, таковой не была. Однако это не значит, что местные Советы занимались только промышленностью и сельским хозяйством, немалое внимание уделялось медицине, образованию, культурной работе, вопросам социально-трудового обеспечения советских граждан, но все же они не находились на первом плане. Такой подход в определенной степени определялся конституционными нормами. Так, согласно ст. 79 Конституции РСФСР 1937 г. «Советы депутатов трудящихся (края, области, округа, района, города, поселка, села) руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления,

обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности страны, обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан». Социальная составляющая в этом акте не была закреплена, что отражало общий вектор внутренней политики Советского государства того времени – развитие экономики, обороны страны. И в целом внутренняя политика была подчинена внешней политике, в рамках которой СССР утверждался на международной арене, усиливал свое влияние в мире, что было возможным прежде всего при сильной экономике.

Учитывая, что в настоящее время социальный фактор в России чрезвычайно важен, целесообразно рассмотреть его в период действия новых конституций довоенного периода советской истории. В этом смысле следует заметить, что согласно третьему пятилетнему плану развития народного хозяйства в СССР предусматривалось значительное расширение

объема медицинских, санитарно-профилактических мероприятий и мероприятий по охране труда, при этом, в частности, затраты на здравоохранение предполагалось увеличить с 10,3 млрд рублей (1937 г.) до 16,5 млрд (1942 г.) [1, с. 213]. К тому времени в рамках конституционной реформы и серьезного изменения стиля партийного руководства Советами полномочия местных представительных и исполнительных органов в этой сфере были значительно расширены. Местные Советы выполняли большую работу по руководству органами здравоохранения и всей системой лечебно-профилактических учреждений, организовывали строительство, благоустройство больниц, курортов, домов отдыха, обеспечивали их нормальное функционирование, а также проводили различные мероприятия санитарно-оздоровительного характера. Предоставление Советам таких полномочий в социальной сфере на практике принесло определенные положительные результаты. В частности, серьезные темы развития медицинских учреждений, значительных бюджетных затрат на медицину накануне войны имели место, например, в Ленинграде, где сложилась разветвленная сеть разнопрофильных лечебно-профилактических учреждений [2]. Особое место в системе медицинской работы занимало лечебно-профилактическое обслуживание детей. В Ленинграде в 1939 г. действовала 21 детская поликлиника; 42 консультации, в которых работало 790 врачей и 600 медицинских сестер, 250 яслей обслуживали почти 22 тыс. детей. Большая повседневная профилактическая работа проводилась медицинскими работниками в школах, где работало 686 врачей и 856 медицинских сестер [3, с. 15]. Большое внимание органами здравоохранения уделялось проведению летних оздоровительных мероприятий среди детей [4, с. 35]. Детям, которые оставались на лето в городе, предоставлялись сады, парки города и пригородов, где оборудовались специальные детские площадки, игры, аттракционы, павильоны, летние читальни. Решением исполкома устанавливался бесплатный вход в них в течение дня для детей школьного и дошкольного возраста и пользование аттракционами со скидкой. В 1937 г. на заводах и фабриках Ленинграда работали 54 специализированные амбулатории и поликлиники, 392 здравпункта. К началу 1941 г. число амбулаторий и поликлиник на предприятиях города увеличилось до 66, в них работало более 2 тыс. медицинских работников [5, с. 179]. Несомненным свидетельством успешной работы

Советов депутатов трудящихся Ленинграда в области здравоохранения является работа по профилактике профессиональных, других заболеваний и диспансеризации больных.

Активную работу в сфере медицинского строительства по линии охраны материнства и детства в 1939–1941 гг. проводил Калининский городской Совет. После специального обсуждения этого вопроса на одной из первых сессий в марте 1940 г. за 2 года в городе было завершено строительство двух родильных домов и 18 новых ясельных зданий.

В развитии здравоохранения важное значение имели решения Наркомздрава СССР, который давал соответствующие предписания исполкомам местных Советов. В этом контексте следует выделить меры по разукрупнению и расширению сельской лечебной сети, результатом которых стало вышедшее в июне 1938 г. постановление «Об укреплении сельского врачебного участка», в соответствии с которым в сельские местности страны выехало 4,5 тыс. врачей.

В марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) утвердил третий пятилетний план, где также предусматривались мероприятия в сфере здравоохранения: дальнейшее улучшение условий труда и быта медработников, рост сети лечебно-профилактических и санитарно-противоэпидемиологических учреждений, улучшение обслуживания врачебной помощью населения, увеличение штата медперсонала и т.д. Однако, наряду с несомненными успехами в развитии здравоохранения крупных индустриальных центров, сохранялись и существенные недостатки в работе лечебно-профилактических и других учреждений. Не были изжиты неорганизованность в работе целого ряда больниц, яслей, поликлиник, амбулаторий. На качество медицинского обслуживания поступало много жалоб со стороны населения, недостаточно равномерно были распределены медицинские кадры по отдельным районам, требовалась улучшения массовая санитарно-просветительная работа среди населения. И при этом, несмотря на большое внимание, которое уделялось строительству яслей, многие из них находились в неудовлетворительном состоянии, что при постоянно растущей потребности населения в яслях вызывало их незаполненность [6]. Такое положение свидетельствовало о недоработках органов власти. И речь идет, прежде всего, о местных Советах, в компетенции которых были эти вопросы. Причем нередко имело место плохое взаимодействие представительных

и исполнительных органов местных Советов. Все эти недостатки неоднократно являлись в 1938–1939 гг. предметом обсуждения Пленумов горисполкома, городских конференций ВКП(б), постановляющая часть принимаемых на их основе документов обязывала исполкомы районных Советов обеспечить правильное использование медицинских кадров и улучшить качество медицинского обслуживания населения. Фактически же такого рода правильные сами по себе решения зачастую оставались на бумаге.

Другая важнейшая составляющая социальной сферы представляла собой деятельность местных Советов в сфере народного (школьного) образования. Здесь местные Советы в рассматриваемый период исходили из партийно-правительственных указаний. Причем интересно, что российские власти значительное внимание уделяли учебе самих работников местных Советов.

В то же время XVI съезд ВКП(б) указал на необходимость ускорения темпов развития образовательного дела, задачей партии и Советов на ближайший период провозгласили проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидацию неграмотности. В соответствии с директивами съезда ЦК партии 25 июля 1930 г. принято постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении» [7, с. 110], а позже ЦИК и Совнарком СССР по этому же вопросу приняли совместное постановление, по которому в СССР с 1930/1931 учебного года повсеместно вводилось всеобщее обязательное начальное обучение детей с восьмилетнего возраста в объеме не менее четырех классов начальной школы в сельской местности, а в городах и рабочих поселках – в объеме семи классов. Затем был принят ряд других актов, в соответствии с которыми местные Советы обязывались принять меры по повышению образовательного уровня населения. В их числе было постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» [8, с. 156–160], где указывалось, что местные партийные органы и местные Советы обязаны разработать мероприятия по подготовке марксистско-ленинских кадров для методической работы в органах наробразы и укрепить руководящие звенья лучшими партийными теоретическими и педагогическими кадрами, вести «решительную борьбу» с теми элементами в органах народного просвещения, которые сопротивляются повороту в работе школы и либо увлекаются «левацкой фразой, либо тянут на-

зад к буржуазной школе». Кроме того, местные Советы должны были выделять специальные средства для строительства, ремонта и обеспечения оборудованием школ и т.п. Этот правовой документ является достаточно характерным примером двойственности в решении управленческих задач, которые решали местные Советы: с одной стороны, остро назрела необходимость резкого повышения качества общего образования, но с другой – идеология образовательного процесса по-прежнему оставалась ведущей задачей [9, с. 81–82]. В принятом в 1936 г. постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обучении неграмотных и малограмотных» [10] перед местными Советами вновь были поставлены задачи об ускорении решения этой проблемы. О том, с какими проблемами сталкивались местные Советы в этом направлении, можно только догадываться. Например, как показывает анализ архивных данных [11], предусмотренные сметами денежные средства не всегда тратились по назначению и не всегда имеющиеся деньги можно было потратить на действительно необходимые приобретения. Так, в конце 1937 г. Давлекановский райисполком проанализировал расходы школ по сметам и констатировал, что «предусмотренные сметами денежные средства использованы не полностью». Исполнение составило около 50%.

Другая проблема при реализации постановления заключалась в том, что в 1937–1938 гг. ряд учителей были уволены с работы за так называемые «политические ошибки».

Подобное положение во второй половине 1930-х гг. наблюдалось и в других регионах страны. Спустя некоторое время после издания отмеченного выше постановления (1936 г.) была проведена масштабная проверка его выполнения. В постановлении СНК РСФСР от 21 декабря 1939 г. «О состоянии всеобщего обязательного обучения в школах РСФСР» [12, с. 117–120] в целом была дана довольно жесткая оценка деятельности местных Советов по реализации правительственных решений в сфере образования. В частности, отмечалось, что в результате неудовлетворительного руководства работой школ и крайне слабого контроля за выполнением закона о всеобщем обучении со стороны Наркомпроса РСФСР и исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся план всеобщего обучения детей выполнен не полностью. Совет народных комиссаров РСФСР предложил Народному комиссариату по просвещению РСФСР и ор-

ганам местной власти обеспечить вовлечение в начальные школы всех детей, подлежащих обучению. Вновь были даны предписания «об улучшении». На этот раз ситуация стала улучшаться. В 1940 г. переход на обязательное семилетнее образование был в основном завершен. Программа всеобща была решена во всех регионах и национальных территориях, что с учетом российских масштабов являлось значительным достижением. Вместе с тем, в условиях административно-командной системы школа не могла быть вне контекста общей политической стратегии государства. В основе всеобщего обучения лежали государственные потребности, требующие подготовки кадров для обеспечения нужд промышленности и сельского хозяйства. Это был результат огромной работы. Вместе с тем, в ряде регионов дела складывались не столь успешно, как того требовали партийно-правительственные решения.

Следующей важной составляющей деятельности местных Советов в социальной сфере было обеспечение населения жильем. Если иметь в виду жилищное строительство, то во второй и третьей пятилетках темпы его постепенно возрастали [13]. Так, во второй пятилетке в Сталинграде было построено 130455 кв.м жилья, в Саратове – 80902 кв.м, а в Астрахани – 27582 кв.м. Несмотря на это, тенденция отставания темпов жилищного строительства от роста численности городского населения региона сохранялась. В 1939 г. на одного жителя Саратова приходилось 3,8 кв.м, Сталинграда – 3,6 кв.м, Астрахани – 4,6 кв.м [14, с. 190]. Но в целом планы жилищного строительства не выполнялись. Можно выделить группы причин неудовлетворительного состояния жилищного строительства рассматриваемого периода. Первая из них – распыленность средств и, как следствие этого, затягивание сроков строительства. К примеру, в столичных городах Москве и Ленинграде строительство жилого фонда велось различными наркоматами, ведомствами, а также строительными организациями горсоветов, которых в каждом городе насчитывалось в целом более тридцати [15]. Выделяемые наркоматами и ведомствами средства на жилищное строительство не только распылялись между многочисленными застройщиками, но и ежегодно не использовались промышленными предприятиями до конца. Сами же исполкомы местных Советов не имели достаточных возможностей, чтобы вести

строительство в значительных размерах. Так, в Ленинграде в 1938 г. городской план жилищного строительства предполагал сдачу 250 тыс. кв.м. жилья. Из них на промышленные предприятия приходилось 210 тыс. кв.м, на строительство по линии Ленсовета – 40 тыс. кв.м. Наркоматы же и промышленные предприятия, являясь основными строителями жилья, выполнили план лишь на 55% [16]. Такое положение – нехватка и распыленность финансовых средств – ежегодно приводило к незавершенному строительству. Из 7,8 млн кв.м жилья, которые планировалось сдать по стране в 1938 г., 5,5 млн приходилось на не завершенные в свое время по плану объекты. Только в Свердловске предприятия имели переходящие с других лет стройки объемом в 163 тыс. кв.м. Из 76 перешедших на 1938 г. крупных жилых построек свыше 40% домов строились четвертый-пятый год [17]. Кроме того, на невыполнении планов жилищного строительства сказывалась необеспеченность наркоматов строительными организациями. Как отмечалось на XVIII съезде ВКП(б), ни один наркомат не создал в областных центрах, вопреки постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 февраля 1936 г., жилищно-строительных организаций. Ввиду этого строительство домов для наркоматов частично вели строительные организации горсоветов, часть домов строилась кустарным хозяйственным способом. Недостатки в строительстве были вызваны и его низким техническим уровнем, отсутствием стандартизации в строительстве, медленным внедрением новых методов строительства, новых материалов и низким уровнем организации проектировочного процесса.

Не лучшим образом дело обстояло с архитектурным обеспечением застроек. Так, в 1930-е гг. провинциальный город Мариуполь имел следующий вид. Каменные дома составляли там 31,3%, саманные – 8,3%, деревянные – 4%. В основном преобладали каркасные дома, еще сохранившиеся и в наши дни. 97,1% домов составляли одноэтажные, небольшие домики, вытянувшиеся в глубину двора, двухэтажные – 2,7%, самые высокие, трехэтажные – 0,2%. В порту вся жилая площадь состояла из маленьких старых домов глинобитного типа, в большинстве своем крайне тесных, заполненных до отказа. Крыши домов в основном были покрыты черепицей – «татаркой». 45% квартир состояли из одной комнаты и кухни или комнаты-кухни, 13% – из 2 комнат. Износ жилого фонда составлял 50%.

Значительная часть работников завода имени Ильича проживали в самом городе, и лишь около 5 тыс. рабочих и свыше 10 тыс. членов их семей – в так называемых «колониях» – рабочих поселках заводов «Никополь» и «Русский Провиданс» – завода имени Ильича, построенных в непосредственной близости к заводу [18]. Местные Советы пытались улучшить положение, но опять же плохое финансирование останавливало многие решения в данной сфере.

Особое внимание в рассматриваемый период уделялось Москве как столице СССР. 10 июля 1935 г. постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы» была утверждена стратегическая программа развития столицы [19]. В том же году, в октябре, правительственным решением были утверждены «Правила о порядке застройки города Москвы» [20], где важнейшее место отводилось роли местной власти – Моссовету.

Если говорить об общей тенденции, то наблюдалось усиление роли местных Советов в управлении жилищным фондом, которое отражалось, в частности, в том, что значительный объем жилищного фонда городов переходил в распоряжение местных Советов. На городские Советы тем самым возлагалось управление и ответственность за сохранность 51 млн кв.м жилой площади [21]. Местные Советы распределяли свободную жилую площадь в порядке очередности, проводили инвентаризацию и паспортизацию жилищного хозяйства, обе-

спечивали надзор за техническим и санитарным состоянием, содержанием и ремонтом всего жилого фонда, проводили благоустройство районов. В центре внимания местных Советов находились и вопросы, связанные с ремонтом жилых домов. Этому вопросу была посвящена, в частности, одна из сессий Омского городского Совета (май 1939 г.). В целом к концу рассматриваемого периода местные Советы довольно уверенно руководили жилищно-коммунальным хозяйством на своей территории.

Итак, из приведенных фактов видно, что в довоенный период действия Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. местные Советы в рамках установленных полномочий принимали определенные меры в социальной сфере на подведомственной территории, и прежде всего в развитии здравоохранения, образования, культурно-просветительском деле, обеспечении жителей страны жильем, что позволило достичь в целом позитивных результатов. Вместе с тем, социальная сфера, в отличие от промышленности, строительства и сельского хозяйства, не являлась приоритетной и финансировалась по остаточному принципу, в результате чего потенциал местных Советов не был реализован в полной мере. Имело место также неравномерное развитие качества медицинских, образовательных и иных социальных услуг: в крупных городах оно было значительно выше, что объяснялось в первую очередь кадровой проблемой и малыми провинциальными бюджетами.

1. Народное хозяйство СССР. М., 1956.
2. Ленинградская правда. 1939. 17 янв.
3. Пропаганда и агитация. 1939. № 20.
4. Бюл. Ленинградского Совета. 1940. № 12.
5. Кузнецова Л.С. Ленинградская партийная организация в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 г.). Л., 1971.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 68. Л. 119.
7. О всеобщем обязательном начальном обучении: постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. // Народное образование в СССР: сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974.
8. О начальной и средней школе: постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг. 1931 г. // Народное образование в СССР: сб. док.

1. National economy of the USSR. Moscow, 1956.
2. Leningrad true. 1939. Jan. 17.
3. Promotion and agitation. 1939. № 20.
4. Bull. of the Leningrad Soviet. 1940. № 12.
5. Kuznetsova L.S. Leningrad party organization in the prewar years (1938 – June 1941). Leningrad, 1971.
6. Russian state archive of socio-political history (RSASPH). F. 17. Op. 22. D. 68. L. 119.
7. On universal compulsory primary education: decree of the Central committee of All-Union Communist Party of July 25, 1930 // National education in the USSR: coll. of documents. 1917–1973. Moscow, 1974.
8. On elementary and secondary schools: decree of the Central committee of All-Union Communist Party of Aug. 25, 1931 // National education in the USSR: coll. of documents.

9. Михащенко А.Л. *История общего образования в России в XX в.* Курган, 2000.
10. Об обучении неграмотных и малограмотных: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 янв. 1936 г. // *Правда*. 1936. 18 янв.
11. Архивные материалы о деятельности исполнительного комитета Давлекановского районного Совета Башкирии за 1927–1941 гг. // *Исторический сайт о малой родине Башкортостана*. URL: <http://presidents.ru/index.php126> (дата обращения: 21.10.2012).
12. О состоянии всеобщего обязательного обучения в школах РСФСР: постановление СНК РСФСР от 21 дек. 1939 г. // *Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг.* М.; Л., 1947. Вып. 1.
13. Юнина О.Н. *Деятельность местных Советов народных депутатов по обеспечению права граждан СССР на жилище: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 1985.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8–10; *Материалы к отчету Саратовского городского Совета РК и КД с 1931 г. по 1 июля 1939 г.* Саратов, 1939; *Сталинградская область*. Сталинград, 1940.
15. РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 4. Д. 9. Л. 95.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ИГА СПб). Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1863. Л. 498.
17. *Правда*. 1938. 13 авг.
18. Зимов О. *Мариуполь советский. 1917–1941.* Мариуполь, 2008.
19. О генеральном плане реконструкции города Москвы: постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. // *Собр. законов СССР*. 1935. № 35. Ст. 306.
20. Об утверждении Правил о порядке застройки города Москвы: постановление СНК СССР от 1 окт. 1935 г. № 2221 // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1935. 3 окт.
21. *Правда*. 1939. 10 авг.
9. Mihaschenko A.L. *History of General education in Russia in the XX century.* Kurgan, 2000.
10. About the training of illiterate and semiliterate: decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central committee of All-Union Communist Party of Jan. 16, 1936 // *True*. 1936. Jan. 18.
11. Archival materials on the activities of the executive committee of Davlekanovsky district Council of Bashkiria for 1927–1941 // *Historical website about the small homeland of Bashkortostan*. URL: <http://presidents.ru/index.php126> (date of access: 21.10.2012).
12. About the state of the universal embracing of compulsory education in the schools of the RSFSR: decree of the SNK of the RSFSR of Dec. 21, 1939 // *Directive of All-Union Communist Party and decisions of the Soviet government on public education: coll. of documents for 1917–1947*. Moscow; Leningrad, 1947. Iss. 1.
13. Unina O.N. *The activities of local councils of people's deputies to enforce the right of citizens of the USSR to housing: diss. ... Master of Law*. Moscow, 1985.
14. *Russian state archive of economy (RSAE)*. F. 1562. Op. 336. D. 140. L. 4, 8–10; *Materials for the report of the Saratov city Council RK and KD from 1931 to July 1, 1939*. Saratov, 1939; *the Stalingrad region*. Stalingrad, 1940.
15. RSAE. F. 7297. Op. 4. D. 9. L. 95.
16. *Central state archive of Saint Petersburg (CSA of St. Petersburg)*. F. 7179. Op. 10. D. 1863. L. 498.
17. *True*. 1938. Aug. 13.
18. Zimov O. *Mariupol the Soviet. 1917–1941*. Mariupol, 2008.
19. *On the General plan of reconstruction of Moscow: decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central committee of All-Union Communist Party of July 10, 1935* // *Coll. of laws of the USSR*. 1935. № 35. Art. 306.
20. *On approval of Rules on the procedure for the construction of a city of Moscow: decree of the Council of People's Comissars of the USSR of Oct. 1, 1935 № 2221* // *Proc. of the USSR Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*. 1935. Oct. 3.
21. *True*. 1939. Aug. 10.

Стифанько Мария Николаевна

аспирант Института морского транспортного менеджмента, экономики и права
Новороссийского государственного морского университета
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова
(тел.: +78612583596)

Проблемы понятия метода реализации правовой демографической политики Российской Федерации

В статье предложено авторское видение понятия метода реализации правовой демографической политики Российской Федерации. Автор считает, что метод реализации правовой демографической политики России можно определить через характеристику элементов его содержания, и рассматривает совокупность правовых средств, способов и приемов правового регулирования общественных отношений, являющихся объектами данного вида правовой политики.

Ключевые слова: демографическая политика, метод управления, метод правового регулирования, способ правового регулирования, правовые средства, приемы правового регулирования, правовая политика.

M.N. Stifanko, Post-graduate of the Institute of Maritime Transport Management, Economics and Law of the Admiral Ushakov State Maritime University; tel.: +78612583596.

Problem of the notion of legal methods of implementing demographic policy of the Russian Federation

This paper suggests the author's vision of the concept of legal methods of implementing demographic policy of the Russian Federation. The author believes that the method of implementing the legal population policy of Russia can be defined through the characteristic elements of its content and considers a set of legal tools, methods and techniques of the legal regulation of social relations that are objects of this kind of legal policy.

Key words: population policies, management method, method of legal regulation, way of legal regulation, legal means, techniques of legal regulation, legal policy.

Проблема методов реализации правовой политики, в особенности отраслевых ее видов, является малоизученной как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. Это объясняется, по нашему мнению, следующими обстоятельствами. Во-первых, вопросы правовой политики в российской юридической науке изучаются достаточно непродолжительное время. Это свидетельствует о том, что исследователи не акцентировали внимание на проблеме методов реализации правовой политики. Во-вторых, учеными предпринимались попытки обоснования некоего специфического механизма осуществления данной политической деятельности, но при этом не акцентировалось внимание на правовой инструментарий осуществления такого вида политической деятельности [1]. В-третьих, сам по себе вопрос о методах правового регулирования общественных процессов остается в отечественной юридической науке весьма дискуссионным, можно даже признать, что до настоящего времени нет доктринально-

го подхода к пониманию сущности, содержания и видов методов правового регулирования [2, с. 12]. Приведенные обстоятельства требуют исследовать данную проблему с целью сформировать правовой инструментарий осуществления правовой демографической политики Российской Федерации.

Проблема сущности административно-правового метода реализации правовой демографической политики России заключается, по нашему мнению, в рассмотрении вопроса понятия административно-правового метода и его роли в реализации правовой демографической политики страны. Мы исходим из тезиса, что правовая демографическая политика России есть юридическая форма демографической политики государства. Это обстоятельство дает нам основание утверждать, что ее осуществление происходит посредством применения правовых методов (правовых инструментов) такого вида политической деятельности. В данном контексте правовые методы осуществления демографической политики

России являются составной частью содержания правовой демографической политики. Осуществление демографической политики России происходит посредством различных правовых методов: конституционно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых и т.п. Поскольку демографическая политика России реализуется через деятельность системы органов государственной власти, прежде всего органов исполнительной власти, постольку одним из ключевых видов методов ее осуществления являются административно-правовые методы. Административно-правовые методы выступают в рассматриваемом смысле методами административно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе достижения целей и решения задач демографической политики Российской Федерации в сферах естественного и миграционного движения населения [3].

В теоретико-правовой науке сформировалось как минимум два основных подхода к определению понятия «метод правового регулирования»: 1) в первом метод понимается как общий (единый) метод правового регулирования общественных отношений и отраслевой метод; данный подход характеризуется тем, что общий и отраслевой метод правового регулирования понимается по-разному [4, с. 52]; 2) второй подход исходит из единства данного понятия, вне зависимости от того, является метод единым для социально-правовой сферы или он имеет свое видовое многообразие [5, с. 201]. Последний из приведенных подходов более активно поддерживается учеными-правоведами. Следует отметить, что единый подход к пониманию метода правового регулирования характеризуется его определением через элементную структуру содержания. Метод правового регулирования – это совокупность (система) средств, способов и приемов правового воздействия на общественные отношения. Такой подход, по нашему мнению, является достаточно предпочтительным по сравнению с иными.

Другим весьма дискуссионным вопросом метода правового регулирования является его связь с предметом правового регулирования общественных отношений. По мнению М.А. Хвалева, сложилось два подхода к решению данной проблемы. Первый, высказанный О.С. Иоффе [6, с. 37], заключается в том, что в рамках одной группы общественных отношений могут применяться различные методы правового регулирования. Второй, предложенный С.Ф. Кечекьяном и П.С. Элькиндр [7,

с. 91–93], заключается в том, что соответствующим общественным отношениям присущ соответствующий метод правового регулирования [8, с. 14–15]. Второй подход стал наиболее признанным. Между предметом и методом правового регулирования имеет место объективная связь, причем эта связь является связью поассидентной (принадлежности). Предмет правового регулирования становится таковым лишь при наличии соответствующего правового инструментария воздействия на эти отношения. Правоотношения только тогда являются таковыми, когда они регулируются нормой права. В свою очередь, норма права является правовым средством такого воздействия и одновременно элементом содержания метода правового регулирования.

Как видно, содержательный подход к определению метода правового регулирования характеризуется выделением различных элементов его содержания. Чаще всего ученые содержание метода правового регулирования определяют как совокупность «способов», «юридических приемов и средств», «приемов и способов» [2], «типов, способов и средств правового воздействия на общественные отношения» [9, с. 103–115]. Оригинальную концепцию содержания единого метода правового регулирования предложил В.Д. Сорокин. Он считает, что метод правового регулирования состоит из четырех элементов: системы объекта воздействия, системы субъекта воздействия, системы способов воздействия и системы процедур реализации способов правового воздействия на социально-правовую среду [10, с. 100]. Отмеченное многообразие подходов к определению содержания метода правового регулирования общественных отношений свидетельствует о терминологической путанице, что не может быть вполне удовлетворительным. Многие ученые в структуре метода правового регулирования выделяют «совокупность приемов» правового регулирования. В семантическом смысле «прием» есть способ осуществления чего-нибудь [11, с. 590]. Следовательно, «прием» есть не что иное, как определенная совокупность правил и действий лица, т.е. по своей природе является процедурой деятельности субъекта. Является ли «прием» самостоятельным элементом содержания метода правового регулирования? Представляется, что да. Такую точку зрения обоснованно признавал В.Д. Сорокин. Он отмечал, что элементом единого метода правового регулирования являются «системы процедур реализации способов правового воздействия на социально-право-

вую среду» [10, с. 100]. Другим необходимым элементом метода правового регулирования является «способ» его воздействия на общественные отношения. В юридической науке высказывается мнение, что в содержании метода правового регулирования выделяется единственный элемент – способ правового регулирования. Так, Т.М. Бугрова определяет его как «совокупность юридических способов, направленных на упорядочение демографических отношений» [12, с. 76]. В.Д. Сорокин считал, «что метод правового регулирования как системное явление соединяет в органическое целое все три названных способа одновременно. Более того, метод правового регулирования может существовать только как объединение всех трех компонентов – дозволения, предписания и запрета, т.е. как система, основанная на взаимодействии, взаимообеспечении этих компонентов» [10, с. 112–113]. С подобным подходом вполне следует согласиться, т.к. способ правового регулирования является тем ключевым элементом метода, посредством которого происходит воздействие на регулируемое общественное отношение. Здесь уместно отметить, что выделенная приведенным автором система способов правового регулирования в теоретико-правовой науке получила более расширительное толкование. Вряд ли можно согласиться с позицией тех ученых, которые в содержании метода правового регулирования выделяют тип такого регулирования. В юридической науке «под типами правового регулирования понимаются те или иные сочетания способов регулирования при доминировании либо дозволений, либо обязываний с запрещениями. Выделяют два типа правового регулирования: общедозволительный и разрешительный» [13]. Это означает, что тип правового регулирования формируется посредством определенного сочетания способов правового регулирования, предопределяя тем самым сферы публичного и частного права. Данные обстоятельства свидетельствуют, что тип правового регулирования отражает характер воздействия на общественные отношения, но не само воздействие, которое находит воплощение именно в способе правового регулирования.

По нашему мнению, кроме способа и приема правового регулирования, необходимым элементом содержания метода правового регулирования являются правовые средства, которые выражают собой форму, в которую облакаются способ и прием правового регулирования общественных отношений. Под правовыми

средствами следует понимать «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [14, с. 68]. Из данных положений видно, что правовые средства являются, с одной стороны, правовым средством-технологией, посредством которой могут достигаться цели государственно-политической деятельности в сфере демографии, а с другой стороны, правовые средства содержат в себе инструменты, с помощью которых субъекты государственной политики достигают цели государственной политики. В этой связи в рамках метода правового регулирования правовые средства выполняют две функции: во-первых, являются правовой формой нормативного выражения метода правового регулирования, во-вторых, закрепляют в себе способы и приемы правового регулирования общественных отношений, являясь инструментарием в деятельности органов и должностных лиц, реализующих государственную демографическую политику страны. Причем этот нормативно выраженный инструментарий имеет материальный и процессуальный характер.

Таким образом, мы склоны согласиться с теми авторами, которые определяют посредством содержательной характеристики метод правового регулирования как совокупность правовых средств, способов и приемов правового регулирования общественных отношений. Приведенный подход к определению метода правового регулирования позволяет судить о нем как о необходимом признаке, позволяющем выделять отрасль права как основной элемент системы права. В таком контексте метод правового регулирования может быть применен для осуществления правовой демографической политики с определенной долей условности. Эта условность заключается, во-первых, в том, что метод правового регулирования, как отраслевой критерий воздействия на общественные отношения, для реализации правовой демографической политики не может быть единственным, поскольку правовая демографическая политика России имеет комплексный характер, выражается посредством норм различной отраслевой принадлежности. Во-вторых, поскольку правовая демографическая политика является юридической формой государственной демографической политики и субъектами, ее реализующими, являются преимущественно органы исполнительной

власти или исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления, то они осуществляют данную политику посредством государственно-управленческой деятельности, т.е. посредством применения методов государственного управления. Последнее из приведенных обстоятельств требует разрешения вопросов о соотношении понятий «метод правового регулирования» и «метод государственного управления». В административно-правовой науке метод государственного управления понимается как «способ организующего (административного, экономического или общественного) воздействия органа управления (или должностного лица) на управляемую систему (или конкретный объект управления), определяющего условия деятельности системы, порядок наиболее эффективного использования трудовых, материальных, финансовых и иных ресурсов для решения поставленных задач» [15, с. 324]; «способ достижения и решения целей, задач, осуществление функций государственного управления органами исполнительной власти» [16, с. 411]; «метод управления представляет собой предоставленную субъектам государственно-управленческой деятельности нормами административного права возможность результативно решать стоящие перед ними задачи» [17, с. 80]; «определенные правом конкретные приемы и способы деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц, осуществленные в рамках их компетенции и вызывающие юридические последствия» [18, с. 203]; средства практического осуществления органами государственного управления для достижения целей государственно-управленческой деятельности [19, с. 22]; «способы и приемы анализа и оценки управленческих ситуаций, использования правовых и организационных форм, воздействия на сознание и поведение людей в управляемых общественных процессах, отношениях и связях» [20, с. 174]. Нет необходимости дальнейшего продолжения определения понятия «метод правового регулирования», т.к. фактически приведенные подходы в настоящее время являются доктринальными. Приведенные подходы позволяют признать, что метод государственного управления характеризуется следующими признаками: 1) является способом организующего воздействия, достижения целей государственного управления; 2) выступает необходимым условием решения задач и реализации функций государственного управления органами исполнительной власти;

3) предопределяется правовыми и организационными формами, воздействием на сознание и поведение людей в управляемых общественных процессах.

Следует отметить, что вряд ли уместно сводить, как это делают некоторые авторы, методы государственного управления лишь к правовым формам деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц. Метод государственного управления значительно более многообразен. Они заключаются во властном воздействии уполномоченного субъекта на управляемый объект – демографические процессы естественного и миграционного движения населения. Это воздействие может иметь экономический, организационный, политический, правовой и т.п. характер. Для целей настоящей работы нас интересуют правовые механизмы воздействия на демографические процессы. В этом смысле методы государственного управления нами рассматриваются исключительно как правовые, и в этом контексте они связаны с методом административно-правового регулирования общественных отношений. Приведенная связь заключается в том, что метод административно-правового регулирования общественных отношений лежит в основе формирования системы методов государственного управления. В административно-правовой науке в настоящее время введена категория «метод административно-правового воздействия» [21, с. 7]. Характеризуя структуру содержания методов административно-правового воздействия, приведенный автор выделяет «способы правового регулирования, определяющие стандарты, эталоны, образцы поведения: будет оно активным или пассивным, инициативным или вынужденным; средства воздействия – предписания, исходящие от государственной администрации, властные действия по их реализации с использованием функционально пригодных материально-технических средств. В структуру методов включается процедурно-процессуальная последовательность правотворческих, правоприменительных и право-реализующих операций...» [21, с. 7]. Как видно из приведенных положений, позиция Д.В. Осинцева сходна с предлагаемой нами структурой метода административно-правового регулирования общественных отношений. Это, по нашему мнению, естественно, ведь метод административно-правового регулирования в принципе идентичен методу административно-правового воздействия (или регулирования как одного из видов воздействия).

Таким образом, необходимо признать, что метод административно-правового регулирования управленческих отношений не может быть признан единственным, раз и навсегда данным. Характеризуя как дополнительный признак отраслевую природу административно-правовых отношений, он может содержать и другие, производные от него методы административно-правового воздействия на общественные отношения. Эти положения позволяют признать, что в основе административно-правовых методов реализации правовой демографической политики Российской Федерации лежит единый обязывающий (предписывающий) административно-правовой метод. Прав в этой связи В.Д. Сорокин, который отмечал, что «в зависимости от особенностей соотношения дозволения, предписания и запрета имеются основания различать три варианта проявления единого метода правового регулирования, иначе говоря, три типа правового регулирования соответствующих связей и явлений, складывающихся в социально-правовой среде» [10, с. 117], т.е. в зависимости от того, какой элемент единого метода правового регулирования является преобладающим, предопределяется тип правового регулирования, а два других яв-

ляются обеспечительными. В этой связи можно выделить гражданско-правовой (преобладает дозволение), административно-правовой (преобладает предписание), уголовно-правовой (преобладает запрет) метод правового регулирования общественных отношений [10, с. 119–120]. Следовательно, основным методом административно-правового регулирования общественных отношений в сфере естественного и миграционного движения населения является административно-правовой метод, где преобладает обязывание (предписание) как способ правового регулирования, при этом вторичную, дополнительную роль выполняют и другие способы правового регулирования: предписание, запрет, стимулирование и санкция, которые являются составной частью содержания единого административно-правового метода правового регулирования демографических процессов в Российской Федерации. В свою очередь, различное сочетание способов и приемов административно-правового регулирования, выраженных в различных правовых средствах, позволяет сформировать производную систему методов, специально направленную на реализацию правовой демографической политики Российской Федерации.

1. Исаков Н.В. *Правовая политика современной России: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.*

2. Хвалева М.А. *Метод публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.*

3. Жеребцов А.Н. *Теоретико-правовые основы реализации миграционной политики Российской Федерации // Рос. юстиция. 2007. № 3.*

4. Витченко А.М. *Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.*

5. Комаров С.А., Малько А.В. *Теория государства и права: учеб. М., 1999.*

6. Иоффе О.С. *Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949.*

7. Элькин П.С. *К вопросу о юридической природе советского уголовного процесса // Правоведение. 1958. № 2.*

8. Привалов С.В. *Методы правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.*

9. Алексеев С.С. *Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.*

10. Сорокин В.Д. *Правовое регулирование: предмет, метод, процесс. СПб., 2003.*

1. Isakov N.V. *legal policy of modern Russia: problems of theory and practice: diss. ... Dr of Law. Rostov-on-Don, 2004.*

2. Hvaleva M.A. *Method of public law: diss. ... Master of Law. Samara, 2007.*

3. Zherebtsov A.N. *Theoretical legal basis of the implementation of migration policy of the Russian Federation // Russian justice. 2007. № 3.*

4. Vitchenko A.M. *Method of legal regulation of the Socialist public relations. Saratov, 1974.*

5. Komarov S.A., Malko A.V. *Theory of state and law: textbook. Moscow, 1999.*

6. Joffe O.S. *Legal relationship for the Soviet civil law. Leningrad, 1949.*

7. Elkind P.S. *to the question of the legal nature of the Soviet criminal procedure // Jurisprudence. 1958. № 2.*

8. Privalov S.V. *Methods of legal regulation of labour relations: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2001.*

9. Alexeev S.S. *General permission and general prohibitions in Soviet law. Moscow, 1989.*

10. Sorokin V.D. *Legal regulation: object, method, process. St. Petersburg, 2003.*

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003.
12. Бугрова Т.М. Право как средство демографической политики Российского государства (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
13. Теория государства и права: учеб. / под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. М., 2004.
14. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал рос. права. 1998. № 8.
15. Научные основы государственного управления в СССР / под ред. А.Е. Лунева, М.И. Пискотина, Ц.А. Ямпольской. М., 1968.
16. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учеб. М., 2005.
17. Козлов Ю.М. Административное право: учеб. М., 1999.
18. Административное право России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Попов. М., 2010.
19. Таркаева Е.А. Административно-правовые методы повышения уровня налоговых поступлений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
20. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 1997.
21. Осинцев Д.В. Методы административно-правового воздействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., add. Moscow, 2003.
12. Bugrova T.M. Right as a means of population policy of the Russian state (theoretical aspect): auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2008.
13. Theory of state and law: textbook / ed. by A.V. Malko, N.I. Matuzov. Moscow, 2004.
14. Malko A.V. Legal means: issues of theory and practice // Journal of Russian law. 1998. № 8.
15. Scientific foundations of public administration in the USSR / ed. by A.E. Lunev, M.I. Piskotin, C.A. Yampolskaya. Moscow, 1968.
16. Bakhrah D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law: textbook. Moscow, 2005.
17. Kozlov Yu.M. Administrative law: textbook. Moscow, 1999.
18. Administrative law of Russia: textbook. 2nd ed., rev. and ext. / resp. ed. L.L. Popov. Moscow, 2010.
19. Tarkaeva E.A. Legal and administrative methods to improve the level of tax revenues in the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Kazan, 2007.
20. Atamanchuk G.V. Theory of public administration: course of lectures. Moscow, 1997.
21. Osintsev D.V. Methods of administrative legal impact: auth. abstr. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2013.

Гриб Владислав Валерьевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского общества
Московского государственного института международных отношений
(университета) МИД России,
президент Российской ассоциации общественного контроля
(e-mail: avtor@lawinfo.ru)

Проблемы определения и обнародования результатов общественного контроля

В статье рассмотрены порядок осуществления и обнародования результатов общественного контроля, содержание итоговых документов согласно Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и региональным законодательным актам. Проанализирован механизм рассмотрения соответствующими органами и организациями результатов общественного контроля и учета содержащихся в них предложений, рекомендаций и выводов.

Ключевые слова: общественный контроль, гражданский контроль, региональное законодательство, интересы общества, итоговый документ.

V.V. Grib, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Society of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry, President of the Russian Association of Public Control; e-mail: avtor@lawinfo.ru

Issues of definition and promulgation of public control results

In the article the procedure of definition and promulgation of public control results, and the content of final documents according to Federal law «On basic principles of public control in the Russian Federation» and regional legislative instruments are examined. The article analyzes the mechanism of consideration of public control results by corresponding authorities and organizations and taking into account proposals, recommendations and conclusions.

Key words: public control, civil control, regional legislation, public interests, final document.

Право определения и обнародования результатов общественного контроля нашло свое развитие в ст. 26 Федерального закона от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Буквальное толкование положений указанной статьи позволяет установить, что законодатель под «определением результатов общественного контроля» понимает подготовку итогового документа по результатам общественного контроля, а под «обнародованием результатов общественного контроля» – направление соответствующих итоговых документов на рассмотрение в органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также опубликование результатов общественного контроля в СМИ и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В ч. 2 ст. 26 от 21 июля 2014 г. Федерального закона «Об основах общественного контроля в

Российской Федерации» законодатель определил основные данные, которые должны указываться в итоговом документе:

- место и время осуществления общественного контроля;
- задачи общественного контроля;
- субъекты общественного контроля;
- формы общественного контроля;
- установленные при осуществлении общественного контроля факты и обстоятельства;
- предложения, рекомендации и выводы.

К итоговому документу также прилагаются иные документы, полученные при осуществлении общественного контроля.

Важно отметить, что правоприменителю при составлении итогового документа целесообразно также руководствоваться специальными положениями Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [1, ч. 7. ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 9 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ч. 6 ст. 25], устанавливающими дополнительные требования к составлению итоговых документов по результатам рассмотрения конкретных форм общественного контроля.

В ч. 4 ст. 26 Федерального закона от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» установлен перечень возможных форм обнародования информации об общественном контроле. Так, информация о деятельности субъектов общественного контроля, о проводимых мероприятиях общественного контроля и об их результатах может быть доведена до сведения заинтересованных лиц путем:

размещения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

размещения информации в средствах массовой информации;

направления информации непосредственно в органы прокуратуры и (или) органы государственной власти, в отношении которых осуществляется общественный контроль.

Указанные выше положения в некоторой степени получили свое развитие в региональном законодательстве. Так, большинство законов из числа принятых на сегодняшний день специальных региональных законов об основах общественного контроля в субъекте Российской Федерации, в основной своей массе продублировавшие положения Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», ограничились лишь введением сроков, в течение которых те или иные итоговые документы должны быть направлены в соответствующие органы или организации. Так, итоговый документ (акт) общественной проверки направляется в соответствующий орган или организацию в течение пяти [2; 3]/десяти [4] рабочих дней после проведения общественной проверки; итоговый документ (заключение), подготовленный по результатам общественной экспертизы – не позднее двух [2]/трех [4]/пяти [5] рабочих дней со дня его составления; итоговый документ (протокол), подготовленный по результатам общественного обсуждения, – в течение двух [2; 3]/пяти [5]/десяти [4] рабочих дней со дня его составления.

Следует также обратить внимание на положения Закона Амурской области от 29 декабря 2014 г. № 478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области», согласно которому итоговый документ, подготовленный, по результатам общественного контроля, должен содержать выводы: о несоответствии акта, проекта акта, решения, проекта решения, документа или других материалов, в

отношении которых проводился общественный контроль, или их отдельных положений законодательству Российской Федерации, о несоблюдении прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, а также предложения и рекомендации о доработке осуществляющих регулирование в сфере общественно значимых вопросов актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов или их отдельных положений в целях учета прав и законных интересов лиц, которые затрагиваются или могут быть затронуты действиями этих органов и организаций и (или) указанными документами.

В свете анализа содержания итогового документа большой интерес вызывает принятый еще до Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» Закон Пермского края от 21 декабря 2011 г. № 888-ПК «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае» [6], раскрывающий в ст. 9 требования, предъявляемые к акту по результатам общественного (гражданского) контроля. Так, по замыслу регионального законодателя, такой акт составляется в письменном виде и должен включать в себя:

краткое описание оснований проведения общественного (гражданского) контроля;

цели проведения общественного (гражданского) контроля;

краткое описание методики общественного (гражданского) контроля;

критерии выявления нарушения прав и законных интересов граждан;

описание результатов общественного (гражданского) контроля с указанием на установленные в ходе проведения мероприятия факты и выявленные нарушения соблюдения прав и законных интересов граждан;

выводы по результатам общественного (гражданского) контроля и рекомендации по устранению выявленных нарушений.

К акту по результатам гражданского контроля прилагаются копии протоколов, в которых указываются место и время проведения общественного (гражданского) контроля, состав участвующих в проведении контроля лиц, установленные при проведении мероприятия фактически обстоятельства, а при необходимости – иные документы, подтверждающие проведение общественного (гражданского) контроля, выявленные при его проведении нарушения прав и законных интересов граждан. Протоколы должны быть подписа-

ны не менее чем двумя участвовавшими в проведении контроля лицами.

Что касается порядка обнародования результатов общественного контроля, то региональное законодательство не вводит каких-либо дополнительных уточнений и разъяснений, ссылаясь на необходимость применения порядка, предусмотренного федеральным законодательством.

В свете анализа права подготовки и направления итоговых документов на рассмотрение в органы государственной власти целесообразно проанализировать механизм рассмотрения соответствующими органами и организациями результатов общественного контроля и учета содержащихся в них предложений, рекомендаций и выводов.

Так, ч. 5 ст. 26 Федерального закона от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусматривает обязанность государственных органов рассматривать направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, и в установленный законодательством Российской Федерации срок направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы.

С сожалением приходится констатировать, что реализация приведенных выше положений на практике, в том числе Общественной палатой Российской Федерации, затруднена ввиду отсутствия правовых механизмов практической реализации данной нормы. Очень часто на практике данная норма применяется достаточно формально: органы государственной власти не принимают во внимание заключения по результатам общественных экспертиз либо общественного мониторинга, оставляя их без рассмотрения и обсуждения.

Тем не менее, региональные законодатели все-таки предприняли попытку законодательно раскрыть право субъектов общественного контроля на рассмотрение итоговых документов и учет содержащихся в них предложений, рекомендаций и выводов. Так, в большинстве региональных законов из числа принятых на сегодняшний день специальных региональных законов об основах общественного контроля в субъекте Российской Федерации закрепляются обязанности соответствующего органа или организации:

рассмотреть поступивший итоговый документ, составленный по результатам общественного контроля;

учесть содержащиеся в нем предложения, рекомендации и выводы;

принять меры по защите прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Аналогичные положения также содержатся в ряде региональных нормативных правовых актов, закрепляющих правовые основы осуществления общественного контроля по различным направлениям государственной политики [7; 8].

Вместе с тем, важно отметить региональные законы, которые вводят некоторые особенности и условия реализации указанных выше обязательств.

Во-первых, ряд региональных законов [9–11] вводит так называемый срок давности учета результатов общественного контроля и принятия мер реагирования, а именно один календарный год. При этом в данном случае также необходимо, чтобы итоговый документ, подготовленный по итогам общественного контроля, был направлен в соответствующий орган или организацию двумя или более субъектами общественного контроля. В противном случае результаты ни рассмотрены, ни учтены не будут.

Во-вторых, ряд региональных законов раскрывают случаи учета соответствующими органами и организациями предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в итоговых документах, подготовленных по результатам общественного контроля, предлагая самостоятельные модели правового регулирования.

Некоторые региональные законы носят отсылочный характер, направляя правоприменителя к другим федеральным и региональным законам [3], правовым актам единоличного органа исполнительной власти (например, губернатора) субъекта Российской Федерации [9; 10].

Несколько иначе определены случаи учета результатов общественного контроля в Законе Иркутской области от 7 июля 2015 г. № 57-ОЗ «Об общественном контроле в Иркутской области», согласно которому предложения, рекомендации и выводы, содержащиеся в итоговых документах, подготовленных по результатам общественного контроля и направленных соответствующим органам и организациям, подлежат обязательному учету указанными органами и организациями при осуществлении их деятельности в случаях, если указанные итоговые документы содержат:

1) указания на нарушение органом или организацией прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных организаций и иных некоммерческих организаций;

2) указания на факты коррупции в органе или организации;

3) предложения по обеспечению открытости деятельности органов или организаций;

4) предложения по повышению качества оказываемых органом или организацией государственных услуг.

Большой интерес вызывает правовая конструкция определения случаев учета соответствующими органами и организациями предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в итоговых документах, предложенная в Законе Амурской области от 29 декабря 2014 г. № 478-ОЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области» и Законе Курской области от 28 апреля 2015 г. № 39-ЗКО «О некоторых вопросах осуществления общественного контроля в Курской области». По смыслу указанных законов результаты общественного контроля подлежат учету соответствующими органами или организациями только в случае, если такие органы или организации сочтут содержащиеся в итоговых документах предложения, рекомендации и выводы объективными и обоснованными. Такая правовая конструкция представляется наименее эффективной, поскольку в ней заложена потенциальная возможность для злоупотребления со стороны проверяемых органов или организаций.

В-третьих, ряд региональных законов раскрывает используемый федеральным законодателем термин «обоснованный ответ». Так, согласно ст. 9 Закона Ярославской области от 21 мая 2015 г. № 35-з «Об общественном контроле в Ярославской области» по итогам рассмотрения итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля, соответствующие органы и организации направляют субъектам общественного контроля информацию:

1) о результатах рассмотрения итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля, в том числе обоснованные возражения на предложения и рекомендации, содержащиеся в итоговых документах, подготовленных по результатам общественного контроля;

2) об учете или причинах отказа в учете предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в итоговых документах, подготовленных по результатам общественного контроля;

3) о мерах по защите прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, если государственным органом или организацией принято решение об осуществлении таких мер в связи с рассмотрением итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля.

Также интересной представляется формулировка, использованная в Законе Пермского края от 21 декабря 2011 г. № 888-ПК «Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае», согласно которому ответ соответствующего органа или организации – «Заключение на рассмотрение акта по результатам общественного (гражданского) контроля» – должен включать в себя:

1) результаты проведения проверки по указанным в акте фактам;

2) оценку подтвержденных в ходе проверки фактов на соответствие правам и законным интересам граждан;

3) описание мер по устранению выявленных нарушений или календарный план их устранения;

4) мотивированное обоснование в случае несогласия с фактами, выводами и рекомендациями, указанными в акте;

5) описание мер по предупреждению повторного нарушения прав и законных интересов граждан, выявленного в ходе мероприятия по общественному (гражданскому) контролю, и календарный план их реализации.

В-четвертых, ряд региональных законов [12; 13] раскрывает порядок рассмотрения итоговых документов, подготовленных по результатам общественного контроля, предусматривая, в частности:

обязательную регистрацию итогового документа в день поступления в соответствующий орган или организацию;

перенаправление итогового документа в соответствующий орган или соответствующему должностному лицу, в компетенцию которых входит предмет контроля, с уведомлением субъекта общественного контроля, направившего итоговый документ, о его переадресации;

направление копии итогового документа в соответствующий орган или соответствующий

ющему должностному лицу, в случае если предмет контроля относится к компетенции нескольких органов власти, организаций, с уведомлением субъекта общественного контроля, направившего итоговый документ, о его переадресации;

возможность рассмотрения итогового документа с выездом на место;

основания для отказа в рассмотрении итогового документа (неуказание фамилии граждан или наименования некоммерческой организации, проводивших общественный (гражданский) контроль, почтового адреса, по которому должен быть направлен ответ; использование в итоговом документе нецензурных либо оскорбительных выражений, угрозы жизни,

здоровью и имуществу должностного лица, членов его семьи; а также в случае, если текст итогового документа не поддается прочтению);

срок рассмотрения итогового документа – 30 дней со дня регистрации итогового документа.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что правовые механизмы рассмотрения органами и организациями результатов общественного контроля и учета содержащихся в них предложений, рекомендаций и выводов достаточно разнообразны, но тем не менее нуждаются в дальнейшем нормативном развитии с учетом обобщения складывающейся правоприменительной практики.

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Амурской области: закон Амурской области от 29 дек. 2014 г. № 478-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области: закон Московской области от 22 июля 2015 г. № 130/2015-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об общественном контроле в Иркутской области: закон Иркутской области от 7 июля 2015 г. № 57-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об общественном контроле в Ярославской области: закон Ярославской области от 21 мая 2015 г. № 35-з. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Собрание законодательства Пермского края. 2011. № 12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении порядка осуществления общественного контроля за охраной атмосферного воздуха в Республике Бурятия: постановление Правительства Республики Бурятия от 6 декабря 2011 г. № 643. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об общественном экологическом контроле в Чукотском автономном округе:

1. On fundamentals of public control in the Russian Federation: fed. law of July 21, 2014 № 212-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. On certain questions of organization and realization of public control on the territory of the Amur region: law of the Amur region of Dec. 29, 2014 № 478-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. On some issues of implementation of public control in the Moscow region: law of the Moscow region of July 22, 2015 № 130/2015-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. On public control in the Irkutsk region: law of the Irkutsk region of July 7, 2015 № 57-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. On public control in the Yaroslavl region: law of the Yaroslavl region of May 21, 2015 № 35-l. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. The collection of the legislation of the Perm region. 2011. № 12 Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. About approval of the procedure of implementation of public control over protection of atmospheric air in the Republic of Buryatia: resolution of the government of the Republic of Buryatia of Dec. 6, 2011 № 643. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. On public environmental monitoring in Chukotka autonomous district: law of the Chukotka autonomous district of Dec. 21, 2007 № 158-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

закон Чукотского автономного округа от 21 дек. 2007 г. № 158-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отдельных правоотношениях, связанных с осуществлением общественного контроля в Орловской области: закон Орловской области от 8 дек. 2014 г. № 1711-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области: закон Воронежской области от 5 июня 2015 г. № 103-ОЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О порядке организации и осуществления общественного контроля в Пензенской области: закон Пензенской области от 4 марта 2015 г. № 2679-ЗПО. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об общественном (гражданском) контроле в Пермском крае: закон Пермского края от 21 дек. 2011 г. № 888-ПК. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. About individual legal relations related to implementation of public control in Orel region: law of the Orel region of Dec. 8, 2014 № 1711-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. On regulation of certain issues of implementation of public control in the Voronezh region: law of the Voronezh region of June 5, 2015 № 103-OL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. On the organization and implementation of public control in the Penza region: law of the Penza region of March 4, 2015 № 2679-LPR. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

12. On public (civil) control in the Perm region: law of the Perm region of Dec. 21, 2011 № 888-PC. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Зайцев Александр Олегович

аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
(e-mail: zaytsev.alexander@bk.ru)

О значении решений Европейского суда по правам человека для правовых стандартов правомерности заключения под стражу обвиняемого

В статье анализируются стандарты правомерности применения меры пресечения в виде заключения под стражу, принятые в российской правовой системе под влиянием Европейского суда по правам человека. Автор указывает актуальные направления модернизации российской правовой системы стандартов правомерности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте изменения международно-правовой ситуации.

Ключевые слова: заключение под стражу, Европейский суд по правам человека, Конституционный Суд России.

A.O. Zaytsev, Post-graduate of the Chair of Criminal Procedure Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: zaytsev.alexander@bk.ru

The significance of decisions of the European Court of Human Rights legal standards for legality detention of the accused

The article analyzes the standards of legality of the measure of restraint in the form of detention adopted by the Russian legal system under the influence of the European Court of Human Rights. The author points out the actual directions of modernization of the Russian legal system standards of the legality of the measure of restraint in the form of detention in the context of changes in the international legal situation.

Key words: commitment, European Court of Human Rights, Constitutional Court of Russia.

Продолжительное время стандарты правомерности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном судопроизводстве формировались под влиянием Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Правовые позиции, сформулированные ЕСПЧ, стали неотъемлемой частью многих решений Конституционного Суда РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ [1], касающихся применения данной меры пресечения. При этом конституционно-правовое положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры нашей страны имеют приоритет над нормами национального законодательства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), под сомнение не ставилось. Скорее наоборот, законодатель и правоприменитель исходили из буквального толкования смысла Федерального закона от 30 марта 1998 г. [2], который признал юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по

всем вопросам толкования и применения Конвенции [3] и Протоколов к ней, осуществляемых на основе разрешения конкретных уголовных дел.

Однако постепенно в практике Конституционного Суда РФ сформировалась тенденция на «суверенизацию» правового пространства России [4], замещение юрисдикции ЕСПЧ юрисдикцией Конституционного суда России [5], которая отчетливо нашла выражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21-П [6]. Свидетельствует ли это о возникновении системного конфликта между европейской системой защиты прав человека и аналогичной российской правовой системой? Поставлены ли под сомнение ранее сформировавшиеся под влиянием ЕСПЧ правовые гарантии прав личности? Предметом данной статьи является рассмотрение вопросов о возможном изменении уголовно-процессуальной политики по применению мер пресечения в нашей стране и действительности

некоторых международно-правовых стандартов правомерности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Вначале кратко обозначим те моменты, где наиболее ярко проявилось влияние ЕСПЧ на формирование критериев правомерности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в нашем уголовном процессе. В трактовке ЕСПЧ закрепленное в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод право на свободу и личную неприкосновенность является одним из наиболее защищаемых прав и находится на вершине иерархии правовых ценностей [7]. В позициях ЕСПЧ сформулирована фактическая презумпция в пользу освобождения арестованного лица. Так, ЕСПЧ многократно отмечал, что положения ст. 5 Конвенции предполагают доставку арестованного обвиняемого к судье в течение разумного срока или его освобождение до суда. Поскольку обвиняемый считается невиновным, он подлежит освобождению, как только его содержание под стражей перестает быть разумным. Обвиняемый в преступлении подлежит освобождению до суда, если государство-ответчик не представит «относимые» и «достаточные» причины, оправдывающие продление содержания его под стражей [8]. Ввиду исключительности меры пресечения в виде заключения под стражу возрастает требование к ее обоснованности, а неспособность судов государства изложить основания своих решений об оставлении заявителя под стражей противоречит требованиям «законности», установленной п. 1 ст. 5 Конвенции» [9].

В числе стандартов обоснованности применения этой меры пресечения, сформулированных ЕСПЧ, видимо, можно указать «риск уклонения от правосудия». Так, по делу Томази против Франции от 27 августа 1992 г. Европейский суд указал, что опасность уклонения от правосудия не может измеряться только в зависимости от суровости возможного наказания. Она должна определяться с учетом других факторов, которые свидетельствуют о наличии существенной опасности уклонения от правосудия либо делают ее настолько незначительной, что это не может служить оправданием содержания под стражей [10, с. 759]. По делу Неймастер против Австрии от 27 июня 1968 г. отмечено, что для установления данных о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от правосудия, необходимо учитывать характер обвиняемого (подозреваемого), его моральные качества, его средства, связи с государством, в

котором он преследовался по закону, и его международные контакты [10, с. 776]. Принимая решение по делу Летелье против Франции от 26 июня 1991 г., Европейский суд обратил повышенное внимание на необходимость установления опасности того, что обвиняемый скроется от следствия. Подобная опасность должна оцениваться не только в свете тяжести наказания, но и исходя из всех сопутствующих обстоятельств, которые могут либо подтвердить наличие подобной опасности, либо свести ее до такого минимума, что заключение под стражу окажется неоправданным [10, с. 700]. В решении ЕСПЧ по делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г. подчеркнута необходимость того, чтобы суд в своем решении учитывал конкретные особенности ситуации, указывающей на наличие у обвиняемого реальной возможности и желания скрыться от следствия и суда [10, с. 776].

Другим сформулированным ЕСПЧ стандартом является «опасность воспрепятствования производству по уголовному делу». Принимая решение по делу Клоот против Бельгии от 12 декабря 1991 г., Европейский Суд признал, что в отношении обвиняемого, по крайней мере, в начале следствия, может быть применена мера пресечения в виде содержания под стражей для того, чтобы помешать ему запутать расследование, особенно в деле, где необходимы многочисленные и сложные следственные действия. Однако с течением времени ситуация может поменяться, и при нормальном развитии событий предполагаемые риски постепенно уменьшатся по мере того, как проводится расследование, фиксируются показания и осуществляется проверка [10, с. 777]. Европейский суд согласился с тем, что опасение о возможном оказании давления на свидетелей в качестве одного из оснований к заключению под стражей могло быть оправданным в начале следствия, а после проведенных многочисленных допросов свидетелей оно перестает быть определяющим. Тем более, что в деле отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о том, что в период, когда обвиняемая находилась на свободе под подпиской о невыезде, она прибегала к запугиванию свидетелей [15]. В своем решении по делу W. против Швейцарии от 26 января 1993 г. ЕСПЧ признал обоснованным заключение под стражу обвиняемого в зависимости от исключительного объема дела, большого количества изъятых документов и их преднамеренно запутанного состояния, а также значительного количества

свидетелей, проживающих за границей. Другой аргумент базировался на личности арестованного лица, чье поведение как до, так и после ареста отражало его намерение уничтожить все уличающие его свидетельства, например путем фальсификации или ликвидации счетов. Имелись также достаточные доказательства того, что, оказавшись на свободе, обвиняемый может злоупотребить ею и, пользуясь влиянием на своих сотрудников, уничтожить не найденные улики, вероятное существование которых подтверждали другие документы, а также манипулировать свидетелями и склонить их к ложным показаниям [10, с. 777].

Следует считать стандартом правомерности заключения под стражу и «опасность повторения преступлений». По вышеупомянутому делу *W. против Швейцарии* от 26 января 1993 г. Европейский суд согласился с тем, что опасность уклонения от правосудия и наличие сговора уже являлись достаточным оправданием содержания лица под стражей [10, с. 778]. Сразу отметим, что, на наш взгляд, последний стандарт создает меньшую гарантию прав личности, чем сформированное в нашей правовой системе требование к обоснованности заключения под стражу.

ЕСПЧ создал представление о категорической недопустимости произвольного ограничения свободы и личной неприкосновенности обвиняемого в течение длительного времени вне осуществления судебного контроля, тем самым сформировав стандарт «разумности срока» содержания под стражей. ЕСПЧ благоразумно воздержался от определения конкретных критериев разумности срока. Так, в одном случае содержание под стражей в четыре года и три дня было признано правомерным [11]. По делу «Калашникова» против России, суд признал неразумными сроки: а) содержания под стражей в течение 4 лет 1 месяца и 4 дней; и б) производства по делу в течение 5 лет 1 месяца и 23 дней [12]. В другом решении ЕСПЧ признал неоправданной задержкой содержание обвиняемой под стражей в течение двух лет и девяти месяцев [13].

С точки зрения ЕСПЧ, незамедлительное вмешательство судебных органов может привести к обнаружению и предотвращению действий, представляющих угрозу для жизни лица, или к вскрытию фактов крайне плохого обращения. Речь идет как о защите физической свободы человека, так и о его личной безопасности в ситуациях, когда отсутствие такого рода

гарантий может подорвать верховенство права и лишить задержанного самых элементарных средств правовой защиты [14]. В свою очередь, к «бесчеловечному обращению» ЕСПЧ относит случаи, когда оно носит преднамеренный характер, длится несколько часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания. При этом условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству [15].

Итак, можно констатировать, что наша правовая система усвоила ряд правовых стандартов применения меры пресечения в виде заключения под стражу, основанных на прецедентах ЕСПЧ. Насколько велика вероятность того, что в будущем они не будут пересмотрены?

В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд РФ признал, что Конституция РФ и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, он констатировал по существу дополнительную к национальному механизму судебной защиты прав человека роль Европейского суда по правам человека в Российской Федерации, что предопределяет необходимость осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации, включая Верховный Суд России, а также Конституционный Суд РФ. А потому, с позиции Конституционного Суда РФ, гармонизация российского права с конвенционным допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией РФ. Российская Федерация обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции РФ, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере отдавать предпочтение требованиям Конституции РФ и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям.

В этом постановлении отмечена недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем

самым нарушить конституционные предписания. Так что теперь тезис о прямом и безоговорочном включении в русское уголовно-процессуальное право так называемых норм «мягкого права», содержащих положения различных международных соглашений, деклараций, стандартов, которые не являются нормативно-правовыми, но которые активно применяются Европейским судом по правам человека [16, с. 127], утратил актуальность. Имплементация правовых норм, соответствующих международным принципам и стандартам, в национальном законодательстве должна происходить с учетом специфики правовой системы Российской Федерации и только под контролем Конституционного Суда РФ.

Как представляется, к настоящему времени созданная национальными судами система правовых стандартов обеспечения прав личности при применении мер пресечения как минимум не ниже, чем система, созданная на основе Конвенции ЕСПЧ, а по некоторым положениям и выше. Это, в частности, касается стандартов обоснованности решений об избрании этой меры пресечения. Более того, российский законодатель и судебная власть взяли такие высоты в обеспечении прав некоторых категорий граждан («предпринимателей»), которые и не снились европейцам: ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. В свете пожелания Президента России «в ходе следствия по экономическим составам

помещение под стражу нужно использовать как крайнюю меру, а применять залог, подписку о невыезде, домашний арест» [17] этот «правозащитный стандарт» сомнению не подлежит.

Интересно другое: Конституционный Суд России оставил за собой право на выявление недостатков национального правового регулирования и предложение путей к их устранению, в том числе и в том, что касается правовых стандартов применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Именно этот орган взял на себя полномочие освободить (в порядке исключения) Россию от выполнения возлагаемых на нее обязательств по международно-правовому договору, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

Вывод о том, какого рода решения возможны в этом направлении, вытекает из недавних высказываний председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина, который выступил за пересмотр подходов к обеспечению безопасности и ужесточение национальной правовой системы «в направлении военной суровости» [18]. Так что, скорее всего, отступление от общепринятых международно-правовых стандартов возможно для, кто покушается на государственный суверенитет, национальную безопасность России: террористов, экстремистов и других врагов российского народа.

1. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5 (в ред. от 5 марта 2013 г.) // Рос. газ. 2003. 2 дек. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

2. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв., 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

1. On application by the courts of general jurisdiction of the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation: resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 10, 2003 № 5 (in ed. of March 5, 2013) // Rus. newsp. 2003. Dec. 2 / Access from reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

2. On ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols: fed. law of March 30, 1998 № 54-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 14. Art. 1514.

3. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, Nov. 4, 1950) (rev. of Sept. 21, 1970, Dec. 20, 1971, Jan. 1, Nov. 6, 1990, May 11, 1994). Access from reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

4. Зорькин В. Предел уступчивости // Рос. газ. 2010. № 5325(246).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2005 г. № 439-О; определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О; определение Конституционного Суда РФ от 15 янв. 2009 г. № 187-О-О; постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П; По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2013 г. № 27-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

6. По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой ст. 11, п. 4 ч. ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

7. Постановление Европейского суда от 20 сент. 2011 г. по делу «Нефтяная компания Юкос (ОАО «Neftyanaya kompaniya Yukos») против Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

8. Постановление Европейского суда от 21 дек. 2000 г. по делу «Яблоньский против Польши» (Jablonski v. Poland), § 83; постановление Европейского Суда от 13 марта 2007 г. по делу «Кастравец против Молдавии» (Castravet v. Moldova), (§ 30 и § 32). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2015).

9. Постановление Европейского суда от 24 апр. 2008 <Дело Фурсенко (Fursenko) про-

4. Zorkin V. Limit compliance // Rus. newsp. 2010. № 5325(246).

5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov 8, 2005 № 439-0; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 2, 2006 № 54-0; determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Jan. 15, 2009 № 187-O-O; resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 № 13-P; In the case on the constitutionality of the provisions of article 11, paragraphs 3 and 4 of the fourth paragraph of article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Leningrad Military District Court: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Dec. 6, 2013 № 27-P. Access from reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

6. In the case on the constitutionality of the provisions of art. 1 of the Federal Law «On ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols», p. 1 and 2 of art. 32 of the Federal Law «On international treaties of the Russian Federation», the first and fourth parts of the article 11, pt. 4 of art. 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, pt. 1 and 4 of art. 13, p. 4 of pt. 3 of art. 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, pt. 1 and 4 of art. 15, p. 4 of pt. 1 t. of art. 350 of Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the fourth part of paragraph 2 of Art. 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the inquiry group of State Duma deputies: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 № 21-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 30. Art. 4658.

7. Resolution of the European Court of Human Rights of Sept. 20, 2011 on the case of «Yukos oil company (OAO «Neftyanaya kompaniya Yukos») against the Russian Federation». Access from reference. legal system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

8. Resolution of the European Court of Human Rights of Dec. 21, 2000 on the case of «Jablonski v Poland» (Jablonski v. Poland), § 83; resolution of European Court of March 13, 2007 on the case «Kastravets against Moldova» (Castravet v. Moldova), (§ 30 and § 32). Access from reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 05.12.2015).

9. Resolution of the European Court of Apr. 24, 2008 <Case Fursenko (Fursenko) against Russia

тив России» (жалоба № 26386/02). URL: http://www.supcourt.ru/news_detale.php?id=6018

10. Европейский Суд по правам человека, избр. решения: в 2 т. М., 2000. Т. 1.

11. Решение Европейского суда по правам человека от 26 янв. 1993 г. по делу «W. против Швейцарии». URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm

12. Решение Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников против Российской Федерации» // Рос. газ. 2002. 17 окт.

13. Решение Европейского суда по правам человека от 26 июня 1991 г. по делу «Летелье (Letellier) против Франции». URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm

14. Постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Курт (Kurt) против Турции». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2014).

15. Бюлл. Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 3–8.

16. Воскобитова Л.А. Качество уголовно-процессуального закона: стенограмма круглого стола «Качество уголовно-процессуального закона» (5 июня 2013 г., Академия МВД России, Зал ученого совета) // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1.

17. Послание Президента Федеральному Собранию от 3 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 05.12.2015).

18. Валерий Зорькин готов к ужесточению российских законов в условиях «военной суровости» // Коммерсантъ. 2015. 25 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2861672#comments>

(application № 26386/02). URL: http://www.supcourt.ru/news_detale.php?id=6018

10. The European Court of Human Rights, sel. solutions: in 2 vol. Moscow, 2000. Т. 1.

11. The decision of the European Court of Human Rights of Jan. 26, 1993 in the case of «W. against Switzerland. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm

12. The decision of the European Court of Human Rights of July 15, 2002 on the case «Kalashnikov against the Russian Federation» // Rus. newsp. 2002. Oct. 17.

13. The decision of the European Court of Human Rights of June 26, 1991 on the case «Letellier (Letellier) against France». URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm

14. Resolution of the European Court of Human Rights of May 25, 1998 on the case «Kurt (Kurt) against Turkey». Access from reference legal system «ConsultantPlus» (date of access: 01.04.2014).

15. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 12. P. 3–8.

16. Voskobitova L.A. Quality of criminal procedural law: transcript of the round table «The quality of the Criminal Procedural Law» (June 5, 2013, the Academy of the Interior Ministry, the Hall of the Academic Council) // Union of forensics and criminology. 2013. № 1.

17. Message of the President to Federal Assembly [Electronic resource]: of Dec. 3, 2015 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (date of access: 05.12.2015).

18. Valery Zorkin is ready to toughening of the Russian laws in the conditions of «military severity» // Kommersant. 2015. Nov. 25. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2861672#comments>

Ильяшенко Алексей Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета МВД России
по научной работе
(тел.: +78612584050)

Никитина Людмила Константиновна

кандидат юридических наук,
преподаватель Майкопского государственного гуманитарно-технического колледжа
Адыгейского государственного университета
(e-mail: nikitina3373@mail.ru)

Проблемы квалификации незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

В статье предлагается решение проблем квалификации состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Сформулированы разъяснения относительно разграничения данного преступления с иными общественно опасными деяниями.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, состав преступления, товарный знак, средства индивидуализации, мошенничество.

A.N. Ilyashenko, Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050;

L.K. Nikitina, Master of Law, Lecturer of the Maykop State Humanitarian and Technical College of the Adyghe State University; e-mail: nikitina3373@mail.ru

The problems of qualification of unlawful use of means of individualization of goods (works, services)

The article suggests solutions to the problems of qualification of illegal use of means of individualization of goods (works, services). Clarified regarding distinguishing this crime from other socially dangerous acts.

Key words: crime, criminal liability, corpus delicti, trademark, means of identification, fraud.

Одним из предназначений науки уголовного права является разработка путей повышения эффективности противодействия преступности. Как справедливо замечает В.Н. Кудрявцев, «практика законодательной и правоприменительной деятельности показывает, что иногда недостатки в борьбе с преступностью зависят от дефектов самой нормы; в других же случаях причины этого скорее определяются дефектами правоприменительной деятельности» [1, с. 4]. Сказанное предопределяет необходимость исследования вопросов квалификации деяний по ст. 180 УК РФ с разработкой рекомендаций по наиболее затруднительным аспектам такой деятельности.

Проведенный нами анализ материалов следственно-судебной практики показал, что при квалификации незаконного использования товарного знака допускается широкий спектр ошибок. В ряде изученных нами приговоров судов обнаруживаются факты неправильного

применения уголовного закона, казалось бы, в элементарных ситуациях. Например, приговором мирового судьи судебного участка № 153 Кореновского района Краснодарского края М.Ю. и М.С. признаны виновными в незаконном использовании чужого товарного знака и наименования места происхождения товара неоднократно (ч. 1 ст. 180 УК РФ). Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

18 марта 2002 г. ЗАО «Комбинат ветеринарных средств» в установленном законом порядке был зарегистрирован товарный знак «Подворье» и получено свидетельство на товарный знак № 209648. М.Ю., зарегистрированный в качестве предпринимателя, действуя умышленно, по предварительному сговору с М.С., не обладая правом на использование товарного знака ЗАО «Комбинат ветеринарных средств» «Подворье», не получив его в порядке уступки от правообладателя и не имея лицензии на использование такого товарного знака, в период с января 2003 г. по 25 апреля 2003 г. незакон-

но использовали товарный знак «Подворье» и наименование места происхождения товара ЗАО «Комбинат ветеринарных средств». Так, в указанный период времени М.С. и М.Ю., действуя умышленно, расфасовывали купленную продукцию ЗАО «Комбината ветеринарных средств» кормовые добавки: «Эффект-1», «Несушка», «Рыбная мука», «Костная мука» в полиэтиленовые пакеты меньшей емкостью, наклеивая на пакеты этикетки с чужим товарным знаком и наименованием места происхождения товара, и реализовывали их на рынках г. Кореновска и ст. Платнировской. При этом М.С. копировал на оргтехнике этикетки с указанием товарного знака «Подворье» и наименование места происхождения товара ЗАО «Комбинат ветеринарных средств». 25 апреля 2003 г. при контрольной закупке у М.С. была приобретена одна упаковка витаминной добавки «Эффект-К» весом 500 гр. по цене 25 руб. и одна упаковка витаминной добавки «Несушка» весом 500 гр. по цене 25 рублей [2].

На наш взгляд, судом верно решен вопрос о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. В то же время по непонятным причинам неправильно определен предмет исследуемого преступления. Суд признал наименованием места происхождения товара название ЗАО «Комбинат ветеринарных средств», не сделав при этом ссылку на факт наличия у этого комбината свидетельства о государственной регистрации наименования места происхождения товара.

Более того, суд не принял во внимание то, что наименованием места происхождения товара, которому предоставляется правовая охрана, является обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. В то время как словосочетание «Комбинат ветеринарных средств» вряд ли можно признать обозначением географического объекта, еще сложнее говорить об известности такого наименования.

Очевидно, что данная квалификационная ошибка обусловлена ненадлежащим подходом

к применению нормы, диспозиция которой изложена бланкетным способом. Помимо этого, в тексте приведенного приговора суда не решен вопрос о применении квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», хотя из описания события преступления явно следует, что данное общественно опасное деяние было совершено двумя соисполнителями, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

Вместе с тем, необходимо заметить, что чаще затруднения у правоприменителя вызывают сложные квалификационные ситуации, которые, к сожалению, не нашли разрешения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» 2007 г.

Так, трудности нередко возникают при отграничении незаконного использования товарного знака от мошенничества. Неполными в этой части следует признать разъяснения высшей судебной инстанции. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» 2007 г. по данному вопросу отмечается лишь следующее: если лицо осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность путем изготовления и реализации фальсифицированных товаров, например спиртосодержащих напитков, лекарств, под видом подлинных, обманывая потребителей данной продукции относительно качества и иных характеристик товара, влияющих на его стоимость, содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ не требует. В тех случаях, когда указанные действия связаны с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом фальсифицированных товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 159 и 238 УК РФ [3].

Совершенно непонятно, почему, если указывается на фальсифицированные товары, отсутствуют разъяснения относительно необходимости квалификации содеянного в таком случае по ст. 180 УК РФ, безусловно, при наличии всех признаков последней. На наш взгляд, в том числе и вследствие отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о разграничении преступлений, предусмотрен-

ных ст. 159 и 180 УК РФ, в судебной практике встречаются противоречивые решения.

Составы указанных преступлений различаются, прежде всего, содержанием их объектов. Если объектом мошенничества выступают общественные отношения собственности, то объектом незаконного использования товарного знака являются общественные отношения, обеспечивающие исключительные права лиц на средства индивидуализации товаров, работ и услуг (основной) и общественные отношения в сфере добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности (дополнительный). Как видно, объекты данных преступлений не совпадают.

Что касается характеристик объективных сторон данных составов преступлений, то они в принципе могут совпадать, как в последнем примере. Полное совпадение может иметь место в субъекте преступления и в субъективной стороне.

Между тем, уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 159 и 180 УК РФ, нельзя признать конкурирующими, поскольку при конкуренции норм в одной из них (в общей норме) определяются основные составообразующие признаки, которые «обязательно наличествуют в специальных нормах с добавлением одного или более других признаков» [4, с. 123]. В анализируемых нормах такая ситуация не обнаруживается.

В связи с этим в рассмотренном примере следует руководствоваться положениями ч. 2 ст. 17 УК РФ, в соответствии с которыми совокупностью преступлений может признаваться одно действие, содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ (идеальная совокупность преступлений).

А поскольку в анализируемом примере описывается деяние, одновременно подпадающее и под признаки мошенничества, и под признаки незаконного использования товарного знака, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 159 и 180 УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество и незаконное использование товарного знака не находятся в отношениях конкуренции, и при наличии признаков обеих норм содеянное в соответствии с ч. 2 ст. 17 УК РФ подлежит квалификации как идеальная совокупность преступлений.

При этом важно учитывать следующее замечание Б.В. Волженкина и В.И. Тюнина: «Если в результате незаконного использования чужого

товарного знака причиняется только имущественный ущерб, связанный с противоправным и безвозмездным завладением чужим имуществом приобретателя (пользователя) товара (услуги), содеянное является только мошенничеством» [5, с. 453].

Аналогичного по существу правила необходимо придерживаться и при решении вопроса о разграничении незаконного использования товарного знака и незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). Нормы о преступлениях, предусмотренных ст. 171 и 180 УК РФ, не находятся в отношениях конкуренции в связи с полным несовпадением их непосредственных объектов. Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» 2004 г., если при занятии незаконной предпринимательской деятельностью лицо незаконно использует чужой товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара или сходные с ними обозначения для однородных товаров и при наличии иных признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171 и 180 УК РФ [6].

Как показывает наше исследование, такой же подход надлежит применять и в случаях, когда контрафактные товары (работы, услуги) не отвечают требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), – при наличии всех необходимых признаков вменяется совокупность преступлений, регламентированных ст. 180 и 238 УК РФ.

Еще одним моментом, заслуживающим отдельного внимания, является следующая ситуация. Изучение источников уголовно-правовой нормы, регламентированной ст. 180 УК РФ, привело нас к обнаружению ряда обстоятельств, при которых регистрация товарного знака может быть признана впоследствии незаконной. В этой связи закономерно встает вопрос об уголовно-правовой оценке действий субъекта, который незаконно использовал товарный знак, однако последнему (т.е. товарному знаку) правовая охрана также была предоставлена незаконно (либо вообще юридически не предоставлялась правовая охрана). Получается, что внешне содеянное выглядит как анализируемое преступление. Вместе с тем, при более детальном анализе в этой ситуации выделяется два возможных варианта.

В первом варианте субъект не осведомлен о незаконном правообладании исключительным правом на товарный знак потерпевшим, т.е. при совершении виновным действий он осознает, что незаконно использует товарный знак. Между тем, товарный знак фактически не отвечает требованиям гражданского законодательства, отсюда не может быть признан, так сказать, полноценным предметом преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ.

Представляется, что в данном случае имеет место ошибка, под которой понимается «заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление» [7, с. 35]. Согласно выработанным теорией уголовного права правилам ошибка в предмете преступления здесь перерастает в ошибку в объекте преступления. Иными словами, вино-

вный, ошибаясь в предмете посягательства, не нарушает объекта преступления. В такой ситуации содеянное надлежит квалифицировать как покушение на незаконное использование товарного знака.

Возможный второй вариант сводится к тому, что субъект осознает незаконный характер правообладания товарным знаком потерпевшей стороной, однако вопреки установленному гражданским законодательством порядку начинает самовольно без надлежащего оформления использовать такой товарный знак. В этом случае налицо не только негодный предмет преступления, но и отсутствие субъективной стороны состава незаконного использования товарного знака. Поэтому содеянное здесь при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано лишь как самоуправство (ст. 330 УК РФ) [8, с. 94].

1. Эффективность применения уголовного закона. М., 1973.

2. Архив мировых судей Кореновского района Краснодарского края за 2003 г.

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

4. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М., 2007.

5. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.

6. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

7. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

8. Ильяшенко А.Н., Никитина Л.К. Уголовно-правовая охрана прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Краснодар, 2011.

1. Efficiency of application of the criminal law. Moscow, 1973.

2. Archive of magistrates of Korenovsk district of the Krasnodar region in 2003.

3. About court practice on affairs about swindle, assignment and waste: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 27, 2007 № 51 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 2.

4. Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes: lectures on the special course «Fundamentals of qualification of crimes» / ed. and forew. by V.N. Kudryavtsev. Moscow, 2007.

5. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity under criminal law of Russia. St. Petersburg, 2007.

6. About court practice on affairs about illegal business and legalisation (laundering) of monetary funds or other property obtained by criminal means: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 18 2004 № 23 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 1.

7. Yakushin V.A. Error and its criminally-legal value. Kazan, 1988.

8. Ilyashenko A.N., Nikitina L.K. Criminal-legal protection of means of individualization of legal entities, goods, works, services and enterprises. Krasnodar, 2011.

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского государственного юридического университета
 им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
 (e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru)

Курносова Татьяна Игоревна

директор по правовым и кадровым вопросам
 ЗАО «Юропиан Медикал Сентер»
 (Европейский медицинский центр)
 (e-mail: tatiana.kurnosova@gmail.com)

Международные «преступления против человечности» и «преступления против человечества»: их соотношение

В статье анализируется нормативная правовая основа использования в правоприменительной практике двух понятий: «преступления против человечности» и «преступления против человечества». Дается характеристика генезиса происхождения понятий, анализируется их соотношение.

Ключевые слова: преступления против человечества, преступления против человечности, соотношение, синонимы, генезис перевода.

L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: inogamova-hegay@yandex.ru;

T.I. Kurnosova, Director on Legal Issues and Human Recourses of the CJSC European Medical Center; e-mail: tatiana.kurnosova@gmail.com

The correlation of the definition of crimes against humanity and crimes against mankind

This article examines substantive legal framework of using in legal practice two definitions: crimes against humanity, crimes against mankind. The characteristics of definition genesis, their analyses and correlation are given in the article.

Key words: crimes against humanity, crimes against mankind, correlation, synonyms, translation genesis.

В докладе Комиссии ООН по военным преступлениям (the United Nations War Crimes Commission) 28 мая 1948 г. была дана содержательная характеристика преступлений против человечности. В докладе отмечалось, что понятием «преступления против человечности» не охватываются изолированные преступления. Для трансформации обычного преступления, наказуемого по внутригосударственному праву, в преступление против человечности, относящееся к юрисдикции международного уголовного права, необходим факт осуществления методичной массовой акции, отличающейся особой жестокостью. Только преступления, опасные для международного сообщества, характеризующиеся широкомасштабностью, жестокостью и множественностью преступных актов или тем, что при их совершении в разное время и в различных местах применяются похожие способы и методы действий, могут оправдывать

вмешательство других государств, помимо того, на чьей территории указанные преступления были совершены или чьи граждане стали их жертвами [1, p. 179].

Известный юрист Н.Н. Полянский обращал внимание на то, что наименование «преступлений против человечности» содержит благородную идею: несмотря на все границы, которые разделяют человечество – территориальные, национальные, классовые – есть требования, которым, по крайней мере, в представлении всех цивилизованных народов, должен удовлетворять человек для того, чтобы быть достойным называться человеком» [2, с. 14]. В решениях Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (Prosecutor v. Drazen Erdemovic) и Международного уголовного трибунала по Руанде (Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu) обращается внимание на то, что преступления против человечности являются «вопиющими актами насилия, которые

наносит удар по самому главному, что есть у человека – его жизни, свободе, здоровью, они затрагивают больше чем отдельную личность, потому что когда преступному посягательству подвергается человек, то тем самым объектом нападения и отрицания становится понятие человечности» [3, с. 148].

В настоящее время в отечественной правовой доктрине продолжает существовать спор о том, тождественны ли понятия «преступления против человечности» и «преступления против человечества». В ряде международных документов в русскоязычной версии одновременно используются выражения «преступления против человечности» и «преступления против человечества». По нашему мнению, наличие двух терминов в большинстве связано с трудностями перевода английского термина «humanity».

В преамбулу Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г. была включена ссылка на Декларацию Ф. Мартенса, которая обязывала государства, подписавшие и ратифицировавшие конвенции, придерживаться общепризнанных принципов и норм международного права: «В случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Фактически это можно считать одним из первых упоминаний в международном праве термина «человечность» (англ. «humanity» или нем. «die Menschlichkeit») [4].

В Декларации 1915 г., подписанной правительствами России, Франции и Великобритании, употребляется термин «crimes against humanity and civilization». В русскоязычной версии Декларации 1915 г. данный термин переводится как «преступления против человечности» [5]. Также в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала и в его приговоре употребляется термин «crimes against humanity», который официально переводится как «преступления против человечности» [6].

В англоязычной версии в ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. используется выражение «crimes against humanity» [7]. В русскоязычном варианте в этой статье Конвенции называются «преступления против человечества», к которым Конвенцией отнесены апартеид, геноцид, а также преступления, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г. (ст. 2). Как было приведено выше, в Уставе Нюрнбергского трибунала применен в переводе термин «против человечности», а не «против чело-

вечества». Специфика перевода на русский язык анализируемого термина «crimes against humanity» очевидна в сопоставительном исследовании используемых названий в приведенных Конвенциях.

Интересно отметить тот факт, что в переводе на немецкий язык всех указанных выше документов используется понятие «Verbrechen gegen die Menschlichkeit», что в буквальном смысле означает «преступления против человечности». В немецком языке понятие «die Menschlichkeit» имеет однозначное толкование «человечность» [8].

Согласно ст. 1 Декларации о территориальном убежище 1967 г., (принята Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН) «на право искать убежище и пользоваться убежищем не может ссылаться никакое лицо, в отношении которого существуют серьезные основания полагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества по смыслу тех международных актов, которые были разработаны для того, чтобы предусмотреть нормы относительно этих преступлений» [9]. В Декларации о территориальном убежище 1967 г. понятие «crimes against humanity» переведено на русский язык как «преступления против человечества», несмотря на прямые ссылки в ее тексте на Устав Нюрнбергского трибунала.

Пункт 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3074 (XXVIII) 1973 г. «О принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества» предусматривает, что «военные преступления и преступления против человечества, когда бы и где бы они ни совершались, подлежат расследованию, а лица, совершившие такие преступления, – розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности и в случае признания их виновными – наказанию» [10].

В ст. 1 Конвенции о пресечении преступлений апартеида и наказания за него 1973 г. апартеид отнесен к группе «преступлений против человечества», в то время как в англоязычной версии этой Конвенции снова употребляется термин «crime against humanity» [11]. В ст. 1 Европейской конвенции о неприменимости сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям 1974 г. предусмотрено: «Каждое Договаривающееся государство обязуется принимать любые необходимые меры в целях обеспечения неприменения сроков давности к судебному преследованию или осуществлению приговора в связи со следующими правонарушениями постольку, поскольку они являются наказуемыми в соот-

ветствии с внутренним правом: 1. Преступления против человечества, перечисленные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него... 1948 г.» [12]. В аутентичном тексте Европейской конвенции на русском языке снова используется термин «преступления против человечества», в то время как в англоязычной и франкоязычной версиях Конвенции используется термин «crimes against humanity» и «crimes contre l'humanité».

Можно отметить, что в преамбуле Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. апартеид осуждается как преступление против человечества (русскоязычный вариант). Но Римским статутом Международного уголовного суда 1998 г. апартеид отнесен к преступлениям против человечности [13].

Принимая во внимание, что в Уставе Нюрнбергского трибунала используется понятие «преступления против человечности», логичнее было бы использовать в названии и тексте русскоязычных версий Европейской конвенции о неприменимости сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям 1974 г. и Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. термин «преступления против человечности».

Уставы Международного трибунала по Руанде 1994 г. и Международного трибунала по бывшей Югославии 1993 г. закрепляют понятие «crime against humanity» для обозначения преступлений, уголовное преследование за которые относится к юрисдикции этих трибуналов [14]. В русскоязычном переводе названных документов это понятие переводится как «преступления против человечности». В Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. также закрепляется понятие «crime against humanity» при определении преступлений, уголовное преследование за которые входит в его юрисдикцию. В русскоязычной версии Статута анализируемое понятие переводится как «преступления против человечности» [13].

Указанное расхождение в терминологии связано, по нашему мнению, со следующими обстоятельствами. Официальными языками ООН являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки. Рабочими языками Секретариата ООН являются английский и французский языки. Все документы принимаются в оригинале (первоначальном варианте) на английском и французском языках, а потом переводятся на другие официальные языки ООН.

Как видно из примеров, появление двух различных понятий в отечественной правовой доктрине связано со спецификой перевода слова «humanity» с английского языка. В соответствии с официальным толкованием слово «humanity» имеет несколько значений: человечество как совокупность людей («humankind», «mankind»); человеческая природа («human species»); человечность («human race»), человеколюбие, гуманность («humaneness») [15]. Исходя из первичного значения рассматриваемого понятия в русском языке, при официальном переводе текстов международных документов желательным было бы использование единого понятия, т.к. при расширенном толковании, слово «humanity» можно переводить и использовать не только как «человечность», но и «человечество», сама человеческая природа, гуманность.

Один из официальных языков Нюрнбергского трибунала – немецкий язык дает четкое и однозначное определение преступления против человечности, определяя их как «Verbrechen gegen die Menschlichkeit». Используя именно этот термин для определения категории данных преступлений, предусмотренных Уставом и Приговором Нюрнбергского Трибунала, немецкие правоведы и юристы не оставили возможности какого-либо дополнительного толкования или перевода данного термина. Используя именно понятие «die Menschlichkeit» [16], что в переводе означает «человечность», немецкие правоведы тем самым подчеркивали жестокость совершенных в нацистской Германии преступлений, направленных, в первую очередь, против человечности. И возможно, если бы первоисточником для перевода международно-правовых норм с иностранного языка на русский язык послужил оригинальный текст документов на немецком языке, то в настоящее время мы могли бы избежать последствий, возникших из-за некорректного перевода терминов с английского языка.

Ранее мы впервые в отечественной науке предложили и обосновали положение о рассмотрении понятий «преступления против человечества» и «преступления против человечности» как синонимов [17, с. 67–68].

На основе проведенного анализа генезиса в русском языке английского термина «humanity» считаем, что «преступления против человечества» и «преступления против человечности» обозначают одну группу преступлений, направленных против человечества как совокупности людей, человечности.

1. *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of Laws of War 32–38 (The United Nations War Crimes Commission: London, 1948) («War Crimes Commission»).*

2. Полянский Н.Н. *Международный военный трибунал.* М., 1946.

3. Трикоз Е.Н. *Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты.* М., 2007. С. 148.

4. Гаагская конвенция о мирном решении международных столкновений [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20935707/20043895> (дата обращения: 14.09.2014).

5. Декларация правительств России, Великобритании и Франции 1915 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.idd.mid.ru/pervaya_mirovaya_voyna_i_diplomatiya_rossii.html (дата обращения: 10.10.2014).

6. *The Charter and Judgment of the Nurnberg Tribunal 1946 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_5.pdf (дата обращения: 30.09.2015); *Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т.* М., 1999.

7. *Convention on the Non-Applicability of Statutory Limitations to War Crimes and Crimes Against Humanity, 1968* [Электронный ресурс]. URL: <http://legal.un.org/avl/ha/cnslwcch/cnslwcch.html> (дата обращения: 30.09.2015); *Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 30.09.2015).

8. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Gerichtshof Nürnberg. Nürnberg 1947. Bd. 1. S. 253–255.*

9. Декларация о территориальном убежище: принята Резолюцией 2312 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 14 дек. 1967 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (дата обращения: 11.11.2015).

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3074 (XXVIII) «О принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности» от 3 дек. 1973 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/28/docs/28res.shtml>.

11. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г. // Сбор-

1. *History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of Laws of War 32–38 (The United Nations War Crimes Commission: London, 1948) («War Crimes Commission»).*

2. Polyanskuy N.N., *International Criminal Tribunal.* Moscow, 1946.

3. Trikos E.N. *Crimes against peace and security of mankind: comparative and international legal aspects.* Moscow, 2007.

4. *Convention for the Pacific Settlement of International Disputes 1907.* [digital resource]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20935707/20043895> (date of access: 14.09.2014).

5. *France, Great Britain and Russia Joint Declaration 1915.* [digital resource]. URL: http://www.idd.mid.ru/pervaya_mirovaya_voyna_i_diplomatiya_rossii.html (date of access: 10.10.2014).

6. *The Charter and Judgment of the Nurnberg Tribunal 1946 г.* [digital resource]. URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_5.pdf (date of access: 30.09.2015); *The Charter and Judgment of the Nurnberg Tribunal // Nurnberg Trial: digest: in 8 vol.* Moscow, 1999.

7. *Convention on the Non-Applicability of Statutory Limitations to War Crimes and Crimes Against Humanity, 1968.* [digital resource]. URL: <http://legal.un.org/avl/ha/cnslwcch/cnslwcch.html> (date of access: 30.09.2015).

8. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Gerichtshof Nürnberg. Nürnberg 1947, Bd. 1, P. 253–255.*

9. *Declaration on Territorial Asylum: accepted by General Assembly Resolution 2312 (XXII) dtd. of Dec. 12, 1967* [digital resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/territorial_asylum.shtml (date of access: 11.11.2015).

10. *General Assembly resolution № 3074 (XXVIII) «Principles of international co-operation in the detection, arrest, extradition and punishment of persons guilty of war crimes and crimes against humanity» dtd. from the 3rd of Dec. 1973* [digital resource]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/28/docs/28res.shtml>.

11. *Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid, 1973 // Digest of international treaties. Vol.1. Pt. 1, 2. Universal treaties.* UN. NY. Jeneve. 1994 [digital resource]. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/apartheid-suppl.html> (date of access: 30.09.2015).

12. *European Convention on the Non-Applicability of Statutory Limitations to Crimes against Humanity and War Crimes 1973* [digital resource]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/082.htm> (date of access: 30.09.2015).

ник международных договоров. Т. 1. Ч. 1, 2. Универсальные Договоры. ООН. NY. Jeneve. 1994; *International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid 1973* [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/apartheid-supp.html> (дата обращения: 30.09.2015).

12. *Европейская конвенция о неприменимости сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям 1974* [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.soe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/082.htm> (дата обращения: 30.09.2015).

13. *Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.* Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». *Международные правовые акты.*

14. *Устав Международного трибунала по бывшей Югославии 1993 г.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/> (дата обращения: 30.09.2015); *Statute for international criminal tribunal for Former Yugoslavia* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icty.org/sections/LegalLibrary/StatuteoftheTribunal> (дата обращения: 30.10.2014); *Statute of the International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Genocide and Other Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Rwanda and Rwandan Citizens Responsible for Genocide and Other Such Violations Committed in the Territory of Neighbouring Stats, between 1 Jan. 1994 and 31 Dec. 1994* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/StatuteInternationalCriminalTribunalForRwanda.aspx> (дата обращения: 30.09.2015); *Устав Международного трибунала по Руанде 1994 г.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 30.09.2015).

15. *Oxford Dictionaries Languages matters.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/humanity> (дата обращения: 10.09.2015).

16. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Gerichtshof Nürnberg. Nürnberg 1947, Bd. 1, S. 253–255.*

17. *Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право: учеб.-метод. пособие. М., 2012.*

13. *Rome Statute of International Criminal Tribunal 1998.* Access from legal reference system «ConsultantPlus». *International treaties.*

14. *Statute of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia 1993* [digital resource]. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/> (date of access: 30.09.2015). URL: <http://www.icty.org/sections/LegalLibrary/StatuteoftheTribunal> (date of access: 30.10.2014); *Statute of the International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Genocide and Other Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Rwanda and Rwandan Citizens Responsible for Genocide and Other Such Violations Committed in the Territory of Neighbouring Stats, between 1 Jan. 1994 and 31 Dec. 1994,* [digital resource]. URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/StatuteInternationalCriminalTribunalForRwanda.aspx> (date of access: 30.09.2015);

15. *Oxford Dictionaries Languages matters.* [digital resource]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/humanity> (date of access: 10.09.2015).

16. *Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Gerichtshof Nürnberg. Nürnberg 1947. Bd. 1. P. 253–255.*

17. *Inogamova-Khegay L.V. International Criminal Law: guidance manual. Moscow, 2012.*

Квашис Виталий Ефимовичдоктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации**Морозов Николай Александрович**кандидат юридических наук, профессор,
научный сотрудник Юридической школы
Дальневосточного федерального университета

(e-mail: CrimLaw@rambler.ru)

Основные тенденции в практике назначения и исполнения наказания в виде смертной казни в Японии

Статья посвящена анализу современной практики назначения наказания в виде смертной казни в Японии. Наряду с основными тенденциями в практике применения этой меры, рассматриваются процессуальные и пенитенциарные аспекты исполнения смертных приговоров.

Ключевые слова: смертная казнь, смертный приговор, убийство, мораторий, осужденные.

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation;

N.A. Morozov, Master of Law, Professor, Researcher of the Law School of the Far Eastern Federal University; e-mail: CrimLaw@rambler.ru

Major trends in the practice of appointment and execution of the death penalty in Japan

This article analyzes the current practice of punishment in the form of the death penalty in Japan. Along with the main trends in the practice of this measure are considered procedural and penal aspects of the execution of death penalty.

Key words: death penalty, sentence of death, murder, moratorium, convicted.

Несмотря на то, что смертная казнь широко представлена в санкциях Уголовного кодекса Японии, на практике она, по сравнению с другими странами, применялась весьма редко, а в последние 20 лет ее применение вообще носит единичный характер. В абсолютном большинстве случаев такие приговоры выносились лишь за убийства с особой жестокостью или убийство нескольких лиц, а также за грабежи, связанные с изнасилованием или гибелью потерпевших.

Поданным судебной статистики, с 1946 по 1993 г. в Японии было вынесено 766 смертных приговоров [1, р. 199]. Во второй половине 1980-х гг. районные суды начали выносить все большее число смертных приговоров. Этот рост последовал после решения Высокого суда Токио в марте 1987 г., повторно вынесшего смертный приговор Н. Нагояме. В решении по этому уголовному делу суд определил несколько критериев, важных для вынесения такого рода приговоров. Смертная казнь применяется, если: было убито более одного лица; убийство было особенно жестоким и убийца не проявил раскаяния и не был прощен семьей потерпевшего.

К середине 1988 г. ожидали исполнения смертных приговоров 85 осужденных, причем в отношении 35 из них Верховный суд откло-

нил все апелляции. В последующие годы масштабы применения смертной казни стали все более заметно снижаться. В 1992–1996 гг. эта мера наказания, по данным судебной статистики, была применена к 25, а в 1997–2001 гг. – к 15 осужденным. В 1997 г. такие приговоры были вынесены 3 осужденным, в 1998 г. – 7, в 1999 году – 5, в 2000 г. в связи с отмечаемым по призыву ООН 50-летним юбилеем со дня принятия Декларации прав человека смертные приговоры в стране вообще не выносились, хотя моратория на их применение в Японии не объявлялось. Зато уже в 2001 г. было вынесено 10, а в 2002 г. – 18 смертных приговоров.

Ретроспективный анализ позволяет детализировать рассматриваемую практику с целью определения вероятности вынесения смертного приговора за убийство и грабеж на разных временных отрезках. Анализ показывает, что в 1983–1995 гг., например, смертные приговоры были вынесены лишь в отношении 0,6% от общего числа всех осужденных за убийство и грабеж. Причем доля убийц здесь была в 3 раза меньше, следовательно, вероятность вынесения смертного приговора за убийство в эти годы была (по сравнению с грабежом) значительно ниже. Это соотношение в разные годы сохранялось и в практике последующих

лет, хотя пропорции менялись в зависимости от продолжительности периода наблюдений [2, с. 163–165]. В 1960–2000 гг. только 110 из 305 смертных приговоров, т.е. лишь 36%, было вынесено за убийства, а остальные – за грабежи и другие тяжкие преступления.

Однако с начала 2000-х гг. (особенно в 2001–2006 гг.) ситуация стала существенно меняться: число таких приговоров значительно увеличилось, и по сравнению с двумя последними десятилетиями (1980–1990 гг.) судебная практика по делам о рассматриваемых тяжких преступлениях заметно ужесточилась. Динамика смертных приговоров за последние три десятилетия, действительно, красноречива. Если в 1980-х гг. было вынесено 58 смертных приговоров, в 1990-х – 43, то в 2000–2010 гг. – 113 приговоров, что почти в два раза больше, чем в 80-е гг. и почти в три раза больше, чем в предыдущее десятилетие.

Здесь следует отметить, что и у различных исследователей, и в официальных статистических материалах, публикуемых в разные годы, показатели вынесенных в Японии смертных приговоров имеют бросающиеся в глаза расхождения и потому не всегда сопоставимы. Дело в том, что ежегодно публикуемые статистические отчеты судебных органов, прокуратуры, а также суммарные отчеты Министерства юстиции не учитывают и в силу определенного временного лага не могут учитывать фактического изменения того или иного числа приговоров в ходе продолжающихся апелляционных процедур, когда смертный приговор заменяется длительным или пожизненным лишением свободы. Другими словами, такие приговоры попадают в статистику как «окончательные», хотя на самом деле мера наказания в последующем была изменена.

Если обратиться к статистике трех последних десятилетий, то в практике применения смертной казни можно отметить основную тенденцию, которая связана с изменениями в структуре смертных приговоров. Так, в 1980-х гг. из 58 смертных приговоров 34 были вынесены за убийство и 24 – за грабеж; в 1990-х гг. из 43 таких приговоров 33 вынесены за убийство и 10 – за грабеж; в 2000-х гг. эти показатели составили 69 приговоров и 44. Таким образом, на фоне стабилизации, а затем все более заметного сокращения числа убийств идет ужесточение практики наказания за эти преступления (к 2011 г. доля таких приговоров выросла на 95%), а число смертных приговоров за грабежи, наоборот, заметно снижается. За указанный период их доля в общем числе вынесенных смертных приговоров снизилась с 57,4% до 38,9%.

Дальнейший анализ позволяет рассчитать вероятность (риск) смертного приговора за совершение каждого из двух названных пре-

ступлений. Понятно, что в разные годы – в зависимости от числа осужденных за указанные преступления и числа вынесенных смертных приговоров – вероятность именно такого исхода судебного процесса имеет различную статистическую значимость. Кроме того, учитывая, что статистика фиксирует лишь приговоры первой инстанции, а апелляционные процедуры по такого рода делам делятся в среднем не менее 6–8 лет, вполне допустима перспектива снижения риска смертного приговора в ходе его обжалования.

Проведенные нами расчеты показывают, что вероятность смертного приговора за убийство за 2001–2010 гг. по сравнению с предыдущими десятилетиями выросла и составила 1,0% (69 осужденных к смертной казни из 6723 всех осужденных за убийство); это еще раз свидетельствует о значительном ужесточении судебной практики, связанной с вынесением смертных приговоров за убийство. Вместе с тем, следует иметь в виду, что наши расчеты вероятности вынесения смертного приговора строились на суммарных данных за все последние десять лет. Если же такие расчеты проводить отдельно по каждому году, то окажется, что вероятность смертного приговора за убийство в разные годы варьируется в весьма широких пределах – от 0,3% до 1,4%. Отсюда следует, что показатели вероятности смертного приговора в том или ином году никак не коррелируют с общим числом осужденных за убийства и в статистическом плане от него не зависят; они определяются единичными фактами вынесения смертных приговоров и конкретными обстоятельствами дела. Вот как одно из таких дел описывает Х. Мураками: «Два года назад в Татикаве случилось убийство с поджогом. Один мужик зарубил топором двух стариков, мужа и жену, стащил их банковские книжки, а чтобы уничтожить улики, дом вместе с трупами подпалил. Его осудили к высшей мере. А тут еще и поджог. Сам мужик – мерзавец конечный. Ярко выраженная склонность к насилию, несколько судимостей, наркоман. Родная семья от него давным-давно отказалась. После каждой отсидки тут же новое преступление совершал. Ни малейшего раскаяния не испытывал. Такому даже апелляцию подавать смысла нет – сто процентов вероятности, что отклонят. Адвокат, судом назначенный, даже не пытался его оправдать, сразу рукой махнул. В общем, когда ему “вышку дали”, никто не удивился» [3, с. 141–142].

Что же касается вероятности смертного приговора за грабеж, повлекший тяжкие последствия, то в 2001–2010 гг. она, по нашим расчетам, составляет 0,6% (44 из 7738 всех осужденных) и в статистическом плане, в отличие от предшествующих десятилетий, стала значительно меньше, чем вероятность смерт-

ного приговора за убийство. Соответственно, рассчитанные годовые показатели риска смертных приговоров за такие преступления в разные годы существенно разнятся. Сказанное еще раз подтверждает вывод о том, что корреляции между динамикой преступлений, наказуемых смертной казнью, и изменениями в карательной практике не существует. На уровне конкретного преступления назначение высшей меры не отражает изменений в практике, о которых говорилось выше, и становится не столько вопросом уголовной политики, сколько вопросом факта. Вместе с тем, отмеченное положение вовсе не отменяет общего вывода о тенденции ужесточения практики вынесения смертных приговоров.

Еще в середине XIX в. в Японии ежегодно казнили по 550–800 человек. Резкое сокращение числа казней началось лишь с 1878 г., когда за пять лет в стране казнили 601 осужденного (в среднем по 120 осужденных). Спустя еще 20 лет, к началу XX в. число казней сократилось в три раза – в среднем ежегодно казнили 58 осужденных [4, р. 37]. К началу 1960-х гг. этот показатель снизился еще в три раза, а с начала 70-х гг. в Японии ежегодно казнили лишь по несколько осужденных. С 1960 по 1974 г. в стране казнили 189 осужденных (в среднем по 12 человек), а за следующие 15 лет – с 1975 по 1990 г. – 47 осужденных. С 1990 по 1992 г. в стране фактически действовал мораторий на казни, а с 1993 г. казни возобновились, хотя с 1993 по 2000 г. в Японии казнили в общей сложности 13, а в 2000–2010 гг. – 41 осужденного. В США в те же годы казнили 634 осужденных; таким образом, США опережали Японию по числу казней в 15,5 раз.

Следует отметить, что сравнение числа казней в этих странах именно за первое десятилетие XXI в. выбрано не случайно, ибо речь идет как раз о том периоде, когда аболиционистское движение во всем мире максимально активизировалось и добилось значительного продвижения вперед по пути моратория на казни и последовательного исключения этой меры наказания из арсенала уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Что же касается Японии, то надо учесть, что активизация террористической деятельности «Аум сенрикё», а затем и судебный процесс по делу участников заринновой атаки в токийском метро в 1995 г. никак не могли способствовать расширению пацифистских настроений в обществе. Одновременно эти события во многом упрочили позицию правительства, укрепили решимость властей сохранить применение смертной казни и продолжать исполнение смертных приговоров.

Показательна в этом отношении хронология казней. В 2005 г. в Японии был приведен в исполнение лишь один смертный приговор. За

время пребывания Сугиуры Сейкена на посту министра юстиции – с 16 сентября 2005 г. по 25 декабря 2006 г. – не приводился в исполнение ни один смертный приговор. Сменивший Сейкена новый министр Нагасае Дзинэн в первый же день отдал распоряжение об исполнении смертных приговоров в отношении четырех осужденных (одному из них было 75, а другому 77 лет), которые были казнены в воскресную ночь 25 декабря [5] (заметим, что ст. 71 УПК Японии запрещает проведение казней в субботу и в воскресенье, в национальные праздники, а также 1 и 2 января).

В августе 2007 г. новым министром юстиции стал Кунио Нагояма, который решительно выступал за применение смертной казни – по его приказу за год было казнено 13 осужденных. Через год пост министра занял Ясуока Окихара, который с первых же дней своей деятельности отдал приказ о приведении в исполнение смертных приговоров в отношении трех осужденных преклонного возраста. В 2008 г. правительство Японии в очередной раз заявило свои возражения по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призывающей к мораторию на казни. Отказавшись поддержать эту инициативу, власти продолжили практику казней – за три года были приведены в исполнение еще 12 смертных приговоров. С 28 июля 2010 г. и в течение 2011 г. в Японии впервые за 19 лет не было ни одной казни (за это время сменилось три министра юстиции – Е. Сингоку, С. Эда и Х. Хираоке, которые не подписали ни одного приказа о приведении смертного приговора в исполнение [6]), однако уже в 2012 г. было казнено 7 осужденных [7]. В 2013 г. казнено 8 осужденных, 5 осужденным вынесены смертные приговоры.

Число казней в той или иной стране в криминологической литературе иногда рассчитывается с учетом численности населения, что позволяет сравнивать относительную распространенность практики казней. Возьмем, например, данные за 1996–2000 гг. по ряду соседних с Японией азиатских стран. Судя по рассчитанным индексам казней, в Японии он (0,04) значительно ниже, чем в любой другой из соседних стран, где в указанные годы приводились в исполнение смертные приговоры [8]. Так, индекс казней в Японии (в расчете на 1 млн населения) при практически равном числе казней все же в два раза ниже, чем, например, в Таиланде (0,08), и в 2 раза ниже, чем в Южной Корее. Если же говорить о сравнении с индексами казней в Сингапуре и КНР, то эти различия выглядят астрономическими.

Различия в практике вынесения смертных приговоров корреспондируются не только с числом казней, но и с числом осужденных, которые содержатся в тюрьмах в ожидании

исполнения смертного приговора. С послевоенных лет число вынесенных в Японии смертных приговоров всегда значительно превышало число приговоров, приведенных в исполнение. В 2000–2010 гг. в Японии, как уже отмечалось, было вынесено 113 смертных приговоров, из них приведены в исполнение приговоры в отношении 41 осужденного.

К числу шокирующих аспектов, окружающих все, что связано с применением смертной казни в Японии, исследователи, относят секретность ее исполнения, а также произвольный характер выбора осужденного и времени для его казни. «Иначе чем еще объяснить выбор Министерством юстиции того или иного осужденного, подлежащего казни, притом, что многие из них провели в ожидании казни от 20 до 30 лет» [9, p. 264].

Национальные и международные правозащитные организации давно подвергают резкой критике условия, в которых содержатся «смертники». Согласно ст. 9 Закона об исполнении наказания на осужденных, которым вынесен смертный приговор, распространяется тот же порядок содержания в тюрьме, что и на всех остальных лиц, содержащихся в тюрьмах. Однако на практике действуют специальные ведомственные правила Министерства юстиции, согласно которым до проведения казни такие лица содержатся в одиночных камерах в специальных тюрьмах с куда более суровыми условиями, где доступа к ним не имеют не только адвокаты или члены семьи, но даже члены парламента. В Японии существует семь такого рода специальных тюрем для «смертников»; осужденные в них содержатся под круглосуточным теленаблюдением, в течение многих лет не имея практически никакой связи ни с родственниками, ни с внешним миром; им запрещено смотреть телепередачи, слушать радио и поль-

зоваться компьютером; разрешено лишь иметь при себе не более трех книг – на выбор и играть в настольные игры; предусмотрены 30-минутные прогулки (3 раза летом и 2 раза зимой); питание также ограничено (не более 1500 калорий в день). Учитывая длительные сроки ожидания казни, все эти ограничения и постоянное электроосвещение не могут не влиять на психику осужденных.

О предстоящей казни осужденные узнают, как правило, за несколько часов, причем ни родственникам, ни адвокатам о дате и времени казни тюремная администрация никогда не сообщает. Родственники осужденного узнают о его казни, только когда их приглашают, чтобы выдать тело казненного. Министерство юстиции объясняет такого рода практику тем, что юридически оно не обязано информировать родственников и адвокатов осужденного о дате казни, а фамилии казненных не называются и не публикуются – по официальной версии, лишь из-за того, чтобы не компрометировать членов их семьи в глазах общественности.

В заключение отметим, что, несмотря на чрезвычайно жесткий порядок исполнения рассматриваемого наказания, в современной Японии сложился весьма своеобразный подход к применению смертной казни: мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение не действует, смертная казнь не отменена и угроза ее применения вполне реальна. В то же время использование этой меры в судебной практике настолько минимизировано, что ее применение носит, скорее, символический характер, поскольку в консервативном общественном сознании абсолютного большинства японцев издавна сформировалась поддерживаемая властями потребность в сохранении высшей меры наказания.

1. *White Paper on Crime*. 2005. Tokyo, 2006.

2. Квашис В.Е., Морозов Н.А., Тё И.Б. США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь / под ред. В.Е. Квашиса. Владивосток, 2008.

3. Мураками Х. *Послепрак*: пер. с яп., М., 2014.

4. Schmidt P. *Capital punishment in Japan*. London, 2002.

5. *AI Index: ASA 22/006/2006 «Will this day be my last?»*

6. *Yomiuri Shimbun*. 2011. 29 дек.

7. Там же. 2012. 31 дек.

8. Hood R. *The Death Penalty. A world-wide perspective*. London, 2002.

9. Byung-Sun Cho. *The death penalty in South Korea and Japan: «Asian values» and the debate about capital punishment/Hodkinson P., Schabas W. Capital Punishment. Strategies for Abolition*. Cambridge, 2004.

1. *White Paper on Crime*. 2005. Tokyo, 2006.

2. Kvashis V.E., Morozov N.A., Cho I.B. *The US and Japan. Crime. Criminal policy. Death penalty / ed. by V.E. Kvashis*. Vladivostok, 2008.

3. Murakami. H. *Postgloom: transl. from Japan*. Moscow, 2014.

4. Schmidt P. *Capital punishment in Japan*. London, 2002.

5. *AI Index: ASA 22/006/2006 «Will this day be my last?»*

6. *Yomiuri Shimbun*. 2011. Dec. 29.

7. *Ibid*. 2012. Dec. 31.

8. Hood R. *The Death Penalty. A world-wide perspective*. London, 2002.

9. Byung-Sun Cho. *The death penalty in South Korea and Japan: «Asian values» and the debate about capital punishment/Hodkinson P., Schabas W. Capital Punishment. Strategies for Abolition*. Cambridge, 2004.

Наумов Анатолий Валентинович

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права и криминологии
 Всероссийского государственного университета юстиции
 (РПА Минюста России)
 (e-mail: yasenavm34@mail.ru)

Уголовно-правовой «маятник» жесткости и мягкости наказания как условие пределов наполняемости исправительных учреждений

В статье рассматривается зависимость наполняемости исправительных учреждений от «мягкости» или «жесткости» уголовного законодательства. Делается это на основе исторического анализа опыта отечественного законодателя в связи с принятием Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. и антиалкогольного законодательства периода горбачевской перестройки (1987–1989 гг.).

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, наказание, судимость, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, «резервы» снижения «тюремного» населения, зарубежный опыт.

A.V. Naumov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice; e-mail: yasenavm34@mail.ru

Criminal law «pendulum» hardness and softness of the punishment as a condition of the limits of filling prisons

The article deals with the dependence of population density in correctional institutions from the «softness» and «stiffness» of criminal law. This is done based on the historical analysis of the experience of the national legislator in connection with the adoption of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics of 1958, Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on June 12, 1970 and anti-alcohol legislation Gorbachev's restructuring period (1987–1989).

Key words: criminal policy, criminal law, punishment, conviction, probation to imprisonment with compulsory labor, «reserves» reduce «prison» of the population, foreign experience.

Совсем недавно СМИ оповестили читателей о том, что в исправительных учреждениях в качестве отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также в следственных изоляторах (речь идет о тех, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу) находится 673818 человек [1]. Но ведь известно, что буквально несколько лет назад таковых в тех местах содержалось на порядок (!) больше: в 2009 г. – около 900 тысяч. Что же такого произошло? Резко снизилась преступность? Снизилась, но, увы, совсем не настолько. Кардинально изменилось уголовное законодательство? В какой-то мере, но опять-таки не настолько. Решительных «амнистий» также не было. Так чем же сложившееся можно объяснить? Если «копать» не столь «глубоко», а ограничиться причинами, лежащими на поверхности (чувствую, что за такое «предательство» диалектики мне не удастся защититься от ее воинствующих защитников), то надо признать, что, пожалуй, самой серьезной причиной указанных пере-

мен субъективного порядка было резкое (причем очень резкое) изменение политики в сфере противодействия преступности, и именно оно привело к кардинальным изменениям в наполняемости, в первую очередь, исправительных учреждений. Разумеется, делалось это вначале «руками» законодателя, а затем и «выполнявшего его волю» суда. И такая закономерность характерна не только для рассматриваемого временного периода. Но политика не должна сводиться к произволу власти. Как говорил основоположник отечественной Коммунистической партии и Советского государства, политика есть «концентрированное выражение экономики», а последнюю, как известно, не переспоришь, не обманешь и не перехитришь. Обратимся к не столь давней истории. Выборочно возьмем несколько ярких примеров, свидетельствующих о резком снижении наполняемости исправительных учреждений, и попытаемся взвалить «вину» за это на изменение политики Власти в указанном направлении.

Пример 1. Сопоставим данные о судимости (общее число осужденных) в СССР в 1958 г. и аналогичные за ним последовавшие 1959 и 1960 г. В 1958 г. количество осужденных в нашей стране перевалило за миллион человек: в 1957 г. – 943957, в 1958 г. – 1078882, в 1959 г. – 869177, в 1960 г. – 516091 [2, с. 152]. И если учесть, что наказания, не связанные с лишением свободы, были в те времена, мягко говоря, «не в моде», то следует констатировать, что резкое изменение количества осужденных означало и соответствующее изменение контингента «тюремного» (не в специальном смысле) населения. Как это могло быть? Амнистия, подобная 1953 и 1957 гг., не объявлялась. Юридическая же причина этого, разумеется, была. Это принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Этим актом предельный срок лишения свободы как вид наказания снижался с предыдущих 25 лет (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. № 17) до 15 лет. В соответствии же с Указом Президиума Верховного Совета ССР от 14 февраля 1959 г. № 7 судам (до приведения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в соответствие с Основами) предписывалось при рассмотрении уголовных дел осужденным на срок свыше 15 лет применять вместо такого срока лишение свободы на срок до 15 лет; а осужденным к лишению свободы на срок свыше 10 лет за преступления, совершенные ими в возрасте до 18 лет, сократить эти сроки до 10 лет. При этом действие указанных норм Основ в части смягчения наказания не распространялось на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления, за бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищения в крупных размерах и разбой. Однако эта «оговорка» законодателя не особенно влияла на наполняемость исправительных учреждений, т.к. указанный исключительный контингент в это время не являлся основным по отношению к другим «сидящим» исчезнувшему к этому времени ГУЛАГа (исчезнувшего по причине обнаружившейся его экономической невыгодности).

Пример 2. При росте количества зарегистрированных преступлений и устойчивой тенденции в этом направлении (1969 г. – 969186, 1970 г. – 1046336, 1971 г. – 1057090, 1972 г. – 1064976 преступлений) не произошло таких же изменений в наполняемости исправительных учреждений. Произошло же это по причинам также сугубо политико-экономическим. В соответствии с Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду» при назначении наказания совершеннолетнему трудоспособному лицу, впервые осужденному к лишению свободы на срок от одного года до трех лет (кроме лиц, осужденных за ряд особо тяжких преступлений, перечисленных в Указе, также лицам, которым, наряду с наказанием, назначаются меры принудительного лечения от алкоголизма и наркомании, совершившим преступление военнослужащим и осужденным иностранцам и лицам без гражданства), суд, учитывая обстоятельства и личность виновного, а также возможность его перевоспитания без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора, может постановить об условном осуждении этого лица к лишению свободы с обязательным привлечением его на срок назначенного наказания к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора с указанием в приговоре мотивов такого решения. Конкретизировались и ограничения, применяемые к лицам, осужденным к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Во-первых, они были обязаны в течение всего определенного приговором суда срока наказания работать там, куда они будут направлены органами, ведающими исполнением приговора, а в случае производственной необходимости могут переводиться без их согласия на другую работу, в том числе и на работу в другую местность. Во-вторых, они обязаны являться в органы внутренних дел от одного до четырех раз в месяц для регистрации. В-третьих, им запрещено в этот период покидать пределы административного района по месту их работы без специального на то разрешения органа, осуществляющего надзор за осужденным. Положение Указа от 12 июня 1970 г. было продублировано в уголовных кодексах союзных республик (в частности, соответствующие изменения были внесены в ст. 24 УК РСФСР). В народе этот новый вид условного осуждения получил название «направление на химию», что в основном соответствовало истине. Это были времена, когда ленинская формула социализма – «советская власть плюс электрофикация всей страны» – дополнялась указанием еще на один плюс – «химизации народного хозяйства». В стране развернулось строительство химических заводов и комбинатов, и для обеспечения этого одним комсомольских путевок не хватало. Руководство страны поняло, что осужденных за нетяжкие преступления гораздо экономически выгоднее

использовать на «полусвободных» работах, чем «загонять» в исправительно-трудовые колонии (содержание которых требует более значительных затрат). Заодно в определенной степени нейтрализовывались и отрицательные последствия наказания в виде лишения свободы, например неизбежный отрыв осужденных от семьи (постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1975 г. эти лица были обязаны проживать, как правило, в предназначенных для них общежитиях, а при хорошем поведении и добросовестном отношении к труду и наличию семьи им могло быть разрешено проживание на квартирах [3]), попадание осужденного в криминальную среду и т.д. и т.п.

Пример 3. В 1987–1989 г. статистика отметила резкое несоответствие количества «выявленных лиц, совершивших преступления» и лиц, осужденных «по вступившим в законную силу приговорам судов» (формулировка соответствующих статистических документов): в 1987 г. – 969388/834 673; в 1988 г. – 580074/427039; в 1989 г. – 847577/436986 (первая цифра указывала на число лиц «выявленных», вторая – осужденных). И если верить официальным статистическим данным (а в принципе при всей их неполноте они отражают существо проблемы), первые три года перестройки дали феномен снижения преступности, которое затем прекратилось, и с 1988 г. возобновилась в начале тенденция к ее росту, а в 1989–1991 г. – к росту стремительному. Отечественные криминологи объясняют временное снижение роста преступности активной борьбой с пьянством и алкоголизмом (официально объявленной антиалкогольной кампанией), что привело к существенному снижению насильственных и иных преступлений, особенно совершаемых мужчинами в нетрезвом состоянии. Они же констатировали и отрицательные последствия указанной кампании, носившей волюнтаристский характер. Она спровоцировала разрастание наркомании и токсикомании, причинила существенный экономический ущерб стране. Власти пришлось отступить от жесткого контроля за употреблением алкоголя, и преступность вновь стала расти [4, с. 15].

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на социальную природу причин преступности, властные структуры, используя власть как рычаг управления, способны воздействовать (в ту или иную сторону) на ее состояние и динамику при наличии при этом надлежащей политической воли (предпочтительно через изменение законодательства), формируя и соответству-

ющую судебную и вообще правоприменительную практику. И самое трудное при этом для Власти – выявление настоящих «болевых» точек своей политики в сфере противодействия преступности. Применительно к обсуждаемой теме и наша Верховная власть, в том числе и судебная, справедливо пришла в 2008 г. к твердому выводу о перенаселении «тюремного» населения, или, точнее, количества лиц, находящихся в местах лишения свободы и местах предварительного заключения (на 1 сентября 2008 г. оно, как уже отмечалось, составило 893 тысячи человек, при этом наблюдалась ярко выраженная тенденция к значительному возрастанию доли осужденных к лишению свободы). То есть проблема сама по себе была обозначена точно. А ее решение? Оно известно. Федеральным законом от 7 марта 2011 г. были «урезаны», т.е. исключены нижние пределы санкций около 70 статей УК РФ, в том числе и за ряд тяжких и особо тяжких преступлений. Что касается последних, то зададимся вопросом «зачем»? Приведем лишь один пример. Подобное новшество коснулось даже разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Отныне приговор преступнику, совершившему такое преступление, превращался в законный, выносимый в пределах от 2 месяцев до 10 лет лишения свободы (никуда не деться и от возможной коррупционной составляющей предоставленного суду такого безразмерного размаха его усмотрения). Вряд ли тут нужны какие-либо комментарии. Дело, однако, в другом. Судебная практика в части жесткости или мягкости назначения наказания напоминает своеобразный «маятник», и либерализация уголовной политики в области назначения наказания должна уравниваться другой ее составляющей – применением самых строгих мер наказания к лицам, совершившим особо опасные преступления. Ну а указанный закон неизбежно будет корректироваться (и такой правотворческий процесс уже начался). В целом же этот пример, мягко говоря, не совсем удачного использования властью своих полномочий [5, с. 38–39]. Правда, некоторые попытки законодателя найти приемлемые для уменьшения контингента тюремного населения способы заслуживают, на наш взгляд, положительной оценки. Кстати говоря, без изменений непосредственно Уголовного кодекса. Из Интернета и СМИ стало известно, что в Государственной Думе находится законопроект поправок в КоАП РФ, в частности в его ст. 7.27. В соответствии

с ним в числе прочих нововведений предполагается увеличить с 1000 рублей до 5000 тысяч рублей сумму ущерба, нанесенного при совершении в этих размерах кражи, мошенничества, присвоения или растраты, в связи с чем в этих случаях следует не административная, а уголовная ответственность. Учитывая, что кражи до сих пор устойчиво занимают одно из первых мест в структуре зарегистрированной преступности (2013 г. – 922562, 2014 г. – 908901, январь – сентябрь 2015 г. – 747702) и наиболее распространенным наказанием за них является лишение свободы, принятие такого законопроекта обоснованно положительно скажется на уменьшении «тюремного» населения, осужденного за такие преступления.

Существуют ли другие содержащиеся в УК РФ «резервы» обоснованного снижения «тюремного» населения? Да, существуют, хотя их не так уж много (и здесь надо знать меру). Порассуждаем лишь об одном. Лицо совершило кражу (простую, без отягчающих обстоятельств): максимальное наказание – до 2 лет лишения свободы. Если же не в одиночку, то наказание увеличивается более чем вдвое – «аж» до 5 лет лишения свободы. Второй вариант опаснее, но не настолько же? И думается, что приписывание таким субъектам в этих случаях их участия в «организованной» преступности (как это известно, бывает) явно надуманно. Не тот уровень. Ну это так у нас, а как у других? За рубежом? В УК Франции наказание усиливается также значительно (п. 1 ст. 311-4), но лишь в том случае, если кража «совершена несколькими лицами, действу-

ющими в качестве исполнителей или соучастников, но не образующими организованную банду» (как говорится, «котлеты отдельно, мухи отдельно»). УК Испании оперирует таким квалифицирующим обстоятельством, как «сговор» при совершении преступления, но учитывает это только «в случаях, прямо предусмотренных законом» (ст. 17), оставляя это за пределами наказания за кражу (последнее, т.е. использование при краже «помощи других лиц», учитывается в качестве отягчающего обстоятельства в рамках санкции нарушенной виновным статьи Уголовного кодекса). По УК ФРГ указанное обстоятельство делает кражу квалифицированной, влекущей более строгое наказание, если она совершается «членом банды, организованной для длительного совершения разбоя или кражи, при содействии другого члена этой банды» (п. 2 § 244). Это там, на Западе. А у нас в дореволюционной (досоветской) России? По Уголовному уложению 1903 г. (по разным причинам так в полном объеме и не вступившему в действие), кража («воровство») при указанных обстоятельствах (т.е. совершаемое двумя или более лицами) влекла повышенное наказание только лишь в случае совершения такого преступления «шайкой», под которой понималась «прежде всего наличность не только предварительного соглашения, но и соглашения на несколько преступных деяний, на целый их ряд, и при том не периодически повторяющееся соглашение на отдельные деяния, а соглашение на постоянное сообщество в целом ряде преступных деяний» [6, с. 106–107].

Так что есть на счет этого исторический опыт, как мировой, так и наш, отечественный.

1. *Рос. газ.* 2015. 26 марта.

2. Лунеев В.В. *Преступность XX в.* 2-е изд. М., 2005.

3. *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1975. № 12. Ст. 203.

4. Лунеев В.В. *Преступность и уголовная юстиция в бывшем СССР и странах, образованных на его территории (1986–1992 гг.).* М., 1994.

5. Наумов А. *О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право.* 2011. № 1.

6. *Уголовное уложение 22 марта 1903 г.* Изд. Н.С. Таганцева. СПб., 1904.

1. *Rus. newsp.* 2015. March 26.

2. Luneev V.V. *Crime XX century.* 2nd ed. Moscow, 2005.

3. *Bull. of the Supreme Soviet of the USSR.* 1975. № 12. Art. 203.

4. Luneev V.V. *Crime and criminal justice in the former USSR and the countries formed on the territory (1986–1992).* Moscow, 1994.

5. Naumov A. *About serious vulnerabilities one of the last bills to amend the Criminal code of the Russian Federation // Criminal law.* 2011. № 1.

6. *Criminal code of March 22, 1903.* Ed. of N.S. Tagantsev. St. Petersburg, 1904.

Ображиев Константин Викторович

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(e-mail: okv79@mail.ru)

Правила квалификации преступлений и внешние формы (источники) их выражения

В статье рассматриваются источники правил квалификации преступлений. Доказывается, что существующую систему источников правил квалификации преступлений нельзя признать оптимальной, поскольку содержание соответствующих правил во многих случаях явно не соответствует внешним формам их выражения. Предлагается перенести в УК РФ все универсальные (общие) правила квалификации преступлений, выработанные в практике Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: правила квалификации преступлений, источники уголовного права, квалификация преступлений.

K.V. Obrazhiev, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: okv79@mail.ru

Rules of qualification of crimes and external forms (sources) of their expression

The article deals with the sources of the rules of qualification of crimes. It proved that the existing system of sources of law qualification of crimes can not be considered optimal, since the content of the relevant rules, in many cases, does not correspond to the external forms of expression. It proposed to transfer to the Criminal code of the Russian Federation all-purpose (general) rules for qualification of the crimes elaborated in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: rules of qualification of crimes, sources of criminal law, qualification of crimes.

Квалификация преступлений – это формализованный процесс, подчиняющийся определенным правилам, которые определяют порядок выбора уголовно-правовых норм для оценки преступных деяний при тех или иных фактических обстоятельствах, а также фиксации результатов уголовно-правовой оценки. Правила квалификации преступлений призваны обеспечить единообразие, определенность, предсказуемость, верификацию результатов уголовно-правовой оценки, минимизировать риски произвольного применения уголовно-правовых норм.

В юридической литературе принято разграничивать нормативные и ненормативные правила квалификации преступлений, которые отличаются источниками (внешними формами) выражения. Однако эта классификация является довольно условной. Дело в том, что конкретное правило квалификации преступлений может складываться из нескольких предписаний, содержащихся в различных источниках, одни из которых имеют нормативный, а другие – ненормативный характер.

Показательным в этом отношении является правило квалификации составных преступлений. Законодательное отражение оно получило

в ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений не признаются случаи, «когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». К сожалению, соответствующее правило квалификации преступлений регламентировано в УК РФ неполно. Во-первых, процитированное предписание ч. 1 ст. 17 УК РФ относится только к тем составным преступлениям, которые предусмотрены квалифицированными составами. Между тем составные преступления могут быть предусмотрены и основными составами (например, разбой, террористический акт, массовые беспорядки). А во-вторых, законодательное правило квалификации составных преступлений не предполагает каких-либо исключений, хотя в теории уголовного права и судебной практике их наличие не вызывает сомнений.

Поэтому предписания ч. 1 ст. 17 УК РФ дополняются правовыми позициями Верховного Суда РФ, выработанными в практике по конкретным делам, а также доктринальными правилами квалификации. Согласно этим правилам квалификация составного преступле-

ния зависит от соизмерения санкций преступлений-элементов последнего и составного преступления как такового. Когда максимальный предел санкции составного преступления выше максимума санкции преступления-элемента, множественность преступлений отсутствует и достаточно квалифицировать содеянное как единое преступление. Если же санкция преступления-элемента больше или равна санкции составного преступления, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений [1, с. 35–36; 2, с. 26; 3, с. 48; 4, с. 11].

Этот подход к квалификации составных преступлений успешно реализуется в правоприменительной практике. В решении по делу 3. Верховный Суд РФ указал, что при осуждении лица по ч. 2 ст. 318 УК РФ в случае умышленного причинения потерпевшему тяжкого вреда здоровью дополнительной квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется, поскольку под насилием, указанным в ч. 2 ст. 318 УК РФ, понимается причинение вреда здоровью любой тяжести, в том числе и тяжкого. В отличие от санкции п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении лица в связи с осуществлением им служебной деятельности) санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ за причинение такого вреда здоровью представителю власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей установлена более тяжкая (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 44-099-89 по делу Зубарева [5]).

Таким образом, рассматриваемое правило уголовно-правовой оценки составных преступлений имеет полиисточниковый (доктринальный, судебный и законодательный) характер, в связи с чем причислить его к нормативным или, напротив, к ненормативным правилам квалификации весьма проблематично.

Тем не менее, несмотря на отмеченную условность разграничения нормативных и ненормативных правил квалификации преступлений, в теоретическом плане эта классификация все же необходима, поскольку она выступает в качестве предпосылки для постановки вопроса о выборе оптимальных внешних форм выражения (источников) правил квалификации преступлений.

Приступая к решению этого вопроса, для начала отметим, что источники нормативных правил квалификации преступлений не ограничиваются только уголовным законодательством, как полагают отдельные специалисты. В УК РФ получили отражение лишь некоторые общие

правила квалификации (в частности, взаимосвязанные предписания ст. 9 и 10, ч. 1 и 3 ст. 17, ч. 3 ст. 29, ч. 2–5 ст. 34, ст. 36 УК РФ), что справедливо оценивается в науке как регулятивная недостаточность уголовного закона [6, с. 58; 7, с. 68–69].

Восполняется она за счет подключения других источников уголовного права, в частности постановлений и определений Конституционного Суда РФ. Так, именно решения Конституционного Суда РФ определяют отсутствующие в УК РФ правила квалификации преступлений при изменении бланкетной части уголовно-правовых норм. В этом плане важнейшее значение имеет правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ в определении от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 3, ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и п. 13 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Согласно этой правовой позиции ст. 10 УК РФ и п. 13 ст. 397 УПК РФ «не исключают возможность придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования». Как указал Конституционный Суд РФ, «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...». Таким образом, процитированная правовая позиция Конституционного Суда РФ позволяет при квалификации преступления придавать обратную силу уголовно-правовой норме, которая претерпела изменения вследствие трансформации бланкетной части (разумеется, при условии, что соответствующие изменения улучшают положение лица, совершившего преступление).

В некоторых случаях при квалификации преступлений используется и регулятивный потенциал Конституции РФ. Основной закон России содержит отдельные предписания универсального характера, значимые, в том числе, и для уголовно-правовой оценки преступлений. Так, например, согласно ч. 3 ст. 49 Конституции РФ «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Указанное «правило толкования сомнений» имеет не только уголовно-процессуальное, но и непосредственное материальное уголовно-

правовое значение, поскольку применяется для разрешения сомнений, возникающих при квалификации преступлений. Как разъясняется в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», «по смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и т.д.».

Нельзя также не отметить, что Конституция России включает отдельные нормы с типичным уголовно-правовым содержанием, которые применяются в качестве нормативной основы для квалификации преступлений. В этом контексте следует упомянуть ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, в силу которой «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Интерпретируя это конституционное предписание, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 19 марта 2003 г. № 3-П подчеркнул, что «принцип “non bis in idem”, как он установлен Конституцией Российской Федерации и регулируется уголовным законодательством Российской Федерации, исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности».

Однако чаще всего пробельность уголовного закона в части, касающейся регламентации общих правил квалификации преступлений, компенсируется посредством регулятивного потенциала нижестоящих источников уголовного права – постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Не углубляясь в многолетнюю дискуссию о юридической природе постановлений Пленума, отметим, что в настоящее время имеются все основания для вывода об их нормативном характере (подробнее об их юридической природе и уголовно-правовом значении см.: [8, с. 40–45]). Во-первых, об их обязательности свидетельствует сам факт конституционного закрепления (ст. 126 Конституции России) за Верховным Судом РФ полномочий давать

разъяснения по вопросам судебной практики. Если бы эти разъяснения имели исключительно рекомендательный характер, то упоминать о них в Основном законе не имело никакого смысла. Во-вторых, обязательность постановлений Пленума подтверждается фактическим воздействием, которое они оказывают на субъектов уголовно-правовых отношений. Проведенное нами исследование показало, что большинство судей (80,9%), работников прокуратуры (73,1%) и следователей (71,2%) считают постановления Пленума обязательными [9, с. 259]. В-третьих, весомым аргументом в пользу обязательности постановлений Пленума является правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная им в постановлении от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Газпром нефть”». Оценивая юридическую природу писем Федеральной налоговой службы, Конституционный Суд РФ указал, что «обязательность содержащихся в них разъяснений для налогоплательщиков нормативно не закреплена. Вместе с тем – поскольку в силу принципа ведомственной субординации территориальные налоговые органы обязаны в правоотношениях с налогоплательщиками руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм налогового законодательства – такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков». При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что в основе решения вопроса о возможности признания писем Федеральной налоговой службы нормативными правовыми актами «должно лежать наличие у этого акта нормативных свойств (оказывает ли он общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц – участников соответствующих правоотношений, расчитан ли он на многократное применение)». Проецируя эту правовую позицию Конституционного Суда РФ на постановления Пленума Верховного Суда РФ, следует однозначно при-

знать, что постановления Пленума обладают всеми нормативными свойствами. Их содержание не ограничивается только интерпретацией УК РФ. Практически в каждом из них можно обнаружить предписания, не выводимые из уголовного закона, которые осуществляют конкретизацию уголовно-правовых норм, разрешают сложные уголовно-правовые вопросы, не имеющие однозначного законодательного решения, компенсируют пробелы в УК РФ.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ содержатся частные правила квалификации отдельных видов преступлений, а также универсальные (общие) правила уголовно-правовой оценки, которые имеют «сквозное» значение. К числу последних, в частности, можно отнести правило квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм с квалифицирующими и привилегированными признаками. Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» «убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных пп. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны».

Нельзя не отметить вклад Пленума Верховного Суда РФ в создание общих правил квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Так, в постановлениях Пленума содержатся отсутствующие в УК РФ правила, согласно которым:

преступление квалифицируется как совершенное группой лиц по предварительному сговору только при условии, что в его совершении принимали непосредственное участие не менее двух соисполнителей (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»);

при признании преступления совершенным организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеян-

ном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»);

при совершении участником преступного сообщества (преступной организации) тяжкого или особо тяжкого преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа» (например, по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный организованной группой); если состав совершенного преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, действия лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей части (пункту) статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц» (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»).

С учетом ранее процитированной правовой позиции Конституционного Суда РФ о критериях нормативности правовых актов к нормативным правилам квалификации преступлений следует отнести и те правила уголовно-правовой оценки, которые содержатся в утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ ответах на вопросы, поступившие из судов. Первый подобный правовой акт появился сравнительно недавно. Широкомасштабная уголовно-правовая реформа, осуществленная федеральными законами от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, породила у правоприменителей многочисленные вопросы, связанные с возможностью обратной силы законодательных новелл, создала неопределенность в понимании и применении правил разрешения темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм применительно к конкретным ситуациям. В этой связи высшей судебной инстанцией были подготовлены и опубликованы

«Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»» (утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.). Не вдаваясь в детальный анализ этого правового акта, который хорошо известен специалистам, отметим, что он содержит целый ряд правил квалификации преступлений:

в случае исключения нижнего предела некоторых видов наказаний, которые назначались лицу, суд должен квалифицировать преступление по новому уголовному закону;

смягчение наказания, осуществленное посредством включения в санкцию статьи, по которой осуждено лицо, принудительных работ или других отложенных видов наказаний, не дает оснований для переквалификации действий осужденных; положения закона о наказании в виде принудительных работ могут применяться и иметь обратную силу только после введения этого наказания в действие;

если часть объективной стороны деяния или продолжаемого преступления совершена в период действия нового закона (независимо от того, является он более мягким или более строгим), то применяться должен новый уголовный закон.

Эти и другие содержащиеся в анализируемом правовом акте правила квалификации преступлений конкретизируют предписания ст. 9 и 10 УК РФ о разрешении темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм, развивают и в какой-то мере дополняют законодательные правила квалификации преступлений при изменении уголовного закона. При этом они приобретают, по сути, обязательный характер для нижестоящих судов и опосредованно для других субъектов применения уголовно-правовых норм, т.е. имеют нормативный характер.

Для правоприменителей весьма значимым источником правил квалификации преступлений традиционно является практика Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам. Тем не менее, признать эти правила нормативными не представляется возможным. Во-первых, позиция высшей судебной инстанции о квалификации определенного преступления, сформулированная в казуальном решении, изначально «заряжена» не на многократное при-

менение (как разъяснения Пленума или ответы на вопросы, поступившие из судов), а на разрешение конкретного уголовного дела, что не позволяет говорить о ее нормативном значении. А во-вторых, правовую позицию о квалификации преступления, выраженную в решении Верховного Суда РФ по конкретному делу, нельзя автоматически воспринимать в качестве правила уголовно-правовой оценки (особенно в случае, если эта позиция идет вразрез с другими решениями высшей судебной инстанции по аналогичным делам). В большинстве случаев правило квалификации преступлений формируется в результате ряда решений высшей судебной инстанции, т.к. нижестоящие суды в гораздо большей степени ориентируются на сложившуюся практику Верховного Суда РФ, нежели на его единичное решение по конкретному делу. О формировании правила (т.е. предписания, рассчитанного на многократное применение) можно говорить лишь при условии устойчивого и единообразного подхода высшей инстанции к уголовно-правовой оценке определенного вида преступлений. Об этом, в частности, могут свидетельствовать включение соответствующих правовых позиций в периодические (квартальные, полугодовые, годовые) и тематические обзоры судебной практики высшей судебной инстанции, публикация ряда аналогичных по своей сути решений в Бюллетене Верховного Суда РФ.

В этом отношении весьма показательным является пример с формированием (а точнее – изменением) частного правила квалификации убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии. В 1997 г. Верховный Суд РФ квалифицировал убийство спящего человека по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, признав тем самым сон беспомощным состоянием потерпевшего (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 75-097-19 по делу Ревина). Однако в 2000 г. в Бюллетене Верховного Суда РФ был опубликован ряд решений, в которых Верховный Суд указал, что убийство спящего не может расцениваться как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 749п99 по делу Т.; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 ноября 1999 г. по делу Быченкова [10]). Эти решения изменили судебную практику и фактически сузили сферу применения п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В содержательном отношении большинство правил квалификации преступлений, выработанных в казуальной практике Верховного Суда РФ, имеют частный характер, т.е. распространяются лишь на квалификацию преступлений определенного вида. Вместе с тем, в решениях по конкретным делам нередко формулируются и универсальные правила уголовно-правовой оценки, применимые ко всем или большинству преступлений. В качестве примера достаточно привести правила разграничения сложных единичных преступлений и совокупности преступных деяний:

неоднократные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата, совершенные тем же субъектом в небольшой промежуток времени, аналогичным способом, образуют единое преступление и не требуют дополнительной квалификации действий, предшествовавших достижению преступного результата (постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр по делу Кайсина; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 771П06 по делу Пожилова; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 167П07 по делу Жемчугова);

преступление, которое начато как менее тяжкое, а в дальнейшем переросло в более тяжкое, надлежит квалифицировать лишь по статье закона, предусматривающей уголовную ответственность за более тяжкое преступление (определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 1-038/2000 по делу Дударева и др.; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2008 г. № 48-Д07-60; постановление Президиума Верховного Суда РФ № 251-П07 по делу Свиридова).

Завершая краткий обзор источников правил квалификации преступлений, отметим, что некоторые из них до настоящего времени существуют лишь в виде доктринальных представлений (хотя большинство общепризнанных доктринальных правил квалификации получили отражение в УК РФ, постановлениях Пленума, правовых позициях Верховного Суда РФ по конкретным делам). Особую ценность для правоприменительной деятельности имеют те доктринальные правила квалификации преступлений, которые сформулированы для уголовно-правовой оценки недавно криминализованных общественных деяний либо являются результатом анализа и обобщения су-

дебной практики по проблемам квалификации преступлений, не имеющих однозначного решения. Так, например, до настоящего времени в судебной практике крайне неоднозначно квалифицируются преступные посягательства на нескольких потерпевших при отсутствии квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц». На этом фоне научно обоснованные рекомендации об уголовно-правовой оценке преступлений с множественностью потерпевших (см., например: [11, с. 189–200; 12, с. 31–36]) приобретают важное прикладное значение (по крайней мере, пока не сложится устойчивая судебная практика или соответствующие рекомендации не будут закреплены в постановлении Пленума, практикам не остается ничего другого, как ориентироваться на доктринальные правила квалификации).

Оценивая столь значительное разнообразие нормативных и ненормативных источников, в которых содержатся правила квалификации преступлений, отметим, что сама по себе множественность внешних форм их выражения является объективно обусловленной, а потому вполне закономерной. В УК РФ (равно как и в ином источнике) невозможно сосредоточить все правила квалификации преступлений, как это иногда предлагается в уголовно-правовой литературе [13, с. 8; 14, с. 231]; более того, это нецелесообразно. Во-первых, кодифицированный уголовный закон – не место для частных правил квалификации преступлений, имеющих ограниченную сферу применения (для уголовно-правовой оценки преступлений определенного вида), поскольку предписания уголовного закона имеют более высокую степень абстрактности (следует отметить, что абстрактный прием законодательного конструирования уголовно-правовых предписаний имеет целый ряд преимуществ по сравнению с их казуальным изложением: он экономит текст уголовного закона; снижает риск возникновения пробелов в уголовно-правовом регулировании; позволяет добиться большей его стабильности, т.к. абстрактно сформулированная норма лучше адаптируется к изменяющимся общественным отношениям, чем конкретное нормативное предписание). Во-вторых, как уже отмечалось, многие правила квалификации преступлений (в особенности универсальные) имеют многоуровневое содержание, выраженное в различных источниках. Так, например, закрепленные в ст. 9 и 10 УК РФ правила пре-

одоления темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм дополняются правовыми позициями Конституционного Суда РФ (они восполняют пробел уголовного закона в части, касающейся обратной силы нормативных правовых предписаний, выступающих в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм), а также конкретизируются посредством предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в ответах на вопросы, поступившие из судов, в судебной практике по конкретным делам. Многоуровневая система внешних форм, в которых выражены правила квалификации преступлений, позволяет обеспечить баланс абстрактных и конкретных, первичных и производных предписаний о порядке применения и выборе подлежащих применению уголовно-правовых норм.

Вместе с тем, существующую систему источников правил квалификации преступлений нельзя признать оптимальной, поскольку содержание соответствующих правил во многих случаях явно не соответствует внешним формам их выражения.

В первую очередь, это касается универсальных правил квалификации преступлений, которые регламентированы в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Основная функция постановлений Пленума в системе юридических источников уголовного права заключается в том, чтобы обеспечивать подзаконную конкретизацию предписаний УК РФ. Применительно к обсуждаемой проблематике это означает, что постановления Пленума, по идее, должны лишь развивать, конкретизировать законодательные предписания об уголовно-правовой оценке общественно опасных деяний, но не устанавливать новые общие правила квалификации преступлений. Однако на практике дело обстоит иначе: в постановлениях Пленума содержится немало первичных общих правил квалификации преступлений (правил квалификации неоконченных преступлений, множе-

ственности преступных деяний, преступлений, совершенных в соучастии, правил уголовно-правовой оценки мнимой обороны и др.). Справедливости ради следует отметить, что в этих случаях выход Пленума Верховного Суда РФ за рамки подзаконной конкретизации УК РФ является вынужденным средством восполнения регулятивной недостаточности уголовного закона. Поэтому упреки в адрес Пленума вряд ли можно считать обоснованными; их следовало бы адресовать законодателю, который медлит с регламентацией правил квалификации преступлений в уголовном законе, вынуждая Пленум самостоятельно принимать меры по компенсации этого пробела. Как представляется, все эти правила квалификации преступлений должны быть перенесены в соответствующие главы Общей части УК РФ, что, конечно же, не исключает возможности (а в некоторых случаях – и необходимости) их конкретизации в постановлениях Пленума.

Перевода на более высокий иерархический уровень – на уровень УК РФ – требуют и общие правила квалификации преступлений, выработанные в практике Верховного Суда РФ по конкретным делам, а также содержащиеся в ответах на вопросы, поступившие из судов. Включение всех универсальных правил квалификации преступлений в кодифицированный уголовный закон позволит обеспечить их согласованность и системность (в рамках одного источника этого добиться намного проще), упростить правоприменительную деятельность, будет способствовать большей определенности уголовно-правового регулирования. Что же касается правил квалификации отдельных видов преступлений (частных правил квалификации), то их, как уже отмечалось, включать в УК РФ нецелесообразно, т.к. они имеют «вторичный» характер, являются производными от общих правил уголовно-правовой оценки.

1. Васильева Е.Г. *Формы множественности преступлений по действующему уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.*

2. Кузнецова Н.Ф. *Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1.*

1. Vasilieva E.G. *The forms of multiple crimes on the criminal law: diss. ... Master of Law. Stavropol, 2005.*

2. Kuznetsova N.F. *Qualifications of complex offenses // Criminal law. 2000. № 1.*

3. Lyapunov Yu. *Qualifications of composite (complex) crimes // Socialist legality. 1982. № 1.*

3. Ляпунов Ю. *Квалификация составных (сложных) преступлений* // Социалистическая законность. 1982. № 1.
4. Наумов А.В. *Совокупность в насильственных составных преступлениях* // Сов. юстиция. 1973. № 1.
5. *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 1999 года по уголовным делам* // Бюл. Верховного Суда РФ. 2000. № 7.
6. Гаухман Л.Д. *Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность* // Уголовное право в XXI веке. М., 2002.
7. Кауфман М.А. *Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления*. М., 2007.
8. Ображиев К. *Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права* // Уголовное право. 2008. № 4.
9. Ображиев К.В. *Система формальных (юридических) источников российского уголовного права*. М., 2015.
10. Бюл. Верховного Суда РФ. 2000. № 8.
11. *Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций* / [П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015.
12. Капинус О.С. *Проблемы квалификации преступлений с множественностью потерпевших* // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 6.
13. Идрисов Н.Т. *Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Самара, 2009.
14. Сабитов Р.А. *Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-практ. пособие*. М., 2013.
4. Naumov A.V. *The totality of violent crimes composite* // Soviet justice. 1973. № 1.
5. *Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the 4th quarter of 1999 on criminal cases* // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2000. № 7.
6. Gaukhman L.D. *Problems of the Criminal code of the Russian Federation: blanket, declarative, casuistry* // Criminal law in the XXI century. Moscow, 2002.
7. Kaufman M.A. *The gaps in the criminal law: concept, causes, ways to overcome*. Moscow, 2007.
8. Obrazhiev K. *Resolutions of the Plenum of the Supreme Court as the formal (legal) sources of the Russian criminal law* // Criminal law. 2008. № 4.
9. Obrazhiev K.V. *The system of formal (legal) sources of Russian criminal law*. Moscow, 2015.
10. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2000. № 8.
11. *Actual problems of criminal law: course of lectures* / [P.V. Agapov et al.; ed. by O.S. Kapinus; head of auth. coll. K.V. Obrazhiev]; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow, 2015.
12. Kapinus O.S. *Problems of qualification of crime victims multiplicity* // Bull. of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2013. № 6.
13. Idrisov N.T. *Rules of qualification of crimes: concept, types, problems of legal regulation: auth. abstr. ... Master of Law*. Samara, 2009.
14. Sabitov R.A. *Theory and practice of criminal legal qualification: sci. and pract. manual*. Moscow, 2013.

Понятовская Татьяна Григорьевна
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского государственного юридического университета
 им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
 (тел.: +74992448835)

Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки?

Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.

Рассматриваются условия и основания освобождения от уголовной ответственности, причины освобождения от уголовной ответственности. Отмечается, что уголовно-правовое содержание понятия «совершение преступления впервые» как условия освобождения от уголовной ответственности целесообразно связывать не с формальными, а с практическими обстоятельствами.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, условия освобождения от уголовной ответственности, формальные признаки, совершение преступления впервые.

T.G. Ponyatovskaya, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State University of Law of O.E. Kutaphin (MSAL); tel.: +74992448835.

Whether formal signs are necessary to conditions of release from criminal liability?

Work was carried out with financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within design part of the state task for performance of SRW on the project 1503.

Conditions and the bases of release from criminal liability, the reason of release from criminal liability are considered. It is noted that as conditions of release from criminal liability it is expedient to connect the criminal and legal content of the concept «commission of crime for the first time» not with formal, and with practical circumstances.

Key words: crime, criminal liability, conditions of release from criminal liability, formal signs, commission of crime for the first time.

Согласно ст. 2 Конституции РФ признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Во исполнение этой обязанности перед уголовным законом поставлена задача охраны личности, общества и государства от преступных посягательств, которая, по смыслу ст. 2 УК, решается посредством установления уголовных запретов, наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Как справедливо отмечает Э.Л. Сидоренко, «публичные интересы государства состоят в сохранении законности, правопорядка и общественной безопасности, и их обеспечение предполагает уголовное преследование лица, совершившего преступление». Эта позиция сформулирована в контексте постановления Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П: «Уголовное преследование представляет собой форму реализации государством своих обязанностей наряду с определением уголовно-правовых запретов и наказаний. В

постановлении отмечено также, что к полномочиям государства относится и закрепление в законе оснований, позволяющих ему отказаться от уголовного преследования конкретного лица или определенной категории лиц и прекратить в отношении их уголовные дела» [1].

Указанные тезисы нельзя опровергнуть, поскольку они имеют формальное и даже конституционное закрепление. Никто и не пытается сделать этого. Преступник должен быть наказан, его изобличение, преследование и наказание – конституционная обязанность государства, исполнение которой обеспечивает безопасность как отдельного человека, так и общества в целом. Никто не ставит под сомнение также тезис о полномочиях государства в решении вопроса «казнить или милловать». Принципы справедливости, гуманизма, наконец, экономии репрессии реализуются посредством законодательного закрепления различных ограничений карательных уголовно-правовых форм.

В развитие позиции Конституционного Суда РФ Верховный Суд РФ разъясняет, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма. Исходя из этого, по каждому уголовному делу надлежит проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76¹ или 78 УК РФ» [2, п. 1].

При всей неопровержимости этих тезисов их сближение оказывается опасным для безмятежной уголовно-правовой доктринальной схоластики. Не противоречат ли конституционной обязанности государства привлечь преступника к уголовной ответственности его правомочия по освобождению преступника от ответственности? Не противоречат, но при условии конституционной адекватности границ освобождения от уголовной ответственности. Условия и основания освобождения от уголовной ответственности должны давать нам ясное представление о том, по какой причине (социально-политической, правовой необходимости) государство отказывается от реализации своей обязанности и какими условиями освобождения от уголовной ответственности гарантированы интересы охраны субъектов уголовного права от преступных посягательств.

Можно выделить три уголовно-политические причины всех известных по действующему УК РФ видов освобождения от уголовной ответственности: 1) поощрение позитивного посткриминального поведения (ст. 75, 76, 76¹ УК); 2) целесообразность (ст. 78, 90 УК); 3) компромисс (специальные виды освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК). Условия и основания указанных видов освобождения ориентированы на их уголовно-политические цели. «Совершение преступления впервые» является имманентным условием только освобождения от уголовной ответственности в целях поощрения позитивного посткриминального поведения.

УК РСФСР 1960 г. строил институт освобождения от уголовной ответственности на началах целесообразности – генеральной в советском уголовном праве идеи политического обоснования системы мер уголовно-правового воздействия. Поощрение позитивного посткриминального поведения обеспечивалось другими инструментальными средствами [см.: 3–5]. Поэтому «совершению преступления впервые» как условию освобождения от уголовной

ответственности не уделялось внимания и не придавалось формально-юридического значения (это условие предусматривалось только в ст. 51 УК РСФСР 1960 г. – освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд). Но вот что интересно, применительно к условному осуждению Пленум Верховного Суда СССР разъяснял: «С особой осторожностью суды должны подходить к применению условного осуждения в отношении лиц, которые хотя в данном случае и совершили преступление, не представляющее большой общественной опасности, но в прошлом неоднократно совершали преступления» [6, п. 2]. Как видно из этого разъяснения, критерии оценки общественной опасности личности, ее способности к исправлению были далеки от формализма. Оценка общественной опасности личности не зависела от формальных обстоятельств: те обстоятельства, которые утратили свое юридическое значение (например, в результате аннулирования судимости) или вовсе не имели его (бытовое пьянство, аморальный образ жизни, нарушения общественного порядка и пр.), могли быть учтены судом как обстоятельства, «отрицательно характеризующие подсудимого» [7, п. 3].

В доктрине и постановлениях Пленума Верховного Суда СССР разъяснялись понятия «неоднократность», «повторность», «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление», «совершение преступления лицом, имеющим судимость». Это было необходимо для определения их формальных рамок исключительно для решения формально-юридических задач, поскольку этими понятиями определялись признаки отдельных (многих) составов преступлений [7, п. 6] или обстоятельства, отягчающие наказание (законодательное ограничение перечня отягчающих обстоятельств в значительной мере формализовало их уголовно-правовое значение). Однако эти разъяснения не имели никакого отношения к определению условий освобождения от уголовной ответственности. Они служили институту множественности преступлений и решали задачи ее отграничения от единичных преступлений, в частности определяли формальные границы повторности преступлений.

В наши дни институт множественности преступлений претерпел существенные изменения, по сравнению с УК РСФСР и редакцией УК РФ до декабря 2003 г. Однако аннулирование уголовно-правовых последствий преступления или осуждения и сегодня трактуется как обстоятельство, исключающее множественность преступлений. При этом как доктрина, так и судебная практика не используют понятие «совершение преступления впервые», не

концентрируют на нем своего внимания. Не используется это понятие в определении понятия совокупности преступлений (ст. 17 УК), и в ст. 18 УК оно совершенно неуместно, поскольку при определении понятия рецидива целесообразно назвать те формальные обстоятельства, которые его исключают, и нет никакого смысла противопоставлять его совершению преступления впервые. В институте множественности преступлений с учетом его современного состояния понятие «совершение преступления впервые», действительно, неуместно. Никому и в голову не придет при назначении наказания по совокупности преступлений или приговоров обращаться к определению понятия «совершение преступления впервые», данному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

«Совершение преступления впервые» — другая тема, далекая от оснований и пределов ответственности. Это понятие занимает свое собственное место в наборе инструментов решения уголовно-политических задач некарательными средствами. Его уголовно-правовое значение должно быть ориентировано именно на эти уголовно-политические задачи (поощрение позитивного посткриминального поведения) и никак не может быть привязано к обстоятельствам, исключающим множественность преступлений, требующим формальной юридической определенности.

Как ни странно, но Верховный Суд РФ разъясняет понятие «совершение преступления впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности в формальном ключе (в ст. 75, 76 и 76¹ УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент су-

дебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности) [8, пп. 2, 20; 9, п. 26; 2, п. 2]. Именно тогда, когда отпала юридическая необходимость в формальном ограничении понятий «неоднократность», «повторность», «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление» (за исключением понятия «совершение преступления лицом, имеющим судимость», для установления признаков рецидива, в котором также уже нет большой правовой необходимости, кроме определения вида исправительного учреждения), Пленум Верховного Суда РФ предпринимает бесполезные усилия для формализации условия такого освобождения от уголовной ответственности, которое должно исполнять поощрительную функцию. Впрочем, почему же бесполезные? В сочетании с таким инструментом, как судебское усмотрение в вопросе определения категории преступления, юридическая возможность освобождения от уголовной ответственности лица, предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу (подп. «б» п. 2 постановления), или лица, в действиях которого содержится совокупность преступлений, реальная в том числе (подп. «а» п. 2 постановления), образует «прекрасный» ансамбль, исполняющий темы «гуманизм», «индивидуализация», «экономия репрессии» в коррупционной тональности.

В отличие от функций целесообразности и компромисса (условия которых в значительной мере объективированы), поощрение — уголовно-политическая функция, реализация которой вполне может осуществляться по сценарию: «хотели как лучше...», поскольку вместо исполнения своей святой обязанности осудить и наказать преступника государство преследует другие цели, не связанные с ретроспективной ответственностью. Напрашивается сравнение с «обоснованным риском». Увязывание условий освобождения от уголовной ответственности с формальными признаками понятия «совершение преступления впервые» делает этот риск необоснованным, тем более что речь в этих условиях идет не только об аннулировании уголовно-правовых последствий преступления или осуждения, но даже о процессуальных обстоятельствах, перипетиях уголовного судопроизводства [см., например: 10].

По мнению О.В. Макаровой, недостатком разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ понятия «лицо, совершившее преступление впервые», является возможность неоднократного освобождения от уголовной ответственности одного и того же лица по одному и тому же основанию. Как отмечает указанный автор,

положительные посткриминальные поступки не всегда являются следствием раскаяния, а, напротив, порой выступают как стремление избежать уголовной ответственности, поэтому очевидно, что такие лица остаются фактически безнаказанными за содеянное. Поэтому совершение нового преступления лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности, свидетельствует о недостижении в отношении такого лица целей уголовно-правового воздействия, и, следовательно, такое лицо нуждается в применении к нему мер уголовной ответственности. Более того, факт совершения указанным лицом нового преступления может свидетельствовать о необоснованности его освобождения от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление [11].

Аналогичное мнение высказывают Р.Ш. Уразбаев и М.Ф. Мингалимова: «Безнаказанность – это одна из основных причин, подвигающих на преступный путь молодых людей, как правило, не имеющих постоянного места работы, источника дохода, полноценной семьи и т.д. К слову, чувство безнаказанности рождается не бесосновательно. В уголовном законодательстве РФ существуют институты, которые способствуют смягчению уголовной ответственности, смягчению наказания, освобождению от ответственности и освобождению от наказания. Сбалансированное их применение не вызывает споров. Однако совокупность чрезмерно смягчающих ответственность правовых норм приводит к обратному эффекту, не отвечающему принципам справедливости, законности и гуманизма» [12]. Как отмечают указанные авторы, суд, неоднократно прекращающий уголовное дело за примирением сторон в порядке ст. 25 УПК и ст. 76 УК в отношении человека, совершившего несколько преступлений, очевидно, не способствует его исправлению, а вызывает у него желание вновь совершить преступление ввиду отсутствия негативных уголовно-правовых последствий совершенных ранее преступлений [12].

Действительно, безнаказанность свидетельствует об успешности преступной карьеры отдельно взятого лица. Но она имеет и другую сторону – социальную. Как отмечает А.М. Смирнов, сейчас в России можно наблюдать всплеск самосудных расправ. Одной из причин для распространения данного негативного явления, по его мнению, служит неверие граждан в справедливый и скорый суд, способный защитить их от разгула преступности и восстановить социальную справедливость. Как отмечает указанный автор, это обусловлено, в частности, возможностью ухода от уголовной ответственности или максимальной минимизацией ее последствий даже за совершение преступлений, повлекших особо тяжкие по-

следствия, для власть имущих, крупных бизнесменов, а также членов их семей и хороших знакомых [13].

Об этом заявляют и другие ученые. Как утверждает В.К. Дуюнов, количество лиц, фактически привлекаемых к уголовной ответственности и реально осужденных за совершение общественно опасных деяний, – лишь мизерная часть всех лиц, совершивших преступление [14]. В то же время В.В. Гриб отмечает, что практика привлечения к уголовной ответственности за незаконное освобождение от уголовной ответственности в порядке ст. 300 УК РФ в России ничтожна.

Присоединяясь к мнению В.В. Лунева, В.В. Гриб считает, что при привлечении к уголовной ответственности преступников, имеющих влиятельных друзей среди представителей власти или высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов, нормы закона очень серьезно нарушаются во благо самих преступников [15; 16, с. 237]. «Подобные ситуации, – формулирует вывод В.В. Гриб, – порождены грубым нарушением конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Как мы считаем, это связано, прежде всего, с характерным для России правовым нигилизмом и низким уровнем правовой культуры, которые свойственны не только обычным гражданам, но и представителям всех ветвей власти на различных их уровнях» [15].

Власть в современной России тоже озабочена правовым нигилизмом и низким уровнем правовой культуры, что, по мнению В.В. Гриба и А.М. Смирнова [17], способствует неконтролируемому росту преступности в стране, главным образом насильственной. Так, в п. 11 «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденных Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, провозглашено: «Условиями, способствующими распространению правового нигилизма, являются несовершенство законодательства Российской Федерации и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение.

Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую собственность, самоуправство, самосуд)» [18].

Действительно, как справедливо отмечает А.Р. Султанов, государство не должно позволять использовать правозащитные и правоохранительные механизмы в интересах злоумышленников [19]. «Недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение» отмечены в уголовно-политическом документе как нетерпимое для российского общества явление. Чего же еще желать? Согласно государственной политике нужно обратить внимание, в частности, на институт освобождения от уголовной ответственности, что вполне своевременно в условиях распространения самосудов.

Именно в этих условиях (через два года после опубликования указанного выше стратегического уголовно-политического документа) мы получаем такие разъяснения условий освобождения от уголовной ответственности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», которые означают беспрецедентное расширение возможностей для освобождения от уголовной ответственности лиц, давно и успешно занимающихся преступной деятельностью. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..

«Совершение преступления впервые» в сочетании с категорией «преступление» может служить условной гарантией того, что освобождение лица с позитивной посткриминальной активностью, не имеющего уголовного про-

шлого и совершившего преступление небольшой или средней тяжести, не причинит вреда интересам защищенности субъектов уголовного права от преступных посягательств неблагоприятной в криминальном отношении личности в будущем. Смысл совершения преступления впервые как условия освобождения от уголовной ответственности должен быть сосредоточен не на формальных юридических признаках преступления (совершенного впервые), а на личности виновного, его социальной характеристике. Для поощрения позитивного посткриминального поведения важна позитивная социальная направленность личности, подтвержденная ее жизненным опытом: ранее ни в чем своей злонамеренности не проявлял; есть основания рассчитывать на исправление и законопослушное поведение в будущем. Конечно, далеко не всякого преступника, показывающего свою лояльность по отношению к потерпевшему, правосудию, власти, можно одобрительно похлопать по плечу, простить и благословить на новую безгрешную жизнь. Справедливость и государственная мудрость в вопросах обеспечения безопасности субъектов уголовного права от преступных посягательств позволяют включать поощрительную функцию лишь при соблюдении условий, препятствующих тому, чтобы целесообразное поощрение превратилось в недопустимую безнаказанность. В этом контексте уголовно-правовое содержание понятия «совершение преступления впервые» как условия освобождения от уголовной ответственности целесообразно связывать не с формальными, а с фактическими обстоятельствами, т.е. трактовать буквально.

1. Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3. С. 49–57.

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

3. Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: Теоретические основы правового регулирования. Томск, 1991.

4. Игошев К.Е., Шмаров И.В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений (проблемы социального контроля). М., 1980.

5. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение. Томск, 1985.

6. О судебной практике по применению уголовного осуждения: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г.

1. Sidorenko E. Conditions of release from criminal liability in connection with reconciliation with the victim // Criminal law. 2011. № 3. P. 49–57.

2. About application by courts of the legislation regulating the bases and an order of release from criminal liability: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 19 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 8.

3. Filimonov O.V. Post-criminal control: theoretical bases of legal regulation. Tomsk, 1991.

4. Igoshev K.E., Shmarov I.V. Social aspects of the prevention of offenses (problem of social control). Moscow, 1980.

5. Sabitov R.A. Post-criminal behavior. Tomsk, 1985.

6. About jurisprudence on application of conditional condemnation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of March 4, 1961 № 1, with amendment, brought by resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of

- № 1, с изм., внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 дек. 1962 г. № 17 и от 4 дек. 1969 г. № 12 // Бюл. Верховного Суда СССР. 1961. № 3; 1962. № 6; 1970. № 1.
7. О практике применения судами общих начал назначения наказания: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 // Бюл. Верховного Суда СССР. 1979. № 4.
8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 янв. 2007 г. № 2 (ред. от 3 дек. 2013 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
9. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 (в ред. от 2 апр. 2013 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
10. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
11. Макарова О.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал рос. права. 2015. № 1. С. 111–118.
12. Уразбаев Р.Ш., Мингалимова М.Ф. Действующие институты уголовного права позволяют избежать реального наказания // Законность. 2015. № 1. С. 38–40.
13. Смирнов А.М. Суд или самосуд? // Рос. судья. 2014. № 9. С. 43–46.
14. Дюнов В.К. Неотвратимость уголовно-правового воздействия как социально-правовая проблема. URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/dunov\(22-12-05\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/dunov(22-12-05).htm) (дата обращения: 05.04.2013).
15. Гриб В.В. Недостатки в работе правоохранительных органов как фактор самосудов в России // Рос. следователь. 2013. № 13. С. 42–44.
16. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.
17. Гриб В.В., Смирнов А.М. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России // Рос. следователь. 2013. № 14. С. 34–35.
18. Рос. газ. 2011. 14 июля.
19. Султанов А.Р. Жажда справедливости: борьба за суд. М., 2014.
- Dec. 3, 1962 № 17 and of Dec. 4, 1969 № 12 // Bull. of the Supreme Court of the USSR. 1961. № 3; 1962. № 6; 1970. № 1.
7. About practice of application by courts of the general beginnings of purpose of punishment: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of June 29, 1979 № 3 // Bull. of the Supreme Court of the USSR. 1979. № 4.
8. About practice of appointment of criminal penalty by courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Jan. 11, 2007 № 2 (ed. of Dec. 3, 2013) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 4.
9. About jurisprudence of application of the legislation regulating features of criminal liability and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 1, 2011 № 1 (in ed. of Apr. 2, 2013) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.
10. Practice of application of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Topical issues of jurisprudence, the recommendation of judges of the Supreme Court of the Russian Federation about application of the criminal procedure legislation on the basis of the latest jurisprudence / V.A. Davydov, V.V. Doroshkov, N.A. Kolokolov, etc.; ed. by V.M. Lebedev. 6th ed., rev. and add. Moscow, 2013.
11. Makarova O.V. Release from criminal liability on cases of crimes in the sphere of economic activity // Magazine of the Russian law. 2015. № 1. P. 111–118.
12. Urazbayev R.Sh., Mingalimova M.F. The operating institutes of criminal law allow to avoid real punishment // Legality. 2015. № 1. P. 38–40.
13. Smirnov A.M. Court or lynching? // Russian judge. 2014. № 9. P. 43–46.
14. Duyunov V.K. Inevitability of criminal and legal influence as social and legal problem. URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/dunov\(22-12-05\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/dunov(22-12-05).htm) (date of access: 05.04.2013).
15. Grib V.V. Shortcomings of work of law enforcement agencies as the factor of self-courts in Russia // Russian investigator. 2013. № 13. P. 42–44.
16. Luneev V.V. Era of globalization and crime. Moscow, 2007.
17. Grib V.V., Smirnov A.M. Lynching as a social and criminological problem of modern Russia // Russian investigator. 2013. № 14. P. 34–35.
18. Rus. newsp. 2011. July 14.
19. Sultanov A.R. Craving for justice: fight for court. Moscow, 2014.

Сидоренко Элина Леонидовна

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
 Московского государственного института международных отношений
 (университета) МИД России
 (e-mail: 12011979@list.ru)

Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы юридической идентификации

В работе рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается следственная и судебная практика при определении признаков преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Особое внимание уделяется поиску оптимальной модели соотношения гражданско-правового и уголовно-правового понимания предпринимательства и примирению позиций Конституционного и Верховного судов РФ в части оценки статуса хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, уголовная ответственность, субъект предпринимательской деятельности, мошенничество, присвоение, растрата, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry, e-mail: 12011979@list.ru

Crimes in the sphere of entrepreneurship: problems of legal identification

This paper deals with the problems faced by investigative and judicial practice in determining the elements of crimes in the sphere of business. Particular attention is paid to the search for an optimal model of relations of civil law and criminal law understanding of the business and position reconciliation of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation to assess the status of the business entity.

Key words: entrepreneurship, criminal liability, subject of entrepreneurial activity, fraud, misappropriation, embezzlement, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation.

Одним из основных ориентиров российской уголовной политики является обеспечение правовой безопасности бизнеса, в том числе через корректировку объема и порядка применения к предпринимателям мер уголовной ответственности и наказания.

Заметным шагом в этом направлении стали дополнение УК РФ статьей 159⁴ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» и введение в ст. 108 УПК РФ части 1.1, в соответствии с которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159⁶, 160 и 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

Конкретизируя сферу совершения преступлений, законодатель, по сути, поставил ученых и практиков перед необходимостью определения предметных границ предпринимательской деятельности и преступлений, совершаемых в этой сфере.

На необходимость обращения к положениям гражданского законодательства при определении круга преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (абз. 1 п. 8) [1].

Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве.

Следуя рекомендациям высшей судебной инстанции и основываясь на положениях ст. 2 ГК РФ, многие специалисты обоснованно считают предпринимательской только такую деятельность юридических и физических лиц, которая обладает совокупностью следующих признаков:

1) осуществляется самостоятельно; наличие данного признака означает, что экономическая деятельность осуществляется без какого-либо внешнего давления, хозяйствующий субъект самостоятельно принимает необходимые управленческие решения о формировании персонала, направлении деятельности, рынках сбыта и др. [2, с. 7];

2) осуществляется на свой риск; понятие «риск» определяется как действие при возможности опасности, неудачи, действие наудачу, в надежде на счастливый случай [3, с. 679], данный признак означает, что предприниматель действует в условиях, когда существует реальная опасность неудачи, потери своего дела, при которой все последствия несет только он сам [4, с. 9];

3) направлена на получение прибыли;

4) направлена на получение прибыли систематически; систему в данном случае образуют не менее трех эпизодов экономической деятельности с целью получения прибыли;

5) осуществляется в любой из перечисленных в законе форм (пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг);

6) осуществляется лицом, официально зарегистрированным в качестве лица, занимающегося предпринимательской деятельностью; физическое лицо должно быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 ГК РФ), а юридическое в соответствии со ст. 50, 51 ГК РФ – пройти государственную регистрацию в качестве коммерческой или некоммерческой организации;

7) осуществляется в соответствии с нормативно установленным порядком и условиями регистрации (лицензирования) [5, с. 10].

Отсутствие хотя бы одного из указанных выше признаков означает, что осуществляемая экономическая деятельность не относится к разряду предпринимательской.

Но не все специалисты соглашались с этим выводом. По мнению некоторых из них, последние два признака являются необязательными: предпринимательская деятельность имеет место и в случаях, когда лицо не зарегистрировано в установленном законом порядке и (или) не имеет соответствующей лицензии. Такого рода деятельность является незаконной, но предпринимательской [6, с. 15; 7, с. 11].

Основания для такого вывода дал сам законодатель, признав возможность существования так называемого незаконного предпринимательства, т.е. предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии, сопряженной с причинением крупного ущерба или извлечением дохода в крупном размере (ст. 171 УК РФ).

Пытаясь объяснить эту коллизию техническим несовершенством ст. 171 УК РФ, большинство криминалистов утверждают, что

субъект предпринимательской деятельности обязательно имеет легитимный характер [8, с. 14–15]. И для такого подхода есть все основания.

Как известно, государство устанавливает единую политику в области защиты экономической деятельности и установления основ единого рынка. Если же лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, не прошло государственной регистрации, оно юридически не существует, а его деятельность, соответственно, не может быть признана предпринимательской.

Сторонники данного (легитимного) подхода настаивают на том, что виновный, совершающий преступление в сфере предпринимательской деятельности, априори действует на законных основаниях, т.е. является индивидуальным предпринимателем или членом органов управления коммерческой организации. В качестве довода приводятся положения действующего законодательства, ограничивающие сферу совершения преступлений именно предпринимательской, а не незаконной предпринимательской деятельностью.

Логическое развитие этих положений приводит к следующему выводу: если виновный не зарегистрирован в качестве субъекта предпринимательской деятельности, совершенное им преступление не может быть признано совершенным в сфере предпринимательства. Отталкиваясь от обратного, этот вывод можно сформулировать иначе: если виновный обладает соответствующим правовым статусом (является индивидуальным предпринимателем или членом органов управления зарегистрированной коммерческой организацией), преступление считается совершенным в сфере предпринимательской деятельности при наличии его непосредственной связи с этой деятельностью.

В отличие от легального подхода, в основу широкого понимания предпринимательской деятельности заложен тезис о том, что она может иметь и нелегальный статус, главное, чтобы эта деятельность носила систематический экономический характер и была направлена на извлечение прибыли. Данная позиция находит отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» (далее – постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П). В нем, в частности, подчеркивается, что «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является

самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке; при несоблюдении обязанности пройти государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является предпринимателем (ст. 23 ГК РФ). Исходя из этого, как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 декабря 2012 г. № 34-П, отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она фактически является таковой» [9, с. 3].

Фактически Конституционный Суд РФ признал возможность совершения преступлений в сфере предпринимательской деятельности даже при отсутствии соответствующей регистрации и тем самым существенно расширил границы применения ч. 1.1 ст. 108 УК РФ. В рассматриваемом постановлении был, по сути, предложен алгоритм квалификации мошенничества: если неисполнение договорных обязательств осуществляется лицом, вовлеченным в легальную предпринимательскую деятельность, деяние квалифицируется по ст. 159⁴ УК РФ, если же виновный не занят в предпринимательской деятельности, преступление укладывается в рамки ст. 159 УК РФ, но при этом считается совершенным в сфере предпринимательства.

Этот вывод основывается на положениях ч. 3 рассматриваемого постановления КС РФ: «В судебной практике идентичные преступные действия, сопряженные с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, квалифицируются в зависимости от наличия или отсутствия формального признака, относящегося к субъекту преступления, а именно его вовлеченности в осуществление предпринимательской деятельности (регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или назначение (избрание) на соответствующую должность в органе управления коммерческой организацией), либо по общей норме ст. 159 УК РФ, определяющей состав мошенничества без указания на какую-либо специфику субъекта преступления и способа его совершения, либо по специальной норме ст. 159⁴ УК РФ».

Но этот подход не согласуется с позицией Верховного Суда РФ, который в абз. 2 п. 8 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 разъясняет судам, что преступления, предусмотренные ст. 159–159⁶, 160 и 165 УК РФ, следует

считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, при совокупном (одновременном) наличии следующих условий:

если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом; в силу ст. 23 ГК РФ к таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности; аналогичная формулировка содержится в ч. 3 ст. 30 УК РФ;

эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью.

Ссылаясь на положения гражданского законодательства, Верховный Суд РФ подчеркивает легитимный характер предпринимательства и исключает возможность признания таковым деятельности незарегистрированных субъектов.

Подтверждение этого вывода мы находим и в Обзоре судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». В нем подчеркивается, что при определении сферы предпринимательской деятельности судам необходимо учитывать, что преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. При этом не имеет значения, каким образом осужденный поступил с похищенным имуществом (например, присвоил себе лично или использовал для предпринимательской деятельности). Разрешая вопрос о том, является ли деятельность предпринимательской, суды должны руководствоваться п. 1 ст. 2 ГК РФ, в соответствии с которым предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания

услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [10].

Исчерпывающее объяснение существующей практики дает судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский в своем особом мнении: «В УК РФ предусматривается неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Это отличает обстановку преступления столь существенно, что само по себе может быть основанием как отдельной законодательной квалификации преступлений, так и законных отличий в санкции. Законодательная власть имела, в частности, основания найти отличия в социальных рисках преступления, когда лицо, пусть и виновное, ведет экономическую деятельность открыто и в легальных условиях. Это существенно отличается от мошенничества в скрытом его исполнении, помимо контроля властей, когда преступность имеет опору в уголовно-воровской среде и располагается в целом за рамками правопорядка. Легально оформленная договором деятельность позволяет скомпенсировать по крайней мере часть рисков, потому что его заключение, хотя бы стороны или нет, дает возможность следить за его исполнением, хотя бы отчасти ставит поведение сторон под взаимный контроль и под контроль государства, правоохранительных органов, суда. Правомерная форма предпринимательской деятельности также снижает криминальные риски, открывая субъекта легальному контролю. Если бы договор и формальная законность предпринимательства не имели значения и не влияли на социально-экономическую и криминальную безопасность, то усилия и расходы на организацию и ведение реестров, на поддержание и судебную защиту договорной практики были бы пустой растратой» [9, с. 15]. По сути, автор говорит о том, что именно специфика области совершения преступления, а именно сфера легального предпринимательства, должна влиять на определение пределов ответственности и наказуемости деяний.

Таким образом, в доктрине и судебной практике выработались два противоположных, но в равной мере аргументированных подхода к оценке формального признака субъекта преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской состоятельности:

ограничение круга преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, только деяниями лиц, имеющих правовой статус субъекта или участника легального предпринимательства [11, с. 19];

отнесение к рассматриваемой группе деяний, связанных с заведомым неисполнением гражданско-правовых обязательств или совершением других экономически значимых деяний, направленных на извлечение прибыли, безотносительно статуса виновного (постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П) [12, с. 9].

Как показывает анализ приговоров, судебная практика предпочитает идти по первому пути. Установление формального признака, характеризующего субъекта преступления, существенно облегчает процесс доказывания того, что преступление имело предпринимательский характер.

Более того, указание на предпринимательскую деятельность как на сферу, а не на способ совершения преступления позволяет говорить о том, что законодатель в основу дифференциации уголовной ответственности и наказания закладывает именно обстановку посягательства – регламентируемую законодательством сферу легального предпринимательства. Дополнительным аргументом в пользу данной позиции является тот факт, что в ст. 159⁴ УК РФ и ч. 1.1 ст. 108 УК РФ содержится указание на сферу предпринимательской деятельности, а не незаконной предпринимательской деятельности.

Изложенные выше аргументы позволяют прийти к следующему выводу: к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности относится круг деяний, совершаемых лицами, осуществляющими легальную предпринимательскую деятельность или участвующими в ней.

Вторым важным признаком рассматриваемой группы деяний является наличие непосредственной связи между преступлением и осуществлением легальной экономической деятельности. Для признания наличия этой связи важно установить следующие обстоятельства.

Реальное осуществление лицом легальной предпринимательской деятельности. Как показывает судебная практика, использование легальных инструментов и возможностей, предоставляемых субъекту предпринимательства, для совершения преступления при наличии заранее обдуманного мотива исключает отнесение данных деяний к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности.

В кассационном определении Московского городского суда от 24 декабря 2012 г. по делу № 22–16448 подчеркивается, что если изначально коммерческая организация была создана с целью совершения преступлений, связанных с хищением чужого имущества, и в материалах дела нет сведений об осуществлении какой-либо законной предпринимательской деятельности, а создавалась лишь видимость ведения такой деятельности, то в этом случае отсутствует основание для квалификации деяния как преступления в сфере предпринимательской деятельности.

Совершенное преступление должно быть связано именно с той предпринимательской деятельностью, которой на легальном основании занимается виновный. Если же мошенничество, присвоение, растрата или причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием совершаются в сфере,

не связанной с областью интересов легального предпринимательства, преступление не подпадает под признаки ч. 1.1 ст. 108 УК РФ.

Как отмечается в кассационном определении Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 11 – УД15 – 6, Пастухов К.А. являлся генеральным директором ЗАО <...>, в собственности которого находились производственные помещения, здания и сооружения <...> лесоперерабатывающего комбината. При обращении к осужденному потерпевших З. и М. с целью приобретения дереводеталей для строительства индивидуальных жилых домов Пастухов К.А. предложил им заключить договоры на поставку дереводеталей с индивидуальным предпринимателем М., который не располагал реальной возможностью для выполнения данных обязательств и не принимал никаких мер для их выполнения. Суд правильно пришел к выводу, что Пастухов К.А. ни в какие правоотношения с потерпевшими не вступал, договоры не заключал, изначально имел умысел на хищение чужого имущества и для этого использовал ИП М. Таким образом, действия Пастухова К.А., выразившиеся в завладении имуществом потерпевших, не связаны с осуществлением им предпринимательской деятельности [13].

Третий признак рассматриваемых преступлений вытекает из правового статуса организации – субъекта предпринимательской деятельности. Исходя из буквального толкования п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, не могут быть субъектами преступлений, совершаемых в сфере предпринимательства, лица, осуществляющие управление некоммерческой организацией, которая для поддержания основной деятельности осуществляет предпринимательскую деятельность, получающую отражение в учредительных документах.

Некоторые авторы предлагают ограничивать круг преступлений, осуществляемых в сфере предпринимательской деятельности, посредством исключения из него деяний, причиняющих вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предмет этих преступлений является государственное или муниципальное имущество [14,

с. 30]. Однако с этой позицией сложно согласиться.

Ссылаясь на положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ, устанавливающей особые правила уголовного преследования в отношении мошенничества и других преступлений, авторы искусственно переносят особенности уголовного преследования в частно-публичном порядке на юридическую природу преступлений в сфере предпринимательства, что не имеет под собой ни юридических, ни логических оснований.

В рамках действующего гражданского законодательства предпринимательская деятельность не ограничивается частной или публичной сферой, а ее субъектами могут быть как индивидуальные предприниматели, так и коммерческие организации с государственным и негосударственным участием. На основе изложенного можно заключить, что преступлениями в сфере предпринимательской деятельности признаются деяния, совершаемые либо индивидуальными предпринимателями, либо лицами, осуществляющими управление коммерческой организацией, безотносительно того, кто является потерпевшим. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 159–159^б, 160 и 165 УК РФ, представителем некоммерческой организации, исключает возможность отнесения данных деяний к сфере предпринимательства.

Кроме обозначенных выше признаков, судебная практика выработала ряд дополнительных критериев, позволяющих отграничивать преступления в сфере предпринимательства от иных корыстных преступлений:

не может признаваться субъектом преступлений в сфере предпринимательства лицо, работающее на основании трудового договора с индивидуальным предпринимателем [15];

не образует мошенничество в сфере предпринимательства заключение поддельных договоров (Кассационное определение Московского городского суда от 4 февраля 2013 г. по делу № 22–577/2013). Соблюдение правовой формы и существенных условий договора переводит его в разряд легальных документов, и, соответственно, мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением такого договора (при соблюдении прочих условий), образует состав преступления в сфере предпринимательства.

1. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

2. Жаданов А.В. Экономические преступления, совершаемые на объектах железнодоро-

1. On the practice of courts of law on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 19, 2013 № 41 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. № 2.

2. Zhadanov A.V. Economic crimes committed in railway transport, and their specially-criminolog-

рожного транспорта, и их специально-криминалистическое предупреждение (по материалам Южно-Уральской железной дороги): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.

4. Власова А.С. Риск как признак предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

5. Эминов Е.В. Борьба с незаконной предпринимательской деятельностью. Уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 1999.

6. Карпович О.Г., Пономарев П.Г., Барбат А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступлениями, посягающими на предпринимательскую деятельность. М., 2003.

7. Лубешко В.Н. Незаконное предпринимательство как вид преступного посягательства против установленного порядка экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

8. Чугунов А.А. Уголовно-правовая охрана свободы предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

9. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: постановление Конституционного Суда РФ от 11 дек. 2014 г. № 32-П. Особе мнение судьи К.В. Арановского // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

10. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 дек. 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

11. Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства / отв. ред. А.В. Шмонин. М., 2013.

12. Иванова Я.Е. Незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

13. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 11-УД15-6. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Третьяк М.И. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства // Законность. 2015. № 4. С. 28–32.

15. Бюл. Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

ical warning (based on the South Urals Railway): diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu Dictionary of Russian language. Moscow, 1998.

4. Vlasova A.S. Risk as a sign of entrepreneurial activity: author. abstr ... Master of Law. Moscow, 2009.

5. Ėminov E.V. Fight against illegal business activities. Criminal-legal and criminological aspects. Moscow, 1999.

6. Karpovich O.G., Ponomarev P.G., Barbat A.V. Criminally-legal aspects of struggle against crimes encroaching on enterprise activity. Moscow, 2003.

7. Lubeshko V.N. Illegal business as a form of criminal assault against the established order of economic activity: diss. ... Master of Law. Rostov-on-don, 2004.

8. Chugunov A.A. Criminal legal protection of freedom of entrepreneurship: auth. abstr ... Master of Law. Moscow, 2001.

9. On the case on the constitutionality of provisions of article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the City court of Salekhard of Yamalo-Nenets autonomous district: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Dec. 11, 2014 № 32-P Dissenting opinion of Judge K. Aronovsky // Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2015. № 2.

10. Review of jurisprudence on the application of the Federal law of Nov. 29, 2012, № 207-FL «On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation» and the resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 2, 2013 № DG 2559-6 «On Amnesty». Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Shmonin A.V., Semykina O.I. Economic crimes: the concept and the genesis of criminal law / ed. by A.V. Shmonin. Moscow, 2013.

12. Ivanova Ya.E. Illegal business: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.

13. The appeal of the Supreme Court of the Russian Federation of May 20, 2015 № 11-UD15-6. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

14. Tretiyak M.I. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on the grounds of crimes against property in the field of entrepreneurship // Legality. 2015. № 4. P. 28–32.

15. Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2002. № 8.

Вертепова Татьяна Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Правовые способы защиты чести, личного достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации

В статье исследуются административно-правовые, гражданско-правовые и уголовно-правовые вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Рассматриваются различия в правовых способах защиты чести, достоинства и деловой репутации на современном этапе развития отечественного законодательства.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, правонарушения, преступления, защита личных неимущественных прав.

T.A. Vertepova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

The legal methods of protection of honor, personal dignity and business reputation under the legislation of the Russian Federation

The article is devoted to administrative, civil and criminal questions of the protection of honor, dignity and business reputation. We consider the differences in legal ways to protect honor, dignity and business reputation at the present stage of development of domestic legislation.

Key words: dignity, honor, reputation, offenses, crimes, protection of moral rights.

Одной из высших ценностей человеческой цивилизации, охватывающей различные стороны индивидуального и общественного бытия, являются права человека: неотъемлемые свойства и возможности, определяющие меру его свободы, закрепленные в правовых нормах, нравственных и политических правилах, религиозных догматах; возможности использования человеком наиболее существенных благ, защиты его жизненных интересов; пределы осуществления государственной власти, способ свободного развития личности ее способностей и талантов; способ защиты человечества от глобальных угроз его существованию [1, с. 23; 2, с. 22].

Содержанию прав человека присущи различные аспекты вследствие того, что они являются комплексным социальным явлением, в котором концентрируются разнообразные формы социальной действительности и общественного сознания [3; 4; 5].

Нравственные аспекты содержания прав человека состоят в том, что они выражают идею социальной ценности личности. Например, в праве на жизнь, закрепленном в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, проявляется высокое уважение к человеческой жизни как бесценному, наивысшему благу. Политический аспект содержания прав чело-

века заключается в том, что они неотъемлемы от демократии и составляют необходимое условие, цель и смысл всех демократических институтов власти. Формирование и развитие прав человека неразрывно связано с генезисом демократии.

Правовые аспекты содержания прав человека являются юридической категорией, зафиксированной как нормами международного, так и нормами внутригосударственного права (конституционного, административного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального и др.) [6, с. 6–7].

В ст. 45 Конституции РФ записано: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Конкретные же механизмы и способы защиты, как правило, устанавливаются на отраслевом уровне.

В современном обществе более значимыми становятся моральные качества, связанные с эмоционально-оценочным отношением развивающейся личности к себе, своим достоинствам и недостаткам. Одним из содержательных компонентов этого аспекта нравственности являются честь и личное достоинство.

Защита чести и достоинства личности, наряду с защитой жизни, здоровья, свободы,

является одной из первостепенных задач современного демократического государства. Согласно ч. 1 ст. 21 и ч. 1 ст. 23 Конституции РФ честь и достоинство личности охраняются государством и ничто не может быть основанием для их умаления, каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени.

При этом ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли, слова, а также свободу массовой информации. Так, 30 марта 1998 г. Федеральным законом № 54-ФЗ была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в которой сказано, что каждому дано право свободно выражать свое мнение, что означает свободно придерживаться своего мнения и свободно получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Однако в ч. 2 ст. 10 Конвенции сказано, что при осуществлении права свободно выражать свое мнение могут быть наложены определенные обязанности, сопряженные с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия [7].

Честь и достоинство входят в содержание многих правовых норм различных отраслей законодательства. Тем самым закон способствует укреплению сознания граждан в духе высоких моральных принципов, требующих уважительного отношения к личности, ее правам и интересам. Представления о достоинстве личности получили правовое выражение в нормах административного, гражданского, уголовного и иных отраслях российского законодательства. В связи с чем представляется возможным выделить три основных способа защиты чести, достоинства и репутации личности: административно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой.

Гражданско-правовой способ защиты личных неимущественных прав, к которым относятся честь, достоинство и деловая репутация, регламентируют положения ст. 152 Гражданского кодекса РФ, в которой установлено право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространен-

ных не соответствующих действительности порочащих сведений, что является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

Административно-правовой способ защиты чести и достоинства личности регламентируют положения Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающие ответственность за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), т.е. за унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, а также за мелкое хулиганство (ст. 20.1. КоАП РФ), которое может быть выражено в оскорбительном приставании к гражданам и иных подобных действиях, нарушающих общественный порядок и спокойствие граждан.

Логическая цепочка административно-юрисдикционного процесса по делам о защите чести и достоинства личности выстраивается следующим образом: заявление потерпевшего как повод к возбуждению дела – постановление прокурора о возбуждении дела по признакам правонарушения, предусмотренного нормами ст. 5.61 КоАП РФ – рассмотрение мировым судьей дела по существу [8, с. 5].

Наиболее строгая ответственность за нарушение норм, направленных на защиту чести и достоинства личности, предусмотрена уголовным законодательством. Названные положения Конституции РФ реализуются и в уголовном законе, в частности, в ст. 128¹ УК РФ устанавливается ответственность за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица и подрывающих его репутацию. Уголовно-правовая защита чести и достоинства осуществляется также и некоторыми другими статьями УК РФ.

Так, идея защиты чести и достоинства пронизывает отдельные уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления против правосудия, порядка управления и военной службы: неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 298 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

При этом защита чести, достоинства и репутации физического лица уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами не исключает права подачи гражданского иска. В соответствии с п. 9 ст. 152 ГК РФ наряду с опровержением порочащих его сведений или опубликованием своего ответа граждан, в

отношении которого данные сведения были распространены, вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений. Статьей 150 ГК РФ установлено, что честь и достоинство относятся к категории нематериальных благ, в качестве способа защиты которых ст. 151 ГК РФ предусмотрена денежная компенсация морального вреда.

Праву на честь и достоинство корреспондирует обязанность неограниченного круга лиц воздерживаться от жестокости, грубости, унижающих заявлений о чьей-либо неполноценности, из него вытекает обязанность людей не допускать в своем поведении излишней самоуверенности, апломба, высокомерия, презрения [9, с. 116].

Общественная опасность посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию личности заключается в том, что, проявляя свое неуважение к человеку и попирая его моральную ценность, лицо, совершающее данное деяние, наносит значительно больший вред обществу, чем конкретному потерпевшему. Кроме

того, общественная опасность данных посягательств проявляется и в том, что, как правило, их совершение является началом последующей преступной деятельности морально неустойчивых лиц [10, с. 365].

В демократическом правовом государстве наиболее эффективной формой защиты чести и достоинства личности, на наш взгляд, является уголовно-правовая защита, посредством которой реализуются конституционные гарантии права человека на честь и личное достоинство и обязанности третьих лиц воздерживаться от поведения, которое может каким-либо образом унижить честь и достоинство другого человека.

Какими средствами защиты воспользоваться в случае нарушения конституционного права человека на честь, личное достоинство и деловую репутацию, каждый должен решить для себя сам, исходя из особенностей совершенного противоправного деяния и целей защиты личных неимущественных прав, нарушенных при распространении клеветнических сведений или оскорблении.

1. Рудинский Ф.М. Понятие и содержание прав человека // Сборник науч. тр. юрид. фак. МГПУ.

2. Право и права человека. Кн. 3 / под ред. Е.Н. Рахмановой. М., 2000.

3. Филимонов В.Д. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г. М., 2002.

4. Цымбал Е. Ограниченная вменяемость: дискуссионные вопросы теории и правоприменительной практики // Уголовное право. 2002. № 1.

5. Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3.

6. Аладьина Л.С. Уголовно-исполнительная политика Российского государства, вторая половина XVII в. – первая четверть XIX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

8. Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

9. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2001.

10. Преступность, криминология, криминологическая защита / под. ред. А.И. Долговой. М., 2007.

1. Rudinsky F.M. The concept and content of human rights // Coll. of sci. works of the Legal Faculty of the Moscow state pedagogical university, faculty of law.

2. Law and human rights. B. 3 / ed. by E.N. Rahmanova. Moscow, 2000.

3. Filimonov V.D. The principle of equality before the law in criminal law // Criminal law in the XXI century: proc. of Intern. sci. conf., faculty of law of Lomonosov MSU, May 31 – June 1, 2001). Moscow, 2002.

4. Tsymbal E. Diminished responsibility: debatable questions of the theory and practice // Criminal law. 2002. № 1.

5. Tsymbal E., Dyachenko A. Age insanity: theory and practice // Criminal law. 2000. № 3.

6. Aladyina L.S. Penal policy of the Russian state, the second half of the XVII century – the first quarter of the XIX century: auth. abstr ... Master of Law. Moscow, 2003.

7. Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms: concluded in Rome on Nov. 4, 1950 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 2. Art. 163.

8. Aratova A.A. Administrative liability for insult: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2013.

9. Scientific-practical commentary to the Constitution of the Russian Federation / resp. ed. by V.V. Lazarev. Moscow, 2001.

10. Crime, criminology, criminological protection / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2007.

Кубанцев Сергей Павловичкандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудникИнститута законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

(e-mail: spkubantsev@mail.ru)

Подходы к имплементации международно-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве некоторых стран – участников СНГ

В статье поднимается вопрос об имплементации в национальное законодательство международных норм уголовно-правового характера, предусматривающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Особое внимание уделяется способам и механизму имплементации в условиях разных правовых традиций, а также вопросам возможности унификации рассматриваемых норм.

Ключевые слова: уголовный, международный, преступление, мир, человечность.

S.P. Kubantsev, Master of Law, Assistant Professor, Senior Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; e-mail: spkubantsev@mail.ru

Approaches to the implementation of international crimes against peace and humanity in the criminal legislation of the CIS countries

Article raises the question of the implementation to the national legislation of the international standards of criminal law, providing liability for crimes against the peace and humanity. Particular attention is paid to the ways and mechanisms of implementation under the different legal traditions, as well as possibility of unification of the rules under consideration.

Key words: criminal, international, crime, peace, humanity.

Не подлежит сомнению тот факт, что преступления против мира и безопасности человечества являются одними из самых опасных среди уголовно наказуемых деяний. При этом цивилизованное мировое сообщество последовательно и планомерно показывает свою решительность в борьбе с этого рода преступлениями. Наверное, одним из самых значительных за последнее время шагов в этом направлении стало принятие Римского статута Международного уголовного суда [1].

Переходя к непосредственному рассмотрению особенностей имплементации международных уголовно-правовых норм, хотелось бы оговориться, что категория преступлений против мира и безопасности человечества (далее также – международные преступления) в других странах может именоваться иначе: преступления против мира и человечности. Казалось бы, разница небольшая, но она все же есть: понятие «безопасность человечества» несколько шире, чем «человечность», что приводит к различному пониманию данной

категории преступлений со стороны юристов разных государств.

Основой для дальнейшего развития положений об ответственности за международные преступления становятся Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Однако только начиная с Нюрнбергского (1945) и Токийского (1946) международных военных трибуналов мы говорим о действительном и действенном наказании за преступления международного характера. В уставах данных трибуналов мы видим закрепление ответственности за преступления против мира; военные преступления; преступления против человечности.

Согласно ст. 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала преступлениями против человечности признаются: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, под-

лежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [2, с. 16]. Аналогичный подход был реализован и в Уставе Токийского международного военного трибунала [3, с. 221–225].

В дальнейшем нормы об ответственности за международные преступления начали появляться в национальных уголовных законах, но они не были и не могли быть единообразными. Поэтому Комиссия международного права ООН разрабатывала Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [4].

Как видим, речь уже идет именно о безопасности человечества. По состоянию на 1982 г. проект Кодекса включает в себя и преступления террористического характера, а в 1991 г. в него входят уже следующие 12 составов преступлений: 1) агрессия; 2) угроза агрессией; 3) вмешательство во внутренние и внешние дела другого государства; 4) колониальное господство и другие формы иностранного господства; 5) геноцид; 6) апартеид; 7) систематическое и массовое нарушение прав человека; 8) исключительно серьезные военные преступления; 9) вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; 10) международный терроризм; 11) незаконный оборот наркотических средств; 12) преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде.

Столь широкий подход к определению преступлений против мира и безопасности человечества вызвал обоснованную критику со стороны многих государств. По итогам дальнейшей работы Комиссии в 1996 г. принимается обновленный Проект кодекса, куда вошли такие составы преступлений, как агрессия; геноцид; преступления против человечности; преступления против персонала ООН и связанного с ней персонала; военные преступления (включая причинение обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде) [5, с. 252].

В данном примере мы можем говорить и о разности подходов с точки зрения разных правовых систем и правовых семей. Однако неоднозначность в подходах к имплементации норм о преступлениях международного характера сохраняется и среди схожих правовых систем, находящихся на постсоветском пространстве.

Например, в уголовных кодексах Азербайджана [6], Белоруссии [7], Молдовы [8] преступления международного характера расположены в начале Особенной части. В уголовном кодексе Республики Казахстан [9] преступления против мира и безопасности человечества помещены в гл. 4, после преступлений против личности, преступлений против семьи и несовершеннолетних, преступлений против конституционных и иных прав и свобод человека и

гражданина. А в России, как известно, преступления данной направленности расположены в последней главе УК [10].

Традиционно считается, что включение того или иного вида преступлений в начало Особенной части УК говорит нам об их более высокой значимости для государства. Однако нам представляется, что не только этот фактор является показателем значимости преступления для государства, необходимо учитывать и уровень наказания, и некоторые другие факторы.

Так, обращаясь непосредственно к УК Республики Казахстан, видим, что в ст. 160 кодекса за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны предусматривается ответственность в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни, т.е. самое суровое наказание, какое только возможно по законодательству Республики Казахстан.

Вместе с тем, схожи, но с некоторыми отличиями от российского и подходы к действию в пространстве уголовно-правовых норм об ответственности за преступления международного характера.

Так, согласно п. 3 ст. 12 УК Азербайджанской Республики ответственность за преступления против мира и человечности наступает вне зависимости от места совершения преступления. Схожая формулировка содержится и в ч. 1 ст. 8 УК Республики Казахстан.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь используется несколько иной подход к законодательному закреплению. Перечисляются конкретные виды преступлений, нормы об уголовной ответственности за которые применяются независимо от уголовного права места совершения деяния, а именно: 1) геноцид; 2) преступления против безопасности человечества; 3) производство, накопление либо распространение запрещенных средств ведения войны; 4) экоцид; 5) применение оружия массового поражения; 6) нарушение законов и обычаев войны; 7) преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов; 8) бездействие либо отдание преступного приказа во время вооруженного конфликта; 8-1) торговля людьми (ст. 6 УК Республики Беларусь).

При этом можно отметить, что, несмотря на конкретное перечисление составов преступлений, белорусский законодатель пошел по пути более широкого подхода, оставив данный перечень открытым и указав на иные преступления, совершенные вне пределов Республики Беларусь, подлежащие преследованию на основании обязательного для Республики Беларусь международного договора.

В уголовном законе Республики Молдова установлено, что иностранные граждане и

лица без гражданства, не проживающие постоянно на территории Республики Молдова, совершившие преступления за пределами Республики Молдова, несут уголовную ответственность и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Молдова в случае совершения преступления против мира и безопасности человечества, военного преступления, а также иных преступлений, предусмотренных международными договорами, одной из сторон которых является Республика Молдова, если эти лица не были подвергнуты наказанию в иностранном государстве.

Другой особенностью уголовного законодательства рассматриваемых государств является расширение перечня уголовно наказуемых деяний, относимых к категории преступлений против мира и безопасности человечества.

К примеру, азербайджанский законодатель счел необходимым включить в качестве самостоятельного состава рабство, определяемое как полное или частичное осуществление в отношении человека правомочий, присущих праву собственности. К этой же категории преступлений относятся изнасилование и другие действия, связанные с половым насилием (ст. 108 УК Азербайджана). При этом нет указания ни на время совершения преступления, скажем, в период вооруженного конфликта, ни на специальный субъект преступления, ни на массовость данного деяния, в результате чего отсутствует четкое отграничение от другого состава изнасилования, ответственность за которое предусмотрена в ст. 120 гл. 20 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Кроме того, в Республике Азербайджан преступлением против мира и безопасности человечества признается совершение деяния экстремистского характера, правда совершенного в отношении какой-либо группы или организации по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным мотивам, мотивам половой принадлежности или другим запрещенным нормами международного права мотивам.

В гл. 17 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против мира и безопасности человечества» закреплена ответственность за акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124 УК Беларуси), а также за акт международного терроризма (ст. 126 УК Беларуси). Однако само понятие террористического акта в приведенных нормах разнится.

Так, актом терроризма в отношении представителя иностранного государства или меж-

дународной организации признается насилие, убийство, захват и (или) удержание его в качестве заложника, похищение и (или) лишение его свободы в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве.

Вместе с тем, акт международного терроризма определяется как совершение на территории иностранного государства либо на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, находящихся на территории Республики Беларусь, взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий в целях провокации международных осложнений или войны, либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве.

Полагаем, что такой подход со стороны белорусского законодателя вполне обоснован, когда законодательно определяется общий состав терроризма, а также специальные составы, что существенно облегчает квалификацию деяния со стороны органов, производящих расследование, и судов.

В отличие от российского уголовного закона и уголовного законодательства большинства государств – участников СНГ, в Молдове нашли необходимым в ст. 135-1 Уголовного кодекса закрепить понятие преступления против человечности. Определяется данное преступление через общие признаки и указание на конкретные предикатные преступления, составляющие его объективную сторону.

К общим признакам относится широкомасштабность или систематичность нападения на гражданских лиц, совершенного с умышленной формой вины.

В качестве предикатных преступлений могут выступать:

- 1) порабощение или торговля людьми;
- 2) депортация или насильственное перемещение с нарушением общих норм международного права лиц, законно пребывающих на территории, на которую совершено нападение;
- 3) заключение под стражу или другое лишение физической свободы в нарушение общих норм международного права;
- 4) пытки лица, находящегося под стражей либо находящегося иным образом во власти мучителя, с причинением тяжких телесных повреждений или тяжкого вреда здоровью либо с причинением физического или психического страдания, которые превышают последствия

применения санкций, допускаемых международным правом;

5) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, незаконное лишение свободы какой-либо беременной женщины, ставшей беременной в принудительном порядке, с целью изменения этнического состава какого-либо населения, принудительная стерилизация или любые другие виды сексуального насилия;

6) преследование любой идентифицируемой группы или общности посредством лишения или ограничения основных прав человека по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или по другим мотивам, признанным недопустимыми международным правом;

7) осуществление действий, влекущих насильственное исчезновение лица, с целью лишения его защиты со стороны закона посредством похищения, ареста или задержания по приказу государства или политической организации либо с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы этого лица или предоставить по первому требованию реальную информацию о его дальнейшей судьбе или о его местонахождении;

8) применение практик апартеида;

9) совершение других бесчеловечных деяний аналогичного характера, заключающихся в умышленном причинении тяжких физических или психических страданий либо тяжких телесных повреждений или тяжкого вреда здоровью лица;

10) убийство одного или нескольких лиц;

11) подвержение населения или его части в целях его полного или частичного уничтожения условиям жизни, рассчитанным на его физическое уничтожение.

Такая градация преступлений против человечности, да и само понятие преступления против человечности, которое использовал законодатель Республики Молдова, имеет полное право на существование, т.к. ни предшествующие, ни настоящие нормы международного уголовного права не ставят перед государствами, имплементирующими данные

нормы в свое законодательство, задачи точного копирования составов преступлений. Другое дело, что в международных актах, таких как Римский статут Международного уголовного суда, существует необходимый минимальный перечень преступлений против мира и человечности, который предпочтительно должен присутствовать в уголовном законодательстве каждого государства.

Поэтому разумное расширение данного перечня со стороны самого государства и усиление способов защиты мира и безопасности человечества за счет этого, на наш взгляд, вполне допустимо и обосновано. В дополнение к этому отметим, что и среди российских ученых есть мнение об отсутствии необходимости разделения понятий «преступления против человечества» и «преступления против человечности», их следует рассматривать их как преступления единой направленности [11, с. 68–69].

Можно констатировать тот факт, что даже страны, входящие в одно наднациональное объединение – Содружество Независимых Государств, вовсе не одинаково подходят к вопросу имплементации в национальное уголовное законодательство правовых норм международного характера, устанавливающих ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Какие-то из них идут по пути точного копирования норм, предложенных в международных актах, другие расширяют перечень преступлений международного характера и даже вводит дополнительную градацию актов терроризма, доводя их до наказуемости по нормам о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Вместе с тем, такое явление никак не препятствует эффективному противодействию и превенции преступлений международного характера, но наоборот, способствует обогащению практики имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство, предоставляя разным государствам с неодинаковыми правовыми традициями возможность воспользоваться любым из имеющихся механизмов имплементации норм об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества.

1. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 01.11.2015).

1. The official website of the United Nations. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (date of access: 01.11.2015).

2. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. М., 1952. Т. 1.
3. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950.
4. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (дата обращения: 01.11.2015).
5. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. (в ред. от 29 мая 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 01.11.2015).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 28 апр. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 01.11.2015).
8. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (в ред. от 9 апр. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения 01.11.2015г.).
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Доступ из справ. правовой системы «Законодательство стран СНГ». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429 (дата обращения: 01.11.2015).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г., с изм. от 16 июля 2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 25 июля 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2015).
11. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право: учеб.-метод. пособие. М., 2012.
2. Nuremberg Trials: coll. of materials: in 2 vol. Moscow, 1952. Vol. 1.
3. Raginsky M.Yu., Rosenblit S.Ya. The international process of major Japanese war criminals. Moscow, 1950.
4. The official website of the United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (date of access: 01.11.2015).
5. Naumov A.V. Russian criminal law: course of lectures: in 3 vol. Vol. 1: General part. 5th ed., rev. and add. Moscow, 2011.
6. Criminal code of the Azerbaijan Republic of Dec. 30, 1999 (in ed. of May 29, 2015). Access from reference law system «Legislation of the CIS countries». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (date of access: 01.11.2015).
7. Criminal code of the Republic of Belarus of July 9, 1999 № 275-L (in ed. of Apr. 28, 2015). Access from reference law system «Legislation of the CIS countries». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (date of access: 01.11.2015).
8. Criminal code of the Republic of Moldova of Apr. 18, 2002 (in ed. of Apr. 9, 2015). Access from reference law system «Legislation of the CIS countries»: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (date of access: 01.11.2015).
9. Criminal code of the Republic of Kazakhstan. Access from reference law system «Legislation of the CIS countries». URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429 (date of access: 01.11.2015).
10. Criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996 (in ed. of July 13, 2015, with amended of July 16, 2015, with amended and ext. joined in force from July 25, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 01.11.2015)
11. Inogamova-Khegai L.V. International criminal law: guidance manual. Moscow, 2012.

Рябченко Оксана Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры экологического,
аграрного и природоресурсного права
Института права, социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета
(e-mail:okt.wa@yandex.ru)

Преступления против порядка управления в российском законодательстве X–XI веков

В статье рассматривается вопрос о предпосылках становления уголовного законодательства о преступлениях против порядка управления. Раскрывается содержание норм первых правовых памятников, определяются их особенности и перспективные направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: история уголовного права, преступления против порядка управления, Русская Правда, самоуправство, посягательство на жизнь должностного лица.

O.N. Riabchenko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Environmental, Agricultural and Natural Resource Law of the Institute of Law, Social Management and Security of the Udmurt State University; e-mail:okt.wa@yandex.ru

Crimes against public order in the Russian legislation of the X–XI centuries

The article examines the preconditions of formation of the criminal legislation on crimes against public order. Reveals the contents of legal norms the first of the monuments are defined by their features and promising directions of further development.

Key words: history of criminal law, crimes against public order, Russian Lex, arbitrariness, violence to officials life.

Законодательство о преступлениях против порядка управления в своей основе имеет, прежде всего, сложившиеся на тот или иной момент отношения в области государственного управления. В этой связи анализу законодательства всегда целесообразно предпослать хотя бы краткий обзор этих отношений. Былинный эпос, летописные своды, княжеские уставы и иные исторические источники содержат скромную информацию для реконструкции специалистами порядка управления в Древнерусском государстве. Так, ст. 1 Договоров Руси с Византией, заключенных в 911 и 944 гг., дает возможность лишь в первом приближении выявить общие начала управления в государстве. На Руси, согласно памятникам, правит великий князь, причем в согласии с высшими представителями знати и народа. Послы, заключающие договор, означаются в тексте документа как «посланные Олегом, великим князем русским, и всеми подвластными ему светлыми боярами», «посланные Игорем, великим князем русским и всяким князем и всеми людьми Русской земли». Встречается здесь и оборот «наш великий князь Игорь и его бояре и все люди русские» [1, с. 10–14, 35–41].

Великий князь, однако, не являлся единоличным правителем, и его власть не имела отчетливо наследственного характера. Как и в

любом раннефеодальном государстве, функции князя были связаны с решением военных задач, поддержанием дипломатических отношений, охраной торговых путей, сбором налогов. Выполнял он их вместе со своей дружиной. Великому князю подчинялись местные племенные князья, которые по договору с великим князем приводили ему на службу свои собственные дружины и ополчение. Организация ополчения строилась на основе десятичной системы, где во главе отдельных образований стояли тысяцкие, сотские, десятники, которые выполняли одновременно с военными и административные функции управления территорией. По-другому обстояло дело в Новгороде и Пскове. Здесь сложились феодальные республики в их аристократическом варианте. И в Новгороде, и в Пскове существовали князья, но они выполняли совсем не те функции, что в Киеве. В феодальных республиках князья были уже не монархами, не главами государства. Соответственно, здесь была заметна роль других, республиканских органов – веча, осподы, принимавших активное участие в управлении государством. Для Новгорода характерно также влияние на государственное управление руководителя церкви. Все это связывало князя, не оставляя ему самостоятельной власти ни в законодательстве, ни в управлении, ни в судопроизводстве [2, с. 17].

В X в. десятичная система управления сменилась дворцово-вотчинной, при которой государство управляется подобно феодальной вотчине. Управление государством становится как бы продолжением управления хозяйством великого князя: лица, обслуживающие потребности великого князя, одновременно становятся чиновниками государства в соответствующей отрасли управления.

Если десятичная система еще не знает разделения на центральные и местные органы управления, то дворцово-вотчинная система предполагает уже выделение центральных и местных органов управления. В качестве представителей власти на местах выступают местные князья, а также наместники и волостели – должностные лица, назначаемые великим князем. Наместник выполнял различные управленческие функции: собирал дань, судебные и торговые пошлины, вершил суд, командовал местной дружиной. Наместники и волостели жалование за службу не получали и содержались за счет собираемого с подведомственной территории так называемого корма, что послужило основанием для именованной такой системы управления кормлениями.

По вполне понятным причинам ранний период истории российской государственности объективно не мог сопровождаться разработкой дифференцированной, подробной системы нормативного регулирования отдельных функций центрального и местного управления. Однако, как верно пишет А.В. Щербаков, «правовая охрана порядка управления в государстве как неотъемлемая часть его нормального функционирования осуществлялась едва ли не с самого зарождения государственности на Руси, несмотря на то, что собственно понятие “порядка управления” в то время еще не использовалось» [3, с. 125].

На начальных этапах истории государство в большей степени было озабочено формированием структурных основ администрирования, определением статуса и возможностей представителей государственного аппарата и одновременным закреплением обязанностей подданных, ограничением своеволия местных управленцев. Это обстоятельство нашло непосредственное отражение в тексте правовых памятников, которые традиционно относят к числу наиболее ранних источников отрасли уголовного права.

Речь, в частности, идет о Русской Правде. Вторая часть ее краткой редакции (начиная со ст. 19), получившая в историографии название «Правда Ярославичей», содержит целый ряд статей, в которых формулируются предписания, послужившие основой и предтечей современной системы норм об ответственности за преступления против порядка управления [1, с. 77–80].

Так, в ст. 19–25 этого документа содержатся положения о наказаниях за преступления, совершенные против жизни и здоровья представителей княжеской администрации. Русская Правда устанавливает двойной размер виры (80 гривен) за убийство огнищанина (управляющий всем княжеским хозяйством, дворецкий – высший чиновник в княжеской администрации), подъездного (чиновник, осуществляющий сбор причитающихся князю поступлений) и ряда высших тиунов (управляющих, подчинявшихся огнищанину и заведовавших отдельными отраслями вотчинного управления); устанавливает обязанность преступника выплатить эту виру самостоятельно, без участия общины; закрепляет обязанность самой общины платить виру в случае отказа от розыска убийцы (исторически точным (если не ошибочным) будет, в связи с этим, начинать историю преступлений против жизни и здоровья управленцев с середины XVII столетия [4, с. 35].). Здесь же устанавливается ответственность за посягательство на жизнь управленцев среднего и низшего звена княжеской администрации: сельского и пахотного старосты, рядовичей. Важное значение при этом имеет ст. 21, допускавшая убийство огнищанина, совершающего преступления, что косвенно указывает на центральный признак преступлений против жизни и здоровья управленцев: соблюдение ими своих обязанностей, функционирование в рамках установленного порядка, а возможно, отчасти и связь посягательства на их жизнь с осуществлением ими своих должностных и профессиональных обязанностей.

Помимо специализированной охраны субъектов управленческой деятельности, Русская Правда содержит положения, ориентированные на защиту, как выразился Э.В. Георгиевский, «самой процедуры администрирования» [5, с. 155], прежде всего судебного. Эту задачу решала ст. 33, карающая штрафом в пользу князя тех, кто «смерд умучать, а без княжа слова», и повышающая размер штрафа в четыре раза в случае совершения преступления против огнищанина, тиуна или мечника. «Мучение» в данном случае следует понимать как самочинные, самоуправные действия судебно-процессуального порядка, как наказание-самосуд за совершенные потерпевшим действия. Саму статью же справедливо рассматривать как норму, охраняющую феодальную юрисдикцию князя, его право урегулировать конфликты и наказывать.

К этой норме примыкает и ст. 34 Пространной редакции, которая устанавливала специальный порядок подтверждения своего права на пропавшую вещь, с обязательной процедурой «свода», и наказание за присвоение

найденного, которое в случае невозвращения вещи после объявления собственником о пропаже приравнивалось к краже.

Будет вполне справедливо усматривать в этих предписаниях начало формирования уголовно-правовых запретов на осуществление действий, идущих вразрез с установленным порядком управления, и уже поэтому сложно согласиться со специалистами, которые усматривают начало норм об ответственности за самоуправство в Новгородской Судной грамоте [6, с. 7]. Называть такие действия в полном смысле слова самоуправными, конечно, нет еще оснований [7, с. 27–28], они лишь сходны по своему содержанию с понятием самоуправства, однако связь с современными конструкциями достаточно очевидна.

Наряду с указанными, Русская Правда формулировала и иные запреты, тяготеющие к преступлениям против порядка управления. Так, ст. 34 Краткой редакции преследовала переустановление или уничтожение межевых знаков (ст. 34). Соответствующие предписания были развиты в ст. 71–73 Пространной редакции, в которых устанавливалась ответственность за уничтожение знака собственности на ульях, повреждение межевых деревьев, нарушение границ земельных и иных владений.

Оценивая эти нормативные положения с точки зрения современных представлений о системе противоправных посягательств на порядок управления, несложно заметить, что они:

во-первых, возникли сразу как группа правовых норм, что отражало одновременно и достаточную разветвленность (развитость) системы управления, и особую заинтересованность государства в ее охране;

во-вторых, изначально охватывали собой и посягательства на жизнь и здоровье представителей управленческого аппарата, и на установленный порядок управления, регулирования общественных отношений;

в-третьих, в силу вполне объективных причин были еще слабо дифференцированы от норм, устанавливающих ответственность за различные посягательства на реализацию государством принадлежащих ему прав (в том числе права собственности, права наказания, права сбора налогов и др.).

Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку именно в различении преступлений, нарушающих собственно установленный порядок управления обществом, преступлений, направленных на порядок реализации государством принадлежащих ему прав, и состоит основной вектор развития исследуемых уголовно-правовых норм.

1. Памятники русского права. Выпуск первый. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М., 1952.

2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.

3. Щербakov А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления: становление и развитие // Бизнес в законе. 2009. № 2.

4. Борисихина С.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

5. Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М., 2013.

6. Сурков И.К., Мотин О.А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ. Самара, 2007.

7. Капканов В.И. Понятие самоуправства в памятниках старорусского права // История государства и права. 2006. № 8.

1. Monuments of Russian law. First issue. Monuments of the rights of the Kievan state. X–XII centuries. / comp. A.A. Zimin; ed. by S.V. Yushkov. Moscow, 1952.

2. The Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. / gen. ed. by O.I. Chistyakov. Vol. 1: The law of ancient Russia / resp. ed. V.L. Yanin. Moscow, 1984.

3. Shcherbakov A.V. Russian criminal legislation on crimes against public order: the formation and development // Business in law. 2009. № 2.

4. Borisikhin S.A. Criminally-legal and criminological aspects of the struggle against an encroachment on the life of a law enforcement officer: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2003.

5. Georgievsky E.V. The system and the types of crimes in criminal law of ancient Russia. Moscow, 2013.

6. Surkov I.K., Motin O.A. Arbitrary: criminally-legal analysis. Samara, 2007.

7. Kapkanov V.I. The notion of arbitrariness in the monuments of Old Russian law // History of state and law. 2006. № 8.

Скачко Анна Владиленовна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79180722722)

Система контрабандных преступлений в Уголовном кодексе Республики Казахстан 2015 года: новые подходы к регламентации уголовной ответственности

В статье рассмотрена система норм, регламентирующих уголовную ответственность за контрабанду в новом УК РК 2015 г. Данные нормы сопоставлены с подходами законодателя других членов Таможенного союза.

Ключевые слова: Таможенный союз, контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, дифференциация уголовной ответственности, квалифицированные составы.

A.V. Skachko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180722722.

System of contraband crimes in the Criminal code of the Republic of Kazakhstan of 2015: new approaches to regulation of criminal liability

In the article features of a regulation of criminal liability for smuggling crimes in the new Criminal code of Kazakhstan of 2015 are considered. These features compared with approaches of the legislator of other members of the Customs union.

Key words: the Customs union, smuggling, evasion from customs payment, differentiation of criminal liability, qualified structures.

Создание международных организаций внешнеэкономического, торгового характера (например, Таможенный союз) с неизбежностью влечет изменения внутреннего правового поля каждого государства. В такой ситуации актуальной задачей законодателя страны, вступающей в масштабную международную интеграцию, является обеспечение оптимального баланса между союзным и внутренним правовым полем. Вполне естественно, что в этой ситуации могут возникнуть противоречия, и при этом принципиально важно обеспечить, чтобы решение общесоюзных задач не поставило под угрозу национальные интересы государства [1].

Не избежали этих проблем Российская Федерация, Республика Казахстан и Республика Беларусь, объединившись в Таможенный союз. Проблема обстоятельной уголовно-правовой регламентации ответственности за таможенные преступления, в том числе за все виды контрабандных преступлений, обусловлена тем, что диспозиции всех норм носят бланкетный характер. Их содержание в полной мере зависит от характера и направленности таможенного законодательства каждой страны. В

условиях созданного Таможенного союза соответствующие правовые нормы должны быть тщательно скорректированы. Таможенный кодекс Таможенного союза во всех компонентах как стратегического, так и тактического характера должен предопределять и содержание таможенного законодательства членов союза. Поэтому вполне прав О.В. Грачев в том, что наши государства, объединившись в Таможенный союз, тем более не могут оставлять неразрешенными проблемы по устранению противоречий в нормах уголовного, уголовно-процессуального, административного, оперативно-розыскного, таможенного законодательства. [2, с. 43].

Необходим поиск сочетания общесоюзного и национального законодательств объединившихся стран для всестороннего учета их политических, экономических особенностей [3, с. 43]. Соответствующие проблемы возникают в связи с тем, что вступление Республики Казахстан в Таможенный союз не повлияло на подходы к регламентации ответственности за контрабанду и иные виды таможенных преступлений в отличие от России. Проблемы экономической, экологической безопасности

своего государства всегда являлись и являются приоритетными, из чего, видимо, исходил законодатель этой страны. И на обеспечении экономической безопасности страны законодатель фокусирует правовые механизмы, организационные и тактические методы и средства. Именно эта мысль прозвучала на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) 24 декабря 2013 г. в выступлении Президента Казахстана. Совещание было посвящено подготовке договора о создании Евразийского экономического союза. Нурсултан Назарбаев принципиально против включения в договор положений, выходящих за пределы экономической интеграции. Речь шла об охране границ, обороне, миграционной политике, науке. Политизация союза, по его мнению, недопустима [4].

Для обеспечения экономической безопасности страны в современных условиях правительство Республики Казахстан утверждает Комплексный план противодействия теневой экономике в Республике на 2013–2015 годы [5]. Наибольшую опасность для экономики республики представляет контрабанда наркотических средств из Киргизии, с которой у Казахстана установлен безвизовый режим, а также контрафактных товаров из Китая, Киргизии, Индии и стран Ближнего Востока. Значительны масштабы незаконного ввоза на территорию государства стали, табачных изделий, спирта, нефтепродуктов, некачественных продуктов питания, низкопробных товаров широкого потребления кустарного производства. По отдельным видам товаров контрабандные поставки составляют от 40 до 80%.

На основе обобщения практики в Комплексном плане противодействия теневой экономике сформулирован итоговый вывод, что «контрабандная деятельность приобретает все более организованный и масштабный характер, совершенствуется механизм ее функционирования». Только в 2012 г. по фактам совершения экономической контрабанды были возбуждены 333 уголовных дела и свыше 200 уголовных дел за уклонение от уплаты таможенных платежей. Среди причин создавшегося положения, наряду с социально-политическими, экономическими, организационными, названы и недостатки правового характера. Поэтому законодатель, наряду с укреплением пограничной и таможенной службы, принимает меры по внесению корректив в Таможенный и Уголовный кодекс.

Характерно, что при вступлении в Таможенный союз законодатель Республики Казахстан сохранил, в основном, многолетний опыт правовой регламентации внешнеэкономических отношений. Во-первых, продолжал и продолжает действовать Кодекс Республики Казахстан «О таможенном деле в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 июля 2013 г.). Представляет особый интерес лейтмотив этого законодательного акта: «Настоящий Кодекс определяет правовые, экономические и организационные основы таможенного дела в Республике Казахстан и направлен на защиту суверенитета и экономической безопасности Республики Казахстан, активизацию связей казахстанской экономики в системе мировых экономических отношений и либерализацию внешнеэкономической деятельности».

Во-вторых, законодателем благоразумно оставлены в системе Особенной части Уголовного кодекса все нормы, регламентирующие ответственность за контрабандные преступления [6, с. 21–25] и за уклонение от уплаты таможенных платежей. Более того, в 2014 г. законодатель принимает новый кодекс, вступивший в силу с января 2015 года. Соответствующие статьи, регламентирующие ответственность за контрабандные преступления в ранее действовавшем УК РК, были значительно скорректированы. Новый уголовный кодекс Республики Казахстан содержит, можно сказать, определенную систему контрабандных преступлений с более тщательным описанием составов [7]. Изменен и подход к дифференциации уголовной ответственности в ст. 234, 236, 286, 290, 303, 311, 312, 326, 339 УК РК.

Самым показательным является то, что законодатель Республики Казахстан сохранил статью, регламентирующую ответственность за «экономическую контрабанду» (ст. 234 УК РК), изложив ее в следующей редакции:

«Статья 234. Экономическая контрабанда

1. Перемещение в крупном размере через таможенную границу Таможенного союза товаров или иных предметов, в том числе запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу товаров, вещей и ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, за исключением указанных в статье 286 настоящего Кодекса, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием

документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием, – наказывается штрафом в размере до пяти сот месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до трехсот часов, либо арестом на срок до девяноста суток, с конфискацией имущества.

2. То же деяние, совершенное:

- 1) неоднократно;
- 2) лицом с использованием своего служебного положения;
- 3) с применением насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль;
- 4) в особо крупном размере;
- 5) группой лиц по предварительному сговору, –

наказывается штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

- 1) лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения;

2) преступной группой, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества, а в случаях, предусмотренных пунктом 1), с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Сразу же следует отметить, что законодатель отказался от правила определять крупный и особо крупный размер в примечаниях к статьям Особой части УК, а посвятил этому специальную статью 3 Общей части УК. В ней перечислены все статьи, где будет идти речь о крупном и особо крупном размере, с указанием этого размера. Для квалификации контрабанды, о которой идет речь в ст. 234 УК, крупный размер перемещенных товаров составляет стоимость, превышающая пять тысяч месячных расчетных показателей. Особо крупный размер составляет

стоимость перемещенных товаров, превышающая десять тысяч месячных расчетных показателей. На 2014 г. крупный размер составлял 1731 тенге.

Это традиционный состав контрабанды, связанный с перемещением в крупном размере через таможенную границу Таможенного союза товаров или иных предметов (за исключением предметов, изъятых из свободного обращения). Законодатель в новом УК РК несколько смягчил уголовную ответственность за экономическую контрабанду по сравнению с предыдущим кодексом. В то же время показательно, что в санкцию включена конфискация имущества в качестве обязательного дополнительного наказания.

Законодатель несколько расширил перечень квалифицированных составов экономической контрабанды в ч. 2 ст. 234 УК. Уголовный кодекс предусмотрел следующие квалифицирующие признаки: а) неоднократно; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль; г) в особо крупном размере; д) группой лиц по предварительному сговору. Но при этом санкция действующей нормы значительно мягче.

Внесены коррективы и в характеристику особо квалифицированных составов контрабанды, предусмотренных ч. 3 ст. 234 УК. В качестве квалифицирующих признаков законодатель предусмотрел факт совершения контрабанды: 1) лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения; 2) преступной группой.

Законодатель вложил в понятие преступной группы особо опасные формы совместной преступной деятельности. Преступная группа будет иметь место в случаях, если контрабандные преступления совершены организованной группой, преступной организацией, преступным сообществом, транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, транснациональным преступным сообществом, террористической группой, экстремистской группой, бандой или незаконным военизированным формированием.

Санкция в ч. 3 ст. 234 УК РК, несмотря на существенные коррективы квалифицирующих признаков, в части лишения свободы оставле-

на без изменения. В то же время законодатель очень жестко отнесся к регламентации ответственности должностных лиц, совершающих контрабанду. В качестве дополнительного наказания предусмотрено пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В уголовном законодательстве Республики Казахстан установлена ответственность и за контрабанду предметов, изъятых из свободного гражданского оборота. Эту проблему регламентирует ст. 286 УК РК «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено», аналог ст. 226¹ и 229¹ УК РФ. Законодатель объединил в одной уголовно-правовой норме предметы контрабанды, перечень которых очень широкий – наркотики, сильнодействующие и ядовитые вещества, радиоактивные или взрывчатые вещества, оружие, боеприпасы и др. Однако законодатель не включил в этот перечень стратегические товары и ресурсы, культурные ценности и особо ценные породы флоры и фауны. Это существенное отличие данного подхода к конструированию этого состава контрабанды в отличие от подхода российского законодателя.

Статья 286 УК РК устанавливает более строгую ответственность за рассматриваемый вид контрабанды по сравнению со ст. 250 УК РК 1997 г. Во-первых, дифференцирована ответственность в зависимости от размера контрабанды: в ч. 2 ст. 286 УК – крупный размер, в ч. 4 ст. 286 УК – особо крупный размер. За контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, совершенную в особо крупном размере, установлено наказание – лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы с конфискацией имущества. Во-вторых, дифференцирована ответственность в зависимости от формы группового способа совершения контрабанды (аналогично со ст. 234 УК РК).

Примыкает к данному виду контрабанды и состав преступления, сформулированный в ст. 303 УК РК «Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными или ядовитыми веществами». В этой уголовно-правовой норме законодатель Республики Казахстан устанавливает ответственность за нарушение правил ввоза и вывоза наркотических средств, психотропных или ядовитых веществ, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил.

Часть 2 ст. 303 УК РК предусматривает ответственность за нарушение правил ввоза и вывоза наркотических средств, психотропных или ядовитых веществ, повлекшее хищение наркотических средств, психотропных или ядовитых веществ либо иные тяжкие последствия. Эти деяния наказываются штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Ввоз и вывоз в тексте анализируемой нормы назван законодателем в ряду с такими деяниями, как производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, учет, отпуск, перевозка, пересылка либо уничтожение наркотических средств, психотропных или ядовитых веществ. Следует отметить, что схожий законодательский прием построения составов преступлений применяют в уголовных кодексах ряда европейских стран. Но при этом в соответствующих уголовно-правовых нормах законодатель обязательно акцентирует внимание на том обстоятельстве, что речь идет о ввозе товаров, продукции на территорию государства, чего не делает законодатель Республики Казахстан (по нашему мнению, это серьезное упущение).

Анализ данного состава преступления позволяет нам сделать вывод о том, что в этом случае имеет место контрабанда, но совершаемая специальным субъектом.

Аналогичный подход к построению состава преступления применен и при формулировании ст. 339, включенной в систему Особенной части Уголовного кодекса. Диспозиция ст. 339 УК РК регламентирует ответственность за незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения, а также запрещенными к пользованию видами растений или животных, их частями или дериватами. Как мы полагаем, установление уголовной ответственности за контрабандные действия в сфере обеспечения экологической безопасности в условиях бедственного состояния окружающей среды, проблемы сохранения редких животных и растений заслуживает одобрения и поддержки. Хотя подход к конструированию этого состава вряд ли можно признать оптимальным. В качестве позитивного момента следует отметить и безусловное применение к виновным конфискации имущества.

Иной прием законотворческой деятельности, но сходный с рассмотренным, законодатель использовал при построении ст. 312 УК РК, в которой сформулирован состав оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних либо их привлечения для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера. Особенность этого приема заключается в толковании законодателем понятия термина «оборот». Следует отметить, что этот термин употребляется и в других статьях УК РК, но законодатель в них не раскрывает содержания термина «оборот». Итак, толкование диспозиции ч. 1 ст. 312 УК позволяет сделать вывод, что оборот – это перемещение через Государственную границу Республики Казахстан в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования либо распространение, публичная демонстрация или рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Поэтому рассматриваемый состав преступления, по нашему мнению, можно вполне обоснованно включить в систему контрабандных преступлений.

В систему уголовных правонарушений против здоровья населения и нравственности законодатель включает ст. 311 УК и ст. 312 УК. Статья 312 УК РК предусматривает ответственность за изготовление, хранение или перемещение через Государственную границу Республики Казахстан в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ч. 1 ст. 312 УК). Как видим, контрабанда перечисленных в диспозиции предметов названа в числе других незаконных действий с ними. Такой подход законодателя вряд ли можно назвать оптимальным, т.к. характер и степень общественной опасности этих действий существенно отличается.

Часть 2 ст. 312 УК РК регламентирует ответственность за привлечение несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, устанавливая наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до семи лет с конфискацией имущества.

В ч. 3 ст. 312 УК РК сформулированы квалифицированные составы этого вида контрабанды по следующим признакам:

1) совершение этих деяний родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом

Республики Казахстан возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего;

2) совершение этих деяний в отношении заведомо малолетнего потерпевшего;

3) совершение этих деяний группой лиц по предварительному сговору или преступной группой, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком на десять лет, а в случаях, предусмотренных пунктами 1) или 2), с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Незаконному перемещению печатных изданий, кино- или видеоматериалов, изображений или иных предметов порнографического характера посвящена и ст. 311 УК РК. Законодатель в диспозиции не уточнил, что он вкладывает в понятие «перемещения» предметов порнографии, как он это сделал в ст. 312 УК, т.е. перемещение через Государственную границу Республики Казахстан. Кроме того, исключение из текста статьи указания на несовершеннолетний возраст потерпевших повлекло и значительное смягчение санкции. Наказание установлено в виде штрафа в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей, либо исправительных работ в том же размере, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой.

Завершает систему контрабандных преступлений сформулированный в ст. 326 УК состав незаконного ввоза в Республику Казахстан для переработки, хранения или захоронения микробиологических или других биологических агентов или токсинов, если это деяние повлекло или могло повлечь причинение значительного ущерба окружающей среде или причинило вред здоровью человека. Квалифицированный состав этого преступления, сформулированный в ч. 2 ст. 326 УК РК, предполагает причинение либо создание угрозы причинения крупного ущерба окружающей среде, а равно совершение на территории с чрезвычайной экологической ситуацией. Санкция этой уголовно-правовой нормы предусматривает: штраф в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей; исправительные работы в том же размере; ограничение свободы на срок до трех лет; лишение свободы до трех лет с лишением

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового.

В ч. 3 ст. 326 УК сформулирован особо квалифицированный состав преступления, который предполагает причинение особо крупного ущерба окружающей среде, либо смерть человека, либо массовое заболевание людей, – данные деяния наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Как видим, законодатель Республики Казахстан в условиях членства в Таможенном союзе в определенной степени сумел сохранить стабильность в законодательной регламентации ответственности за контрабандные преступления и за уклонение от уплаты таможенных платежей. Таможенный и Уголовный кодексы достаточно четко сфокусированы на обеспечении экономической, нравственной и экологической безопасности своего государства. Решению этих задач будет способствовать реализация основных положений Комплексного плана противодействия теневой экономике в Республике на 2013–2015 годы.

1. Назарбаев Н.А. *На пороге XXI века. Алматы, 1997.*

2. Грачев О.В. *Уголовное законодательство Республики Казахстан в сфере экономической безопасности и таможенной интеграции // Рос. следователь. 2013. № 1.*

3. Грачев О.В. *Уголовное законодательство Республики Беларусь в сфере экономической безопасности и таможенной интеграции // Рос. следователь. 2013. № 5.*

4. Латухина К. *Три плюс два // Рос. газ. 2013. 25 дек.*

5. *Об утверждении Комплексного плана противодействия теневой экономике в Республике Казахстан на 2013–2015 гг.: постановление Правительства Республики Казахстан от 27 февр. 2013 г. № 190.*

6. Сарсеков Б.С. *Контрабанда наркотиков в Казахстане: проблемы и пути их преодоления. Алматы, 1998.*

7. *Уголовный кодекс Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2014. 9 июля. URL: <http://medialaw.asia/posts/09-07-2014/83277.html>*

1. Nazarbayev N.A. *On the threshold of the 21st century. Almaty, 1997.*

2. Grachev O.V. *The criminal legislation of the Republic of Kazakhstan in the sphere of economic security and customs integration // Russian investigator. 2013. № 1.*

3. Grachev O.V. *The criminal legislation of the Republic of Belarus in the sphere of economic security and customs integration // Russian investigator. 2013. № 5.*

4. Latuhina K. *Three plus two // Rus. newsp. 2013. Dec. 25.*

5. *On approval of the comprehensive plan to counter the underground economy in the Republic of Kazakhstan in the 2013–2015: resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan of Febr. 27, 2013 № 190.*

6. Sarsekov B.S. *Drug trafficking in Kazakhstan: problems and ways of their overcoming. Almaty, 1998.*

7. *The Criminal code of the Republic of Kazakhstan // Kazakhstanskaya truth. 2014. July 9. URL: <http://medialaw.asia/posts/09-07-2014/83277.html>*

Стешич Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант Ростовского юридического института МВД России
(e-mail: esteshich@mail.ru)

Некоторые теоретические вопросы каузальности в преступлениях против жизни (философско-правовой аспект)

В статье исследуются общие методологические вопросы установления каузальности в уголовном праве. Автор, подчеркивая важность единого подхода, на примере преступлений против жизни приходит к выводу о том, что философское учение о причинной связи составляет его основу.

Ключевые слова: методология, диалектика, диалог, истина, причинность, теории причинной связи, преступления против жизни.

E.S. Steshich, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esteshich@mail.ru

Some theoretical issues of causation in crimes against life (philosophical and legal aspect)

The article examines the general methodological issues of knowledge of causation in criminal law. The author, emphasizing the importance of a unified approach on the example of crimes against life, concludes that the philosophical theory of causation is its basis.

Key words: methodology, dialectics, dialogue, truth, causation, theories of causation, crimes against life.

В настоящее время перед уголовно-правовыми науками, в первую очередь перед уголовным правом и криминологией, стоит ряд нерешенных вопросов, касающихся эффективной защиты граждан от посягательств на жизнь. Дискуссионную трибуну криминалистов по-прежнему занимают рассуждения об установлении каузальности и вины преступника, верной и справедливой юридической оценки содеянного, баланса между преступлением и наказанием.

Учитывая тот факт, что преступность относится к общественно опасному, во всех отношениях деструктивному явлению, А.Э. Жалинский справедливо указывал «на настоятельную необходимость критического пересмотра сложившегося методологического подхода к уголовному праву, адаптирующему его к происходящим историческим изменениям в сфере бытия и сознания» [1, с. 30].

О значимости верных методологических принципов в праве Е.В. Рогова замечает, что «методология является потенциально мощным научным инструментом обоснованного формирования и осуществления процесса правотворчества. Учет методологических оснований при развитии и претворении законодательства в жизнь может служить не только фундаментом, но и юридическим критерием оценки правомерности тех или других правовых решений, действий и бездействий» [2, с. 36].

Методология (или теория познания), как указывают энциклопедические источники, представляет собой систему принципов, способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Она обеспечивает умение мыслить и тем самым системно (теоретически) упорядочивает знания [3, с. 365; 4, с. 365–369].

В ранее изданных и новых научных работах по этому поводу видятся неодинаковые методологические подходы к изучению уголовно-правового и криминологического инструментария [5; 6, с. 144–158; 7; 8].

Надо сказать, что в поиске такого «собственного» подхода нет ничего удивительного. Дело в том, что, в отличие от установленных правил применения конкретных научных методов, строго выверенных руководств по методологии исследования не существует [9, с. 433]. Разнообразие мнений оправдано как отсутствием систематизированного изложения методологии науки, так и методологии любой отраслевой науки. Поэтому каждый исследователь, опираясь прежде всего на свой опыт, выбирает собственный научно обоснованный творческий путь.

Между тем, считаем, что, когда речь идет о выборе методологии в изучении преступлений, посягающих на жизнь как наивысшую общечеловеческую ценность, разные взгляды на одни вопросы скорее вредны, чем полезны. Различная методологическая основа формирует ана-

логичные, т.е. неодинаковые рекомендации по применению норм, что отрицательно сказывается на состоянии борьбы с преступностью и защите прав граждан.

Известно, что условием привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни и здоровья является установленная причинная связь. Без ответа на вопросы «Кто именно совершил запрещенное деяние?» и «Является ли причиненный вред следствием запрещенного деяния именно этого лица?» невозможно перейти к этапу оценки субъективной стороны преступления и осуществить верную уголовно-правовую квалификацию.

«При возможных квалификациях, – справедливо пишет А.В. Наумов, – истинной будет та, которая соответствует и фактическим обстоятельствам дела, и правовой норме» [10, с. 158].

Установление каузальности (причинной зависимости, причинного отношения, причинности, причинно-следственной связи, причинной связи) [11, с. 46] между действиями лица и наступившими последствиями обычно не представляет трудности. Но в судебной практике возникают ситуации, когда установить причинность очень нелегко вследствие сложной обусловленности явления (присоединения сил природы, действий третьего лица, ухудшения здоровья в силу индивидуальных особенностей организма потерпевшего). В таких случаях на помощь должна прийти уголовно-правовая доктрина с четким алгоритмом действий, в поисках которого находится правоприменитель.

Между тем, в теории уголовного права, несмотря на большой научный интерес к проблеме причинности, искомая задача не решена.

В юриспруденции вопрос установления причинной связи возник в Средние века именно в связи с рассмотрением преступлений против жизни и здоровья. Порой чрезмерно суровыми и несправедливыми виделись юристам наказания за деяния, причинившие смерть (гибель потерпевшего казалась слишком отдаленной от деяния, представлялась случайной, обусловленной индивидуальными особенностями организма потерпевшего и пр.). Однако научное исследование причинности по существу отсутствовало. Судебная практика была основана на разборе каждого отдельного случая. Со временем стали рекомендовать учитывать свойство орудий преступления, состояние организма жертвы и т.п. [12, с. 177–179; 13, с. 3–6]. Одновременно философские теории причинности стали использовать для целей уголовного права, стараясь найти идеал, отвечающий задачам правосудия.

Так на философской основе сформировались различные теории причинной связи. Вот их неполный перечень: теория адекватной причины, теория главной причины, теория исключительной причинности, теория непосредственной (ближайшей) причины, теория необходимой и случайной причинной связи, теория возможности и действительности, теория необходимого условия или эквивалентности (*conditio sine qua non*). При этом каждый исследователь понимает причинную связь исходя из той философской концепции, идеям которой он следует.

Принимая во внимание многовековую давность вопроса, связанную с именами таких ученых, мыслителей, как, например, Платон, Аристотель, Д. Бруно, Г. Галилей, А. Эйнштейн, Л. Инфельд, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Ст. Милль, Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант, М. Бури, Э. Мах, Р. Авенариус, а также великое множество последующих авторов и их работ, предлагающих свое обоснование процессов причинности, можно объяснить процессы «рождения» все новых и новых теорий в философии и их своего рода трансляцию в сферу уголовного права.

Изложенное объясняет появление первого вопроса о том, должна ли уголовно-правовая наука использовать установленное в философии понятие причинной связи? Центральное звено группы авторов, считавших, что не может быть иного понятия причинности, кроме философского, составили С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский. В дореволюционный период «господствовали специальные “уголовно-правовые” теории причинной связи», поэтому если авторы исходили из причинности как общефилософской категории, то это, по выражению В.Б. Малинина, было «большой смелостью» [14, с. 39]. В дальнейшем идея о том, что в основе правильного понимания каузальности в уголовном праве находится философское учение о причинности, прочно закрепилась в отечественной уголовно-правовой доктрине, в частности благодаря трудам А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского, А.Н. Трайнина, Т.В. Церетели, В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.В. Тимейко, Л.Д. Гаухмана, Э.Ф. Побегайло, М.И. Ковалева, П.Т. Васькова, Л.А. Андреевой, А.П. Козлова, В.Б. Малинина, И.Я. Козаченко, В.Н. Курченко, Я.М. Злоченко, Н.Н. Ярмыш.

Следует отметить, что многие зарубежные криминалисты полагали, что философское понятие каузальности непригодно для целей иных наук, в том числе правовых.

Первая группа исследователей, ссылаясь на Д.С. Милля и его тезис о том, что «причина есть полная сумма положительных и отрицательных условий явления, взятых вместе, вся совокупность всякого рода случайностей (contingencies), наличность которых неизменно влечет за собой следствие» [15, с. 299], полагала, что не следует выяснять всю совокупность условий, важно лишь то, которое является необходимым условием результата.

Другая группа криминалистов (М. Рюмелин, В. Зауэр, Р. Маурах) пришла к необходимости создания специального понятия причинной связи, пригодного для целей уголовного права. Вот что по этому поводу писал Л. Трегер: «Нас не занимает вопрос о том, происходит ли вопрос причинности из опыта или же он является априорным понятием... Преследуя чисто практические цели, мы шагаем через все эти трудные вопросы, от философии нельзя ожидать разрешения вопроса о причинной связи в праве. Ей свойственны другие задачи, чем те, которые призвано решать право» [16, с. 77].

Развитие мысли о необходимости специальной уголовно-правовой теории о причинности наблюдается и в современном праве. Отмечая теоретико-методологическую ценность философского учения о причинности, З.Б. Соктоев в своем докторском исследовании, однако, критически оценивает тот факт, что в уголовном праве в целом отрицается необходимость построения самостоятельной теории причинной связи. В тексте работы он последовательно развивает мысль о том, что философское и отраслевое знание «автономны» по отношению друг к другу. Фундаментальную науку «причинность» интересует в ее категориальном, всеобщем аспекте. Принципиальная особенность философского видения причинности состоит в том, что она рассматривается всегда «глазами» отдельно взятого конкретного философа-исследователя. Методологически неверным считает он подход к разрешению вопроса каузальности в уголовном праве в том случае, когда та или иная философская концепция одна берется криминалистом за основу для исследования. Кроме того, по мысли З.Б. Соктоева «философия никогда не предложит учения о причинности, которое можно было бы без специальной, дополнительной модификации непосредственно использовать в конкретных отраслях научного знания, в том числе и в уголовном праве». В связи с этим автор обосновывает необходимость разработки уголовно-правового учения «о феномене юридически значимой причинной связи». Раз-

ночтения философов в понимании причинности автор предлагает воспринимать не как данность, присоединяясь к тому или иному философскому «лагерю», а интерпретировать через призму принципов и институтов уголовного права для решения задач, поставленных перед уголовным законом [17, с. 11, 12, 17, 18, 34, 333]. Интересная идея автора, на наш взгляд, остается нераскрытой в самом главном: каков же искомый механизм упомянутой автором «интерпретации»? Какие принципы и институты уголовного права, задействованные в этом процессе, автор в первую очередь имел в виду?

Как известно, «интерпретация» предполагает толкование, разъяснение смысла, значения чего-либо [18, с. 199]. Интерпретация всегда субъективна, отражает взгляды субъекта толкования. В праве же необходимо единообразное применение, основанное на едином, строго определенном понимании его норм. Однако З.Б. Соктоев, к сожалению, не предлагает стройного алгоритма установления причинности, ограничиваясь лишь требованиями применения логики, методов теоретического и эмпирического исследования, социально-этических норм. А предложение об учете всего массива философии ничуть не облегчает задачу правоприменителя, возвращая его в рамки сложного и многообразного выбора. Автор и сам признает этот факт. На с. 29 указанной работы он пишет: «Сложность заключается в том, чтобы занять собственную философскую позицию из всего мировосприятия, предлагаемого философией».

В целях установления причинности З.Б. Соктоевым предлагается оценка деяния с точки зрения социально-этических норм, с чем трудно согласиться. Мы исходим из того, что методология установления причинности должна быть основана на природе явления. Поскольку причинность – категория объективная, то процесс познания исключает какие бы то ни было субъективные оценки. Эта точка зрения также является доминирующей в научной литературе.

Указание на уголовно-правовую специфику причинной связи в уголовном праве (особенности преступного деяния и общественно опасных последствий, механизм их взаимодействия) [17, с. 334] также не является, на наш взгляд, аргументом в пользу разработки отраслевого учения о каузальности по следующим причинам. Во-первых, уголовное правоотношение, по сути, есть средство конкретизации общественного отношения. Преступление – это вид социального действия, поведенческий

акт, совершенный социальным субъектом (актором) в данном месте и в данное время [9, с. 200–204]. Уголовное правоотношение складывается между четко определенным кругом субъектов на основе норм уголовного законодательства [19, с. 102, 103, 144, 145]. Но эта особенность не влияет на механизм причинения вреда, представляющий собой цепь взаимосвязанных событий между деянием и вредным последствием. Событие «разворачивается» в окружающей действительности и познается как любое иное деяние прошлого.

Во-вторых, очевидно, что особенность причинной связи в уголовном праве, за обособление которой ратуют некоторые криминалисты, на самом деле открыто или опосредованно связывается ими с признаком виновности (С.П. Мокринский, Н.С. Тимашев, Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, А.Н. Трайнин, П.П. Пусторослев). Даже те криминалисты, которые понятие вины, казалось бы, не вводят в понятие причины, в своих теориях следуют идеалистическому пониманию причинности, на что справедливо обращает внимание В.Б. Малинин [14, с. 47].

Следует отметить, что процесс смешения неизбежен, поскольку в гуманитарных науках строгие каузальные модели выстроить невозможно [9, с. 487]. Вследствие чего при решении в уголовном праве вопроса о наличии или отсутствии связи причинения всегда есть описательные схемы с большим числом философских рассуждений и субъективных оценок. Тем самым допускается методологическая ошибка, а само понятие приобретает эклектический характер. Так, например, З.Б. Соктоев пишет о том, что «корень» проблемы причинной связи в уголовном праве заключается не столько в уяснении физических законов, анатомических изменений, сколько в выявлении механизма причинения вредного результата на социальном и правовом уровнях [17, с. 338]. Но не стоит забывать, что принципы организации конкретного общества отражают как раз его ценностные (субъективные) ориентиры.

Анализ уголовно-правовых теорий причинной связи показывает, что в какой-то мере все они взаимосвязаны, поскольку основаны на одной философской материи. В разное время авторы не без оснований отмечали, что теория необходимой причинной связи А.А. Пионтковского мало чем отличается от адекватной теории. К такому мнению в своих исследованиях пришли, например, Т.В. Церетели, Б.А. Куринов, В.А. Номоконов, Б.В. Малинин, Н.Н. Ярмыш [16; 20; 21]. По этому поводу

Н.Н. Ярмыш пишет: «Теперь уже трудно сказать, действительно ли А.А. Пионтковский полагал, что его концепция необходимой причинной связи является собой прямую противоположность буржуазной, идеалистической теории адекватности. Возможно, он понимал, что по сути лишь обновляет терминологический аппарат теории адекватного причинения, используя категории марксистской философии» [11, с. 140].

Существуют попытки унификации уголовно-правовых теорий причинности. Так, В.Д. Филимонов, по сути, объединил несколько уголовно-правовых теорий (теории необходимой и случайной причинной связи, возможности и действительности) в одну с названием «необходимости – реальной возможности» [22, с. 154–158]. Новое видение было критически оценено в науке.

Сложность вопроса каузальности подчеркивает и тот факт, что даже представители одной концепции по некоторым вопросам могут иметь разные точки зрения. В своих работах М. Бури, основатель теории равноценности условий, то возвращался к своим первым теориям, то вновь отходил от них; Т.В. Церетели, автор одной из основных работ советских криминалистов по причинности, неоднократно меняла свою точку зрения на характер причинной связи в уголовном праве [14, с. 32; 23, с. 123; 16, с. 161].

Все множество теорий причинности было специально исследовано профессором В.Б. Малининым, который разделил их на четыре группы: 1) специально-правовые теории, сторонники которых полагают, что в уголовном праве следует применять не общеправовое, а специальное понятие причинности; 2) теории различия причины и условий или неравноценности причин; 3) вероятностные теории; 4) объективные теории причинной связи. Он пришел к выводу о том, что внутри каждой группы концепции настолько похожи, что могут «плавно» переходить друг в друга [14, с. 126–131].

В своей работе мы исходим из того, что проблема причинности в любой отрасли знаний, в том числе и в уголовном праве, решается путем восхождения к философскому осмыслению каузальности, выступающему методологическим инструментарием, необходимым средством изучения причинности.

Частные науки специально не изучают формы мышления, его законы и логические категории. Вместе с тем, они постоянно сталкиваются с необходимостью выработки логико-методологических средств, которые позволяли бы, «от-

ходя» на время от объекта, всегда приходит к нему, обогащая свое истинное о нем представление. Поэтому уголовно-правовые науки нуждаются в логике, гносеологии, всеобщей методологии познания [24, с. 28].

Следовательно, философская теория выступает в этом случае в качестве всеобщей научной теории, выполняющей функцию объяснения устройства реального мира. В процессе установления каузальности в уголовном праве такому «объяснению» подлежит механизм причинности через познание ее сущности – производство причиной следствия. Следствие, произведенное причиной, само становится причиной другого явления; последнее, в свою очередь, оказывается причиной третьего явления и т.д. Эту последовательность явлений, связанных друг с другом отношением внутренней необходимости, называют причинной или причинно-следственной цепью («цепью причинения») [3, с. 531].

В интересующем нас смысле познание представляет собой процесс приобретения человеком знаний о причинной связи. Онтологический аспект познания представляет собой выявление объективной сути причинной связи; гносеологический отражает способ этого познания, приемы, опытные и эмпирические пути, теоретические построения, позволяющие прийти к онтологическим выводам. Другими словами, гносеологический аспект помогает выявить особенности предмета познания как объективной реальности. В этом прослеживается тесная взаимосвязь онтологии и гносеологии как уровней познания.

Теория познания, исследуя сущность познавательного отношения человека к миру, как известно, имеет два основных направления: идеализм и материализм.

Философы-идеалисты, полагают, что духовное сознание первично, а материя, природа производна, вторична. Философия материализма, напротив, исходит из признания первичности материи и вторичности сознания. Полагаем, что окружающая действительность во всем ее многообразии не может быть познана в «отрыве» внешних противоречий от внутренних, поскольку ведет к метафизике и идеализму.

Метафизический метод предполагает, что окружающие явления должны быть рассматриваемы независимо, изолированно друг от друга, вне движения, изменения, развития. Отрицая всеобщую связь и внутреннюю взаимозависимость явлений, метафизика исключает возможность того, чтобы в различных отноше-

ниях причина сама могла стать следствием, а следствие – причиной.

Иным методом познания является диалектика. Понимание диалектики как философской теории вышло из античного мира. Основателем диалектики, называвшейся в то время «гераклитовской», был древнегреческий философ Гераклит Эфесский (ок. 544 – ок. 483 до н.э.). Он полагал, что все в природе изменяется, движется, всякая вещь переходит в свою противоположность, борьба противоположностей – это «отец всего». Мир всегда был, есть и будет вечно живым огнем. Дальнейшее развитие диалектики как философской теории принято связывать с работой немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), между тем, сторонники материалистической диалектики считают, что подлинный метод был создан только К. Марксом и Ф. Энгельсом [25, с. 143–144]. В силу того, что критический анализ диалектики как философской теории простирается далеко за пределы нашего исследования, мы не можем останавливаться на этом вопросе.

Для нас важно подчеркнуть, что диалектика как логика и метод научного познания имеет безусловное значение для познания таких явлений, как преступление и преступность, потому, что «рассматривает окружающие явления в их взаимосвязи и взаимообусловленности, в их движении, изменении... Всеобщая связь, взаимозависимость, взаимообусловленность явлений в природе и обществе означает, что мир есть единое, связанное целое, в котором единство и качественное многообразие явлений неотделимы друг от друга» [26].

В настоящее время некоторые исследователи, видимо, опасаясь обвинений в приверженности политизированному марксизму, предпочитают не называть философскую логику диалектической. Однако если иметь в виду логику, то в ней «нет никаких других логик, отдельных от формальной логики (символической, релевантной и пр.); есть только одна – единая, общечеловеческая аристотелевская логика», – пишут П.В. Алексеев, А.В. Панин. В связи с этим диалектическую логику следует понимать как систему всеобщих принципов мышления, поскольку логика не что иное, как понятия и принципы диалектики и их теоретическое обоснование. Диалектика, будучи связанной с противоречиями познания, с одной стороны, имеет целью устранение формально-логических противоречий, а с другой стороны, раскрытие, сохранение и демонстрацию противоречий сложных реально противоречивых систем [24, с. 387].

Особенно важным представляется принятие диалектики в исходном, этимологическом смысле. Термин «диалектика» пронизывает всю историю философии. Он имеет греческое происхождение – искусство вести беседу, спор, диалог. Диалектиком первоначально называли человека, который умел искусно вести спор, и лишь значительно позднее термин стал употребляться в значении «последователь диалектической философии». Древнегреческие философы в диалектике видели взаимозаинтересованное обсуждение проблемы с целью достижения истины путем противоборства мнений. Диалектика (диалог) представлялась как логическая операция расчленения и связывания понятий, осуществляемая посредством вопросов и ответов и ведущая к истинному определению понятий [18, с. 161; 3, с. 154].

В своей работе мы принимаем диалектический метод познания как основу дискуссионного поиска истины в вопросе установления причинности по делам о преступлениях против жизни. Мы исходим из того, что каузальность в уголовном праве отражает объективно существующую зависимость между деянием и на-

ступившим последствием. Являясь исключительно объективной категорией, она исключает возможность ее оценочного, т.е. субъективного толкования. В противном случае, как точно указывал А.А. Пионтковский, пришлось бы вести речь «...не о познании реальной связи между определенными явлениями, а лишь об оценке человеческих поступков» [26, с. 182].

Поэтому как бы на практике и в доктрине права ни называли причинную связь – «близкой» или «отдаленной», «прямой» или «опосредованной», «ничтожно малой», «несущественной» или «юридически значимой», она либо имеется между деянием и наступившим преступным вредом, либо отсутствует. Если причинная связь, являясь элементом состава преступления, не установлена, то уголовная ответственность исключается. Но, будучи установленной по делу, сама по себе причинность квалификацию определять не может, а потому самостоятельного уголовно-правового значения не имеет. Все последующие вопросы привлечения к уголовной ответственности лежат в плоскости психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию.

1. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.

2. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

4. Войтов А.Г. Философия: учеб. пособие аспирантам. М., 2003.

5. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.

6. Кузнецова Н.Ф. Методологические аспекты изучения уголовного права // Методологические проблемы правоведения / под ред. М.Н. Марченко. М., 1994.

7. Кудрявцев В.Н. и др. Курс советской криминологии. Т. 1: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985.

8. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003.

9. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1: Теория и методология. М., 2003.

10. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной

1. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of change. Theoretical and instrumental analysis. Moscow, 2009.

2. Rogova E.V. The doctrine of the differentiation of the criminal responsibility: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2014.

3. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow, 1983.

4. Voitov A.G. Philosophy: study aid for graduate students. Moscow, 2003.

5. Kerimov D.A. Methodology of law (object, function, problems of philosophy of law). Moscow, 2000.

6. Kuznetsova N.F. Methodological aspects of the study of criminal law // Methodological problems of law / ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 1994.

7. Kudryavtsev V.N. et al. The course of Soviet criminology. Vol. 1: Subject. Methodology. Crime and its causes. Criminal. Moscow, 1985.

8. Crime among social subsystems. The new concept of industry and criminology / ed. by D.A. Shestakov. St. Petersburg, 2003.

9. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental Sociology: in 15 v. Vol. 1: Theory and Methodology. Moscow, 2003.

10. Naumov A.V. Use of criminal law (based on the investigative and judicial practice): study aid. Volgograd, 1973.

и судебной практики): учеб. пособие. Волгоград, 1973.

11. Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ). Харьков, 2003.

12. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни и здоровья по русскому праву. СПб., 1873. Т. 1.

13. Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880. Ч. II.

14. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.

15. Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914.

16. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.

17. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

18. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988.

19. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.

20. Куринов Б.А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965.

21. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1: Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999.

22. Уголовное право России. Часть общая / ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999.

23. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1949.

24. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

25. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975.

26. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. II: Преступление. М., 1970.

11. Yarmysh N.N. *Theoretical problems of causation in criminal law (philosophical and legal analysis)*. Kharkov, 2003.

12. Tagantsev N.S. *On crimes against life and health under Russian law*. St. Petersburg, 1873. Vol. 1.

13. Sergeevsky N.D. *On the significance of causation in criminal law*. Yaroslavl, 1880. Pt. II.

14. Malinin V.B. *Causation in criminal law*. St. Petersburg, 2000.

15. Mill D.S. *The system of syllogistic logic and inductive*. Moscow, 1914.

16. Tsereteli T.V. *Causation*. Moscow, 1963.

17. Soktoev Z.B. *Causality in criminal law: theoretical and applied problems: diss. ... Dr of Law*. Moscow, 2014.

18. *Dictionary of foreign words*. 15th ed., rev. Moscow, 1988.

19. Kropachev N.M. *Criminal law regulation. The mechanism and system*. St. Petersburg, 1999.

20. Kurinov B.A. *Qualifications of transport crimes*. Moscow, 1965.

21. *Russian criminal law: course of lectures*. Vol. 1: Crime / ed. by A.I. Korobeev. Vladivostok, 1999.

22. *The criminal law of Russia. General part* / ed by L.L. Kruglikov. Moscow, 1999.

23. Tsereteli T.V. *Causation in criminal law: diss. ... Dr of Law*. Moscow, 1949.

24. Alekseev P.V., Panin A.V. *Philosophy: textbook*. 3rd ed., rev. and add. Moscow, 2005.

25. Kondakov N.I. *Logical dictionary-reference book*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1975.

26. Piontkovsky A.A. *Rate of the Soviet criminal law: 6 vol. Vol. II: Crime*. Moscow, 1970.

Дикаева Милана Салмановна
 аспирант кафедры уголовного права
 Российского государственного педагогического университета
 им. А.И. Герцена
 (тел.: +78123129910)

Уголовная и пенитенциарная политика достижения целей назначения и исполнения уголовного наказания

В статье рассматривается наказание, выступающее, наряду с профилактикой преступлений, одним из элементов социального контроля над преступностью. Автор утверждает, что невозможность достичь целей, поставленных перед наказанием в виде лишения свободы, вынуждает общество искать новые пути реагирования на преступление. Одним из них может и должно быть использование в отдельных случаях процедур примирения, восстановительного правосудия.

Ключевые слова: уголовная политика, пенитенциарная политика, уголовное наказание, цели наказания, исполнение наказания, восстановительная юстиция.

M.S. Dikaeva, Post-graduate of the Chair of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia; tel.: +78123129910.

Criminal and penitentiary policy of achievement of goals of assignment and execution of criminal punishments

Punishment which is one of the elements of social control of crime as well as prevention is considered in the article. The author notes that the inability of imprisonment to achieve goals set before it makes society to seek new means of crime control. One of such means can and should be the use in some cases of conciliatory procedures and restorative justice.

Key words: criminal policy, penitentiary policy, criminal punishment, goals of punishment, execution of punishment, restorative justice.

Проблема уголовного наказания во все времена вызывала живой интерес у мыслителей. Со временем понятие наказания трансформируется, приобретает новые качества, преследует новые цели, вырабатываются новые способы их достижения. Несмотря на все достижения в науке, технике, в организации общественной жизни и прочие достижения человечества, уголовное наказание сохраняет свою главную особенность, которая выражается в неспособности удержать людей от совершения преступлений. Более того, в современный период развития человечества пришло понимание, что в уголовном наказании нет потенциала, который бы оказывал позитивное воздействие на осужденных и удерживал людей от совершения преступлений. Это состояние общества получило название «кризиса наказания», понимаемого криминологами как неспособность уголовного наказания достигать целей, поставленных перед ним (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Сказанное вынуждает общество пока безуспешно искать новые способы контроля над преступностью, оптимизировать и совершенствовать систему, виды и сроки наказания.

Наказание, наряду с профилактикой преступлений, рассматривается как один из элементов социального контроля над преступностью, как проявление в действии уголовной и пенитенциарной политики государства. Поскольку преступность исторически воспринималась как самая опасная форма девиантного поведения, уголовная и пенитенциарная политика государства всегда отличалась суровостью средств воздействия на преступников. Уголовная политика назначения наказания и пенитенциарная политика преследовали сомнительную, с точки зрения прагматичности, цель – устрашение через кару. Человеческая цивилизация в своей истории знала самые разнообразные виды уголовных наказаний, но цель всегда была одна – кара. Со временем уголовная и пенитенциарная как ее часть политика изменились, законодатели многих стран постепенно отказались от таких видов наказаний, как мучительные способы исполнения смертной казни, членовредительские наказания, отлучение от веры и т.д. Остальные наказания все более типизировались, унифицировались и приводились

в некоторую систему. Определенным достижением человечества следует считать то, что все современные государства ставят перед уголовным наказанием четко определенные в законе социально полезные цели назначения и исполнения уголовного наказания.

Как правильно отмечал Н. Винер, «до тех пор, пока общество не установит, что же оно действительно хочет: искупления, изоляции, воспитания или устрашения потенциальных преступников, у нас не будет ни искупления, ни изоляции, ни воспитания, ни устрашения, а только путаница» [1, с. 117].

Американский ученый Мэттью Б. Робинсон говорит о том, что для современного уголовного правосудия и уголовного наказания характерны как минимум две основные цели, на достижение которых они направлены. Это осуществление правосудия (*doing justice*) и сокращение количества преступлений (*reducing crime*). Первая цель – «вершить правосудие» – с одной стороны, означает, что виновные будут наказаны за свои противоправные действия, с другой стороны, дает гарантию, что невиновные не будут несправедливо вовлечены в уголовный процесс. Вторая цель – «сокращение преступлений» – может быть достигнута путем как реактивных мер (т.е. соответствующей реакцией на уже совершенное преступление), так и проактивных (до того, как преступление совершено). Первый способ противодействия преступности обычно называют контролем над преступностью (*crime control*), в то время как второй достаточно часто относят к предупреждению преступлений (*crime prevention*) [2, р. 12–14].

Таким образом, уголовное наказание является реактивной мерой противодействия преступности, целью которой служит сокращение количества преступлений.

Задаваясь вопросом о том, зачем мы наказываем, цитируемый автор выводит четыре основных оправдания наказанию – возмездие (кару), ограничение в правах, устрашение и реабилитацию. Тем самым американский ученый цели уголовного наказания называет «оправданиями» уголовной и пенитенциарной политики государства.

Возмездие имеет дело, в первую очередь, с естественным человеческим желанием мести – желанием воздать преступнику по заслугам. Как говорится, «око за око», «зуб за зуб». Томас Джефферсон в свое время считал, что за убийство отравлением отравление преступника – справедливое наказание. За государственную измену – погребение заживо [3, р. 3].

С другой стороны, возмездие проявляется в том, что, когда преступник причиняет жертве вред, он тем самым получает незаслуженное преимущество перед этой жертвой, на которое он не имеет права. В таком случае возмездие восстанавливает баланс весов правосудия, наказание нейтрализует преимущество, полученное в результате совершения преступления. Подобное понимание возмездия соответствует цели уголовного наказания – «восстановление социальной справедливости», предусмотренной ст. 43 Уголовного кодекса РФ. Восстановление социальной справедливости, согласно закону, выражается в соответствии наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Фактически сущность данной цели сводится к каре. Среди российских ученых нет единого представления о том, является ли кара целью современного наказания или нет. Авторы монографии «Уголовно-правовое воздействие» утверждают, что наказание по своей сути является карой за содеянное. Оно должно причинять серьезные моральные страдания. Без кары, утверждают авторы, уголовное наказание утратило бы свой смысл, в таком случае оно становится неспособным в деле противодействия преступности, т.к. не может удержать как самого преступника, так и других неустойчивых граждан от совершения преступления. Страдания, лишения и ограничения, присущие уголовному наказанию, необходимы для того, чтобы оно выполняло свое воспитательное назначение, воспринималось людьми как справедливая мера, назначенная судом в интересах общества и самого преступника [4, с. 78].

Многие российские ученые не признают цель восстановления социальной справедливости, говоря о ее неопределенности и расплывчатости, некоторые ученые считают, что «признание восстановления социальной справедливости приоритетной целью наказания фактически означает сведение целей наказания все к той же каре» [5, с. 342; см. также: 6]. В общем, возражения против возмездия как цели уголовного наказания выражаются в том, что оно недопустимо в современной общественной жизни, как пережиток прошлого времени, т.к. есть та же месть [7–11].

Что касается второго оправдания наказания – «ограничение в правах», то Л. Фридман определил его так: «Вор в тюрьме вряд ли сможет проникнуть в ваш дом. Если все мошенники находятся за решеткой, они не смогут насилловать, грабить и мародерствовать» [12, р. 237].

Ограничение в правах является одним из основных аргументов сторонников смертной казни: когда преступник убит, он больше не сможет нарушать законы. Уголовная политика ограничения в правах виновных в преступлении подчинена задаче достижения цели предупреждения преступлений, а именно частной превенции.

Следующая цель – оправдание уголовной и пенитенциарной политики государства, выражающейся в уголовном наказании, – устрашение, или общее предупреждение преступлений. Устрашение основано на вполне логичном утверждении, что, наказывая людей за криминальную активность, государство порождает страх в людях, тем самым они не захотят совершать преступления. Это также один из доводов, используемых сторонниками смертной казни: угроза смерти должна остановить людей от совершения преступлений. Главная проблема устрашения как оправдания уголовного наказания, по мнению Мэттью Б. Робинсона, в том, что невозможно с помощью эмпирических данных показать, что устрашение действительно работает [2, р. 275–277]. Тем не менее, начиная с 70-х гг. прошлого века в США, а позднее и в других странах мира проводились исследования сдерживающей роли такого наказания, как смертная казнь. Однако подобные попытки оказались безуспешными. Как верно отмечает В.В. Филиппов, проблема в том, что устрашение – фактор психологический, это то, что очень трудно идентифицировать. Какие именно люди не совершают преступления, зная о наказании, при каких обстоятельствах и какие именно преступления они не совершат, зная, какое их ждет наказание, не ясно [13, с. 9]. На наш взгляд, применение смертной казни недопустимо. Имея в арсенале наказаний смертную казнь, государство фактически расписывается в своем бессилии в деле противодействия преступности. Итальянский правовед Чезаре Беккария, чей классический труд «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) остается актуальным и по сей день, справедливо отмечал: «...Мне кажется нелепым, что законы, которые запрещают и карают убийство, сами совершают его и для отвращения граждан от убийства сами предписывают совершение его» [14, с. 103].

Наконец, последняя цель наказания – реабилитация – сводится к тому, чтобы устранить причины совершения преступления путем исправления осужденного.

Цель исправления предполагает стремление государства путем применения уголовного наказания изменить относительно устойчивые искажения ценностно-нормативной системы,

индивидуальные психологические особенности, выраженные в сознании и деятельности преступника. Целью и уголовной, и пенитенциарной политики государства здесь является достижение как минимум того, чтобы лицо, отбыв наказание, в дальнейшем перестало быть опасным для общества. Высший смысл исправления осужденного как цель наказания – в том, чтобы сделать преступника общественно полезным, внедрить в его сознание необходимость честно относиться к труду, точно исполнять законы, уважать правила общежития, выполнять свой гражданский долг. Иначе говоря, исправить осужденного – значит сделать его лучше, освободив его от имеющихся недостатков, пороков, заменить криминогенные свойства на антикриминогенные, которые в своей совокупности удерживали бы лицо от совершения преступления.

Цель наказания в виде исправления можно считать достигнутой, если осужденный не допустит рецидив, т.е. не совершит новых преступлений.

Таким образом, уголовная и пенитенциарная политика государства находит свое выражение через цели назначения и исполнения наказания. Однако, как справедливо отмечает Я.И. Гилинский, осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера [15, с. 78]. На наш взгляд, одним из таковых решений может и должно быть использование в некоторых случаях примирительных процедур. В этом направлении уголовная политика государства развивается не так быстро, как следовало бы.

Примирительное соглашение является основанием прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Программы примирения правонарушителя и жертвы осуществляются в России с 1997 г. в области уголовного правосудия по делам несовершеннолетних. В настоящее время в России существуют территориальные площадки, на которых работают службы примирения, где проводятся примирительные программы с несовершеннолетними, совершившими уголовные преступления (дела поступают из суда) и общественно опасные деяния (дела поступают из КДНиЗП). Это регионы, входящие в ассоциацию восстановительной медиации или взаимодействующие с ней. В 2014 г. таких площадок было восемь: Архангельская область, Москва, Республи-

ки Карелия, Татарстан, Ростовская область, Тюменская область, Чувашская Республика, Пермский край. Эти площадки разномасштабны: например, в Пермском крае службы примирения работают со всеми районными (городскими) судами края по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, а в Москве примирительные технологии по уголовным делам используются только в одном суде. Кроме того, на ряде территорий активно создаются школьные службы примирения. Общественный центр «Судебно-правовая реформа» в течение последних лет собирает данные о программах восстановительного правосудия по территориям Российской Федерации, которые входят в ареал Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, а также издает «Вестник восстановительной юстиции». Так, количество начатых программ восстановительного правосудия по преступлениям несовершеннолетних ежегодно увеличивается. Если в 2010 г. таковых было 302, в 2013 г. – 314, то в 2014 г. количество начатых программ составило 388. Однако количество успешно завершённых программ, т.е. тех, где достигнуто соглашение между сторонами, сокращается: в 2010 г. примирение было заключено в 184 случаях, в 2013 г. – в 172 ситуациях, а в 2014 г. количество достигнутых соглашений составило 169 (при росте количества начатых программ) [16].

Конечно, практику использования медиации в нашем уголовном судопроизводстве нельзя назвать ни масштабной, ни укорененной. Эти программы действуют на локальных площадках.

Но мы должны отметить, что данное направление на реагирование на преступления и общественно опасные деяния несовершеннолетних находит поддержку со стороны государства. Так, Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. была утверждена Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы, которая предусматривает меры по созданию дружественного к ребенку правосудия. Одним из основных направлений деятельности в данной области Стратегия называет приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Это означает, как справедливо отмечает

Л.М. Карнозова, что в реагировании на правонарушающее поведение несовершеннолетних государство придает большое значение заботе о позитивной траектории развития несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом, и одновременно об удовлетворении прав и законных интересов жертв [17, с. 4]. В рамках реализации данной Стратегии 30 июля 2014 г. Правительством РФ утверждена «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации». Несомненно, принятие подобных документов представляется верным направлением уголовной и пенитенциарной политики государства. Однако вызывает сомнения возможность фактической реализации указанных мер, поскольку многие принятые Концепции и Стратегии так и остаются лишь провозглашенными на бумаге положениями, не воплощенными в жизнь.

Рассматривая восстановительный способ реагирования на преступления как иной в сравнении с карательным, важно иметь в виду, что восстановительные программы и реализация достигнутых на примирительных встречах соглашений должны способствовать минимизации негативных последствий уголовно-правовых санкций карательного характера. Правонарушитель не будет подвергнут стигматизации в качестве «преступника». У него сохранятся социально-полезные связи.

Конечно, нужно понимать, что восстановительная юстиция (*restorative justice*) не может полностью заменить и подменить юстицию возмездную (*retributive justice*). Как правильно отмечает профессор И.М. Рагимов, «речь может идти не о постепенной замене уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, а о параллельном существовании мер некарательного характера с уголовным наказанием» [18, с. 171]. К некоторым видам преступлений должны применяться механизмы восстановительной юстиции, к другим группам – только уголовное наказание.

1. Винер Н. *Кибернетика и общество*. М., 1958.

2. Robinson M. *Justice blind?: ideals and realities of American criminal justice*. Prentice Hall, 2002.

1. Wiener N. *Cybernetics and society*. M., 1958.

2. Robinson M. *Justice blind?: ideals and realities of American criminal justice*. Prentice Hall, 2002.

3. Gottfredson D. *Exploring criminal justice: An introduction*. Los Angeles, 1999.
4. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М., 2013.
5. Уголовное право России. Часть общая: учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.
6. Курс уголовного права. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. Т. 2: Учение о наказании.
7. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2014.
8. Шестаков Д.А. Криминология. СПб., 2006.
9. Дикаев С.У. Цели уголовного наказания и критерии оценки эффективности уголовного закона // Юридическая мысль. 2008. Т. 49. № 5. С. 44–54.
10. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899.
11. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912.
12. Friedman L. *Crime and punishment in American history*. Springfield, NJ, 1993.
13. Филиппов В.В. Кому нужна смертная казнь. Минск, 2014.
14. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
15. Гилинский Я. Очерки по криминологии. СПб., 2015.
16. Вестн. восстановительной юстиции. № 8, 11, 12.
17. Карнозова Л.М. Различение медиации в рамках восстановительного правосудия и медиации из сферы урегулирования частноправовых споров // Вестн. восстановительной юстиции. 2015. № 12.
18. Рагимов И.М. Преступность и наказание. М., 2012.
3. Gottfredson D. *Exploring criminal justice: An introduction*. Los Angeles, 1999.
4. *Criminal law* / ed. by A.I. Rarog. Moscow, 2013.
5. *Criminal law of Russia. General Part: textbook for high schools* / resp. ed. by L.L. Kruglik. Moscow, 1999.
6. *The course of the criminal law. General part: textbook for universities* / ed. by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow, 1999. Vol. 2: *The doctrine of the punishment*.
7. Gilinsky Ya.I. *Criminology: theory, history, empirical basis, social control*. St. Petersburg, 2014.
8. Shestakov D.A. *Criminology*. St. Petersburg, 2006.
9. Dikaev S.U. *The objectives of criminal punishment and evaluation criteria effectiveness of the criminal law* // *The legal thought*. 2008. Vol. 49. № 5. P. 44–54.
10. Solovyov S.V. *Law and morality. Studies of applied ethics*. St. Petersburg, 1899.
11. Poznyshev S.V. *The basic principles of science of criminal law*. Moscow, 1912.
12. Friedman L. *Crime and punishment in American history*. Springfield, NJ, 1993.
13. Filippov V.V. *Who needs the death penalty*. Minsk, 2014.
14. Beccaria Ch. *On crimes and punishments*. Moscow, 1939.
15. Gilinsky Ya.I. *Essays on criminology*. St. Petersburg, 2015.
16. *Bull. of restorative justice*. № 8, 11, 12.
17. Karnozova L.M. *Different mediation as part of restorative justice and mediation from the scope of the settlement of private law disputes* // *Bull. of restorative justice*. 2015. № 12.
18. Rahimov I.M. *Crime and punishment*. Moscow, 2012.

Рыбалка Александр Анатольевичаспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(тел.: +78612685959)

Международные стандарты уголовно-правовой охраны трудовых прав личности

В статье анализируются международные стандарты уголовно-правовой охраны трудовых прав личности. Доказывается, что эти права должны быть обеспечены уголовно-правовой охраной, если их нарушение одновременно ограничивает гражданские (личные) права человека – право на жизнь и здоровье, на свободу и личную неприкосновенность, достоинство, равенство.

Ключевые слова: международное право, трудовые права, уголовная ответственность, дискриминация, преступление.

A.A. Rybalka, Post-graduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; tel.: +78612685959.

International instruments of criminal law protection of labor rights of the individual

The article reviews international instruments of the criminal law protection of labour rights of person. It is proved that these rights should be assured by the criminal law protection, if violation of them abridges at once that civil (personal) rights of a man – right to life and health, to liberty and security of person, to dignity and equality.

Key words: international law, labor rights, criminal responsibility, discrimination, crime.

Трудовые права личности являются разновидностью социальных и экономических прав, т.е. прав второго поколения, причем занимают в системе социально-экономических прав ключевую позицию, которая определяется той ролью, которую играет труд в жизни людей. «Только трудовая деятельность лица способна обеспечить человеку достойное и независимое существование. При отсутствии возможности осуществления права на труд теряют смысл все другие социально-экономические права, поскольку их приобретение зависит от реализации права на труд, направленного на обеспечение материальных и духовных предпосылок существования человеческого общества» [1, с. 14].

Столь важное значение трудовых прав, от соблюдения и реализации которых во многом зависит уровень обеспечения прав и свобод человека в целом, предопределяет объективную потребность в их эффективной уголовно-правовой охране как на международном, так и национальном уровнях. Однако прежде чем рассуждать об оптимальной модели их уголовно-правовой охраны, следует вначале хотя бы в общих чертах определить круг самих трудовых прав, выделив среди них те, для реализации которых требуются уголовно-правовые гарантии.

Свое юридическое оформление трудовые права получили в целом ряде международных

документов универсального и регионального характера. Важнейшим международно-правовым актом универсального характера, в котором зафиксированы трудовые права личности, является Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [2, с. 53–68]. Всеобщая декларация прав человека впервые на глобальном международном уровне провозгласила следующие трудовые права:

право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы (п. 1 ст. 23); при этом право на свободный выбор работы дополнительно было подкреплено предписанием, согласно которому никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах (ст. 4);

право на равную оплату за равный труд без какой-либо дискриминации (п. 2 ст. 23);

право каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения (п. 3 ст. 23);

право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов (п. 4 ст. 23);

право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск (ст. 24).

Указанные международные стандарты в области трудовых прав, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, получили дальнейшее развитие в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [3, с. 53–68] и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [3, с. 44–52].

Помимо вышеуказанных международно-правовых актов, совокупность которых образует своего рода «международный билль о правах», трудовые права человека зафиксированы в некоторых специальных конвенциях ООН. К числу последних, в частности, следует отнести Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. [4, с. 341–355]. Отмечая основополагающее значение указанных международно-правовых актов ООН в области закрепления трудовых прав человека, следует, вместе с тем, признать, что наиболее детальную регламентацию трудовые права получили в конвенциях Международной организации труда (далее – МОТ), которые существенно дополняют и конкретизируют вышеперечисленные универсальные стандарты.

Итак, в международно-правовых актах ООН, в особенности в конвенциях МОТ, зафиксировано довольно значительное количество трудовых прав. Признавая несомненную важность каждого такого права, получившего международное признание, следует отметить, что среди них довольно четко выделяется особая группа трудовых прав, которая обозначается в международных документах как основополагающие принципы и права в сфере труда. Указанная группа трудовых прав в концентрированном виде получила отражение в Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда 1988 г.

В Декларации 1988 г. МОТ заявляет, что «все государства-члены, даже если они не ратифицировали указанные Конвенции, имеют обязательство, вытекающее из самого факта их членства в Организации, соблюдать, содействовать применению и претворять в жизнь добросовестно в соответствии с Уставом принципы, касающиеся основополагающих прав, которые являются предметом этих Конвенций, а именно:

а) свободу объединения и действенное признание права на ведение коллективных переговоров;

б) упразднение всех форм принудительного или обязательного труда;

с) действенное запрещение детского труда;

д) недопущение дискриминации в области труда и занятий».

Таким образом, Декларация МОТ 1988 г. называет четыре основополагающих принципа в сфере труда. Правда, в отечественной и зарубежной юридической литературе отмечается, что перечень основополагающих принципов в сфере труда, содержащийся в Декларации МОТ 1988 г., не является исчерпывающим, поскольку в ней не получил отражения принцип безопасности труда, который, безусловно, имеет основополагающее значение [1]. Это обстоятельство признает и сама МОТ, которая в последующих своих документах неоднократно подчеркивала тот факт, что обеспечение безопасности труда является стратегическим направлением ее деятельности.

Международно-правовые акты не только определяют универсальные стандарты трудовых прав, но и одновременно налагают на государства обязательства по соблюдению и реализации этих стандартов на национальном уровне, в том числе и посредством мер уголовно-правового характера. Правда, при этом такие обязательства нередко формулируются в общем виде, без детализации конкретных мероприятий, которые необходимо осуществить для выполнения соответствующих обязательств. Так, например, согласно п. 1 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества, в частности, в экономической и технической областях, принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер». А в соответствии с подп. «d» п. 5 ст. 19 Устава МОТ государство – участник организации, ратифицировавшее конвенцию МОТ, обязано «предпринять такие меры, какие будут необходимы для применения положений данной конвенции».

В то же время наряду с предписаниями общего характера, подобными тем, которые процитированы выше, некоторые источники международного права предусматривают обязанность осуществления конкретных мероприятий политического, законодательного, организационно-управленческого, технического и т.п.

характера, необходимых для соблюдения и реализации международных стандартов в области трудовых прав. Не вдаваясь в анализ всей системы мер и механизмов, предусмотренных в международно-правовых актах для соблюдения и реализации трудовых прав, отметим, что среди них важное место занимают уголовно-правовые гарантии.

Говоря об уголовно-правовых гарантиях реализации международных стандартов в области охраны труда, необходимо учитывать тот факт, что уголовная репрессия рассматривается в международном праве как крайняя, вынужденная мера, применение которой целесообразно только при неэффективности иных мер. Вполне понятно, что международное право не может, да и не должно устанавливать уголовно-правовые гарантии для всех без исключения трудовых прав, т.к. для реализации большинства из них вполне достаточно иных мер и гарантий. Вместе с тем, в отношении отдельных трудовых прав международно-правовые акты предусматривают именно уголовно-правовые гарантии, обязывая государства установить уголовную ответственность за нарушение соответствующих трудовых прав.

К числу таких трудовых прав, в первую очередь, необходимо отнести право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, исключая любые формы принудительного или обязательного труда, или, говоря иными словами, право на защиту от принудительного или обязательного труда. Уголовно-правовой гарантией указанного права является криминализация в международном уголовном праве рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством, осуществленная на основании Конвенции ООН о рабстве 1926 г. [4], Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. [4], Конвенции МОТ № 29 1930 г. «О принудительном или обязательном труде».

К числу трудовых прав, нуждающихся в уголовно-правовой охране, международно-правовые нормы также относят право детей и подростков на защиту от применения их труда в области, вредной для их нравственности и здоровья, или опасной для жизни, или могущей повредить их нормальному развитию, т.е. на защиту от экономической эксплуатации [5, с. 21–29]. В частности, в соответствии с подп. «с» п. 2 ст. 32 Конвенции ООН о правах ребенка государства – участники Конвенции предусматривают

соответствующие виды наказания или другие санкции для обеспечения эффективного осуществления этого права. Более определенные предписания по этому поводу содержатся в п. 3 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., который устанавливает, что применение труда детей и подростков в области, вредной для их нравственности и здоровья, или опасной для жизни, или могущей повредить их нормальному развитию, должно быть наказуемо по закону. Кроме того, государства должны установить возрастные пределы, ниже которых пользование платным детским трудом запрещается и карается законом.

Соответствующие возрастные пределы регламентированы Конвенцией МОТ № 138 1973 г. «О минимальном возрасте для приема на работу». В силу п. 3 ст. 2 названной Конвенции МОТ минимальный возраст для приема на работу в пределах территории государства – члена МОТ и на транспортных средствах, зарегистрированных на его территории, по общему правилу не должен быть ниже возраста окончания обязательного школьного образования и, во всяком случае, не должен быть ниже пятнадцати лет. Однако государство – член МОТ, чья экономика и система образования недостаточно развиты, может, после консультаций с заинтересованными организациями работодателей и работников, где таковые существуют, первоначально установить возраст в четырнадцать лет как минимальный (п. 4 ст. 2).

Помимо общего минимального возраста для приема на работу, Конвенция МОТ устанавливает специальный минимальный возрастной предел для приема на любой вид работы по найму или другой работы, которая по своему характеру или в силу обстоятельств, в которых она осуществляется, может нанести ущерб здоровью, безопасности или нравственности подростка. Согласно ст. 3 Конвенции он не должен быть ниже восемнадцати лет. Правда, при этом делается оговорка о том, что национальное законодательство, или правила, или компетентные органы власти могут, после консультаций с заинтересованными организациями работодателей и работников, где таковые существуют, разрешать работу по найму или другой вид работы лиц в возрасте не моложе шестнадцати лет при условии, что здоровье, безопасность и нравственность этих подростков полностью защищены и что эти подростки получили достаточное специальное обучение или профессиональную подготовку по соответствующей отрасли деятельности (п. 3 ст. 3).

Наряду с регламентацией минимального возраста для приема на работу, Конвенция МОТ № 138 устанавливает гарантии реализации этих стандартов, обязывая компетентные органы власти государств – членов МОТ принять все необходимые меры, в том числе определение соответствующих наказаний, для обеспечения эффективного проведения в жизнь положений этой Конвенции (ст. 9).

Анализируя предписания Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции ООН о правах ребенка и Конвенции МОТ № 138, нельзя не отметить, что указанные международно-правовые акты не содержат прямого указания о криминализации рассматриваемых деяний, сопряженных с экономической или социальной эксплуатацией несовершеннолетних; в них используются более мягкие формулировки, в соответствии с которыми соответствующие деяния «должны быть наказуемы по закону», «запрещаются и караются законом», а государства-участники обязаны предусмотреть «соответствующие виды наказания или другие санкции» за их совершение. Тем не менее, несмотря на отсутствие непосредственного предписания об уголовной ответственности за посягательства на рассматриваемые трудовые права несовершеннолетних, имеются все основания полагать, что вышеуказанные международно-правовые акты обязывают государства установить именно уголовные санкции, т.к. под наказанием в международных договорах понимается, прежде всего, уголовное наказание.

Сделанный вывод находит непосредственное подтверждение в тексте Конвенции МОТ № 182 1999 г. «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», согласно которой «каждое государство-член принимает все меры, необходимые для обеспечения эффективного применения и соблюдения положений, проводящих в жизнь настоящую Конвенцию, в том числе посредством введения и применения уголовных или, в зависимости от обстоятельств, других санкций» (п. 1 ст. 7).

Среди трудовых прав, для реализации которых необходимо установление уголовно-правовых гарантий, международное право называет право женщин на защиту от дискриминации в сфере занятости и труда по гендерному признаку. Как отмечается в Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., государства – участники Конвенции осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашают-

ся безотлагательно, всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин и с этой целью обязуются принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин (п. «b» ст. 2). Это предписание конкретизируется в подп. «а» п. 2 ст. 11 Конвенции, согласно которому для предупреждения дискриминации в отношении женщин по причине замужества или материнства и гарантирования им эффективного права на труд государства-участники принимают соответствующие меры для того, чтобы запретить, под угрозой применения санкций, увольнение с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминацию ввиду семейного положения при увольнении.

Итак, источники международного права содержат предписания о необходимости уголовно-правовой охраны трех групп трудовых прав: право на защиту от принудительного или обязательного труда; право детей и подростков на защиту от экономической эксплуатации; право женщин на защиту от дискриминации в сфере занятости и труда по гендерному признаку. При этом следует подчеркнуть, что указанные международно-правовые предписания представляют собой своего рода минимальный международный стандарт уголовно-правовой охраны трудовых прав личности, который должен получить отражение в уголовном законодательстве всех государств, взявших на себя соответствующие международные обязательства. В то же время государства с учетом национальной специфики могут установить и более широкие уголовно-правовые гарантии трудовых прав личности, предусмотрев уголовную ответственность за общественно опасные нарушения других трудовых прав.

Это позволяет предположить, что обозначенные минимальные международные стандарты уголовно-правовой охраны трудовых прав личности в перспективе также могут быть расширены за счет тех уголовно-правовых гарантий, которые успешно апробированы и доказали свою эффективность в национальной законодательной и правоприменительной практике. Как справедливо отмечается в теории уголовного права, «социально-экономические права, т.е. права “второго поколения” (к числу которых, как уже отмечалось, относятся и трудовые права. – А.Р.), охраняются законом исторически небольшой отрезок времени. Вследствие этого механизмы защиты прав в

сфере труда от общественно опасных посягательств находятся в процессе своего становления. Сегодня юридическая наука и основанная на ней законодательная практика государств, двигаясь, зачастую, в различных направлениях, находятся в процессе выявления оптимального спектра нарушений прав человека в сфере труда, подлежащих уголовно-правовому реагированию» [6, с. 45].

Однако мало определить круг трудовых прав, которые в соответствии с международным правом должны быть обеспечены уголовно-правовой охраной; не менее ценным и значимым в теоретическом плане является поиск критериев, на основании которых этот, на первый взгляд, довольно случайный набор трудовых прав выделен в особую группу, обеспеченную уголовно-правовыми гарантиями.

Представляется, что общим знаменателем для рассматриваемой группы трудовых прав выступает их неразрывная связь с гражданскими (личными) правами человека, которые принято относить к правам первого поколения, т.е. с правом на жизнь и здоровье, на свободу и личную неприкосновенность, равенство, достойное существование. По этой причине нарушение указанных трудовых прав неизбежно посягает и на гражданские права, что резко повышает их общественную опасность. Так, нарушая трудовое право человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, работор-

говля одновременно посягает и на неотъемлемое гражданское право на личную свободу и неприкосновенность. Аналогичным образом увольнение женщины с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам нарушает не только ее трудовые права, но и гражданское (личное) право на равенство и защиту от какой бы то ни было дискриминации. Точно так же применение труда детей и подростков в области, вредной для их нравственности и здоровья, или опасной для жизни, или могущей повредить их нормальному развитию, посягает не только на право несовершеннолетних на защиту от экономической эксплуатации, но и ставит под угрозу их жизнь и здоровье.

Таким образом, современное международное право исходит из того, что трудовые права личности должны быть обеспечены уголовно-правовой охраной, если их нарушение одновременно ограничивает гражданские (личные) права человека – право на жизнь и здоровье, на свободу и личную неприкосновенность, достоинство, равенство. Позволяя обеспечить разумный баланс между потребностью в уголовно-правовой охране трудовых прав личности и необходимостью экономии уголовной репрессии, подобный подход к криминализации общественно опасных посягательств на трудовые права должен, на наш взгляд, служить ориентиром для национальных законодательных органов.

1. Эмирова И.Е. Уголовно-правовое обеспечение реализации трудовых прав граждан (по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

2. Международное публичное право: сб. док. М., 1996.

3. Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2000.

4. Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М., 1990.

5. Ображиев К.В., Пристанская О.В., Разумовская П.Е. Экономическая эксплуатация несовершеннолетних и наихудшие формы детского труда (проблемы прокурорского надзора и уголовной ответственности) // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры РФ. 2008. № 1.

6. Мачковский Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

1. Emirova I.E. Criminal-law support of implementation of civil labor rights (under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan): auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2005.

2. International public law: coll. of documents. Moscow, 1996.

3. International acts on human rights: coll. of documents / comp. V.A. Kartashkin, E.A. Lukashcheva. Moscow, 2000.

4. International protection of the rights and freedoms of the individual: coll. of documents. Moscow, 1990.

5. Obrazhiev K.V., Pristanskaya O.V., Razumovskaya P.E. Economic exploitation of minors and the worst forms of child labor (pro-prosecutorial supervision problems and criminal liability) // Bull. of Academy of General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2008. № 1.

6. Machkowsky L.G. Crimes against constitutional rights of a man and a citizen: problems of theory and practice of legal regulation: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2005.

Хисамова Зарина Илдузовнастарший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: alise89@inbox.ru)

Неправомерный оборот средств платежей в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий

В статье анализируется новая редакция ст. 187 УК РФ в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий. Приводится уголовно-правовая характеристика неправомерного оборота средств платежей.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, неправомерный оборот средств платежей, преступления, посягающие на информационную безопасность, уголовная ответственность.

Z.I. Khisamova, Senior Researcher of Research Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alise89@inbox.ru

Illegal turnover of means of payments in the context of the rules on liability for crimes committed against information and communication technologies

The article devoted to the new wording of article 187 of the Criminal code of the Russian Federation in the context of the rules on liability for crimes committed against information and communication technologies. It is described the criminally-legal characteristic of illegal turnover of means of payment.

Key words: information and communication technologies, illegal turnover of means of payments, crimes encroaching on information security, criminal liability.

Динамичное развитие электронных систем и коммуникаций и их повсеместное внедрение, в том числе и в экономико-правовую реальность государства, привело к появлению преступлений, посягающих на информационную инфраструктуру, телекоммуникации и технологии.

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, круг возможных посягательств на оборот информационно-коммуникационных технологий, устройств, целостность и функционирование компьютерных программ и систем, сохранность и конфиденциальность компьютерной информации охватываются неправомерным оборотом средств платежей (ст. 187 УК РФ), неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

Особый интерес в свете последних изменений законодательства представляет ст. 187

УК РФ. Со дня вступления в законную силу УК РФ существенных изменений в ст. 187 не вносилось, хотя об имеющихся недостатках в описании объективной стороны и предмета преступления свидетельствовали и научные исследования, и следственно-судебная практика (так, в 2010 г. по ст. 187 УК РФ осуждено 79 человек, по дополнительной квалификации – 23; в 2011 г. – 35 человек, по дополнительной квалификации – 19; в 2012 г. – 58 человек, по дополнительной квалификации – 31; в 2013 г. – 42 человека, по дополнительной квалификации – 19) [1]. Однако Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ диспозиция ст. 187 УК РФ была полностью изменена и по данной норме предусмотрена ответственность за «изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, поряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных

для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств».

Законодателем учтено многообразие информационно-коммуникационных технологий, используемых при расчетах в системах дистанционного банковского обслуживания, в отношении которых совершаются незаконные манипуляции. Однако имеется и ряд замечаний, которые могут создать определенные трудности при квалификации деяний по рассматриваемой норме, ввиду чего обратимся к анализу состава неправомерного оборота средств платежей.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 187 и 272 Уголовного кодекса Российской Федерации» [2] отмечается, что «принятие законопроекта существенно оздоровит обстановку на рынке дистанционных услуг, снизит риски при использовании электронных платежных средств и электронной коммерции».

Описанная выше позиция инициатора закона (Правительства РФ) позволяет сделать вывод о том, что неправомерный оборот средств платежей посягает на общественные отношения в сфере использования информационно-коммуникационных технологий по приему, выдаче и переводу денежных средств, которые, в свою очередь, входят в структуру информационной безопасности, охраняемой нормами гл. 28 УК РФ. Однако, учитывая, что рассматриваемая норма определена законодателем в гл. 21 УК РФ, целесообразно признать рассматриваемое преступление двухобъектным.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления до внесения в данную норму изменений современные российские ученые-юристы называли «финансовые отношения в части безналичного денежного обращения, систему безналичных расчетов» [3, с. 287], «общественные экономические отношения, не противоречащие принципу запрета заведомо криминальных форм поведения субъектов экономической деятельности» [4], «установленный порядок выпуска и обращения кредитных или расчетных карт, иных платежных документов, не являющихся ценными бумагами» [5, с. 651].

В целом, нельзя не согласиться с приведенными выше мнениями, но, на наш взгляд, первым непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления являются общественные отношения в сфере экономики, связанные с эмиссией, выпуском и оборотом информационно-коммуникационных технологий в банковской сфере. Вторым непосредственным объектом – общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасного использования электронных средств платежа, функционирования банковской платежной инфраструктуры и обеспечения безопасности в сфере компьютерной информации.

Далее обратимся к предмету рассматриваемой нормы, который, исходя из диспозиции, может быть представлен:

- 1) поддельными платежными картами;
 - 2) поддельными распоряжениями о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ);
 - 3) электронными средствами;
 - 4) электронными носителями информации;
 - 5) техническими устройствами;
 - 6) компьютерными программами,
- предназначенными для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» было введено понятие электронных средств платежа: «это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств». То есть содержание данного понятия охватывает всю совокупность информационно-коммуникационных технологий, применяемых при осуществлении приема, выдачи и перевода денежных средств: это могут быть как многоэмитентные платежные карты, так и программно-аппаратные комплексы, из чего можно сделать вывод, что понятие «электронные средства» включает в себя все остальные предметы и устройства, указанные в диспозиции ст. 187 УК РФ. Однако ввиду того, что на сегодняшний день законодателем не дано четкое определение предмета рассматриваемой нормы, исходя из юридической конструкции статьи, логично предположить, что законодатель рассматривает каждый вид информационно-коммуникационных технологий в отдельности в качестве предмета преступления.

Оборот платежных карт на территории Российской Федерации регулируется положением Центробанка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» [6] и рядом межгосударственных стандартов. Так, Международной электротехнической комиссией (IEC) совместно с Международной организацией по стандартизации (ISO) разработан стандарт ISO/IEC 7810: 2003 «Идентификационные карточки – физические характеристики», который определяет все физические характеристики карты [7]. Согласно стандарту платежная карта представляет собой пластину

форматом 85,6 x 53,98 мм, чаще всего изготовленную из поливинилхлорида, обладающую рядом признаков, при отсутствии которых карта может быть признана поддельной.

Под распоряжениями о переводе денежных средств, документов или средств оплаты понимаются платежные поручения, аккредитивы, инкассовые поручения и другие расчетные документы, оформленные в установленном порядке и не обладающие признаками ценной бумаги, определение которой содержится в ч. 1 ст. 142 ГК РФ.

В соответствии с положением Центробанка РФ от 19 июня 2012 г. № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» [8] перевод денежных средств осуществляется банками по распоряжениям клиентов, взыскателей средств, банков в электронном виде, в том числе с использованием электронных средств платежа, или на бумажных носителях. Положением определены следующие формы перевода в рамках безналичных расчетов:

- 1) расчеты платежными поручениями;
- 2) расчеты по аккредитиву;
- 3) расчеты инкассовыми поручениями;
- 4) расчеты чеками;
- 5) расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование);
- 6) расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

По смыслу п. 1.12 рассматриваемого положения, к распоряжениям о переводе денежных средств, применяемым в рамках форм безналичных расчетов, могут быть отнесены: платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера. Указанным Положением, а также приказом Минфина России от 12 ноября 2013 г. № 107н [9] определены перечень и описание реквизитов для указанных документов. Однако необходимо отметить, что перечень распоряжений о переводе денежных средств, приведенный выше, не является исчерпывающим. Так, в соответствии с положением № 383-П «распоряжения, для которых не установлены перечень реквизитов и формы, составляют отправителями распоряжений с указанием установленных банком реквизитов, позволяющих банку осуществить перевод денежных средств, и по формам, установленным банком или получателем средств по согласованию с банком». К примеру, п. 3 положения Банка России от 24 декабря 2004 г. № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» при совершении операции с использованием платежной карты предусмотрено составление документа на бумажном носителе и (или) в электронной форме, который и является основанием для осу-

ществления расчетов по указанным операциям и служит подтверждением их совершения. Положением для документа предусмотрены обязательные реквизиты. С учетом изложенного имеются основания утверждать, что указанный документ представляет собой распоряжение о переводе средств оплаты.

Необходимо отметить, что правоприменительной практикой вышеперечисленные распоряжения о переводе средств оплаты, а также все виды платежных карт признавались предметом преступного посягательства и до внесения изменений в ст. 187 УК РФ.

К примеру, М.Л. Фарафонов, являясь генеральным директором ООО «Соцнабсервис», с целью обналичивания денежных средств и использования их по своему усмотрению для получения имущественной выгоды изготовил несколько платежных поручений. Так, он обратился к знакомому ему ранее М. с предложением оформить на последнего за вознаграждение несколько юридических лиц, а также открыть расчетные счета данных юридических лиц в ОАО АКБ «Пробизнесбанк» с условием того, что М. не будет принимать участия в управлении данными юридическими лицами. Получив полный доступ к дистанционному и обезличенному управлению расчетным счетом ООО «Лидер плюс» в ОАО АКБ «Пробизнесбанк» через систему «Банк-Клиент» посредством использования персонального компьютера, М.Л. Фарафонов приобрел возможность бесконтрольно осуществлять бестоварные расчеты в безналичной форме по данному расчетному счету путем изготовления и сбыта поддельных платежных документов, не являющихся ценными бумагами, а именно платежных поручений [10]. Однако вызывает вопрос трактовка понятия «сбыт», использованного судом по данному уголовному делу. На наш взгляд, действия М.Л. Фарафопова характеризуются понятием «использование», т.к. таким образом им обналичивались денежные средства. Действия указанного лица по использованию подложных платежных поручений, представляется целесообразным квалифицировать также по совокупности со ст. 159^б УК РФ.

Определенные трудности вызывает и понятие «электронный носитель информации». По определению содержания данного понятия также нет единого мнения. В соответствии с ГОСТом под электронным носителем понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемых с помощью средств вычислительной техники» [11]. В ст. 2 Закона РФ «О государственной тайне» дается определение «носителей сведений, составляющих государственную тайну» – это «материальные объекты, в том числе физические

поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов» [12]. В Требованиях к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения данных под «материальным носителем информации» понимается машиночитаемый носитель информации (в том числе магнитный и электронный), на котором осуществляются запись и хранение сведений, характеризующих физиологические особенности человека и на основе которых можно установить его личность» [13]. Операции, производимые компьютерной техникой, осуществляются главным образом над файлами, являющимися носителями информации. При передаче файлов и сообщений (информации) в других формах (в виде сигналов) по системам они не теряют своих индивидуальных свойств. Именно поэтому в числе носителей сведений, составляющих государственную тайну, указаны и физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов.

Учитывая, что все три вышеприведенных понятия охватывают собой различные виды носителей информации, считаем логичным использовать для целей ст. 187 УК РФ следующую трактовку: «электронные носители информации – материальные объекты, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, на которых осуществляются запись и хранение сведений, позволяющих осуществить неправомерный прием, выдачу, перевод денежных средств».

Интересным представляется и указание в диспозиции статьи на изготовление, приобретение, хранение технических устройств и компьютерных программ.

Полагаем, что под техническими устройствами законодатель понимает совокупность считывающих и перехватывающих устройств, предоставляющих доступ к счету физического или юридического лица, информационной системе и базе данных кредитной организации, системам дистанционного банковского обслуживания и электронным средствам платежа.

Указание на создание компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, на наш взгляд, создает конкуренцию со ст. 273 УК РФ, предметом которой, как известно, является «компьютерная программа либо иная компьютерная информация, заведомо предназначенная для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации». Представляется, что ст. 187 УК РФ

выступает в качестве специальной по отношению к ст. 273 УК РФ.

Теперь обратимся к анализу объективной стороны. Под изготовлением следует понимать как полное изготовление предмета подделки, так и частичное, при этом изготавливаемый предмет подделки должен быть существенно схож с подлинным [14, с. 462]. Способы подделки и количество изготовленных фальшивок на квалификацию деяния не влияют, но учитываются при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении меры наказания [15, с. 307]. Изготовлению поддельной платежной карты всегда предшествует длительный, тщательно спланированный и хорошо организованный процесс подготовки. Как правило, осуществление всех необходимых для этого действий в таких случаях не под силу одному человеку, вследствие чего они совершаются с привлечением других лиц. Для изготовления подделки необходимо приобрести материалы, получить информацию о владельце карты, номере счета, сроке действия карты, а также узнать ПИН-код и считать запись с магнитной полосы, т.е. совершить ряд действий, которые охватываются понятием «изготовление электронных средств, электронных носителей информации». Все перечисленные элементы оказывают непосредственное влияние на качество подделки и ее пригодность к использованию.

Изготовлением поддельных распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, не являющихся ценными бумагами, признается как их полное воспроизведение (создание новых путем печатания, копирования, рисования и др.), так и частичная подделка (изменение реквизитов, подписей, печатей).

Изготовление электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ представляет собой совокупность технологических процессов, направленных на создание вышеназванных устройств и программ. При этом отметим, что понятие вредоносной программы, примененное для целей ст. 273 УК РФ, вполне приемлемо и для рассматриваемой нормы, т.к. создание рассматриваемых компьютерных программ имеет своей целью несанкционированный доступ и выполнение противоправных операций. Ввиду этого, под изготовлением компьютерной программы, предназначенной для неправомерного приема, выдачи, перевода денежных средств, следует понимать написание программы, которая, получив управление, способна совершать несанкционированные пользователем действия по переводу и выводу денежных средств. Данная программа может представлять собой программу-вирус [15, с. 260].

Под незаконным приобретением этих же предметов следует понимать их покупку, по-

лучение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного с целью последующего сбыта. Как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», «приобретение заведомо поддельных денег или ценных бумаг в целях их последующего сбыта образует для приобретающей стороны приготовление к сбыту поддельных денег или ценных бумаг» [16]. Полагаем, что данная позиция применима и для целей ст. 187 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [17] отметил, что под «хранением» следует понимать «сокрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность». При этом не имеет значения, в течение какого времени лицо незаконно хранило соответствующие предметы. Под транспортировкой этих же предметов с целью сбыта или использования следует понимать их перемещение на любом виде транспорта, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, но не непосредственно при обвиняемом.

Длительное время в отечественном уголовном праве было распространено расширительное толкование термина «сбыт». Под сбытом поддельных банковских карт по аналогии со сбытом поддельных денег рассматривалось любое их использование в качестве платежного средства. Но вскоре такая позиция была подвергнута критике. В настоящее время отличие сбыта поддельных платежных карт от их

использования у большинства ученых-правоведов не вызывает сомнений, к тому же в диспозиции статьи содержится прямое указание на альтернативность рассматриваемых действий при направленности умысла. Под сбытом понимается совершение действия, влекущего отчуждение предмета сбыта, в результате которого происходит его переход во владение другого лица.

Рассматриваемая норма имеет формальный состав, т.е. преступление считается оконченным при совершении любого из указанных в диспозиции ч. 1 ст. 187 УК РФ деяний. Поэтому можно утверждать, что совершение действий, характеризующих неправомерный оборот средств платежей, возможно только с прямым умыслом. Признаками субъекта неправомерного оборота средств платежей, согласно предписаниям ст. 19 и 20 УК РФ, являются физическое лицо, вменяемость и достижение возраста 16 лет.

Таким образом, характеризуя нормы, предусматривающие ответственность за преступные посягательства в отношении информационно-коммуникационных технологий, стоит отметить, что изменения, внесенные в ст. 187 УК РФ, можно охарактеризовать как положительные. Законодателем учтено многообразие информационно-коммуникационных технологий, используемых при расчетах в системах дистанционного банковского обслуживания, в отношении которых совершаются незаконные манипуляции, однако не учтены технические особенности и экономическая природа таких устройств, вследствие чего в диспозиции нормы наблюдается перечисление тождественных понятий, что может создать определенные трудности при квалификации.

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 187 и 272 Уголовного Кодекса Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2005.

4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006.

5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2009.

1. Summary statistics on the state of a criminal record in Russia. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru>

2. The explanatory note to the draft Federal law «On Amendments to articles 187 and 272 of the Criminal code of the Russian Federation» // Automated system of legislative activity. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

3. Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook / ed. by L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. Moscow, 2005.

4. Lopashenko N.A. Crimes in the economy: the author's commentary on criminal law (section VIII of the Criminal code of the Russian Federation). Moscow, 2006.

5. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / ed. by A.V. Brilliantov. Moscow, 2009.

6. Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием: положение Центробанка России от 24 дек. 2004 г. № 266-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
7. ISO/IEC 7810:2003. Карточки идентификационные. Физические характеристики. URL: <http://www.iso.org>
8. О правилах осуществления перевода денежных средств: положение Центробанка РФ от 19 июня 2012 г. № 383-П. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
9. Об утверждении Правил указания информации в реквизитах распоряжений о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему Российской Федерации: приказ Минфина России от 12 ноября 2013 г. № 107н. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
10. Материалы уголовного дела № 1-114/2013 // Архив заводского районного суда г. Орла.
11. ГОСТ 2.051-2006. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения: введен приказом Ростехрегулирования от 22 июня 2006 г. № 119-ст. URL: <http://files.stroyinf.ru>
12. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
13. Требования к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных: утв. постановлением Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2012.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: науч.-практ. (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2013.
16. О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апр. 1994 г. № 2. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
17. О судебной практике по делам хищения, вымогательства и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultantplus.ru
6. On the issue of payment cards and transactions made with their use: regulation of the Central Bank of Russia of Dec. 24, 2004 № 266-P. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
7. ISO / IEC 7810: 2003. Identification cards. Physical characteristics. URL: <http://www.iso.org>
8. On the rules of the transfer of funds: regulation of the Central Bank of Russia on June 19, 2012 № 383-P. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
9. On approval of the information specified in the details of orders to transfer funds to the payment of fees in the budget of the Russian Federation: order of the Russian Ministry of Finance of Nov. 12, 2013 № 107n. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
10. The materials of the criminal case № 1-114-2013 // Archive of Zavodsky District Court of Orel.
11. GOST 2.051-2006. Unified system for design documentation. Electronic documents. General provisions: introduced by order of June 22, 2006 № 119-st. URL: <http://files.stroyinf.ru>
12. About state secrets: law of the Russian Federation of July 21, 1993 № 5485-1. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
13. Requirements for material carriers of biometric personal data and storage technologies such data outside personal data information systems: approved by resolution of the Government of the Russian Federation of July 6, 2008 № 512. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
14. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. A.I. Rarog. Moscow, 2012.
15. Comment to the Criminal code of the Russian Federation: sci. and pract. (itemized) / ed. by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov. Moscow, 2013.
16. On judicial practice in cases involving the manufacture or sale of counterfeit money or securities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Apr. 28, 1994 № 2. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru
17. On judicial practice in cases involving embezzlement, extortion and trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 12, 2002. № 5. Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: www.consultantplus.ru

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
 профессор кафедры уголовного права и криминологии
 Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений

В статье изложены результаты исследования виктимологической характеристики насильственных преступлений на массовом уровне их воспроизводства. На основании изучения материалов рассмотренных судами архивных уголовных дел по 860 эпизодам совершения насильственных преступлений установлены типичный портрет жертвы насильственных преступлений, особенности характера жертвы, формирующие ее виктимные склонности, иные факторы виктимизации, особенности проявления виктимного поведения жертв насильственных преступлений.

Ключевые слова: насилие, преступление, жертва, поведение, виктимность.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Criminological research of victimological component of the mechanism of violent crimes

The article presents results of the research of victimological characteristic of violent crimes at massive scale of their reproduction. Bases on the examination of the materials of considered in courts archival criminal cases of 860 episodes of violent offences, the article ascertains: typical portrait of the victim of violent crimes, peculiarities of the victim's character, which determine its victimological disposition, other factors of victimization, as well as peculiarities of manifestation of victimological behaviour of violent crime victims.

Key words: violence, crime, victim, behaviour, victimness.

Разным аспектам виктимологических исследований посвящены работы А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, А.Ю. Арефьева, А.В. Астрашабова, Б.А. Блиндера, К.В. Вишневецкого, Л.Л. Гоголевой, В.А. Глушкова, П.С. Дагеля, И.Н. Даньшина, А.И. Долговой, А.Н. Джужи, А.П. Закалюка, А.Н. Ильяшенко, В.Г. Коноваловой, М.И. Коржанского, А.Н. Костенко, Н.Ф. Кузнецовой, И.И. Лановенко, С.Я. Лебедева, В.Г. Лихолоба, А.И. Михайлова, А.Е. Михайлова, Г.М. Миньковского, В.И. Полубинского, Д.В. Ривмана, В.Я. Рыболовецкой, С.В. Соболевой, А.Д. Тартаковского, В.О. Тулякова, И.К. Туркевич, В.С. Устинова, Т.Д. Цибуленко, Н.В. Яницкой и др. Однако, несмотря на разработанность данной темы, в криминологической науке существует ряд проблемных вопросов, связанных как со сложностью феномена криминального насилия, динамичностью развития социума и преступности и, как следствие, интенсивной эскалацией насилия во все сферы жизнедеятельности общества, так и с отсутствием современных объективных данных о состоянии преступности и отдельных ее видов. В полной мере указанное

касается и виктимологической составляющей современной насильственной преступности.

Рассматривая характеристики жертвы насильственных преступлений, обуславливающие ее виктимность или способные повлиять на ее проявление (например, судимость и пр.), следует остановиться на проблеме отсутствия прямых данных о них в материалах подавляющего большинства уголовных дел, что приходится компенсировать тщательным исследованием свидетельских показаний близких лиц жертвы и т.п. Тем не менее, главная проблема состоит в том, что правоохранительные органы, суд практически не обращают внимания на эти характеристики жертвы в ходе уголовного судопроизводства.

В целях установления виктимологической характеристики насильственных преступлений нами были изучены материалы архивных уголовных дел по 860 эпизодам совершения таких насильственных преступлений, как умышленное убийство – 107 эпизодов/119 жертв; умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения – 48 эпизодов/48 жертв; умышленное убийство матерью сво-

его новорожденного ребенка – 26 эпизодов/26 жертв; умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 89 эпизодов/89 жертв; доведение до самоубийства – 14 эпизодов/14 жертв; умышленное тяжкое телесное повреждение – 61 эпизод/63 жертвы; умышленное средней тяжести телесное повреждение – 33 эпизода/33 жертвы; умышленное тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения – 14 эпизодов/14 жертв; умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника – 42 эпизода/42 жертвы; умышленное легкое телесное повреждение – 19 эпизодов/19 жертв; побои и истязание – 4 эпизода/4 жертвы; пытки – 17 эпизодов/17 жертв; угроза убийством – 7 эпизодов/7 жертв; незаконное лишение свободы или похищение человека – 34 эпизода/36 жертв; изнасилование – 81 эпизод/84 жертвы; насильственное удовлетворение половой страсти неестественным способом – 51 эпизод/53 жертвы; грабеж – 72 эпизода/75 жертв; разбой – 68 эпизодов/73 жертвы; вымогательство – 28 эпизодов/30 жертв; хулиганство – 45 эпизодов/40 жертв. Также при изучении виктимологической характеристики насильственных преступлений мы опирались на результаты проведенных нами социологического опроса населения (2190 человек) и социологического опроса лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение насильственных преступлений (918 человек). В настоящей работе приводятся результаты изучения материалов уголовных дел, рассмотренных судами Украины за 2006–2012 гг., а также результаты опроса населения АР Крым и иных регионов Украины и лиц, отбывавших наказание в учреждениях пенитенциарной системы в АР Крым, Одесской и Харьковской областях (2012–2013 гг.). Учитывая результаты проведенного нами исследования [1], а также результаты других исследований насильственной преступности в странах СНГ, можем сделать справедливый, с нашей точки зрения, вывод об «универсальности» криминологических характеристик насильственной преступности, связанной как с вечностью самого феномена насилия, так и с определенной «криминальной преемственностью» стран постсоветского пространства.

Анализ социально-демографических характеристик жертв насильственных преступлений показал, что наибольшая виктимность свойственна мужчинам (63,7%) в возрасте 31–

40 лет (20,8%). В целом более половины жертв насильственных преступлений составляют лица в возрасте старше 26 лет, т.е. в возрасте, по достижении которого лицо достигает зрелости, становится максимально активным самостоятельным членом общества. Значительная часть насильственных преступлений совершается в отношении лиц младше трех лет (12,4%). Преобладание среди жертв насильственных преступлений лиц мужского пола обусловлено совокупностью виктимных признаков, присущих именно мужчинам. В то же время для отдельных видов насильственных преступлений характерна именно виктимность лиц женского пола. В большинстве случаев жертвами насильственных преступлений становятся неженатые лица (46,6%). Однако, в отличие от родителей и других лиц, которые их заменяют, жена, муж, дети в большинстве случаев не являются теми лицами, которые могут уберечь от виктимного поведения. Несмотря на подавляющее большинство жертв со средним (общим) (48,8%) или специальным (29,3%) образованием, часть лиц среди жертв с высшим образованием (11%) на фоне их доли в населении страны в целом довольно значительна. Это указывает и на то, что высшее образование перестало быть однозначным фактором снижения проявления отрицательных характеристик, способствующих виктимизации лица. Большинство жертв насильственных преступлений (44,1%) занято неквалифицированным и малоквалифицированным трудом (рабочие) или безработные и не учащиеся (25,5%), что в первую очередь связано с образовательным (а значит, и интеллектуальным) уровнем жертв преступлений, который во многом определяет род занятий и образ жизни человека.

Характеристика жертвы с места жительства, работы не всегда устанавливается в ходе расследования, на нее обращается внимание лишь иногда, в случае если она отрицательная. Ожидаемым результатом является то, что 67,3% потерпевших положительно характеризуются по месту жительства, работы или обучения. Тем не менее, высокий процент отрицательных (11,8%) и удовлетворительных (20,9%) характеристик подтверждает значительность роли поведения жертвы как непосредственного фактора ее виктимности.

Среди поведенческих виктимологических факторов, на которые не всегда обращается внимание, значительную роль играют особенности характера (характерологические особенности) жертвы. Виктимные склонности (склонность к определенному поведению, попаданию в определенные опасные ситуации) приобретаются в процессе формирования личности,

ее характера, установок, овладения социальными ролями и т.п. Немалую роль в виктимности поведения жертвы насильственных преступлений играют такие ее индивидуальные характеристики (качества), как доверчивость (31,4%), общительность (14,7%), склонность к импульсивным и непродуманным действиям (12,9%), аморальность (8,1%), повышенная впечатлительность, склонность к фантазированию (6,8%), смелость, решительность, рискованность (4,8%), покорность (3,1%), недоверчивость, подозрительность (3,0%), осторожность (2,8%), кокетливость (2,8%), склонность к случайным знакомствам (1,8%).

Судимость. По этому показателю жертвы насильственных преступлений характеризуются таким образом: не имеют судимости 53,4% жертв, имеют судимость за насильственные преступления – 0,8%, насильственные корыстные преступления – 0,2%, корыстные преступления – 1,9%, другой вид – 0,1%. Относительно остальных жертв информация в материалах уголовных дел отсутствует. Итак, судя по имеющимся в материалах уголовных дел данным, повышенной виктимностью обладают лица, которые не имеют судимости. Тем не менее, это противоречит логическому выводу о повышенной виктимности лиц, имеющих отрицательные черты характера и испытавших агрессию против себя и т.п., к которым, очевидно, должны относиться ранее судимые лица. Такую ситуацию можно объяснить и недостатками следствия, во время которого данные обстоятельства не выясняются, а факт судимости, как и многие другие характеристики жертвы преступления, устанавливается исключительно со слов жертвы. Следует также учитывать значительную степень латентности данной группы жертв, обусловленную тем, что ранее судимым жертвам насильственных деяний присуще недоверие к сотрудникам силовых структур (правоохранительных органов) [2, с. 93–104], а иногда и принципиальное нежелание сотрудничества с ними, даже в целях защиты собственной жизни.

По принадлежности к социальной группе риска жертвы насильственных преступлений имеют следующее распределение: алкоголики – 38,3%, люди преклонного возраста – 34,4%, инвалиды – 2,7%, беспризорные – 2,7%, наркоманы – 2,7%, психически больные – 1,1%, иностранцы – 0,5%, представители этнических меньшинств – 1,1%.

Результаты проведенного нами социологического опроса 918 лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подтверждают изложенное выше распределение виктимных групп.

При этом, отвечая на вопрос «Кто, по Вашему мнению, наиболее рискует стать жертвой насильственных преступлений?», осужденные указали еще на несколько групп риска: несовершеннолетние и молодежь 18–24 лет, которые не учатся и не работают (43,4%); лица, занимающиеся торговлей наркотиками (30,3%); лица, имеющие стойкие антисоциальные установки, ведущие аморальный или противоправный образ жизни (26,9%); лица, имеющие психические заболевания (отклонения) (22,1%); лица, занимающиеся проституцией (17,9%); представители сексуальных меньшинств (12,7%); представители религиозных меньшинств (6,8%); инвалиды и лица, имеющие внешне выраженные физические недостатки (6,1%).

Проведенный нами опрос населения по тому же вопросу дал такие результаты: лица, систематически злоупотребляющие алкоголем, наркотиками – 54,3%; несовершеннолетние и молодежь 18–24 лет, которые не учатся и не работают – 47,0%; лица преклонного возраста – 47,0%; лица, занимающиеся проституцией – 45,4%; лица без постоянного местожительства, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством – 27,6%; лица, имеющие стойкие антисоциальные установки, ведущие аморальный или противоправный образ жизни – 26,9%; лица, имеющие психические заболевания (отклонения) – 23,5%; представители сексуальных меньшинств – 23,5%; лица, занимающиеся торговлей наркотиками – 20,1%; представители национальных, этнических меньшинств – 18,9%; иностранцы – 16,7%; инвалиды, лица, имеющие внешне выраженные физические недостатки – 15,8%; представители религиозных меньшинств – 5,9%.

Вызывает беспокойство высокий процент наиболее незащищенных жертв, в частности лиц преклонного возраста. С одной стороны, это обусловлено объективной ситуацией с возрастным соотношением населения страны, а с другой – факторами, связанными с личностными и социальными особенностями указанной категории лиц.

Ожидаемым результатом является высокий процент алкоголиков среди жертв насильственных преступлений, что коррелирует со следующим показателем, более тесно связанным с вызванной употреблением алкоголя виктимностью.

Состояние на момент совершения преступления. По данному показателю, наиболее значимым фактором виктимности является состояние алкогольного опьянения жертвы. Как известно, алкоголь в совершении преступления играет двоякую роль. С одной сторо-

ны, употребление алкоголя способствует усилению агрессивности преступника, снижению контроля, расторможению влечений и т.п., но с другой стороны, толкает жертву на аморальные, провокационные поступки, снижает внимательность, критическое восприятие ситуации, возможность оказывать сопротивление. Это и объясняет его роль в виктимизации лица.

Наличие элементов нейтрального или положительного поведения. Традиционно в криминологии различают виктимность виновную и невиновную. К первой группе (виновной) относят виктимность лиц, которые злоупотребляют спиртными напитками, предрасположены к авантюризму или отличаются наглостью, несдержанностью, чем ставят себя в положение, которое может провоцировать совершение относительно их преступления. Невиновная виктимность связана, как правило, с некоторыми обстоятельствами быта. Жертвами невиновной виктимности нередко становятся лица, по определенной причине осложняющие, обременяющие действия преступников, – преступления совершаются в целях избавления от этого бремени (например, относительно лиц преклонного возраста, больных, находящихся на иждивении, и т.п.) [3, с. 315]. Конечно, в этом случае признак вины характеризуется в криминологическом значении, поскольку поведение потенциальной жертвы может содействовать возникновению преступного умысла и его реализации [4, с. 117]. Хотя некоторые исследователи [5, с. 117; 6] считают целесообразным – на наш взгляд, необоснованно установление ответственности жертвы за ее поведение.

Анализ материалов уголовных дел показал, что жертва насильственных преступлений: совершала физическое сопротивление в 55,2% случаев; не оказала никакого сопротивления нападающему, безмолвно подчинялась всем его требованиям – 10,7%; пыталась обмануть преступника – 9,7%; пыталась разжалобить преступника, вызвать сочувствие, просила отпустить – 7,0%; проявила неосторожность, сама оказалась в безлюдном месте – 6,0%; проявила чрезмерное доверие малознакомому человеку, согласившись по его просьбе отправиться с ним по нужному ему делу – 4,3% и т.п.

В ходе опроса населения относительно того «Какая, на Ваш взгляд, модель поведения жертвы наиболее оптимальна в случае совершения насильственного преступления?» были получены такие ответы: попытка обмануть преступника с целью бегства от него – 49,8%; крики, призывы о помощи – 31,5%; активное физическое сопротивление, применение приемов

самозащиты – 31,3%; активное физическое и психическое сопротивление – 29,2%; попытка установить с преступником психологический контакт, вызвать его на разговор – 23,7%; полное подчинение преступнику с целью избежать более тяжкого вреда (последствий) для себя – 17,1%; попытка разжалобить преступника, вызвать сочувствие – 8,0%; активное психическое сопротивление – 5,5%.

Эти результаты становятся еще более интересными при их сопоставлении с ответами на вопрос «Что, по Вашему мнению, может помочь Вам избежать совершения насильственного преступления относительно себя?»: владение навыками самозащиты – 73,5%; соблюдение мер личной безопасности – 45,9%; контроль своего поведения (особенно на улице и в малознакомых компаниях) – 44,5%; осведомленность о криминогенной обстановке (риск стать жертвой того или иного преступления, меры личной безопасности и т.п.) в регионе – 21,5%; знание психологии преступника и возможных путей выхода из конфликтных ситуаций – 20,7%; возможность использования огнестрельного оружия для самозащиты – 13,0%.

В соотношении полученных ответов респондентов прослеживается потенциальная виктимность большинства граждан, поскольку фактически они не знают, каким образом правильно вести себя в случае совершения против них преступления. Стараясь обмануть преступника с целью бегства от него и применяя навыки самозащиты (которыми в достаточной степени едва ли владеет 73,5% населения), жертва лишь еще больше провоцирует преступника. И это подтверждается представленным ниже опросом тех же граждан, где они сами признают такое поведение виктимным. Недаром ученые утверждают, что даже незначительное по интенсивности действие как проявление акта агрессии в ответ может спровоцировать развязывание давно готовящегося процесса [7; 8; 9].

Наличие элементов виктимного поведения. О типичном поведении жертвы, прямо вызвавшем совершение против нее насильственного преступления, свидетельствуют такие действия: провоцирование ссоры, конфликтной ситуации, оскорбляющее поведение – 46,1%; совместное с преступником употребление алкогольных напитков, наркотиков – 38,0%; сознательное пренебрежение мерами личной безопасности – 6,5%; демонстрация внешних характеристик, наиболее привлекательных для преступников – 1,1%; нежелание терпеть материальную и другую зависимость – 0,9%; провоцирование интимных отношений – 0,4% и т.п.

Интересные результаты относительно данного аспекта дал опрос населения. Так, в ответе на вопрос «Что в поведении жертвы насильственного преступления, по Вашему мнению, наиболее способствует совершению относительно нее преступления?» респонденты отметили: совместное с преступником употребление алкогольных напитков, наркотиков (59,6%), провоцирование ссоры, конфликтной ситуации, оскорбляющее поведение (50,5%), демонстрация внешних характеристик, наиболее привлекательных для преступников (38,6%), наивность, нецелесообразная доверчивость (36,8%), сознательное пренебрежение мерами личной безопасности (34,5%), провоцирование интимных отношений (23,7%), незнание криминогенной обстановки (рисков стать жертвой того или иного преступления, мер личной безопасности и т.п.) (20,1%), нежелание терпеть материальную и другую зависимость (14,6%), противоправное поведение (5,0%). Эти результаты подтверждают наши наблюдения, тем не менее, вызывает удивление, что, по мнению опрошенных, преступление против них может быть вызвано их противоправным поведением лишь в 5% случаев.

Лицо, совершающее преступление, потерпевшего (жертву) и особенности ситуации совершения преступления следует рассматривать в качестве двух частей одного целого – системы механизма преступного поведения [10, с. 95]. К жертве преступления следует относиться как к фактору, который генетически и динамически влияет на указанный механизм. Впрочем, как верно отмечает А.Н. Литвинов, во многих случаях в механизме совершения преступления наблюдается инверсия ролей: потенциальную жертву невозможно отличить от будущего преступника, поскольку их (жертвы и преступника) допреступное поведение свидетельствует об обоюдном общественно опасном обострении конфликтных отношений. А потому решающая роль в окончательном определении потерпевшего и преступника в этих случаях принадлежит конкретной жизненной ситуации [11, с. 19].

Следовательно, для насильственных преступлений характерна взаимная связь «преступник – жертва», которая, по сути, вытекает из имеющегося в данном случае типа общественных отношений «субъект – субъект». То есть при совершении насильственного преступления объект воздействия является активным субъектом, и в очень редких случаях жертва исключительно пассивна (например, когда снайпер-террорист стреляет в случайных прохожих из окна).

Таким образом, рассматривая виктимологическую характеристику насильственных преступлений, необходимо обратиться к анализу характера отношений между преступником и его жертвой, в значительной мере помогающему установить сущность и содержание отдельных элементов механизма преступления.

Отношения преступника с жертвой. В большинстве случаев имеет место случайная жертва – 32,8%; отношения не поддерживались – 20,0%, были бесконфликтными (нормальными) – 16,3%, конфликтными – 12,8%, неприязненными, возникшими случайно – 7,1%, неприязненными стойкими – 6,8%, дружескими – 4,2%.

Вид взаимоотношений преступника с жертвой: незнакомые – 47,0%, знакомые – 29,7%, родственные – 14,3%, дружеские – 3,5%, интимные – 2,3%, бытовые – 1,5%, служебные – 0,3%, преступные – 1,0%.

Что касается степени близости преступника с жертвой, то для насильственных преступлений характерна следующая связь: случайный знакомый – 39,9%, случайный знакомый (познакомились во время совместного распития спиртных напитков в день совершения преступления) – 3,1%, приятель – 11,7%, соучастник прежде совершенного преступления – 1,5%, односельчанин (односельчанка) – 9,5%, сосед – 8,0%, сожитель (сожительница) – 5,9%, муж (жена) – 3,9%, любовник (любовница) – 1,1%, брат (сестра) – 1,3%, сын (дочь) – 5,6%, мать – 1,7%, отец – 1,1%.

Информация относительно степени близости преступника с жертвой представлена не по убыванию распространенности, поскольку в таком порядке, совместив эти данные с данными по предыдущим двум показателям (отношения преступника с жертвой и характер их взаимоотношений), можно выделить характерные для насильственных преступлений типы связей жертвы с преступником: 1) случайная связь; 2) дружеская связь; 3) связь по совместному или соседскому проживанию; 4) родственная связь.

Похожую типологию приводит А.Н. Литвинов, выделяя четыре группы жертв: 1) лица, отношения которых с преступником возникают в момент совершения преступления (40%); 2) лица, отношения которых с преступником развивались в рамках случайного знакомства (28%); 3) лица, отношения которых с преступником формировались в рамках личного знакомства (20%); 4) лица, которые находились с преступником в супружеских, родственных и других близких отношениях (12%) [11, с. 15]. На наш взгляд, нецелесообразно выделять в рамках случайной связи два типа взаимосвязи жертвы и преступника (возникающая в мо-

мент совершения преступления и случайное знакомство), а в последних двух предлагаемых группах все же следует выделить дружескую, соседскую и родственную связи, поскольку личное знакомство иногда тяжело отличить от близких отношений, а предложенные нами типы связи четко просматриваются в приведенных выше показателях.

Таким образом, проведенный анализ виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений показал, что наибольшей виктимностью обладают мужчины в возрасте 31–40 лет, преимущественно женатые, со средним общим или специальным образованием, занятые неквалифицированным и малоквалифицированным трудом (рабочие) или безработные и не учащиеся. Среди особенностей характера жертвы, формирующих виктимные склонности, преобладают: доверчивость, общительность, склонность к импульсивным и непродуманным действиям, безнравственность. Наиболее выраженным фактором

виктимизации является злоупотребление алкогольными напитками (часто в ситуации совместного с преступником их употребления). Преобладание среди элементов виктимного поведения провоцирования ссоры, конфликтной ситуации, проявлений оскорбительного поведения подтверждает сходство поведенческих черт жертвы насильственных преступлений и преступника. Для насильственных преступлений характерны следующие типы связи жертвы с преступником: 1) случайная связь; 2) дружеская связь; 3) связь по совместному или соседскому проживанию; 4) родственная связь. Именно установление специфических личностных и поведенческих характеристик жертв преступления, взаимосвязей жертвы с преступником и особенностей их проявления на общестатистическом уровне позволяет глубже познать механизм совершения преступлений. Особенно это касается насильственных преступлений, представляющих собой, по сути, общественные отношения по типу «субъект – субъект».

1. Ігнатів О.М. Протидія загальнокримінальній насильницькій злочинності в Україні. Харків, 2013.

2. Гумин А.М. Особенности криминологического анализа жертв насильственных преступлений // Вестн. Луганск. гос. ун-та внутр. дел им. Э.А. Дидоренко. 2010. № 1.

3. Закалюк А.П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика: в 3 кн. Кн. 1: Теоретические основы и история украинской криминологической науки. Киев, 2007.

4. Антонян Ю.М. Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1981.

5. Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988.

6. Шаповалова Л.И. Потерпевший как субъект уголовно-процессуальной деятельности в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2001.

7. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии. М., 1979.

8. Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10.

9. Ильяшенко А.Н. Потерпевший в механизме совершения насильственных преступлений в семье // Общество и право. 2012. № 3(40).

10. Криминологическая виктимология: учеб. пособие / под общ. ред. А.Н. Джужи. Киев, 2006.

11. Литвинов А.Н. Виктимизация: факторы, анализ, меры противодействия: учеб. пособие. Харьков, 2009.

1. Ignatov O.M. *Opposition general criminal violent crime in Ukraine*. Kharkov, 2013.

2. Gumin A.M. *Peculiarities of criminological analysis of the victims of violent crimes* // Bull. of Y.O. Didorenko Lugansk state university of Internal Affairs. 2010. № 1.

3. Zakalyuk A.P. *Course of contemporary ukrainian criminology: theory and practice: in 3 b. B. 1: Theoretical bases and history of Ukrainian science of criminology*. Kiev, 2007.

4. Antonyan Yu.M. *Mechanism of criminal behavior* / resp. ed. V.N. Kudryavtsev. Moscow, 1981.

5. Minskaya V.S., Chechel G.I. *Victimological factors and mechanisms of criminal behavior*. Irkutsk, 1988.

6. Shapovalova L.I. *Victim as a subject of criminal procedure activity at pretrial stages of criminal procedure: diss. ... Master of Law*. Kiev, 2001.

7. Enikolopov S.N. *Certain results of the research on aggression*. Moscow, 1979.

8. Vishnevetsky K.V. *Mechanism of victimological determination* // Theory and practice of social development. 2014. № 10.

9. Ilyashenko A.N. *Victim in the mechanism of violent crimes committed in the family* // Society and law. 2012. № 3(40).

10. *Criminological victimology: study aid* / gen. ed. by A.N. Dzhuzha. Kiev, 2006.

11. Litvinov A.N. *Victimization: factors, analysis, preventive measures: study aid*. Kharkov, 2009.

Ларичев Василий Дмитриевич
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
 (тел.: +79161372653)

Причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере экономической деятельности

В статье раскрываются общие причины и условия, способствующие совершению многих преступлений в сфере экономической деятельности (низкий уровень предпринимательской культуры в России, факторы правового характера, отсутствие полноценного субъекта заинтересованности в снижении преступлений в сфере экономической деятельности, невозможность принятия каких-либо упреждающих мер по отдельным видам преступлений и др.); криминогенные детерминанты, оказывающие влияние на совершение отдельных преступлений, групп преступлений.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, причины и условия, способствующие совершению преступлений, обстоятельства, способствующие совершению преступлений, криминогенные детерминанты, факторы правового характера.

V.D. Larichev, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79161372653.

The reasons and conditions promoting commission of crimes in the sphere of economic activity

In article the general reasons and conditions promoting commission of many crimes in the sphere of economic activity reveal (low level of enterprise culture in Russia, factors of legal character, absence of the full-fledged subject of interest in decrease in crimes in the sphere of economic activity, impossibility of acceptance of any anticipatory measures for separate types of crimes, etc.); the criminogenic determinants having impact on commission of separate crimes, groups of crimes.

Key words: crimes in the sphere of economic activity, reasons and conditions promoting commission of crimes, circumstances promoting commission of crimes, criminogenic determinants, factors of legal character.

Глава 22 УК РФ содержит наибольшее количество составов преступлений по сравнению с другими главами УК РФ. Нормы данной главы предусматривают ответственность за достаточно разнообразные деяния, субъектами которых в большинстве случаев являются лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью.

И хотя количество выявленных преступлений, квалифицируемых по статьям гл. 22 УК РФ, в 2013 г. составило 19,4% от всех преступлений экономической направленности (27388 преступлений), а в 2014 г. – 24,8% (26737), они причиняют в целом существенный материальный ущерб гражданам, организациям или государству, сопряжены со значительным извлечением дохода.

Совершению этих преступлений способствуют многочисленные причины и условия.

Следует отметить, что отдельными авторами рассматривались некоторые причины и условия, способствующие незаконному пред-

принимательству [1, с. 89–110; 2, с. 178–200], преступлениям в сфере малого предпринимательства [3, с. 86–109; 4, с. 81–105] и другим отдельным видам преступлений. При этом в большей степени раскрывались факторы общесоциального характера, а также недостатки в деятельности правоохранительных органов, и мало внимания уделялось специально-криминологическим факторам.

Более системный анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере предпринимательской деятельности, попыталась дать А.М. Гармаш. Она выделила причины, обусловленные общим положением предпринимательства в России и характером предпринимательской деятельности; определяемые недостатками законодательства и деятельности правоохранительных органов; связанные с проблемами предпринимательской культуры [5, с. 232–284].

Исследуя последнюю группу, автор отмечает, что многие предприниматели рассматрива-

ют Россию в роли «дойной коровы», выводя капиталы за границу, укрепляя зарубежные банковские системы, предпочитая жить в других странах и относясь к стране, которая дает им возможность зарабатывать большие деньги, потребительски. Также указывалось на практически полное отсутствие корпоративной социальной ответственности и другие негативные обстоятельства, связанные с культурой предпринимательства [5, с. 232–284].

В связи с этим следует отметить, что уровень предпринимательской культуры в России остается крайне низким и в настоящее время, в чем заключается одна из основных причин предпринимательской преступности. При этом нельзя не считать с тем, что у значительной части населения идеология индивидуального успеха воспринимается как нечто чуждое коллективистской природе нашего общества.

Доминирующей причиной предпринимательских преступлений является значительная экономическая выгода от занятий запрещенными видами предпринимательской (хозяйственной) деятельности. В основе предпринимательской преступности лежит «корысть-стяжательство» субъектов экономической деятельности, которые находят благодатную почву в условиях кризисного состояния экономики.

Значительную роль в детерминации предпринимательской преступности играют факторы правового характера. К ним относятся: несовершенство нормативной базы, регламентирующей предпринимательскую деятельность, пробелы уголовного законодательства об ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, наличие излишних нормативно-правовых запретов, не используемых в правоохранительной деятельности, например ст. 192 УК РФ (запреты данной статьи не соответствуют требованиям рыночной экономики, о чем автор говорил еще в 2011 г. [6, с. 107–111]), другие недостатки уголовного законодательства, затрудняющие эффективную борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности, что само по себе является эффективной превентивной мерой их предупреждения.

Относительно пробелов можно указать на фирмы-однодневки, с использованием которых совершаются многие экономические преступления. Так, предусмотренная для борьбы с указанными фирмами ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство» Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. была отменена, а ст. 173¹ УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», 173² «Неза-

конное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица» были введены только 7 декабря 2011 г. Федеральным законом № 419-ФЗ, т.е. свыше одного года после отмены указанной статьи.

Можно также указать и на пробелы борьбы с контрабандой. Так, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 188 УК РФ «Контрабанда» была признана утратившей силу. Одновременно с этим в УК РФ была введена ст. 226¹ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих ...».

Часть 1 данной статьи предусматривала ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей в крупном размере. При этом в соответствии с примеч. 1 к данной статье перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей данной статьи должен утверждаться Правительством РФ.

Такое постановление Правительство РФ издало спустя 8 месяцев после принятия закона об ответственности за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов [7].

Таким образом, уголовная ответственность за такие деяния вроде бы была установлена, но перечень стратегически важных товаров и ресурсов отсутствовал, что не давало возможности привлечения к уголовной ответственности, исходя из чего данные общественно опасные деяния оставались латентными.

Следует также указать и на то, что в Уголовный кодекс достаточно часто вносятся определенные изменения по различным частным случаям, не вызванные необходимостью. В этом плане следует полностью согласиться с Н.А. Лопашенко в том, что в последнее время достаточно часто законодателем «криминализируются частные случаи уже признанного преступным отклоняющегося поведения» [8, с. 131].

Кроме того, наблюдается определенная непоследовательность законодателя. Так, как уже отмечалось, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 188 УК РФ «Контрабанда» была признана утратившей силу. Одновременно с этим в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» была введена ст. 226¹, ч. 1 которой предусматривает ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в крупном размере либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым междуна-

ными договорами Российской Федерации, их частей и производных.

Тем самым контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов была отнесена к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

В то же время Федеральными законами от 28 июня 2013 г., от 31 декабря 2014 г. в гл. 22 УК РФ были введены статьи, предусматривающие уголовную ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, а также за контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Таким образом, такие виды преступлений, как контрабанда различных видов товаров и имущества, находятся в разных главах УК РФ, тем самым якобы посягая на различные общественные отношения, что не совсем верно.

Также имеют место достаточно частые изменения, вносимые в диспозиции статей гл. 22 УК РФ. Наряду с этим, неоднократно повышаются пороговые размеры ущерба для возбуждения уголовных дел экономической направленности, квалифицируемых по гл. 22 УК РФ.

Таким образом, вместо воспитательной работы, создания системы предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности противоправные деяния переводятся в разряд административных правонарушений.

Наряду с отмеченными вопросами гуманизации уголовной ответственности предпринимателей, совершающих преступления экономической направленности, для них устанавливаются и другие привилегии, включая различного вида амнистии, отношение к которым в обществе неоднозначно.

Как отмечается, многие политики, экономисты, юристы и некоторые депутаты относятся к экономической амнистии для бизнеса в честь 70-летия Победы достаточно настороженно, а иногда и просто негативно. Например, депутат Роман Худяков (ЛДПР) назвал столь мягкие условия льготой для богатых. «Чиновники и бизнесмены, осужденные по экономическим статьям, ворочали миллиардами. Заработали огромное состояние на наших бюджетных деньгах. Если для них рассматривать амнистию, то в первую очередь они должны возместить в госказну все деньги, что наворовали». Кроме того, Худяков считает, что у таких амнистированных необходимо конфисковать все имущество в пользу государства: «Это будет ярким примером другим чиновникам и предпринимателям, что воровство и денежные махинации в этой стране наказуемы» [9].

Данное предложение особенно актуально в свете применения к России санкций, снижения экономической деятельности, недостатка инвестиций. Следует также добавить, что во всем мире законы соблюдают либо из уважения к праву, либо из боязни наказания. Уважения к праву в России не было издавна, а в настоящее время для предпринимателей нет и соответствующего наказания.

При такой ситуации законопослушная деятельность предпринимателей еще долго не войдет в норму.

Еще одним криминогенным фактором, характерным для преступлений в сфере экономической деятельности, является следующий. Известно, что лучше всего защищаются интересы частного собственника. Собственник-предприниматель заинтересован в сохранении своего имущества и капиталов, в связи с чем принимает различные меры к предупреждению их неэффективного использования, потерь и хищений. С этой целью он создает службы безопасности, подразделения контроля и аудита и т.п.

Государственные интересы (а в большинстве случаев ущерб от преступлений экономической направленности причиняется государству) должны защищать государственные органы, в том числе правоохранительные, контролирурующие и др.

Однако в силу ряда причин они действуют неэффективно. Это связано с тем, что, например, правоохранительные органы, в первую очередь подразделения ЭБиПК ОВД, с одной стороны, в большей степени специализируются на выявлении и документировании преступлений и мало имеют возможностей, за некоторым исключением, для предупреждения преступлений, в том числе в сфере экономической деятельности. Для осуществления предупреждения им необходимо вмешиваться в оперативную деятельность хозяйствующих субъектов, но, во-первых, в этом нет необходимости, а во-вторых, это запрещено. Кроме того, для них приоритетным и поощряемым руководством является раскрытие крупных, групповых, резонансных преступлений. В связи с этим у этих органов нет ни полномочий, ни времени и сил, а также желания заниматься предупреждением преступлений.

Представляется, что предупреждением экономических преступлений, в том числе в сфере экономической деятельности, в первую очередь должны заниматься контролирующие органы, которые в процессе осуществления контроля (проверки) одновременно могут вы-

являть недостатки и другие правонарушения, способствующие совершению преступлений. Определенная работа этими органами проводится. Однако для некоторых из них доводятся контрольные цифры сбора налогов, таможенных платежей и других финансовых средств в бюджет.

В связи с этим данные органы в подавляющем большинстве случаев заинтересованы в применении административно-правовых санкций за совершенные правонарушения, а не в предупреждении правонарушений.

Наряду с этим, по отдельным видам преступлений, например квалифицируемым по ст. 171, 172, 173¹, 173² УК РФ, юридические лица и граждане заинтересованы в первую очередь в получении от хозяйствующих субъектов только работ или услуг. При этом, есть ли у такого субъекта регистрация или лицензия, когда она обязательна, их не интересует, правда до того момента, пока в отношении их не будет совершено преступление.

По другим видам, например некоторым преступлениям, квалифицируемым по ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей», практически невозможно принять какие-либо упреждающие меры по их предупреждению. Например, каким образом можно предупредить изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт платежных поручений (распоряжений), изготовленных отдельными предпринимателями, поскольку работники банков не уполномочены и не имеют возможности проверить правильность подписи и других реквизитов поручения (распоряжения). Кроме того, даже если бы они и хотели, они просто физически не в силах проверить каждое платежное поручение (распоряжение).

Данные криминогенные детерминанты характерны для многих видов преступлений в сфере экономической деятельности. В то же время для отдельных видов или групп преступлений в сфере экономической деятельности характерны специфические обстоятельства, оказывающие влияние на совершение именно отдельных преступлений либо видов (групп) преступлений. Учитывая ограниченность объема статьи, остановимся лишь на некоторых.

Так, к обстоятельствам, способствующим совершению преступлений, квалифицируемых по ст. 170¹ УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», в первую очередь до недавнего времени относилось то, что фальсификация различных документов и предоставление их в регистрирующий орган становились возможным вследствие следующих несовершенств законодательства:

а) сотрудники регистрирующего органа не обязаны были удостоверяться в подлинности представленных документов на предмет их соответствия законам, иным нормативным правовым актам и фактическому положению; поскольку государственная перерегистрация изменений осуществлялась без обстоятельной проверки подлинности тех документов, которые от имени владельцев предприятия подавались в регистрирующий орган, достаточно часто направлялись и предоставлялись поддельные документы;

б) о совершенных изменениях относительно перехода долей, руководителей общества и т.п. не ставились в известность заинтересованные лица (участники общества, исполнительные органы и др.), которые в ряде случаев узнавали об этом спустя длительное время;

в) документы в регистрирующий орган могли быть как представлены непосредственно либо через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, так и направлены почтовым отправлением, в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг, что позволяло лицу, подделавшему такие документы, оставаться анонимным.

К обстоятельствам, способствующим совершению преступлений, квалифицируемых по ст. 171² УК РФ «Незаконная организация и проведение азартных игр», можно отнести следующие:

организация игорного бизнеса является высокодоходной сферой, прибыли организаторов многократно превышают возможные убытки в случае закрытия заведения и привлечения к административной ответственности;

деятельность субъектов игорного бизнеса организуется по принципу фирм-однодневок, что делается с целью избежания повторной проверки с последующей конфискацией аппаратов;

игровое оборудование, используемое в незаконной организации азартных игр, как правило, находится в аренде у третьих лиц, в связи с чем при рассмотрении административного правонарушения судами выносятся решения о возврате изъятого имущества законному вла-

дельцу, которое вновь используется для проведения азартных игр;

большинство игорных заведений в регионах являются обособленными подразделениями фирм, располагающихся в центральных регионах России, встречающая проверка которых требует значительных временных затрат;

игровые клубы осуществляют свою деятельность в интернет-кафе, частных жилых помещениях (квартирах), часто меняют место дислокации, организаторы оповещают проверенных игроков при помощи СМС, электронных сообщений, что затрудняет выявление таких мест;

организация и проведение азартных игр осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, для выявления которых требуется соответствующая техническая подготовка работников контролирующих органов и ОВД и др.

Как известно, для незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица и незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица в большинстве случаев используются паспорта граждан, для чего они либо похищаются, либо покупаются у недееспособных, антиобщественных, материально зависимых и других заведомо неплатежеспособных граждан (алкоголики, наркоманы, бомжи и т.д.). Однако сведения о похищенных и утраченных паспортах граждан в регистрирующих органах отсутствуют, что не позволяет работникам этих органов быстро и без особых усилий установить поддельность документа, на основании которого регистрируется предприятие.

К обстоятельствам, способствующим совершению преступлений, квалифицируемых по ст. 171¹ УК РФ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации», можно отнести то, что потерпевшим от таких действий является государство (бюджет государства не получает определенной суммы доходов от маркировки алкогольной, табачной продукции). Потребители такой продукции в большинстве случаев не интересуются подлинностью марок и правдивостью нанесения информации, предусмотренной законодательством. К тому же не все из них могут отличить подлинные марки от поддельных, а правдивую информацию от ложной.

Наряду с этим, к указанным обстоятельствам следует отнести имеющиеся у правонарушителей возможности изготовления поддельных марок.

Примерно те же обстоятельства характерны и для преступлений, квалифицируемых по ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», с той лишь разницей, что потерпевшими здесь в большей степени являются правообладатели и производители товара, имеющие исключительное право использования наименования места происхождения товара.

Среди обстоятельств, способствующих преступлениям, совершаемым на этапе осуществления внешнеэкономической деятельности, можно выделить следующие.

Отсутствие в нормативных документах обязанности возврата валютной выручки в определенные конкретные сроки. В них лишь отмечено, что при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обязаны обеспечить: зачисление на счета резидента денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, причитающихся резиденту в соответствии с условиями внешнеторговых договоров (контрактов) за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; возврат в Российскую Федерацию на счета резидента в установленном порядке денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации за не ввезенные на территорию Российской Федерации (не полученные на территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Использование для этих целей фирм-однодневок.

Попустительство, а порой и противоправные действия работников уполномоченных банков по закрытию паспортов сделок при отсутствии данных о поступлении товара на таможенную территорию, переводу паспортов сделок в другой банк и т.п.

Попустительство, а порой и противоправные (коррупционные) действия работников таможенных органов. Такие преступления нередко совершаются с целью незаконного перемещения товаров через таможенную границу Российской Федерации, уклонения от уплаты таможенных платежей, невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте, совершения иных правонарушений и преступлений.

Как отмечает Ю.П. Гармаев, проблемы борьбы с должностными преступлениями в таможенной сфере связаны с тем, что такие преступления практически всегда неразрывно связаны с другими преступлениями в сфере экономической деятельности, квалифицируемыми по статьям гл. 22 УК РФ, совершаемыми в таможенной сфере.

Он отмечает, что наиболее организованные и крупномасштабные преступления, такие как контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей и др., достаточно редко совершаются без участия сотрудников таможенных органов [10, с. 17].

По его мнению, преступления в таможенных органах детерминируются следующими факторами.

Непродуманные меры экономической политики: не всегда оправданно высокие ставки таможенных платежей, необоснованные преференции (льготы), иные меры нетарифного регулирования, усложненная, запутанная система документооборота, учета и контроля и т.п.

Так, еще в XIX в. известный специалист по истории таможенной политики в России М. Соболев писал: «Одним из самых верных указаний для определения размера охранительной пошлины служит контрабанда. Значительная контрабанда, обходя правильную торговлю и уничтожая охранительное действие тарифа, доказывает чрезмерность таможенных пошлин. Так, пошлина на мануфактурные товары свыше 30–35% цены становится недействительной вследствие развития контрабанды, лихоимства таможенных чиновников и пограничной стражи» [11].

Низкий уровень организации ведомственного и иного контроля в таможенных органах.

Высокая степень сложности технологических процессов в сфере таможенного дела, часто неоправданно запутанная система документооборота, учета и контроля и т.п., позволяющая эффективно скрывать способы и следы совершенных преступлений.

Противоречивость, неточность и неопределенность в некоторых случаях норм таможенного законодательства, в особенности приказов и инструкций ГТК РФ, актов таможенных органов, должностных инструкций конкретных должностных лиц, что позволяет порой «вольнo» трактовать и использовать данные нормы в личных, низменных интересах, и др. [10, с. 17–20].

Об этом же говорят и другие авторы [12; 13, с. 7–8].

Обстоятельства, способствующие совершению преступлений, связанных с использовани-

ем ценных бумаг (ст. 185², 185⁴, 185⁵ УК РФ), достаточно разнообразны.

Так, по мнению А.Ю. Федорова, распространению рейдерства с использованием ценных бумаг способствуют такие обстоятельства, как слабо функционирующие рыночные институты: многие предприятия не имеют чистой и прозрачной истории приватизации, рассматриваются как нелегитимные, имеют плохой имидж; систематически нарушаются права акционеров; низок уровень предпринимательской культуры, ведется «черная» бухгалтерия; предприятия работают в условиях слабой конкурентной среды, плохо развитого фондового рынка; пробелы корпоративного законодательства; слабость государственных институтов, призванных поддерживать правила цивилизованного социально-экономического развития страны; наличие произвольной подсудности – возможности рассмотрения одного и того же дела и в гражданском, и в арбитражном суде, что широко используется рейдерами для получения положительного решения в выборе «удобных судов», включая подачу исков в другом регионе страны; слабость судебной системы; наличие распространенной практики внесения изменений в учредительные документы организаций в отношении долей участия их учредителей (участников) или сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица и др. [14, с. 58–72].

Большую роль в корпоративных захватах играют профессиональные участники рынка ценных бумаг, в том числе регистраторы. Осуществляя деятельность по ведению реестров акционеров, они имеют возможность перерегистрировать права на ценные бумаги, а также, располагая полной информацией о владельцах ценных бумаг эмитента, могут использовать ее в интересах одной из сторон корпоративного конфликта, используя при этом несовершенство законодательства о ценных бумагах, различные подходы к его толкованию в ходе судебного разбирательства, следствием чего является принятие решений в пользу лиц, нарушающих требования законодательства.

Условием, способствующим совершению этих преступлений, является то, что регистратор не обязан досконально изучать обстоятельства сделки. Он удостоверяется только в личности лица, предоставившего ему документы, для чего проверяет его паспорт, и в наличии необходимого документа, а также соответствии подписи и печати на передаточном распоряжении, но не его сущности или

сделки. Чтобы акции перешли от одного лица к другому, регистратору достаточно представить передаточное распоряжение, в котором собственник выражает свою волю по поводу принадлежащих ему ценных бумаг. Закон не требует представлять регистратору договор купли-продажи акций, поэтому мошенникам, желающим присвоить чужие акции, часто достаточно подделать лишь один документ – передаточное распоряжение (порядок ведения реестра регламентирован положением «О введении реестра владельцев именных ценных бумаг» утвержденным постановлением ФКЦБ от 2 октября 1997 г. № 27 (в редакции постановлений ФКЦБ РФ от 31 декабря 1997 г. № 45, от 12 января 1998 г. № 8).

Имеют место и другие криминогенные факторы [15, с. 299–312; 16, с. 272–294].

Обстоятельства, способствующие совершению банковских преступлений. К обстоятельствам, способствующим совершению преступлений, квалифицируемых по ст. 176 «Незаконное получение кредита», ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» относятся:

относительный рост количества участников на рынке банковских кредитов, находящихся в жесткой конкурентной борьбе за клиента, вследствие чего банками упрощаются требования по обеспечению возвратности кредитов, что облегчает совершение преступлений;

развитие современных электронных технологий, в результате чего в СМИ (на страницах газет, расклеенных в метро и на улицах, листовках и т.п.), через сеть Интернет достаточно часто распространяется криминально значимая информация о банковском кредитовании, в частности, даются объявления о помощи в получении кредита без аванса, справок, поручителей, прописки и работы и т.д.;

использование новых технических возможностей у преступников, которые с помощью копировального оборудования изготавливают различные подложные документы;

халатность банковских работников (работников юридической службы, кредитного отдела, отдела залогов, служб безопасности банков), заключающаяся в ненадлежащей проверке предоставляемых ссудозаемщиками учредительных, регистрационных и иных документов, местонахождения материальных ценностей, предоставляемых в залог, кредитоспособности потенциальных клиентов, ненадлежащем проведении мониторинга выданного кредита;

обстоятельства, связанные с предоставлением фиктивных залогов;

возможность создания фиктивных предприятий, которые предоставляют работникам банка различные документы с целью незаконного или мошеннического получения кредитов;

недостатки контроля за работой начальников филиалов банков, работников кредитного отдела, отдела залогов, служб безопасности банков;

недостатки в информационном обеспечении подразделений банков, осуществляющих проверку клиентов на предмет их кредитоспособности и платежеспособности, вследствие чего не всегда представляется возможным осуществить проверку потенциального ссудозаемщика;

несовершенство законодательства, регулирующего правовое положение движимого залогового имущества;

корысть банковских работников, вследствие чего они оказывают за вознаграждение содействие преступникам в получении кредитов и их невозвращении [подробнее об этом см.: 17, с. 106–117; 18, с. 91–92; 19, с. 80–95; 20, с. 82–85].

Среди обстоятельств, способствующих незаконным получениям и разглашениям сведений, составляющих банковскую тайну, в первую очередь следует выделить недостатки в обеспечении собственником своей безопасности, в том числе ненадлежащую защиту служебной и коммерческой информации, ненадлежащий подбор менеджеров, которые передают различную информацию конкурирующим фирмам, отсутствие мониторинга текущего состояния документов, ненадлежащую работу юридической службы, службы безопасности и др.

Значительное количество преступлений совершается в результате собирания сведений, составляющих банковскую тайну, о ПИН-кодах банковских карт, индивидуальных номерах банковских карт, информации с магнитных полос пластиковых платежных карт и т.п. путем установки на банкоматы нештатного электронного устройства, предназначенного для негласного получения информации, а также иным образом.

Этому способствуют ряд обстоятельств. Во-первых, данный вид преступления привлекателен для злоумышленников своей относительной доступностью и дешевизной, появилась сравнительно дешевая технология скимминга (скимминг – установка на банкоматы оборудования, которое позволяет считывать информацию с магнитной полосы банковской карты и устройств для ввода пин-кода; в

дальнейшем эта информация используется мошенниками для изготовления поддельных карт (так называемый белый пластик) и снятия с их помощью средств со счетов клиентов банков либо совершения покупок). Кроме того, такие преступления относятся к числу трудно-раскрываемых, поскольку в результате преступления преступники завладевают деньгами, в связи с чем у них нет проблем со сбытом похищенного, на месте преступления практически не остается существенных для розыска следов.

Кроме того, в России достаточно часто используется банкоматная сеть для снятия наличных с карт с магнитной полосой, в то время как в странах, входящих в единое европейское

платежное пространство, полностью перешли на более защищенную чиповую технологию. Снятие денежных средств с помощью скимминговых устройств по изготовленным таким образом картам затруднительно.

Также для получения вышеуказанных данных порой осуществляется сговор сотрудников банка с преступниками, использование недостаточности защиты клиентских терминалов, каналов связи вне банка, побуждение к утрате клиентами паролей, ПИН-кодов, электронных ключей и т.п. [21, с. 172–193; 20, с. 73–82].

Имеют место и другие обстоятельства, способствующие совершению преступлений в сфере экономической деятельности.

1. Романов А.Г. *Криминологический анализ и предупреждение преступности в сфере незаконного предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук.* СПб., 2005.

2. Лубешко В.Н. *Незаконное предпринимательство как вид преступного посягательства против установленного порядка экономической деятельности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... канд. юрид. наук.* Ростов, 2004.

3. Баранов А.А. *Криминологический анализ и предупреждение экономических преступлений в сфере малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 1999.

4. Баранова Л.В. *Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений в сфере малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 1994.

5. Гармаш А.М. *Предупреждение преступности в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук.* М., 2013.

6. Ларичев В.Д. *Вопросы совершенствования уголовной ответственности.* М., 2011.

7. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 13 сент. 2012 г. № 923.

8. Лопашенко Н.А. *Размышления о регистрации преступности в России // Союз криминалистов и криминологов.* 2013. № 2.

9. Трифонова Е. *Амнистия для бизнеса в День Победы.* URL: <http://www.consultant.ru>. 26.02.2015.

10. Гармаев Ю.П. *Должностные преступления в таможенных органах.* М., 2002.

11. Лодыженский К.В. *История русского таможенного тарифа.* СПб., 1886.

1. Romanov A.G. *Criminological analysis and crime prevention in the field of illegal business: diss. ... Master of Law.* St. Petersburg, 2005.

2. Lubeshko V.N. *Illegal business as a form of criminal assault against the established order of economic activity (criminally-legal and criminological aspects): diss. ... Master of Law.* Rostov, 2004.

3. Baranov A.A. *Criminological analysis and prevention of economic crimes in the sphere of small business: diss. ... Master of Law.* Moscow, 1999.

4. Baranova L.V. *Criminological characteristics and prevention of economic crimes in the sphere of small business: diss. ... Master of Law.* Moscow, 1994.

5. Garmash A.M. *Crime prevention in the field of entrepreneurship: diss. ... Dr. of Law.* Moscow, 2013.

6. Larichev V.D. *Issues of improvement of criminal responsibility.* Moscow, 2011.

7. Approval of the list of strategic goods and resources for the purposes of article 226.1 of the Criminal code of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of Sept. 13, 2012 № 923.

8. Lopashenko N.A. *Reflections on the registration of crime in Russia // Union forensics and criminology.* 2013. № 2.

9. Trifonova E. *Amnesty business in victory day.* URL: <http://www.consultant.ru>. 02/26/2015.

10. Garmaev Yu.P. *Malfeasance in customs bodies.* Moscow, 2002.

11. Lodyzhensky K.V. *History of Russian customs tariff.* St. Petersburg, 1886.

12. *Anti-corruption in the customs bodies of the Russian Federation: study aid / gen. ed. by A.Yu. Shumilov.* Moscow, 2012.

12. Противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации: учеб. пособие / под общ. ред. А.Ю. Шумилова. М., 2012.
13. Диканова Т.А., Кушниренко С.П., Мирнова Е.А., Остапенко В.И. Расследование взяточничества в таможенных органах: науч.-метод. рекомендации. М., 2007.
14. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). М., 2010.
15. Исаев О.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с противоправным установлением контроля над активами и управлением предприятия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
16. Исаев О.Ю. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми путем криминального установления контроля над управлением и активами предприятия / под ред. В.Д. Ларичева. М., 2014.
17. Ларичев В.Д., Иконников Д.Н., Борисов И.Н. и др. Преступления в сфере банковского кредитования и методика их предупреждения. М., 2012.
18. Яковлев А.И. Предупреждение преступлений, совершаемых в банковской сфере при проведении расчетно-кредитных операций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
19. Иконников Д.Н. Предупреждение хищений в банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
20. Давыдова А.В. Система и меры корпоративного предупреждения преступлений в банках при проведении расчетно-кредитных операций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
21. Ларичев В.Д., Давыдова А.В., Иконников Д.Н., Казаков А.Я. Система и меры предупреждения преступлений в банках при проведении расчетно-кредитных операций. М., 2013.
13. Dikanova T.A., Kouchnirenko S.P., Mironov E.A., Ostapenko V.I. The investigation of bribery in customs bodies: sci. methodical recommendations. Moscow, 2007.
14. Fedorov A.Yu. Raiding and corporate blackmail (organizational and legal measures of counteraction). Moscow, 2010.
15. Isayev O.Yu. Criminal law and criminological problems of struggle against crimes related to the illegal establishment of control over the assets and management of the enterprise: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2014.
16. Isaev O.Yu. Criminal legal and criminological problems of struggle against crimes committed by criminal establish control over the management and assets of the enterprise / ed. by V.D. Larichev. Moscow, 2014.
17. Larichev V.D., Ikonnikov D.N., Borisov I.N. et al. Crimes in the sphere of bank lending and methods of prevention. Moscow, 2012.
18. Yakovlev A.I. Prevention of crimes committed in the banking sector during the cash-lending operations: diss. ... Master of Law. Moscow, 2002.
19. Ikonnikov D.N. Prevention of theft in the banking industry: diss. ... Master of Law. Moscow, 2012.
20. Davydov A.V. System and corporate crime prevention measures in the banks during the cash-lending operations: diss. ... Master of Law. Moscow, 2012.
21. Larichev V.D., Davydov A.V., Ikonnikov D.N., Kazakov A.Yu. The system measures and crime prevention in banks during the cash-lending operations. Moscow, 2013.

Щербакова Людмила Михайловна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: l.scherbakova@list.ru)

Белая Ольга Петровна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории журналистики
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: belaya_st@mail.ru)

Исследование личности преступника: теоретико-рефлексивный анализ

В статье на основе анализа современных криминологических исследований рассматривается комплекс взаимосвязанных проблем: характеристика свойств и состояний личности преступника; методы исследования; способы воздействия на личность с целью предупреждения преступлений. Акцент делается на социально-психологических свойствах личности, а также приближении научно-теоретических разработок к нуждам практики.

Ключевые слова: личность преступника, психологические свойства личности, модели эмпирического исследования, научно-практическое исследование.

L.M. Scherbakova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University; e-mail: l.scherbakova@list.ru;

O.P. Belaya, Master of Psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of Journalism of the North Caucasian Federal University; e-mail: belaya_st@mail.ru

Study of the criminal personality: theoretic-reflexive analyses

The article examines the set of interrelated problems on the basis of analysis of the modern criminological research, such as the characteristics of the criminals personality traits and stages, research methods, and ways to influence personality in order to prevent crimes. The highlights of the article are social-psychological personality traits, and on application of theoretical findings to the practical need.

Key words: personality of the criminal, psychological personality traits, empiric research models, academic research.

Современная практика предупреждения преступности основывается на результатах системных научных исследований причин и условий, способствующих возникновению преступного поведения, объектов общественных отношений и др. При этом центральное место и в исследовательском процессе, и в практической деятельности должна занимать и личность преступника. Необходимость всестороннего изучения личности, как уникального по своим качествам феномена, субъекта и объекта общественных отношений, функционально-ролевой «системы систем», способной к саморегулированию, сознательному и свободному выбору [1, с. 7], не может не осознаваться в криминологической практике.

Известно, что борьба с преступным поведением осуществляется, в том числе, и путем ресоциализации правонарушителя через воспитательные программы. Вполне очевидно, что

разработка эффективной стратегии перевоспитания осужденного предполагает индивидуализацию принимаемых мер, основанную на результатах глубокого изучения его личностных особенностей. Какой же вектор исследования сформировался в современной криминологии?

На наш взгляд, ответ на этот вопрос лежит с одной стороны, в плоскости проблем понимания сущности личности и ее структуры. С другой – в дифференциации видов совершаемых личностью преступлений и соотношении их с базовыми личностными характеристиками, участвующими в формировании механизма преступного поведения.

Изучение современных исследований по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, анализ криминологических подходов к пониманию сущности личности в структуре этих исследований показывает, что она (личность) предстает как некий однонаправленный, ри-

гидный, застывший феномен, где каждая из исследуемых характеристик «изолирована», выкристаллизована из целого, что не позволяет согласовать множественность психической жизни личности с эмпирическими данными. На наш взгляд, это серьезный методологический просчет.

Более того, в отдельных исследованиях предпринимаются попытки построить модель преступной личности путем выделения индивидуального своеобразия темперамента, воли, черт характера и т.д. и вписать их в причинный комплекс, причем как насильственных, так и корыстных видов преступного поведения. Аналогично используются и более комплексные характеристики, формирующие личностные профили. При этом неясно, какая теория положена в основу понимания самого феномена личности и объяснения ее своеобразия.

Преимущественно в основе криминологических эмпирических исследований структуры личности лежит теория черт Г. Олпорта и Р. Кеттела. Полагаем, что это происходит в силу очевидности предложенной структуры личности и диагностической простоты, что обеспечивает ее более полное понимание исследователями. Однако созданная на этой методологической платформе модель личности преступника мало чем отличается от законопослушной личности, а выявленные индивидуально-психологические особенности обладают слабой доказательностью отнесения их к типичным характеристикам преступников.

Практика показывает, что это типичный комплекс, состоящий из 20–25 особенностей социально-демографической, социально-ролевой, нравственно-психологической характеристик личности [2, с. 20].

В этой связи представляется целесообразным рассматривать вопросы структуры личности в контексте «соотношения содержательных тенденций, они, реализуясь в различных видах деятельности, связанных с условиями жизни, вытекают из основных отношений, т.е. стремлений, требований, принципов и потребностей...» [3, с. 38].

Заметим, что большой научный потенциал для исследования и объяснения глубинных аспектов сознания и факторов развития личности сосредоточен в контексте аналитической и гуманистической психологии (аналитическая психология К. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера, теория личности К. Роджерса и др.). Однако таких исследований единицы.

Как свидетельствует история развития криминологии, как раз по поводу личности преступника ведутся острые дискуссии, и, к сожалению, до настоящего времени не найден

общий методологический подход. При этом очевидно, что именно формирование такого подхода включает в себя решение логически взаимосвязанных вопросов: что такое личность преступника; какие свойства и состояния составляют ее содержание; какова их роль в совершении преступления; на какие внутриличностные аспекты воздействовать, чтобы предотвратить преступление. Отметим, что все эти вопросы имеют большое практическое значение.

В рассматриваемом аспекте в общей совокупности черт, признаков, отношений, характеризующих в целом личность преступника, нас, очевидно, в первую очередь должен интересовать тот комплекс отрицательных взглядов, убеждений, привычек, свойств данного лица, который, преломляясь через условия жизнедеятельности, может стать причиной преступления и который, сохранившись, может в будущем вновь запустить механизм преступного поведения. Этот комплекс в литературе принято называть антиобщественной установкой личности. Последняя является частью социально-нравственной установки личности, именно той ее частью, которая и должна подлежать разрушению и (или) замещению новой установкой в процессе перевоспитания осужденных. На практике недостаточно констатировать сам факт существования антиобщественной установки в сознании преступника. Ценным является понимание условий, факторов и механизмов ее формирования.

По содержанию и характеру различают три вида антиобщественной установки:

1) общая, «абстрактная» антиобщественная установка; лицо при этом может совершить в зависимости от конкретных условий любое преступление или любое из достаточно широкого круга преступлений различного рода. Это, пожалуй, наиболее опасный вид установки и наиболее сложный с точки зрения ее обесценивания; для носителей такой антиобщественной установки в наивысшей степени характерна выраженная ситуативность поведения, отсутствие внутреннего нравственного стержня, сколько-нибудь прочных моральных и нравственных устоев;

2) более узкая антиобщественная установка, способная породить намерение совершать преступления определенного вида, например имущественные, но не преступления против личности;

3) наконец, содержание антиобщественной установки может быть таково, что лицо оказывается способным к совершению лишь какого-то определенного преступления, например изнасилования.

С перечисленными видами тесно связано различие антиобщественных установок с точки зрения их объема, удельного веса по отношению ко всему комплексу взглядов, убеждений, привычек лица. С точки зрения глубины и стойкости, как правило, различают, с одной стороны, стойкие и укоренившиеся, а с другой – слабые, неглубокие, поверхностные антисоциальные взгляды. В свое время об этом подробнее писал А.Б. Сахаров [4, с. 162].

Безусловно, было бы неправильным или, по крайней мере, недостаточным оценивать глубину и стойкость антиобщественной установки в целом и этим ограничиваться. Для того, чтобы определить действительную степень общественной опасности виновного, отыскать верные и эффективные пути и методы его исправления и перевоспитания, решить вопрос о степени достижения результата воспитательной работы с осужденным, следует дифференцированно подходить к оценке отдельных взглядов, убеждений, привычек, образующих содержание антиобщественной установки личности.

Следует обратить внимание и на признаки, характеризующие «реактивность» антиобщественной установки, т.е. выяснить, с какой степенью легкости она может «высвободиться», реализоваться в противоправных поступках.

В науке давно стало аксиомой утверждение, что каждый поступок и все поведение в целом определенным образом мотивированы. В качестве мотивов выступают потребности разного плана от витальных до потребностей самоактуализации. Поэтому, чтобы разобраться в поведении человека, в том числе и преступном поведении, необходимо уяснить, чем оно мотивировано, т.е. необходимо изучать потребности человека, т.к. именно они, побуждая человека к активности, выступают в качестве мотивов поведения. Должно быть понятно, что истоки преступления чаще всего связаны не с особенностями воли, а с особенностями сформировавшихся нравственных и других потребностей. Для того чтобы исключить возможное неправильное толкование понятия «потребности», необходимо хотя бы коротко раскрыть его содержание. Неправильно ограничивать потребности до элементарных, имея в виду потребности в пище, одежде, жилище, сексуальные. Надо иметь в виду не только органические и материальные, но и сложные социальные потребности, выраженные в интересах, убеждениях, идеалах, в нравственных стремлениях. Такого рода мотивы социально обусловлены, т.е. зависят от условий жизни и воспитания.

Очевидно, что мотивы преступного поведения состоят из двух уровней:

1) предметный – он выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на

поверхности потребностей, в частности желание завладеть чужим имуществом и тем самым повысить собственное благосостояние и т.п.;

2) смысловой – здесь мотивация возникает, развивается и реализуется, в том числе и на бессознательном уровне, и ее содержанием, как правило, является постоянное утверждение своего «я», защита своего биологического и социального существования.

Теснейшим образом переплетаясь, взаимодействуя, взаимно дополняясь, эти уровни усиливают друг друга и мощно детерминируют преступное поведение. Подчеркивая то обстоятельство, что между объективными (внешними) и субъективными (внутренними) регуляторами существует постоянная взаимосвязь, полагаем важным сделать акцент на следующем: во-первых, творцом преобладающего числа внешних регуляторов, включая и преобразованную окружающую действительность, является человек с его субъективным, внутренним миром. Отсюда следует, что так называемый «человеческий фактор» изначально включен в систему детерминант социального поведения личности; во-вторых, в понимании диалектики внешних и внутренних регуляторов конкретно реализуется диалектико-материалистический принцип детерминизма. Именно в результате диалектического взаимодействия внешних и внутренних регуляторов и происходит сложный психологический процесс формирования и дальнейшего развития тех социально-психологических свойств личности, которые лежат у истоков ее преступного поведения и, следовательно, подлежат выявлению. Очевидно, что выяснение этих признаков может помочь уточнить иные, упомянутые выше «параметры» антиобщественной установки, тем самым правильно представить социально-психологический портрет осужденного.

Нельзя не согласиться с выводами о том, что свойства психики, приводящие к криминальному поведению, проявляются в мозаичном сочетании [5, с. 43]. И вот здесь в научном сообществе довольно часто возникает вопрос об излишней психологизации в криминологических исследованиях. Не вступая в полемику по этому вопросу в рамках настоящей статьи, подчеркнем, что криминология как междисциплинарная отрасль знания должна опираться на практический опыт и ориентироваться на получение комплексного знания, необходимого для повышения эффективности организации борьбы с преступностью.

Очевидно, что для выработки хорошо аргументированных мер по предупреждению преступности, для выявления и последующего устранения реально существующих причин и

источников вредных влияний необходимо проводить более обстоятельные криминологические исследования, чем те, которые преобладают у нас сейчас. В основном исследования сводятся к обработке статистических данных, а при изучении личности преступника в лучшем случае указывается, что причины его антиобщественного поведения связаны с недостатками школьного, семейного, культурного и иного воспитания, и почти никогда не обнаруживаются причины и условия, характерные для конкретного лица.

Нельзя не отметить недостаточность исследований в области пенитенциарных проблем личности преступников – осужденных. При этом весьма необходимо качественное использование различных методов исследования личности и поведения преступников. Следует исходить из того, что нельзя достигнуть целей наказания и добиться коррекции личности и поведения, если не опираться на данные психологического характера. Как справедливо отмечают отечественные криминологи, понять человека и его поведение, в том числе преступное, невозможно без углубленного изучения его социально-демографических, нравственных и психологических характеристик [6, с. 9].

В современных криминологических исследованиях, как правило, используются данные о возрасте, семейном положении, занятости, количестве судимостей и т.д. преступников, но эта информация обладает низкими объяснительными способностями. Однако, как известно, именно объяснение – главная функция науки, делающая ее практически значимой. И здесь акцент хотелось бы сделать на необходимости использования в криминологических исследованиях более широкого спектра научных методов познания социально-правовых явлений, которые, несомненно, противопоставляются простейшим приемам обыденного познания, основывающимся на житейско-эмпирическом наблюдении и здравом смысле. Именно методы научного познания могут выполнять функцию специфического средства получения надежной, систематической и контролируемой информации, обеспечивающей воспроизводимость научного знания. Нельзя игнорировать требования, предъявляемые к методам научного познания, основными из которых являются: теоретическая обоснованность; валидность, где одним из источников являются философские представления об истинности как соответствующей действительности либо полезной мысли, предполагающей оценку адекватности определения методом того, для измерения чего он предназначен, и выражающейся в «постановке под нагрузку» в процес-

се обследования, в частности, психического свойства, декларируемого в описании; надежность; объективность, понимаемая как независимость получения и интерпретации устанавливаемых данных от исследователя [4].

Особо следует отметить необходимость строгого выполнения условий проведения эмпирического исследования, иначе в определенной мере компрометируется сама идея изучения личности преступника. Например:

1) при обследовании правонарушителей нередко не используется контрольная группа законопослушных граждан, в результате чего остается неизвестным, насколько выявленные признаки типичны именно для правонарушителей;

2) не соблюдаются правила, обеспечивающие показательность выборочных исследований, в связи с чем весьма обязывающие выводы делаются на основании крайне недостаточного материала;

3) часто в современных научных публикациях общие выводы делаются не только на основе исследований, проводившихся на малых группах, но при разработке анкет на правонарушителей ставятся в основном такие вопросы, ответы на которые лишь подтверждают существование одних и тех же причин; вряд ли наука может удовлетворить практику выводами о том, что часть преступлений совершается в ночное время и лицами, находящимися в нетрезвом состоянии, эти выводы очевидны и с ними хорошо знакомы практические работники, больше того, они сами с успехом делают такой анализ;

4) центр тяжести переносится на анкетирование или интервьюирование, в частности у подростков, хотя из-за возрастных особенностей обследуемых очень велика опасность неточных ответов; в то же время уже имеющиеся документальные данные (в материалах школ, различных правоохранительных структурах и т.д.) используются далеко не полностью;

5) при измерении социально нежелательных черт используется прямолинейный подход и не применяются дополнительные процедуры обеспечения правдивости ответов лиц, участвующих в исследовании;

6) формирование репрезентативной выборки для проведения исследования.

Безусловно, человек как личность неповторим. Силы, движущие его поступками, индивидуальны так же, как и отпечатки пальцев. Поэтому надо исследовать каждого правонарушителя, но при исследовании нельзя не изучать и сферу жизни человека, его окружение, общественные интересы. Надо проводить исследования несколько шире и изучать влияние экономиче-

ского, социологического, культурного и социально-психологического, бытового факторов на предупреждение преступлений.

Анализ также показывает, что сейчас основное внимание уделяется изучению специальных мер предупреждения, а не исследованию общих мер, в то время как именно глубокое изучение последних помогло бы положительно решить вопросы предупреждения преступности. Полагаем, что исследователи должны обращать больше внимания на анализ эффективности различных средств воздействия, применяемых в работе по профилактике правонарушений.

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать: чтобы более успешно организовать, в частности, процесс перевоспитания на научной основе, необходимо от общих рассуждений об изучении личности преступников перейти к действительному ее изучению, основываясь на достижениях целого комплекса современных наук. При этом речь должна идти, с одной стороны, о научно-теоретических разработках. Их цель – глубокий, всесторонний анализ как личности, так и состояния самой преступности за длительный период, прогнозирование ее тенденций, оценка эффективности общих и специальных мер борьбы с нею. С другой стороны, о конкретных вопросах научно-практических исследований, составляющих неотъемлемую часть деятельности самих практических органов и проводимых с консультативной и иной помощью научных работников. Их цель – помочь оценке эффективности

работы соответствующего ведомства и его органов в разработке научно обоснованных предложений по дальнейшему совершенствованию этой работы.

Полагаем, что весьма своевременным является предложение правления Российской криминологической ассоциации, возглавляемой А.И. Долговой, о создании в рамках Ассоциации Научно-исследовательского центра, который бы помогал централизованно организовывать исследования в разных регионах по единым программам [7].

Задача научных работников – полностью учесть предложения о дальнейшем развертывании исследований, максимальном приближении их к нуждам практики, расширении совместных исследований, проводимых научными учреждениями и практическими органами по заявкам последних. В этом деле определенную роль могли бы играть разработанные системы концептуальных и прикладных рекомендаций по совершенствованию предупреждения преступности (преступлений) в современных условиях.

Говоря о необходимости развития криминологических научно-теоретических исследований и дальнейшего внедрения в практику научных методов анализа состояния и причин преступности в целях более успешной с ней борьбы, нельзя обойти вниманием образовательные программы по подготовке новых кадров для правоохранительных органов и для научно-образовательной сферы.

1. Артемьев А.И. Социология личности. 2-е изд. М., 2001.

2. Щербакова Л.М., Белая О.П., Босаков В.Н. Психологические черты личности налоговых преступников // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2012. № 4.

3. Личность и отношения человека // Проблемы личности (материалы симпозиума). М., 1969.

4. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

5. Щербакова Л.М., Белая О.П. Индивидуально-психологический профиль женщин, осужденных за насильственные преступления // Криминолог. журн. Байкал. госуд. уни-та экономики и права. 2013. № 4.

6. Антоян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004.

7. Сайт Российской криминологической ассоциации. URL: <http://crimas.ru>

1. Artemyev A.I. Sociology of identity. 2th ed. Moscow, 2001.

2. Scherbakova L.M., Belaya O.P., Bosakov V.N. Psychological personality traits of tax criminals // Criminological magazine of the Baikal state university of economics and law. 2012. № 4.

3. Personality and attitudes // Identity problems (symposium proc.). Moscow, 1969.

4. Sakharov A.B. About the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR. Moscow, 1961.

5. Scherbakova L.M., Belaya O.P. Individual psychological profile of women convicted of violent crimes // Criminological magazine of the Baikal state university of economics and law. 2013. № 4.

6. Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. The identity of the offender. St. Petersburg, 2004.

7. The website of the Russian criminological Association. URL: <http://crimas.ru>

Кравченко Наталья Александровна

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отделения
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com)

Иванов Святослав Игоревич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sviatoslavigor@gmail.com)

Причины и условия роста уровня теневой экономики (на примере Крымского федерального округа)

В статье дана оценка текущего уровня теневой экономики в туристской отрасли Крымского федерального округа, предложены меры общей профилактики экономических правонарушений, которые будут способствовать снижению общего уровня скрытой экономики в регионе. В ходе анализа выявлены причины повышения уровня теневой экономики.

Ключевые слова: теневая экономика, экономические правонарушения, туристская отрасль, коррупция, нормативно-правовое регулирование.

N.A. Kravchenko, Master of Economics, Senior Reseracher of Science-reserach and Editorial-publishing Department of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nataliakravchenko85@gmail.com;

S.I. Ivanov, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Operative and Investigative Activity and Special Technics of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sviatoslavigor@gmail.com

The reasons and conditions of growth of level of shadow economy (on the example of the Crimea federal district)

In the article are assessed current level of the shadow economy in the tourism industry of the Crimea federal district, as well as are proposed measures of general prevention of economic crime, which will contribute to reducing the overall level of the hidden economy in the region. The analysis revealed the reasons for raising the level of the shadow economy.

Key words: shadow economy, economic crimes, tourist industry, corruption, legal regulation.

Проблемы экономико-правового регулирования уровня теневой экономики, размытость границ деятельности государства в экономической сфере, формирование принципиально новых условий функционирования бизнеса в крымском регионе требуют разработки научно обоснованного и практико-ориентированного механизма государственного контроля финансово-экономической сферы в целом, а также уровня теневой экономики и коррупции в частности. Несмотря на благоприятное природно-географическое положение и наличие природно-рекреационных условий и ресурсов для развития туризма, туристская отрасль в Крымском федеральном

округе (КФО), по данным Службы статистики Республики Крым и г. Севастополя, в период с 2010 по 2014 г. обеспечивала в среднем лишь 12,5%–15% ВРП [1]. При этом потенциальные возможности отрасли значительно превышают статистические результаты. Среди основных внешних факторов, негативно влияющих на реализацию потенциала туристской отрасли региона, можно выделить: геополитические изменения, высокий уровень теневой экономики, несовершенство законодательства; недостаточность государственной поддержки; среди внутренних факторов негативное влияние оказывают: сезонность туристского бизнеса, высокий уровень износа основных фондов, низкий

уровень квалификации работников, несоответствие уровня цен на туристские услуги и продукты уровню сервиса и качества.

В данной статье предлагается оценить текущий уровень теневой экономики в туристской отрасли крымского региона и предложить меры общей профилактики экономических правонарушений, которые будут способствовать снижению уровня скрытой экономики в регионе. Оценку уровня теневой экономики в Крымском федеральном округе (КФО) можно провести следующим образом: 1) основываясь на сопоставлении взаимосвязанных статистических данных (доходов и расходов, объема имеющихся ресурсов и интенсивности их использования); 2) путем расчета технологических коэффициентов (изменение удельной электроемкости производства в курортный сезон); 3) при сопоставлении количества официально трудоустроенного населения и фактического объема рынка труда, сопоставлении среднего уровня затрат населения и объемов розничного товарооборота, использовании монетарного метода, основанного на предположении, что теневая экономика концентрируется на финансовых оборотах наличного рынка [2].

В 2013 г. уровень теневой экономики в Крыму составлял среднем 45–50% [1], что негативно отражалось на формировании доходной части бюджета, состоянии инфраструктурных объектов, в результате чего не выделялись средства на восстановление дорожного покрытия, модернизацию очистных коллекторов, инфраструктурное обеспечение бесплатных пляжей; решение проблем с вывозом и переработкой мусора и отходов и др.

Особенно актуально в КФО стоит вопрос увеличения количества незарегистрированных мест размещения и стихийной застройки прибрежных территорий. По оценкам экспертов, количество неофициальных мест размещения в регионе составляет около 3,9 тыс. частных домовладений, причем большинство из них должны быть отнесены к коллективным (более 10 человек) средствам размещения, что означает обязательную регистрацию деятельности как физического или юридического лица.

Одним из критериев, позволяющих выявить уровень теневизации, является количество туристов, посетивших регион за определенный период времени. Следует принять во внимание, что организованных туристов (приехавших по путевкам или разместившихся в официально зарегистрированных отелях) в 2013 г. было зарегистрировано только 1,37 млн чел., что составляет лишь 22% от совокупного туристского потока, а остальные 78% были размещены

неофициально, что позволяет сделать вывод о масштабах теневого сектора [3]. Проблема заключается в том, что частные незарегистрированные домовладения скрывают свои доходы и не участвуют в развитии инфраструктуры, не платят соответствующие налоги и сборы.

Более того, согласно статистическим данным деятельностью, связанной с обслуживанием туристов, на постоянной основе занимается около 4% населения Республики Крым, а во время летнего курортного сезона к ним добавляется еще около 18%. При этом около 155 тыс. чел. из них занимаются сдачей жилья в аренду для неорганизованных туристов, что свидетельствует о наличии значительной доли теневой сезонной занятости. При этом краткосрочное сезонное трудоустройство (4 мес.) не обеспечивает даже среднегодовой прожиточный минимум [4].

Однако проблема теневой занятости и сокрытия прибыли характерна не только для Крыма. Согласно исследованиям Высшей школы экономики на фоне мирового финансового кризиса, а также усиления санкционных мер в отношении Российской Федерации в период с ноября 2014 г. по февраль 2015 г. неформальная занятость в стране увеличилась на 17–18 млн чел. С учетом официально трудоустроенных граждан, получающих зарплату «в конвертах», уровень теневой занятости достигает 40%. При этом такими же темпами увеличивается объем теневой экономики с 15–17% до 20–22% [4].

Такие негативные тенденции связаны, в первую очередь, с сокращением числа малых предприятий и ужесточением денежно-кредитной и фискальной политики. Одновременно с этим растет уровень безработицы (в среднем на 19–20 тыс. чел. в месяц), причем общее число безработных, как правило, в 4 раза меньше, чем число зарегистрированных в органах занятости. Именно в таких условиях и формируется «теневой рынок» рабочей силы.

По оценке Росфинмониторинга, в КФО также актуализируются риски организационно-правового характера, возникающие в связи с переходом организаций и физических лиц в российское правовое поле, а также вовлечением новых создаваемых в Крыму организаций в теневую деятельность, масштабы которой в значительной степени сформированы в условиях прошлой украинской действительности. В данном контексте важное значение приобретает создание открытой прозрачной и лояльной финансовой системы, которая будет учитывать наиболее актуальные вопросы трансформации в новых геополитических условиях [5].

Открываются новые возможности для развития региона, сопряженные одновременно как с потенциальными возможностями для экономического роста, так и дестабилизацией и реструктуризацией всей системы управления региона. Это имеет непосредственное отношение к созданию свободной экономической зоны (СЭЗ) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

В соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» создание СЭЗ предусматривает особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны на территории Крымского федерального округа [4]. При этом преимущества СЭЗ могут рассматриваться как потенциальные угрозы для ослабленной экономики региона, с одной стороны, и провокационные стимулы для развития теневого сектора – с другой. Поскольку СЭЗ предполагает привлечение инвестиций (не менее 3 млн руб. для субъектов малого и среднего предпринимательства; 30 млн руб. для иных субъектов), особого контроля требует процедура правового обеспечения и организации торгов и открытых аукционов инвестиционных проектов.

Иными словами, истоки теневой экономики можно условно разделить на две составляющие: институциональную (несовершенство процесса планирования бюджетных средств, а в отдельных случаях неэффективное их использование) и экономическую (недопущение бюджетных средств и их хищение). Управление процессами формирования бюджета и его расходных статей, финансовыми потоками и их перераспределением относятся к полномочиям государства [6].

Так, в отсутствие или при недостаточном внедрении системы оценки рисков, а также умышленно при выделении бюджетных средств создаются условия, при которых бюджетные средства выделяются тем субъектам, по которым при более глубоком анализе выявляются наибольшие нарушения. Имеет место также и неэффективное планирование государственных расходов, поскольку действующим законодательством предусмотрена ответственность только на стадии расходования бюджетных средств (нецелевое, неэффективное использование и т.д.), что позволяет еще на ранних стадиях планирования завышать расходные статьи.

Выведение государственных средств в теневую экономику на этапе планирования государственных расходов осуществляется путем включения завышенных и необоснованных расходов (искусственное удорожание проектов). Отсутствие единой информационно-аналитической базы норм, нормативов на услуги, сжатость сроков рассмотрения бюджетных заявок при планировании государственных расходов дают возможность для включения завышенных и необоснованных расходов и установления системы «откатов». Сложность в проверке достоверности предоставляемых прайсов и цен, включаемых в бюджетную заявку, позволяет предусмотреть суммы «откатов» на стадии планирования бюджета.

Значительные административные барьеры для бизнеса, сложность процедуры оформления разрешительных документов при общих условиях несовершенства нормативных правовых актов и слабого контроля их исполнения выступают благодатной почвой для противоправных действий коррупционного характера как среди чиновников, так и среди представителей бизнеса.

Латентность коррупционных правонарушений, а также их распространенность на всех уровнях способствуют формированию правового нигилизма у предпринимателей и представителей гражданской общественности, когда каждый гражданин или хозяйствующий субъект может осуществлять свою деятельность вне правового поля.

Сегодня присутствие человеческого фактора при принятии государственных решений является одним из условий для сговора, коррупции и непрозрачности доходов государственных служащих. Кроме того, этому способствуют недостаток программ и публикаций в средствах массовой информации, слабое взаимодействие с населением по вопросам коррупции и противодействия теневой экономике.

Наиболее актуальными для государства являются вопросы выявления теневой деятельности в различных сферах экономики, что в отношении туристской отрасли КФО приобретает особое значение. Кардинальных изменений требует вся система: нормативно-правовая, экономическая и административная сферы на всех уровнях управления – федеральном, региональном и местном. Для КФО приоритетным остается направление развития туризма и рекреации, где фактически процесс узаконивания теневого туристского бизнеса следует рассматривать как последовательность реализации мер правового обеспечения и финансового

контроля. К ним можно отнести: выявление неофициальных объектов размещения, разъяснение норм и ответственности за нарушение законодательства, проведение процедуры узаконивания неофициальных объектов; обеспечение государственной поддержки и гарантий легальному бизнесу; стимулирование развития малого и среднего предпринимательства на легальной основе и многое другое [7].

Так, с точки зрения законодательства требуется введение мер: по совершенствованию нормативной правовой базы; внедрению антикоррупционных стандартов; совершенствованию системы статистического и бухгалтерского учета («открытая отчетность»); упрощению процедур юридического оформления субъектов предпринимательской деятельности; легализации неофициальных мест размещения (частных домовладений, предлагающих услуги по размещению); созданию правового поля для развития свободной экономической зоны (СЭЗ).

С точки зрения экономики необходимы: введение экономически обоснованной системы туристических налогов и сборов; дифферен-

циация налогов по видам туристической деятельности и типам субъектов; усиление финансового контроля и мониторинга; разработка и внедрение системы экономических санкций для нелегальных субъектов предпринимательской деятельности; разработка и реализация конкурентоспособной имиджевой стратегии региона; создание благоприятного инвестиционного климата.

С точки зрения административно-исполнительного регулирования – создание специализированных контролирующих органов исполнительной власти; мониторинг, выявление и устранение административных правонарушений в финансовой сфере; создание единого кадастра территорий и обеспечения контроля за целевым использованием территорий; разработка процедуры узаконивания незарегистрированного строительства; содействие развитию демократических институтов; обеспечение прозрачности формирования административного аппарата власти; внедрение механизма государственно-частного партнерства; создание межведомственных комиссий и др.

1. Аналитическая справка по итогам работы предприятий курортно-рекреационного и туристского комплекса АР Крым за 2013 год / Министерство курортов туризма АР Крым. Симферополь, 2013.

2. Национальная безопасность Украины (методология измерения) / Ф.В. Зиновьев, Н.А. Космарова, И.Ф. Зиновьев, Н.В. Апатова. и др. Саки, 2012.

3. Коллективные средства размещения Автономной Республики Крым в 2013 г.: статист. бюл. Симферополь, 2013.

4. Деловой климат в строительстве во II квартале 2015 года. М., 2015.

5. Публичный отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу в 2014 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/посл.вер.%20отчет%202014.pdf> (дата обращения: 10.06.2015).

6. Усков И.В. Система оценки эффективности управления финансами местных органов власти // Бизнес-информ. 2013. № 1. С. 56–61.

7. Глотов В.И. Финансовая безопасность России – основа суверенитета и территориальной целостности страны // Вестн. экон. интеграции. 2014. № 8–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://http://www.fedsfm.ru/press/publications/1365> (дата обращения: 10.06.2015).

1. The analytical information on the results of the resort and recreational companies and tourism complex of the Crimea in 2013 / Ministry of Tourism and resorts of Crimea. Simferopol, 2013.

2. National security of Ukraine (measurement methodology) / F.V. Zinovyev, N.A. Kosmarova, I.F. Zinovyev, N.V. Apatova, et. al. Saki, 2012.

3. Collective accommodation facilities of the Autonomous Republic of Crimea in 2013: statistical bull. Simferopol, 2013.

4. Business climate in construction in the II quarter of 2015. Moscow, 2015.

5. The public report of the Federal financial monitoring service in 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/посл.вер.%20отчет%202014.pdf> (date of access: 10.06.2015).

6. Uskov I.V. System of estimation of management efficiency by finances of local authorities // Business-inform. 2013. № 1. P. 56–61.

7. Glotov V.I. The financial security of Russia – the basis of the sovereignty and territorial integrity of the country // Bull. of economic integration. 2014. № 8–9 [Electronic resource]. URL: <http://www.fedsfm.ru/press/publications/1365> (date of access: 10.06.2015).

Пихов Аслан Хазрет-Алиевич

кандидат юридических наук,
начальник кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
(e-mail: Apihov@mail.ru)

Проблемы противодействия транснациональному экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе

В статье обосновывается целесообразность осуществления комплексного научного исследования противодействия экстремизму не только в Российской Федерации в целом, но и в отдельно взятых федеральных округах, из которых наибольшей спецификой обладает Северо-Кавказский федеральный округ, характеризующийся сложным национальным и этноязыковым составом. Автор обосновывает актуальность и выделяет направления такого научного исследования, предлагает пути совершенствования противодействия транснациональному экстремизму в Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления террористической направленности, преступления экстремистской направленности, система мер противодействия, терроризм, террористическая деятельность, экстремизм, экстремистская деятельность.

A.N.-A. Pihov, Master of Law, Head of the Chair of Activity of Law-enforcement Bodies in Special Conditions of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Ya. Kikot; e-mail: Apihov@mail.ru;

Combating transnational extremism in the North Caucasus federal district

In the article expediency of implementation complex scientific researches of counteraction to extremism not only is considered and locates in scales of the Russian Federation in general, but also in its separately taken federal districts from which the greatest specifics North Caucasus federal district which is characterized by difficult national and ethnolanguage structure possesses. The author proves relevance and allocates the directions of such scientific research, offers ways of improvement of counteraction to extremism in the Russian Federation.

Key words: crimes of terrorist orientation, crime of extremist orientation, system of measures of counteraction, terrorism, terrorist activity, extremism, extremist activity.

Противодействие экстремизму в современных условиях, усложненных складывающейся геополитической ситуацией в мире и эскалацией расовой, национальной, религиозной и иной вражды в обществе, требует формирования и непрерывного совершенствования системы мер правового и организационного характера [1, с. 5–6]. Эффективность данной системы будет зависеть от многих факторов, в том числе от степени учета региональных особенностей различных округов Российской Федерации, из которых одним из наиболее сложных, безусловно, является Северо-Кавказский федеральный округ. Противодействие экстремизму в этом регионе является актуальной задачей государства, решение которой должно строиться на основе прочного научного фундамента, включающего в себя результаты комплексных теоретико-прикладных исследований различных аспектов борьбы с проявлениями экстремистской деятельности, в том числе психологических, криминологиче-

ских, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических вопросов.

Соответствующие научные исследования целесообразно проводить системно и согласованно, что с наибольшей вероятностью может быть реализовано при организации работы единого творческого коллектива, объединяющего молодых и опытных ученых, являющихся специалистами в различных областях знания и имеющих публикации по указанным вопросам. При этом внедрение полученных результатов должно охватывать не только различные государственные и муниципальные органы власти, участвующие в противодействии экстремизму, но и образовательные и научно-исследовательские учреждения, готовящие специалистов для осуществления такого противодействия.

В настоящей статье нами обосновывается целесообразность проведения комплексного научного исследования общих вопросов и проблем противодействия экстремизму в Северо-

Кавказском федеральном округе, предполагаемым результатом которого должно стать формирование и дальнейшее совершенствование единой системы мер такого противодействия с ее отражением в проектах законов и иных нормативных правовых актов субъектов в составе данного округа, методических рекомендациях и пособиях, разъясняющих содержание и особенности применения соответствующих мер.

Научные исследования в сфере противодействия экстремизму, как правило, являются узконаправленными, поскольку посвящены изучению одного либо нескольких аспектов этой темы, оставляя на усмотрение других ученых оставшиеся без внимания стороны последней. Между тем многогранность проблемы противодействия экстремизму требует комплексного и системного подхода к своему разрешению. Кроме того, детальная научная проработка общих и частных проблем противодействия экстремизму представляется возможной только при обращении к региональным особенностям как проявлений экстремистской деятельности, так и реализуемых мер, направленных на противодействие таковой. Поэтому предлагаемая научная деятельность должна быть направлена на изучение комплекса проблем противодействия экстремизму на основе общероссийского законодательства и правоприменительной практики, и с учетом особенностей отдельно взятого регионального объединения – Северо-Кавказского федерального округа. При этом одним из направлений внедрения указанной системы должна стать программа подготовки бакалавров, специалистов и магистров, а равно программа повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в части, касающейся формирования знаний и навыков в сфере практического противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе.

Как известно, экстремизм является собирательным понятием, включающим в себя не только преступления, но и административные правонарушения. При этом основу экстремистской деятельности образуют преступления террористической и экстремистской направленности, посягающие на основы общественной безопасности и конституционного строя государства (в том числе, совершенные преступными сообществами или организациями) [см., например: 2, с. 71–72; 3, с. 15–16]. С учетом повышенной общественной опасности таких уголовно наказуемых деяний в России с каждым годом наращивается арсенал правовых и организационных мер по противодействию экстремизму и его отдельным проявлениям.

Так, Президентом РФ утверждены Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025 года [4] и Концепция об-

щественной безопасности [5]. Создана и постоянно совершенствуется нормативно-правовая база в этой сфере, внесены поправки в Уголовный кодекс РФ об ужесточении ответственности за преступления, относящиеся к экстремизму [6; 7]. На постоянной основе организована работа Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в России, реализуется Межведомственный план по противодействию экстремизму на 2013–2018 годы [8].

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия, число указанных преступлений неуклонно растет. В 2014 г. зарегистрировано 1127 преступлений террористического характера (+70,5%) и 1024 преступления экстремистской направленности (+14,3%) [9]. Поэтому система мер противодействия экстремизму нуждается в постоянном совершенствовании.

В настоящей статье мы исходим из того, что совершенствование системы мер противодействия экстремизму должна осуществляться не только на федеральном, но и на региональном и межрегиональном уровнях. При этом объединение и координацию усилий субъектов Российской Федерации в этой сфере целесообразно организовать с учетом их включения в тот или иной федеральный округ. Наше внимание направлено на Северо-Кавказский федеральный округ, с которым связаны наибольшие проблемы в контексте противодействия экстремизму.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, почти 90% преступлений террористического характера в Российской Федерации совершаются на Северном Кавказе. Так, только в 2013 г. в регионах Северного Кавказа были совершены 579 преступлений террористического характера, в том числе 9 террористических актов, что на 80% больше, чем в 2012 г., сохранилась тенденция увеличения числа ежегодно совершаемых преступлений экстремистской направленности, их рост составил 55%. По данным ГУ МВД по СКФО, в 2014 г. на территории данного округа было зарегистрировано 93 преступления экстремистской направленности [10].

Неслучайно вопрос предупреждения экстремистских проявлений на территории Северного Кавказа постоянно находится в повестке дня органов государственной власти всех уровней и органов правопорядка [11]. Например, секретарь Совета безопасности России Н. Патрушев на одном из заседаний данного органа отметил, что наибольшее число преступлений террористического характера совершается на территории Северо-Кавказского федерального округа, наибольшая террористическая активность в настоящее время отмечается в Дагестане, где в 2013 г. зафиксировано около 80% таких преступлений. В 2013 г. на территории Северо-Кавказского федерального округа выявлено около

30 фактов финансирования терроризма и незаконных вооруженных формирований, действующих в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Не меньшую обеспокоенность Совета безопасности России вызывает и рост религиозного экстремизма в данном округе. Н. Патрушев подчеркнул, что «не прекращаются попытки вытеснения традиционного ислама его радикальными течениями», имеются очаги «скрытой межнациональной напряженности», например территориальный спор между Чечней и Ингушетией, рост конфликтов между русскими и представителями кавказских этносов в Ставрополье, этнические и конфессиональные противоречия между балкарцами и кабардинцами, межнациональная напряженность в Дагестане [10].

В связи с указанными обстоятельствами Совет безопасности РФ предложил конструктивно изучить сложившуюся ситуацию и выработать действенные меры по противодействию различным проявлениям экстремизма, сформировать условия, которые создадут для экстремистов и их пособников серьезные препятствия и дезорганизуют их противоправную деятельность; проводить более эффективную национальную политику, активные наступательные действия в информационном пространстве, многоплановую профилактическую работу. При этом подчеркивается особая роль властей субъектов Российской Федерации, которые, собственно, и реализуют систему правовых и организационных мер, направленных на упреждение и минимизацию негативных последствий от радикальных националистических, религиозных и иных проявлений на территории своих регионов.

Полагаем, что решение обозначенных задач возможно без комплексного научного изучения общих вопросов и проблем противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе.

Несмотря на внимание современных ученых-правоведов (С.В. Борисов, В.А. Бурковская, С.В. Иванцов, А.В. Павлинов, А.В. Ростокинский, С.Н. Фридинский и др.) к изучению вопросов противодействия экстремизму и преступлениям, совершаемым с «экстремистской» мотивацией, проблема формирования и реализации системы мер такого противодействия на уровне отдельных федеральных округов остается практически не исследованной [12, с. 11–12].

В связи с этим проведение исследований общих вопросов и проблем противодействия экстремизму в отдельно взятом федеральном округе становится актуальной задачей административно-правовой, криминалистической, криминологической, психологической, уголовно-правовой и иных отраслей научного знания, которая может внести существенный вклад в развитие теоретических и практических основ

борьбы с проявлениями экстремистской деятельности в других федеральных округах и в России в целом.

Противодействие экстремизму требует системного, комплексного подхода, включающего в себя и качественно обновленную подготовку специалистов в данной области, что невозможно без разработки соответствующих научных и учебно-методических материалов, исчерпывающе характеризующих современное состояние деятельности по предупреждению экстремистских проявлений и борьбы с ними и предлагающих систему мер такого противодействия, способную повысить эффективность последнего.

Усиление практической направленности обучения будущих специалистов в области противодействия экстремизму и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов можно достичь за счет подготовки необходимых учебных курсов, монографических и учебно-методических материалов, ориентированных на осуществление такого противодействия в конкретном федеральном округе, где проходит обучение и осуществляется (предполагается) служебная деятельность выпускников и лиц, повышающих свою квалификацию.

Полагаем, что посредством теоретико-прикладного исследования современного состояния противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе будут систематизированы факторы, детерминирующие совершение и увеличение числа преступлений террористической и экстремистской направленности в данном округе. Систематизация и обобщение таких факторов позволит сформировать и усовершенствовать систему мер, ориентированных на устранение или минимизацию соответствующих причин и условий экстремистской преступности.

Такое исследование позволит получить и ряд практически значимых для науки результатов. В частности, может быть предложена инновационная образовательная программа, включающая систему специальных курсов по вопросам противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе (для использования в процессе обучения и повышения квалификации на базе образовательной организации).

Материалы такого исследования могут быть полезны в работе практических работников законодательных, исполнительных и судебных органов Северо-Кавказского федерального округа, представлять интерес для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов образовательных организаций данного федерального округа, использоваться при разработке курсов по юридическим и иным дисциплинам. Полученные данные могут быть использованы при подготовке и проведения конференций, круглых столов и семинаров по вопросам противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе.

1. Борисов С.В., Жеребченко А.В. *Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / под ред. С.В. Борисова. М., 2015.*

2. Борисов С.В. *Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2012.*

3. Иванцов С.В. *Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2009.*

4. *О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.*

5. *Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 20 нояб. 2013 г. Пр-2685. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/#ixzz3a7dFskxo> (дата обращения: 12.05.2015).*

6. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 302-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.*

7. *О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 433-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 52, ч. I. Ст. 6998.*

8. *Межведомственный план по противодействию экстремизму на 2013–2018 годы // МВД России. Объединенная редакция. URL: <http://www.ormvd.ru/news/16054/> (дата обращения: 12.05.2015).*

9. *Состояние преступности: январь – декабрь 2014г. // Официальный сайт МВД России: URL: <https://mvd.ru/reports/item/2994866/> (дата обращения: 12.05.2015).*

10. *О заседании Совета безопасности РФ на Северном Кавказе // Сайт Московского бюро по правам человека. URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1555-o-zasedanii-soveta-bezopasnosti-rf-na-severnom-kavkaze> (дата обращения: 12.05.2015).*

11. *В Пятигорске состоялось 14 заседание Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации // МВД России. Объединенная редакция. URL: <http://www.ormvd.ru/news/16054/> (дата обращения: 12.05.2015).*

12. Иванцов С.В. *Экстремизм и организованная преступная деятельность // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008.*

1. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. *Excitement of hatred, hostility, humiliation of human dignity: problems of establishment and realization of criminal liability / ed. by S.V. Borisov. Moscow, 2015.*

2. Borisov S.V. *Crimes of an extremist orientation: problems of the legislation and law application: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2012.*

3. Ivantsov S.V. *Organized crime: system properties and communications (criminological assessment): diss. ... Dr of Law. Moscow, 2009.*

4. *About Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025: decree of the President of the Russian Federation of Dec. 19, 2012 № 1666 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 52. Art. 7477.*

5. *The concept of public safety in the Russian Federation: appr. by the President of the Russian Federation of Nov. 20, 2013 Pr-2685. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/#ixzz3a7dFskxo> (date of access: 12.05.2015).*

6. *About modification of separate acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 2, 2013 № 302-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 44. Art. 5641.*

7. *About modification of the Criminal code of the Russian Federation: fed. law of Dec. 28, 2013 № 433-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 52, pt. I. Art. 6998.*

8. *The interdepartmental plan for counteraction to extremism for 2013–2018 // the Ministry of the Interior of Russia. Joint edition. URL: <http://www.ormvd.ru/news/16054/> (date of access: 12.05.2015).*

9. *Condition of crime: January – December, 2014 // Official site of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <https://mvd.ru/reports/item/2994866/> (date of access: 12.05.2015).*

10. *About a meeting of Security Council of the Russian Federation in the North Caucasus // Site of the Moscow bureau on human rights. URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1555-o-zasedanii-soveta-bezopasnosti-rf-na-severnom-kavkaze> (date of access: 12.05.2015).*

11. *In Pyatigorsk the 14th meeting of the Interdepartmental commission on counteraction to extremism in the Russian Federation took place // the Ministry of the Interior of Russia. Joint edition. URL: <http://www.ormvd.ru/news/16054/> (date of access: 12.05.2015).*

12. Ivantsov S.V. *Extremism and organized criminal activity // Criminal and legal ban and its efficiency in fight against modern crime: coll. of sci. papers / ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2008.*

Савенко Ирина Алексеевнакандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Виктимологический аспект коррупционных преступлений

В статье рассматриваются проблемы виктимологической профилактики коррупционной преступности. Исследуется ситуативно-виктимный тип потерпевшего. Раскрывается сущность жертвы коррупционного преступления и коррупционера.

Ключевые слова: виктимология, коррупционер, коррупционная преступность, ситуативно-виктимный тип потерпевшего, жертва, виктимность, виктимологическая профилактика.

I.A. Savenko, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Victimological aspect of corruption crimes

The article deals with the problem of victimological prevention of corruption criminality. Disclosed situational victimological type of victimization of the victim. Considered the nature of the victims of corruption crime and corrupt.

Key words: victimology, corrupt, corruption crime, situational victimological type of the victim, victim, victimization, victimological prevention.

Виктимологическая профилактика преступности является приоритетным направлением в криминологии, однако в практической деятельности органов внутренних дел данное направление борьбы с коррупционной преступностью остается самым слабым звеном.

Виктимология – это учение о жертве преступления, предметом ее исследования являются как сам преступник, так и отношения, складывающиеся между преступником и жертвой, и на этом анализе базируются теории, прогнозирующие вероятность попадания в число жертв преступлений, и методы защиты потенциальных жертв.

Рассмотрим вопрос о преступнике и жертве в коррупционной преступности. Основным доминирующим мотивом совершения преступлений данной категории является корыстный мотив (цель такого преступления – обогащение, но в последнее время выделяются группы преступников, которыми движет мотив «престижна»: назначение на более высокую должность, завоевание авторитета среди окружающих и т.д. Коррупционер действует чаще всего не в личных интересах, а в узкогрупповых или корпоративных целях посредством использования возможностей должностного или служебного положения, т.к. коррупционная преступность всегда связана с системным поведением группы лиц. Однако, занимая определенные долж-

ности в государственных или коммерческих организациях, именно из-за своего статуса должностные лица или лица, выполняющие управленческие функции, могут служить и объектом подкупа. Криминализация в Уголовном кодексе РФ таких составов преступлений, как получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп и провокация взятки либо коммерческого подкупа, прямо указывает на существование как преступника-коррупционера, так и «жертвы» коррупционной преступности.

Поскольку коррупция – это многоплановое системное массовое явление, одиночка не может быть коррупционером, он должен входить в систему, даже если действует в одиночку, «коррупцированный в материальном плане может ничего не иметь за свои услуги, а может действовать на основании иных интересов или обязательств, имеющих значение для коррупцировавшей его структуры» [1].

Мотив не может формироваться сам по себе, без влияния внешних условий, поэтому он отражает единство условий существования социальной среды и личностных качеств индивида, преломленных в этих условиях. Лица, корыстно сориентированные в психологическом плане, стремятся добиться назначения на должность не для того, чтобы способствовать нормальному функционированию государственной власти, государственных орга-

нов или коммерческих организаций, а чтобы использовать это должностное или служебное положение для извлечения выгоды не только для себя, но и узкокорпоративных интересов.

Личность коррупционера свидетельствует о наличии некоторых отличительных психологических особенностей, наполненных негативным содержанием, ценностно-нормативной мотивацией и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников.

Специфика нравственно-психологического облика коррупционера является важным фактором совершения им преступлений, однако одновременно не является психологизацией причин преступности, поскольку нравственные особенности складываются под влиянием социальных отношений среды обитания личности.

На социальном уровне в коррупционном поведении лица просматривается стремление к достижению определенного социально-ролевого положения в профессиональном плане или общественной деятельности, которое находит отражение в карьере, обеспечении материальными благами, завоевании авторитета.

На социально-психологическом уровне предполагается стремление к приобретению признания со стороны лично значимого группового окружения, т.е. признания по материальному положению, по значимости занимаемой должности. Среди коррупционеров встречаются лица, стремящиеся к утверждению на любом из перечисленных уровней, причем некоторые из них так решают свои внутриличностные проблемы, т.е. самоутверждаются.

По социальному статусу личность коррупционера существенным образом отличается от личности других преступников. Они относятся к возрастной группе от 23 до 55 лет, в основном это люди семейные, прекрасные работники (обладают исключительно деловыми качествами и достаточно высоким уровнем работоспособности), имеют высшее образование (часто не одно), стремятся к карьерному росту, но не ради честолюбия, а с целью использования своего служебного положения для достижения корыстных целей личного или корпоративного характера. В возрастном отношении это также люди с устоявшейся психикой и мировоззрением.

Коррупционеру присуща виновная виктимность, которая проявляется в стремлении получить должность в государственном или частном секторе и впоследствии предпринять все зависящие от него меры для использова-

ния должностного или служебного положения к обогащению.

Наиболее опасной формой проявления коррупционных преступлений является высокая степень их виктимогенности, ведь они причиняют реальный материальный, моральный и физический вред не только отдельным лицам, группам лиц, но и учреждениям, организациям, а также коммерческим структурам или общественным организациям и становятся «виктимобразующими».

Определение понятия «потерпевший от коррупционного преступления», отнесение к этой категории тех или иных физических или юридических лиц имеет не только теоретическое, но и практическое значение, т.к. от понимания сущности индивидуальной и групповой виктимности, уязвимости от коррупционных преступлений зависит тактика противодействия им.

В виктимологическом смысле потерпевшим является «жертва» преступления. К данному понятию можно отнести не только физических, но и юридических лиц (в случае причинения ущерба организации или государству), которым причинен материальный или не материальный ущерб (подрыв авторитета, деловой репутации и т.д.) в связи с совершением деяния, влекущего уголовную ответственность.

Виктимологический аспект коррупционных преступлений позволяет говорить о вынужденных жертвах, отличающихся ситуативно-виктимным поведением в силу истечения ситуативных факторов, которые оказались непреодолимыми. Например, руководитель предприятия, злоупотребляя своим служебным положением с целью извлечения личной выгоды, заключает ряд заведомо невыгодных договоров, в связи с чем предприятие терпит убытки и возникает задолженность по выплате работникам заработной платы. В данном случае в силу ситуативных факторов работники предприятия становятся потерпевшими, т.е. жертвами в силу обстоятельств.

Однако к жертве обстоятельств коррупционной преступности можно отнести и другое лицо, на первый взгляд, ничем не отличающееся от субъекта преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ. Например, директор предприятия с целью предотвращения убытков передает денежные средства должностному лицу, в чьи служебные полномочия входит обязанность рассмотрения документов о продлении лицензии на осуществление определенной деятельности, т.к. последний преднамеренно их не рассматривает и требует «вознаграждение».

Попробуем охарактеризовать потерпевших по их ролевому статусу: должностные лица, занимающие определенные должности, либо лица, выполняющие управленческие функции или занимающиеся общественной деятельностью, которые в силу выполнения своих профессиональных функций чаще, чем другие, оказываются потерпевшими от преступления (например, они подвергаются подкупу за совершение какого-либо действия или (бездействия), совершенного в пользу взяткодателя). В данном случае эта категория лиц может быть не только потерпевшей стороной, но и лицом, подлежащим привлечению к уголовной ответственности, если будет иметь место вымогательство взятки либо использование функциональных полномочий своего должностного или служебного положения, статуса или авторитета в корыстных личных или узкогрупповых целях. В данном примере должностное лицо может и не стать вынужденной жертвой, ведь у него есть выбор – все зависит от его нравственно-психологических компетенций, сформированных в процессе жизни, и в том числе по отношению к закону, и от того, какая мотивация им движет в процессе выполнения своих служебных обязанностей.

В отличие от коррупционера жертвами коррупционных преступлений являются не только физические лица, но и юридические (в случае причинения ущерба организации или государству). У жертв данных преступлений возрастной критерий варьируется от 16 до 60 лет. Например, в системе образования каждый третий студент подвергается вымогательству за сдачу зачета или экзамена со стороны преподавателя-коррупционера, либо при оформлении пенсии платят коррупционерам-врачам за оформление инвалидности, которая соответствует состоянию здоровья.

Жертвами коррупционного преступления могут стать лица, принадлежащие различным социальным уровням [2]. В основном жертва ставится коррупционером в такую ситуацию, при которой подкуп является единственной возможностью достичь желаемого результата, т.е. проявляется закономерность ее поведения.

На социально-психологическом уровне можно говорить о виктимизации населения. Коррупция плотно вошла в жизнь нашего общества, проникла во все сферы его функционирования, и население стало толерантно по отношению к ней. По мнению населения, проще заплатить должностному лицу и быстро получить результат в решении какого-либо вопроса, чем длительно решать его соблюдением правомерной процедуры. По сути, на сегодняшний день коррупционные взаимоотношения стали заменять правомерные.

Виктимность в поведенческом аспекте находит место в ряду причин преступности и условий, способствующих их проявлению.

Например, виктимность должностных лиц и управленцев формируется на социально-психологическом уровне за счет устойчивой убежденности россиян о несправедности богатства, за счет использования должностного положения в качестве механизма коррупционного поведения.

Низкая оплата труда должностных лиц низового звена не обеспечивает должный уровень материального обеспечения их семей и обуславливает такую ситуацию, когда население страны как бы отдано чиновничеству на откуп государством, не справляющимся со своими задачами.

Поскольку коррупция имеет глубокие социальные корни, совершение большинства коррупционных деяний становится возможным в силу коррупционной виктимности населения.

Повышение эффективности предупреждения коррупционных преступлений может быть достигнуто за счет мер виктимологической профилактики, а именно:

проведения антикоррупционной пропаганды среди различных слоев населения с привлечением образовательных учреждений;

организации правовой помощи лицам, попавшим в поле коррупционного воздействия;

целенаправленного воздействия на наиболее потенциально виктимные группы граждан, которые по роду деятельности систематически контактируют с должностными лицами и служащими различных уровней с целью формирования у них позиции активного противодействия посягательствам на их законные интересы и права.

1. *Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: учеб. / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2013.*

2. *Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2006.*

1. *Criminalistics: investigation of crimes in the sphere of economy: textbook / ed. by V.D. Grabovsky, A.F. Lubin. Nizhny Novgorod, 2013.*

2. *Rivman D.V. Criminal victimology. St. Petersburg, 2006.*

Аветисян Борис Рафаелович

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com)

Игорный бизнес как криминальный рынок услуг

Автор исследует криминальный рынок услуг, который представляет собой сложное социально-экономическое явление, имеющее общественно опасный характер. Отмечает, что азартные игры, являясь типологическим видом дефиниции «услуга», не только содержат в себе все признаки данного определения, но и включают особую, присущую только игорному бизнесу криминальную составляющую.

Ключевые слова: игорный бизнес, теневая экономика, сверхприбыль, организованная преступная группа, преступление, рынок, закон, ответственность, криминал.

B.R. Avetisyan, Post-graduate of the Chair of Criminal Law of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com

Gambling as criminal services market

The author researches criminal services market is a complex socio-economic phenomenon that is socially dangerous character. Notes that gambling, being a typological view of the definition of «service», not only contain all the hallmarks of this definition, but also include a special, peculiar only to gambling, the criminal component.

Key words: gambling, shadow economy, profit, organized criminal group, crime, market, law, responsibility, crime.

Возможность получения сверхприбыли при малой вероятности привлечения к ответственности за незаконную игорную деятельность является основной причиной вовлечения граждан в азартные игры. Истина стара как мир: смысл существования игорного бизнеса – деньги, незаконный способ получения которых позволяет отнести незаконный игорный бизнес к одному из сегментов криминального рынка.

Действительно, считая рынком (вообще и криминальным в частности) всякую группу людей, вступающих в тесные деловые отношения и заключающих сделки по поводу любого товара [1, с. 75], можно в качестве основного критерия детерминанта рынка принять «тесноту» взаимосвязей между продавцами (организаторами незаконного игорного бизнеса) и покупателями (участниками игорного бизнеса).

Исследователи склонны трактовать «криминальный рынок ... с нескольких позиций в соответствии с различными аспектами его существования, ролями в обществе...» [2, с. 10]:

в качестве самостоятельного антиобщественного института;

как часть и вид организованной преступности;

как инфраструктуру, вспомогательный институт, обеспечивающий снабжение и функционирование организованной преступности;

как объединение организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций), как фактор, способствующий взаимодействию и координации организованных преступных формирований.

Общественная опасность криминальных рынков, обусловленная сложным социально-экономическим строением, неоспорима.

Одним из проявлений организованной экономической преступности является криминальный рынок услуг, не столь развитый количественно и «компонентно», сколь развитый финансово и «прибыльно». В его структуре современными исследователями выделяются следующие виды преступной деятельности [3, с. 24]:

нелегальный бизнес, связанный с предоставлением и потреблением разрешенных в гражданском обороте услуг, осуществляемый без лицензии или специального разрешения;

бизнес, связанный с предоставлением и потреблением запрещенных в гражданском обороте услуг, которые используются субъектами криминального рынка для обеспечения его функционирования, подавления конкуренции и социального контроля, а также услуг, предназначенных для удовлетворения спроса других потребителей.

Криминальный рынок азартных игр, с учетом приведенной структуры, также демонстрирует двухстороннюю направленность.

Действительно, с одной стороны, азартные игры – это услуги, на которые есть постоянный спрос со стороны потребителей и предоставление которых приносит огромные неконтролируемые доходы субъектам игорного бизнеса.

Однако азартные игры могут быть как разрешенными (с использованием специального разрешения – лицензии), так и запрещенными законодательно (осуществляемые без лицензии или специального разрешения либо проводимые в информационно-коммуникационных сетях).

Хотелось бы также отметить, что и первые, и вторые рынки азартных игр могут использоваться представителями криминала для осуществления противоправной деятельности в сфере обеспечения функционирования организованной преступности (например, отмывание денег, «крышевание» и т.п.).

Несмотря на то, что рынки этих двух видов развивают свою деятельность самостоятельно, редко пересекаются, имеют разные типы выражения и несхожих потребителей, они неразрывно связаны общностью целей и формами реализации, более того, они едины своей сущностью – азартом и риском как со стороны организаторов, так и со стороны участников.

Рынок услуг, предоставляемых игорным бизнесом, имеет узколокальный характер. В случае реальных азартных игр предоставляемые услуги носят ярко выраженную «местечковую» направленность – игорные заведения располагаются либо на территории пяти разрешенных зон, либо незаконно функционируют в достаточно крупных городах, где потенциальных игроков больше, где присутствует лучший шанс «затеряться», где имеется соответствующая инфраструктура (помещения, оборудование, специалисты), позволяющая вести процесс игры.

Конечно, наличие незаконных игорных заведений на территории страны зависит от спроса на эти услуги со стороны потребителей, что говорит об условной возможности развития этого сегмента криминальных рынков и в малых населенных пунктах, однако наиболее значительный финансовый оборот все равно приходится на мегаполисы [2, с. 10].

Значительно сложнее дело обстоит с дистанционными азартными играми. Субъект, реализовавший свое право доступа в инфор-

мационно-коммуникационные системы и принимающий посредством этого участие в незаконных азартных играх, может находиться в любой точке мира – возможность потребления данной криминальной услуги обусловлена наличием сети «Интернет» в его компьютере и финансовыми возможностями игрока.

Незаконные услуги игорного бизнеса отличаются от законных услуг не только неимением специального разрешения или лицензии, но и отсутствием возможностей со стороны государства контролировать получаемую прибыль (соответственно, отсутствие налоговых отчислений), качество предоставляемых услуг (азартные игры могут быть опасными для жизни игрока) и т.п.

Хотелось бы также отметить, что рынок азартных игр развивается неравномерно:

услуги игорных заведений, предоставляющих реальные азартные игры, которые еще несколько лет назад были широко представлены на криминальном рынке, с усилением контроля и изменением законодательства сократились;

рынок дистанционных азартных игр, которые не были представлены достаточно широко еще пять лет назад, сегодня успешно и динамично функционирует и расширяется.

Как структурный элемент теневой экономики криминальный рынок азартных игр для обеспечения себя необходимой инфраструктурой – коммуникациями, информацией, различными видами сервиса – создает собственное экономическое и социальное пространство двух видов:

в области реальных азартных игр: материально-техническое снабжение (помещение, оборудование, интерьер); информация (помогающая в реализации преступных замыслов и обеспечивающая бесперебойное функционирование заведения); человеческие ресурсы (участники азартных игр, обслуживающий персонал, технический персонал); перемещающиеся денежные потоки (прибыль игорных заведений, взносы игроков, вложения организаторов и долевых участников, отмываемые криминальные доходы);

в области дистанционных азартных игр: материально-техническое снабжение (аппаратное и программное оборудование); информация (помогающая в реализации преступных замыслов и обеспечивающая бесперебойное функционирование дистанционного игорного заведения); человеческие ресурсы (участники азартных игр, IT-персонал, сетевые админи-

страторы, программисты); денежные потоки в электронном виде (прибыль игорных заведений, взносы игроков, отмываемые криминальные доходы).

В связи с введенными государством законодательными ограничениями [4] количества игорных заведений и мест, где они могут быть расположены, расширился рынок игорных услуг, предоставляемых незаконно, поскольку на них существовал и продолжает существовать устойчивый спрос, повлекший за собой рост преступлений данной направленности.

Проведенные нами исследования показали, что количество предоставляемых преступных услуг в области игорного бизнеса, предусмотренных ст. 171² УК РФ и 14.1.1 КоАП РФ, отражает устойчивый динамический рост.

Собранные нами статистические данные о выявленных правонарушениях в сфере реальных и виртуальных азартных игр лишь подчеркивают паллиативный характер принимаемых в данном направлении усилий. Проведенные исследования развития преступлений, совершаемых в сфере азартных игр, как сегмента криминального рынка услуг демонстрируют следующие профильные и специфические тенденции, формирующие спрос и предложение незаконных услуг (повторяемость некоторых позиций по профильным и специфическим тенденциям говорит о тесноте связи на криминальном рынке азартных игр между спросом и предложением, взаимодействии которых друг с другом порождает равновесие рынка услуг игорного бизнеса):

профильные, влияющие на предложение: рост на фоне латентности; постоянная модернизация и быстрая адаптация к мерам правового ограничения и иного социального контроля; транснационализация; расширение собственных сфер реализации в границах криминального рынка услуг; непрерывная адаптация криминального рынка игорных услуг к запросам потребителей игорных услуг; повышение уровня организованности; сращивание с коррупционной преступностью; бессистемный подход к разработке законодательных актов в сфере игорного бизнеса; недостаточно быстрые темпы развития института предупреждения и пресечения преступлений в сфере игорного бизнеса в сравнении со скоростью реагирования криминального игорного сообщества на изменение характера правоотношений; постоянный рост замещающих и/или дополняющих услуг в сфере игорного бизнеса; устойчивое снижение

амортизационных расходов на предоставляемые услуги игорного бизнеса; неконтролируемый подход к изготовлению, модернизации и дальнейшему функционированию игорного оборудования;

профильные, влияющие на спрос: постоянная модернизация и быстрая адаптация к мерам правового ограничения и иного социального контроля; транснационализация; расширение собственных сфер реализации в границах криминального рынка услуг; снижение уровня цены на замещающие услуги, низкая начальная цена на единицу услуги, рост цен на дополняющие услуги; снижение уровня цены на дополняющие услуги, низкая начальная цена на единицу услуги, рост цен на замещающие услуги; постоянное увеличение числа лиц, участвующих в азартных играх; снижение уровня материальных доходов потребителей услуг; повышение границы выигрыша в азартной игре («игра на алчность – куш»); постоянное стимулирование игроков бесплатными или низкоценовыми услугами, льготами, иными благами; отсутствие адекватных инструментов контроля рекламы услуг игорного бизнеса;

специфические, влияющие на предложение: недостаточно быстрые темпы развития института предупреждения и пресечения преступлений в сфере игорного бизнеса в сравнении со скоростью реагирования криминального игорного сообщества на изменение информационно-коммуникационных технологий; развитие информационно-коммуникационных технологий; виртуализация;

специфические, влияющие на спрос: развитие свободного и неограниченного доступа к процедуре игры; расширение возможностей осуществления оплаты и получения выигрыша; рост уровня неконтролируемых доходов, полученных в процессе азартной игры; постоянное сохранение анонимности и автономности потребителя игорных услуг.

Проблема противодействия предоставляемым незаконным услугам под протекторатом криминальных рынков имеет как для России, так и для всего мира сегодня особое значение [5, с. 116]. Кроме того, общественная опасность данного явления в последнее десятилетие приобрела новые аспекты: в настоящее время существует несколько способов ведения незаконного игорного бизнеса, причем большую долю криминального рынка услуг в данном случае занимают азартные игры, проводимые в информационно-коммуникационных сетях.

Рассматривая организацию и проведение азартных игр как проявление экономической преступности, выражающееся в противоправной предпринимательской активности, мы априори считаем, что незаконный игорный бизнес, являясь криминальным рынком, подчиняется всем законам экономики, именно экономический подход к решению проблемы незаконных азартных игр позволит остановить рост этих преступлений и добиться постепенного снижения их числа.

Преступления в сфере незаконных азартных игр обладают характеристиками, присущими криминальным рынкам, т.е. целенаправленностью, общественной опасностью, открытостью, самодетерминацией, развитием, устойчивостью, активностью, организованностью, способностью образовывать в своем противостоянии обществу систему самозащиты и др., что придает вопросам противодействия незаконному игорному бизнесу решающее значение.

1. Джевонс У.С. *Деньги и механизм обмена*. Челябинск, 2006.

2. *Борьба с криминальными рынками в России* / под общ. ред. В.В. Меркурьева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014.

3. Репецкая А.Л. *Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов* // *Криминолог. журн. ОГУ-ЭП*. 2008. № 2.

4. *О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 22 дек. 2014 г. № 430-ФЗ*.

5. Абдусаламов Р.А. *Специфика и способы совершения преступлений в сети Интернет* // *Юрид. вестн. ДГУ*. 2014. № 1.

1. Jevons W.S. *Money and the mechanism of exchange*. Chelyabinsk, 2006.

2. *The fight with criminal markets in Russia* / gen. ed. by V.V. Merkuryev; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow, 2014.

3. Repetskaya A.L. *Russian criminal services market: structure and characteristics of individual species* // *Criminological journal OGWAP*. 2008. № 2.

4. *On introducing amendment to article 171.2 of the Criminal code of the Russian Federation and articles 14.1.1 and 28.3 of the Russian Federation code about administrative offences: fed. law of Dec. 22, 2014 № 430-FL*.

5. Abdusalamov R.A. *Specificity and methods of committing crimes in the Internet* // *Legal bull. of the DSU*. 2014. № 1.

Антонов Игорь Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: docantonov@yandex.ru)

Уголовное судопроизводство: развитие нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности и совершенствование нравственного содержания уголовно-процессуального закона

В статье исследуются уголовно-процессуальное законодательство и регламентируемая им уголовно-процессуальная деятельность с позиций развития нравственных начал рассматриваемой деятельности и совершенствования положений уголовно-процессуального закона, основанного на нравственно-правовых критериях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальный закон, нравственно-правовые критерии, нравственное совершенствование.

I.A. Antonov, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: docantonov@yandex.ru

Criminal proceedings: the development of moral principles of criminal procedure activity and improvement of the moral content of the criminal procedure law

The article is devoted to the investigation of the criminal procedure law and regulated them criminal procedural activities from the viewpoint of the evolution of the moral principles of the activity in question and improvement of the provisions of the law of criminal procedure, based on the moral and legal criteria.

Key words: criminal procedure, criminal procedural activity, criminal procedure law, moral-legal criteria, moral perfection.

Развитие Российской Федерации как правового государства требует решения серьезной проблемы поиска баланса интересов личности, общества и государства, баланса в решении задачи противодействия преступности и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ходе данной деятельности. И здесь приобретает особое значение вопрос о нравственно-правовых началах уголовно-процессуальной деятельности, в процессе которой возможно наиболее серьезное ограничение конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам, поскольку именно в уголовном процессе широко применяются меры государственного принуждения.

При этом отметим, что подтолкнули к изучению указанных вопросов труды А.Ф. Кони. «Нравственным началам, – писал ученый, – принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголов-

ного процесса. Настало время осветить те разнородные вопросы, возникающие в каждой стадии процесса, которые подлежат разрешению согласно существенным требованиям нравственного закона – этого *non scripta, sed nata lex* (лат.: не писанный, а естественный закон). Формы судопроизводства теперь повсюду более или менее прочно установились... Поэтому в будущем предстоит лишь частичное улучшение некоторых отделов уголовного процесса и уточнение техники производства уголовного исследования. Но рядом с этим должно пойти развитие истинного и широкого человеколюбия на суде» [1, с. 78–79].

Актуальность мыслей А.Ф. Кони сегодня не вызывает сомнений. Идеи развития нравственных начал уголовного судопроизводства требуется воплощать в жизнь. При этом данным вопросом требуется заниматься постоянно. Все вновь принимаемые нормы уголовно-процессуального закона должны предварительно

проверяться на соответствие нравственно-правовым критериям, чтобы и законодательство отвечало нравственным требованиям, и регламентируемая им уголовно-процессуальная деятельность основывалась на началах свободы и равенства, справедливости и гуманизма, уважения чести и достоинства личности. Названные категории являются фундаментальными, сущностными характеристиками права, и именно они должны быть положены в основу организации правоохранительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства и совершенствования законодательства.

При этом право, как регулятор поведения, обладает ограниченными возможностями; его действие опирается в основном на внешние формы контроля, на принудительное применение, за которым стоит авторитет и власть государственных органов. Эффективность правового регулирования снижается, если формы внешнего контроля отсутствуют. В сфере уголовного процесса такими неурегулированными правом являются многие отношения участников между собой, а также вопросы тактики проведения следственных и иных действий. В этой области первостепенное значение приобретает нравственность, опирающаяся на правосознание субъекта правоотношений, подкрепляемое господствующими в обществе представлениями о справедливости и равенстве, свободе и гуманизме. Не случайно развитие профессиональной этики юристов началось с разработки нравственных оценок и норм взаимоотношений защитника с подзащитным [2; 3] и нравственных критериев оценки тактики проведения следственных действий [4; 5].

Сегодня законодательство при регулировании уголовно-процессуальных правоотношений не содержит таких обязанностей защитника, как обязательное согласование им позиции по уголовному делу с подзащитным; не определяет, да и не может определять в каждом конкретном случае требования к адвокату о выборе средств и методов защиты; не регламентирует подачу жалобы на процессуальные действия и решения лица, осуществляющего производство по делу, и на итоговое судебное решение с учетом мнения подзащитного и др. Закон не может определять в деталях и тактические приемы производства отдельных следственных действий. Например, при производстве допроса определение того, какие вопросы, в какой форме, в сопровождении какой информации можно ставить – это дело нрав-

ственно-правового сознания лица, осуществляющего расследование. Однако с нравственных позиций любые попытки ввести допрашиваемого в заблуждение, сообщение ему ложных сведений, оказание на него давления недопустимы. В данных и многих иных случаях нормы нравственности являются и регуляторами поведения субъектов уголовно-процессуальных отношений, и критерием оценки допустимости применяемых ими методов. И здесь на первый план выходит наука уголовно-процессуального права, которая должна вырабатывать рекомендации должностным лицам, осуществляющим производство по уголовным делам, а также иным участникам уголовного судопроизводства с ориентацией на нравственные ценности.

В этом отношении в юридической литературе верно отмечается, что в воспитании судебных кадров важное место должно быть уделено судебной этике, роль которой в формировании внутренней культуры юриста, а следовательно, и в повышении воспитательного воздействия судебных процессов, несомненна. В такой специфической области человеческой деятельности, как правосудие, этика взаимоотношений и нравственное сознание судей приобретают особый смысл, ибо целью правосудия является не только применение наказания к виновному, но и воспитание его и других граждан в духе уважения законов [6; 7].

Выработка сознательного отношения к общественному долгу, усвоение нравственных ценностей – это общие цели нравственного воспитания. При этом уголовное судопроизводство создает для реализации воспитательной функции особые условия, ведь воспитательное воздействие осуществляется в условиях конфликтных ситуаций. Поводом для общения следователя, прокурора, судьи и защитника, обвиняемого, потерпевшего выступает факт нарушения уголовного закона, а значит, совершение деяния, посягающего и на нравственные ценности. В этой связи в основу общения участников процесса изначально заложен конфронтационный характер, и цели данного общения у них разные. Конфликтный эмоциональный фон отражается на всей структуре общения, при этом именно он обеспечивает эффективность воспитательного воздействия.

Учитывая все вышеизложенное, мы никак не можем поддержать формирующуюся в последние годы в различного рода публикациях идею, когда описывается проблема правовой и нравственной несостоятельности право-

охранительной системы вообще и уголовно-процессуальной деятельности в частности. Идет процесс формирования отрицательного отношения как к самому государственно-правовому институту – уголовному судопроизводству, так и к лицам, осуществляющим производство по уголовным делам. При этом исключается из виду, что предупреждение преступлений, их раскрытие, расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу – это те виды государственной деятельности, которые обеспечивают защиту жизни, здоровья, прав и свобод личности; ограждают общество и государство от преступных посягательств. На второй план отодвигается тот факт, что цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности в сфере охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности наполнены глубоким нравственным содержанием.

Критики уголовного судопроизводства предпринимая попытки отыскать нравственное содержание в каждом следственном действии, в каждом тактическом приеме в отрыве от общего нравственного назначения уголовного процесса. Однако сомнения относительно соответствия уголовно-процессуальной деятельности принципам нравственности основаны на ошибочном подходе к нравственной стороне самих целей применения мер уголовно-процессуального принуждения и производства следственных действий.

Это, как представляется, является следствием слабой научной разработки нравственных основ уголовного судопроизводства и слабым информационно-пропагандистским сопровождением уголовно-процессуальной деятельности. Принятие Уголовно-процессуального кодекса РФ стало новым этапом в осмыслении нравственно-правовых начал деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам. Воспитательная функция нравственности в области уголовного судопроизводства требует более полноценной реализации.

В связи с этим, помимо возрастающих требований к уровню профессионального мастерства следователя, прокурора, судьи, первостепенное значение приобретают нравственные качества его личности. И чтобы воспитательная функция нравственности в области уголовно-процессуальных правоотношений нашла свое развитие, необходимо обеспечить должную подготовку юридических кадров, формирование у будущих юристов нравственно-правовой

культуры, чувства гражданского долга и высокой ответственности перед обществом.

Одна из задач настоящей работы – показать, что предъявляемые к следователю, прокурору, судье профессиональные и этические требования тесно между собой связаны. Необходимость для лиц, направляющих весь ход уголовного судопроизводства, нравственных норм обусловлена, прежде всего, их процессуальным положением. С этими нормами связаны многие проблемы: взаимоотношения следователя, прокурора, судьи с лицами, вовлекаемыми в производство по уголовным делам в том или ином качестве; этика применения мер принуждения и производства отдельных следственных действий, носящих явно выраженный принудительный характер; взаимодействие следователя с защитником, органами дознания, прокурором, судом. Этот список далеко не полный. Уголовно-процессуальная деятельность оценивается и со стороны лиц, участвующих в уголовном процессе, и со стороны общества, и самими должностными лицами, осуществляющими производство по уголовным делам. Оценке подвергается еще и личность следователя, прокурора, судьи, его профессиональные качества, уровень нравственно-правовой культуры; оценивается и процессуальное законодательство с нравственной стороны. Чтобы не потеряться в попытке оценить все эти стороны многогранной уголовно-процессуальной деятельности, автором был предпринят системный подход и разработаны нравственно-правовые критерии ее оценки [8, с. 38–95; 9, с. 125–183; 10, с. 29–33].

Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности – это нравственные нормы, на основании которых дается оценка процессуальным нормам и деятельности участников уголовного судопроизводства с точки зрения их соответствия справедливости и гуманизму, добру, свободе и ответственности, совести, чести и человеческому достоинству. Это те критерии (выработанные опытом международного и национального права, естественного права и нравственных традиций), которыми регулируется уголовно-процессуальная деятельность, на которые должны опираться органы и должностные лица при осуществлении производства по уголовному делу, а также лица, вовлекаемые в сферу уголовного процесса.

Нравственно-правовые критерии оценки уголовно-процессуальной деятельности помогают

исследовать и саму деятельность, и законодательство, ее регламентирующее, и личность следователя, прокурора, судьи, защитника и других участников уголовного судопроизводства с нравственно-правовых позиций. И что самое важное, они помогают определить направления развития уголовно-процессуального законодательства и совершенствования уголовно-процессуальной деятельности, пути повышения уровня ее эффективности, уровня гарантированности обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам. Они помогают создать концепцию нравственного совершенствования уголовного судопроизводства и решить задачи по достижению намеченных целей.

В качестве примера выделим принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Раскрывая его содержание, отметим, что соблюдение законности – не только юридическая, но и нравственная обязанность всех граждан и всех должностных лиц. Нарушение законности является правонарушением, но это есть и безнравственный поступок. Реализация, правильное применение законов всегда означает, вместе с тем, и реализацию нравственных требований, которые в законах выражены, заложены в них [11, с. 24–25]. А это значит, во-первых, что при применении закона необходимо, прежде всего, осознать нравственный его смысл, без чего применение закона может оказаться чисто формальным, а потому неправильным как с нравственной, так и с юридической точек зрения; во-вторых, то, что не только суд, прокурор, следователь должны соблюдать законность при производстве по уголовным делам, но и все остальные участники уголовного судопроизводства: защитник, эксперт, специалист и т.д. Это должно найти отражение в рассматриваемой статье уголовно-процессуального закона.

Помимо отмеченного, в содержание принципа законности включается требование о том, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

И здесь следует выделить ряд проблем нравственного свойства, связанных с принятием процессуальных (особенно окончательных) решений. Так, лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, в первую очередь это касается работы судьи, стремясь к восстановлению справедливости, к защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от пре-

ступных посягательств, сталкивается с двумя крайностями: или он опирается в своих решениях на одну лишь букву закона, забывая про его дух; или выходит за пределы своих полномочий, становится законодателем, заменяя в своем толковании существующий закон желательным, чтобы принятое решение полностью соответствовало его внутреннему убеждению.

А.Ф. Кони, поднимая данные проблемы, пишет: «Новые потребности мимо бегущей жизни обгоняют закон с его тяжелой поступью. Судье легко увлечься представлением о новом и в рамки настоящего постараться втиснуть предполагаемые веления желанного будущего. Этот прием приложения закона с точки зрения *de lege ferenda* (законодательное предположение) вместо *de lege lata* (существующий закон), однако, грозит правосудию опасностью крайней неустойчивости и случайности... С другой стороны, автоматическое применение закона по его буквальному смыслу, причем судья не утруждает себя проникновением в его внутренний смысл, и находит бездушное успокоение в словах *dura lex, sed lex* (суров закон, но это – закон), недостойно судьи. Для понимания и толкования закона необходима самостоятельность судьи и вдумчивая работа» [1, с. 87].

Статьи 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства требовали, чтобы разрешение дела не останавливалось под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов, предписывая судебным установлениям основывать свое решение на общем смысле последних. Такие ситуации требуют от судьи, прокурора, следователя знания общих положений теории права, высокого уровня нравственно-правового сознания, чтобы в общем смысле закона найти наиболее верное и справедливое его применение к сложившейся ситуации. И, несомненно, огромную роль в этом играет внутреннее убеждение лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Уголовно-процессуальный закон должен закреплять свободу совести, свободу внутреннего убеждения судьи, прокурора, следователя при принятии столь важных решений, как виновность или невиновность лица в совершении преступления. Это, в свою очередь, должно обеспечиваться законодательно закрепленными гарантиями независимости при оценке доказательств.

В целом можно подчеркнуть, что основополагающие начала – принципы уголовного судопроизводства определяют всю правозащитную направленность уголовно-процессуальной

деятельности и ее нравственную сущность, в связи с чем их более точное формулирование в законодательстве с нравственно-правовых

позиций позволит повысить нравственное содержание уголовно-процессуального закона и регламентируемой им деятельности.

1. Кони А.Ф. *Избранные труды и речи*. Тула, 2000.

2. Бойков А.Д. *Этика профессиональной защиты по уголовным делам*. М., 1978.

3. Полянский Н.Н. *Правда и ложь в уголовной защите*. М., 1927.

4. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. *Судебная этика*. Воронеж, 1973.

5. *Проблемы судебной этики* / под ред. М.С. Строговича. М., 1974.

6. Бойков А.Д. *Уголовное судопроизводство и судебная этика // Курс советского уголовного процесса. Общая часть*. М., 1989.

7. *Настольная книга судьи*. М., 1972.

8. Антонов И.А. *Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей*. СПб., 2003.

9. Антонов И.А. *Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): дис. ... д-ра юрид. наук*. СПб., 2005.

10. Антонов И.А. *Уголовно-процессуальная деятельность: нравственно-правовые критерии ее оценки // Вестн. Калининград. филиала С.-Петербур. ун-та МВД России*. 2012. № 2.

11. Возгин И.А., Сальников В.П. *Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел*. СПб., 2000.

1. Koni A.F. *Selected papers and speeches*. Tula, 2000.

2. Boykov A.D. *Ethics of professional criminal defense*. Moscow, 1978.

3. Polyansky N.N. *Truth and lies in criminal defense*. Moscow, 1927.

4. Gorsky G.F., Kokorev L.D., Kotov D.P. *Judicial ethics*. Voronezh, 1973.

5. *Issues of judicial ethics* / ed. by M.S. Strogovich. Moscow, 1974.

6. Boykov A.D. *Criminal proceedings and judicial ethics // The Course of the Soviet criminal process. The General part*. Moscow, 1989.

7. *Table book of judges*. Moscow, 1972.

8. Antonov I.A. *Moral and legal criteria of criminal procedural activities of investigators*. St. Petersburg, 2003.

9. Antonov I.A. *Moral and legal principles of criminal procedural activities (theoretical ideas and practice): diss. ... Dr of Law*. St. Petersburg, 2005.

10. Antonov I.A. *Criminal procedural activity: the moral and legal criteria of its evaluation // Journal of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg university of the Ministry of the Interior of Russia*. 2012. № 2.

11. Vozgin I.A., Salnikov V.P. *New information support of law enforcement activities of the internal affairs bodies*. St. Petersburg, 2000.

Лозовский Денис Николаевичдоктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу о проведении судебных экспертиз по делам экстремистской направленности

В статье рассматриваются актуальные вопросы производства экспертизы в ходе расследования преступлений экстремистской направленности. Исследуются особенности ее проведения, анализируется порядок постановки вопросов эксперту.

Ключевые слова: экстремизм, расследование преступлений, производство экспертиз.

D.N. Lozovsky, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

To the question of the forensic examinations in cases of an extremist nature

The article is devoted to topical issues of manufacturing expertise in the investigation of extremist crimes. The peculiarities of its implementation are considered, the order of questions to the expert is analyzed.

Key words: extremism, investigation of crimes, production of expertise.

В связи с ростом преступлений экстремистской направленности и необходимостью повышения эффективности их расследования актуальной проблемой является выявление и криминалистическая оценка различных материалов, распространяемых средствами массовой коммуникации, а также агитационных и пропагандистских материалов на предмет наличия в них признаков экстремизма. На значимость исследований, связанных с проблемами экстремизма, указывает и создание при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, а также обоснование необходимости разработки Стратегии государственной национальной политики РФ.

Как показывает практика, основной способ доказывания факта экстремистской деятельности состоит в назначении и производстве судебной экспертизы на предмет наличия признаков экстремизма [1, с. 3].

Психологическое исследование материалов СМИ и публичных выступлений, их смысловой направленности на практике осуществляется в форме судебной психолингвистической экспертизы. Психолингвистическая экспертиза является особым видом судебной психологической экспертизы, отличаясь своей предметной областью, особым объектом исследования, специфическими методами. В свою очередь, одним из направлений данного вида экспертиз

является изучение материалов масс-медиа, направленных на возбуждение вражды и ненависти. Объектом такого исследования является сообщение СМИ, материалы публичного выступления, а предметом – смысловая направленность этого материала.

Предмет экспертного исследования определяет профессиональную компетенцию специалистов, привлекаемых для его производства. В целом можно выделить три подхода к анализу смысловой направленности материалов подобного рода, сложившихся в рамках различных наук. Первый – лингвистический подход, объектом которого является язык сообщения, словесные средства, использованные автором для формирования определенной смысловой направленности сообщения. Второй – психолингвистический подход, анализирующий особенности речи автора. Наконец, третий – социально-психологический – направлен на изучение коммуникации между автором и аудиторией (посредством сообщения СМИ) как элемента человеческого общения в структуре массовых коммуникативных процессов.

Таким образом, подобные экспертизы должны проводиться специалистами-психолингвистами, филологами и социальными психологами, специализирующимися в области изучения средств массовой информации. Экспертизу может проводить как единолично специалист, профессионально владеющий знаниями и

методами психолингвистики и социальной психологии, так и комиссия из специалистов в области социальной психологии и лингвистики. В этом случае назначается проведение комплексной экспертизы. Эта экспертиза не проводится в экспертно-криминалистических подразделениях МВД.

На экспертизу необходимо предоставить оригиналы документов, а не переработанные, переосмысленные версии или выдержки, с отражением различных реквизитов, таких как выходные данные, без отрыва документа от общего смыслового контекста.

К формулировкам вопросов эксперту предъявляются следующие требования.

1. Формулировки вопросов должны быть адекватны предмету экспертизы. Отвечая на них, эксперт должен раскрыть смысловую направленность изучаемого материала, определить, нацелен ли он на возбуждение вражды и ненависти по отношению к той или иной группе (этнической, конфессиональной, социальной) и ее представителям, на унижение человеческого достоинства, а также выявить, какими средствами пользовался коммуникатор для достижения поставленной цели.

2. Формулировки вопросов должны быть адекватны материалу, представленному эксперту для исследования и подготовки заключения. Тип материала, его содержание, объем, форма подачи во многом определяют специфику вопросов, которые следует ставить перед экспертами.

3. Содержание вопросов должно соответствовать области профессиональной компетенции эксперта. Недопустимо, когда неверно сформулированный вопрос провоцирует эксперта к обсуждению проблем, выходящих за рамки его профессиональной компетенции, например, побуждает высказать мнение о правовых аспектах деяния.

4. Вопросы должны быть четко и ясно сформулированы, что необходимо для точного и однозначного понимания экспертом своей задачи. Неопределенные, двусмысленные формулировки усложняют задачу, стоящую перед экспертами, могут их неверно сориентировать при анализе материала.

Перед экспертами целесообразно ставить следующие вопросы:

1. Содержат ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и нега-

тивные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной, социальной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

2. Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

3. Использованы ли в данном материале специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-либо нации, расы, религии, социальной группы или отдельных лиц как ее представителей?

Возможен и другой подход к постановке вопросов экспертам, когда их формулировки практически дословно повторяют отдельные признаки возбуждения вражды, например:

1. Содержатся ли в данном материале утверждения, в которых всем представителям этнической или религиозной группы приписывается стремление следовать древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой?

2. Содержатся ли в данном материале утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других?

В этом случае вопросы являются более частными и одновременно более конкретными, а их перечень существенно увеличивается.

В зависимости от типа изучаемого материала, его объема, особенностей содержания, формы подачи и др., правоприменитель, назначивший проведение судебной психолингвистической экспертизы, может задавать и иные, дополнительные вопросы, существенные для определения смысловой направленности исследуемого материала. Так, возможна, например, постановка следующих вопросов.

1. Могут ли высказывания, содержащиеся в данном материале, оказывать влияние на формирование или изменение массового сознания и служить мировоззренческой основой для ультрарадикальных социальных, религиозных или националистических устремлений (каких именно)?

2. Может ли содержание данного материала оказать влияние на сознание аудитории путем формирования или подкрепления негативных стереотипов, предвзятых представлений о тех

или иных нациях, расах, религиях, социальных группах, возбуждения чувства враждебности, неприязни по отношению к ним?

3. Содержатся ли в данном материале положения (какие именно), оправдывающие либо доказывающие правомерность применения насилия в межнациональных, межрасовых, межрелигиозных, социальных отношениях либо способствующие формированию таких установок в сознании людей?

При назначении экспертиз следователями допускаются следующие типичные ошибки:

нарушение порядка разъяснения эксперту его прав и ответственности и дачи им соответствующей подписки;

несоответствие исследовательской части заключения поставленному вопросу, нередко отсутствие исследовательской части (вместо нее приводятся отвлеченные рассуждения на заданную инициатором задания тему);

отсутствие в заключении экспертов-лингвистов указания на использованные методики и примененные методы;

отсутствие описания объекта, представленного на исследование, либо, наоборот, излишне подробное его описание – приведение размеров использованных шрифтов, гарнитуры, абзацных отступов и т.п.;

отсутствие аргументации при формулировании экспертных выводов. – в некоторых заключениях эксперты недостаточно обосновывают, а иногда вообще не аргументируют сделанные ими выводы, что делает их фактически голословными, декларативными – это, в частности, проявляется в отсутствии ссылок на исследуемые материалы, что впоследствии не дает возможность проверить обоснованность сделанных экспертами выводов;

выход за рамки компетенции – здесь возможны два вида ошибок: во-первых, это вторжение в компетенцию другого эксперта, а во-вторых, осуществление функций правоприменителя [1, с. 23].

Таким образом, расследование преступлений экстремистской направленности требует привлечения специальных знаний и сопровождается необходимостью назначения судебной психолингвистической экспертизы.

1. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: теоретические и методические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

1. Podkatilina M.L. Forensic linguistic examination of extremist materials: theoretical and methodological aspects: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.

Садыков Абу Увайсович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zida@inbox.ru)

Проблемы правового регулирования дознания в сокращенной форме

В статье рассматриваются вопросы введения нового института – дознания в сокращенной форме. Автором проведен анализ условий для производства дознания в сокращенной форме, выявлены пробелы и коллизии уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: дознание, дознание в сокращенной форме, дознаватель, обвинительное постановление, предварительное расследование, предмет доказывания.

A.U. Sadykov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zida@inbox.ru

Problems of legal regulation of inquiry in abbreviated form

The article is devoted to the introduction of a new institution – the inquiry in an abbreviated form. The author analyzes the conditions for the inquiry in an abbreviated form, identified gaps and conflicts of criminal procedural law.

Key words: inquiry, inquiry in the abbreviated form, investigator, indictment ruling, preliminary investigation, subject of proof.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] введен институт сокращенной формы дознания по уголовным делам небольшой и средней тяжести (гл. 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ) [2]. Цель внесенных изменений – упрощение процедуры расследования уголовных дел о преступлениях небольшой, средней тяжести, а также эффективности деятельности органов предварительного расследования.

В первую очередь следует обратиться к правилам, которые характерны для данной формы дознания. Основанием для данного производства является ходатайство подозреваемого и его защитника. Такое ходатайство подается подозреваемым в письменной форме в течение двух суток после того, как ему будут разъяснены соответствующие права, предусмотренные ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ. В случае поступления ходатайства дознаватель выносит постановление об его удовлетворении и о производстве дознания в сокращенной форме (п. 1 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ).

Законодатель устанавливает наличие обязательных условий для производства дознания в сокращенной форме, которые регламентированы ст. 226.1, 226.2 УПК РФ:

1) уголовное дело возбуждено в отношении лица, совершившего одно или несколько пре-

ступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда;

3) отсутствуют основания, установленные гл. 51 УПК РФ о применении принудительных мер медицинского характера;

4) подозреваемый по возрасту достиг совершеннолетия и не относится к той категории участников, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ;

5) подозреваемый владеет языком, на котором осуществляется судопроизводство;

6) требуется согласие потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме.

Для производства дознания в сокращенной форме характерным является предмет доказывания по уголовному делу. Так, доказыванию подлежат следующие обстоятельства: во-первых, событие преступления; во-вторых, характер и размер причиненного преступлением вреда; в-третьих, виновность субъекта в совершении преступления.

Особенности доказывания проявляются также в следующих правах, принадлежащих дознавателю: 1) он может не проверять доказательства, которые не оспариваются подозреваемым, его защитником, потерпевшим и

(или) его представителем; 2) не допрашивать тех лиц, от которых в ходе рассмотрения заявления (сообщения) о преступлении были получены объяснения. Исключение составляют случаи, когда необходимо установить дополнительные фактические обстоятельства, которые имеют значение для дела и сведения о которых отсутствуют в материалах предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении. Аналогичная ситуация возникает и тогда, когда необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении; исключения составляют следующие случаи: а) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; б) необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; в) наличие оснований для обязательного назначения судебной экспертизы, указанных в ст. 196 УПК РФ; 4) не производить иные процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении, если подобные сведения соответствуют требованиям, которые предъявляются нормами уголовно-процессуального законодательства к доказательствам (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Дознание в сокращенной форме имеет и другие существенные особенности. В частности, срок предварительного расследования составляет 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Обязательным является участие защитника. По окончании дознания в сокращенной форме составляется обвинительное постановление (ст. 226.7 УПК РФ). В законе установлен срок (не позднее 3 суток) со дня составления обвинительного постановления, в течение которого обвиняемый, его защитник, а при наличии ходатайства – потерпевший и (или) его представитель должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением, а также материалами уголовного дела (ч. 4 ст. 226.7 УПК).

В юридической литературе называются отрицательные последствия введения исследуемой формы дознания. В частности, отдельные авторы называют тот факт, что задачи уголовного судопроизводства, прежде всего,

охрана прав и свобод граждан, в ходе расследования не реализуются в полном объеме. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что о своем праве заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подозреваемый узнает лишь при производстве допроса, о чем в протоколе делается соответствующая отметка. Заявить такое ходатайство подозреваемый вправе не позднее двух суток со дня, когда ему было разъяснено указанное право, и лишь с момента заявления ходатайства в дело вступает защитник (ч. 2 ст. 51 УПК РФ). Поэтому возникает риск осуждения невиновного, самооговор, который может быть вызван самыми разными причинами. Это могут быть уговоры, ложные обещания, угрозы со стороны лиц, производящих расследование [3, с. 48]. Заметим, что законодатель в гл. 32.1 УПК РФ дважды упоминает о самооговоре. Во-первых, речь идет о направлении прокурором уголовного дела для осуществления дознания в общем порядке «при наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого» (подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ). Далее о самооговоре подсудимого сказано в ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, где он также рассматривается в качестве основания возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дознания в общем порядке.

Следует обратить внимание и на правила о пределах доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Они сводятся к тому, что дознаватель не обязан устанавливать все обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ. Из содержания ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ следует, что доказательства собираются в объеме, который является достаточным для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом отдельных особенностей, которые предусмотрены названной нормой. По сути, дознаватель обязан лишь допросить подозреваемого. Такой вывод напрашивается в результате анализа положений ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ. Иные процессуальные действия он вправе производить лишь по своему собственному усмотрению, ориентируясь на сведения, которые были получены в период проверки сообщения о преступлении. Исключение из этого правила представляют случаи, когда эти доказательства оспорены, а фактические обстоятельства, которые стали известны в ходе проверки сообщения о преступлении, поставлены под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Проанализировав положения гл. 32.1 УПК РФ и ст. 73 УПК РФ, можно сделать вывод, что дознаватель в ходе расследования осво-

бождается от установления некоторых обстоятельств, например, тех, которые исключают преступность деяния и могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Законодатель в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ указывает на необходимость устанавливать форму вины субъекта, совершившего общественно опасное деяние, а также мотивы совершенного преступления. Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ дознаватель обязан выявлять при производстве по уголовному делу обстоятельства, которые способствовали совершению преступления.

Можно сказать, что в настоящее время возникла коллизия норм ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ и ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ. В последней названной норме указано, что в обвинительном постановлении дознавателю следует указывать обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 ст. 225 УПК РФ. В этом перечне названы обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, мотивы и цели совершенного деяния, которые должны быть отражены в обвинительном постановлении.

Следует также отметить, что обстоятельством, которое препятствует производству дознания в сокращенной форме, является возражение потерпевшего. При этом потерпевший и (или) его представитель вправе заявить отказ в любой момент уголовного судопроизводства вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В этих случаях дознание необходимо начинать заново в общем порядке. В юридической литературе высказано вполне обоснованное мнение, что это правило сводит на нет сущность сокращенной формы дознания, поскольку дознание в этой ситуации значительно увеличивается, а не сокращается. Поэтому необходимо в уведомление потерпевшему разъяснить его право возражать против производства дознания в сокращенной форме и устанавливать срок для принятия такого решения [4, с. 144].

Статья 144 УПК РФ наделяет лицо, производящее проверку сообщения о преступлении, правом получать объяснения. Это означает, что дознаватель вправе не допрашивать тех лиц, которые были опрошены в ходе такой проверки, если установлены фактические обстоятельства, которые имеют значение для дела (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Однако получение объяснения, хотя по форме и схоже с производством такого следственного действия, как допрос, но содержащиеся в нем сведения получают вне требований, предъявляемых к производству следственных действий. Этим объясняется

острая дискуссия, которая продолжается на протяжении длительного времени, о допустимости в качестве доказательств сведений, зафиксированных в объяснениях. Ранее суды не признавали объяснения в качестве источников доказательств. Поэтому следователи, дознаватели вынуждены были после возбуждения уголовного дела допрашивать лиц по тем же самым обстоятельствам, по которым они давали объяснения в процессе проверки сообщения о преступлении. В юридической литературе указывается, что содержание объяснений таких лиц в 96,3% случаев идентично содержанию протоколов их допросов [5, с. 110]. В других работах упоминается об идентичности в 100% случаев [6, с. 134].

В настоящее время законодатель предусмотрел в отношении лиц, которые вовлекаются в процедуру проверки сообщений о преступлениях, необходимость разъяснять принадлежащие им права и обязанности, предусмотренные УПК РФ. Возникает вопрос: какие именно права и обязанности нужно разъяснять участникам процессуальных действий, помимо перечисленных в самой ч. 1.1 ст. 144 УПК? В данной стадии не определен юридический статус конкретного участника уголовного судопроизводства, за исключением специалистов, экспертов и понятых в случаях их участия в следственных действиях, проводимых до возбуждения уголовного дела. Пока у них нет соответствующего статуса, отсутствуют права и обязанности конкретных участников уголовного судопроизводства, включая закрепленное в Конституции РФ право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников (ч. 1 ст. 51). Помимо этого в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предусмотрено, что материалы могут использоваться в качестве доказательств лишь в том случае, если содержащиеся в них сведения получены с соблюдением положений ст. 75 и 89 УПК РФ, а значит, с соблюдением иных норм УПК РФ. Как известно, доказательства по уголовному делу должны обладать свойством допустимости. Это в полной мере касается требований, в соответствии с которыми необходимо предупредить лицо, которое согласилось дать показания, о том, что эти показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от них (ч. 2 ст. 11, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Помимо этого, потерпевшие, свидетели должны быть предупреждены об уголовной

ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ч. 5 ст. 164 УПК), за исключением лиц, в отношении которых действует свидетельский иммунитет. Однако как в ст. 144 УПК, так и в иных статьях, регулирующих вопросы проверки сообщений о преступлении, подобные правила отсутствуют, что не позволяет вести речь о признании в качестве доказательств сведений, которые содержатся в объяснениях (ч. 1.2 ст. 144 УПК) [7, с. 41].

Поэтому на законодательном уровне необходимо предусмотреть порядок получения объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении, определить форму и содержание данного процессуального документа, а также указать вид доказательства, к которому следует относить эти сведения [4, с. 145]. Аналогичная точка зрения высказана и другими учеными [8, с. 135]. Некоторые авторы предлагают закрепить не процессуальный порядок получения объяснений, а заменить его допросом [7, с. 41].

С последней точкой зрения сложно согласиться. Представляется целесообразным включить объяснения в перечень доказательств, регламентированный в ст. 74 УПК РФ. Нельзя признать объяснения «иными документами» по уголовному делу (ст. 84 УПК РФ), поскольку сведения, зафиксированные в них, имеют характер показаний и должны обладать соответствующим статусом [9, с. 24].

По мнению Т.К. Рябининой, закон предусматривает сложную процедуру дознания. В течение кратчайшего срока дознаватель должен совершить большое количество процессуальных действий: признать потерпевшим лицо, которому причинен вред преступлением; разъяснить подозреваемому его права и последствия заявления ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме; выполнить особый порядок сбора доказательств; детально про-

извести процедуру ознакомления сторон с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела и многое другое. Поэтому вместо появления нового, действительно скорого дознания розыскного типа, наряду с уже существующим громоздким дознанием, возникла еще одна, более формализованная процедура дознания [10, с. 48].

Позволим не согласиться с высказанной точкой зрения и обратим ретроспективный взгляд в недалекое прошлое. УПК РСФСР 1960 г. для ранее существующей протокольной формы досудебной подготовки материалов в 10-дневный срок не предусматривал каких-либо исключений для установления обстоятельств, которые входили в предмет доказывания. При этом проведенные в 1995 г. исследования ученых ВНИИ МВД России показали, что «число судебных ошибок по материалам протокольного производства не превышает обычного... и судом возвращается примерно 2,6% материалов этого производства». В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что недостатки, которые были выявлены при протокольном производстве, не превысили общего, закономерного уровня, а потому не являются свидетельством порочности данной уголовно-процессуальной формы [11, с. 10].

Подводя итог, необходимо еще раз акцентировать внимание на совершенствовании норм УПК РФ.

Во-первых, ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ следует дополнить положением: «Если указанных доказательств в совокупности недостаточно, то дознаватель обязан осуществить собирание, проверку и оценку доказательств в соответствии с правилами ст. 85–88 УПК РФ».

Во-вторых, в перечень доказательств, регламентированный в ст. 74 УПК РФ, следует включить объяснения участников уголовного процесса, которые получены в ходе проверки сообщений о преступлении.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875; № 52, ч. 1. Ст. 6997.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ) //

1. Amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL (ed. of Dec. 28, 2013 № 432-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875; № 52, pt. 1. Art. 6997.

2. Criminal procedure code of the Russian Federation of Dec. 18, 2001 № 174-FL (ed. of June 8, 2015 № 140-FL) // Coll. of legislation

Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; 2015. № 24. Ст. 3367.

3. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2013. № 7.

4. Василенко Л.А., Науменко О.А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. 2013. № 2(44).

5. Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлении. Тамбов, 2010.

6. Зайцев О.А., Джагаев У.Ф. К вопросу о свидетельствовании в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2(44).

7. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщений о преступлении // Законность. 2014. № 7.

8. Башинская И.Г. Правовая основа и практика получения письменных объяснений в стадии доследственной проверки // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012. С. 135–140.

9. Воскобойник И.О., Гайдышева М.Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. 2013. № 5.

10. Рябинина Т.К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Рос. следователь. 2013. № 19.

11. Григорьев Д.А. Ускоренная форма досудебного производства по уголовному делу и права человека // Мировой судья. 2011. № 6.

of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; 2015. № 24. Art. 3367.

3. Kruglikov A.P. Addition of the new of the Criminal procedure code with the new chapter about the inquiry in an abbreviated form, and some of the problems of differentiation of the criminal justice // Russian justice. 2013. № 7.

4. Vasilenko L.A., Naumenko O.A. Enquiry in summary form and its efficacy in pretrial proceedings // Society and law. 2013. № 2(44).

5. Kopylova O.P. Checking statements and reports of crimes. Tambov, 2010.

6. Zaitsev O.A., Jagaev U.F. On the issue of testimony in criminal proceedings // Society and law. 2013. № 2(44).

7. Karetnikov A.S., Koretnikov S.A. Investigative actions as a means of checking the reports of crime // Legality. 2014. № 7.

8. Bashinskaya I.G. The legal framework and practice of receiving written explanations in pre-investigation stage // Actual problems of law and law enforcement activity at the present stage: proc. of the Intern. sci. and pract. conf. Krasnodar, 2012. P. 135–140.

9. Voskoboynik I.O., Gaydysheva M.G. Problems of formation of the evidence base when checking reports of crimes // Law practice. 2013. № 5.

10. Ryabinina T.K. Enquiry – independent form of pretrial proceedings // Russian investigator. 2013. № 19.

11. Grigoriev D.A. Express form of pre-trial criminal proceedings and human rights // Magistrate. 2011. № 6.

Адаменко Игорь Евгеньевичкандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

К вопросу об объективных и субъективных факторах, определяющих уголовно-процессуальную деятельность

Статья посвящена осмыслению роли и места объективных и субъективных факторов, определяющих уголовно-процессуальную деятельность. Показано влияние бытия на формирование объективного фактора уголовно-процессуальной деятельности. Произведено осмысление роли сознания в становлении субъективного фактора уголовно-процессуальной деятельности. Осуществлена классификация бытия уголовно-процессуальной деятельности на реальное и идеальное бытие.

Ключевые слова: объективный фактор, субъективный фактор, уголовно-процессуальная деятельность, сознание, бытие, ценности, идеи, факты.

I.E. Adamenko, Master of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

On the question of objective and subjective factors determining the criminal procedure activity

The paper considers the role and place of objective and subjective factors determining criminal procedure activity. Shows the influence of being on the formation of the objective factor of criminal procedure activity. Produced comprehension the role of consciousness in the formation of the subjective factor of criminal procedure activity. Have been classified being of criminal procedure activity on the real and the ideal being.

Key words: objective factor, subjective factor, criminal procedure activity, consciousness, being, values, ideas, facts.

Рассмотрение факторов, определяющих уголовно-процессуальную деятельность, начнем с установления исходных положений, а именно того, что понимается под объективными и субъективными факторами уголовно-процессуальной деятельности. Сами по себе объективный и субъективный факторы «не обладают свойствами уголовно-процессуальной деятельности, как целостного явления» [1, с. 10]. Однако мы смело можем утверждать: верное понимание частного ведет к познанию целого, а не наоборот. В свое время известный исследователь по этому поводу писал: «Общее и целое – не забудем – это отвлечения, выведенные из знания частного» [2, с. 414–415].

Объективный и субъективный факторы уголовно-процессуальной деятельности – это проявление частных уголовно-процессуальной деятельности. Их познание влечет за собой понимание уголовно-процессуальной деятельности в качестве целостного явления. Конечно, сказанное не означает того факта, что объективный и субъективный факторы уголовно-процессуальной деятельности облада-

ют свойствами целого. Вовсе нет, объективный и субъективный факторы уголовно-процессуальной деятельности не наделены свойствами целого. Однако их познание способствует пониманию уголовно-процессуальной деятельности в качестве целостного явления.

Необладание объективным фактором и субъективным фактором свойствами целого на уровне уголовно-процессуальной деятельности дает нам основание в настоящем исследовании говорить о нижеследующем. В целом уголовно-процессуальная деятельность содержит в себе как субъективный фактор, так и объективный фактор. Классически понятия «субъективный фактор» и «объективный фактор» определяют соотношение между сознательной деятельностью человека и обстоятельствами, в которых он действует. При этом истоки объективного фактора обычно связывают с бытием, которое наделяется метафизическими свойствами. Например, Н. Гартман пишет: «Бытие – это последнее, о чем еще допустимо спрашивать. Но последнее никогда не может быть определено. Определять можно, только

используя в качестве основы что-то другое, что находится позади искомого. Однако последнее таково, что за ним уже ничего не стоит» [3, с. 57].

Наделение бытия метафизическими свойствами влечет за собой цепную реакцию, состоящую в том, что вслед за бытием метафизическими свойствами начинает наделяться и объективный фактор. Вполне возможно, что объективный фактор наделяется метафизическими свойствами [4, с. 335–350]. Ведь объективный фактор в совокупности с субъективным фактором образует целое единство, а именно нашу жизнь, т.е. бытие. В таком контексте взаимосвязь бытия и сознания была весьма точно определена К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые в свое время писали: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие есть реальный процесс их жизни» [5, с. 25]. Сознание в большей мере является не продуктом природы (биологии) [6, с. 27–33], а результатом бытия. «Мозг, – отмечает В.Ф. Юлов, – обеспечивает способ существования сознания, но не определяет его содержание и активность» [7, с. 20–27].

Содержание и активность сознания определяются бытием. Бытие представляет собой жизнь. В нашем случае бытие является не чем иным, как жизнью российского народа, которая проявляется в различных формах. В широком смысле к одной из таких форм жизни следует отнести уголовно-процессуальную деятельность. Жизнь уголовно-процессуальной деятельности – это есть ее бытие. Как бытие уголовно-процессуальную деятельность целесообразно рассматривать в двух аспектах, а именно реального и идеального бытия. При всей условности подобного разделения в нем имеется глубокий смысл. Он заключается в следующем.

Реальное бытие уголовно-процессуальной деятельности в настоящем исследовании связано с сосуществованием, а идеальное бытие уголовно-процессуальной деятельности – с сущностью. Реальное бытие уголовно-процессуальной деятельности – это то, что передается самой жизнью должностным лицам при производстве по уголовному делу. Она является своеобразным «университетом жизни», формирующим жизненный опыт, который в последующем воплощается в действиях и решениях указанных должностных лиц. Как правило, в большинстве своем реальное бытие уголовно-процессуальной деятельности передает должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, все необходимое,

включая и средства, которые позволяют своим потенциалом обеспечивать достижение «древа целей» уголовного процесса.

Такое обеспечение является действенным независимо от некоторых формальных обременений, включая и правовое обременение. Так, УПК РФ стратегически отказался от истины. Однако реалии бытия уголовно-процессуальной деятельности говорят о том, что должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, ориентируются при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности на положения, связанные с установлением истины. Ориентация на истину должностных лиц вовсе не свидетельствует в пользу того, что реалия бытия уголовно-процессуальной деятельности обеспечивает целенаправленность уголовно-процессуальной деятельности независимо от внешнего воздействия.

Реальное бытие уголовно-процессуальной деятельности подвержено внешнему воздействию, особенно когда такое воздействие осуществляется со стороны идеологий, «система ценностей» которых имеет агрессивную направленность. Например, в наше время воздействие либеральной идеологии посредством пропаганды индивидуалистических и эгоистических идей в российском обществе среди сотрудников правоохранительных органов привело к росту преступлений коррупционной направленности [8, с. 100–112], включая и те из них, которые непосредственно связаны с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности.

Рост преступлений коррупционной направленности среди должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, объясним. В целом либерализм по отношению к идеальному бытию уголовно-процессуальной деятельности в российской общности представляет собой несвойственную для него идеологию организации, которая привносит в уголовно-процессуальную сферу соответствующую идеологию целеполагания. Как правило, последняя основана на обмане, фарисействе, надувательстве, а также иных негативных проявлениях реалий жизни. Такое весьма ложное основание уголовно-процессуальной деятельности, говоря языком специалистов по теории организации, у должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, вряд ли «будет вызывать восприятие и энтузиазм» [9, с. 124].

Негативное влияние либеральной идеологии на уголовно-процессуальную деятельность является наглядной иллюстрацией того, что

должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, осознали бытие уголовно-процессуальной деятельности сквозь призму указанной идеологии. Данный факт говорит о том, что реальное бытие уголовно-процессуальной деятельности имеет пространственно-временную характеристику, индивидуально и неповторимо. Вовне бытие уголовно-процессуальной деятельности проявляется в виде (форме) факта.

В отличие от реального бытия уголовно-процессуальной деятельности идеальное ее бытие надындивидуально, оно не может проявляться в качестве факта. Идеальное бытие уголовно-процессуальной деятельности – это не факты, а ее ценности и идеи. В своей совокупности эти ценности и идеи уголовно-процессуальной деятельности являются неизменными (вечными). Внешне эти ценности и идеи

объективизируются в теориях, концепциях и конструктивных моделях уголовно-процессуальной деятельности, с присущими им научной методологией и методологией уголовно-процессуальной деятельности. В данной ситуации научную методологию и методологию уголовно-процессуальной деятельности мы рассматриваем в качестве проявлений объективного фактора мировоззрения уголовно-процессуальной деятельности [10, с. 12–15]. В этой конструктивной схеме объективизации ценностей и идей российской общности имеется одна важная специфика. Ее сущность заключается в том, что ценности и идеи бытия уголовно-процессуальной деятельности могут быть искажены соответствующими субъектами либо в силу небрежности, либо намеренно. В последней ситуации мы будем иметь дело с оптико-акустическим обманом.

1. Рязанов Д.Т. Мотивация уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

2. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / введ. ст. В.З. Смирнова. М., 1953.

3. Философский энциклопедический словарь. М., 2003.

4. Мамардашвили М.К. О психоанализе // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М., 1996.

5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3.

6. Плютто П.А. Сознание и культура: опыт анализа символической природы сознания // Вестн. Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 3(1).

7. Юлов В.Ф. В чем состоит перспективность трехуровневой концепции сознания? // Вестн. Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 3(1).

8. Агутин А.В., Ануфриев С.Б., Губжиков Р.Х. К вопросу о методологии организации досудебного производства по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности // Актуальные вопросы российского права: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.Е. Винокуров. М., 2009.

9. Теория организации: учеб. / под общ. ред. Г.В. Атаманчука. М., 2007.

10. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

1. Ryazanov D.T. Motivation of criminal procedure activity: author. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.

2. Pirogov N.I. Selected pedagogical works / introd. art. by V.Z. Smirnov. Moscow, 1953.

3. Encyclopedic dictionary of Philosophy. Moscow, 2003.

4. Mamardashvili M.K. About psychoanalysis // Mamardashvili M.K. Necessity themselves. Lectures. Article. Philosophical notes. Moscow, 1996.

5. Marx K. and Engels F. Works. Vol. 3.

6. Plyutto P.A. Consciousness and culture: experience in analyzing the symbolic nature of consciousness // Bulletin of the Vyatka state humanities university. 2009. № 3(1).

7. Yulov V.F. What is the prospect of a three-level concept of consciousness? // Bull. of the Vyatka state humanities university. 2009. № 3(1).

8. Agutin A.V., Anoufrieiev S.B., Gubzhokov R.H. On the problem of methodology of pretrial proceedings in criminal cases involving offenses of corruption // Actual problems of Russian law: coll. of sci. papers / ed. by Yu.E. Vinokurov. Moscow, 2009.

9. Organization theory: textbook / gen. ed. by G.V. Atamanchuk. Moscow, 2007.

10. Agutin A.V. Worldview ideas in criminal procedure proving: auth. abstr. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2005.

Алексеев Игорь Михайлович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Михальчук Юлия Павловна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: Kaspar555@mail.ru)

Временные границы разумного срока уголовного судопроизводства

В статье анализируются требования закона, регламентирующие период времени, подлежащий оценке с позиции нарушения права на судопроизводство в разумный срок, и практика их применения. Исследуются теоретические проблемы определения начального момента осуществления уголовного преследования в контексте права на судопроизводство в разумный срок.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, подозреваемый, процессуальный срок, право на судопроизводство в разумный срок.

I.M. Alekseev, Master of Law, Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

Ju.P. Mikhailchuk, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Kaspar555@mail.ru

The temporal boundaries of a reasonable time in criminal proceedings

The article analyzes the legal requirements governing the period of time to be evaluated from a position of violation of the right to trial within a reasonable time and practice of their application. Examines the theoretical problems of defining the starting point of the implementation of criminal prosecution in the context of the right to trial within a reasonable time.

Key words: criminal process, criminal prosecution, suspect, term of the procedure, right to trial within a reasonable time.

Многие ученые считают, что неустановление законодателем конкретных временных границ разумных сроков не позволит достичь необходимого результата по ускорению сроков судопроизводства, а само введение «разумных сроков» означает, что государство подтвердило бесполезность установления конкретных сроков прохождения дела в судах различных инстанций. По мнению И. Михайлова, «суды теперь освобождены от необходимости “выдерживать” сроки рассмотрения дела, установленные для различных стадий судопроизводства. Ведь любую волокиту можно оправдать тем, что некий общий разумный срок дела не нарушен» [1]. Однако, по нашему мнению, именно неопределенные временные рамки разумного срока, которые должны оцениваться для каждого дела индивидуально, позволят сократить сроки уголовного судопроизводства в целом. Установление определенных сроков судопроизводства ничем

бы не отличалось от очередного срока и, с одной стороны, позволяло бы увеличить сроки судопроизводства по делам, не представляющим сложности, а, наоборот, послужило бы сигналом для органов предварительного расследования и суда рассматривать наиболее сложные дела в рамках данного срока, невзирая на качество. Таким образом, государство установило еще один барьер против волокиты при производстве по уголовным делам; ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ указывает: «Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ, продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены УПК РФ». Из анализа данной статьи можно сделать вывод, что сроки уголовного судопроизводства остаются и их необходимо соблюдать неукоснительно.

Часть 3 ст. 6.1 УПК РФ указывает, что разумный срок уголовного судопроизводства включает в себя период с момента начала осуществ-

вления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

Возникает вопрос, с какого момента начинается осуществляться уголовное преследование?

Так в п. 55 ст. 5 УПК РФ указано, что «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

То есть следователь (дознатель), установив подозреваемого (обвиняемого), начинает осуществлять в отношении его уголовное преследование.

По нашему мнению, уголовное преследование необходимо трактовать шире, чем деятельность по изобличению подозреваемого (обвиняемого).

Общеизвестно, что отправной точкой уголовного судопроизводства является момент регистрации сообщения о преступлении. Рассматривая сообщение о преступлении, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обладают широким кругом полномочий, в том числе и по производству следственных действий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, возможность пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

В связи с этим можно утверждать, что уголовное преследование осуществляется именно с момента регистрации сообщения о преступлении, только этим обусловлена возможность производства следственных действий и наделение лиц, участвующих в их производстве, указанными правами.

Иная постановка вопроса лишает смысла уголовно-процессуальную деятельность до установления подозреваемого (обвиняемого), выводит ее за рамки уголовного процесса.

На первоначальных этапах уголовное преследование не персонифицировано. Оно осуществляется в отношении неопределенного круга лиц. Однако деятельность следователя

(дознателя) уже направлена на изобличение лица, совершившего преступление, но ввиду недостаточности данных об этом лице не может определить конечного «адресата».

В свою очередь законодатель, конструируя положения ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, как нам видится, исходил все же из легального определения уголовного преследования.

Однако определяя начальный момент исчисления разумного срока, не стоит делать упор на приобретение лицом процессуального статуса.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П [2], указано, что понятие «подозреваемый» должно трактоваться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом более узком смысле, в целях реализации конституционных прав необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Однако как понять, в какой момент уголовное преследование персонифицируется в отношении конкретного лица, если ему не придается соответствующий процессуальный статус? Получается, что суд в каждом случае определяет этот момент самостоятельно.

В этой связи интерес представляет определение Верховного Суда РФ от 22 февраля 2011 г. № 5-Г11-14 по заявлению Мелкомяна Э.М. о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок [3]. Изучив обстоятельства дела, суд пришел к выводу, что моментом начала отсчета разумных сроков необходимо считать момент, когда к лицу были применены меры уголовно-процессуальной репрессии.

Кроме того, проблемным вопросом является определение момента окончания отсчета разумного срока. Как мы указывали выше, в соответствии с ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ конечным моментом исчисления разумного срока уголовного судопроизводства является момент прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

Однако, по нашему мнению, позиция законодателя не отвечает требованиям практики, т.к. уголовное судопроизводство знает множество форм его окончания, например окончание уголовного дела, длившегося десять лет, вынесением оправдательного приговора не может лишить лицо права подать жалобу на нарушение

разумных сроков. Кроме того, если исходить из буквы закона, то за рамки исследования сроков на предмет их разумности выпадает производство в суде апелляционной инстанции.

Для разъяснения данного вопроса в первую очередь необходимо обратиться к разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ в совместном постановлении от 23 декабря 2010 г. № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4, с. 9].

В данном постановлении указано, что разумный срок исчисляется:

по рассмотренному судом уголовному делу – период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора либо постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

в отношении досудебного производства – период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента вынесения постановления о прекращении уголовного преследования или уголовного дела;

по уголовному делу, производство по которому не окончено, – период с момента начала осуществления уголовного преследования до дня поступления заявления о присуждении компенсации в суд, уполномоченный рассматривать такое заявление.

При этом в постановлении № 30/64 указано, что при исчислении общей продолжительности судопроизводства по гражданскому или уголовному делу учитывается только то время, в течение которого дело находится в производстве суда, органов дознания, следствия, прокуратуры.

По нашему мнению, при разъяснении данного вопроса в постановлении № 30/64 обоснованно указано о моменте вступления приговора суда в законную силу, что позволяет оценивать разумность сроков уголовного судопроизводства и в суде апелляционной инстанции, что соответствует духу закона и способствует наиболее полному обеспечению прав граждан.

Кроме того, прекращение уголовного дела по постановлению следователя в отсутствие судебного решения не лишает лицо, в отношении которого велось уголовное преследование, права на обращение в суд с требованием о

присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Например, в определении от 21 декабря 2010 г. № 49 – Г10-91 Верховный Суд РФ указал, что Суд первой инстанции на основании п. 1 ч. 1 ст. 244.6 ГПК РФ возвратил заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, как поданное лицом, не имеющим права на его подачу, т.к. судом по уголовному делу не было принято решения.

Суд кассационной инстанции отменил определение о возвращении заявления о присуждении компенсации и передал вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку в силу Закона заявление о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок может быть подано в защиту предполагаемого нарушенного права на разумные сроки досудебного производства по уголовному делу, связанного с привлечением лица к уголовной ответственности. Следовательно, окончание производства по уголовному делу в отсутствие судебного решения не является основанием для возвращения заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок [5, с. 37].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Сроки уголовного судопроизводства с точки зрения их разумности подлежат оценке с момента осуществления уголовного преследования в отношении конкретного лица, о чем свидетельствует применение в отношении его мер уголовно-процессуальной репрессии.

2. Окончательный момент временного промежутка, подлежащего оценке с точки зрения разумности, варьируется в зависимости от состояния завершенности уголовного дела:

по рассмотренному судом уголовному делу – до момента вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора либо постановления (определения) суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;

в отношении досудебного производства – до момента вынесения постановления о прекращении уголовного преследования или уголовного дела;

по уголовному делу, производство по которому не окончено, – до дня поступления заявления о присуждении компенсации в суд, уполномоченный рассматривать такое заявление.

1. Абросимов М. Конец волоките // Известия. 2010. 3 июня.

2. По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собр. законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

3. Определение Верховного Суда РФ от 22 февр. 2011 г. № 5-Г11-14 по заявлению Мелкомяна Э.М. о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48505.htm (дата обращения: 13.05.2015).

4. О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 дек. 2010 г. № 30/64 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 3.

5. Обзор практики рассмотрения судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

1. Abrosimov M. End drag // News. June 3.

2. On the case about the verification of constitutionality of provisions of part one of article 47 and the second part of article 51 of the Criminal procedure code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.I. Maslov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 № 11-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2000. № 27. Art. 2882.

3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Febr. 22, 2011 № 5-G11-14 according to the statement of Melkomian E.M. on awarding compensation for violation of the right to criminal proceedings in a reasonable period of time. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_48505.htm (date of access: 13.05.2015).

4. About some questions arising by consideration of cases on compensation for violation of the right to trial within a reasonable term or right to execution of a judicial act within a reasonable time: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of Dec. 23, 2010 № 30/64 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 3.

5. The review of practice of consideration by courts of cases on compensation for violation of the right to legal proceedings in reasonable term or the rights to execution of the judicial certificate in reasonable term // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.

Башинская Инна Геннадьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru)

Уголовно-процессуальный аспект проверки фактов мошенничества в сфере строительства инфраструктуры дорог

В статье рассматриваются актуальные вопросы расследования в ходе доследственной проверки мошенничества в сфере строительства инфраструктуры дорог. Вносятся предложения по изменению отдельных положений УПК РФ.

Ключевые слова: дорога, инфраструктура, мошенничество, строительство, доследственная проверка, возбуждение уголовного дела.

I.G. Bashinskaya, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

Criminal procedure aspects of verification of fraud in the construction of road infrastructure

The article deals with current issues of investigation of fraud in the construction of road infrastructure in the pre-investigation checks. Offers on change of separate provisions of the Criminal procedure code of the Russian Federation are made.

Key words: road, infrastructure, fraud, construction, pre-investigation checks, initiating of criminal proceedings.

В последние годы в средствах массовой информации все чаще освещаются вопросы, связанные с возбуждением уголовных дел за совершение мошенничества при строительстве инфраструктуры дорог. Так, общественный резонанс вызвали случаи возбуждения уголовных дел по факту мошенничества при проведении строительных работ на олимпийских объектах [1].

Сотрудники отдела экономической безопасности и противодействия коррупции полиции Бокситогорского района Ленинградской области раскрыли мошенничество в крупном размере, совершенное в 2012 г. при осуществлении дорожных работ в городе Пикалево [2].

20 марта 2015 г. в Петербурге раскрыта схема мошенничества, связанная с хищением товарно-материальных ценностей, выделяемых на строительство и поддержание инфраструктуры Октябрьской железной дороги [3].

Это далеко не единичные, а скорее повсеместные случаи совершения мошенничества. Вместе с тем, в юридической литературе практически отсутствуют какие-либо разработки вопросов расследования мошенничества при строительстве инфраструктуры дорог.

Рассмотрение этих вопросов целесообразно начинать с определения понятия «транспортная инфраструктура». В п. 5 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» [4] объекты транспортной инфраструктуры

названы технологическим комплексом, в который включены: железнодорожные, автомобильные вокзалы и станции; метрополитены; тоннели, эстакады, мосты; морские терминалы, акватории морских портов; порты, которые расположены на внутренних водных путях; расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки, сооружения; аэродромы, аэропорты, объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств; участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также иные обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения, устройства и оборудование, определяемые Правительством Российской Федерации.

Таким образом, в самом общем виде под инфраструктурой дорог можно понимать технологические части автомобильных дорог, железнодорожных путей, а последние являются частью технологического комплекса, т.е. объектами транспортной инфраструктуры.

Обратимся к вопросам расследования мошенничества в сфере строительства инфраструктуры дорог. Как известно, возбуждение уголовного дела является первой и обязательной стадией уголовного процесса. Для нее

характерно производство проверочных действий. Как отмечено в юридической литературе, значение данной стадии определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела обеспечивает незамедлительное реагирование на любое преступление, включая исследуемые, и немедленное начало установления фактических его обстоятельств и лиц, его совершивших. В свою очередь, возбуждение уголовного дела без достаточных к тому оснований, так же как и незаконный или необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, является грубейшим нарушением установленной уголовно-процессуальной процедуры и наносит ущерб как охране прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, так и интересам общества и государства в целом. Во-вторых, момент возбуждения уголовного дела определяет границу между непроцессуальной деятельностью по обнаружению преступлений и совершивших их лиц специальными методами, т.е. с помощью мероприятий оперативно-розыскной деятельности, и процессуальной деятельностью органа расследования. В-третьих, данный акт является правовым основанием для производства следственных, иных процессуальных действий, а также для применения к участникам уголовного процесса мер уголовно-процессуального принуждения и т.д. [5, с. 279–280].

Согласно ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6] основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, которые указывают на признаки преступления. С точки зрения уголовно-правовой доктрины о составе преступления это означает, что основания к возбуждению уголовного дела образуют фактические данные, которые относятся к объекту и объективной стороне состава преступления. Поэтому для возбуждения уголовного дела требуется не факт преступления, а лишь аргументированное предположение о его существовании, которое базируется на фактах-признаках [7].

Причем составы отдельных преступлений сконструированы таким образом, что их фактические обстоятельства, которые относятся к объективной стороне, непосредственно связаны с конкретным лицом. Это в полной мере относится к мошенничеству при строительстве инфраструктуры дорог. Таким образом, если повод к возбуждению уголовного дела содержит определенные указания на виновное лицо, то уголовное дело возбуждается в отношении данного лица, которое с этого момента становится подозреваемым в уголовном судопроизводстве (ст. 46 УПК РФ). Речь идет о том, что в подобных случаях момент возбуждения уголовного дела и начало уголовного преследования совпадают.

Поводы для возбуждения уголовных дел названы в ч. 1 ст. 140 УПК РФ: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Анализ судебной практики по фактам мошенничества при строительстве инфраструктуры дорог показывает, что зачастую поводами для возбуждения данной категории дел являются сообщения администрации учреждений, предприятий и организаций, связанной с таким строительством; например, возбуждение уголовных дел по фактам попытки хищения бюджетных средств при строительстве олимпийских объектов в Сочи было инициировано самим «Олимпстроем». Помимо этого возбуждение уголовных дел осуществляется при непосредственном обнаружении признаков преступления правоохранительными органами.

В ходе проверки информации о совершенном преступлении, которую обычно называют доследственной, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа наделены широкими полномочиями. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ данные должностные лица с целью принятия решения о возбуждении уголовного дела вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать предметы и документы, изымать их, назначать судебную экспертизу, а также участвовать в ее производстве, требовать выполнения документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов; привлекать к производству этих действий специалистов; направлять органу дознания письменное поручение об осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Эффективность расследования во многом зависит от результативности действий органа расследования на первоначальном этапе, при этом их последовательность зависит от объема и характера сведений о лице, совершившем мошенничество, способе его совершения. К числу обстоятельств, которые надлежит доказывать по исследуемой категории уголовных дел, относятся:

- имело ли место мошенничество;
- место, время, условия, способ совершения мошенничества;
- наличие преступного умысла;
- предмет мошенничества, т.е. что именно было присвоено, размер материального ущерба;
- данные о личности преступника (место работы, трудовая характеристика, судимость, мотивы, роль в преступной группе и т.д.);

данные о мошеннической преступной группе и иных лицах, которые причастны к преступлению (состав, численность, техническая оснащенность и вооруженность, связь с коррумпированными элементами, специализация);

обстоятельства, которые способствовали совершению мошенничества.

Анализ материалов судебной практики свидетельствует, что объективная сторона преступления проявляется в различных мошеннических схемах: используется завышение стоимости работ при проектировании, раздувание сметы, например, путем внесения в нее уже построенных объектов, закладки в проект избыточно дорогих материалов, оборудования, внесения избыточных затрат на временные и вспомогательные объекты, которые в дальнейшем будут демонтированы, а их стоимость невозможно будет проверить. Непосредственно в ходе строительства происходит увеличение проекта сметы ввиду обнаружения определенных обстоятельств, например ухудшение грунта, погоды и т.д. Осуществляется фиктивное выполнение несуществующих работ, фиктивная закупка неиспользованных материалов оборудования, уменьшение объемов работ, например уменьшение ширины трассы. Может производиться ухудшение качества материалов и оборудования, качества услуг («таджикские строители», дешевые проектировщики и т.д.). В частности, 19 мая 2015 г. в средствах массовой информации появились сведения о нарушениях при строительстве трассы «Дон». И.о. руководителя представительства ПАО «Волгомост» М. Пенина подозревают в покушении на мошенничество, а именно в несоблюдении законодательства о строительных дорогах и о дорожной деятельности при выполнении подрядчиком работ по ремонту автомобильной дороги М-4 «Дон» в Кореновском районе Краснодарского края. Прокуратурой края выявлено несоответствие асфальтобетонного покрытия требованиям ГОСТа, что привело к неэффективному расходованию денежных средств, выделенных из федерального бюджета, на сумму свыше 15 млн рублей [8].

В ряде случаев имеет место мошенничество, основанное на рисках срыва проектов, которые имеют государственное значение. Для этого организуются аварии, пожары, которые скрывают недостатки выполнения проекта и вынуждают открыть дополнительное финансирование.

Как уже было сказано выше, в ходе доследственной проверки должностные лица органов расследования вправе истребовать предметы и документы, изымать их, требовать производства документальных проверок, ревизий, привлекать к участию в этих действиях специалистов. Во многих случаях возможность опре-

делить размер материального ущерба появляется на основании бухгалтерских документов, которые находятся в движении с момента их составления в определенной организации до момента передачи на хранение. Подобное движение бухгалтерских документов именуется документооборотом. Следовательно, производящий расследование уголовного дела по факту мошенничества в сфере строительства инфраструктуры дорог, в каждом конкретном случае должен ознакомиться с положениями о порядке хранения документов, на основании которых можно определить место производства их выемки.

В данном случае следует обратить внимание на то, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ содержится формулировка о возможности истребования, изъятия предметов и документов в порядке, определяемом УПК РФ, но законодатель не уточняет, в какую форму должны облекаться данные действия. Выемка представляет собой урегулированное уголовно-процессуальным законом следственное действие, которое заключается в изъятии точно определенного объекта, если известно, где и у кого он находится. Основанием выемки является мотивированное постановление следователя, а выемки в жилище – судебное решение, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Следует отметить, что для ведения бухгалтерского учета и организации финансово-хозяйственной деятельности юридического лица (индивидуального предпринимателя) в настоящее время неизбежно используются достижения информационных технологий: электронно-вычислительная техника и программное обеспечение. Значимая для уголовного дела экономическая информация может содержаться не только на бумажных, но и магнитных и иных электронных носителях (дисках типа CD или DVD, USB-флэш носителях и флэш-картах, жестких дисках персональных компьютеров, ноутбуков, внешних жестких дисках, памяти карманных персональных компьютеров), которые также должны изыматься.

Однако их изъятие в соответствии с УПК РФ допустимо только после возбуждения уголовного дела. Естественно, что мошенники в целях противодействия дальнейшему расследованию их преступной деятельности располагают возможностью уничтожить эту значимую информацию. Выход из такой ситуации видится в предоставлении органам предварительного расследования права производства выемки на стадии доследственной проверки.

Одним из объективных способов установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) в рамках рассмотрения сообщения о факте мошенничества при строительстве инфраструктуры дорог, является назначение и производство судебной экспертизы.

Предметом судебной бухгалтерской экспертизы являются отраженные в бухгалтерском учете хозяйственные операции, которые содержат информацию о состоянии, движении, наличии или отсутствии материальных ценностей и денежных средств, их источниках, свидетельствуют о нарушениях (отсутствии нарушений) в ведении бухгалтерского учета.

С помощью судебной бухгалтерской экспертизы можно установить характер и механизм искажения учетных данных, а также степень их влияния на качественные и количественные показатели хозяйственной деятельности, определить тождество либо различие черновых записей с данными бухгалтерского учета по их смысловому и структурному содержанию, способствовать воссозданию искаженных или отсутствующих учетных данных [9].

Перед назначением данной экспертизы целесообразно произвести выемку необходимых бухгалтерских и финансовых документов, отражающих хозяйственную деятельность организации-должника и имеющих значение для дела. Помимо этого, назначению судебно-бухгалтерской экспертизы может предшествовать техническая экспертиза, с помощью которой могут решаться вопросы о действительном расходе и списании материалов, объемах фактически выполненных работ и т.д.

Основанием для проведения ревизии, документальных проверок, судебных экспертиз являются нормы ч. 1 ст. 144 УПК РФ, которые предоставляют право органу дознания, дознавателю, следователю требовать их производства и привлекать для этого специалистов. В этих ситуациях руководителем следственного органа по ходатайству следователя или прокурор по ходатайству дознавателя могут продлить вопрос о сроке разрешения сообщения о совершенном преступлении до 30 суток с обязательным указанием на конкретные обстоятельства, которые послужили основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Подводя итог, можно сказать, что на этапе доследственной проверки по фактам мошенничества при строительстве инфраструктуры дорог законодатель позволяет задействовать различные процессуальные механизмы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и дальнейшего эффективного его расследования: проведение ревизии, документальных проверок, судебных экспертиз. Вместе с тем, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ фразу «истребовать предметы и документы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом», целесообразно заменить иным положением: «производить выемку предметов и документов», закрепив тем самым возможность производить данное следственное действие на стадии доследственной проверки.

1. URL: <http://rcmm.ru/news/13374.html> (дата обращения: 21.05.2015).

2. URL: www.agregator.pro/v_pikalevo_prohodyat_obyiski_po_dorozhnomu_delu.1784466.html (дата обращения: 21.05.2015).

3. URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/03/20/1379945.html> (дата обращения: 21.05.2015).

4. О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ (в ред. от 3 февр. 2014 г. № 15-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2014. № 6. Ст. 566.

5. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. М., 2012.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; Рос. газ. 2015. 10 июня.

7. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. М., 2011.

8. URL: <http://tass.ru/proisshestviya/1977905> (дата обращения: 21.05.2015).

9. Колкутин В.В., Зосимов С.М., Пустовалов Л.В. Судебные экспертизы. М., 2006.

1. URL: <http://rcmm.ru/news/13374.html> (date of access: 21.05.2015).

2. URL: www.agregator.pro/v_pikalevo_prohodyat_obyiski_po_dorozhnomu_delu.1784466.html (date of access: 21.05.2015).

3. URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/03/20/1379945.html> (date of access: 21.05.2015).

4. On transportation security: fed. law of Febr. 9, 2007 № 16-FL (in ed. of Febr. 3, 2014 № 15-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 7. Art. 837; 2014. № 6. Art. 566.

5. Geldibaev M.H., Vandyshev V.V. Criminal procedure: textbook for university students enrolled in the legal profession. Moscow, 2012.

6. Criminal procedure code of the Russian Federation of Dec. 18, 2001 № 174-FL (in ed. of June 8, 2015 № 140-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; Rus. newsp. 2015. June 10.

7. Bezlepkina B.T. A brief guide to the investigator and the investigator. Moscow, 2011.

8. URL: <http://tass.ru/proisshestviya/1977905> (date of access: 21.05.2015).

9. Kolkutin V.V., Zosimov S.M., Pustovalov L.V. Forensics. Moscow, 2006.

Дмитриева Анна Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Южно-Уральского государственного университета
(Национальный исследовательский университет)
(e-mail: annadm@bk.ru)

Совершенствование системы принципов осуществления государственной защиты участников современного российского уголовного судопроизводства

В работе рассмотрена проблема правового регулирования принципов государственной защиты участников уголовного судопроизводства по законодательству Российской Федерации. Исследование направлено на формулирование исходных начал в специальном правовом акте – Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», принятом 20 августа 2004 г. В статье сформулированы предложения, направленные на совершенствование принципов государственной защиты в целях повышения эффективности ее деятельности.

Ключевые слова: защита свидетелей, защита потерпевших, уголовное дело, принцип, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, безопасность, участник уголовного процесса, законность, уважение прав человека, права гражданина.

A.A. Dmitrieva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the South Ural State University (National Research University); e-mail: annadm@bk.ru

Improvement of system of the principles of implementation of the state protection of participants of modern Russian criminal legal proceedings

In the work the problem of legal regulation of the principles of the state protection of participants of criminal legal proceedings by the legislation of the Russian Federation is considered. Research is directed on a formulation of the initial beginnings in the special legal act – the Federal law № 119-FL «About the state protection of the victims, witnesses and other participants of criminal legal proceedings» accepted on August 20, 2004. Besides, the offers directed on improvement of the principles of the state protection for increase of efficiency of its activity are formulated.

Key words: protection of witnesses, protection of the victims, criminal case, principle, criminal trial, criminal legal proceedings, safety, participant of criminal trial, legality, respect of human rights, rights of the citizen.

Деятельность любого органа государственной власти подчинена единой цели – обеспечению прав и свобод человека и гражданина [1, с. 57–59]. При этом система принципов направлена на достижение основного конечного результата – цели этой деятельности. Эти категории носят взаимообусловленный характер.

Содержание понятия «принцип» как самостоятельной правовой категории считается общепризнанным, не вызывающим особых дискуссий и определяется как некоторое исходное начало какой-либо деятельности, ее основное положение. Отдельные авторы рассматривают

принципы государственной защиты участников уголовного судопроизводства как специфические признаки взаимодействия системы органов, обеспечивающих государственную защиту, и следователя [2, с. 7–11].

Процесс создания условий безопасного участия граждан в российском уголовном процессе в достаточной степени исследован в юридических работах по этой теме [см., например: 3; 4; 5 и др]. Вместе с тем, собственно принципам государственной защиты, по нашему мнению, не уделено достаточное внимание.

Защита участников современного российского уголовного процесса осуществляется

на основе Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», принятого 20 августа 2004 г. [6] Отметим, что в настоящее время действует еще один закон, направленный на обеспечение безопасности другой категории лиц в уголовном судопроизводстве – Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Однако в этом законе, к нашему сожалению, отсутствует статья о принципах. Тем не менее, в отдельных публикациях государственная защита и обеспечение безопасности рассматривается как самостоятельный принцип [7, с. 12–15].

Собственно сами исходные начала государственной защиты перечислены в ст. 4 «Принципы осуществления государственной защиты» Закона № 119-ФЗ, к ним относятся следующие положения:

«1. Государственная защита осуществляется в соответствии с принципами законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц.

2. Государственная защита осуществляется под прокурорским надзором и ведомственным контролем. При осуществлении государственной защиты используются гласные и негласные методы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

3. Применение мер безопасности не должно ущемлять жилищные, трудовые, пенсионные и иные права защищаемых лиц».

Как видно из приведенного содержания ст. 4, в ней отсутствует перечень самих принципов и их достаточно полное раскрытие (по нашему мнению, было бы целесообразно раскрыть содержание каждого принципа в отдельности).

Вместе с тем, можно выделить следующие положения, именуемые в ст. 4 как принципы:

законность;
уважение прав и свобод человека и гражданина;
взаимная ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц.

Аналогичное перечисление этих положений как принципов поддерживается и в научной литературе, а также в комментируемых изданиях [см., например: 8; 9].

Н.С. Томилова выделяет шесть принципов государственной защиты:

- 1) законность;
 - 2) уважение прав и свобод человека и гражданина;
 - 3) взаимную ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц;
 - 4) осуществление государственной защиты под прокурорским надзором и ведомственным контролем;
 - 5) использование гласных и негласных методов;
 - 6) применение мер безопасности не должно ущемлять жилищные, трудовые, пенсионные и иные права защищаемых лиц [10].
- Представляется, что такой перечень является в настоящее время наиболее исчерпывающим.

Рассуждения В.Ю. Мельникова о взаимосвязи норм Федерального закона № 119-ФЗ и УПК приводят его к тому, что «предлагаемые принципы должны найти отражение не только в тексте ст. 4 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», но и в ст. 11 УПК РФ, поскольку являются необходимыми компонентами принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [11, с. 25–29].

Однако иные положения, которые указаны в ч. 2 ст. 4 Закона № 119-ФЗ, по нашему мнению, также целесообразно рассматривать как принципы государственной защиты.

В частности, положение о том, что государственная защита осуществляется под прокурорским надзором и ведомственным контролем, следует, как мы считаем, рассматривать как самостоятельное принципиальное положение (о проблеме реализации принципа прокурорского надзора подробнее см., например: [12, с. 7–11]). Так, в частности, А.Ю. Епихин обращает внимание на самостоятельность этой контрольно-надзорной деятельности [13, с. 359–361; 14, с. 14].

По мнению Н.И. Крюковой, в ст. 4 Федерального закона № 119-ФЗ говорится о том, что «меры государственной защиты должны осуществляться под прокурорским надзором». Однако это положение, как она считает, в значительной степени носит декларативный характер, поскольку сами полномочия прокурора в этой сфере четко не определены. Это, как показала практика, существенное упущение, поскольку, помимо прокуратуры, других контролирующих это направление организаций нет, если не считать внутриведомственного контроля МВД России [15, с. 43–44].

Остается не совсем понятным отсутствие в ч. 2 ст. 4 Закона № 119-ФЗ такого вида контрольной деятельности, как судебный контроль. Не исключено, что такая ограниченность вызвана секретным характером государственной защиты и необходимостью ограничения доступа к информации о защищаемом лице и процессе защиты.

Гласность и конфиденциальность применения мер государственной защиты также, по нашему мнению, может рассматриваться как принципиальное положение. Содержание отдельных мер защиты носит гласный характер, в этом заключается определенная превентивная цель недопущения противодействия и фактов оказания воздействия на защищаемых лиц, которые знают о принятой и уже осуществляемой защите.

Напротив, конфиденциальность направлена на скрытый характер защитных мер. Наиболее важным представляется соотношение гласного и тайного характера в процессе государственной защиты участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, наименование этого принципа должно включать баланс гласности и тайности принимаемых мер защиты.

Л.В. Брусницын верно считает, что одним из принципов госзащиты является неущемление жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав защищаемых лиц [16]. Такое содержание указано в ч. 3 ст. 4 Закона № 119-ФЗ.

По мнению специалистов, отдельное наименование принципов государственной защиты нуждается в уточнении. Так, О.А. Кожевников отмечает, что ст. 4 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указывает, что государственная защита осуществляется под прокурорским надзором и ведомственным контролем. Но прокурорский надзор осуществляется не за деятельностью, а за исполнением законов в ходе этой деятельности [17, с. 134–141].

Очередность перечисления принципов осуществления государственной защиты, по мнению В.Ю. Мельникова, должна быть изменена. Он считает, что на первом месте в системе

принципов осуществления государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства должен стоять принцип уважения прав и свобод человека и гражданина, и не просто «уважения», а принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, всемерной их охраны со стороны государства и содействия в их осуществлении. Указанное должно найти отражение не только в тексте ст. 4 Закона № 119-ФЗ, но и в ст. 11 УПК РФ, поскольку является необходимым компонентом принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [18, с. 17–20].

Представляется важным неукоснительное исполнение принципов государственной защиты. На эту проблему в свое время обращал внимание Л.В. Брусницын: для приведения Правил (имеется в виду постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 (в редакции от 19 марта 2015 г.) «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [19]) в соответствии с Законом следует изменить редакцию п. 15, где говорится, что при переводе защищаемого военнослужащего к новому месту службы ему предоставляется равная либо иная должность. Это противоречит ч. 3 ст. 13 Закона, устанавливающей, что при переводе военнослужащий назначается именно на равную должность. Пункт 15 Правил противоречит и ст. 4 Закона («Принципы осуществления государственной защиты»): одним из принципов государственной защиты является неущемление прав защищаемого (ч. 3 ст. 4 Закона) [20].

На наш взгляд, следует подчеркнуть важный посыл о непротиворечии принципам государственной защиты, закрепленным в Федеральном законе № 119-ФЗ, иных положений, установленных в подзаконных нормативных актах. Это положение должно быть указано в содержании ст. 4 Закона № 119-ФЗ как самостоятельный принцип. Кроме того, целесообразно раскрыть содержание каждого из принципов, например в частях ст. 4 Закона № 119-ФЗ.

1. Параносенков П.М. Соблюдение прав и свобод человека как основополагающий принцип деятельности полиции Российской Федерации // *Административное право и процесс*. 2014. № 8.

2. Краснова К.А., Агапов П.В. Проблемы межведомственного взаимодействия подразделений государственной защиты и следователей при осуществлении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // *Рос. следователь*. 2014. № 7.

3. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

4. Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

5. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 3 февр. 2014 г., с изм. от 4 июня 2014 г.) // *Собр. законодательства РФ*. 2004. № 34. Ст. 3534.

7. Епихин А.Ю. Безопасность личности как принцип уголовного процесса // *Рос. следователь*. 2002. № 4.

8. Кобцова Т.С., Кобцов П.В., Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс». 2006.

9. Шнитенков А.В., Великий Д.П. Комментарий к Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). М., 2007.

10. Томилова Н.С. Принципы государственной защиты свидетелей и потерпевших: актуальность и проблемы // *Безопасность бизнеса*. 2008. № 3.

1. Paramonenko P.M. Observance of the rights and freedoms as a fundamental principle of activity of police of the Russian Federation // *Administrative law and process*. 2014. № 8.

2. Krasnova K.A., Agapov P.V. Problems of interdepartmental interaction of divisions of the state protection and investigators in the implementation of security measures in relation to participants in criminal proceedings // *Russian investigator*. 2014. № 7.

3. Zaitsev O.A. Theoretical and legal basis of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation: dis. ... Dr of Law. Moscow, 1999.

4. Brusnitsyn L.V. Theoretical and legal framework and global experience of security. assisting criminal justice: dis. ... Dr of Law. Moscow, 2002.

5. Epihin A.Yu. Concept of human security in criminal proceedings: auth. abstr. ... Dr of Law. N. Novgorod, 2004.

6. On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: fed. law Aug. of 20, 2004 № 119-FL (as amended on Sept. 3, 2014 with amendment from June 4, 2014) // *Coll of legislation of the Russian Federation*. 2004. № 34. Art. 3534.

7. Epihin A.Yu. Human security as a principle of criminal process // *Russian investigator*. 2002. № 4.

8. Kobtsova T.S., Kobtsov P.V., Smushkin A.B. Commentary to the Federal law dated Aug. 20, 2004 № 119-FL «On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings» (article by article). Access from reference legal system «ConsultantPlus». 2006.

9. Shnitenkov A.V., Veliky D.P. Commentary to the Federal law «On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings» (article by article). Moscow, 2007.

10. Tomilova N.S. The principles of state protection of witnesses and victims: relevance and problems // *Security business*. 2008. № 3.

11. Melnikov V.Yu. Witness in criminal procedure of Russia // *Law practice*. 2011. № 2.

12. Brusnitsyn L.V. To the question of supervision over implementation of legislation in the sphere of safety of participants of criminal trial // *Legality*. 2012. № 9.

13. Epihin Yu.A. To the question of the supervision (control) over security of the

11. Мельников В.Ю. Свидетель в уголовном процессе России // *Адвокатская практика*. 2011. № 2.
12. Брусницын Л.В. К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // *Законность*. 2012. № 9.
13. Епихин А.Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2004. № 3.
14. Епихин А.Ю. К вопросу о безопасности защищаемых лиц в уголовном процессе // *Рос. следователь*. 2002. № 2.
15. Крюкова Н.И. Проблемы обеспечения защиты свидетелей // *Рос. юстиция*. 2012. № 2.
16. Брусницын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (постатейный). М., 2009. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Кожевников О.А. О некоторых вопросах организации и деятельности российской прокуратуры // *Рос. юрид. журн*. 2014. № 4.
18. Мельников В.Ю. Защита и охрана прав и свобод участников уголовного судопроизводства // *Рос. судья*. 2010. № 1.
19. Собр. законодательства РФ. 2006. № 45. Ст. 4708.
20. Брусницын Л. Защита по правилам и без // *ЭЖ-Юрист*. 2006. № 45.
- individual in criminal proceedings // «Black holes» in Russian legislation. 2004. № 3.*
14. Epihin A. Yu. To the question of the security of protected persons in criminal process // *Russian investigator*. 2002. № 2.
15. Kryukova N.I. The problem of providing witness protection // *Russian justice*. 2012. № 2.
16. Brusnitsyn L.V. Review legislation concerning safety of participants in criminal proceedings (article by article). Moscow, 2009. Access from reference legal system «ConsultantPlus».
17. Kozhevnikov O.A. On some issues of organization and activity of Prosecutor's office of the Russian Federation // *Russian legal journal*. 2014. № 4.
18. Melnikov V.Yu. Defence and protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings // *Russian judge*. 2010. № 1.
19. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 45. Art. 4708.
20. Brusnitsyn L. Protection with and without rules // *EJ-Lawyer*. 2006. № 45.

Науменко Оксана Александровнакандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kseny1010@mail.ru)

Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы правоприменения норм УПК РФ в части защиты и обеспечения прав потерпевшего при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания. Авторами проанализированы новеллы уголовно-процессуального закона, принятые Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, предложены пути их совершенствования.

Ключевые слова: потерпевший, дознание, права, уведомление, ходатайство.

O.A. Naumenko, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru

Protection of the rights of the victim at the reduced form of inquiry

This article discusses some of the problematic issues of law enforcement standards of the Criminal procedure code of the Russian Federation in the sphere of protection and promotion of the rights of the victim in the investigation of crime in the abbreviated form of inquiry. The author analyzes the novels of criminal procedural law adopted by the Federal law of March 4, 2013 № 23 and the Federal Law of Dec. 28, 2013 № 432, and suggests ways to improve them.

Key words: victim, inquiry, rights, notification, application.

С принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1], воплотившего в себе основные идеи упрощенного и ускоренного производства по уголовным делам, были связаны смелые надежды на коренное преобразование досудебного производства в целом, в том числе рациональное использование сил и средств правоприменителя при расследовании уголовных дел. Но реальное состояние практики применения сокращенной формы дознания все еще далеко от его нормативной модели.

Так, за 6 месяцев 2014 г., согласно данным ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, подразделениями дознания в сокращенной форме расследовано 289 (+251) уголовных дел, их доля от общего числа расследованных уголовных дел (10402) составляет 2,8%, от числа оконченных (7404) – 3,9%. Практика применения сокращенной формы дознания имеет тенденцию к развитию. Так, по итогам 2013 г. сокращенная форма дознания применялась в 11 районах края, по итогам 3 месяцев 2014 г. – в 15 районах, по итогам 1-го полугодия 2013 г. – в 16 [2].

Анализ практики применения подразделениями дознания территориальных органов МВД России на районном уровне Краснодарского края сокращенной формы дознания показал, что проблемным вопросом остается отнесение к нарушению законности фактов возвращения судом уголовного дела для производства дознания в общем порядке, при поступлении возражений сторон против дальнейшего производства дознания в сокращенной форме. Нуждается ли в связи с этим обстоятельством сокращенная форма дознания в коррективах или необходимо изменить статистическую отчетность для органов внутренних дел?

Незавершенность процесса становления института сокращенной формы дознания и дознания в обычной форме, несовершенство процессуальных норм препятствуют эффективной реализации уголовно-процессуального закона, что отражается и на защите прав потерпевших.

С принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» была изменена ст. 42 УПК РФ [3].

Потерпевшим признается лицо (человек или организация), фактически пострадавшее от совершенного преступления в результате нанесения ему физического, имущественного или морального вреда. В отношении пострадавшего от преступления лица закон требует вынесения постановления (определения) о признании его потерпевшим. Это лицо, как правило, заинтересовано в возбуждении уголовного дела, и чем раньше потерпевший примет участие в производстве по уголовному делу, используя свои права, тем больше возможностей для обеспечения его прав и решения задачи раскрытия преступления.

До 2014 г. решение дознавателя (следователя) о признании потерпевшим не было ограничено какими-либо сроками, такие решения могли приниматься спустя 20–25 дней производства дознания [2]. Законодатель не обязывал признавать лицо в качестве потерпевшего в определенный срок, в связи с чем зачастую вынесение данного постановления, а также допрос потерпевшего откладывается до завершающего этапа расследования. В подобных ситуациях возникают проблемы обеспечения права потерпевшего на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, права знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и другие, вызывающие дискуссии в научном мире [4, с. 2–6].

Вопросы защиты и обеспечения прав потерпевших в досудебном производстве остаются актуальными и активно обсуждаются в научном мире [5, с. 5–10; 6, с. 10–14; 7, с. 76].

УПК РФ наделил потерпевшего большим объемом прав: ч. 1 ст. 11 устанавливает его право знать свои права и обязанности; ч. 2 ст. 18, п. 6 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 45 УПК РФ открывают ему возможность давать показания, объяснения, делать заявления, заявлять отводы и ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или языке, которым он владеет; п. 7 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 45 УПК РФ позволяют ему пользоваться помощью переводчика; п. 4 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 86, ч. 3 ст. 45 УПК РФ дают ему право представлять письменные документы и предметы для приобщения их к материалам уголовного дела в качестве доказательств; п. 18 ч. 2 ст. 42, ч. 3 ст. 45 УПК РФ разрешают приносить жалобы на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора или судьи.

Заслуживает внимания право потерпевшего иметь представителя, которым может быть адвокат (ст. 45 УПК РФ), однако потерпевшие по уголовным делам, отнесенным к компетенции дознания, в том числе и в сокращенной форме, этим правом пользуются крайне редко. Право потерпевшего пользоваться помощью представителя (адвоката) бесплатно отличается от такого же права подозреваемого (обвиняемого) тем, что потерпевшему обеспечивается лишь возмещение расходов на представителя (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Получается, что потерпевший в ходе предварительного расследования для получения квалифицированной юридической помощи должен оплатить услуги адвоката, а возмещение его расходов будет производиться уже в суде при разрешении уголовного дела по существу. Но из ст. 21 Конституции РФ следует, что государство обязано гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы.

Считаем, что потерпевший должен воспользоваться правом бесплатной юридической помощи, правом иметь представителя в досудебном производстве в ином порядке. Поскольку потерпевший понес физический, материальный и моральный вред от преступления, то он должен иметь возможность получить квалифицированную юридическую помощь независимо от возможности оплачивать услуги адвоката-представителя.

В связи с этим предлагается дополнить п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ словами «и пользоваться помощью представителя бесплатно». В этом случае потерпевший в ходе расследования по уголовному делу будет иметь реальную возможность использовать свое конституционное право на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи при осуществлении уголовного судопроизводства на основе равноправия и состязательности сторон.

До принятия указанного выше закона от 28 декабря 2013 г. потерпевший был вправе знакомиться с материалами уголовного дела по окончании расследования. Однако Конституционный Суд РФ ранее давал разъяснения по данному вопросу: эти положения не могут рассматриваться как ограничивающие право потерпевшего на информацию [8]. Право потерпевшего знать о предъявленном обвинении обвиняемому, знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях предполагает обязанность дознавателя (следователя)

разъяснить потерпевшему факт предъявления обвинения конкретному лицу и содержание обвинения, жалоб. Однако применение практиками этих разъяснений далеко не всегда соблюдалось.

С принятием Закона от 28 декабря 2013 г. потерпевший вправе получать копии постановлений, вынесенных дознавателем (следователем, судом) в ходе предварительного расследования: о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, а также копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы при производстве расследования. Очевидно, что эти права потерпевшего при производстве расследования позволяют отстаивать свою позицию по уголовному делу, своевременно оспаривать решения, непосредственно затрагивающие его права и законные интересы.

Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания имеет некоторые особенности, с учетом того, что эта форма дознания, по мнению законодателя, нацелена на исключение нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования и необоснованного затягивания сроков досудебного производства.

До принятия Закона от 28 декабря 2013 г. дознаватель обязан был не позднее 3 суток со дня возбуждения уголовного дела признать потерпевшим физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, на практике возникали спорные вопросы о ситуациях, когда в установленный срок дознаватель не мог фактически принять данное решение ввиду неявки лица. Однако и сегодня в ст. 42 УПК РФ указание о незамедлительности принятия решения с момента возбуждения уголовного дела оставляет неразрешенными ситуации на практике. А именно: как поступить дознавателю, когда пострадавшее от преступления лицо не является в назначенное время на допрос, для получения копии постановления о признании его потерпевшим? Выносить ли постановление о признании потерпевшим в день возбуждения уголовного дела и как поступить, если даты получения копии этого постановления и ознакомления с ним потерпевшего не совпадают?

Кроме того, отметим, что подозреваемому разъясняется право ходатайствовать о про-

изводстве дознания в сокращенной форме первому, после чего уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления направляется прокурору и потерпевшему. В уведомлении потерпевшему разъясняются порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также право возражать против производства дознания в сокращенной форме. Следует согласиться с мнением Е.А. Артамоновой о том, что порядок уведомления потерпевшего нуждается в коррективах [9, с. 39–42]. Действительно, указание в законе порядка уведомления потерпевшего путем вручения уведомления под расписку либо путем передачи с помощью средств связи или путем смс-сообщений на практике позволит исключить нарушения прав потерпевших.

Анализ норм гл. 32.1 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что потерпевший и его представитель имеют право отказаться от проведения дознания в сокращенной форме в любой момент до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. При этом дознание и подготовку всех необходимых материалов придется начинать заново в общем порядке. Данное положение сводит на нет сущность сокращенной формы дознания, поскольку в этом случае значительно увеличивается (а не сокращается) срок дознания, и дознаватель проводит расследование повторно. Проанализировав это обстоятельство, мы пришли к выводу, что возражение потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме необходимо исключить. Обоснование нашей позиции сводится к следующему.

Потерпевший не должен обладать правом принятия решения о форме предварительного расследования, т.к. согласно УПК РФ только прокурор наделен правом передавать уголовные дела компетенции дознания для производства предварительного следствия и разрешать споры о подследственности. Кроме того, прокурор наделен правом возратить уголовное дело дознавателю на этапе утверждения обвинительного постановления (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), а суд – в процессе судебного заседания (ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ), если будут установлены основания самооговора подозреваемого. В ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ не уточнено, должно ли быть ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной фор-

ме обосновано, а указание на обязательное удовлетворение такого ходатайства лицом, в производстве которого находится уголовное

дело, означает, что потерпевший может безосновательно решить вопрос о форме расследования.

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. 2013. 6 марта.

2. Сведения о работе дознания органов внутренних дел за 2014 г. Форма 10 // Архив ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 2013–2014 г., архив суда г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края. Уголовные дела № 358819, 358826. 2012.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ // Рос. газ. 2013. 30 дек.

4. Божьев В.П. Усиление процессуальных мер по обеспечению потерпевшему доступа к правосудию // Законность. 2007. № 7.

5. Ильин П.В. Общий порядок обеспечения прав потерпевшего в досудебном производстве: реалии и пути совершенствования // Рос. следователь. 2014. № 12.

6. Марфицын П.Г. Внесены изменения в уголовно-процессуальный закон: оправдаются ли надежды потерпевших от преступлений? // Рос. следователь. 2014. № 10.

7. Насонова И.А. Субъекты уголовно-процессуальной защиты. Воронеж, 2010.

8. По жалобе гр. Старовойтовой О.В. на нарушение ее конституционных прав положениями ч. 1 и ч. 2 ст. 200 и ч. 1 ст. 218 УПК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2003 г. № 43-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

9. Артамонова Е.А. О соблюдении прав потерпевшего при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме // Юрид. исследования. 2013. № 2.

1. Amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code and the Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL // Rus. newsp. 2013. March 6.

2. Information on the work of the inquiry bodies of internal affairs for 2014. Form 10 // Archives of the Information center of the Main directorate of the Ministry of the Interior of the Russia across Krasnodar region for 2013–2014, archive of the court of Slavyansk-on-Kuban of the Krasnodar region. The criminal cases № 358819, 358826. 2012.

3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in criminal proceedings: fed. law of Dec. 28, 2013 № 432-FL // Rus. newsp. 2013. Dec. 30.

4. Bozhyev V.P. Strengthening of procedural measures to ensure victims access to justice // Legality. 2007. № 7.

5. Ilyin P.V. General procedure for providing the rights of the victim in the pre-trial proceedings: the realities and ways of improving // Russian investigator. 2014. № 12.

6. Marfitsyn P.G. Amendments to the criminal procedure law: whether justified expectations of the victims of crime? // Russian investigator. 2014. № 10.

7. Nasonova I.A. Subjects of the criminal procedural protection. Voronezh, 2010.

8. On appeal of citizen Starovoitova O.V. on a violation of her constitutional rights with provisions of pt. 1 and pt. 2 of art. 200 and pt. 1 of art. 218 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Jan. 14, 2003 № 43-O // Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. № 3.

9. Artamonova E.A. On the observance of the rights of the victim when deciding on the inquiry in an abbreviated form // Legal studies. 2013. № 2.

Сидоренко Мария Васильевна
кандидат юридических наук,
проректор по правовым вопросам Университета
Российской академии образования
(e-mail: prorectormvs@yandex.ru)

О системе источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в контексте идеи определенности права

Статья посвящена определению источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в правовом регулировании. Автор акцентирует внимание на правовой неопределенности правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ. Особое место в статье уделено определению места международных договоров в системе источников российского уголовно-процессуального права. Рассматриваются коллизии в понимании конкуренции норм УПК РФ (как кодифицированного нормативного акта) и норм иных федеральных законов, имеющих отношение к уголовному судопроизводству России.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, источники уголовного процесса, определенность права.

M.V. Sidorenko, Master of Law, Vice-Rector for Legal Affairs of the University of the Russian Academy of Education; e-mail: prorectormvs@yandex.ru

On the system of sources of Russian criminal procedural law and their hierarchy in the context of the idea of certain rights

The article is devoted to the identification of sources of Russian criminal procedural law and their hierarchy in the legal regulation. The author focuses on the legal position of legal uncertainty and the outcome of the findings of the Constitutional Court of the Russian Federation. A special place is paid to the definition of the place of international treaties in the Russian sources of criminal procedural law. We consider a conflict within the meaning of the competition rules of the Criminal procedure code of the Russian Federation (as codified regulation) and the regulations of other federal laws pertaining to criminal proceedings in Russia.

Key words: criminal justice, sources of criminal procedure, certain rights.

На первый взгляд, определение источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в правовом регулировании не представляет особой проблемы ни для научной доктрины, ни для практической деятельности, реализующейся в уголовно-процессуальных отношениях. Исходным моментом данной определенности, как в большинстве своем резюмируется, является п. «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которому эта отрасль государственной деятельности регулируется исключительно федеральным законодательством. Соответственно, практически каждый исследователь, с теми или иными оговорками, как правило, не затрагивающими сути вопроса, формулирует следующую систему и иерархию источников российского уголовно-процессуального права:

(группа 1) общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ);

(группа 2) законы РФ в их следующей иерархии: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, международные договоры, акты конституционного правосудия, УПК РФ и иные федеральные законы [см., например: 1, с. 49–67].

Казалось бы, все методологически точно. Однако далее, как правило, идут оговорки, которые либо полностью «разрушают» систему, либо обоснованно порождают сомнения в определенности как отдельных ее элементов, так и в целом предложенной иерархии.

Применительно к первой группе, к примеру, указывается на то, что общепризнанные принципы и нормы международного права (контекст—

уголовное судопроизводство России), во-первых, не определены понятийно и содержательно и в настоящее время, скорее, отнесены к сфере субъективных доктринальных подходов, чем к сфере ясно и содержательно определенных норм. К примеру, явно необоснованным видится нам отнесение, как к общепризнанным принципам, так и нормам международного права Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, т.к., на наш взгляд, это акт регионального характера (международный договор), являющийся источником права лишь для ряда стран континентальной Европы [см., например: 2, с. 30]. Во-вторых, они же не отражены (не продублированы нормативно) непосредственно в национальном уголовно-процессуальном законе, что неизбежно порождает вопрос о соотношении данных идей собственно с принципами процесса (гл. 2 УПК РФ). Пробел» законодателей отчасти нивелирован разъяснениями пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» инициативно приводит перечень отдельных из нормативных актов, включающих в себя общепризнанные принципы и нормы международного права. В-третьих, данная группа источников не воспринимается как состоявшийся юридический факт представителями российской уголовно-процессуальной доктрины [см., например: 3]. В силу этого говорить о реальном нормативном воздействии данных источников-норм на текущую уголовно-процессуальную деятельность, полагаем, можно с известной долей условности.

Применительно ко второй группе источников полярности взглядов и мнений нет, пожалуй, лишь применительно к Конституции РФ. Ее роль и значение в правовом регулировании, высшая юридическая сила норм и их прямое действие, по сути, безоговорочно признаются и законодателем, и практикой, и доктриной. Далее, к сожалению, определенность заканчивается; причем как в отношении сути того или иного источника, так и реальной его иерархии при конкуренции норм. И, прежде всего, серьезный диссонанс в единое правовое регулирование вносят акты Конституционного Суда РФ, которые в позициях того или иного исследователя перманентно являют себя следующим образом: 1) как непосредственно конституционные нормы [4, с. 41–42]; 2) судебные прецеденты [5]; 3) правовые констатации; 4) решения преюдициального плана [6, с. 8]; 5) либо как система всех или отдельных из названных свойств [7, с. 99]. Известны так же позиции, согласно которым правовые мнe-

ния, выраженные в актах Конституционного Суда РФ, во многом напоминают правовую доктрину [8, с. 91–97], либо это своего рода правовые обыкновения [9, с. 48]. Особо отметим позиции, согласно которым юридическая сила указанных актов «правотворчества» позволяет расположить их сразу за Конституцией РФ, в качестве непосредственно действующих («живых») норм конституционного права [10, с. 82]. В итоге, если конвенционально согласиться с указанным, то акты конституционного правосудия в системе форм выражения права следуют сразу за конституцией и, по сути, столь же обязательны как для национального законодателя, так и для правоприменительных органов.

По идее, в целях достижения искомой определенности права можно и согласиться с данным доктринальным подходом. Однако доктрина и практика вновь ставят вопросы о нормативном единстве или различии, во-первых, постановлений и определений Конституционного Суда РФ. Во-вторых, о нормативной «силе» собственно итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия и его правовых позиций, изложенных в описательно-мотивировочной части решений. В-третьих, о механизме отмены или изменения состоявшихся актов Суда, ибо правоприменительный процесс объективно рождает коллизии, когда по одному и тому же предмету акты конституционного правосудия являют несовместимые, по сути, правовые подходы. В итоге вместо искомой определенности права и единства в правовом регулировании мы получаем весьма негативные, по сути, коллизии в практической деятельности, а равно непримиримые дискуссии в российской уголовно-процессуальной доктрине.

Не меньший импульс дискуссии являет и такая группа источников, как международные договоры. Приведем для примера наиболее известный из них – Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [11]. По идее, поскольку Конвенция ратифицирована Российской Федерацией в форме федерального закона, ее место в (отраслевом) правовом регулировании не должно быть предметом особых дискуссий. Нормы ч. 3 ст. 1 УПК РФ, в частности, прямо указывают на то, что в случае возможного противоречия норм Конвенции и норм собственно кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) применяются правила международного договора. По буквальному смыслу данного нормативного тезиса исследуемая конвенция должна быть «поставлена» в иерархической пирамиде сразу за федеральными конституционными законами, но перед УПК РФ как ко-

дифицированным нормативным актом. Противоречить последним, а тем более Конституции РФ и ее «претворению» в жизнь, посредством актов конституционного правосудия Конвенция как бы а priori не в праве.

Тем не менее, как российской доктрине и практике, так и актам конституционного правосудия в последние годы достаточно известны коллизии, связанные с всесторонним обоснованием непреложного тезиса о том, что не все из положений Конвенции и актов ЕСПЧ (признаваемых Российской Федерацией *ipso facto*) обязательны для Российской Федерации. Что с позиций обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности, а равно приоритетного обеспечения интересов и прав своих граждан Российская Федерация вправе либо вообще не выполнять отдельные из положений международного договора, либо передать вопрос об императивности их исполнения на рассмотрение высшего национального органа конституционного правосудия. Как вывод в контексте данной дискуссии – международные договоры обязательны для исполнения Российской Федерацией лишь в контексте их соответствия нормам Конституции РФ, в том числе в истолковании, предложенном Конституционным Судом РФ [12; 13]. О возможных несоответствиях между Конвенцией и федеральными конституционными законами высший орган конституционного правосудия, отметим, явно умалчивает. Равно как о возможных коллизиях актов ЕСПЧ непосредственно с актами Конституционного Суда РФ, являющимися себя в качестве «...живого конституционного права». Отсюда правомерно предположить, что в иерархии источников российского уголовно-процессуального права исследуемая Конвенция должна следовать сразу за Конституцией РФ, единственно которой она не должна противоречить, в то же время имея приоритет перед иными законами Российской Федерации.

Однако есть и иные подходы. В позициях профессора Е.А. Лукьяновой приоритеты, как известно, расставлены принципиально иначе [14, с. 25–26]. Во-первых, как резюмирует указанный автор, Конституция РФ выступает лишь в качестве разновидности закона. Во-вторых, присоединяясь к Европейской конвенции, Россия полностью признала юрисдикцию ЕСПЧ и обязалась исполнять его решения по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Кроме того, ст. 26, 27 Венской конвенции о праве международных договоров указывают на обязательность и добросовестное выполнение действующих договоров для каждой из присоединившихся сторон; нормы национального права не могут быть оправданием невыполнения договора. Серьезным до-

водом являются и положения ст. 31, 34 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (в редакции от 12 марта 2014 г.) «О международных договорах Российской Федерации» [15]. Последние включают в компетенцию Конституционного Суда РФ обязанность по разрешению дел о соответствии Конституции лишь тех международных договоров, которые еще не вступили в силу для Российской Федерации. Тем самым международные договоры, вступившие в законную силу, не являются объектом оценки Конституционного Суда на предмет их соответствия Конституции, а подлежат добросовестному выполнению. Решение подобных вопросов при этом должно осуществляться «...не через призму Конституции России, а через призму международных обязательств страны» [14, с. 26].

Как видим, в позициях данного автора нормы международного договора в системе источников российского права имеют явный приоритет перед национальным законодательством, включая и Конституцию. В итоге, казалось бы, обретенная определенность иерархии источников российского права в очередной раз рискует быть основательно поколебленной.

Обнаружили себя коллизии и в понимании конкуренции норм УПК РФ как кодифицированного нормативного акта и норм иных федеральных законов, имеющих отношение к уголовному судопроизводству России. По идее, указанная коллизия разрешена непосредственно законодателем: по смыслу ч. 2 ст. 7 УПК РФ при наличии противоречий между нормами УПК РФ и нормами иных федеральных законов приоритет должен быть отдан именно нормам УПК РФ. Однако Конституционный Суд РФ решил этот вопрос принципиально иначе. При изложении описательно-мотивировочной части и итоговых выводов постановления от 29 июня 2004 г. № 13-П [16, с. 15] и определения от 8 ноября 2005 г. № 439-О [17, с. 47] Конституционный Суд РФ формулирует следующую систему итоговых выводов-норм.

Во-первых, приоритет кодифицированного нормативного акта, каким является УПК РФ, не является безусловным. Являясь в системе федеральных законов России обычным законом, УПК РФ не исключен из действия правила, согласно которому, если даже в последующем законе отсутствует предписание об отмене ранее принятых предписаний, в случае коллизии между ними действует последующий закон.

Во-вторых, приоритет УПК РФ ограничен рамками специального предмета регулирования, которым, как это следует из его ст. 1–7, является порядок уголовного судопроизводства. В рамках же иного предмета правового регулирования действуют иные, специальные право-

вые отношения, приоритет в регулировании которых отдается (специальным) федеральным законам.

В-третьих, решающим доводом в разрешении исследуемых коллизий является система процессуальных гарантий, закрепленная тем или иным федеральным законом. При условии, что гарантии иного федерального закона выглядят более весомыми, действует и регулирует отношения иной федеральный закон, а не УПК РФ.

В итоге правоприменителям при применении того или иного положения УПК РФ, декларируемого в качестве единого и кодифицированного нормативного акта, отныне просто необходимо каждый раз «сверяться»:

1) не отменяет ли последующий федеральный закон те или иные предписания норм УПК РФ, подлежащие применению *ad hoc*;

2) с каким предметом правового регулирования связано осуществление предполагаемого процессуального действия, и, соответственно, в рамках уголовно-процессуальных или специальных отношений оно реализуется;

3) не устанавливает ли тот или иной федеральный закон дополнительных процессу-

альных гарантий, теми или иными способами закрепленных в законе в интересах определенной корпоративной группы.

Как видим, посредством указанных выводов УПК РФ, по сути, «низведен» до уровня обычных федеральных законов, а нормы ч. 2 ст. 77 УПК РФ – не более чем легальная фикция. Достаточно очевидно и то, что с учетом отмеченных позиций Конституционного Суда РФ более нет насущной необходимости приводить в соответствие с нормами УПК РФ те или иные федеральные законы России, противоречащие однородным предписаниям Кодекса. Соответственно, как верно отмечает Л.В. Головкин, практически общепризнанная «кельзеновская» иерархия источников права по вертикали уже требует значительной корректировки и соотношения с источниками по горизонтали [18, с. 44]. И, как следствие данных позиций и итоговых выводов, утверждать о правовой определенности источников российского уголовно-процессуального права можно разве что в процессе научных дискуссий и деклараций, а не как о гарантии построения правового государства и гражданского общества.

1. Ковтун Н.Н. Уголовный процесс России: учеб. Гл. 2: Уголовно-процессуальное право России / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003.

2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб и доп. М., 2008.

3. Томин В.Т. «Права и свободы человека» – большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск, 2004.

4. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000.

5. Витрук Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: программа международного форума, Москва, 26 апр. 1999 г. М., 1999.

6. Выступление Т.Г. Морщаковой: Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: обзор науч.-практ. конф. // Государство и право. 1997. № 5.

7. Ковтун Н.Н. Постановления Конституционного Суда РФ по уголовно-процессуальным вопросам: проблемы законодательной техники и практического применения // Государство и право. 2001. № 11.

1. Kovtun N.N. Criminal trial of Russia: textbook Chap. 2: Criminal procedure law of Russia / A.S. Alexandrov, N.N. Kovtun, M.P. Polyakov, S.P. Serebrova; sci. ed. V.T. Tomin. Moscow, 2003.

2. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal trial: textbook / gen. ed. by A.V. Smirnov. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2008.

3. Tomin V.T. «The rights and freedoms of the person» – a big bluff of the XX century. (Criminal trial of Russia: aspects of interaction with international law). Omsk, 2004.

4. Topornin B.N. System of right sources: development tendencies // Jurisprudence as law source. Moscow, 2000.

5. Vitruk N.M. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept, the nature, validity and value // Constitutional justice in the postcommunist countries: program of the international forum, Moscow Apr. 26, 1999. Moscow, 1999.

6. Morshchakova's T.G. performance: Judicial constitutional control in Russia: lessons, problems and prospects: review of sci. pract. conf. // State and law. 1997. № 5.

7. Kovtun N.N. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal procedure questions: problems of legislative equipment and practical application // State and law. 2001. № 11.

8. Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Судебная практика как источник права. М., 2000.
9. Лазарев В.В. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы совершенствование: сб. ст. М., 2003. Т. 2.
10. Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28).
11. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
12. Зорькин В.Д. Пределуступчивости // Рос. газ. 2010. 29 окт. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>.
13. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Рос. газ. 2013. 5 июля.
14. Лукьянова Е.А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5.
15. Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
16. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 29 июня 2004 г. // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.
17. По жалобе гр. С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и др. на нарушение их конституционных прав ст. 7, 29, 182 и 183 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2005 г. № 439-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2006. № 2.
18. Головкин Л.В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. № 1.
8. Neshatayeva T.N. To a question of right sources – judicial precedent and the doctrine // Jurisprudence as law source. Moscow, 2000.
9. Lazarev V.V. Law-making technic of modern Russia: state, problems improvement: coll. of papers. 2003. Vol. 2.
10. Gadzhiyev G. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as source of a constitutional law // Constitutional law: East European review. 1999. № 3(28).
11. About ratification of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms and Protocols to it: feder. law of March 30, 1998 № 54-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 14. Art. 1514.
12. Zorkin V.D. The compliance limit // Rus. newsp. 2010. 29 Oct. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>.
13. About application by courts of law of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms of November 4, 1950 and Protocols to it: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 21 // Rus. newsp. 2013. July 5.
14. Lukyanova E.A. ECHR and Constitutional Court of the Russian Federation: conflict of interpretation // Law. 2012. № 5.
15. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 29. Art. 2757.
16. On the case of check of constitutionality of separate provisions of articles 7, 15, 234 and 450 of the Criminal procedure code of the Russian Federation in connection with inquiry of group of deputies of the State Duma: the resolution № 13-P of the Constitutional court of the Russian Federation of June 29, 2004 // Bull. of the Constitutional court of the Russian Federation. 2004. № 4.
17. According to the complaint of citizens S.V. Borodin, V.N. Burobin, A.V. Bykovsky, etc. on violation of their constitutional rights of art. 7, 29, 182 and 183 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov. 8, 2005 № 439-O // Bull. of the Constitutional court of the Russian Federation. 2006. № 2.
18. Golovko L.V. Place of the code in system of sources of the criminal procedure law // State and law. 2007. № 1.

Яковлева Людмила Валериевна

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: yalv777@mail.ru)

Генезис и перспективы правового регулирования медиации в уголовном процессе

В статье рассматриваются вопросы становления медиации в уголовном процессе России и зарубежных государства. Автор приходит к выводу о необходимости применения медиации в производстве по уголовным делам и вносит предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, альтернативная процедура, медиация, уголовно-правовой конфликт, восстановительное правосудие, участники уголовного судопроизводства.

L.V. Yakovleva, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: yalv777@mail.ru

Genesis and perspectives of legal regulation of mediation in criminal proceedings

The article considers the issues of formation of mediation in criminal procedure of Russia and foreign countries. The author comes to conclusion about necessity of application of mediation in criminal proceedings and making proposals to change criminal procedure legislation.

Key words: criminal procedure, alternative procedure, mediation, criminal law conflict, restorative justice, parties to criminal proceedings.

С 2010 г. в Российской Федерации действует Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1]. В развитие данного закона была также утверждена Программа подготовки медиаторов, рассчитанная на создание в Российской Федерации корпуса профессиональных специалистов по урегулированию правовых споров [2; 3].

Введение в Российской Федерации вышеуказанным законом способа урегулирования споров при участии медиаторов повлекло за собой изменения в ГК, ГПК и АПК РФ, внесенные Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»» [4]. Первоначально данные изменения коснулись порядка исчисления сроков исковой давности, а также порядка отложения судебного разбирательства в случае выбора сторонами спора процедуры медиации в качестве способа его урегулирования. По результатам практического применения норм Закона «Об альтернативной процедуре урегулирова-

ния споров с участием посредника (процедуре медиации)», в России уже сложилась определенная практика, также фиксируются определенные результаты его применения. К примеру, 1 апреля 2015 г. Президиумом Верховного Суда РФ утверждена «Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г.» [5].

Однако в соответствии с законом использование процедуры медиации ограничивается только частно-правовыми (гражданскими, трудовыми и семейными) отношениями. В положениях данного закона не упоминается о проведении медиации в уголовном судопроизводстве, несмотря на то, что вопрос о необходимости и реальной возможности такой формы по уголовным делам ставится процессуалистами уже более десятилетия. К тому же ряд уголовных дел носят также характер частно-исковых требований, и уголовно-процессуальным отношениям, как и гражданско-правовым, присущи черты исковых требований, в связи с чем в юриспруденции о них издавна говорят как об уголовно-правовых исках.

Напрямую к вопросу о необходимости применения медиации в уголовном судопроизводстве в 2002 г. обратились сотрудники Центра судебно-правовой реформы под руководством И.Л. Петрухина. В этом направлении ими были разработаны поправки в УПК РФ по формам использования медиации [6, с. 158–160]. К необходимости введения медиации в уголовное судопроизводство призывают и другие дальновидные ученые-процессуалисты [7, с. 126–130; 8, с. 206–209; 9, с. 27–29].

Однако до настоящего времени медиация в уголовном судопроизводстве остается без внимания законодательных органов, несмотря на то, что разрешение уголовно-правовых конфликтов не является новым способом не только для европейских государств и США, где он успешно применяется уже десятилетия, но и для Российского государства. Исследования становления медиации в нашем государстве, проведенные А.А. Ширкиным, позволили ему предложить периодизацию становления и развития института примирения в отечественном уголовном процессе. В своем научном исследовании он определяет 6 этапов: 1) XI в. – 1715 г. – первый этап связан с положениями Русской Правды, Двинской уставной грамоты, Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г., характеризуется рассмотрением уголовно-правового спора в качестве частного конфликта сторон; 2) 1715–1845 гг. – второй этап характеризуется усилением публичного начала в уголовном процессе, что находит отражение в Артикуле воинском 1615 г. и Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1615 г.; 3) 1845–1917 гг. – третий этап связан с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где был закреплен перечень преступлений, по делам о которых допускалось примирение; 4) 1917–1960 гг. – четвертый этап обусловлен образованием Советской России и созданием на новой идеологической основе советского законодательства; особенностью этого этапа является возникновение института мировых судей (Декрет о суде от 20 июля 1918 г. № 3), целью деятельности которого было, в том числе, склонение сторон к примирению по делам, которые имели потенциал им завершиться; 5) 1960–1996 гг. – пятый этап связан с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., в котором был закреплен перечень уголовных дел частного обвинения, по которым допускалось примирение; 6) 1996 г. – по настоящее время – шестой этап характеризуется значительным расширением возможностей примирения сто-

рон с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г.: оно стало возможно не только по делам частного, но и частного-публичного обвинения; далее перечень таких дел был расширен в 2002 г. в связи с вступлением в силу Уголовно-процессуального кодекса РФ, в соответствии с положениями которого примирение допускается по уголовным делам не только небольшой, но и средней тяжести [10, с. 12].

Однако следует критически отметить, что в своем исследовании А.А. Ширкин не ограничивает институт примирения от медиации и за основу определения этапов становления медиации берет примирение. Медиация же не всегда влечет за собой примирение, и ее применение предполагает обязательное участие медиатора, т.е. специализированного посредника, статус которого определяется в ст. 2 Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» как независимого физического лица, привлекаемого сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. Поэтому предложенную периодизацию становления и развития института примирения в отечественном уголовном процессе можно считать условной.

Впервые к помощи медиатора при урегулировании различных споров стали прибегать в США, примерно в 70-е гг. XX в. Хорошо зарекомендовав себя, институт медиации получил также распространение в странах континентальной Европы, в Канаде, Австралии, Великобритании и других государствах [11, с. 29].

Эффективность использования данного института подтверждается и международной практикой. Так, Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли принят Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре. Данный модельный нормативный акт рекомендован Генеральной Ассамблеей ООН всем государствам для должного рассмотрения возможности его принятия в целях обеспечения единообразия законодательства о процедурах урегулирования споров и конкретных потребностей международной коммерческой согласительной практики. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 24 января 2003 г. № A/RES/57/18 [12] отмечается, что согласительная процедура, или посредническая деятельность, применяется в международной и национальной практике в качестве альтернативы судебному разбирательству [13, с. 239–241].

Возникнув как инструмент процессуальных преобразований, как возможность преодоления кризисной ситуации в правосудии, альтернативные способы разрешения конфликтов, и в первую очередь медиация, как самый распространенный из них, постепенно превратились в неотъемлемую составную часть правовой системы США и других развитых государств. Считается, что примирение как способ достижения взаимного согласия и компромисса является целью правового регулирования [8, с. 206].

В постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» отмечается, что внедрение и развитие альтернативных способов разрешения споров по различным категориям дел позволит повысить качество правосудия и обеспечить надежные гарантии прав граждан на судебную защиту в разумные сроки. С учетом этого одним из приоритетных направлений совершенствования существующих механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан является развитие примирительных процедур, в том числе посредничества (медиации) [14].

По нашему мнению, необходимо расширить область применения закона и добавить к данному перечню отношения по уголовным делам небольшой тяжести и средней тяжести, уменьшив таким образом объемы работы дознавателей, следователей и мировых судей.

Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Головки о том, что основное значение медиации заключается в попытке создать новую философию уголовного права и процесса, преодо-

левающих с ее помощью свои формально-юридические рамки [15, с. 111].

В ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» говорится, что, если споры возникли из иных, не указанных в ч. 2 настоящей статьи отношений, действие закона распространяется на отношения, связанные с урегулированием таких споров путем применения процедуры медиации только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Таким образом, данная норма подлежит широкому толкованию и не исключает возможности применения медиации, в том числе, и в уголовном судопроизводстве, однако для этого требуется принятие другого закона, вносящего соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

С целью введения медиации в уголовное судопроизводство следует дополнить УПК РФ, включив в перечень участников уголовного судопроизводства нового участника – медиатора по уголовным делам, регламентировав его правовой статус, ввести в УПК РФ процедуру медиации по уголовным делам небольшой и средней тяжести как на досудебных, так и судебных стадиях. В сложившейся ситуации такие изменения позволят оптимизировать уголовное судопроизводство путем сокращения затрат на его производство, уменьшить нагрузку судей, следователей, дознавателей, сократить сроки производств по уголовным делам, предоставят больше возможностей потерпевшим восстановить нарушенные преступления.

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 33) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2013. № 30. Ст. 4066.

2. Об утверждении программы подготовки медиаторов: приказ Минобрнауки РФ от 14 февр. 2011 г. № 187 // Рос. газ. 2011. 23 марта.

3. О программе подготовки медиаторов: постановление Правительства РФ от 3 дек. 2010 г. № 969 // Собр. законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6706.

4. Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4163.

1. On alternative procedure of dispute settlement with participation of mediator (mediation procedure): fed. law of July 27, 2010 № 193-FL (in ed. of July 23, 2013 № 33) // Coll. of legislation of the Russian Federation 2010 № 31. Art. 4162 // 2013. № 30. Art. 4066.

2. On approval of the program of training of mediators: order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of Febr. 14, 2011 № 187 // Rus. newsp. 2011. March 23.

3. On the program of training of mediators: resolution of the Government of the Russian Federation of Dec. 3, 2010 № 969 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 50. Art. 6706.

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4163.

5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177556/ (дата обращения: 14.09.2015).
6. Петрухин И.Л., Кариозова Л.М., Флямер М.Г. Предлагаемые поправки к УПК РФ // Восстановительное правосудие / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.
7. Головки Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4.
8. Карягина О.В. Преемственность института медиации в российском уголовном процессе: проблемы и перспективы использования зарубежного опыта // Юрид. техника. 2011. № 5.
9. Марковичева Е.В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства // Рос. судья. № 9.
10. Ширкин А.А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2015.
11. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005.
12. URL: www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml (дата обращения: 20.09.2015).
13. Карягина О.В., Маткина А.И. Перспективы медиации в российском уголовном праве: теоретический аспект // Успехи современного естествознания. 2011. № 8.
14. URL: ssrf.ru/page/9085/detail (дата обращения: 14.09.2015).
15. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве // Правоведение. 1998. № 3.
5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177556/ (date of access: 14.09.2015).
6. Petrukhin I.L., Kharisova L.M., Flyamer M.G. Proposed amendments to the criminal procedure code of the Russian Federation // Restorative justice / ed. by I.L. Petrukhin. Moscow, 2003.
7. Golovko L.V. Institute of criminal mediation and its prospects in the Russian Federation // Law. 2009. № 4.
8. Karyagina O.V. Continuity of mediation Institute in the Russian criminal process: problems and prospects of use of foreign experience // Legal technique. 2011. № 5.
9. Markovicheva E.V. The role of mediation in the acceleration of criminal proceedings // Russian judge. № 9.
10. Shirkin A.A. Mediation as the development direction of the Institute of reconciliation in the criminal process of the Russian Federation. auth. abstr. ... Master of Law. Lyubertsy, 2015.
11. Nosyreva E.I. Alternative dispute resolution in the United States. Moscow, 2005.
12. URL: www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml (date of access: 20.09.2015).
13. Karyagina O.V., Matkina A.I. The prospects of mediation in the Russian criminal law: theoretical aspect // Successes of modern natural science. 2011. № 8.
14. URL: ssrf.ru/page/9085/detail (date of access: 14.09.2015).
15. Golovko L.V. Alternatives to criminal prosecution in modern English law // Jurisprudence. 1998. № 3.

Борозенец Николай Николаевичсоискатель кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: proc-n@mail.ru)

Надзор и правообеспечительная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: проблема соотношения

Анализируются различные точки зрения по вопросу о сущности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве. Обосновывается, что надзор и правообеспечительная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве соотносятся как содержание и форма, где содержание – собственно деятельность, а надзор – ее форма.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прокурор, надзор, правообеспечение.

N.N. Borozenets, Competitor of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University;
e-mail: proc-n@mail.ru

Supervision and law protection activity of the Prosecutor in criminal proceedings: the problem of the relation

Analyzes different points of view on the question about the nature of the activities of the Prosecutor in criminal proceedings. It is argued that the supervision and law protection the activities of the Prosecutor in criminal proceedings relate to both the content and form where content is actually the activities, and the oversight of its form.

Key words: criminal proceedings, Prosecutor, supervision, law protection.

Современные исследования деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве ведутся весьма активно. В центре внимания ученых находятся злободневные вопросы о процессуальных полномочиях прокурора, соотношении прокурорского надзора и судебного, а также ведомственного контроля и многие другие.

Принципиально важным и актуальным в современной науке уголовного процесса является вопрос ограничения процессуальных полномочий прокурора в связи с увеличением объема процессуальной компетенции руководителя следственного органа. По этому поводу высказываются диаметрально противоположные позиции, в соответствии с которыми, с одной стороны, изъятие части полномочий прокурора является обоснованным и целесообразным [1, с. 2–4; 2, с. 7; 3, с. 114], а с другой – признается «бедой для государства и граждан» [см., например: 4, с. 3–6].

Есть и промежуточная позиция, в соответствии с которой признается необходимым усовершенствовать процессуальное положение прокурора, но рекомендуется менее радикальный подход, основанный на внесении некоторых корректив в существующий процессуальный статус, в том числе признание прокурорского надзора за деятельностью следователя [1, с. 2–4].

В то же время следует отметить, что проблема определения современного подхода к совершенствованию процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве в целом и досудебных стадиях в частности во многом обусловлена нерешенными теоретическими вопросами, связанными с сущностью его деятельности. По поводу участия прокурора в уголовном судопроизводстве высказываются следующие мнения.

Так, А. Петров выделяет два направления прокурорской деятельности – обеспечение законности при производстве по уголовному делу и правообеспечение, и, судя по контексту, автором эти направления рассматриваются как относительно самостоятельные [5, с. 21].

По мнению В.А. Лазарева, все, что ни делает прокурор на предварительном расследовании, и есть надзор за законностью [6, с. 15].

В.В. Самсонов считает, что «особенности уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве требуют контроля за ее законностью и соблюдением принципов уголовного судопроизводства. Этой цели и служит прокурорский надзор, направленный на защиту прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве» [7, с. 5].

А.А. Тушев выделяет довольно многочисленные направления в деятельности проку-

рора, в том числе надзор за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, надзор за исполнением законов судебными приставами [8, с. 32]. Кроме того, по его мнению, на прокурора в уголовном процессе возложено выполнение следующих функций: 1) борьбы с преступностью; 2) надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия; 3) правозащитной; 4) уголовного преследования; 5) руководства процессуальной деятельностью следователя, дознавателя и органов дознания по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; 6) координации деятельности правоохранительных органов по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений. В результате А.А. Тушев делает следующий вывод: в связи с тем, что прокурор, кроме надзорной, выполняет и другие функции, правильнее говорить не об институте прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, а об институте участия прокурора в уголовном судопроизводстве [9, с. 14].

Аналогичной позиции (в части полифункциональности деятельности прокурора) придерживаются и другие ученые.

Б.А. Тугутов, например, пишет: «Исходя из роли прокурора по обеспечению надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов в судебном производстве, прокурор исполняет функции поддержания государственного обвинения, надзора за соблюдением законности и восстановления законности, составляющие основу системы функций прокурора в судебном производстве и обеспечивающие достижение целей уголовного процесса... Все указанные процессуальные функции равно необходимы, и неисполнение любой из них ставит под сомнение достижение целей уголовного процесса. На каждой судебной стадии уголовного процесса каждая из этих функций может проявляться в определенной форме (действии или их системе)» [10, с. 11].

Л.М. Володина считает, что «осуществление надзора за исполнением законов органами предварительного расследования требует от прокурора активных действий, направленных на устранение допущенных нарушений, в том числе и нарушений прав человека. Прокурор не может пройти мимо подобных нарушений. В этом случае правозащитная миссия прокурора осуществляется в рамках надзорной функции» [11, с. 54].

А.В. Чубыкин утверждает, что «оптимальным при определении соотношения процессуаль-

ных функций прокурора в стадии возбуждения уголовного дела является признание приоритетного значения в его деятельности надзорной функции. Выполнение прокурором таких функций, как уголовное преследование и процессуальное руководство, должно обуславливаться преимущественно интересами обеспечения адекватного реагирования на выявляемые нарушения уголовного закона и необходимостью безотлагательного устранения нарушений закона в деятельности органов дознания и предварительного следствия» [12, с. 10].

Научный интерес представляет позиция известного ученого В.И. Рохлина, который отмечал: «Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина охватывает практически всю сферу деятельности органов прокуратуры» [13].

В качестве основного назначения прокурорского надзора за производством дознания в условиях действующего уголовно-процессуального и иного законодательства рассматривается обеспечение баланса между публичным интересом и признаваемыми Конституцией РФ, Федеральным законом «О полиции» и иным законодательством в качестве приоритетных интересами граждан и организаций [14, с. 7]. В отдельных случаях прокурорский надзор рассматривается как составная часть такой функции прокурора, как уголовное преследование [15, с. 19].

В учебной литературе даются различные определения прокурорского надзора.

Под прокурорским надзором за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия понимается урегулированная нормами права деятельность уполномоченных прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса, направленная на обеспечение законности при осуществлении уголовного преследования [16, с. 65].

«Надзорная деятельность прокурора за исполнением законов органами, производящими дознание и предварительное следствие, имеет целью выявление нарушений закона при осуществлении уголовного преследования, реагирование на выявленные нарушения, принятие предусмотренных законом мер, направленных на устранение этих нарушений и восстановление нарушенных прав граждан» [17, с. 61].

Отметим, что в предлагаемых определениях авторы совмещают прокурорский надзор и уголовное преследование и рассматривают прокурорский надзор как условие обеспечения законности осуществления уголовного преследования.

«Под прокурорским надзором за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия понимается деятельность соответствующих прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса в пределах их компетенции с использованием предоставленных им законом полномочий по обеспечению законности при расследовании преступлений» [18, с. 32].

В этом случае речь идет о прокурорском надзоре как о самостоятельном направлении деятельности.

В то же время В.Ф. Крюков считает, что прокурорский надзор представляет собой государственно-властное наблюдение за единообразным исполнением правовых предписаний с принятием мер к восстановлению нарушенных прав [19, с. 27].

Краткий обзор научной и учебной литературы приводит к следующим выводам:

1) применительно к раскрытию сущности деятельности прокурора в теории используются такие правовые категории, как «направления деятельности» и «функции»;

2) прокурорский надзор в некоторых случаях рассматривается как отдельная функция, наряду с которой осуществляются и иные функции (уголовного преследования), с возможным допущением совмещения функций (например, надзорной и правозащитной);

3) значение выделяемых функций оценивается не одинаково, в одних случаях выделяются приоритетные функции, в других – признается равное значение за всеми выполняемыми прокурором функциями;

4) в составе прокурорского надзора выделяют отдельные направления его реализации.

В результате закономерным выглядит следующий вывод: в теоретическом плане прокурорский надзор представляется как сложное правовое явление, определяемое как функция (направление) уголовно-процессуальной деятельности с достаточно неопределенным содержанием и неясным значением.

Обратим внимание и на то, как понимается деятельность прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в ведомственных нормативно-правовых актах.

Например, в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 [20] содержатся следующие предписания: «1.2. Осуществляя надзор за законностью действий и решений органов следствия и дознания, уделять особое внимание правовому и фактическому положению потерпевших. С целью защиты прав и законных интересов лиц, по-

терпевших от преступлений, принимать меры к обеспечению гражданских исков в уголовном деле... 1.9. На всех стадиях досудебного производства особое внимание обращать на соблюдение права подозреваемого и обвиняемого на защиту...».

В соответствии с этими положениями прокурорский надзор выступает не просто основным, а фактически единственным направлением деятельности прокурора, и именно в его рамках прокуроры обязаны осуществлять полномочия по защите и соблюдению прав участников уголовного судопроизводства.

Приведем еще одно мнение. «Надзор служит выявлению нарушений, а правообеспечительная функция – для непосредственного исправления нарушения» [21, с. 17].

Мы не можем согласиться с этим утверждением. Предлагаемый формат разграничения прокурорского надзора и правообеспечения предполагает их выполнение по отдельности, причем последовательно: сначала прокурор выявляет правонарушение и при этом осуществляет надзор, а затем исправляет его (правонарушение), осуществляя при этом правообеспечительную деятельность.

Однако, как представляется, такое разграничение выглядит искусственным. Получается, что в рамках надзора обнаруживаются недостатки, а затем уже средствами правообеспечения они исправляются. В результате правообеспечение приобретает такие черты, как властность, инициативность и др., что в целом присуще и прокурорскому надзору. Тогда возникает закономерный вопрос: в чем существенное отличие прокурорского надзора и правообеспечения, приводящее к их разграничению?

Исключая из прокурорского надзора такой элемент, как исправление выявленных нарушений федерального законодательства, мы тем самым лишаем эту деятельность логической завершенности, целостности, признака системности.

Думается, выявленные противоречия в теоретических положениях устраняются достаточно легко, если выдвинуть следующую гипотезу: прокурорский надзор есть форма осуществления функций прокурора в уголовном судопроизводстве по обеспечению законности. При этом уголовное преследование является самостоятельным направлением его деятельности и имеет собственную форму осуществления.

Прокурорскому надзору как форме деятельности прокурора присущи следующие характерные черты:

1) законность (установленность федеральным законом компетенции, полномочий, средств, методов деятельности);

2) определенность (наличие в федеральном законе механизмов реализации);

3) единство (применимость к неограниченному кругу ситуаций);

4) системность (наличие нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов).

Деятельность прокурора, осуществляемая в форме надзора, отличается следующими признаками: властность, инициативность, объективность, целенаправленность, публичность.

1. Арсенова Т.Б. Процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам // *Рос. следователь*. 2009. № 18.

2. Багмет А.М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // *Рос. юстиция*. 2013. № 9.

3. Петрухин И.Л. Проблемы судебной власти в современной России // *Государство и право*. 2000. № 8.

4. Кругликов А.П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // *Законность*. 2012. № 1.

5. Петров А. Соотношение прокурорского надзора с судебным и ведомственным контролем // *Законность*. 2013. № 4.

6. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.

7. Самсонов В.В. Прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль в досудебном производстве: дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

8. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб., 2005.

9. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006.

10. Тугутов Б.А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

11. Володина Л.М. Публичность и защита прав человека в уголовном судопроизводстве // *Материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Уфа, 2009.

12. Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Надзор и правообеспечительная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве соотносятся как содержание и форма, где содержание – это собственно деятельность, а надзор – ее форма, что приводит к беспредметности дискуссии о наличии или отсутствии прокурорского надзора в сфере правообеспечения.

2. Предмет прокурорского надзора определяет не функции прокурора, а доступные и соответствующие специфике деятельности поднадзорных органов способы его осуществления.

1. Arsenova T.B. Procedural autonomy of persons performing a pre-trial criminal proceedings // *Russian investigator*. 2009. № 18.

2. Bagmet A.M. To the question of procedural autonomy of the investigator // *Russian justice*. 2013. № 9.

3. Petrukhin I.L. Problems of the judiciary in modern Russia // *State and law*. 2000. № 8.

4. Kruglikov A.P. Powers of prosecutor on the criminal case initiating and the prosecution // *Legality*. 2012. № 1.

5. Petrov A. The ratio of prosecutorial supervision with judicial and departmental control // *Legality*. 2013. № 4.

6. Lazareva V.A. The judiciary and its implementation in the criminal process. Samara, 1999.

7. Samsonov V.V. Public Prosecutor's supervision and departmental procedural control in pre-trial proceedings: diss. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2011.

8. Tushev A.A. The Prosecutor in the criminal procedure of the Russian Federation. St. Petersburg, 2005.

9. Tushev A.A. The Prosecutor in the criminal procedure of the Russian Federation: the system of functions and powers: auth. abstr. ... Dr of Law. Krasnodar, 2006.

10. Tugutov B.A. Functions of the Prosecutor in judicial stages of criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2014.

11. Volodina L.M. The publicity and protection of human rights in criminal proceedings // *Proc. of Intern. sci.-pract. conf.* Ufa, 2009.

12. Chubykin A.B. Procedural status of the Prosecutor at stage of criminal case initiation: diss. ... Master of Law. Moscow, 2014.

13. Rokhlin V.I. Prosecutorial supervision over observance of the rights and freedoms of

13. Рохлин В.И. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Закон: интернет-журн. URL: <http://law.vl.ru/>
14. Тетрюк А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания: уголовно-процессуальный и организационный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
15. Крюков В.Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
16. Поляков М.П., Федулов А.В. Прокурорский надзор: конспект лекций. 3-е изд., испр. и доп. М., 2009.
17. Гладышева В.А., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
18. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллина А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. М.; Кемерово, 1997.
19. Крюков В.Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору. Курск, 2000.
20. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 нояб. 2007 г. № 189 // Законность. 2008. № 2.
21. Пичугин Д.Г. Процессуальные полномочия прокурора и особенности их реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности пограничными органами Федеральной службы безопасности: по материалам Дальневосточного федерального округа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012.
- man and citizen // Law: the web magazine. URL: <http://law.vl.ru/>
14. Tetruk A.G. Prosecutors supervise over investigation proceedings: criminal procedure and organizational aspects: auth. abstr. ... Master of Law. N. Novgorod, 2011.
15. Kryukov V.F. Legal status of the Prosecutor in criminal proceedings (pre-trial and judicial proceedings): auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2012.
16. Polyakov M.P., Fedulov A.V. Prosecutorial supervision: lecture notes. 3rd ed., rev. and extr. Moscow, 2009.
17. Gladysheva V.A., Sementsov V.A. Criminal procedure law. General part and pre-trial proceedings: course of lectures. 2nd ed., rev. and extr. Moscow, 2013.
18. Solovyov A.B., Tokareva M.E., Khaliulin A.G., Yakubovich N.A. Legality in pre-trial stages of criminal process of Russia. Moscow; Kemerovo, 1997.
19. Kryukov V.F. Lectures on the Prosecutor's supervision. Kursk, 2000.
20. About the organization of prosecutorial supervision over the observance of constitutional rights of citizens in criminal proceedings: order of the Prosecutor General Office of the Russian Federation of Nov. 27, 2007 № 189 // Legality. 2008. № 2.
21. Pichugin D.G. Procedural powers of the prosecutor and the peculiarities of their realization in the implementation of criminal procedural activity of the frontier bodies of the Federal security service: on materials of far East federal district: auth. abstr. ... Master of Law. Tomsk, 2012.

Горак Нелли Викторовна

соискатель кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: vechnyi-dvigatel@mail.ru)

Злоупотребление правом на обжалование прокурору действий (бездействия) и решений должностных лиц в досудебном производстве

В статье рассматривается феномен злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве. Дается авторское определение понятия злоупотребления правом на обжалование прокурору, предлагаются способы противодействия ему.

Ключевые слова: обжалование, жалоба, прокурор, злоупотребление правом.

N.V. Gorak, Competitor of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: vechnyi-dvigatel@mail.ru

Abuse of the right on the appeal to the prosecutor of actions (inaction) and officials' decisions in pre-trial production

The phenomenon of abuse of the right in criminal legal proceedings is considered in the article. Author's definition of concept of abuse of the right is given on an appeal to the public prosecutor, the methods of counteraction it are offered.

Key words: appeal, complaint, prosecutor, abuse of the right.

Феномен злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве в последнее время все чаще обсуждается учеными.

Так, Е.В. Рябцева впервые на монографическом уровне провела анализ злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве [1]. О.Я. Баев и М.О. Баев, наряду с методологическими основами феномена злоупотребления правом в производстве по уголовному делу, акцентировали внимание на злоупотреблении правом следователем и адвокатом – защитником [2]. Н.А. Колоколов рассматривал вопросы злоупотребления субъективным правом на подачу жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ [3].

Несмотря на исследование различных аспектов данного феномена, злоупотребление правом на обжалование прокурору в уголовном судопроизводстве предметом научных исследований не являлось.

Право на обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа ч. 1 ст. 123 УПК РФ предоставлено участникам уголовного судопроизводства, а также иным лицам в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Работники прокуратуры нередко сталкиваются с заявителями, которые, хорошо зная осо-

бенности процедуры и механизм прохождения жалоб, сознательно многократно обращаются по одному поводу в одну и ту же либо одновременно в несколько инстанций: от Президента РФ и Государственной Думы Федерального Собрания РФ до Генерального прокурора РФ и Уполномоченного по правам человека в РФ. Все эти жалобы в конечном счете перенаправляются в территориальную прокуратуру. Подготовка ответа по каждому такому обращению, нередко с направлением их копий в вышестоящие инстанции, требует немало времени, обращения к базам данных, расхода электроэнергии, бумаги, применения компьютерной и офисной техники, подготовки и направления ответов через подразделения Федеральной почтовой службы.

Например, гражданкой Ш. на личном приеме в прокуратуре края подано одновременно 6 жалоб. В одном обращении она обжаловала действия следователей РУФСКН при задержании ее мужа, в другом – выразила несогласие с проведением обыска в жилище сотрудниками наркоконтроля, с непредоставлением копии протокола обыска, в третьем – заявила о краже, совершенной сотрудниками РУФСКН при проведении обыска в жилище, в четвертом – о нарушении неприкосновенности частной жизни, в пятом – о применении сотрудниками правоохранительных органов недозволенных методов ведения следствия в отношении ее мужа, в шестом – о несогласии с привлечением мужа к

административной ответственности и фальсификации материалов административного дела. Всего от Ш. в прокуратуру Краснодарского края с сентября 2011 г. по апрель 2014 г. поступило 119 обращений, как поданных ею на личном приеме, так и направленных из других органов и ведомств.

Аналогично от гражданина П., в отношении которого возбуждено уголовное дело за совершение покушения на мошенничество, с мая 2014 г. по июнь 2015 г. в краевую прокуратуру поступило 195 жалоб о несогласии с уголовным преследованием, производством выемки предметов и документов, неознакомлением с результатами проведенной экспертизы по делу.

Умышленная подача заявителем множества обращений, на наш взгляд, служит цели затруднить работу органов предварительного расследования и надзирающего прокурора, а также затягиванию процессуальных сроков по делу.

Однако несовершенство действующего законодательства не позволяет привлечь таких лиц к ответственности за злоупотребление правом на обжалование, о чем они также прекрасно осведомлены. Современные реалии настоятельно диктуют необходимость принятия мер по противодействию данному негативному явлению.

Злоупотребление правом для обжалования известно в России давно. Так, Александр I в 1804 г. издал Указ «О предании суду просителей, коих жалобы на несправедливые решения Сената окажутся вовсе неосновательными». В нем отмечалось, что «из множества вступающих к Нам прошений... весьма мало оказывается таких, кои бы справедливо требовали собственного Нашего внимания; напротив того, большая часть, будучи совершенно недельны, не заслуживают никакого уважения... В пресечении несправедливых ...жалоб велею брать с просителей подписки в том, что они ведают законы, строго запрещающие подавать несправедливые... жалобы, ибо нарушители сего преданы будут суду...» [4].

Вместе с тем, отсутствие в уголовно-процессуальном законе понятия злоупотребления правом в силу распространенности этого правового феномена и неоднозначного отношения к его определению, как отмечают О.Я. Баев и М.О. Баев, представляет юридический нонсенс [2, с. 25].

Для того чтобы понять, что же собой представляет злоупотребление правом на обжалование прокурору, необходимо ознакомиться с палитрой мнений ученых по поводу определения понятия «злоупотребление правом» в уголовном судопроизводстве.

Н.А. Колоколов видит в злоупотреблении правом способ осуществления субъективного права в противоречие с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу или государству, и выделяет его признаки. К числу основных (универсальных) признаков ученый относит осуществление субъективного права в противоречие с его назначением и вредоносность, к факультативным – осуществление субъективного права с единственной целью причинить вред другому лицу, безнравственность, недобросовестность и неразумность осуществления права. Психологической основой злоупотребления правом является деформация индивидуального правосознания субъекта в форме правового эгоцентризма, которая характеризуется прагматичным знанием лицом своих прав (интеллектуальный элемент) и наличием желания к их исключительно утилитарному осуществлению (волевой элемент) [3, с. 28].

Применительно к обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ автор справедливо отмечает, что злоупотребление заявителем правом на принесение жалобы перегружает судебную систему бесполезной работой, данный вид судопроизводства должен иметь защиту от недобросовестного инициатора процесса в виде высоких государственных пошлин, ведения производства исключительными категориями адвокатов, денежных и административных санкций и др. Значительное количество фактов злоупотребления правом на обжалование легко выявить на этапе поступления жалобы. К сожалению, большинство юристов, занимающих должности прокуроров и судей, необходимой методикой не обладает [3, с. 35].

О.Я. Баев и М.О. Баев определяют злоупотребление правом как поведение (действие/бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за пределы его правового статуса, однако нарушающее права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующее разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства [2, с. 26]. При этом они указывают, что разграничение между поведением, не вызывающим каких-либо сомнений в его правомерности, и феноменом злоупотребления правами проводится исключительно с точки зрения необходимости обеспечения в судопроизводстве баланса общественных и личных интересов [2, с. 19].

По мнению Е.В. Рябцевой, злоупотребление субъективным правом представляет собой особую форму противоправного поведения

участника уголовно-процессуальных отношений, при которой виновное осуществление субъективного права причиняет необоснованный вред или создает условия для причинения такого вреда правам других лиц, организаций или иных субъектов права, а также противоречит общим принципам и назначению уголовного судопроизводства [1, с. 35].

Характеризуя сущность злоупотребления субъективным правом, Е.В. Рябцева проводит аналогию с составом правонарушения и выделяет четыре аспекта. Для объективной стороны состава злоупотребления правом необходимо, во-первых, наличие субъективного права у злоупотребляющего субъекта. Во-вторых, выраженность деяния в виде активных действий или в бездействии. В-третьих, деяние представляет собой использование права таким образом, что происходит искажение положительного назначения субъективного права, при котором оно причиняет вред или создает условия такого причинения.

Объектом в составе злоупотребления субъективным правом выступают субъективные права и законные интересы субъектов права, защищаемые нормами права.

Субъект, во-первых, обладает определенными субъективными правами, которые он может использовать во вред, а во-вторых, он должен обладать правовым статусом участника уголовного судопроизводства.

Субъективная сторона состава злоупотребления правом выражается в установлении умышленной или неосторожной формы вины по отношению к деянию и последствиям. Злоупотребление правом влечет отрицательные, неблагоприятные юридические последствия в зависимости от его характера (отказ в защите прав, которыми злоупотребляет субъект; отмена решений, вынесенных в результате злоупотреблений должностного лица) [1, с. 34–35].

И.Э. Трофимов указывает на необходимость законодательного исключения возможности бесконечного обжалования принятых по жалобам судебных решений. При этом он отмечает, что в противном случае уголовно-процессуальный механизм защиты прав личности и государства от преступных посягательств сам оказывается незащищенным от лиц, злоупотребляющих своим правом на принесение жалобы [5, с. 53].

В качестве причины злоупотребления заявителями своим правом И.А. Кириянина называет отсутствие законодательного закрепления сроков на подачу жалобы в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, что также создает постоянную угрозу уголовного преследования, в том числе при истечении сроков давности привлечения к

уголовной ответственности, предусмотренных ст. 78 УК РФ [6, с. 274].

Ежегодно число обращений граждан в органы прокуратуры является стабильно высоким. Не последнюю роль в этом играет бесплатность подачи обращения, без оплаты государственной пошлины. Форма обращения на имя прокурора не установлена и является произвольной. Кроме того, подать жалобу граждане могут, не прибегая к услугам адвоката. Прокуратура по-прежнему остается своего рода «бюро жалоб простого человека».

В органах прокуратуры Российской Федерации по вопросам следствия и дознания, а также на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении в 2012 г. разрешено 591225 обращений, в 2013 г. – 610428, в 2014 г. – 607445 [7]. Признается обоснованным и удовлетворяется каждое седьмое обращение [8].

В этой связи продолжают звучать предложения о корректировке работы с жалобами граждан, введении в деловой оборот понятия «злоупотребление правом обращения в органы прокуратуры» и в практику – оставления таких жалоб без рассмотрения с извещением об этом заявителей [9, с. 11; 10, с. 87].

По нашему мнению, злоупотребление правом на обжалование прокурору представляет собой неоднократное обращение участника уголовно-процессуальных отношений к прокурору с жалобой с одними и теми же доводами, которые ранее в полном объеме проверялись, о несогласии с одним и тем же процессуальным решением, правовая оценка которому неоднократно давалась, о чем заявитель был уведомлен. В данном случае подача жалобы не вызвана объективной необходимостью, представляет собой недобросовестное, неразумное осуществление субъективного права и нарушает права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства.

В целях противодействия злоупотреблению правом на обжалование прокурору в уголовном судопроизводстве представляется необходимым применение института прекращения переписки с автором многократных обращений, речь о котором идет в ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

В случаях, когда в жалобе гражданина содержится вопрос, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, и при этом новые доводы или обстоятельства

заявителем не приводятся, возможно принятие прокурором решения о прекращении переписки с гражданином по данному вопросу с его обязательным уведомлением.

Еще одним заслоном на пути недобросовестных заявителей будет являться подача жалобы только в пределах срока давности уголовного преследования, предусмотренного ст. 78 УК РФ. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого указания на такое временное ограничение является законодательным пробелом и требует устранения путем внесения соответствующего дополнения в ст. 123 УПК РФ.

Мы разделяем мнение Н.А. Колоколова, считающего, что «российским правоприменителям еще только предстоит научиться отграничивать злоупотребление субъективным правом от сходных правовых яв-

лений, выявить специфические признаки злоупотребления субъективным правом как правового поведения, осуществить психолого-правовой анализ этого феномена, обратив особое внимание на деформацию индивидуального правосознания управомоченного субъекта, злоупотребляющего своим правом, внести предложения по совершенствованию действующего законодательства, направленные на предупреждение злоупотреблений отдельными правами и свободами» [3, с. 29].

Конституционному праву граждан на обжалование присущи такие характеристики, как широта и свобода. В то же время, некоторые граждане по своему усмотрению используют данное право в противоречие с целями обжалования, что недопустимо и требует законодательного закрепления.

1. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014.

2. Баев О.Я., Баев М.О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014.

3. Колоколов Н.А. Статья 125 УПК РФ: злоупотребление правом на обжалование // Рос. судья. 2011. № 5.

4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1189649> (дата обращения: 02.07.2015).

5. Трофимов И.Э. Злоупотреблением правом в уголовном процессе // Бюл. судейского сообщества Вологодской области. 2011. № 19.

6. Кирянина И.А. Пробелы правового регулирования рассмотрения и разрешения жалоб на постановления, решения, действия (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в порядке статей 124, 125 УПК РФ // Актуальные проблемы расследования преступлений: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М., 2013. Ч. 1.

7. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2011–2012 гг., 2013 г., январь – декабрь 2014 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2015).

8. Сводные отчеты по Российской Федерации по форме ОЖ за 2012–2014 гг.

9. Непринцев А.В. О некоторых проблемах обжалования в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2005. № 11.

10. Зарецкий А.С. Актуальные проблемы обеспечения организации и функционирования городской (районной) прокуратуры // Актуальные проблемы организации работы прокуратуры города: сб. материалов круглого стола. М., 2013.

1. Ryabtseva E.V. Abuse of right in a criminal trial. Moscow, 2014.

2. Bayev O.Ya., Bayev M.O. Abuse of right in a pre-trial production on criminal cases. Moscow, 2014.

3. Kolokolov N.A. Article 125 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: abuse of right on an appeal // Russian judge. 2011. № 5.

4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1189649> (date of access: 02.07.2015).

5. Trofimov I.E. Abuse of right in criminal procedure // Bull. of judge association of the Vologda region. 2011. № 19.

6. Kiryanina I.A. Blanks of the legal adjusting of consideration and permission of complaints on resolutions, decisions, action (inaction) of the officials carrying out the criminal proceeding, in order of articles 124, 125 of the Criminal procedure code of the Russian Federation // Topical issues of investigation of crimes: proc. of intern. sci. and pract. conf.: in 2 pt. Moscow, 2013. Pt. 1.

7. Statistical data about basic performance of organs of office of public prosecutor of Russian Federation indicators during 2011–2012, 2013, January – December of 2014. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (date of access: 05.05.2015).

8. Consolidated tapes on Russian Federation in a due form OZh after 2012 – 2014.

9. Nепrintsev A.V. About some problems of appeal in a criminal trial // Russian justice. 2005. № 11.

10. Zaretsky A.S. Topical issues of providing of organization and functioning of municipal (district) office of public prosecutor // Topical issues of organization of work of office of public prosecutor of city: proc. of round table. Moscow, 2013.

Гусейнов Нариман Алинисебович

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Дагестанского государственного университета
(e-mail: ramazanov1945@mail.ru)

К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства

В статье рассматриваются вопросы дифференциации процедур досудебного производства. Особое внимание уделяется легитимному режиму доказывания при производстве дознания.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовно-процессуальная форма, дознание, предварительное расследование, доказательство.

N.A. Guseinov, Competitor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Dagestan State University; e-mail: ramazanov1945@mail.ru

On the issue of differentiation of criminal procedural form of pre-trial proceeding

The article is devoted to differentiation of pre-trial procedures. It gives special consideration to standards of proof under simplified inquiry procedure.

Key words: pre-trial procedure, criminal procedural forms, inquiry, preliminary investigation, proof.

Как известно, действующим уголовно-процессуальным законом установлены такие формы предварительного расследования, как предварительное следствие и дознание (ч. 1 ст. 150 УПК РФ), содержащие определенные процессуальные особенности и различия при производстве по уголовному делу. Пункт 8 ст. 5 УПК РФ дополнительно разъясняет, что дознание – это деятельность, осуществляемая дознавателем (следователем) по производству предварительного расследования по уголовным делам, предварительное следствие по которым необязательно. Легальное определение предварительного следствия как самостоятельной формы расследования в нормах УПК РФ, напротив, (необъяснимо) отсутствует. Указанное, отметим, не явилось препятствием для констатации в российской уголовно-процессуальной доктрине, по сути, однозначных суждений о том, что именно предварительное следствие являет собой наиболее оптимальную процессуальную форму расследования, гарантирующую одновременно и всесторонность, и полноту установления фактических обстоятельств дела, и обеспечение всей системы процессуальных гарантий применительно к заинтересованным лицам – участникам процесса. Возможно, это и так; в рамках данной статьи мы не склонны дискутировать по этим вопросам. Конвенционально оставим за рамками спора также общее и особенное в нормативной регламентации следствия и дознания как нормативно установленных форм расследования; тем более что эти моменты, как представляется, более чем достаточно исследованы российской уголовно-процессу-

альной наукой [см., например: 1, с. 21, 477; 2, с. 98 и др.].

Предмет нашего внимания прагматичен и практически значим, т.к. мы решили задаться вопросом о единстве и дифференциации указанных форм предварительного расследования по нормам действующего УПК РФ. Казалось бы, для подобной постановки вопроса в принципе нет оснований, ибо практически общеизвестно, что следствие едино по сути и а priori не предполагает дифференциации своей формы, к примеру, в зависимости от категории преступления или субъективных особенностей основного фигуранта расследования. Дознание, напротив, дифференцируется на виды – самостоятельные процессуальные формы расследования, которые характеризуются определенными отличиями как в наборе познавательных средств, так и в основных актах, отражающих ход и результаты производства по делу. Причем и первое, и второе, во-первых, позволяет отграничить следствие от дознания; во-вторых, выделить и характеризовать как самостоятельные процессуальные формы собственно виды дознания. Как известно, практически константой для действующего нормативного регулирования является (максимально обоснованный) тезис о том, что дознание дифференцируется на два самостоятельных вида и в итоге реализуется либо по правилам гл. 32 УПК РФ, либо по правилам гл. 32.1 УПК РФ.

Признаем, у нас нет оснований ставить под сомнение ни достоверность, ни практически-прикладное значение последнего вывода. Соответственно, мы конвенционально согласимся с вышеуказанным и также будем считать, что

применительно к дознанию и законодатель, и практика выделяют две относительно самостоятельные процессуальные формы суммарного производства. Вопрос об их оптимальности – за рамками данной работы, ибо для нас предметом дискуссии и, как представляется, практически негативных коллизий являются принципиально иные вопросы. Во-первых, о форме и порядке осуществления деятельности, регламентируемой нормами ст. 157 УПК РФ. Во-вторых, о процессуальной форме и видовой «принадлежности» дознания, урегулированного пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Применительно к «первому» виду деятельности в российской уголовно-процессуальной доктрине, по сути преобладая, бытует суждение о том, что по сравнению с действующим ранее УПК РСФСР (1960 г.) законодатель сузил «...круг действий, объединенных термином “дознание”, исключив из него уголовно-процессуальную деятельность органов дознания по уголовным делам, предварительное следствие по которым обязательно» [3; см. также: 1, с. 21].

Отмечается доктриной и явная неопределенность в надлежащем субъекте указанной деятельности [см., например: 4, с. 30–33; 5, с. 53–54], ибо по смыслу ст. 157 и п. 19 ст. 5 УПК РФ она реализуется органом дознания. Пункт 17 ст. 5 УПК РФ дополнительно включает в сферу исследуемой деятельности начальника органа дознания, делегируя ему право давать поручения о производстве неотложных следственных действий должностным лицам органа дознания. В свою очередь, по смыслу п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания также имеет право поручать дознавателю выполнение неотложных следственных действий. В итоге, поскольку компетенция каждого из вышеуказанных субъектов относится исключительно к сфере дознания как формы предварительного расследования, было бы логичным предположить, что и в исследуемом случае речь идет об указаниях по производству дознания. Тем более что фактическим (реальным) субъектом указанной деятельности, как правило, выступает дознаватель, осуществляющий указанную деятельность по поручению начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, или иное должностное лицо, действующее по поручению органа дознания [подробнее см.: 6, с. 27; 7, с. 20–23]. Однако логичность данного вывода вступает в противоречие с нормами ч. 5 ст. 152 УПК РФ, согласно которым следователь, установив, что дело ему не подследственно, также имеет безусловное право на производство неотложных следственных действий с последующей передачей уголовного дела надлежащему субъекту

расследования. При этом по смыслу указанной нормы речь явно идет не о производстве дознания указанным следователем и не о последующем направлении данного дела в орган дознания для завершения дознания в указанной форме. Закономерно возникает вопрос: в какой именно процессуальной форме реализуются полномочия всех названных лиц по производству неотложных следственных действий, если закон устанавливает исключительно две легитимные формы расследования: следствие и дознание.

Применительно к следователю ответ представляется ясным: поскольку данная деятельность а priori не реализуется по нормам гл. 32 УПК РФ (с установленными изъятиями и оговорками), это предварительное следствие, однако производится субъектом, не в компетенции которого осуществлять данное следствие в полном объеме. Именно в силу последнего указанный следователь лишь реализует комплекс следственных действий, неразрывно связанных с необходимостью обеспечения сохранности доказательств – под угрозой их явной утраты для процесса доказывания.

Применительно к деятельности иных субъектов, обращающихся к нормам ст. 157 УПК РФ, подобного единодушия не наблюдается. Ранее уже отмечались позиции исследователей, категорически отрицающих принадлежность указанной деятельности к виду дознания. Еще одним аргументом «в пользу» данного вывода, по идее, служат позиции Б.Я. Гаврилова [8, с. 84] и Н.А. Аменицкой [9, с. 50–52], согласно которым требования ч. 2 ст. 41 УПК РФ о недопустимости возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу ОРМ, на неотложные следственные действия не распространяется. Поскольку это не дознание, а неотложные следственные действия, входящие в систему общих условий предварительного расследования, по мнению указанных авторов, нет и не может быть малейших препятствий к реализации отмеченной деятельности субъектом проведения ОРМ; естественно, с признанием доказательственного значения результатов реализованных познавательных действий. Правомерность последнего вывода конвенционально оставим без комментария; «умолчание» о том, в какой именно форме реализуется система названных действий, – отметим и подчеркнем для целей исследования.

Согласимся с И.С. Дикаревым в том, что «правильный выбор формы расследования – важнейшее его условие» [10, с. 348]. Поддержим и его суждение о том, что нарушение или произвольная замена одной формы расследования на другую – существенное нарушение

закона. Тем более существенным будет нарушение закона в том случае, когда расследование оказывается вообще «обесформленным», не названным в законе. Указанное представляется очевидным. Поэтому вновь вернемся к вопросу: к какой из установленных форм относится деятельность, регламентированная нормами ст. 157 УПК РФ?

Отдельные авторы, характеризуя ее как самостоятельный этап расследования, одновременно предлагают именовать его неотложным этапом, однако «забывают» при этом определиться в вопросе о том, о какой именно форме расследования (именованной в законе) в итоге идет речь [см., например: 11, с. 7].

Другие сначала пишут о том, что применительно к нормам ст. 157 УПК РФ «...возникает третья форма предварительного расследования – некий гибрид двух форм предварительного расследования, который непосредственно не указан в действующем УПК РФ» [12, с. 21]. Затем, конвенционально солидаризовавшись с А.П. Рыжаковым, не признающим данную форму ни следствием, ни дознанием [13, с. 353–354], резюмируют вывод о том, что это самостоятельная, третья форма, которая включает в себя производимые органами дознания (дознателями) неотложные следственные действия и последующее предварительное следствие [12, с. 21]. Подобные же «гибриды», следуя позиции названных авторов, видимо, возникают в той ситуации, когда прокурор изымает уголовное дело у органа дознания и передает его в орган предварительного следствия, и, к примеру, при возвращении уголовного дела с обвинительным актом для производства предварительного следствия. Примеры можно продолжить.

О.В. Мичурина более однозначна в этом вопросе, с одной стороны, прямо предлагая придать статус дознания производству неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ и назвав эту деятельность дознанием в неполном объеме. С другой стороны, необъяснимо указывает на то, что этот же вид дознания может исполнять роль так называемого первоначального дознания по уголовным делам, по которым производится дознание в порядке, предусмотренном гл. 32 УПК РФ. Соответственно, эти два вида дознания, резюмирует указанный автор, должны быть объединены одним родовым понятием, но осуществляться по разным категориям дел и в различных процессуальных процедурах [1, с. 21, 477].

С первым доводом указанного автора мы однозначно согласны, в который раз повторяясь в вопросе о том, что деятельность по предварительному расследованию обстоятельств, вхо-

дящих в предмет доказывания, не может быть ни «обесформленной», ни гибридно-надуманной. Закон устанавливает две легитимные формы расследования: следствие и дознание; все, что за рамками этого, – не процессуальная деятельность и не процессуальный ее результат. Таким образом, нормы ст. 157 УПК РФ – однозначно третий вид дознания, при условии, конечно, что субъектом реализации указанной деятельности выступает должностное лицо органа дознания, а средства познания конвенционально основаны на нормах ст. 157 и гл. 32 УПК РФ.

Остается определиться в «видовой» характеристике деятельности, называемой дознанием, но осуществляемой следователем в соответствии с пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ. Известно, что это дознание предусмотрено по определенным категориям дел и отнесено к компетенции исключительно следователей Следственного комитета РФ (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) и следователей органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (п. 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Нормативной основой их компетенции выступают нормы пп. 8 и 41 ст. 5 УПК РФ. В итоге (как бы) имеется легальный базис для осуществления следователем не только собственно следствия, но и дознания. Однако нам более импонируют позиции тех исследователей, которые однозначны в суждениях о том, что нет ни логики, ни разумных оснований в том, «...чтобы на следователя, осуществляющего расследование в форме предварительного следствия, еще “навешивать” обязанности и по проведению дознания» [14, с. 39].

Более того, при реализации данного вида дознания в наличии система негативных коллизий относительно сути и содержания практической «дознательско-следственной» деятельности. Негативный срез данных коллизий объективно проявляется через противоречия в реализации следователем всего комплекса процессуальных действий по реализации данного вида дознания. Поясним. Как известно, в настоящее время процессуальные полномочия прокурора по делам, расследуемым в форме дознания и в форме предварительного следствия, принципиально различны. По отношению к дознанию прокурор сохранил весь арсенал властно-распорядительных средств как в части указаний и мер по устранению выявленных нарушений закона, так и в части отмены решений, принимаемых в ходе дознания. Любое из указаний прокурора обязательно для дознателя, столь же императивны для него акты прокурорского реагирования. Следователь, напротив, – и это известно – в принци-

пе не обязан реагировать как на требования прокурора об устранении нарушений закона, так и на его требования об ознакомлении с основными документами предварительного расследования. Мотивация указанных требований со стороны прокурора является обязательной. Столь же ограничен прокурор в возможности отмены признанных незаконными или необоснованными постановлений следователя, определяющих ход и содержание предварительного следствия. Насколько это операционально – не предмет данной работы, нас интересует коллизия, при которой расследование в соответствии с пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ осуществляется в форме дознания, а, соответственно, прокурор вправе использовать весь арсенал властных своих полномочий. Однако поскольку субъектом исследуемого дознания определен следователь, реализовать свои полномочия прокурор не вправе. Фактически в нормах пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ сформирована такая конструкция «квази-следствия»/«квази-дознания», за которой прокурор надзирать полноценно не может.

Не вправе также прокурор изъять данное уголовное дело и передать его в иной орган дознания (дознавателю), реализовать полномочия по отводу субъекта расследования, по определению сроков расследования, соединению уголовных дел и т.п. Аналогичные коллизии возникают на этапе окончания предварительного расследования и при направлении дела прокурору с целью его передачи в суд. Поскольку расследование уголовного дела осуществлялось в форме дознания, то полномочия прокурора по делу, поступившему с обвинительным актом (ст. 226 УПК РФ), разительно отличаются от его полномочий по делу, поступившему с обвинительным заключением (ст. 221–222 УПК РФ). При имеющейся коллизии следователя в качестве субъекта дознания – закономерно возникают вопросы о властных полномочиях прокурора:

о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта, с установлением для этого непосредственно прокурором срока дополнительного дознания в 10 суток, а для пересоставления обвинительного акта – не более 3 суток (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ); применительно к следователю сроки расследования, как известно, устанавливаются и продляются соответствующим руководителем следственного органа, а не прокурором (ст. 162 УПК РФ);

о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ); как известно, по нормам ст. 221 УПК РФ прокурор не вправе прекратить

уголовное дело, поступившее от следователя с обвинительным заключением;

об исключении из обвинительного акта отдельных пунктов обвинения или о перекалфикации обвинения на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226 УПК РФ); по делу, поступившему от следователя с обвинительным заключением, прокурор подобным правомочием не обладает.

Достаточно дискуссионным является также вопрос о правомочии прокурора на возвращение данного дела следователю со своими указаниями (об изменении объема обвинения, пересоставлении обвинительного акта, устранении выявленных недостатков – аналог п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) и, соответственно, о правомочии последнего на обжалование данного решения прокурора в течение 72 часов вышестоящему прокурору (ч. 4 ст. 221 УПК РФ), т.к. применительно к дознанию подобных процессуальных гарантий действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

В итоге, имея целью оптимизацию познавательной деятельности и максимальное обеспечение интересов и прав заинтересованных лиц при реализации данной формы расследования следственным органом, мы получили «на выходе» комплекс негативных коллизий, ставящих под сомнение не только ход, но и сами результаты указанной деятельности.

Не могут быть приняты во внимание и нередко озвучиваемые суждения о том, что реализация того или иного вида дознания следователем оптимальна и продуктивна, т.к. создает комплекс несравненно больших гарантий и для установления истины по уголовному делу, и для обеспечения интересов и прав заинтересованных лиц. В данной связи, как резюмируется, следует, по идее, поддерживать осуществление указанной деятельности более компетентным и независимым субъектом расследования.

Мы же полагаем иначе. Явная очевидность содеянного, несложная конструкция материальных составов, оптимальные сроки расследования и т.п. факторы, на наш взгляд, никак не препятствуют тому, чтобы указанная деятельность в оптимальные сроки и с обеспечением всей системы процессуальных гарантий была реализована в форме предварительного следствия. Никто же не обязывает следователя искусственно усложнять предмет и процедуры расследования, по надуманным причинам «затягивать» его процессуальные сроки и т.п., лишь бы обеспечить «чистоту» и содержательное наполнение такой формы расследования, как предварительное следствие. Предварительное следствие по очевидным и несложным делам вполне может быть окончено следстви-

ем в те же оптимальные сроки и с минимумом необходимых затрат, что и дознание – для нашего случая, установленного пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ. В итоге мы разделяем позиции тех исследователей, которые справедливо выступают за то, чтобы, во-первых, данный вид «до-

знания» был исключен из норм УПК РФ [15, с. 10–13]. Во-вторых, мы столь же против того, чтобы этот вид следственной деятельности мог явиться причиной для возможной дифференциации такой формы расследования, как предварительное следствие.

1. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблема ее реализации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

2. Соловьев А., Токарева М. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 3.

3. Морозкина И.А. Роль совершенствования института дознания в концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам // Рос. следователь. 2007. № 6.

4. Сопнева Е.В. О неотложных следственных действиях в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3.

5. Балакшин В. Неполное определение органов дознания // Законность. 2004. № 2.

6. Малышева О.В. Теоретико-правовые основы процессуального статуса дознавателя // Рос. следователь. 2011. № 16.

7. Малышева О.В. О необходимости совершенствования правовой регламентации процессуального статуса дознавателя // Рос. юстиция. 2014. № 9.

8. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.

9. Аменицкая Н.А. Органы дознания и оперативно-розыскная деятельность: исторический аспект и современное состояние проблемы // Рос. юстиция. 2013. № 7.

10. Дикарев И.С. Понятие и формы предварительного расследования // Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / под ред. А.П. Кругликова. М., 2009.

11. Пудаков Е.Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования // Рос. следователь. 2007. № 21.

12. Осипов А.А. О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ // Рос. следователь. 2009. № 11.

13. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. М., 2004.

14. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань, 2008.

15. Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.

1. Michurina O.V. The concept of inquiry in criminal trial of the Russian Federation and a problem of its realization in law-enforcement bodies: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2008.

2. Solovyov A., Tokareva M. Ratio of inquiry and preliminary investigation according to the Criminal procedure code of the Russian Federation // Criminal law. 2003. № 3.

3. Morozkina I.A. Role of improvement of institute of inquiry in the concept of improvement of pre-judicial production on criminal cases // Russian investigator. 2007. № 6.

4. Sopneva E.V. About urgent investigative actions in criminal trial // Criminal legal proceedings. 2008. № 3.

5. Balakshin V. Incomplete definition of bodies of inquiry // Legality. 2004. № 2.

6. Malysheva O.V. Theoretical and legal of a basis of the procedural status of the investigator // Russian investigator. 2011. No. 16.

7. Malysheva O.V. About need of improvement of a legal regulation of the procedural status of the investigator // Russian justice. 2014. № 9.

8. Gavrillov B.Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts. Moscow, 2008.

9. Amenitskaya N.A. Bodies of inquiry and operational search activity: the historical aspect and a current state of a problem // Russian justice. 2013. № 7.

10. Dikarev I.S. Concept and forms of preliminary investigation // Criminal trial of the Russian Federation: textbook / ed. by A.P. Kruglikov. Moscow, 2009.

11. Pudakov E.R. Urgent investigative actions in structure of preliminary investigation // Russian investigator. 2007. № 21.

12. Osipov A.A. About the subjects which are carrying out preliminary investigation in the form of inquiry by the existing criminal procedure legislation of the Russian Federation // Russian investigator. 2009. № 11.

13. Ryzhakov A.P. Criminal trial: textbook. for higher education institutions. 3rd ed., rev. Moscow, 2004.

14. Bykov V.M. Actual problems of criminal legal proceedings. Kazan, 2008.

15. Frantsiforov Yu.V. Actual problems of production of preliminary investigation in the form of inquiry // Criminal legal proceedings. 2010. № 2.

Цинова Марина Владимировна

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России
(e-mail: missleytenant@gmail.com)

Насонов Александр Александрович

аспирант кафедры уголовного процесса
Воронежского государственного университета
(e-mail: tribalcrest@yandex.ru)

О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме

В статье рассматривается вопрос обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в качестве принципа уголовного судопроизводства. Определяется круг субъектов, чья деятельность направлена на реализацию данного права. Особое место отводится начальнику подразделения дознания, который реализует свою обеспечительную деятельность в рамках контрольной или надзорной функции. Указывается на недопустимость игнорирования начальника подразделения дознания в нормах гл. 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», на необходимость расширения его процессуального статуса применительно к дознанию в сокращенной форме.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дознание в сокращенной форме, субъекты защиты, права подозреваемого, права обвиняемого, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, прокурор.

M.V. Tsinova, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: missleytenant@gmail.com;

A.A. Nasonov, Post-graduate of the Chair of Criminal Procedure of the Voronezh State University; e-mail: tribalcrest@yandex.ru

On the subjects ensure the suspect or defendant the right to defense and some features of their procedural opportunities in the manufacture of inquiry in abbreviated form

The article discusses the issue of ensuring the suspect and the accused of the right to protection as a principle of criminal proceedings. Defines the scope of entities whose activities are aimed at implementation of this law. A special place is given to the chief of division of inquiry, which sells its security activities under the control or supervisory functions. States the inadmissibility of ignoring of the chief of division of inquiry in chapter 32.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation «The inquiry in an abbreviated form», on the need to improve its procedural status in relation to the inquiry in abbreviated form.

Key words: criminal proceedings, inquiry in abbreviated form, subjects of protection, rights of the suspect, rights of the accused, investigator, chief of body of inquiry, chief of division of inquiry, prosecutor.

Уголовному судопроизводству отводится особое место в системе обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Это не случайно и связано с тем, что в данной сфере права и законные интересы любого лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства, могут

быть подвергнуты существенным ограничениям со стороны государственных органов.

Гарантирование прав, свобод и законных интересов подозреваемому и обвиняемому образует фундамент обеспечения указанным участникам уголовного судопроизводства права на защиту.

Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в качестве принципа уголовного судопроизводства получило свое закрепление в ст. 16 УПК РФ. Именно в ней дается указание как на субъекты, так и на объекты обеспечительной деятельности, осуществляемой по отношению к указанным участникам уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 2 ст. 16 УПК РФ возможность подозреваемому и обвиняемому защищаться обеспечивается судом, прокурором, следователем и дознавателем. Указанных субъектов объединяют:

детальное закрепление полномочий субъектов обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в Уголовно-процессуальном кодексе РФ;

властный характер полномочий, осуществление которых позволяет им гарантировать своими действиями права подозреваемого и обвиняемого;

принадлежность их к государственным органам и должностным лицам;

гарантированность полномочий субъектов обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту;

возможность вступления в уголовно-процессуальные отношения с подозреваемым и обвиняемым, в ходе которых наряду с другими задачами решаются и задачи по обеспечению прав, свобод и законных интересов указанных лиц.

Но указанные признаки характерны не только для субъектов обеспечительной деятельности, перечисленных в ст. 16 УПК РФ. Еще три участника уголовного судопроизводства могут быть отнесены к обозначенной категории: руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания. На данное обстоятельство уже обращалось внимание в литературе [1, с. 112–115]. К сожалению, до сих пор указанные участники официально не включены в круг субъектов обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Правда, вектор правового регулирования статуса руководителя следственного органа и органа дознания все же склоняется в сторону определенного сближения их с участниками обеспечительной деятельности, перечисленными в ч. 2 ст. 16 УПК РФ. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ среди участников, обязанных применить меры безопасности в отношении лиц, подвергнутых угрозе опасных противоправных деяний, и тем самым обеспечить им личную безопасность, указаны руководитель следственного органа и орган дознания. Они же упомянуты и среди участников, требования,

поручения и запросы которых обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Что же касается начальника подразделения дознания, то законодатель не всегда отводит ему должное место в системе обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Хотя именно этот участник, осуществляя процессуальный контроль за расследованием и в некоторых случаях проводя дознание по уголовному делу (причем как в общем порядке, так и в сокращенной форме) непосредственно, сталкивается с решением проблемы создания необходимых условий для реализации права на защиту указанных участников. Так, в порядке процессуального контроля в отношении дознавателя возможно применение начальником подразделения дознания таких средств, как проверка материалов уголовного дела, которые находятся в производстве любого из дознавателей подразделения дознания; дача указаний дознавателю о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения; отмена необоснованного постановления дознавателя о приостановлении производства дознания; внесение прокурору ходатайств об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела (пп. 3, 4 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) и др.

В качестве участника, осуществляющего производство по делу, начальник подразделения дознания обязан создать условия для реализации всего комплекса прав подозреваемого и обвиняемого в ходе дознания.

Так, по просьбе подозреваемого и обвиняемого он обеспечивает участие защитника в порядке ч. 2 ст. 50 УПК РФ. Несмотря на то, что в указанной норме ничего не говорится о начальнике подразделения дознания, вывод о его обязанности обеспечить участие защитника подозреваемому и обвиняемому становится очевидным в ходе применения аналогии закона. Кстати, субъектом применения аналогии в ходе правоприменительной уголовно-процессуальной деятельности, как справедливо отмечается в литературе, является и начальник подразделения дознания [2, с. 124–127].

Кроме того, осуществляя расследование по уголовному делу, начальник подразделения дознания обязан разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права; разрешать поступающие от них ходатайства; предьявлять

для ознакомления участникам уголовного процесса материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом и др.

Сказанное подтверждает обоснованность ранее высказанной И.А. Насоновой мысли, касающейся принадлежности руководителя следственного органа, органа дознания, начальника подразделения дознания к субъектам, обязанным охранять права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечивать право на защиту подозреваемому и обвиняемому. Эта идея получила свое дальнейшее развитие и в других работах [3; 4; 5].

Правильность такого подхода нашла свое подтверждение в положении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», закрепленном в п. 3, согласно которому обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд [6].

Все это дает основание говорить о необходимости внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальные нормы, в частности изменения, касающиеся перечня субъектов, обязанных охранять права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечивать право на защиту подозреваемому и обвиняемому, включив в него руководителя следственного органа, орган дознания, начальника подразделения дознания. Очевидно, что соответствующие изменения должны коснуться прежде всего ст. 11 и 16 УПК РФ, на что справедливо ранее уже обращалось внимание в литературе [7, с. 46–47].

Обеспечительная деятельность начальника подразделения дознания, впрочем, как и руководителя следственного органа, по сравнению с аналогичной деятельностью иных публичных субъектов имеет следующую особенность. Руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания могут осуществлять ее двояким способом: как в ходе процессуального контроля за деятельностью соответственно следователя или дознавателя, так и непосредственно расследуя преступление. Остальные участники уголовного судопроизводства, наделенные властными полномочиями, либо осуществляют только контролирующие или надзорные функции (например, орган дознания, прокурор) в ходе предварительного расследования, либо непосредственно

осуществляют соответственно дознание или предварительное следствие (например, следователь, дознаватель).

Применительно к дознанию в сокращенной форме кругом субъектов обеспечительной деятельности охватываются дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор. Причем субъектов, осуществляющих такую деятельность в ходе расследования преступления, меньше, чем тех, которые обеспечивают права участников уголовного судопроизводства в ходе выполнения контрольной или надзорной функции. К первой группе, прежде всего, относится дознаватель. Именно он расследует уголовное дело в форме дознания. Несмотря на то, что гл. 32.1 УПК РФ никак не упоминает начальника подразделения дознания применительно к дознанию в сокращенной форме, данный участник также может произвести дознание в полном объеме, приняв уголовное дело к своему производству. При этом он обладает полномочиями дознавателя. Данный вывод следует из анализа содержания общих положений, касающихся процессуального положения начальника подразделения дознания и закрепленных в ст. 40.1, а именно ч. 2 данной статьи.

Кстати, начальник подразделения дознания, наряду с начальником органа дознания и прокурором, одновременно относится и к другой группе субъектов, обеспечивающих обвиняемому и подозреваемому право на защиту при производстве дознания в сокращенной форме. Речь идет о тех, кто реализует свою обеспечительную деятельность в рамках контрольной или надзорной функции. В рамках процессуального контроля такая деятельность свойственна начальнику подразделения дознания и начальнику органа дознания. Надзор же за дознанием в сокращенной форме осуществляет прокурор.

О контрольных полномочиях начальника подразделения дознания при производстве дознания в сокращенной форме гл. 32.1 УПК РФ также умалчивает. Сделать вывод об их наличии можно, анализируя ст. 40.1 УПК РФ, в которой говорится о том, что данный участник уголовного судопроизводства уполномочен поручать дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу; изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи; отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу; вносить проку-

рору ходатайство об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ).

Полагаем, что ситуация, при которой начальник подразделения дознания проигнорирован в нормах, формирующих гл. 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», недопустима. Думается, что объективно необходимо расширение процессуального статуса начальника подразделения дознания применительно к дознанию в сокращенной форме. Этого можно добиться, прежде всего, наделяя начальника подразделения дознания полномочием давать согласие на выполнение некоторых процессуальных действий. К их числу можно отнести вынесение дознавателем постановления об удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме либо об отказе в удовлетворении ходатайства, на что уже обращалось внимание в литературе [8, с. 74–79].

Такой шаг предопределяется следующими обстоятельствами. Во-первых, принятое дознавателем решение по заявленному подозреваемому ходатайству о производстве дознания в сокращенной форме (об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме либо об отказе в удовлетворении ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме) затрагивает в известной мере права и законные интересы участников уголовного судопроизводства (как потерпевшего, так и подозреваемого). Во-вторых, в полномочия начальника подразделения дознания входит проверка материалов уголовного дела, производство которых осуществляется его подчиненными. Поэтому как руководитель он обязан контролировать весь процесс расследования, в том числе и с целью исключения нарушений прав и законных интересов потерпевшего и подозреваемого, усиления гарантий их процессуальных возможностей. Этому будет способствовать принятие дознавателем решения по заявленному подозреваемому ходатайству о производстве дознания в сокращенной форме после достижения предварительной договоренности с начальником подразделения дознания, т.е. по согласованию с ним. С этой целью необходимо дополнить ст. 226.4 УПК РФ частью 3.1 следующего содержания: «Постановление об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме либо постановление об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства

должно быть согласовано с начальником подразделения дознания».

Следующее процессуальное действие, принимаемое дознавателем при производстве дознания в сокращенной форме и требующее, на наш взгляд, согласования с начальником подразделения дознания, касается процедуры утверждения обвинительного постановления по окончании производства дознания в сокращенной форме. В настоящее время начальник органа дознания утверждает обвинительное постановление, составленное дознавателем (ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ). Целесообразно данный порядок дополнить согласованием обвинительного постановления с начальником подразделения дознания.

Предложенные меры лишь закрепят сложившееся на практике положение, когда многие процессуальные действия, выполняемые дознавателем, согласуются с начальником подразделения дознания.

Опрошенные дознаватели и начальники подразделения дознания в основной своей массе пояснили, что такой порядок принят в их подразделениях, хотя надлежащим образом процессуально и не закреплен.

О субъектах обеспечительной деятельности невозможно говорить, не касаясь вопроса об их процессуальных возможностях. Под последними следует понимать процессуальные средства, предусмотренные нормами права действия, которые они обязаны осуществлять с целью создания благоприятных условий для реализации прав подозреваемого и обвиняемого.

Не ставя перед собой задачи подробно проанализировать данную категорию, коснемся лишь тенденций, сложившихся в последнее время в данной области. Эти тенденции отличаются некоторой противоречивостью. С одной стороны, можно наблюдать некоторое расширение полномочий определенных участников уголовного судопроизводства (например, следователя, руководителя следственного органа). С другой стороны, очевидно их ограничение применительно к некоторым из них. Так, надзорные функции прокурора на предварительном следствии минимизированы и касаются определения объема обвинения, принятия решения о направлении дела в суд, утверждения обвинительного заключения, отмены постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении уголовного дела и др.

В то же время за прокурором сохраняются внушительные процессуальные возможности надзорного характера по отношению к дознанию (ст. 37 УПК РФ). К ним относятся: отмена незаконных и необоснованных постановлений; дача письменных указаний дознавателю относительно объема обвинения, квалификации обвинения, производства процессуальных действий и др.; разрешение жалоб, поступивших от заинтересованных лиц на решения дознавателей, и т.д.

Применительно к дознанию в сокращенной форме обеспечительная деятельность прокурора осуществляется в рамках надзорной функции и выражается в следующих направлениях.

1. Направление уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке, если обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме и предусмотренные ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, становятся известны или возникают после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд (ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ).

2. Продление срока дознания в сокращенной форме до 20 суток (ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ).

3. Рассмотрение уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением, и принятие по нему решения. Среди вариантов такого решения могут быть решения об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд; о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, устанавливая для этого срок не более 2 суток; о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке; о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

4. Исключение из обвинительного постановления отдельных пунктов обвинения либо перекалфикация обвинения на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ).

5. Вручение копии обвинительного постановления с приложениями обвиняемому, его защитнику в порядке, установленном ст. 222 УПК РФ (ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ).

Особенно нагляден с точки зрения правовой регламентации обеспечительный характер процессуальной деятельности прокурора при производстве дознания в сокращенной форме, предполагающем принятие им решения о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Законодатель зачастую связывает такую ситуацию с тем или иным нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, среди которых центральное место занимают права обвиняемого и подозреваемого. Непосредственно об этом говорится в тезисах, раскрывающих обстоятельства принятия решения о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Среди них: наличие обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, например существенные нарушения требований УПК, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; недостаточность совокупности собранных доказательств для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления; наличие достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Таким образом, принятие решения прокурором о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке является достаточно серьезным обеспечительным средством в арсенале указанного субъекта.

В заключение следует отметить, что состояние правовой регламентации участия публичных субъектов при производстве дознания в сокращенной форме должно наиболее полно согласовываться с назначением уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ, а значит, быть ориентировано на наиболее оптимальные формы создания условий со стороны указанных субъектов для реализации подозреваемого и обвиняемого права на защиту.

1. Насонова И.А. О значении защиты прав участников уголовного процесса и проблемах преподавания учебного курса «Обеспечение прав личности в уголовном процессе» // Ито-

1. Nasonova I.A. About value of protection of the rights of participants of criminal trial and problems of teaching a training course «Ensuring the rights of the personality in criminal trial» //

ги работы Воронежского института МВД России в I семестре 2008–2009 учебного года и задачи по внедрению блочно-модульной технологии обучения: материалы учеб.-метод. сбора руководящего, профессорско-преподавательского и начальствующего состава, 12–13 февр. 2009 г. Воронеж, 2009.

2. Тихомирова В.В. Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

3. Насонова И.А., Моругина Н.А. Руководитель следственного органа в системе обеспечения права на защиту участников уголовного процесса. Воронеж, 2011.

4. Насонова И.А., Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения / под ред. О.А. Зайцева. М., 2012.

5. Насонова И.А., Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства / под ред. О.А. Зайцева. М., 2014.

6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 10 июля.

7. Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты / под ред. О.А. Зайцева. М., 2011.

8. Митькова Ю.С. Сокращенное дознание и полномочия начальника подразделения дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. Волгоград, 2013.

Results of work of the Voronezh institute of the Ministry of the Interior of Russia in the I semester of 2008–2009 academic year and tasks of introduction of block and modular technology of training: proc. of study and methodical collecting of the leading, the professorial and commanding structure, Febr. 12–13, 2009 Voronezh, 2009.

2. Tikhomirova V.V. Application of analogy of the law and analogy of the right in criminal legal proceedings of Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2012.

3. Nasonova I.A., Morugina N.A. Chief of investigative body in system of ensuring the right for protection of participants of criminal trial. Voronezh, 2011.

4. Nasonova I.A., Burov Yu.V. A procedural order of the end of preliminary investigation with drawing up the indictment / ed. by O.A. Zaytsev. Moscow, 2012.

5. Nasonova I.A., Arepyeva T.A. Chief of division of inquiry as the participant of criminal legal proceedings / ed. by O.A. Zaytsev. Moscow, 2014.

6. About practice of application by courts of the legislation providing the right for protection in criminal legal proceedings: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 № 29 // Rus. newsp. 2015. July 10.

7. Nasonova I.A. Theoretical model of criminal procedure protection / ed. by O.A. Zaytsev. Moscow, 2011.

8. Mitkova Yu.S. The reduced inquiry and powers of the chief of division of inquiry // Inquiry in the reduced form: questions of a legislative regulation and problem of right application: coll. Volgograd, 2013.

Говорова Елена Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79284099047)

Говорова Анастасия Олеговна

студентка третьего курса юридического факультета
Кубанского государственного университета
(тел.: +79280370287)

Тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при производстве предварительного расследования

В статье рассматриваются редко применяемые тактические особенности допроса подозреваемого (обвиняемого) при производстве предварительного расследования. Обосновывается целесообразность применения нетрадиционных тактических приемов допроса.

Ключевые слова: допрос, допрос подозреваемого (обвиняемого), тактика допроса, нестандартные тактические приемы, личность допрашиваемого, следователь (дознатель).

E.S. Govorova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79284099047;

A.O. Govorova, 3rd year student of the Faculty of Law of the Kuban State University; tel.: +79280370287.

Tactical features of interrogation of the suspect (the accused) during protection of preliminary investigation

The article deals with rarely used tactical features of interrogation of the suspect (the accused) at production of preliminary investigation. Expediency of application of nonconventional policy strokes of interrogation locates.

Key words: interrogation, interrogation of the suspect (the accused), interrogation tactics, non-standard tactical strokes, the personality of interrogated, investigator (inquiry officer).

Допрос подозреваемого (обвиняемого) – это источник доказательств, а также средство определения его позиции в ходе не только предварительного расследования, но и судебного разбирательства. Так, из допроса этого лица можно узнать о состоянии и поведении потерпевшего перед посягательством на него, о наличии или отсутствии факторов, вызвавших насилие, о моменте появления умысла. Допрос – это диалог следователя (дознателя) и допрашиваемого лица. Правильно выбранный подход к подозреваемому (обвиняемому) очень важный фактор. Наряду с различными тактическими приемами допроса, основанными на психологическом аспекте, существуют довольно нестандартные методики проведения допроса, которые применяются довольно редко. Как правило, к таким приемам прибегают в довольно сложных ситуациях, сложившихся по конкретному расследуемому делу. Для этого обязательно тщательное изучение личности допрашиваемого лица, формирование различных версий по со-

вершенному противоправному деянию, сопоставление имеющихся доказательств, изучение предмета посягательства – все это должно рассматриваться в совокупности.

Первый из необычных тактических приемов – создание и использование соответствующего музыкального фона. Еще Аристотель писал об облагораживающем, благоприятном воздействии музыки на человека. Во всем мире врачи рассматривают музыкотерапию как эффективный психотерапевтический метод, являющийся источником определенного настроения, помогающим преодолевать болезненные расстройства [1, с. 123]. Этот прием основывается на положении о том, что музыка способна воздействовать на эмоциональную сферу человека. Звук оказывает многоплановое психофизическое влияние на человека. Вибрации звуков создают энергетические поля, заставляя резонировать все клетки нашего организма. Энергия музыки нормализует ритм дыхания, пульс, давление, температуру, снимает мышечное напряжение. Все органы

человека, все отделы головного мозга имеют свои индивидуальные частоты вибраций. Когда частота звука совпадает с одной из этих частот, возникает резонанс, который оказывает на данный орган определенное воздействие. Так, звуки способны замедлять или ускорять ритм циркуляции крови, возбуждать нервную систему или успокаивать ее, пробуждать в человеке страсти или, напротив, умиротворять. Звуки определенной последовательности способны даже погрузить слушателя в гипнотическое состояние. Они пробуждают определенные эмоции. Например, можно заметить влияние военных маршей на человека: такого рода музыкальные композиции рожают определенный эмоциональный букет, чувство решительности. Или влияние рок-музыки на человека: сила такой музыки заключается в прерывистых пульсациях, в определенных ритмических комбинациях, которые вызывают биопсихическую реакцию организма, которая влияет на функционирование различных органов, к примеру, бит вызывает ускорение сердечного пульса и увеличение содержания адреналина, вызывает возбуждение психики. Те или иные музыкальные композиции сопровождают человека во время отдыха, в моменты самых значительных жизненных событий, помогают пережить тяжелые драматические жизненные моменты. Правильно подобранная музыкальная композиция может помочь освободиться от душевного дискомфорта, конфликтов, скорректировать эмоциональное состояние, вернуть душевное равновесие – в этом проявляется положительное влияние на психическое здоровье человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что музыка играет не последнюю роль в жизни человека как с точки зрения ее влияния на психику, так и с точки зрения отождествления определенной музыкальной композиции с каким-либо событием из жизни. Пожалуй, у каждого человека есть такая мелодия, при прослушивании которой в голове неконтролируемо начинают переключаться слайды какого-либо события, напрямую связанного с этой композицией.

Перед использованием такого тактического приема необходимо тщательное изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в части его темперамента и особенностей характера. У лиц с сильным типом нервной системы, таких как сангвиник и холерик, повышается реакция на музыку в присутствии посторонних, а у обладателей слабой нервной системы – наоборот, наблюдается снижение. Для первой группы предпочтителен громкий звук, для второй же – присуща высокая чувствительность, поэтому сила музыкального фона не должна быть большой.

Н.Н. Китаев указывает, что лица, содержащиеся под стражей, испытывают сенсорный голод, поэтому прослушивание любимых музыкальных произведений возбуждает какие-либо

эмоции, которые формируют поведение. Таким образом, внутренняя установка на дачу ложных показаний, конфликтный диалог нейтрализуются под влиянием музыки. Перед использованием данного приема необходимо изучить личность обвиняемого: особенности его характера и темперамента. Для сангвиников, холериков предпочтителен громкий звук, у них повышается реакция на музыку в присутствии посторонних лиц; для меланхоликов сила музыкального фона не должна быть большой. Допрос должен проводить один следователь без присутствия иных лиц [2, с. 104–109].

Для такого тактического вида допроса очень хорошо подходит не только любимая музыка допрашиваемого, но и универсальные композиции классической музыки, например произведения Моцарта, менуэт Генделя, концерты для фортепьяно Чайковского, сонаты Баха. В частности, большое значение имеет органная музыка. К примеру, органная музыка Баха составляет 60 четвертей ноты в минуту (наш сердечный ритм составляет в основном 68–72 удара в минуту), при прослушивании такой музыки сердце подстраивается под этот ритм, – и человек поневоле расслабляется. Данный метод довольно редко применяется при допросе. Тем не менее, правильное применение такого тактического приема часто сказывается положительно на результатах допроса.

Например: 23 февраля 1975 г. был избит К., преступник снял с него часы и шапку. Подозреваемый был найден, но категорически отрицал свою вину. Изучение его личности показало, что он очень любит песню «Рушник». Использование этой музыкальной композиции в качестве музыкального фона помогло установить психологический контакт с допрашиваемым лицом и получить достоверные показания. После допроса обвиняемый заявил, что, слушая эту песню, он стремится быть лучше, искреннее.

Н.Н. Китаев и Н.П. Ермаков приводят несколько положительных примеров использования такого тактического приема.

В 1972 г. трое преступников совершили разбойное нападение. На допросах они вели себя неискренне, отказывались от дачи показаний, отрицали участие в преступлении, несмотря на бесспорные доказательства их вины. При изучении личности допрашиваемых лиц следователь выяснил, что девятнадцатилетний Конев случайно оказался соучастником нападения. Учитель школы, в которой учился Конев, рассказал, что он отзывчив, эмоционален, очень любит музыку. Аналогичные показания были получены и от его матери. Она также сообщила, что ее сын очень любит песню «Хотят ли русские войны», после ее прослушивания охотно исполняет любую просьбу матери, во всем ей помогает, становится искренним и добрым. На очередном допросе Конев, продол-

жая прежнюю линию поведения, заявил, что он не «подлец», а потому про своих товарищей говорить ничего не будет. Следователь сказал, что, возможно, и отец Конева, бросивший семью, тоже не считал себя подлецом. Эти слова заставили юношу глубоко задуматься. В это время другой следователь, находящийся в соседнем кабинете, включил записанную на магнитофонную ленту любимую песню Конева. С волнением прослушав песню, он заявил, что больше не может давать ложные показания, и правдиво рассказал о совершенном преступлении [2, с. 104–109].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что музыка воздействует на чувственную сферу человека. В нашем мозгу хранятся «шаблоны» окружающих нас звуков – знакомых голосов, музыки, опасных звуков, «шаблоны» определенных жизненных событий, сопровождающихся музыкальным сопровождением. Именно поэтому такой тактический прием довольно интересен. Его можно использовать с разных сторон: с одной стороны, если мы довольно много знаем о личности допрашиваемого, можно основать допрос на композиции, которая у него ассоциируется с каким-либо позитивным событием; с другой же – при скудном количестве информации можно воспользоваться универсальными композициями, благоприятно влияющими на его психику и восприятие.

Следующий прием – учет биологических ритмов человека. Более глубоко изучением влияния биологических ритмов на состояние человека занимается такая наука, как хронобиология, знания из которой и черпаются для такого нетрадиционного тактического приема допроса.

Биологические ритмы (биоритмы) – ритмические или периодические изменения физиологических функций, присущие живым организмам. Биоритмы – форма приспособления организма человека и животных к периодическим изменениям природных факторов земного и космического происхождения. Биоритмы человека неодинаковы по своей структуре и охватывают широкий диапазон частот. В организме человека различают несколько групп ритмических процессов:

1) ритмы высокой частоты с периодом от долей секунд до 30 мин (электрические явления в организме, дыхание, пульс и др.);

2) ритмы средней частоты с периодом от 30 мин до 6 дней (изменение обменных процессов, биологически активных веществ крови и другие процессы, связанные со сменой деятельности и покоя, сна и бодрствования);

3) низкочастотные ритмы с периодом колебаний от 6 дней до года

В. Шапошникова считает, что учет биологических ритмов (упорядоченных во времени и предсказуемых изменений психофизиологических процессов) повысит результативность допро-

са. Так, наибольшая работоспособность наблюдается с 10 до 12 ч и с 15 до 18 ч; в 9 ч утра; 13–14 ч и 17, 21 ч наступает выраженная сонливость, т.е. в определенные периоды человек может допускать большее количество ошибок, что связано с ослаблением внимания. Подтверждено, что «совы» в утренние часы делают в 1,5 раза больше ошибок в тестах на внимание, чем «жаворонки», и наоборот в вечерние часы [3, с. 54].

Согласно исследованиям биоритмологов в организме человека имеется более ста биоритмов, связанных с внутренними процессами человеческого организма, цикличность которых может составлять месяцы и даже годы. Это суточные ритмы сна и бодрствования, изменения температуры тела, работы сердечной-сосудистой системы и т.п. Существуют биоритмы, цикличность которых составляет месяцы и даже годы. Многие из них связаны с воздействиями ритмически изменяющегося излучения Солнца, фазами Луны, колебаниями электромагнитного поля Земли. Так, исследователи в различных странах пришли к выводам, что при увеличении геомагнитной активности увеличивается число больных в психиатрических лечебницах, растет частота случаев самоубийств и некоторых видов преступлений. Отмечена зависимость между количеством умышленных убийств и фазами Луны.

Квалифицированный специалист может рассчитать для любого человека физиологическое состояние вплоть до нескольких лет вперед и на прошлый период: «критические», наиболее благоприятные дни. Хронобиологами доказано существование «внутреннего года» – года эндогенного цикла, в котором имеются «зоны риска» – месяцы, в которые снижаются иммунные и адаптационные возможности организма. Различия в поведении при сочетании нескольких биоритмов в «отрицательной» фазе «положительными» и наоборот весьма значительны. На протяжении довольно длительного времени данная теория используется достаточно эффективно в следственной практике в Иркутской области. В частности, высчитываются фазы биоритмов серийных убийц на сексуальной почве. Выходит, что наибольшее количество убийств, изнасилований совершалось при нахождении всех трех биоритмов в отрицательной форме, наименьшее количество преступлений – когда все три находились в положительной форме. В определенные периоды психическое состояние субъекта изменяется, снижается контроль над своими действиями. Именно в эти периоды наиболее эффективно проведение допроса. Согласно исследованиям Н. Китаева совместно с Шапошниковой от 1984 г. 80% обвиняемых в неблагоприятные для их биоритмов дни дали следствию важную информацию об обстоятельствах преступления, которые были известны только виновному.

Другие 20%, продолжая отрицать свою вину, допустили множество проговорок, свидетельствующих об их виновном участии в событии преступления.

По данным Н.Н. Китаева, из 36 случаев экспериментального проведения допросов лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, в 28 случаях (78%) были получены подробные показания о совершенном противоправном поступке, хотя ранее допрашиваемые лгали либо вообще отказывались от контакта со следователем. В 8 случаях (22%) обвиняемые позицию не изменили, но допустили ряд проговорок, свидетельствующих об их непосредственной причастности к преступлению. Эти проговорки, запечатленные на аудиogramмах и видеозаписях, использовались следователями в дальнейшем для изобличения виновных.

По тактическим соображениям во всех случаях допрашиваемые не информировались, что момент активизации работы с ними приходился на рассчитанные специалистом дни. Наличие защитника на допросе не мешало получению подробных правдивых показаний от обвиняемого [4, с. 350].

В России с 1984 г. имеется успешная практика использования данных биоритмологии при допросах обвиняемых.

Действенность такого необычного тактического приема когда-то стала последним кирпичиком в изобличении серийного убийцы Василия Сергеевича Кулика, который в дальнейшем получил прозвище «иркутский Доктор Смерть». Он работал врачом «Скорой помощи». Но вместо помощи он приносил своим пациентам смерть. Первый эпизод, который удалось доказать и которым открылось дело Кулика, – изнасилование восьмилетней Маши, которую он знал. Машу он отпустил. И опознала она его спустя несколько лет, когда ее разыскали следователи. Отпустил и следующую – восьмилетнюю Таню. Оставил в живых и мальчика Толю, который родителям все рассказал, но те постеснялись идти с таким в милицию. Далее всех своих жертв он начал еще и убивать. Его жертвами были как маленькие мальчики и девочки, так и старушки. Следствие по этому делу тянулось очень долго.

Буквально по крупицам формировалась прочная доказательственная база, убедительно показывающая несостоятельность доводов Кулика о якобы имевшем место самооговоре.

Подошло время допроса обвиняемого с предъявлением ему всего комплекса собранных доказательств. К этому допросу следователи готовились особенно тщательно. Чтобы определить наиболее оптимальное с тактической точки зрения время допроса, пришлось воспользоваться услугами известного биоритмолога В.А. Шапошниковой из Санкт-Петербурга.

Специалисту были предоставлены ксерокопии материалов дела, содержащие сведения о личности Кулика с момента его рождения. Используя эти сведения, научные расчеты и биокалькулятор японского ученого Татаи, Шапошникова определила биоритм Кулика на ближайшие три месяца.

Специалист высказал суждение, что наиболее плодотворным речевой контакт с Куликом может быть в середине июня. С учетом этого Кулик был вызван на допрос в первой половине дня 15 июня 1987 г.

Результаты превзошли все ожидания. Кулик полностью признал свою вину в совершении инкриминируемых ему преступлений. Заявил, что при наличии такого комплекса убедительных доказательств ему нет смысла далее запереться и вводить в заблуждение следственные органы. Более того, он сообщил о совершении еще нескольких преступлений, о которых следователям не было известно (эта информация в ходе проверки подтвердилась).

Правдивые показания, которые Кулик дал 15 июня, он уже не изменял до конца расследования. Подтвердил их и в ходе судебного заседания, полностью признав свою вину.

11 августа 1988 г. суд приговорил Кулика к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Использование таких нестандартных тактических приемов, безусловно, спорный момент и довольно сложный в подготовке. С практической точки зрения были перечислены положительные результаты их применения. На наш взгляд, при расследовании сложных видов преступлений, с конфликтной или смешанной ситуацией, при допросе нужно пользоваться всеми возможными способами получения правомерных правдивых показаний от лица. Тщательная подготовка к допросу, детальное изучение личности допрашиваемого лица не пройдут даром.

1. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. М., 1985.

2. Китаев Н.Н., Ермаков Н.П. О возможности использования музыки при допросе обвиняемого (подозреваемого) // Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1980.

3. Шапошникова В. Значение хронобиологии для криминалистики // Законность. 1997. № 11.

4. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. М., 2006.

1. Karvasarsky B.D. Psychotherapy. Moscow, 1985.

2. Kitaev N.N., Ermakov N.P. On the possibility of the use of music in the interrogation of the accused (suspect) // Problems of studying the individual of participants in criminal proceedings: interuniv. coll. of sci. papers. Sverdlovsk, 1980.

3. Shaposhnikova V. Chronobiology value for forensics // Legality. 1997. № 11.

4. Shcherbatykh Yu.V. The art of deception. Moscow, 2006.

Дрога Анастасия Александровна

старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: madamdroga@yandex.ru)

Першин Сергей Петрович

кандидат экономических наук,
начальник отдела документальных проверок и исследований
Управления экономической безопасности и противодействия коррупции
ГУ МВД России по Краснодарскому краю
(e-mail: pershinsp@mail.ru)

К вопросу о признании дохода от незаконной хозяйственной деятельности при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы данных, сопряженных с использованием компьютерных средств

В статье рассмотрены актуальные вопросы признания дохода от незаконной хозяйственной деятельности при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы. Авторами исследованы нормы права, определяющие порядок признания, интерпретации и определения величины дохода, предложены позиции, необходимые для исследования в ходе экспертизы в целях признания и установления величины дохода.

Ключевые слова: эксперт, судебно-бухгалтерская экспертиза, незаконная деятельность, уголовное дело, порядок признания, интерпретация.

A.A. Droga, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: madamdroga@yandex.ru;

S.P. Pershin, Master of Economics, Head of Department of Documentary Checks and Researches of Department of Economic Security and Corruption Counteraction of General Directorate of the Ministry of the Interior of Russia in Krasnodar Region; e-mail: pershinsp@mail.ru

To the questions of recognition of income from illegal enterprise using expertizing investigation computer date

This article is depicted the actual questions about the order of recognition of income from illegal enterprise. The authors of this article are summarized the russian legislation, judicial practice and defined some calculation conditions of investigated value of income from illegal enterprise.

Key words: expert, judicial-account expertise, illegal enterprise, criminal case, order of recognition, interpretation.

В ходе производства судебно-бухгалтерской экспертизы по материалам, требующим установления суммы дохода, полученного преступным путем, незаконного дохода (прежде всего по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 171, 172 УК РФ), возникает сложность в интерпретации данного понятия с точки зрения уголовно-правового подхода и экономического одновременно [1]. Правила признания дохода в бухгалтерском учете и налогообложении – как основных смежных направлениях деятельности и соответствующих частях отраслей права – имеют свои особенности, связанные с моментом и обстоятельствами признания до-

хода. Здесь видны особенности квалификации понятия дохода, полученного физическим лицом и юридическим лицом. Проблема, в каком порядке эксперту-бухгалтеру следует руководствоваться существующими нормами и стоит ли учитывать особенности уголовно-правовых отношений при формировании выводов на поставленные в ходе экспертизы вопросы, остается актуальной.

Понятие «доходы» имеет массу толкований в различных контекстах. Например, в соответствии с ПБУ 9/99 «Доходы организации» доходами признается увеличение экономических выгод в результате поступления активов (денежных средств, иного имущества) и (или) погашения

обязательств, приводящее к увеличению капитала этой организации, за исключением вкладов участников (собственников имущества) [2].

Если обратиться к положениям закона, трактующего понятие дохода для физического лица, то видим, что ст. 41 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) доход определен как экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая для физических лиц в соответствии с гл. 23 «Налог на доходы физических лиц» НК РФ. При этом в целях указанной главы НК РФ, если иное не предусмотрено пп. 2–5 ст. 223 НК РФ, дата фактического получения дохода определяется как день выплаты дохода, в том числе перечисления дохода на счета налогоплательщика в банках либо по его поручению на счета третьих лиц – при получении доходов в денежной форме [2].

Следует также учитывать, что согласно Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» доходами, полученными преступным путем, признаются денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступления [3]. Как видим, данный закон отождествляет момент получения дохода с моментом фактического получения в распоряжение денежных средств или иного имущества и не учитывает буквально момент или факт передачи товара (продукции, работы, услуги) от покупателя (потребителя) к продавцу.

Очевидно, что в различных нормативных документах акцентировано внимание на тот или иной момент и характер возникновения дохода у того или иного лица. Однако стоит ли в данном случае сопоставлять все установленные условия получения лицом дохода, прежде всего факт получения оплаты и передачи товара (продукции, работ, услуг)? По нашему мнению, необходимо исследование контекста и конъюнктуры получения дохода лицом, ведь перед экспертом стоит задача по установлению и расчету конкретной величины дохода, полученного фигурантом дела.

Снова обратимся к положениям нормативных документов исследуемой области. В бухгалтерском учете и налогообложении в связи с объективным наличием оснований признания доходов в зависимости от факта получения денежных средств или факта отгрузки продукции (товаров), оказания услуг, выполнения работ определены (установлены) два способа признания дохода, подлежащие определению экономическим субъектом в своей учетной политике на очередной финансовый (отчетный)

период. Так, согласно ст. 271 НК РФ в целях гл. 25 «Налог на прибыль организаций» доходы признаются в том отчетном (налоговом) периоде, в котором они имели место, независимо от фактического поступления денежных средств, иного имущества (работ, услуг) и (или) имущественных прав (метод начисления). Статьей 273 НК РФ предусмотрено применение кассового метода, согласно которому датой получения дохода признается день поступления средств на счета в банках и (или) в кассу, поступления иного имущества (работ, услуг) и (или) имущественных прав, а также погашение задолженности перед налогоплательщиком иным способом [4]. Но если для лица, зарегистрированного в установленном законом порядке в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя с целью осуществления хозяйственной деятельности, указанный момент признания дохода будет зафиксирован в учетной политике и, соответственно, при исследовании экспертом поставленного вопроса о величине дохода он может руководствоваться соответствующими положениями как установленным порядком делового оборота или так называемыми сопоставимыми условиями, то для лиц, уклоняющихся от такой регистрации и, соответственно, или как правило, не соблюдающих правила учета и налогообложения, определить момент признания дохода с точки зрения правил учета и налогообложения и, соответственно, уголовного права становится весьма сложной задачей. Но, с другой стороны, стоит ли руководствоваться указанными правилами, если речь идет о квалификации деяния? Возможно ли буквально воспринимать текст правовой нормы?

В этой связи обратимся к положениям ст. 171 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное предпринимательство, состоящее в осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода [1]. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 установлено, что под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности [5]. Упомянутое понятие выручки заставляет вернуться к положениям п. 12 ПБУ 9/99 «Доходы организации», согласно которому выручка признается в бухгалтерском учете при наличии следующих условий:

а) организация имеет право на получение этой выручки, вытекающее из конкретного договора или подтвержденное иным соответствующим образом;

б) сумма выручки может быть определена;

в) имеется уверенность в том, что в результате конкретной операции произойдет увеличение экономических выгод организации; уверенность в том, что в результате конкретной операции произойдет увеличение экономических выгод организации, имеется в случае, когда организация получила в оплату актив либо отсутствует неопределенность в отношении получения актива;

г) право собственности (владения, пользования и распоряжения) на продукцию (товар) перешло от организации к покупателю или работа принята заказчиком (услуга оказана);

д) расходы, которые произведены или будут произведены в связи с этой операцией, могут быть определены [2].

Если в отношении денежных средств и иных активов, полученных организацией в оплату, не исполнено хотя бы одно из названных условий, то в бухгалтерском учете организации признается кредиторская задолженность, а не выручка.

Субъекты малого предпринимательства, за исключением эмитентов публично размещаемых ценных бумаг, а также социально ориентированные некоммерческие организации вправе признавать выручку по мере поступления денежных средств от покупателей (заказчиков) при соблюдении условий, определенных в подп. «а», «б», «в» и «д» данного пункта.

Из контекста указанных положений видим, что в качестве основного момента, с которым связано признание дохода, законодателем установлен факт передачи продукции (товара) в условиях правового поля. И только отдельные субъекты (малого предпринимательства) имеют право на признание выручки по мере поступления денежных средств.

Обратимся к комментариям и судебной практике по данному вопросу. Позиция Минфина России при рассмотрении вопросов момента признания дохода в целях налогообложения состоит в том, что если лицом получены денежные средства на его текущий счет или иной банковский счет, режим которого позволяет расходовать поступившие денежные средства по своему усмотрению, то такие денежные средства становятся его собственностью.

То есть у лица – получателя денежных средств возникает экономическая выгода, и полученные денежные средства рассматриваются как доход, подлежащий налогообложению в общем порядке, независимо от квалификации его гражданско-правовой природы (пусть

то даже задаток, обеспечительный платеж, аванс и др. [6; 7]. Вместе с тем, судебная практика показывает, что некоторые арбитражные суды приходят к выводу, что сумму задатка по рассматриваемому делу нужно включать в налоговую базу только лишь в момент ее зачета в счет платы по заключенному договору, поскольку именно в этот момент задаток перестает быть способом обеспечения исполнения обязательств и трансформируется в часть стоимости проданного имущества [8; 9]; также задаток не является объектом обложения НДС, поскольку перечислен налогоплательщику в обеспечение исполнения обязательств и не выполняет платежной функции [10; 11]. Очевидно, что суды обращают внимание на соблюдение всех условий признания выручки и, соответственно, дохода.

Однако могут возникнуть ситуации, при которых факт передачи товара (продукции, работы, услуги) может не состояться либо оказаться существенно оттянутым во времени, при этом сумма полученных денежных средств, пусть даже в качестве обеспечительного платежа, останется в распоряжении лица-получателя. С чем в таком случае эксперт должен связать момент получения дохода? Здесь, по нашему мнению, целесообразно дату фактического получения дохода определять как день его выплаты, в том числе перечисления дохода на счет или иным способом предоставления имущества в распоряжение получателю, т.к. получение дохода предполагает получение субъектом экономической выгоды, состоящей не только в сумме денежных средств, полученных в распоряжение, но и при наличии факта отгрузки продукции, товара, выполнения работы или оказания услуги. Если же субъектом получены денежные средства, но факт отгрузки не состоялся, то налицо признаки мошенничества, т.е. субъект по зависящим или не зависящим от него причинам не исполнил условия договора. Получается, что он, действуя в рамках незаконно осуществляемой деятельности, получил денежные средства в распоряжение, следовательно, лицо, передавшее их ему в оплату по определенному хозяйственному договору, ожидает выполнения встречных обязательств. Не получив их, последний остается обманутым. Здесь необходимо иметь в виду, что лицо, вступающее в какие-либо хозяйственные отношения с другим лицом, должно было действовать с определенной степенью осмотрительности. Сегодня существуют общедоступные компьютерные средства проверки ряда показателей правоспособности и экономической способности выполнить обязательства контрагентом. Законодателем реализованы возможности

проверки электронных сведений Единого государственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; сведения о жилищном строительстве сегодня публикуются на официальных сайтах органов исполнительной власти, кроме того, закон, регламентирующий доленое строительство, обязывает публиковать определенные сведения, достаточные для установления законности постройки и сбора денежных средств, сведения о лицензии и др. Незнание последних и нежелание воспользоваться электронными базами данных должны свидетельствовать о намеренном неприменении мер осмотрительности в целях реализации интересов по извлечению экономической выгоды от хозяйственных отношений с лицом, занимающимся незаконным предпринимательством и стремящимся к получению незаконного дохода. В таком случае возврат переданных потерпевшим денежных средств должен рассматриваться как возмещение ущерба, но не как возврат дохода получателем.

Переместимся на сторону получателя дохода. Такое лицо, получив в распоряжение денежные средства до момента передачи продукции, товара, оказания услуги или выполнения работы и действуя без намерения обмануть покупателя (потребителя), обременено риском возникновения требования по возврату денежных средств в соответствии с правами потребителя-покупателя на отказ от договора (расторжение договора). Возможно также возникновение обстоятельств, согласно которым продавец сам инициирует разрыв хозяйственных отношений. В том или ином случае получатель денежных средств не извлекает полноценной экономической выгоды, а получает денежные средства пусть и в распоряжение, но обремененные риском возникновения обстоятельств их возврата. Соответствующие суммы зачастую являются, по своей сути (с точки зрения юридической квалификации), предварительной оплатой, залогом, обеспечительным платежом, а, следовательно, с экономической точки зрения не могут признаваться доходом.

В то же время, с точки зрения правовой квалификации деяния лица – фигуранта уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, признание дохода в виде полученных денежных средств должно быть сопряжено с рядом обстоятельств их получения и назначения полученной суммы. Данный момент непременно должен быть учтен в ходе производства судебно-бухгалтерской экспертизы, сопряженной с использованием компьютерных средств. Ведь исполнение встречных обязательств таким лицом растянуто на время. К примеру, получение денежных средств в счет

будущей продажи жилого помещения, к строительству которого фигурант дела о незаконном предпринимательстве только приступил. Общественная опасность должна быть устранена (пресечена) правоохранительными органами согласно их предназначению и профессиональной компетенции обеспечения общественной безопасности (в данном случае экономической). Здесь, с учетом обстоятельств дела, в частности момента начала следственно-оперативных действий в отношении фигуранта дела, которые могут и должны привести к прекращению его незаконной хозяйственной деятельности, сумма полученных денежных средств может быть признана доходом соответствующего лица-получателя в момент получения в распоряжение денежных средств. Видим, что в данном случае с большой вероятностью не будет выполнено условие передачи объекта строительства покупателю. При этом исходом дела может стать принудительное исполнение обязательства по возврату полученных денежных средств. И снова приходим к выводу, что в таком случае возврат денежных средств следует интерпретировать не более чем возмещение ущерба, но никак не возврат дохода.

Следует также иметь в виду, что в ситуации напротив, когда фактического поступления денежных средств или иного имущества (имущественного или иного права) в распоряжение получателя не установлено, в то время как состоялась передача товара (продукции, работы, услуги), признание дохода в соответствии с методом начисления, предусмотренного налоговым и бухгалтерским законодательством для организаций, для целей судебно-бухгалтерской экспертизы видится невозможным.

По нашему мнению, экспертом в ходе экспертизы по исследуемому вопросу должны быть установлены:

факты (конкретные даты) получения в распоряжение денежных средств (иного имущества или права), определяющего экономическую выгоду;

правовые обстоятельства получения указанных объектов в распоряжение;

обстоятельства исхода хозяйственных процессов, в обеспечение которых получены денежные средства (иное имущество или права), определяющие экономическую выгоду.

Таким образом, получение денежных средств лицом – фигурантом уголовного дела подлежит исследованию в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы с учетом обстоятельств и конъюнктуры их получения. Эксперт должен рассмотреть вопрос признания дохода и, в частности, момента его признания с учетом правовых, фактических оснований получения дохода, непременным условием которого является момент поступления в

распоряжение лица-получателя денежных средств или иного имущества в качестве экономической выгоды. И только совокупность предложенных направ-

лений (позиций) исследования вопроса получения лицом дохода должна стать основой формирования соответствующего вывода.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99: приказ Минфина России от 6 мая 1999 г. № 32н [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Письмо Федеральной налоговой службы от 12 нояб. 2014 г. № БС-4-11/23353.

7. Письмо Минфина России от 24 нояб. 2008 г. № 03-04-05-01/440 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 3 окт. 2011 г. № Ф10-3255/11 по делу № А14-6763/2010/229/24 по индивидуальному предпринимателю А.В. Павлову [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 июля 2011 г. № Ф04-3840/11 по делу № А75-8953/2010 по индивидуальному предпринимателю В.И. Петухову [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30 июня 2009 г. № Ф09-4388/09-С2 по индивидуальному предпринимателю Л.И. Холомовой [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Гришина О.П. Комментарий к письму ФНС России от 12.11.2014 № БС-4-11/23353 // Акты и комментарии для бухгалтера. 2015. № 1.

1. Criminal code of the Russian Federation [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. On approval of accounting Regulations «Income of organization» PBU 9/99: order of the Ministry of Finance of Russia of May 6, 1999 № 32n [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. On counteracting the legalization (laundering) of incomes received by criminal way, and terrorism financing: fed. law of Aug. 7, 2001 № 115-FL [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Tax code of the Russian Federation [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. On judicial practice in cases of illegal business and legalization (laundering) of monetary funds or other property obtained by criminal means: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 18, 2004. № 23 [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. Letter of the Federal tax service of Nov. 12, 2014 № БС-4-11/23353.

7. Letter of the Ministry of Finance of Russia of Nov. 24, 2008 № 03-04-05-01/440 [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Resolution of the Federal arbitration court for the Central district of Oct. 3, 2011. № F10-3255/11 in the case № А14-6763/2010/229/24 on the individual entrepreneur A.V. Pavlov [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. The decision of the Federal arbitration court of the Western-Siberian district of July 27, 2011 № F04-3840/11 in the case № А75-8953/2010 on the individual entrepreneur V.I. Petuhov [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Federal arbitration court of the Ural district of June 10, 2009 № F09-4388/09-C2 on the individual entrepreneur the L.I. Holomova [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Grishina O.P. A commentary on the letter of the FTS of Russia of Nov. 12, 2014 № БС-4-11/23353 // Acts and comments for the accountant. 2015. № 1.

Стукалов Вячеслав Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183623746)

Горбунов Алексей Николаевич

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79180491491)

Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет

В статье рассматриваются проблемные вопросы раскрытия преступлений прошлых лет. Исследуется роль руководителей оперативных подразделений в организации работы по раскрытию преступлений прошлых лет.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, организация раскрытия преступлений, взаимодействие, оперативные сотрудники.

V.V. Stukalov, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +79183623746;

A.N. Gorbunov, Senior Lecturer of the Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180491491.

Problem solving crimes of past years

The article deals with the problematic issues of crime detection in previous years. In particular examines the role of line managers in the organization of work on the disclosure of crimes of past years.

Key words: crimes of past years, organization of crime detection, interaction, operational staff.

Актуальность проблемы снижения удельного веса официально зарегистрированных преступлений, которые остаются нераскрытыми, трудно переоценить. Угрожающая ситуация, сложившаяся с ростом числа нераскрытых преступлений, вынудила руководство МВД России принять экстренные меры по преодолению этой крайне негативной тенденции. Одной из таких вынужденных мер стало создание в структуре ОВД в 2005 г. специализированных подразделений по раскрытию преступлений прошлых лет [1, с. 2].

В настоящее время эта проблема еще более актуализируется, т.к. нераскрытые преступления прошлых лет оказывают серьезное влияние на социально-психологический климат в обществе. Они порождают у граждан недоверие к способности государственной власти гарантировать их безопасность, создать благоприятные условия для реализации конституционных прав и свобод, эффективно вести борьбу с преступностью, обеспечить неотвратимость ответственности виновных за правонаруше-

ния. В свою очередь, безнаказанная преступность способствует «привыканию» населения к криминальным проявлениям, снижению уровня законности и моральной требовательности в обществе, к ослаблению чувства нетерпимости к правонарушениям и правонарушителям.

Данные обстоятельства лишней раз свидетельствуют о том, что раскрытие преступлений прошлых лет – задача на сегодняшний день важная, но довольно-таки не простая. Ведь чем больше проходит времени, тем вероятнее утрата информации о происшедшем, ошибки или неточности в показаниях свидетелей и очевидцев, опасность уничтожения материальных следов преступления, своевременно не обнаруженных и не зафиксированных соответствующим образом. Со временем происходят существенные изменения в обстановке места преступления, что в конечном итоге влияет не только на осмотр места происшествия, но и производство допроса, следственного эксперимента, проверки и уточнения показаний на месте. Получение новой информации по при-

остановленному делу нередко затрудняется отъездом потерпевших, свидетелей, иных лиц, осведомленных об обстоятельствах по делу. С течением времени могут видоизменяться объекты, установление тождества которых важно для раскрытия преступления: изнашивается обувь, которой оставлен след на месте убийства; стачиваются режущие или рубящие поверхности инструмента, использованного при совершении преступления; стареют предметы, индивидуальные признаки которых имели значение для доказывания, и т.п. Дополнительные трудности возникают в обнаружении похищенного имущества, которое может быть неоднократно использовано, перепродано, переделано либо утрачено (уничтожено, утилизировано). За истечением установленного срока хранения уничтожаются многие документы, портятся и приходят в негодность вещественные доказательства. Меняются вследствие старения некоторые физиологические и внешние признаки человека, что может затруднить его отождествление и последующее процессуальное опознание. Со временем многое меняется в памяти людей относительно событий, имевших место в их жизни, не говоря уже о преступлениях, невольными свидетелями или очевидцами которых они являлись. Вместе с тем, течение времени может и способствовать установлению истины. Главное – правильно распорядиться временем. Преступник, избежавший разоблачения, успокоившись, теряет бдительность и осторожность, начинает проговариваться о совершенном. Совершая новые преступления, он вновь оставляет следы, исследование которых в совокупности с прежними нередко позволяет раскрывать преступления прошлых лет.

Поскольку в конечном итоге виновные в совершении большинства преступлений рано или поздно устанавливаются, на что указывают данные статистики МВД России [2], то нераскрытые преступления, отнесенные к категории преступлений прошлых лет, не следует рассматривать как преступные посягательства, при совершении которых преступник не делает ошибок. Видимо, вследствие стечения определенных причин и условий сложившиеся обстоятельства просто не позволили оперативным сотрудникам своевременно, быстро и оперативно раскрыть преступление.

Анализ дел оперативного учета и уголовных дел показывает, что на том или ином этапе процесса раскрытия и расследования таких преступлений оперативными сотрудниками были допущены просчеты в выборе ме-

тодов, сил и средств или они использовались некомплексно. Следствием этого является то, что следы, оставленные преступником на месте происшествия, своевременно не обнаруживались, а преступления оставались нераскрытыми. Зачастую причиной того, что преступления не раскрываются быстро, является использование преступниками тщательно замаскированных или нетрадиционных способов совершения преступных деяний, активное противодействие оперативным и следственным работникам со стороны преступников, их сообщников и родственников. Несвоевременно предпринятые действия по преодолению криминального противодействия приводят, как правило, к снижению активности оперативных сотрудников по приостановленному уголовному делу, утрате перспективы раскрыть преступление по горячим следам. В сложившейся ситуации преодоление возникающего у начинающих оперативных сотрудников комплекса неверия в возможность раскрытия преступлений при прошествии длительного периода времени с момента его совершения является одной из важных задач наставников и руководителей оперативных подразделений. Изменение психологии не только рядовых оперативников, но и руководителей среднего звена относительно значения работы по раскрытию преступлений прошлых лет является второй по значимости задачей из числа первоочередных после общей задачи – раскрытия преступлений.

В условиях активного криминального противодействия эффективность оперативного поиска напрямую зависит от психологической устойчивости и типа организационного поведения руководителя оперативного подразделения. Так, если раскрытие преступлений по горячим следам требует от руководителя оперативного подразделения жесткого спроса в быстром и точном выполнении его указаний, обусловленных оперативной ситуацией, то постоянная и кропотливая работа по раскрытию преступлений прошлых лет предусматривает иной вариант поведения. Умение анализировать навыки и способности, психологические особенности и возможности своих подчиненных – вот самое важное качество руководителя оперативного подразделения, позволяющее добиваться высоких показателей в работе по раскрытию преступлений прошлых лет. В последнее время значение такого умения все более увеличивается, что обусловлено рядом причин. В первую очередь, усиливающееся противодействие криминальных структур диктует необходимость регулярного изучения

передового опыта и обучения оперативных сотрудников современным методикам раскрытия преступлений прошлых лет.

Практика показывает, что по-прежнему актуальной проблемой в организации работы по раскрытию преступлений прошлых лет остается организация взаимодействия между оперативными подразделениями различных органов внутренних дел, службами и подразделениями других правоохранительных органов, наделенных правом проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также органами следствия.

Анализ дел оперативного учета и уголовных дел показывает, что результативно работа по раскрытию преступлений прошлых лет может вестись только в условиях четкой организации взаимодействия между подразделениями уголовного розыска и:

следственными подразделениями МВД и следственного комитета;

другими службами и подразделениями органов внутренних дел, наделенными правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, подразделения по противодействию экстремизму и др.);

информационными подразделениями МВД России (ГИАЦ МВД России и ИЦ МВД, ГУ УВД, УМВД субъектов Российской Федерации);

оперативными подразделениями других правоохранительных органов, имеющих право осуществлять оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации (ФСНК, ФСБ, Федеральной таможенной службы, ФСИН).

Одним из важных принципов организации согласованной работы по раскрытию и расследованию преступления является обеспечение преемственности в действиях следственно-оперативной группы и последующими действиями оперативных работников и следователя, продолжающих работу по раскрытию преступления. Для обеспечения такой преемственности целесообразно с самого начала вводить в состав СОГ тех сотрудников оперативных подразделений и участковых уполномоченных полиции, которые обслуживают данную линию работы или территорию, на которой было совершено преступление.

В общем виде содержание работы по раскрытию преступлений прошлых лет является продолжением работы, начатой на первоначальной стадии раскрытия преступления по горячим следам в части выдвижения версий, разработки планов по их проверке, мероприя-

тий по личному сыску, проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на использование оперативно-справочных и оперативно-розыскных учетов, ориентирования подсобного аппарата, отработку задержанных и арестованных, оперативно прикрытия мест возможного сбыта и хранения похищенного имущества, выявления связей преступника и мест его возможного нахождения, выявления связей потерпевшего.

Однако применительно к преступлениям, совершенным в городах, раскрытие преступления после истечения дежурных суток является более сложной задачей: следов меньше, преступник имел время, чтобы предпринять встречные шаги для сокрытия важной информации, например сбыть похищенное или скрыться. На данном этапе существенно возрастает роль взаимодействия территориальных органов внутренних дел, а в некоторых случаях необходимой становится организация межрегионального взаимодействия [3, с. 54].

В любом случае, приступая к работе, оперативный сотрудник при изучении уголовного дела и оперативно-розыскных документов по нераскрытым преступлениям прошлых лет должен прежде всего выявить основные недостатки предшествующей работы по раскрытию, чтобы учесть их в дальнейшей работе. Чаще всего отмечаются следующие недостатки:

отсутствие должного взаимодействия между подразделениями ОВД и другими правоохранительными органами;

некачественный поиск вещественных доказательств;

неправильное или необоснованное выдвижение версии о лицах, могущих быть причастными к преступлению;

игнорирование необходимости полной проверки всех выдвинутых версий;

поверхностный опрос основных фигурантов дела;

недостаточное использование всего необходимого арсенала средств и методов оперативно-розыскной деятельности из числа предусмотренных ФЗ «Об ОРД»;

недостаточная работа с негласными источниками информации, а также с открытыми источниками информации, общественностью;

недостаточное использование возможностей БСТМ (особенно при похищении средств мобильной связи) и ОПБ;

недостаточное использование криминалистических и оперативно-справочных учетов.

Анализ направленных в суд уголовных дел, возобновлявшихся в связи с установлением че-

рез два года и более лица, совершившего преступление, показал, что приостановление производства по ним было следствием просчетов в организации и тактике процесса раскрытия преступления на первоначальных этапах работы. Так, достаточно распространенными являются случаи, когда виновные непосредственно сразу после совершения преступления обоснованно включались в круг подозреваемых лиц, но затем без всякой проверки исключались из их числа. Объяснить это можно только недостаточно глубоким контролем руководителей подразделений УР за ходом раскрытия преступления.

Еще одной из основных проблем в работе по раскрытию преступлений прошлых лет является недостаток информации, как прямой, так и косвенной, о лицах, представляющих оперативный интерес, местах сбыта похищенного имущества и т.п.

Источником получения оперативной информации, предоставляющим возможность продолжения работы по раскрытию преступлений прошлых лет, остается работа оперативных частей ФСИН с арестованными и осужденными – по собственной инициативе или по заданиям органов внутренних дел.

По-прежнему одним из важных источников получения значимой информации остаются оперативно-справочные и оперативно-розыскные учеты органов внутренних дел.

В настоящее время работа по раскрытию преступлений прошлых лет должна включать в себя следующие необходимые элементы: во-первых, это упорядочивание каналов сбора оперативно-розыскной информации; во-вторых, выявление лица или группы лиц, которых можно обоснованно подозревать в совершении преступления, их систематическая и тщательная проверка.

Сотрудники оперативных подразделений должны начинать свою работу по раскрытию преступлений прошлых лет с систематизации и повторного изучения материалов, содержащихся в приостановленных уголовном и оперативно-поисковом делах. Задача такого изучения состоит в том, чтобы:

критически оценить всю проделанную ранее оперативную и следственную работу по раскрытию преступления, выявить пробелы и недоработки в ней;

провести выборку лиц, проходивших при проведении первоначальных следственно-оперативных мероприятий в качестве соучастников, но впоследствии освобожденных от уго-

ловной ответственности ввиду недостаточности доказательств, для их последующей разработки;

обеспечить анализ базы данных о лицах, состоящих на профилактических учетах и представляющих оперативный интерес, особенно нигде не работающих несовершеннолетних, наркоманов, условно осужденных, находящихся под подпиской о невыезде за совершение преступлений;

определить обоснованность ранее выдвинутых версий и полноту их проверки;

установить новые обстоятельства, которые возникли в течение времени с момента приостановления уголовного дела;

исходя из анализа изученных материалов, выдвинуть новые оперативно-розыскные версии, разработать планы по их проверке, определить формы взаимодействия между сотрудниками оперативных и следственных подразделений.

В комплекс организационных мер, обеспечивающих раскрытие преступления, должна входить проверка на причастность к нему лиц, состоящих на оперативном и профилактических учетах, в том числе лиц, проверяемых по подозрению в подготовке или совершении конкретных видов преступлений. Такие учеты позволяют ответить на два вопроса, если преступник не установлен и не задержан по горячим следам:

1) среди кого, в какой микросреде следует искать преступника с учетом способа совершения преступления и особенностей оперативной обстановки на данной территории;

2) каков круг лиц, требующих проверки на их причастность к преступлению.

К числу лиц, требующих проверки на их причастность к преступлению, относятся: лица, в отношении которых ранее было возбуждено уголовное дело по факту совершения отдельного вида преступления, но прекращено в связи с недоказанностью обвинения; лица, привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности за совершение преступлений, но получившие наказание, не связанное с лишением свободы или освободившиеся из мест лишения свободы; лица, содержащиеся в СИЗО, ИВС и тюрьмах за совершение интересующих видов преступлений; несовершеннолетние правонарушители; лица, которые внезапно стали обладателями значительных денежных средств; лица, имеющие криминальные связи в преступной среде.

Оперативная информация в отношении интересующих лиц может поступать:

от конфиденциальных источников;
в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 ФЗ «Об ОРД» (например, опросов, наведения справок, скрытого наблюдения, сбора образцов для сравнительного исследования, отождествления личности и т.д.);

путем цензуры корреспонденции осужденных;
из инициативных сообщений, поступающих из оперативных частей СИЗО и ИУ;

посредством взаимного информирования оперативных аппаратов различных правоохранительных органов;

исходя из изучения массива уголовных, оперативно-поисковых дел и отказных материалов;

из данных, поступивших от представителей общественности;

из средств массовой информации.

Кроме того, изучаются и анализируются материалы оперативно-розыскного характера:

первоначальные и последующие планы оперативных мероприятий, планы осуществления оперативных комбинаций по проверке отдельных розыскных версий;

информация и справки по результатам ее проверки о фактах, сообщаемых гражданами, оказывающими конфиденциальное содействие органам внутренних дел;

планы по проведению отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

Вышеназванный список оперативно-розыскных и иных мероприятий не является исчерпывающим, но он характерен для работы по раскрытию почти всех видов нераскрытых преступлений прошлых лет.

Вышеуказанные действия сопровождаются проведением оперативно-аналитических мероприятий, основными направлениями которых являются:

выявление особенностей криминалистической характеристики города и района, особенно по признакам;

установление связей лиц, представляющих оперативный интерес;

выявление статистической связи между характером совершенного преступления и характеристиками личности преступника;

выявление серийных преступлений, преступлений, сходных по способу совершения, месту, времени, предмету преступного посягательства.

По итогам проделанной работы должна быть создана специализированная следственно-оперативная группа по раскрытию преступлений прошлых лет, разработан и утвержден план ее работы [3, с. 67–68].

В заключение хотелось бы отметить, что пока не будет организовано тесное взаимодействие между оперативными подразделениями ОВД и следственными органами, не будет и эффективного решения проблемы раскрытия преступлений прошлых лет. Также необходимо уделять должное внимание роли руководителей оперативных подразделений в раскрытии подобного рода преступлений, возобновить и вывести на качественно новый уровень институт наставничества. В противном случае сотрудники оперативных подразделений, которые работают по «старым» преступлениям, будут сталкиваться с множеством сложностей.

1. О мерах по активизации раскрытия преступлений прошлых лет: указание министра внутренних дел РФ от 29 июля 2005 г. № 1/5152.

2. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/

3. Стукалов В.В., Усенко С.В., Яковлев В.В., Дармин М.В. Стратегия и тактика оперативно-розыскной деятельности по нераскрытым преступлениям прошлых лет: учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2009.

1. About measures to enhance the detection of crimes of past years: note of the Minister of the Interior of the Russian Federation of July 29, 2005 № 1/5152.

2. The official website of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/

3. Stukalov V.V., Usenko S.V., Yakovlev V.V., Darmin M.V. Strategy and tactics of operational and investigative activities unsolved crimes of the past years: guidance manual. Krasnodar, 2009.

Микрюкова Татьяна Евгениевна
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Miktanev@rambler.ru)

Типичные версии по делам о мошенничестве при получении выплат

В статье рассматриваются основные типичные версии по делам о мошенничестве при получении социальных выплат. Акцентируется внимание на наиболее необходимых процессуальных и непроцессуальных действиях лица, осуществляющего предварительное расследование.

Ключевые слова: социальные выплаты, мошенничество, типичные версии, предварительная проверка.

T.E. Mikrukova, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Miktanev@rambler.ru

Typical versions on cases of fraud when receiving payments

In this article the author considering the main typical versions on cases of fraud at receiving social payments. Accenting the attention to the most necessary procedural and not procedural action of person carrying out preliminary inquiry.

Key words: social payments, fraud, typical versions, preliminary check.

В последнее время объектом многих диссертационных исследований все чаще становятся различные виды мошенничества. Это обусловлено тем, что происходящие в стране масштабные социально-экономические изменения, их непоследовательность и бессистемность привели к росту мошеннических действий в самых различных областях человеческой деятельности, в том числе и сфере получения социальных выплат.

Согласно статистическим данным МВД России в 2014 г. почти половину (45,4%) раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (24,7 тыс.) и двенадцатую часть (8,0%) – мошенничества (4,4 тыс.), что свидетельствует о высокой латентности преступлений [1].

Появление новых видов мошеннических посягательств, сложность квалификации этих деяний, несовершенство законодательства о назначении и получении социальных выплат, издержки практики его применения способствуют росту преступлений данной категории.

Практика показывает, что преступления быстро и полно раскрываются в том случае, если с самого начала было избрано правильное направление их расследования, основанное на всестороннем анализе и оценке имеющейся и вновь поступающей информации, а также в движении версий о подлежащих установлению обстоятельствах преступления.

Для расследования любых преступлений, в том числе и мошенничества при получении социальных выплат, важной составляющей яв-

ляется построение и проверка типичных версий. Следственные версии могут возникать в разное время, по мере поступления новой информации о произошедшем событии. При проверке дознавателем, следователем типичных версий одни исключаются раньше, другие – позже. Последовательность опровержения или подтверждения версий зависит от содержания имеющейся у следователя информации о расследуемом событии.

В юридической литературе версию понимают как обоснованное предположение относительно какого-либо познаваемого события в целом либо его отдельных частей (обстоятельств, сторон, аспектов) [2, с. 68].

По делам данной категории можно выделить следующие версии:

1) имело место мошенничество при получении социальных выплат по обстоятельствам, указанным в заявлении;

2) признаки состава мошенничества при получении социальных выплат отсутствуют, имело место добросовестное заблуждение.

Выдвинутые версии одновременно и параллельно проверяются в ходе проведения таких неотложных мероприятий, как опросы заявителей, свидетелей и очевидцев. В процессе опроса выясняются обстоятельства, подлежащие установлению, и принимается решение об объективности информации и достаточности данных для возбуждения уголовного дела.

В первом случае лицу, производящему предварительную проверку, в ходе опроса заявите-

ля необходимо максимально установить круг обстоятельств произошедшего с целью установления всех признаков совершенного деяния для дальнейшей его квалификации.

Также необходимо выяснить признаки похищенного имущества, определить, относятся ли они к социальным выплатам. Именно в ходе опроса заявителя можно установить признаки похищенного, в какой период подозреваемый обращался с просьбой о назначении выплат, когда производился сбор документов и каких именно, кем были рассмотрены данные документы и назначены выплаты. Необходима проверка данных лиц сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, для того чтобы подтвердить либо опровергнуть версию о причастности сотрудников органов социального обеспечения к совершенному противоправному деянию.

Для проверки версий необходим сбор всех сведений о событии, указанном в заявлении. Проверка всех документов, находящихся в органах социального обеспечения, по которым назначены выплаты, требует привлечения специалистов данной области, а также назначения экспертиз.

Кроме того, для проверки информации, содержащейся в документах, необходимо привлечение сотрудников оперативных подразделений, чтобы выявить факт незаконного получения денежных средств либо удостовериться в законности совершенных сделок, правильности составленных документов. Иногда, чтобы установить факт незаконного получения выплат, достаточно посетить по месту жительства гражданина, которому назначены выплаты, с целью установления наличия основания данных выплат.

Так, например, факт хищения средств материнского капитала был выявлен прокуратурой Семикаракорского района. Следствие установило, что гражданка С. свидетельство о рождении второго ребенка 2013 г. получила на основании подложных документов – справки и выписки из медицинской карты амбулаторного больного.

Как сообщили в прокуратуре Ростовской области, по результатам рассмотрения ее заявлений отделением пенсионного фонда выдан государственный сертификат в размере более 400 тысяч рублей на улучшение жилищных условий, но проверка выявила, что данного ребенка в семье не имеется [3].

Следует заметить, что фальсификация справок о рождении детей – случай не единственный. По данным МВД России, сотрудниками

правоохранительных органов Казани выявлены аналогичные случаи незаконного получения материнского капитала [4]. Целые преступные группы действовали на территории Ингушетии [5], в Хабаровском крае [6] и других регионах России.

В арсенале средств, используемых сотрудниками оперативных подразделений, имеется целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на проверку версий о совершении мошенничества при получении выплат. К их числу можно отнести опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, оперативное внедрение и т.д. Поэтому дача письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий является для следователя обязательной составляющей в организации проверки версий.

Действующее законодательство о регулировании уголовно-процессуальной деятельности позволяет качественно провести предварительную проверку, что благоприятно сказывается на дальнейшей работе следователя по установлению обстоятельств дела. Становится реальным установление важных для квалификации преступления обстоятельств, а именно: имело ли место мошенничество; место, время, условия, способ совершения мошенничества; кто был очевидцем преступления; предмет мошенничества; в отношении кого совершено мошенничество; первоначальные данные о личности преступника.

Если в ходе комплекса процессуальных и непроцессуальных мер указанная в заявлении информация, а соответственно, и версия о совершенном преступлении подтвердилась, то следователь, дознаватель возбуждает уголовное дело.

У потерпевшего, которым в данном случае признается орган социального обеспечения в лице его руководителя, как можно скорее необходимо изъять все важные документы, являющиеся носителями информации о событии преступления и о лице, его совершившем, такие как справки, договоры, расписки, заявления – анкеты, иные документы, поданные подозреваемым с целью получения выплат. Указанные документы изымаются в ходе выемки и в дальнейшем признаются в качестве вещественных доказательств.

Кроме того, имеет смысл привлечение специалиста для разъяснения процесса подачи документов, их рассмотрения и дальнейшего назначения социальных выплат.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела следователю, дознавателю необходимо активно заниматься накоплением информации о событии преступления, переходя от общих версий произошедшего к частным. Например, при получении заключения эксперта о наличии подделки документов может возникнуть подозрение о том, что в совершении преступления были задействованы иные лица. В результате выдвигаются версии относительно субъекта преступления, т.к. в большинстве случаев другие элементы криминалистической характеристики уже известны.

После установления события преступления целесообразно выдвигание и проверка следующих частных версий относительно субъекта преступления:

1. Мошенничество совершено одним лицом.
2. Мошенничество совершено группой лиц.
3. Мошенничество совершено лицами, состоящими в родстве.
4. Мошенничество совершено лицом, ранее судимым за аналогичные преступления.
5. Мошенничество совершено местным жителем.
6. Мошенничество совершено преступником-гастролером.
7. Преступление совершено преступником-профессионалом.

Приведенные типичные версии, безусловно, не являются исчерпывающими. Любое совершенное деяние содержит в себе уникальные признаки, присущие лишь конкретному событию преступления. Но при изучении материалов уголовных дел изложенные выше версии являются наиболее актуальными и часто встречающимися в практике.

После выдвигания указанных версий дальнейшая работа следователя сводится к их подтверждению либо опровержению путем сбора данных:

о личности преступника, его характеристике, образе жизни, месте жительства, месте работы, судимости, мотивах, приемах преступления, роли в преступной группе, ранее совершавшихся преступлениях;

об учреждениях, в которые подозреваемый обращался для получения различных справок, наличии коррумпированных связей в данных структурах;

о наличии соучастников, их проверке по различным криминалистическим и оперативным учетам, составе, численности, технической оснащенности и вооруженности, специализации.

При наличии оснований утверждать, что преступление совершено группой лиц, где в

качестве соучастников выступают работники различных организаций, целесообразно обратиться к руководителю следственного органа с просьбой о создании следственной оперативной группы. Это позволит более качественно произвести сбор информации о преступлении, работая в различных направлениях.

В дальнейшем деятельность лица, производящего расследование, должна быть направлена на закрепление доказательственной информации при помощи различных следственных действий. И прежде всего, это допрос потерпевшего либо лица, в чьем ведении находилось имущество; допросы свидетелей, лиц, принимавших документы; назначение и производство экспертиз.

При установлении лица, совершившего преступление, характерно производство следующих действий: задержание подозреваемого и личный обыск; допрос задержанного; изъятие образцов почерка и подписи подозреваемого для дальнейшего назначения и производства экспертизы, осмотр изъятых у мошенника, а также полученных от него потерпевшим предметов; арест имущества и счетов подозреваемого; поручение органам дознания производства оперативно-розыскных мероприятий по установлению и проверке лиц, причастных к совершенному преступлению, к таковым могут относиться лица, выдавшие поддельные справки по месту работы, организации, выдавшие недействительные чеки, подтверждающие покупку товаров в магазинах, недействительные справки о рождении детей и т.п.

Итак, подводя краткий итог, отметим, что на первоначальном этапе расследования перед следователем, дознавателем стоит ряд основных задач:

1) установление наличия либо отсутствия события хищения социальных выплат и способа его совершения;

2) установление круга лиц, причастных к совершению преступления, а также могущих располагать сведениями об обстоятельствах подготовки, совершения и сокрытия мошенничества;

3) установление основных элементов обстановки хищения (время, место, особенности документооборота и оформление сделок);

4) определение источников и круга документов, отражающих механизм подготовки, стадии совершения и деятельность по сокрытию мошенничества;

5) установление основных характеристик похищенного, его стоимости, примерной суммы ущерба;

б) пресечение преступной деятельности и возможных путей сокрытия информации о преступлении, предупреждение возможного или осуществляемого противодействия расследованию.

Таким образом, версии по делам о мошенничествах, совершенных при получении выплат, представляют собой определенную структуру, состоящую из предположений общего и частного характера. Причем данная структура напрямую зависит от степени информированности следователя относительно обстоятельств

совершенного преступления. И чем меньше этих сведений, тем больше выдвигается версий, каждую из которых субъекту расследования необходимо проверить.

По каждому уголовному делу, в том числе и по мошенничествам, необходимо тщательное планирование версий, следственных и иных действий, тактических комбинаций, тактических операций. От того, как следователь подойдет к процессу планирования расследования, могут зависеть ход и результаты уголовного дела [7].

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе, за январь – декабрь 2014 г. [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866> (дата обращения: 21.05.2015).

2. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. М., 1995.

3. Незаконно получен материнский капитал на Дону [Электронный ресурс] // Материнский капитал. URL: <http://semeykapital.ru/novosti/nezakonno-poluchen-materinskij-kapital-na-donu.html> (дата обращения: 17.05.2015).

4. Полицейские Казани выявили крупные махинации с получением материнского капитала [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/news/item/903059/> (дата обращения: 17.05.2015).

5. В Республике Ингушетия полицейскими задержаны врачи-акушеры по подозрению в мошенничестве с материнским капиталом [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/news/item/887857/> (дата обращения: 17.05.2015).

6. В Хабаровском крае в суд направлено уголовное дело в отношении участников группы, занимавшихся обналичиванием средств материнского капитала [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/news/item/1476316/> (дата обращения: 17.05.2015).

7. Смагоринский Б.П., Сычев А.В. Типичные версии по делам о мошенничествах, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2014. № 1(28). С. 125–131.

1. The shot characteristic of condition of crime in Russia Federation including in the Crimea federal district for January – December, 2014 [Electronic resource] // Site of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866>. (date of access: 21.05.2015).

2. Criminalistics / ed. by V.A. Obratsov. Moscow, 1995.

3. The maternity capitals illegally received on the Don [Electronic resource] // The maternity capital. URL: <http://semeykapital.ru/novosti/nezakonno-poluchen-materinskij-kapital-na-donu.html> (date of access: 17.05.2015).

4. The police officers of Kazan reveal large frauds with receiving a maternity capital [Electronic resource] // Site of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <https://mvd.ru/news/item/903059/> (date of access: 17.05.2015).

5. In the Republic of Ingushetia police officers detained the doctors obstetricians on suspicion in fraud with maternity capital [Electronic resource] // Site of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <https://mvd.ru/news/item/887857/> (date of access: 17.05.2015).

6. In the Khabarovsk region to court sent a criminal case concerning participants of group which engaged cashing in means maternity capital [Electronic resource] // Site of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <https://mvd.ru/news/item/1476316/> (date of access: 17.05.2015).

7. Smagorinsky B.P., Sychev A.V. The typical version on the case of fraud made in there lation of socially unprotected categories of citizens // Bull. of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 1(28). P. 125–131.

Эндерс Анастасия Игоревна

адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Проблема выявления следов преступления, сокрытых путем поджога, на первоначальном этапе расследования

Автор указывает, что выявление следов преступления, скрытого путем поджога, возможно лишь на первоначальном этапе расследования. Однако в настоящее время отечественная практика расследования испытывает недостаток в научной базе, техническом обеспечении и наличии грамотных специалистов, способных установить картину совершенного преступления.

Ключевые слова: сокрытие преступления, выявление следов преступления, пожар, поджог, начальный этап расследования, картина преступления, уничтожение улик.

A.I. Enders, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181.

The problem of detecting traces of the crime concealed by arson at the initial stage of the investigation

The author notes that the identification of latent traces of the crime of arson is possible only at the initial stage of the investigation. But at the moment the domestic investigative practice lacks as a scientific basis, and in technical support, as well as the availability of competent professionals able to establish a picture of the crime.

Key words: concealment of the crime, detecting traces of the crime, fire, arson, initial stage of investigation, picture of the crime, destruction of evidence.

Один из механизмов сокрытия преступления – это преступная инсценировка, которая представляет собой создание ложной информации о любом из элементов преступления. Целью инсценировки выступает уклонение от ответственности либо ее смягчение посредством введения в заблуждение следственных органов. Можно выделить две формы преступной инсценировки – материальную (в таком случае изменению подвергается материальная обстановка преступления: заменяется обстановка места преступления согласно инсценируемому событию, удаляются или заменяются отдельные объекты места преступления, а также их взаимное расположение с целью внесения видимости иных, отличных от реальных мотивов преступлений) и вербальную (это, в первую очередь, ложные показания, иногда подтверждаемые ложными документами, предметами и пр.). На сегодня одним из наиболее распространенных способов сокрытия следов преступления является поджог, который нередко маскируется под случайно возникший пожар по произвольной причине или по причине нарушения техники безопасности. В связи с этим актуальным является принятие следственной группой на

первоначальном этапе расследования данного факта в качестве возможного с целью предотвращения преступного сокрытия информации. Проблема обнаружения следов преступлений, сокрытых путем поджога, имеет свой отклик в трудах ряда исследователей, среди которых стоит отметить В.А. Жбанкова [1], С.И. Зернова [2], Л.Б. Филонова [3] и др., однако стремительное развитие реалий современного мира требует развития существующей научной базы в соответствии с характером изменения социальной среды.

На данный момент наиболее существенным теоретическим методом оценки преступления является метод классификации, позволяющий логически структурировать возможные причины расследуемого факта. Так, классификация поджогов и преступлений, связанных с нарушением техники пожарной безопасности, базируется на ряде элементов, связанных между собой. Во-первых, необходимо определить время, место, предмет преступления, а также дать характеристику объекту пожара и общей обстановке. Во-вторых, по механизму найденных следов преступления необходимо установить особенности его совершения, а также особенности личностей потерпевших и пре-

ступников, их мотивацию и преследуемые в совершении преступления цели.

Расследование фактов пожаров, в том числе криминального характера, требует наличия системы знаний по возможным причинам каждого из вероятных видов устанавливаемого события. Так, нарушение техники безопасности, ставшее причиной пожара, имеет свои различия. Неосторожное обращение с огнем, включающее курение вне отведенных для этого мест, нарушение эксплуатации горючих и легковоспламеняющихся материалов, приводящее к пожару, характеризуется как неумышленное преступление.

Нарушение правил пожарной безопасности часто приводит к возникновению и распространению огня по территории организации. Способы нарушения правил пожарной безопасности принято классифицировать по нескольким критериям. Во-первых, это всевозможные нарушения правил устройства и эксплуатации газовых, электрических, бензиновых и других горючих, нагревающих и генерирующих приборов, устройств, печей. Во-вторых, нарушение условий хранения, транспортировки взрывоопасных и легковоспламеняющихся материалов. Третий тип нарушений связан с игнорированием необходимых конструктивных противопожарных решений при организации специальных помещений – несоответствие площадей нормам пожарной безопасности, отсутствие необходимых вентиляционных систем, наличие различных пристроек, возведенных без разрешения государственной пожарной службы. Следующий тип нарушений, приводящих к возгоранию, связан с неосторожной деятельностью, связанной с огнем. Сюда можно отнести не соответствующее технике безопасности проведение сварочных, огневых работ в пожароопасных местах и вблизи горючих материалов, курение вне специально отведенных мест, несанкционированное разведение костров на территории организации с целью уничтожения отходов и т.д. Вместе с тем, при обнаружении пожара не следует исключать факторы умышленного характера.

Основным же показателем в характеристике криминальных поджогов выступает способ преступления, воплощенный рядом действий или же бездействием. Для криминального поджога характерны такие способы преступления, как преступление без сокрытия следов и поджог с инсценировкой для введения в заблуждение следствия. Диагностировать факт сокрытия преступления поможет выявление ряда при-

знаков, которые можно классифицировать по ряду критериев: по природе (идеальные – материальные), по месту проявления, по содержанию, по целям инсценировки, по средствам сокрытия и по связям и отношениям со скрываемым.

Когда речь идет о преступлении без сокрытия следов, в ход идут горючие материалы, найденные на месте преступления либо привезенные с собой. Такие способы характерны для преступлений, которые совершаются из хулиганских соображений, личного неприязненного отношения либо для сокрытия иного преступного действия.

Если же имела место инсценировка, то расследование поджога значительно осложняется ввиду сознательно скрытых преступником причин пожара. Характерными для этого способа являются такие преступные действия, как использование электрических бытовых приборов и устройств, умышленное создание условий для самовозгорания горючих материалов и провоцирование короткого замыкания в электроцепи, здесь же идут в ход фитили, запалы и т.п.

Такие способы поджогов характерны для тех случаев, когда преступники имеют своей целью сокрытие хищения различного рода документации, денежных средств и имущества либо страховые махинации.

При выборе способа поджога злоумышленник руководствуется рядом факторов: характеристика помещения (конструкция строения, наличие огнеопасных предметов и материалов и т.д.), насколько сотрудники организации готовы или не готовы к проникновению на территорию и пожару (состояние охранных и противопожарных структур предприятия), какими навыками обладает сам злоумышленник. Важным признаком инсценировки сокрытия преступления могут выступать улики поведения и негативные обстоятельства. Негативные обстоятельства представляют собой явления, которые искажают реальную сущность события, формируя некий вымышленный, ложный образ о предмете, и выражаются материальными следами действия. Улики поведения выражаются в действии или бездействии субъекта, которые обнаруживают его информированность о любой фазе преступления и представляют собой вербальные и поведенческие акты.

Следы на месте поджога могут иметь различный механизм, т.к. пожар может быть как самостоятельным преступлением, так и способом сокрытия следов иного преступного действия,

а также следствием других совершенных преступлений. Пожар может сопровождаться различными специфическими процессами, такими как плавление, горение, дымовыделение и т.д. Отсюда возникает и специфика слеодообразования на месте поджога или неумышленных преступных нарушений техники противопожарной безопасности. Также возникает необходимость дифференцировать первичные следы от видоизменений, которые они могли претерпеть в процессе попыток их сокрытия. Сложность криминалистической экспертизы поджогов заключается в том, что в отличие от других преступлений здесь следы криминальных действий интенсивно уничтожаются огнем.

В качестве следов преступления на месте могут присутствовать различные предметы, обгоревшие, но еще сохранившие признаки происшествия. Это могут быть следы использованных горючих веществ, сохранившиеся на обломках каких-нибудь приборов, следы вмешательства в работу каких-либо устройств или электрических сетей, отпечатки ног, рук, обуви, трупы животных и людей. Также следы преступления могут сохраниться на самом преступнике либо в документах, связанных со злоумышленником и его преступным действием (или бездействием). Все эти признаки можно отнести к материальным следам преступления. Но, кроме материальных, существуют также и идеальные следы, которые играют немаловажную роль в расследовании. К ним можно отнести устную информацию о лицах, причастных к поджогу, об обстоятельствах происшествия, полученную от конкретного человека – свидетеля.

Процесс выявления сокрытия преступления включает в себя рассмотрение ряда признаков. Одним из таких признаков является деятельность преступных сообществ и заранее созданных ими коррупционных связей, дезорганизация расследования, психологическое, политическое и физическое воздействие на следователей, потерпевших, свидетелей. Для составления адекватной характеристики поджога необходимо, соответственно, установить особенности личности, совершившей преступление. Чаще всего поджигателями становятся люди, несущие материальную ответственность и пытающиеся скрыть должностные преступления посредством пожара, – это работники организаций, складов, магазинов и т.д. Также виновниками пожара могут стать лица, недобросовестно выполняющие должностные обязанности по соблюдению правил

пожарной безопасности и правил эксплуатации и хранения различных устройств, приборов, горючих и легковоспламеняющихся материалов. Еще одна категория лиц, чаще всего становящихся поджигателями, – это люди, ведущие антисоциальный образ жизни, страдающие алкоголизмом, наркоманией, какими-либо психическими расстройствами личности.

Неслучайным в этой связи является тот факт, что ряд исследователей сходится во мнении по поводу социальной природы современной преступности как феномена. Так, по мнению Д.С. Райдугина, «нынешнее состояние преступности в России – результат глубокого и всестороннего социального кризиса. Оно может измениться к лучшему только при условии выхода страны из кризиса, а выход из кризиса, в свою очередь, при таком уровне преступности и морального разложения просматривается с трудом» [4, с. 150]. Интересна в этом контексте позиция Е.О. Кубякина, который в рамках криминологии и социологии говорит об особом состоянии личности, но не психологическом, а социальном, при наличии которого вероятность экстремальной, в том числе преступной, деятельности увеличивается [5]. По мнению исследователя, социальный тип преступника, совершающего преступление экстремального характера (экстремизм, погром, поджог как выражение протеста и т.д.), детерминирован фактором экстремпарантности (склонности к совершению экстремального поступка) [6; 7]. С позиции Н.В. Нарыкова, склонность к асоциальной и преступной деятельности может быть детерминирована недостатками образования и культурного воспитания [8]. В этой связи логично утверждать что социологический тип человека, совершающего преступление, может быть определен и на уровне совокупности следов, оставленных на месте преступления, а также характера совершенного преступления или совокупности преступных действий. Соответственно, социальный тип преступника является детерминантом его образа действия или комплекса действий по сокрытию как состава преступления, так и конкретных следов. Данные действия могут носить систематичный характер, хаотичный, небрежный, эмоционально окрашенный и т.д. Тем самым речь идет о том, что сокрытие следов преступления также является фактом (следами преступления), характеризующими личность человека, причастного к данному преступлению.

Специалист, расследующий преступление, особенно на первоначальном этапе, должен

понимать, что воздействие на материальные следы, а также на свидетелей преступления чаще всего имеет своей целью затруднить расследование, тем самым воспрепятствовав раскрытию преступления. Воздействие на следы преступления может осуществляться несколькими способами: перемещение, маскировка или уничтожение материальных улик. Когда позволяют условия, преступники чаще выбирают вариант полного уничтожения следов преступления, которое подразумевает умышленное разрушающее воздействие на признаки и следы правонарушения для того, чтобы скрыть информацию от следственных органов. Для уничтожения следов преступник может выбрать разные способы, которые зависят от их свойств, механизма образования, а также от опыта самого преступника, его общего и профессионального уровней развития. Сам факт попытки сокрытия следов преступления для опытного сотрудника следствия должен быть следом преступления, существенно определяющим круг подозреваемых.

Сложность раскрытия преступлений методом поджога связана с тем, что далеко не каждый представитель следствия склонен на предварительном этапе расследования не отметить сложные и трудно доказуемые версии, к которым относятся в первую очередь преступления, скрытые пожаром. Вместе с тем, именно на начальном этапе возможно установить логическую картину происшедшего события. Для этого необходимо обнаружение следов и совмещение их на уровне общей картины преступления. Существенное влияние на процесс обнаружения следов как преступником (с целью уничтожения), так и правоохранительными органами (с целью раскрытия преступления) оказывает их местоположение. По локализации следы классифицируют на несколько групп: во-первых, это следы преступных действий, отразившиеся на внешней обстановке места преступления: какие-либо разрушения, перемещения и подобное; во-вторых, следы самого преступника: его частей тела, одежды и пр.; в-третьих, это следы орудия и средств преступления; в-четвертых, следы преступления, возникшие на теле, одежде, обуви и на прочих объектах самого преступника.

Понимание того факта, что одним из самых распространенных способов уничтожения следов является их сжигание с целью сокрытия информации о преступлении, является суще-

ственным предпосылочным основанием для подробного расследования обычных с первого взгляда пожаров. Такой способ характерен в случаях, когда преступнику необходимо уничтожить орудия преступления, одежду и обувь, в которой совершалось преступление и на которой могли остаться следы, части человеческих тел, упаковка, с помощью которой совершались кражи, и т.д. Довольно часто, чтобы скрыть следы, преступник поджигает само место преступления – любое помещение, в котором были совершены кражи, убийства и т.п.

Для более качественного понимания механизма разнообразных преступных действий необходимо комплексное исследование средств уничтожения следов преступления. Научный подход необходим при выработке рекомендуемого алгоритма действий в процессе осмотра места преступления с целью выявления следов происшествия, а также извлечения достоверной информации из анализа найденных следов. Также это помогает разработке методик для экспертов по восстановлению информации в процессе исследования остатков уничтоженных следов и способов и средств их уничтожения. Выявленные же особенности уничтожения следов могут помочь в получении доказательств совершенного преступления и идентификации личности преступника.

На настоящий момент проблема выявления следов преступления, сокрытых путем поджога, на первоначальном этапе расследования является одной из актуальных. При этом существенным фактором актуализации научного потенциала по разрешению данной проблематики является совокупность социальных изменений современного общества. Процесс глобальной трансформации, глобализации, развитие технологий и стагнация в области этического и аксиологического основания позволяют говорить о том, что технологически повышается уровень совершаемых преступлений. Деструкция и дисфункция институтов науки и образования [9; 10] как одно из последствий имеют сциентификацию преступного поведения. Поэтому логичным шагом по противодействию развитию преступности как социального феномена (в частности на уровне самых изощренных форм) является грамотная и эффективная научная база, позволяющая выявлять и расследовать преступления, в том числе скрытые и инсценируемые.

1. Жбанков В.А. Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений: учеб. пособ. М., 1987.
2. Зернов С.И. Применение специальных знаний при установлении причин пожаров // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. тр. М., 1995. С. 102–107.
3. Филонов Л.Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М., 1979.
4. Райдугин Д.С. Философия преступления: социальные аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2007.
5. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.
6. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1.
7. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22). С. 100–104.
8. Нарыков Н.В. Права и обязанности человека в системе социальных норм // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 253–256.
9. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.
10. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (дата обращения: 25.11.2014).
1. Zhbankov V.A. Forensic tools and techniques of disclosure of non-obvious crimes: study aid. Moscow, 1987.
2. Zernov S.I. Application of expertise in establishing the causes of fires // Research Institute of Criminology – 50: coll. of sci. papers. Moscow, 1995. P. 102–107.
3. Filonov L.B. Psychological methods for detecting concealed circumstances. Moscow, 1979.
4. Raydugin D.S. The philosophy of crime: social aspects: diss. ... Master of Philosophy. Krasnodar, 2007.
5. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. Extremparativity. Krasnodar, 2014.
6. Kubyakin E.O. Peculiarities of the prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. № 1.
7. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Information extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society // Bull. of the Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22). P. 100–104.
8. Narykov N.V. Rights and obligations of the human in the system of social norms // Society and law. 2012. № 2(39). P. 253–256.
9. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2014. № 4. P. 38–41.
10. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutions and local national security threat // Theory and practice of social development. 2014. № 19. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/18/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf (date of access: 25.11.2014).

Вецкая Светлана Анатольевнакандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Vetsky_@mail.ru)

Особенности судебного контроля по делам несовершеннолетних

В статье рассмотрены вопросы судебного контроля по делам несовершеннолетних. Особое внимание уделено судебному контролю в случаях избрания в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, мера пресечения, заключение под стражу, домашний арест, судебный контроль.

S.A. Vetskaya, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Vetsky_@mail.ru

Features of judicial control in minors cases

The paper deals with judicial control in minors cases. Particular attention is given to judicial control in the case of election of such preventive measures against a juvenile suspect (accused), as detention and house arrest.

Key words: juvenile, suspect, accused, preventive measure, detention, house arrest, judicial control.

Вопросы понятия «судебный контроль», его правовой природы, деления на виды неоднозначно трактуются в отечественной уголовно-процессуальной доктрине. Судебный контроль, как правило, рассматривается как эффективная процессуальная гарантия, обеспечивающая конституционные права, свободы и законные интересы граждан.

По мнению Н.Г. Муратовой, судебный контроль представляет собой многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность суда, которая призвана обеспечить защиту конституционных прав и свобод граждан в досудебном производстве, гарантирующую проверку законности и обоснованности следственных действий, а также судебных решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу [1, с. 16].

В юридической литературе судебный контроль в досудебном производстве определяют по двум процессуальным направлениям: во-первых, разрешительному; во-вторых, контрольному. В рамках разрешительного направления суд реализует такие полномочия, как принятие решения о возможности проведения органами предварительного расследования конкретных следственных действий, производство которых связано с ограничением конституционных прав личности, а также применение мер пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог), иных мер процессуаль-

ного принуждения. В свою очередь, в ходе контрольной деятельности судья рассматривает и разрешает вопросы, возникающие по поводу проведенных следственных действий (как это предусмотрено ч. 5 ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее УПК РФ) [2], а также разрешает споры о законности и обоснованности процессуальных действий и принятых процессуальных решений [3, с. 83].

Н.А. Колоколов в качестве одной из разновидностей судебного контроля в уголовном судопроизводстве называет оперативный (экстраординарный) судебный контроль и делит его на два вида: 1) превентивный; 2) последующий неотложенный. Первый означает судебный контроль, осуществляемый за решениями и действиями органов предварительного расследования, когда по уголовному делу возникает необходимость ограничения основных конституционных прав и свобод личности. Речь идет о контрольной деятельности, связанной с ходатайствами органов предварительного расследования о проведении того или иного следственного действия. Решения, принимаемые судом в случае удовлетворения ходатайства, могут быть различными. Во-первых, это постановления, разрешающие органам предварительного расследования осуществить в будущем отдельные следственные действия. Во-вторых, это постановления, которыми суд

сам ограничивает конституционные права участников процесса, например избирает мерой пресечения заключение под стражу подозреваемых, обвиняемых (ст. 108 УПК РФ). В-третьих, суд своим постановлением разрешает проведение таких следственных действий, как обыск, выемка и т.п. (ст. 165 УПК РФ). Последующий неотложенный судебный контроль осуществляется при условии, что решение органов предварительного расследования состоялось, процессуальные и следственные действия (бездействия) ими уже осуществлены (ст. 125 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ) [4].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что одно из направлений судебного контроля по делам несовершеннолетних связано с разрешением органам предварительного расследования производства отдельных следственных действий. В этом случае следует руководствоваться общими правилами ст. 165 УПК РФ о судебном порядке получения разрешения на производство следственного действия. В частности, процедура получения судебного решения используется для совершения следственных действий, указанных в пп. 4–9, 10.1, 11, 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также ряда других следственных действий, например в случаях помещения подозреваемого или обвиняемого, который не содержится под стражей, в медицинский или психиатрический стационар (ч. 2 ст. 203, ч. 2 ст. 435 УПК РФ). Каких-либо изъятий из общих правил в отношении несовершеннолетних не предусмотрено.

Второе направление судебного контроля по делам несовершеннолетних осуществляется в случаях избрания мер пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Следует отметить, что гл. 50 УПК РФ содержит комплекс норм, посвященных несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Положения этих уголовно-процессуальных норм направлены на то, чтобы в ходе предварительного расследования, а также в процессе судебного разбирательства учитывать индивидуальные, психологические и возрастные особенности несовершеннолетних. Они служат дополнительной гарантией защиты их прав и охраняемых законом интересов, но вопросы применения к этой категории лиц мер пресечения, как и мер процессуального принуждения, в целом сформулированы очень лаконично. В ст. 423 УПК РФ содержатся лишь фрагментарные правила с отсылкой к другим нормам УПК РФ. Так, при-

менение к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу производится по правилам, предусмотренным ст. 97, 99, 100 и 108 УПК РФ. В ст. 423 УПК РФ указано, что в случаях избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должна учитываться возможность отдачи его под присмотр (ст. 105 УПК РФ). На это обстоятельство указывает и Пленум Верховного Суда РФ [5]. О заключении несовершеннолетнего под стражу либо в случаях продления срока содержания под стражей незамедлительно извещаются законные представители подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 423 УПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ суд принимает решение об избрании таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог. Анализ судебной правоприменительной практики показывает, что к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым обычно применяются две меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении; заключение под стражу. Домашний арест практически не применяется [6, с. 3].

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, т.к. она существенно ограничивает права и свободы человека и гражданина, которые регламентированы в Конституции РФ. При этом избрание такой меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого может применяться лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, как указано в Минимальных стандартных правилах ООН, которые связаны с отправлением правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [7].

В соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого применяется лишь в случаях, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления. В исключительных случаях данная мера пресечения может применяться в отношении несовершеннолетнего, который подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести. При этом законодатель не указал, какие случаи следует считать исключительными. Представляется правильным таковыми исключительными случаями считать те, которые закреплены в ч. 1 ст. 108 УПК РФ (если у подозреваемого, обвиняемого отсутствует постоянное место

жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; подозреваемый, обвиняемый нарушил ранее избранную меру пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования, суда).

Заключение под стражу не может применяться к несовершеннолетним обвиняемым, которые впервые совершили преступление средней тяжести в возрасте до 16 лет, поскольку в силу положений ч. 6 ст. 88 УПК РФ данным лицам не может быть назначено наказание в виде лишения свободы. При рассмотрении ходатайства об избрании данной меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в несовершеннолетнем возрасте, участие защитника в судебном заседании является обязательным. Помимо этого возможно участие законного представителя несовершеннолетнего (пп. 10, 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41).

Целесообразность применения в отношении несовершеннолетнего такой меры пресечения, как домашний арест, в теории уголовного процесса вызывает дискуссии. По мнению отдельных авторов, домашний арест нежелательно применять в отношении несовершеннолетнего, поскольку он должен учиться, а ограничение его свободы передвижения может отрицательно сказаться на его развитии [8].

Другие авторы полагают, что домашний арест выступает в качестве альтернативы заключению под стражу и поэтому следует расширить применение этой меры пресечения в отношении несовершеннолетних на практике [9, с. 24].

Суд, отказывая в ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, достаточно часто по собственной инициативе определяет меру пресечения в виде домашнего ареста. Отказывая в удовлетворении подобного ходатайства, суд принимает во внимание наличие признаков, индивидуализирующих лицо, прежде всего его возраст, а также другие обстоятельства.

Домашний арест затрагивает право подозреваемого, обвиняемого на свободу передвижения, трудовые права, право на свободу поиска, получения, передачи информации и т.д. Следовательно, в каждом конкретном случае степень ограничения прав и свобод индивидуальна и во многом зависит от личности самого несовершеннолетнего подозреваемого, обви-

няемого. Очевидно, что находящемуся под домашним арестом несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому может разрешаться посещение места учебы, работы, медицинских учреждений, магазинов и пр. При этом ничто не мешает суду при избрании этой меры пресечения установить запрет посещения определенных мест; ограничение на пребывание вне дома после определенного времени суток и т.д.

Подвергая несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого определенным запретам и (или) ограничениям, суд учитывает условия жизни и воспитания несовершеннолетних, особенности их личности, влияние на них старших по возрасту лиц, в том числе родителей, попечителей [10, с. 17]. На это указывает и Пленум Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

Резюмируя сказанное, хотелось бы отметить, что судебный контроль по делам несовершеннолетних может осуществляться по следующим направлениям: разрешение органам предварительного расследования совершения отдельных следственных действий; применение мер пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому; судебный контроль в случаях, когда решение органов предварительного расследования уже состоялось, процессуальные и следственные действия (бездействия) ими уже осуществлены (ст. 125 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ). В целях совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства целесообразно внести следующие изменения в УПК РФ. Во-первых, следует обособить нормы, которые устанавливают избрание меры пресечения в отношении несовершеннолетних, в самостоятельной главе. Во-вторых, на практике следует активнее применять к несовершеннолетним не только заключение под стражу, подписку о невыезде, отдачу под присмотр, но и другие меры пресечения, в частности домашний арест в качестве альтернативы заключения под стражу. По данному поводу могут быть даны разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. В-третьих, второе предложение ч. 2 ст. 108 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «В исключительных случаях, указанных в части 1 настоящей статьи, эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести».

1. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г. № 47-ФЗ, № 40-ФЗ, № 36-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 09.03.2015.

3. Семенцов В.А., Аваков О.О. О разрешительном и контрольном направлениях судебной деятельности в досудебном производстве // Рос. юрид. журн. 2012. № 1.

4. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М., 2008. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/506>

5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

6. Глизнуца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Цоколова О.И., Костылева Г.И., Муженская Н.Е., Данилова С.И. Домашний арест и залог как меры пресечения. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». 2011.

9. Химичева Г.П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4.

10. Долгих Т.Н. Актуальные вопросы избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста // Рос. судья. 2014. № 2.

1. Muratova N.G. The system of judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislation and practice: author. abstr. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2004.

2. Criminal procedure code of the Russian Federation of Dec. 18, 2001 № 174-FL (in ed. of March 8, 2015 № 47-FL, № 40-FL, № 36-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 09.03.2015.

3. Sementsov V.A., Avakov O.O. On the licensing and control activities in the areas of judicial pre-trial proceedings // Russian law journal. 2012. № 1.

4. Kolokolov N.A. Operative judicial control in criminal proceedings. Moscow, 2008. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/506>

5. On the practice of application by courts of law on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 19, 2013 № 41 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. № 2.

6. Gliznutsa S.I. Application of preventive measures against minors: auth. abstr. ... Master of Law. Tyumen, 2011.

7. Standard Minimum Rules of the United Nations concerning the administration of juvenile justice (The Beijing Rules): adopted by Resolution 40/33 of Nov. 29, 1985 on 96th plenary session of the UN General Assembly. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Tsokolova O.I., Kostyleva G.I., Muzhenskaya N.E., Danilova S.I. House arrest and bail as a preventive measures. Access from legal reference system «ConsultantPlus». 2011.

9. Himicheva G.P. A juvenile accused (the suspect): preventive measures // Criminal proceedings. 2014. № 4.

10. Dolgih T.N. Topical issues of the election by the courts of house arrest as a preventive measure // Russian judge. 2014. № 2.

Шахкелдов Фридрих Григорьевич

доктор юридических наук,
 профессор кафедры гуманитарных и правовых дисциплин
 филиала Адыгейского государственного университета
 в г. Белореченске
 (e-mail: armani1@rambler.ru)

Михайлов Эмин Михайлович

консультант департамента молодежной политики
 Краснодарского края
 (e-mail: adm93@mail.ru)

Взаимодействие органов прокуратуры и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере противодействия терроризму и экстремизму

В работе раскрывается взаимодействие органов прокуратуры и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Проводится анализ проблем в данной области, указываются меры эффективного противодействия экстремистским и террористическим проявлениям.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, противодействие, экстремизм, терроризм, органы исполнительной власти, предупреждение.

F.G. Shakhkeldov, Doctor of Law, Professor of the Chair of Humanities and Legal Disciplines of the branch of the Adyghe State University in Belorechensk; e-mail: armani1@rambler.ru;

E.M. Mikhaylov, Consultant of the Department of Youth Policy of the Krasnodar Region; e-mail: adm93@mail.ru

The interaction of the prosecution and the executive bodies of subjects of the Russian Federation in the field of combating terrorism and extremism

The paper reveals the interaction of prosecutors and executive bodies of subjects of the Russian Federation in the field of combating terrorism and extremism. The authors analyze the problems in this sphere indicate the necessary steps to effectively counter the extremist and terrorist manifestations.

Key words: public prosecutor's supervision, prosecutors, combating, extremism, terrorism, executive authorities, warning.

Анализ взаимосвязанных нормативных документов: акта Президента РФ и приказа Генпрокуратуры позволяет утверждать, что взаимодействие органов исполнительной власти и органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму в настоящее время не достаточно четко и эффективно сформировано. Органы исполнительной власти, реализуя правоохранительную функцию государства, согласно положениям закона о противодействии терроризму, с одной стороны, выступают единым механизмом в борьбе с проявлениями терроризма в российском обществе, а с другой стороны, не в полном объе-

ме реализуют координирующий фактор в этой деятельности.

Не менее важным для понимания сущности анализируемой проблемы является приказ Генпрокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» [1]. Согласно положениям этого документа органам прокуратуры всех уровней необходимо систематически проводить проверки исполнения федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного

самоуправления и их должностными лицами в пределах своей компетенции требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности, в том числе о приоритетном порядке принятия профилактических мер. Основанием проведения подобных проверок является анализ состояния законности.

Показательно, что надзор за исполнением указанного законодательства Генеральный прокурор обязывает считать одним из важнейших направлений деятельности органов прокуратуры. С указанной в приказе дефиницией спорить не приходится – действительно, необходимо проводить надзор за соблюдением антиэкстремистского законодательства, поскольку оно относится как общее к частному по отношению к антитеррористическому законодательству. Всегда более эффективным является предупреждение, чем наказание за нарушение установленных правил, – на что направлено законодательство о противодействии экстремистской деятельности. Терроризм – это крайняя форма экстремизма, поэтому соблюдение антиэкстремистского законодательства является, в свою очередь, предупреждением нарушения законодательства о терроризме.

Согласно п. 1.2 анализируемого приказа Генпрокуратуры особое внимание необходимо уделять обеспечению постоянного и эффективного надзора за исполнением законодательства о международных отношениях и противодействии экстремизму в деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной миграционной службы, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и их территориальных органов, в том числе за своевременностью, полнотой, законностью и обоснованностью принимаемых ими мер по выявлению и пресечению экстремистских проявлений.

Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Уральском федеральном округе провело проверку соблюдения требований законодательства о средствах массовой информации и о противодействии экстремизму в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу. Установлено, что в отдельных случаях должностные лица управления несвоевременно принимали меры, направленные на удаление из Интернета материалов, содержащих признаки экстремизма. В частности, из

направленных управлением Роскомнадзора в 2013 г. в адрес редакций интернет-СМИ 15 требований удалить либо редактировать тексты с признаками злоупотребления свободой массовой информации 4 были направлены с нарушением установленных сроков. Так, по факту размещения на одном из популярных уральских информагентств читательских комментариев, способных спровоцировать конфликт на национальной почве, должностные лица управления приняли необходимые меры профилактического и пресекающего характера только через 7 дней. Наряду с этим, выявлены нарушения законодательства об обеспечении доступа к информации о деятельности государственного органа, связанные с неопубликованием на интернет-странице управления Роскомнадзора по УрФО ряда сведений, подлежащих обязательному размещению. В частности, на сайте не был размещен перечень территориальных отделов, почтовые адреса и адреса электронной почты, номера телефонов справочных служб, приказы, распоряжения, правила, инструкции, изданные территориальным органом, сведения об использовании выделяемых бюджетных средств, а также иная значимая информация. Вопреки требованиям ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ (объявление постановления по делу об административном правонарушении) несвоевременно направлялись копии постановлений по делам об административных правонарушениях, возбужденных в отношении и.о. редактора газеты «Планета молодых», главного редактора журнала «Бизнес Сервис», главного редактора газеты «Асбест-ревью» и ряда других изданий. По результатам проверки заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Юрий Пономарев внес руководителю управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу Марине Гвоздецкой представление, в котором потребовал устранить нарушения закона и привлечь к ответственности виновных должностных лиц [2].

Еще одним примером надзорной деятельности прокуратуры в рамках соблюдения антиэкстремистского и антитеррористического законодательства органами исполнительной власти служит следующее: Управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе проведен анализ эффективности деятельности Межрегионального управления Федеральной миграционной службы в Северо-Кавказском

федеральном округе по выявлению, пресечению и профилактике правонарушений и преступлений, связанных с незаконной миграцией, в том числе при использовании миграционного ресурса в экономической деятельности, а также преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Названное управление проделало определенную работу в сфере реализации миграционной политики на территории Северо-Кавказского федерального округа. Вместе с тем, эта деятельность сопровождается многочисленными нарушениями требований федерального законодательства, что не позволяет эффективно влиять на криминогенную обстановку. Указанное управление не организовало должное взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. В результате в региональных программах профилактики правонарушений, противодействия экстремизму и терроризму республик Дагестан, Северная Осетия – Алания, Чеченской Республики и Ставропольского края не содержатся мероприятия, направленные на борьбу с нелегальной миграцией.

Вместе с тем, решение указанных проблем затрудняет отсутствие обобщенной межведомственной информационной базы данных органов внутренних дел и ФМС России по делам уголовного и административного производства, возбужденным в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. В результате лица, ранее совершившие уголовные и административные правонарушения, беспрепятственно повторно въезжают на территорию Российской Федерации, тогда как в силу требований Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» данный въезд им должен быть запрещен.

Отсутствие должного анализа сведений, характеризующих миграционную ситуацию, и результатов работы территориальных органов ФМС России в округе обуславливает низкий уровень составляемых прогнозов, которые выполняются без учета факторов, влияющих на криминогенную обстановку, зачастую содержат недостоверные сведения. При этом стратегические прогнозы не составляются вовсе.

Результаты проверки показали, что, несмотря на рост нарушений, связанных с незаконным въездом и пребыванием в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без

гражданства и наличием фактов реальной угрозы безопасности государства либо общественному порядку, здоровью населения от пребывания ряда лиц указанной категории, решения о депортации и нежелательности их пребывания в Российской Федерации принимаются в единичных случаях.

Так, на протяжении последних двух лет принятие решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации территориальными органами ФМС России в Северо-Кавказском федеральном округе не инициировалось, тогда как из 3 выявленных в 2013 г. в целом по Российской Федерации преступлений террористического характера, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, 2 зарегистрировано на территории Северо-Кавказского федерального округа. Не отвечает требованиям законодательства и деятельность Управления по рассмотрению обращений граждан.

По итогам проверки заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Иваном Сыдоруком начальнику Межрегионального управления Федеральной миграционной службы в Северо-Кавказском федеральном округе внесено представление с требованием устранения нарушений закона и привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности [2].

Анализируемый приказ Генпрокуратуры обязывает в целях недопущения использования средств массовой информации, сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности организовать их мониторинг, а также установить постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на которые возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций.

При выявлении информационных материалов экстремистского характера необходимо обеспечивать проведение соответствующих исследований и судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования уголовных дел. При наличии положительных экспертных заключений своевременно решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими.

Абзац 2 п. 1.4 приказа Генпрокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законода-

тельства о противодействии экстремистской деятельности» содержит указание на необходимость для пресечения и предупреждения правонарушений в полной мере использовать имеющиеся полномочия, предусмотренные ст. 6–11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а именно:

объявление предостережения и вынесение предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности;

обращение в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения, иной организации и запрещении их деятельности, о прекращении деятельности средства массовой информации.

В качестве примера надзорной деятельности прокуратуры в части вынесения предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности приведем правовую позицию арбитражного суда Московского округа. Суть дела в следующем: ЗАО «Телерадиокомпания 2x2» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании недействительным предупреждения Басманной межрайонной прокуратуры (далее – прокуратура) от 22 августа 2008 г. о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществления экстремистской деятельности. Не останавливаясь на вопросах подведомственности рассмотрения дела, приведем позицию суда относительно статуса акта прокурорского реагирования. Спор возник в связи с реализацией прокурором полномочий, возложенных на него Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ). В соответствии со ст. 1 Закона о прокуратуре Прокуратура Российской Федерации наделена полномочиями осуществлять от имени Российской Федерации надзор за исполнением действующих на ее территории законов.

Реализуя эти полномочия, прокурор вправе проверять исполнение законов органами и должностными лицами.

В соответствии со ст. 8 Закона № 114-ФЗ при наличии соответствующих оснований прокурору предоставлено право выносить в адрес лиц, нарушивших положения данного Закона, предупреждение в письменной форме о недопустимости таких действий либо такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений.

Суд отметил, что по смыслу приведенных взаимосвязанных положений норм законодательства, а также с учетом того, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, само по себе предупреждение прокурора не может быть исполнено принудительно, поскольку оно направлено на понуждение органов и должностных лиц устранить допущенные нарушения закона прежде всего в добровольном порядке [3].

Закрепленный судебным актом подход к сущности предупреждения как к документу, который должен быть исполнен в добровольном порядке, является приоритетным для определения видов и форм актов прокурорского реагирования.

Решение задачи проведения эффективной государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму в России требует реализации комплекса организационных, правовых, профилактических мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных органов, общественных организаций. Полагаем, что в целях эффективного противодействия экстремистским и террористическим проявлениям необходимо широкое участие государства и общества в создании комплекса превентивных мер, среди которых следует выделить:

совершенствование законодательства в области межнациональных, межконфессиональных отношений и противодействия экстремистской и террористической деятельности;

проведение культурно-просветительской работы, направленной на формирование общественного мнения по неприятию экстремизма и терроризма, ориентируясь, в первую очередь, на подростковую и молодежную аудиторию;

проведение в средствах массовой информации молодежных программ с участием представителей различных религиозных конфессий по разъяснению смысла духовных вероучений, освещением вопросов толерантного отношения к представителям других вероисповеданий и национальной принадлежности;

освещение в СМИ негативных последствий экстремистской деятельности, результатов работы правоохранительных органов по пресечению противоправной деятельности экстремистских формирований, объединений и группировок, а также деятельности государственных органов и общественно-политических объединений по предупреждению экстремизма;

принятие мер по недопущению распространения экстремистской идеологии в сети Интернет.

В рамках координационной деятельности органам прокуратуры следует обеспечить согласованность и объединение усилий и потенциала правоохранительных органов по разработке и реализации мер, форм, сил и средств, используемых ими в противодействии экстремистской деятельности в молодежной среде. Кроме того, при организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, необходимо обращать особое внимание на выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности или препятствующих повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что органами контроля ненадлежащим образом реализуются возложенные на них законом непосредственные полномочия, что сказывается на эффективности государственного контроля за исполнением законов и требует принятия мер прокурорского надзора в целях воздействия на соответствующие уполномоченные органы административной юрисдик-

ции, специализирующиеся на контроле в данных сферах правоотношений.

Мы присоединяемся к позиции, высказанной А.Ю. Гулягиным, о том, что формирование и развитие демократического общества предполагает создание «многоканальной» системы охраны и защиты прав и свобод человека, любых законных правоприменителей. Акцент только на судебную форму защиты прав и свобод человека и гражданина отнюдь не должен повлечь снижение других возможностей, в том числе усилий прокуратуры в этом направлении. Компенсируя ряд уязвимых сторон деятельности суда, в данной сфере прокуратура за счет своих преимуществ (оперативность разрешения обращений, инициативность, охват широкого круга лиц) может удачно дополнить и усилить возможности судебной формы защиты прав человека мерами административной юрисдикции [4].

Учитывая универсальность прокурорского надзора и его самобытность, соответствующую особенностям российской федеративной государственности, необходимо подчеркнуть, что прокурор должен действовать таким образом, чтобы принимать меры к обеспечению законности как в конкретных сферах правоотношений, так и применительно к государственным органам контрольно-надзорной компетенции.

1. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генпрокуратуры РФ от 19 нояб. 2009 г. № 362. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-86111> (дата обращения: 10.09.2015).

3. Постановление федерального арбитражного суда Московского округа от 15 мая 2009 г. Дело № КА-А40/2474-09. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гулягин А.Ю. Прокуратура в системе правоохранительных органов административной юрисдикции / под ред. В.П. Рябцева. М., 2012.

1. About the organization of public prosecutor's supervision of performance of the legislation on counteraction of extremist activity: order of the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation of Nov. 19, 2009 № 362 // Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-86111> (date of access: 10.09.2015).

3. The resolution of the federal arbitration court of the Moscow district of May 15, 2009. Case № КА-А40/2474-09. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Gulyagin A.Yu. The Prosecutor's office in system of law enforcement agencies of an administrative jurisdiction / ed. by V.P. Ryabtsev. Moscow, 2012.

Старостин Сергей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры административного права и процесса
 Московского государственного юридического университета
 им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
 (e-mail: prof.starostin@gmail.com)

Об унификации норм процессуального права

В статье рассматриваются проблемы, связанные с возможной унификацией юридического процесса. Обосновывается утверждение о том, что каждая из ветвей государственной власти должна иметь свои процессуальные нормы. Органы исполнительной власти не должны исполнять функции суда, осуществлять «квазиправосудие».

Ключевые слова: юридический процесс, административный процесс, правосудие, органы исполнительной власти, Кодекс административного судопроизводства, досудебное производство.

S.A. Starostin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Law and Procedure of the Moscow State University of Law of O.E. Kutaphin (MSAL); e-mail: prof.starostin@gmail.com

About unification of norms of a procedural law

The article examines the problems associated with the possible harmonization of the legal process. Substantiates the assertion that each of the branches of government should have its own procedural rules. Executive authorities should not perform the functions of the court, execute «kvazi justice».

Key words: legal process, administrative process, justice, executive authorities, Code of administrative procedure, pre-trial proceedings.

Для того чтобы ответить на вопрос о необходимости и возможности формирования самостоятельного административного судопроизводства, столь значимый для нашего общества сегодня, надо рассмотреть более широкую проблему – проблему унификации норм процессуального права. Но анализировать ее необходимо с точки зрения не только административистов, но и специалистов гражданского процесса, учитывая позицию представителей законодательной и судебной власти. Найти единые точки соприкосновения на «стыке» различных позиций, точнее провести границу между близкими отраслями процессуального права – важнейшая задача, которую нам все равно предстоит решать. Речь идет только об их сотрудничестве с целью обеспечить соблюдение и эффективную защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, законных интересов физических и юридических лиц, общества и государства. Причем защиту не только судебную.

Ответив на этот вопрос, мы сможем решить проблему конфликта интересов смежных отраслей процессуального права: административного, гражданского и в некоторой степени уголовного. Эта проблема актуализировалась в связи с принятием и вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, формированием новой судебной системы и реформированием

соответствующих отраслей процессуального права. И конечно, нам хотелось бы высказать свое мнение по поводу необходимости и возможности самостоятельной кодификации административного процесса.

Сказать, что проблема возникла только сейчас, что она не изучалась ранее – ничего не сказать. Уместно назвать труды М.Д. Загряцкого и В.Л. Кобалевского – это 20-е гг. прошлого века, С.С. Студеникина, И.А. Галагана, А.Е. Лунева, Г.И. Петрова, В.Д. Сорокина – середина и вторая половина прошлого века. Чтобы не обижать очень многих административистов, которые исследовали эту проблему в наше время, не будем их называть, но напомним только о важнейших книгах, которые были изданы совсем недавно и посвящены исключительно проблемам административного процесса и административного судопроизводства.

Это книги М.Я. Масленникова «Административный процесс: теория и практика» (Москва, 2008 г.) [1], Ю.Н. Старилова «Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства» (Воронеж, 2013 г.) [2], А.Б. Зеленцова «Административная юстиция» (Москва, 2015).

Но общественные отношения настолько динамичны, что сегодня появились новые аспекты проблемы, которые заслуживают соответствующей реакции и оценки. Мы все чаще

слышим безосновательные и непродуманные мнения и рассуждения по поводу необходимости унификации гражданского, арбитражного и административного процессов и создания единого процессуального кодекса.

Если о становлении отраслей административного права и административного процесса дискуссии практически прекратились, стало очевидно, что и административное право и административный процесс имеют самостоятельный предмет – совокупность характерных и специальных общественных отношений, самостоятельную и обособленную группу норм, взаимодействующих с нормами иных отраслей права, наконец, существует насущная потребность в самостоятельном урегулировании этих общественных отношений [3; 4], то о необходимости и перспективах кодификации норм административно-процессуального права дискуссия продолжается.

На сегодняшний день место административно-процессуального права уже определено не только доктринально, но и официально. Что касается первого, то проведено значительное количество исследований в этой области, в которых доказано, что оно уже институционально оформлено. Что касается второго, официального закрепления, то административно-процессуальное право уже нашло место в номенклатуре специальностей научных работников, в образовательных и научных учреждениях созданы соответствующие кафедры и подразделения.

Тем не менее дискуссия продолжается, что связано со многими факторами, наиболее существенными из которых являются следующие.

Сегодня очень хотелось бы не только сравнить ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и процессуальную часть КоАП РФ, отметить их положительные черты и недостатки, причем многочисленные недостатки и несоответствия, но в силу наличия многочисленных публикаций об этом отметим только те обстоятельства, которые помогут ответить на некоторые вопросы.

1 вопрос. Необходима ли унификация юридического процесса, и если да, то в какой степени ее следует провести. По сути это вопрос о целесообразности учреждения в нашей стране самостоятельного и полноценного административного правосудия.

Во-первых, уже давно существует конституционное требование (и это не только ст. 118 Конституции РФ, но и другие нормы) о необходимости наличия самостоятельной формы осуществления правосудия – административного судопроизводства. Но только спустя поч-

ти 10 лет оно начало реализовываться, да и то, когда Президент РФ сказал о нем в своем Послании ФС РФ 2012 г. И уже в марте 2015 г. КАС РФ был принят. В нем собраны нормы, регулирующие правила рассмотрения судами общей юрисдикции значительной категории дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Административисты в своем большинстве высоко оценили закон, даже притом, что используемая в нем терминология и устанавливаемые в нем процедуры к административному процессу имеют очень далекое отношение. Обращает на себя внимание гражданско-процессуальная ориентированность Кодекса (терминология: административный истец – административный ответчик – административное исковое заявление и др. Почему бы не оставить наименование лиц, участвующих в деле, как это предусмотрено гл. 4 ГПК РФ: истец, ответчик, заявитель?). Практически переписаны нормы гл. 6 ГПК РФ (доказательства и доказывание) о распределении бремени доказывания, судебных расходах и издержках, разрешении ходатайств о применении обеспечительных мер и т.д.

Многие из нас участвовали в рецензировании проекта КАС РФ, высказали массу замечаний, наша кафедра тоже подготовила объемный документ. Но в целом мы его поддержали. Действительно, принятый закон очень размыто формулирует предмет правового регулирования и не вполне понятно, как он соотносится с предметом регулирования других, уже действующих процессуальных законов. В нем существуют нормы, которые не просто нарушают ясность правового регулирования, они порождают правовую неопределенность в вопросе подведомственности административных дел.

Нельзя не сказать о спешке в желании его принять. Уже через месяц после первого чтения, в июне 2013 г., Совет Федерации ФС провел парламентские слушания по законопроекту, где было отмечено, что надо сконцентрироваться только на тех замечаниях, которые можно быстро устранить, а остальные, глубокие и концептуальные, будем исправлять потом. На вопрос о причинах такой спешки и принятия заведомо некачественного проекта был дан наполеоновский ответ: «Давайте ввяжемся в драку, а там посмотрим, дальше будет видно».

В связи с этим напомним всего два подобных случая. Так, некачественно подготовленный в 2000 г. проект Федерального закона «О федеральных административных судах в Рос-

сийской Федерации» был отклонен и надолго отправлен на доработку. Сегодня вопрос о принятии его даже не обсуждается.

И еще пример. Речь идет о важнейшем законопроекте «Об административных процедурах», внесенном еще в 2001 г. В.В. Похмелкиным. Спустя 8 лет, 11 июня 2009 г., законопроект был рассмотрен в первом чтении. Аргументы, изложенные при обсуждении депутатом Д.Ф. Вяткиным, заслуживают того, чтобы быть процитированными: «По большому счету, это действительно серьезный, революционный законодательный акт, и его принятие можно было бы оправдать в том случае, если бы он появился значительно раньше. Но в настоящий момент все предусмотренные этим законопроектом вопросы уже регламентированы различными нормативными актами российского законодательства – гражданского, земельного, жилищного, водного, лесного, градостроительного и так далее, можно еще перечислять, в том числе вопросы обжалования актов органов государственной власти и органов местного самоуправления, предусмотренные в процессуальном законодательстве. Если законопроект принимать и реализовывать, это вызовет сумятицу и приведет к тому, что деятельность органов исполнительной власти вообще не будет осуществляться. В связи с этим Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству предлагает законопроект отклонить».

Результаты: за отклонение 33 чел., против 0 чел., воздержалось 0 чел. Причем не голосовало 417 чел. (92,7%). Законопроект был отклонен.

Негативные последствия его отклонения, по нашему мнению, куда более серьезные, чем в первом примере. Нам даже сегодня необходимо до конца разобраться с категориями «административный процесс» и «управленческие процедуры» не упираясь, как всегда, в широкое и узкое понимание административного процесса. Если мы это сделаем, то сможем создать самостоятельный и полноценный Административно-процессуальный кодекс.

Тем более, что есть две причины в это верить. Во-первых, на кафедре административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) уже подготовлен учебник «Административный процесс», в котором наконец-то точно сформулированы дискуссионные понятия. Во-вторых, рабочей группой Государственной Думы РФ (руководитель – Первый заместитель комитета ГД РФ по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Агеев) подготовлен

достаточно удачный проект Административно-процессуального кодекса РФ, который вместе с материальным кодексом будет в октябре 2015 г. внесен в ГД РФ для его обсуждения.

По поводу необходимости и последовательности принятия этих законов красноречиво высказался Ю.Н. Стариков словами Карла Экштайна: в России «телегу ставят впереди лошади, вначале необходимо разработать и принять закон об административных процедурах, а уже потом закон об административном судопроизводстве». И еще: «дом надо строить с фундамента, а не с крыши ... в такой ситуации суд будет оправдывать произвольные и репрессивные действия чиновника, поскольку он не нарушает закона. Это пощечина правому государству» [5, с. 13].

Но продолжим сравнивать процессуальное законодательство. Правовая регламентация административных споров нормами ГПК РФ невозможна, поскольку гражданско-процессуальная форма правосудия отлична от административно-правовой. В первом случае дела, возникающие из гражданских правоотношений, рассматриваются судами в порядке гражданского (искового) судопроизводства, во втором – споры и дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в порядке административного судопроизводства. Природа этих споров и дел различна, а значит, различна и процедура их рассмотрения. Сегодня мы видим многочисленные процессуальные и компетенционные проблемы, несоответствие многочисленных норм процессуальной части КоАП РФ, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ.

По характеру рассматриваемых и разрешаемых дел в юридической науке различают два вида юридического процесса: наказательный и тяжёбный. В основе первого лежит правонарушение, второго – правовой спор. Цель первого – правовая оценка действия (бездействия) физических и юридических лиц и применение к ним мер уголовной, административной или дисциплинарной ответственности. Цель второго, тяжёбного процесса – разрешение правового спора между равноправными сторонами. Таким образом, мы имеем два вида юридического процесса: уголовный, административный и дисциплинарный, с одной стороны, и конституционный, гражданский, третейский процессы – с другой. Отождествлять их нет оснований.

Во-вторых, важной остается проблема соблюдения баланса публично-правовых и частных правовых интересов. Орган исполнительной власти, являясь публично-правовым субъектом, всегда будет стоять на страже публичных,

а не частных интересов. Стороны административного процесса по определению не могут быть равноправными в отличие от гражданского процесса, где они таковыми являются. В силу специфики публично-правовых отношений (публично-правовых споров) административное судопроизводство имеет ряд особенностей, что требует важных и многочисленных процессуальных дополнений к гражданско-процессуальным отношениям.

Эти проблемы успешно решает КАС РФ, нарушенные органами государственной власти субъективные права гражданина им эффективно защищаются. Таким образом, административное судопроизводство должно значительно облегчить доступ к правосудию, «безвластный» субъект, как мы его называем, будет иметь возможность использовать соответствующие процедуры, которых нет в гражданском процессе.

В-третьих, существуют глубокие противоречия между ГПК РФ и АПК РФ в части, касающейся порядка рассмотрения дел. Так, ГПК РФ устанавливает, что решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, т.е. дела, возникающие из публично-правовых отношений (гражданские дела), подлежат оспариванию в порядке гражданского судопроизводства (ст. 255 ГПК РФ).

АПК РФ в зависимости от юридической природы рассматриваемых дел устанавливает три формы их разрешения.

1. В порядке искового производства арбитражные суды рассматривают возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами, за исключением дел, рассматриваемых Московским городским судом в соответствии с ч. 3 ст. 26 ГПК РФ (ст. 28 АПК РФ).

2. Дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются по общим правилам искового производства, с особенностями, установленными в разд. 3 АПК РФ, если иные правила административного судопроизводства не предусмотрены федеральным законом (ст. 189 АПК РФ).

3. Дела о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной

экономической деятельности, отнесенные федеральным законом к подведомственности арбитражных судов, рассматриваются по общим правилам искового производства, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными гл. 25 АПК РФ и федеральным законом об административных правонарушениях (ст. 202 АПК РФ).

Вывод, который можно сделать из этого, очевиден – должен быть единый самостоятельный закон, который бы регулировал административное судопроизводство. И дальше, в силу близости большинства процессуальных норм АПК РФ, многочисленных противоречий АПК РФ и ГПК РФ необходимо иметь единый закон, который бы регулировал исковое (гражданское) производство.

Это должен быть ГПК РФ, в отличие от которого АПК РФ – «незаконно рожденное процессуальное дитя, у которого нет материально-правовых родителей» (А.П. Шергин).

Сегодня АПК РФ по существу дублирует значительную часть нормативной материи ГПК РФ и самое главное – исковой способ гражданско-правовой защиты, который в АПК РФ используется для защиты отдельных субъектов права (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Особенности их защиты вполне можно (а до принятия АПК РФ так и было) регулировать нормами ГПК РФ. АПК РФ целесообразно отменить, а не перетаскивать в КоАП РФ его гл. 25, которая извратила инквизиционный способ административно-юрисдикционного процесса.

Таким образом, можно сформулировать ответ на первый вопрос. Унификация юридического процесса невозможна. Более того, необходимо предельно точно разделить отдельные виды юридического процесса – гражданский, административный и уголовный, а также процесс административного судопроизводства.

2 вопрос. Нужна ли самостоятельная кодификация административно-процессуальных норм? Ответ не настолько очевиден, как может показаться. Во-первых, до сих пор, к сожалению, продолжается полемика по поводу широкого и узкого понимания административного процесса. Это обстоятельство вновь и вновь вносит сумятицу в сознание людей; революционные и прогрессивные выводы пятидесятилетней давности, сделанные Надеждой Георгиевной Салищевой, Валентином Дмитриевичем Сорокиным, другими учеными, сегодня превратились в тормоз совершенствования законодательства об административной ответственности.

Настало время освободиться от такого понимания административного процесса: состоялись уже две кодификации норм административной ответственности, приняты новые кодексы, многое изменилось в процессуальном регулировании управленческих общественных отношений. Для большинства ученых и практиков очевидно, что управленческий процесс (власти-подчинения) и юрисдикционный процесс объединить невозможно. Даже не потому, что видов административных производств сегодня великое множество и они слишком различны, чтобы их объединить, а потому, что управленческий процесс по своему характеру является позитивным, а юрисдикционный – сугубо правоохранительным. Это совершенно разные процессы и объединить их невозможно.

Тем не менее, есть немало административистов, даже очень уважаемых ученых, которые еще сегодня верят в то, что «если в одном законе объединить административно-процедурное производство и административно-деликтное производство, то мог бы получиться Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6, с. 16].

Остаются дискуссионными вопросы классификации видов административно-процедурного и юрисдикционного процессов. Так, на наш взгляд, не вполне корректным представляется отнесение к юрисдикционному процессу дисциплинарного производства и производства по жалобам, как это сегодня преподносится во многих наших учебниках. Их авторы не желают видеть, что в этих процедурах присутствует элемент власти-подчинения, что невозможно для юрисдикционного процесса [1, с. 21].

В последние годы появилось немало научных публикаций, которые имеют цель найти «реальный» (М.Я. Масленников) [7], «настоящий» (Ю.Н. Стариков) административный процесс, такую «осуществляемую государственными органами процессуальную деятельность, которую ученые и практики бесспорно относили бы к деятельности административно-процессуальной» [8].

Но объединение, унификация административно-процессуальных норм, о чем уже никто не спорит, не произошла неожиданно и самопроизвольно, их объединение стало результатом эволюции материальных административно-правовых норм, структурирования и систематизации процессуальных норм. Сравните соответствующие разделы КоАП РСФСР 1984 г. и КоАП РФ 2002 г.

Кодекс РСФСР по сравнению с ныне действующим Кодексом имел явно выраженный

усеченный вид, его разд. 4 «Производство по делам об административных правонарушениях» включает в себя следующие главы: «Основные положения» (9 статей), «Протокол об административном правонарушении» (5 статей), «Административное задержание, досмотр вещей, изъятие вещей и документов» (8 статей), «Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении» (8 статей), «Рассмотрение дел об административных правонарушениях» (11 статей), «Обжалование и опротестование постановления по делу об административном правонарушении» (11 статей).

А теперь обратимся к действующему КоАП РФ. Не очень корректно их сравнивать, уж очень они разные, мы обратим внимание только на наиболее важные отличия, причем касающиеся рассматриваемой проблемы, собственно административного процесса.

Раздел 4 КоАП РФ содержит всего на две главы больше – 8 глав, но обратим внимание на то, какие это главы. Если две первые главы практически повторяются, по крайней мере, в названиях – общие положения и участники производства, то другие главы в этом Кодексе совершенно новые, и акцент в них сделан именно на защиту прав и интересов лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (он даже назван по-другому, ранее это был потерпевший), а также других участников процесса.

В действующий Кодекс введены главы «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств», «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях», а также главы, которые в достаточном подробном виде устанавливают стадии процесса, – это главы «Возбуждение дела об административном правонарушении», «Рассмотрение дела об административном правонарушении», «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях».

Выделим еще одну важную главу кодекса, которую можно назвать не только новеллой, но и значительным шагом по защите участников процесса и в целом по повышению степени законности всего процесса. Это гл. 27 «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях». В ней не только перечислены эти меры, но и достаточно точно установлены сами процедуры, например, доставления, привода, административного задержания, личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотра транспортного средства и т.д.

Очевидно, что чем точнее и детальнее законодатель установит процесс производства по делам об административных правонарушениях, тем эффективнее будет осуществлена охрана прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений.

Но возникает другой вопрос: насколько полно установлены в КоАП РФ все те процедуры, которые для этого необходимы. Ответить на этот вопрос мы сможем, если сравним наш кодекс с УПК РФ.

Сразу отметим, что УПК РФ очень тесно взаимосвязан со своим материальным кодексом – УК РФ. Это первый аргумент в обоснование необходимости отдельной кодификации административного законодательства. Возражения о том, что преступления – это не административные правонарушения, что они несравнимо более общественно опасны, не могут быть приняты хотя бы потому, что порой трудно провести границу между ними, да и количество административных правонарушений значительно больше количества совершаемых преступлений, и их совокупная общественная опасность, если так можно выразиться, несопоставимо выше. Не потому ли в некоторых странах административные правонарушения подпадают под категорию преступлений, вспомните хотя бы мисдиминоры (проступок) и фелонии (преступление).

Действительно, природа уголовной и административной ответственности едина. Позиция научного сообщества не доходит до законодателя, что показывает его некомпетентность и полный непрофессионализм. И УК РФ, и КоАП РФ так усовершенствовала гиперактивная рука законодателя, что никто: ни правоприменитель, ни мы – никак не может к этому приспособиться. В новейшей истории мы пережили уже три декриминализации (2003, 2008 и 2011 и гг. [9]). Как говорил один из известных политиков, наше уголовное и административное законодательство постоянно и методически перетряхивают. Когда все это закончится?

Во-вторых, требуется ли уточнить предметы ведения и полномочий федерации и субъектов, целесообразно ли предоставлять субъектам дополнительные полномочия, особенно в сфере административного процесса?

Проблема федерального и регионального законодательства об административной ответственности широко исследовалась в по-

следние годы (А.В. Демин, С.Н. Клепиков, М.Я. Масленников, Л.А. Мицкевич, Б.В. Росинский, Ю.Н. Стариков, А.П. Шергин и др.), защищены многие диссертации по этому вопросу (М.Г. Акимов, А.А. Антонов, О.А. Лакаев, Д.О. Огородников, А.В. Шевцов, К.Г. Филант и др.). Поэтому ограничимся только наиболее важными доводами.

Очевидно, что законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности не столько восполняет существующие пробелы, сколько является средством реализации конституционных полномочий этих субъектов. Но посмотрите, как федеральный законодатель сформулировал эти нормы. Он исключил действовавшую до 5 февраля 2014 г. конституционную норму, в соответствии с которой судоустройство, прокуратура, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование; гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, правовое регулирование интеллектуальной собственности находились в ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71). И сейчас эта же статья выглядит уже совсем иначе: «судоустройство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство, правовое регулирование интеллектуальной собственности» [10].

Обратим внимание на процессуальное законодательство. Законодатель не мог не знать, что процессуальное законодательство включает в себя три отрасли права – гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и административно-процессуальное (С.С. Алексеев, В.Д. Сорокин, И.А. Галаган и др.). Но конструкция п. «к» ч. 1 ст. 72 осталась практически неизменной: административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды находятся в совместном ведении.

На наш взгляд, такого быть не должно. Необходимо из п. «к» ч. 1 ст. 72 исключить административно-процессуальное законодательство, оно должно быть в исключительном ведении Российской Федерации. Здесь уместно еще напомнить и ч. 3 ст. 55 Конституции России, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

О том, что двухуровневая система законодательства об административной ответственности неприемлема и просто невозможна, уже много лет назад писали многие ученые (М.Я. Масленников, А.П. Шергин и др.). Но ведь проблема состоит всего-навсего в том, что перечисленные конституционные нормы снова понимают административно-процессуальное законодательство в широком смысле.

Таким образом, отмечая не только роль административной ответственности в борьбе с административными правонарушениями, но и профилактическое значение в борьбе с преступлениями, понимая, что административная ответственность по своему существу, механизму реализации схожа с уголовной ответственностью, можно сделать вывод о том, что административная ответственность заслуживает отдельного материального и процессуального оформления.

В Особой части КоАП РФ должны быть установлены и точно разделены два вида санкций, строго соответствующие двум категориям субъектов административной юрисдикции: строго определенные санкции по делам об административных правонарушениях, которые должны быть подведомственны должностным лицам органов исполнительной власти, и альтернативные санкции по делам, которые должны быть подведомственны исключительно судьям.

При этом необходимо более подробно урегулировать процессуально-правовую административно-юрисдикционную деятельность судов общей юрисдикции. Мы должны исключить существующую сегодня проблему, когда рассмотрение дел об административных правонарушениях считается судопроизводством, если оно осуществляется лишь в арбитражных судах, в то время как юридическая природа производства по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции остается неопределенной.

Конституция России связывает правосудие только с одним субъектом – судом и только в формах конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Таким образом, рассмотрение судьями дел об административных правонарушениях является осуществлением правосудия. Следовательно, в самостоятельном Административном про-

цессуальном кодексе обязательно должны быть две главы, посвященные производству по делам об административных правонарушениях, осуществляемому должностными лицами органов исполнительной власти и судьями (судопроизводство по делам об административных правонарушениях).

Что же касается юрисдикционной деятельности органов исполнительной власти (должностных лиц), а их сегодня уже около 70, то необходимо установить упрощенный порядок привлечения виновных лиц к административной ответственности. Должны быть закреплены: право должностного лица назначать строго определенное, безальтернативное административное наказание, а также право лица, уже привлеченного к административной ответственности, обжаловать постановление о назначении административного наказания в судебном порядке.

Первая процедура – это, по сути, упрощенная форма досудебного производства. Процедура оспаривания постановлений о назначении административных наказаний лицами, уже привлеченными к административной ответственности, повлечет за собой необходимость введения должностных лиц в число участников производства по делам об административных правонарушениях (гл. 25 КоАП РФ «Участники производства по делам об административных правонарушениях, их права и обязанности»). Но это уже технический вопрос.

Данное предложение не является новым, об этом уже высказывались многие ученые.

Несколько слов о названиях кодексов. Ни у кого не вызывает вопросов название «уголовно-процессуальный кодекс». Но как только мы говорим «административно-процессуальный кодекс», учитывая устоявшееся мнение о широком и узком его понимании, сразу начинается неразбериха. Административно-юрисдикционные полномочия предоставлены многочисленным органам исполнительной власти, которые по сути выполняют функции судей (квазиправосудие). Проблема решается достаточно просто – надо четко разделить полномочия этих субъектов. Судьи должны заниматься судебным контролем, квалификацией деяний, их оценкой и вынесением соответствующих решений. Органы исполнительной власти должны быть лишены таких полномочий, их задача – выявление административного правонарушения и принятие (лучше прямо на месте) соответствующего решения о привлечении к административной ответственности.

Общий вывод. Все три ветви власти – и законодательная, и судебная, и исполнительная –

имеют свой юридический процесс и нуждаются в его кодификации. Судопроизводственный процесс включает в себя конституционное судопроизводство, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство и гражданское судопроизводство.

Сегодня важнейшая задача – совершенствовать принятый КАС РФ. Самостоятельный

вид судопроизводства – административное судопроизводство – не может быть урегулирован нормами гражданского процесса. Административное судопроизводство, являясь особой формой осуществления судебной власти, направлено на разрешение административно-правовых споров, возникающих в сфере публичного управления.

1. Масленников М.Я. *Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А.С. Дугенец. М., 2008.*

2. Стариллов Ю.Н. *Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Сер.: Юбилеи, конференции, форумы. Воронеж, 2013. Вып. 7.*

3. Сорокин В.Д. *Административно-процессуальное право. М., 1972.*

4. Алексеев С.С. *Общая теория права. М., 1981. Т. 1.*

5. Стариллов Ю.Н. *Юридические обсуждения о пользе административного правосудия // Административное судопроизводство в Российской Федерации.*

6. Попов Л.Л. *Материальные и процессуальные проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Вып. «Административное право и процесс».*

7. Масленников М.Я. *Административный процесс: от виртуальной абстракции – к реальной кодификации // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 12.*

8. Стариллов Ю.Н. *Российский административный процесс: от «широты» или «узости» понимания к поиску «реального» содержания и формированию полезной модели // Правовая наука и реформа юридического образования. Вып. 12. С. 132–163.*

9. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420.*

10. *О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: федер. конституц. закон от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. № 6. Ст. 548.*

1. Maslennikov M.Ya. *Administrative procedure: theory and practice / ed. by A.S. Dugenez. Moscow, 2008.*

2. Starilov Yu.N. *Administrative proceedings in the Russian Federation: development theory and the formation of the administrative procedure. Ser.: Anniversaries, conferences, forums. Voronezh, 2013. Vol. 7.*

3. Sorokin V.D. *Administrative procedural law. Moscow, 1972.*

4. Alekseev S.S. *General theory of law. Moscow, 1981. T. 1.*

5. Starilov Yu.N. *Legal debate on the benefits of administrative justice // Administrative proceedings in the Russian Federation.*

6. Popov L.L. *Substantive and procedural issues is perfectence of the legislation on administrative offenses // Bull. of univ of O.E. Kutaphin (MSAL). Iss. «Administrative law and process.»*

7. Maslennikov M.Yu. *The administrative process: from the virtual abstraction to the real codification // legal science and legal education reform: coll. of sci. papers. Voronezh, 2001. Iss. 12.*

8. Starilov Yu.N. *Russian administrative process: from the «latitude» or «narrow» understanding of the search for the «real» content and form of the utility model // Legal science and legal education reform. Iss. 12. P. 132–163.*

9. *Amendments to the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of Dec. 7, 2011 № 420.*

10. *About Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation: fed. constitutional law of Febr. 5, 2014 № 2-FCL // Coll. of legislation of the Russsian Federation. № 6. Art. 548.*

Затолокін Александр Александрович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности

Автором рассматривается одно из направлений государственной политики в сфере безопасности дорожного движения – технический надзор за безопасностью транспортных средств. Исследуются причины неудовлетворительного состояния уровня безопасности дорожного движения, обосновываются пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, жертвы аварии, технические причины, технический осмотр, технический надзор, допуск к участию в дорожном движении, административный регламент.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

Topical issues of ensuring of transport safety

The author considers one of the directions of the state policy in the sphere of road safety – technical supervision of safety of vehicles. Revealing the causes of poor level of road safety, reasoned ways of solving the existing problems.

Key words: traffic accident, victims of accidents, technical reasons, technical inspection, technical supervision, permission to participate in traffic, administrative regulations.

Аварии на дорогах с большим количеством жертв стали происходить в России слишком часто. Так, лишь поверхностный анализ новостных лент дает нам следующую информацию.

21 июля 2015 г. из-за падения микроавтобуса «Газель» в пропасть в Веденском районе Республики Чечня погибли 11 человек. Восемь человек, в том числе двое детей, получили травмы различной степени тяжести [1].

5 августа 2015 г. на трассе Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре произошло столкновение двух рейсовых междугородних автобусов. В результате погибли 15 человек. Еще 63 пассажира получили травмы [2].

12 августа 2015 г. в Петропавловске-Камчатском в ДТП попали два рейсовых автобуса, в аварии пострадали 9 человек [3].

18 августа 2015 г. на трассе М-29 в Краснодарском крае микроавтобус Mercedes-Benz Sprinter, вылетел на обочину, врезался в дерево и перевернулся. В результате два человека погибли, еще 13 получили ранения [4].

20 августа 2015 г. в Самаре пассажирский автобус съехал в кювет по ходу движения. В результате ДТП телесные повреждения получили 22 человека [5].

Приведенный выше список дорожно-транспортных происшествий, на первый взгляд, может показаться внушительным, однако он

отнюдь не полный, нами были указаны лишь резонансные ДТП с участием автобусов, получившие огласку в СМИ.

Что же происходит на дорогах России? Почему такое большое количество жертв? Эти вопросы беспокоят не только нас с вами, они были заданы главой государства на совещании по безопасности дорожного движения [6]. В ходе совещания Президент России В.В. Путин выразил соболезнования пострадавшим и семьям погибших в автомобильной аварии, происшедшей на междугородней трассе Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре, и потребовал усилить меры безопасности на дорогах.

Хотелось бы отметить, что ДТП в Хабаровске не осталось без внимания не только общественности, СМИ, но и прокуратуры РФ. Результатом такого внимания стало возбуждение 12 уголовных дел [7]. В ходе проверки перевозчика обоснованные вопросы возникли как к транспортным средствам, на которых осуществлялись пассажироперевозки (на 25 пассажирских автобусах идентификационный номер вызывает сомнение в подлинности), так и к водительскому персоналу (отсутствие обязательного инструктажа; отсутствие обязательного медицинского освидетельствования и ежедневного медицинского осмотра).

Какие же меры необходимо предпринять для того, чтобы выявить столь грубые нарушения,

непосредственно влияющие на безопасность дорожного движения, до ДТП, а не по факту? Отвечая на этот вопрос, следует обратиться к практике правоприменения, проведя при этом ее ретроспективный анализ (с 2000 г. по н.в.). Данный период выбран не случайно. 2000 г. – год утверждения Наставления по техническому надзору Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации [8], которое было отменено в январе 2015 г. [9]. Отмена Наставления обуславливалась изменениями законодательства, а именно, принятием Федерального закона «О полиции», внесением поправок в Закон «О безопасности дорожного движения» и делегированием функций по приему технического осмотра транспортных средств аккредитованным операторам вместо ГИБДД. Предполагалось, что новое законодательство полностью заменит старое в вопросах регулирования деятельности технического надзора, однако ничего нового взамен старого Наставления не появилось.

Гипотетически транспозиционируясь в определенный нами для анализа исторический период, хочется отметить, что одной из функций технического надзора ГИБДД являлась функция контроля за соблюдением требований нормативных правовых актов юридическими лицами – собственниками транспортных средств (п. 5.4 Наставления) [8]. Сотрудники ГИБДД, согласно Наставлению, закреплялись ответственными за проведение проверок на предприятиях (юридические лица, имеющие в собственности 50 и более единиц транспортных средств в городах, 25 и более единиц – в сельских населенных пунктах).

В обязанности ответственных за проверки сотрудников ГИБДД входило:

контролировать (в том числе путем проведения проверок при выпуске на линию транспортных средств, плановых и внеплановых проверок и контрольных проверок по ранее выданным предписаниям) соблюдение юридическими лицами требований нормативных правовых актов к содержанию и эксплуатации транспортных средств и требований к водителю составу (п. 20 Наставления по техническому надзору ГИБДД и порядок контроля за внесением изменений в конструкцию зарегистрированных транспортных средств регламентировал проведение: 1) проверок транспортных средств при выпуске их на линию; 2) плановых и внеплановых проверок; 3) контрольных проверок по выполнению ранее выданных предписаний).

подготавливать предложения главному государственному инспектору о выдаче предписаний;

изучать сведения о структуре парка транспортных средств и динамику аварийности в

нем, соблюдении водителями транспортной дисциплины, анализировать причины и условия возникновения ДТП.

При этом проверки транспортных средств при выпуске их на линию проводились не реже 2 раз в год для юридических лиц, имеющих на балансе 50 и более единиц транспортных средств в городах (25 и более единиц – в сельских населенных пунктах), и не реже 1 раза в год для иных юридических лиц. Для практиков ГИБДД и работников транспортных предприятий не составит большого труда вспомнить недавнее прошлое, когда экипаж ГИБДД приезжал на предприятие и проверял качество выпуска на линию транспортных средств. Под выпуском на линию принято понимать проведение внутренней проверки на предприятии каждого выезжающего и въезжающего транспортного средства на соответствие требованиям безопасности дорожного движения, а также проверки водителей по медицинским показателям и на предмет возможности допуска к управлению транспортными средствами. Зачастую экипажи ГИБДД выбирали различные формы такой проверки. Например, можно было произвести остановку транспортного средства, выезжающего из гаража предприятия, и, выявив какое-либо нарушение (отсутствие путевого листа, отсутствие подписи в путевом листе (механика, медика), отсутствие водительского удостоверения либо же категории на право управления конкретным транспортным средством и пр.), принять меры правового характера не только к водителю, должностному лицу, но и к предприятию.

В ходе плановых проверок реализовывались мероприятия по предупреждению ДТП и снижению тяжести их последствий, повышению профессионального мастерства водительского состава и выполнению иных требований различных нормативных правовых актов, проверялась организация учета ДТП с участием транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам, контролировалось соблюдение требований Правил перевозки опасных, крупногабаритных и тяжеловесных грузов автомобильным транспортом, а также проверялось соответствие технического состояния транспортных средств, выпускаемых на линию, требованиям нормативных правовых актов.

Отличие внеплановых проверок от плановых заключалось в том, что внеплановые проводились по следующим основаниям:

ДТП, повлекших гибель 5 и более человек и (или) ранение 10 и более человек, с участием транспортных средств юридических лиц или по вине их водителей, находившихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

при превышении транспортными средствами юридических лиц средних по району, горо-

ду, округу и району в городе относительных показателей аварийности и низкой транспортной дисциплины водителей.

И последние, контрольные проверки осуществлялись по истечении сроков устранения недостатков, выявленных ГИБДД в ходе плановых и внеплановых проверок.

Однако в настоящее время приведенные требования утратили силу. Чем же сейчас руководствуются инспекторы технического надзора и как складывается правоприменительная практика? Либерализация требований к бизнесу обусловила принятие Федерального закона № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – ФЗ № 294) [10]. Этим Законом в настоящее время и руководствуется ГИБДД при проведении проверок в сфере технического надзора. Настоящий Федеральный закон значительно усложнил процедуру осуществления технического надзора на предприятиях сотрудниками ГИБДД и облегчил жизнь для хозяйствующих субъектов. Так, согласно п. 2 ст. 9 ФЗ № 294 плановые проверки могут проводиться не чаще чем один раз в три года. Кроме увеличения интервала между проверками, Закон вводит обязательное согласование планов с прокуратурой РФ, на что прямо указывает п. 6 ст. 9 ФЗ № 294. Кроме того, проверка теряет принцип внезапности, т.к. о проведении таковой хозяйствующий субъект должен быть уведомлен не позднее чем в течение трех рабочих дней до начала ее проведения (п. 12. ст. 9 ФЗ № 294). Хочется отметить, что и внеплановая проверка совсем не означает, что ГИБДД может оперативно реагировать на ДТП с участием транспортных средств юридических лиц. Внеплановая, так же как и плановая, проверка подлежит согласованию с прокуратурой РФ и требует обязательного уведомления хозяйствующих субъектов. При этом Закон содержит внушительный перечень оснований для отказа в согласовании проведения внеплановой выездной проверки.

Изучение текста ФЗ № 294 вызывает ряд вопросов.

Во-первых, п. 3 ст. 4 к полномочиям федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль (надзор), относит «принятие административных регламентов проведения проверок при осуществлении федерального государственного контроля (надзора)». Конечно, нет ничего удивительного в том, что при проведении административной реформы (продолжающейся по сей день) старые наставления отменяются, а новые административные регламенты вступают в силу, однако до сих пор нет Административ-

ного регламента исполнения государственной функции по техническому контролю (надзору) за транспортными средствами, зарегистрированными в ГИБДД.

Во-вторых, возникает вопрос: «Неужели до сих пор ни один руководитель предприятия (либо иное должностное лицо) не потребовал для ознакомления Административный регламент проведения мероприятий по контролю у прибывших к нему на предприятие сотрудников ГИБДД?», на наличие которого у сотрудников ГИБДД при проведении проверок прямо указывает п. 4. ст. 14 Закона.

И последнее, самое главное – для проведения проверок ГИБДД по техническому надзору не требуется взаимодействие органов государственного контроля, и поэтому в соответствии со ст. 3 ФЗ № 294 «положения настоящего Федерального закона, устанавливающие порядок организации и проведения проверок, не применяются к мероприятиям по контролю, при проведении которых не требуется взаимодействие органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора)». Тем самым настоящий Федеральный закон не может быть применен к деятельности ГИБДД по техническому надзору.

Кроме того, Закон не регулирует деятельность государственных органов в следующих случаях:

- при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий;
- при производстве дознания, проведении предварительного следствия;
- при проведении административного расследования.

В связи с этим интерес представляет тот факт, что исторически учеными выделяются три основных направления деятельности крупнейшего правоохранительного органа – милиции, а в наше время полиции. Так, М.И. Еропкин, анализируя правовую природу деятельности милиции, выделяет следующие три направления:

- административная деятельность;
- расследование преступлений (дознание и следственные действия);
- оперативно-розыскная работа [11, с. 166].

Очевидно, законодатель, подразумевая полицейскую проверку, независимо от того, в рамках какого направления деятельности полиции она осуществляется, ошибочно вместо административной деятельности указал административное расследование, что, в свою очередь, также свидетельствует о невозможности применения положений ФЗ № 294 к регулированию деятельности ГИБДД в сфере технического надзора.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, считаем необходимым заметить следующее.

1. Технический надзор является более важным для безопасности жизни людей, чем на-

логовый, финансовый и прочие виды надзора со стороны государственных и муниципальных органов и должен регламентироваться отдельным нормативным правовым актом. Федеральный закон № 294 не может быть применен при осуществлении технического надзора ГИБДД не только потому, что он значительно усложняет (если не сказать препятствует) надзор за безопасностью колесных транспортных средств, но и по целому ряду причин, приведенных выше (которые оговорены самим Законом).

2. Проверки ГИБДД должны регулироваться административным регламентом исполнения государственной функции по техническому контролю (надзору) за транспортными средствами. Отсутствие такового создает нездоровую иллюзию у хозяйствующих субъектов о бесконтрольности данной сферы деятельности. Проверка предприятия раз в три года

приводит к профанации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения на предприятии и, как следствие, к крупным дорожно-транспортным происшествиям с участием автобусов.

3. Отвечая на вопрос: «Что же происходит на дорогах России? Почему такое большое количество жертв?», необходимо отметить, что первопричиной является отсутствие должного надзора (контроля) со стороны субъектов правоприменения, которые являются заложниками правовой казуистики. В том числе, необходимо заметить, что до сих пор с момента делегирования функции приема технического осмотра аккредитованным операторам при РСА не проведено исследований по научному обоснованию такой передачи и не изучено ее влияние на безопасность дорожного движения.

1. URL: <http://newsrbk.ru/news/2076049> (дата обращения: 22.08.2015).

2. URL: <http://nakanune.ru/news/2015/8/6/22410415> (дата обращения: 22.08.2015).

3. URL: <http://ren.tv/novosti/2015-08-12/nakamchatke-v-dtp-popali-dva-avtobusa-raneny-9-chelovek#> (дата обращения: 22.08.2015).

4. URL: <http://rg.ru/2015/08/18/avtobus.html> (дата обращения: 22.08.2015).

5. URL: <http://rg.ru/2015/08/20/reg-pfo/avtobus-anons.htm> (дата обращения: 22.08.2015).

6. URL: <http://nakanune.ru/news/2015/8/5/22410389> (дата обращения: 22.08.2015).

7. URL: http://www.hab.aif.ru/society/novye_ugolovnye_dela_vozbuzhdeny_po_faktu_dtp_v_habarovskom_krae (дата обращения: 22.08.2015).

8. Об утверждении нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по техническому надзору: приказ МВД России от 7 дек. 2000 г. № 1240.

9. О признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России и отдельных предписаний нормативных правовых актов МВД России: приказ МВД России от 22 дек. 2014 г. № 1123.

10. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/prava-kontrol-dok.html> (дата обращения: 22.08.2015).

11. Еропкин М.И. Сущность административной деятельности советской милиции // Тр. Высшей школы МВД РСФСР. М., 1961. Вып. 5.

1. URL: <http://newsrbk.ru/news/2076049> (date of access: 22.08.2015).

2. URL: <http://nakanune.ru/news/2015/8/6/22410415> (date of access: 22.08.2015).

3. URL: <http://ren.tv/novosti/2015-08-12/nakamchatke-v-dtp-popali-dva-avtobusa-raneny-9-chelovek#> (date of access: 22.08.2015).

4. URL: <http://rg.ru/2015/08/18/avtobus.html> (date of access: 22.08.2015).

5. URL: <http://rg.ru/2015/08/20/reg-pfo/avtobus-anons.htm> (date of access: 22.08.2015).

6. URL: <http://nakanune.ru/news/2015/8/5/22410389> (date of access: 22.08.2015).

7. URL: http://www.hab.aif.ru/society/novye_ugolovnye_dela_vozbuzhdeny_po_faktu_dtp_v_habarovskom_krae (date of access: 22.08.2015).

8. On approval of normative legal acts, regulating activity of the State inspection of traffic safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation on technical supervision: order of the Ministry of the Interior of Russia of Dec. 7, 2000 № 1240.

9. Concerning the annulment of normative legal acts of the Ministry of the Interior of Russia and the individual requirements of normative legal acts of the Ministry of the Interior of Russia: order of the Ministry of the Interior of Russia of Dec. 22, 2014 № 1123.

10. On protection of rights of legal entities and individual entrepreneurs when exercising state control (supervision) and municipal control: fed. law of Dec. 26, 2008 № 294-FL. URL: <http://www.rg.ru/2008/12/30/prava-kontrol-dok.html> (date of access: 22.08.2015).

11. Eropkin M.I. The essence of the administrative activities of the Soviet militia // Proc. of the Higher school of the Ministry of the Interior of the RSFSR. Moscow, 1961. Iss. 5.

Шкеля Олег Викторович

старший преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: oleg-wkelia@mail.ru)

Об обеспечении привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.8 КоАП РФ, при выявлении факта опьянения путем проведения газохроматографического исследования на основании направления врача лечебного учреждения.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, транспортное средство, водитель, состояние опьянения, газохроматографическое исследование.

O.V. Shkelya, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: oleg-wkelia@mail.ru

On ensuring the prosecution of an administrative offense under article 12.8 of the Code of the Russian Federation about administrative offences

The article deals with topical issues of accountability for committing an administrative offense under art. 12.8 of the Code of the Russian Federation about administrative offences at revealing the fact of intoxication through gas chromatographic studies on the basis of a doctor's referral hospital.

Key words: administrative responsibility, road safety, vehicle, driver, state of intoxication, gas chromatography study.

Одним из основных направлений профилактической деятельности Госавтоинспекции в 2014–2015 гг. является предупреждение фактов управления автотранспортными средствами в состоянии опьянения и обеспечения принципа неотвратимости наказания для правонарушителей.

Согласно информационным материалам ГУОБДД МВД России за 2014 г. в истекшем периоде значительно возросли показатели аварийности с участием водителей с признаками опьянения: почти на 20% (21,8 тыс.) происшествий, на 38,2% (3,5 тыс.) погибших и на 18,2% (30,7 тыс.) раненых человек. При этом выявлено 538,4 тыс. (-8,8%) правонарушений, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, и 343,5 тыс. (+1,6%) – с отказом от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Причины снижения количества возбужденных дел за управление транспортными средствами в состоянии опьянения и увеличения лиц, отказавшихся от медицинского освидетельствования на состояние опьянения, известны: одинаковая ответственность при положительных результатах освидетельствования и при отказе от такового, при этом водитель законодательно «не признается нетрезвым» и фактически не тратит время на процедуру освидетельствования (в последнем заинтересованы и сотрудники Госавтоинспекции); отсутствие ответственности за повторный отказ от медицинского освидетельствования, при этом за управление в состоянии опьянения такая ответственность существует; наличие дальнейшего правового преследования как административным, так и уголовным законодательством, а также последствий, включая огра-

ничество тех или иных прав, при установлении наркотического опьянения.

Необходимо отметить, что в административное законодательство внесены соответствующие изменения, которыми с 1 сентября 2013 г. сроки рассмотрения судами дел этой категории увеличены с 3 месяцев до одного года, вследствие чего, по данным информационных материалов ГУОБДД МВД России за 2014 г., в 2014 г. сократилось число прекращенных производством дел на 67% по ст. 12.8 КоАП РФ и на 59% по ст. 12.26 КоАП РФ.

Также упрощен порядок оформления дел данной категории в части предоставления возможности их оформления без участия понятых (с использованием видеозаписи), а по окончании срока лишения специального права установлены обязанности проверки знаний Правил дорожного движения. По данным Госавтоинспекции, треть правонарушителей, обратившихся в экзаменационные подразделения ГИБДД, не прошли проверку знаний ПДД и, следовательно, не были допущены к участию в дорожном движении.

С 1 июля 2015 г. за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения или отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения установлена уголовная ответственность.

Проведенный анализ показывает, что принимаемые меры по усилению ответственности в отношении указанной категории лиц дают положительный эффект. На протяжении последних 3 лет отмечается тенденция к снижению количества лиц, совершивших правонарушения данного рода два и более раз.

Так, по сравнению с 2012 г. количество лиц, совершивших в истекшем году правонарушения, связанные с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, 5 и более раз, сократилось в 3 раза, а отказавшихся от медицинского освидетельствования – в 8 раз.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при возникновении дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими в случае госпитализации одного из участников ДТП (водителя), находящегося в тяжелом состоянии, для оказания ему неотложной медицинской помощи в медицинских организациях вне зависимости от наличия или отсутствия протокола о направлении на освидетельствование заключение о наличии опьянения выносится по результатам химико-токсикологического исследования биологического объекта (кровь или моча), проводимого в установленном приказом Минздравсоцразвития РФ

от 27 января 2006 г. № 40 «Об организации проведения химико-токсикологических исследований при аналитической диагностике наличия в организме человека алкоголя, наркотических средств, психотропных и других токсических веществ» порядке, при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамм на один литр крови. Акты медицинского освидетельствования на состояние опьянения в данных случаях не выдаются.

В примечании к ст. 12.8 КоАП РФ установлено, что административная ответственность, предусмотренная ст. 12.8 «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

Факт установления состояния опьянения в соответствии со ст. 27.12 КоАП РФ реализуется непосредственно должностным лицом, осуществляющим государственный надзор и контроль за безопасностью движения, путем освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и оформляется актом освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, а также врачами медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности с указанием соответствующих работ и услуг, в результате которого составляется акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Критерии [1], при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения [2].

Установление факта опьянения лица осуществляется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельстования»

ния лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством», на основании которого результаты медицинского освидетельствования на состояние опьянения и лабораторных исследований отражаются в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения, форма которого утверждается Министерством здравоохранения РФ.

Таким образом, возникает проблема привлечения водителей, госпитализированных в тяжелом состоянии для оказания неотложной медицинской помощи в медицинские организации, к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ в связи с тем, что установление факта наличия опьянения осуществляется на основании направления врача лечебного учреждения путем проведения газохроматографического исследования, результаты которого

оформляются заключением судебно-химического исследования с указанием концентрации этилового спирта в процентном соотношении, а не в миллиграммах на один литр выдыхаемого воздуха, как того требует примечание к ст. 12.8 КоАП РФ и ч. 7 ст. 27.12 КоАП РФ.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным внести изменения в КоАП РФ, в частности изменить содержание примечания ст. 12.8 КоАП РФ, изложив его в следующей редакции:

«Примечание: Употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных или иных вызывающих опьянение веществ запрещается. Административная ответственность, предусмотренная настоящей статьей и частью 3 статьи 12.27 настоящего Кодекса, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16, а также при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,5 и более грамм на один литр крови или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека».

1. О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения: приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 июля 2003 г. (в ред. от 15 марта 2014 г.) № 308. URL: <http://www.consultant.ru>

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 227-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>

1. On the medical examination on the state of intoxication: order of the Ministry of health of the Russian Federation of July 14, 2003 (as amended of March 15, 2014) № 308. URL: <http://www.consultant.ru>

2. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of the legislation on arms trafficking: fed. law of July 21, 2014 № 227-FL. URL: <http://www.consultant.ru>

Кубякин Евгений Олегович

доктор социологических наук,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Плотников Владимир Валериевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: inkognito13@inbox.ru)

Феномен социального сознания как интенциональный ориентир исследования проблемы экстремизма

В статье производится теоретический анализ экстремизма как феномена социальной реальности. Рассматривается проблема выбора теоретико-методологических оснований исследования.

Ключевые слова: сознание общества, глобализация, социальная система, экстремизм, социальный институт, феномен, феноменологический подход.

E.O. Kubyakin, Doctor of Sociology, Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

V.V. Plotnikov, Master of Philosophy, Assistant Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inkognito13@inbox.ru

The phenomenon of social consciousness as intentionality reference point research problems of extremism

The article made a theoretical analysis of the phenomenon of extremism as a social reality. The problem of a choice of the teoretiko-methodological bases of research is considered.

Key words: consciousness of society, globalization, social system, extremism, social institution, phenomenon, phenomenological approach.

Экстремизм представляет собой одну из наиболее серьезных проблем современного общества. Масштаб организации общественной структуры, динамика протекающих процессов – все это выводит системные проблемы на качественно новый уровень как по масштабу последствий, так и по интенсивности развития. В результате деструктивные процессы, ранее реализовавшиеся на протяжении десятилетий, в настоящее время протекают уже в течение лет или даже месяцев. Это определяет значительное усложнение условий регуляции общественной структуры: необходимо как своевременное обнаружение возникающих проблем, так и принятие динамичных мер по противодействию негативным тенденциям. При этом все большую актуальность приобретает проблема профилактики экстремизма. Действительно, локализация периодически развивающихся очагов деструктивности неспособна в полной мере разрешить

проблему, поскольку на смену одним экстремистским образованиям со временем придут другие. Эффективное решение проблемы заключается в глубокой ее разработке и предотвращении последующего ее возобновления. А это, в свою очередь, требует наличия обширной теоретической базы, на уровне которой производится раскрытие сущности проблемы, а также построение на базе полученных результатов динамической модели, отражающей специфику и направленность протекающих в обществе процессов.

Одной из основных проблем, которые возникают при попытке адекватного рассмотрения тематики экстремизма, является выбор теоретико-методологических оснований исследования. Существует широкий спектр дисциплин, отражающих различные аспекты индивидуального и общественного бытия человека. К их числу можно отнести, в частности, сферу психологии, юриспруденции, политологии, а так-

же различные направления социологического дискурса. Безусловно, проблема экстремизма обнаруживает взаимосвязь с предметными областями данных дисциплин. Но эта взаимосвязь зачастую косвенная и не отражает наиболее существенных аспектов проблемы. Таким образом, для того, чтобы определить адекватные методологические основания исследования проблемы экстремизма, необходимо произвести ее теоретическое сопоставление с предметными областями различных гуманитарных дисциплин. Ситуация диалектична: для того, чтобы определить наиболее адекватную методологию исследования, необходимо определить сущность исследуемого объекта. Вместе с тем, для того, чтобы выявить наиболее существенные его черты, необходимо применить соответствующую теоретико-методологическую базу.

В этом отношении одним из приоритетных путей постановки и разрешения проблемы является определение предметной области, на уровне которой может быть произведено наиболее полное и емкое отражение проблемы, что отражает дисциплинарный аспект ее исследования, а также выявление методологических оснований, на уровне которых наиболее эффективно раскрытие заявленной объектной области. Поясняя производимое различие, отметим, что на уровне конкретной дисциплины имеет место широкий спектр методологических подходов, способствующих раскрытию ее предметной области. Так, например, социологическое знание разворачивается посредством применения общетеоретических методов (анализ, синтез, дедукция), метатеоретических подходов (к числу которых можно отнести, в частности, методологию синергетики, феноменологический подход и т.д.) и собственно социологических подходов, также характеризующихся многообразием. Отметим, что речь идет не о необходимости сведения сложной проблемы экстремизма к какому-либо одному уровню методологической разработки, но о поиске наиболее эффективного отправного пункта исследования.

Рассмотрим дисциплинарный аспект исследования проблемы экстремизма. На уровне психологии попытки разрешения данной проблемы пролегают в области психологических оснований деструктивной деятельности, что получило глубокое раскрытие на уровне психоанализа. Однако здесь существует как минимум два затруднения, не позволяющие судить

о психологии как о дисциплине, на уровне которой возможно целостное и эффективное раскрытие проблемы. Первое затруднение заключается в том, что психологическая деструктивность имеет множество различных форм проявления (межличностные конфликты, асоциальная деятельность, направленная на саморазрушение). Таким образом, если вопрос о причинах, побуждающих человека к экстремальной активности, еще пролегает в области психологического дискурса, то проблема экстремизма уже выходит за его рамки, поскольку имеет отношение к конкретной форме деструктивной деятельности. Существуют различные концепции деструктивности, выводимые из религиозной [1], обыденной [2] и других установок сознания.

Однако психология способна частично раскрыть внутреннюю механику развития негативных тенденций, переводящих человека в «группу риска». Как их источники, к числу которых относятся социальные условия существования человека, его физиологическое состояние, история индивидуального развития, так и формы выплеска психологической напряженности определяются внешними факторами, само существование которых выходит за рамки компетенции психологического знания. Это является основанием наличия второго затруднения, связанного с психологизацией проблемы экстремизма, – глубокое психологическое исследование затрагивает, в первую очередь, индивидуальный уровень рассмотрения проблемы. Исследование коллективного уровня протекания психологических процессов (что можно обнаружить на уровне теоретических исследований К. Юнга и Э. Фромма) уже представляет собой частичный выход за дисциплинарные рамки психологической науки, в связи с чем, в частности, данные исследования зачастую рассматриваются в качестве социально-философских.

Еще одним важным доводом в пользу ограниченных возможностей психологии по раскрытию проблематики экстремизма является то, что многие люди, вовлеченные в экстремистскую деятельность, с точки зрения психологии являются нормальными, уравновешенными людьми. Таким образом, не столько психическое состояние, сколько различная формальная определенность поведения и наличие разных социальных детерминант определяют вовлечение того или иного человека в экстремистскую деятельность.

На уровне юриспруденции реализуется не столько исследование, сколько определение экстремизма. Иными словами, реализуется определение конкретных форм экстремистской деятельности, производится формализация, на уровне которой конкретные действия подводятся под категорию противоправных и трактуются как проявления экстремизма. В качестве примера можно взять отечественный закон «О противодействии экстремистской деятельности», на уровне которого производится определение частных форм экстремизма. К числу таковых относятся публичное оправдание терроризма, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [3].

Как таковое, родовое определение экстремизма не производится либо имеет инструментальный, вспомогательный характер и не отражает всех сущностных аспектов проблемы. Иными словами, не разрешается вопрос о том, что является общим для всех перечисляемых форм противоправной деятельности. Проблема оснований данных деструктивных явлений также остается за рамками рассмотрения. Таким образом, правовой уровень противодействия экстремизму представляет собой результат его теоретического обобщения, производимого в рамках иных методологических оснований, что напрямую определяет необходимость выхода за рамки одной лишь юридической определенности проблемы.

Исследование проблематики экстремизма на уровне политологии обнаруживает существенную значимость в контексте глубокой взаимосвязи проблемы экстремизма с тематикой взаимодействия института власти и различных элементов структурной организации общества. Экстремизм относится к числу явлений, имеющих безусловную политическую ориентированность, поскольку проявляется в стремлении к замещению функции государства, а также разрушению существующей структуры локального общества. Однако основания возникновения отдельных фактов экстремистской деятельности обширны по своему характеру и выходят за рамки сферы приложения политической теории. Таким образом, отражая существенный аспект проблемы, политология неспособна к ее целостному раскрытию.

Сложность проблемы, ее многоуровневая структура и при этом безусловно социальный характер являются тем основанием, которое определяет значимость социологического исследования. Социология рассматривает протекающие в обществе процессы на микро- и макроуровне, исследует основные формы протекания общественных процессов, определяющие факторы их развития, наиболее значимые тенденции изменения социальной структуры. Что немаловажно, на уровне социологического знания производится обобщение теоретических результатов различных дисциплинарных исследований, что позволяет судить о возможности комплексного многоуровневого исследования наиболее значимых проблем. Вместе с тем, многообразие социологических методов определяет значимость выбора теоретического подхода, способствующего раскрытию проблемы. Иными словами, имеет значение вопрос о том, какой именно уровень рассмотрения социальной организации способствует раскрытию проблематики экстремизма.

Существуют различные уровни приложения проблемы экстремизма – от рассмотрения деструктивных тенденций современной глобальной трансформации (и, как следствие – роста уровня конфликтности и противоречивости в обществе) до индивидуального аспекта социализации. Однако независимо от масштаба рассмотрения проблемы одним из важнейших определяющих факторов является социальное сознание и его характер. Действия человека определяются его ценностными установками, уровнем самоопределения личности, осознанием человеком соотносительности с конкретной социальной группой или обществом в целом. Экстремистская деятельность в любой своей форме выступает как проявление абстрактного социального сознания, неспособного учитывать интересы общества в целом.

Действительно, такие явления, как национализм, расизм, фундаментализм, представляют собой ограниченные формы социального сознания, замкнутые в своей абстрактности. И коль скоро основой деятельности человека как активного участника общественных отношений является его социальное сознание (что включает в себя не только ценностные установки, но и допустимые модели действия, представления о собственном обществе и своем месте в нем), в рамках общества, на уровне которого реализовано конструктивное социальное сознание, такое явление, как экстремизм, не-

возможно. По этой причине проблема экстремизма на уровне своих оснований находится в непосредственной взаимосвязи с проблематикой деструктивных тенденций в современной социокультурной среде. Определение основных факторов, оказывающих негативное влияние на социальное сознание отдельных участников общественных отношений, является одним из необходимых шагов по раскрытию сущностного аспекта проблемы экстремизма.

Исследование социального сознания в феноменологическом ключе представлено, в первую очередь, в работах А. Щюца [4], однако и в современной отечественной социологии феноменологическая методология приобретает безусловную актуальность [5]. Что существенно, само по себе социальное сознание имеет широкий ряд факторов, определяющих его состояние. Речь идет как об информационных процессах в обществе, так и о состоянии социальной структуры. Это определяет взаимосвязь темы конструктивного социального сознания с проблемой социоструктурного равновесия. От эффективности основных социальных институтов в существенной мере зависит состояние общественного сознания, причем реализуется это сразу на двух уровнях. Во-первых, на уровне основных социальных институтов реализуются различные аспекты социализации. Во-вторых, от эффективности основных социальных институтов зависят условия жизни членов общества, а также их основные возможности. Таким образом, реализуется классический принцип, в соответствии с которым состояние общества определяет уровень и формы социального сознания.

Говоря об экстремизме, мы говорим одновременно о моменте искажения социального сознания, об организованном внедрении в него деструктивных установок. В соответствии с этим сам по себе момент восприимчивости людей к негативным установкам определяется тем, в какой форме представлено их социальное сознание. Сами по себе представления как об обществе, так и о специфических аспектах экстремистской деятельности могут иметь превратный характер. Люди не принимают сознательно абстрактные или ложные установки – они принимают их в силу того, что само их социальное мировоззрение является неполным. Специфическая реальность социального сознания и ее значимость в процессе вовлечения членов общества в экстремистскую деятельность определяют важность феноменологиче-

ского исследования проблемы, на уровне которого реализуется рассмотрение социального сознания в качестве особой формы среды разворачивания общественных процессов.

Здесь следует обратить внимание на важный аспект проблемы. Поскольку проблема экстремизма относится к числу социокультурных и связана, в том числе, и с процессом социализации, можно выделить две формы возникновения деструктивных установок – пассивную, связанную с восприятием уже существующих деструктивных форм, и активную, связанную с формированием у человека негативных установок в ходе личного освоения социальной реальности. Соответственно, можно выделить два ряда явлений, определяющих развитие экстремизма, – предпосылки формирования негативной направленности социального сознания на уровне социокультурной данности и собственно развитые мировоззренческие формы, имеющие негативное значение. И если второе реализуется на уровне трансляции и может быть как зарегистрировано, так и пресечено на уровне деятельности правоохранительных органов, то первое может быть разрешено только в результате серьезного анализа оснований возникновения проблемы. А это охватывает такие проблемы, как уровень развития рефлексивной методологии осмысления социальной реальности, характер социальной ситуации, в которую включен человек, основные социальные модели или идеи, имеющие место на уровне его сознания. Нередко субъекты экстремистской деятельности не осознают характер своих действий и социальных установок, и сам по себе момент осознания данной социальной активности в качестве экстремистской является основанием ее прекращения.

Подводя итог, отметим, что проблематика экстремизма обладает сложным, комплексным характером и затрагивает целый спектр социогуманитарных проблем. Вместе с тем, практический характер проблемы определяет необходимость выработки такого теоретического подхода, который не только способен объяснить существующие явления экстремистской деятельности по факту их возникновения, но и определить основные причины, вызвавшие их возникновение, а также предугадать на уровне современной социокультурной данности тенденции развития очагов экстремизма. Поскольку экстремизм как явление разворачивается в сфере социальной активности человека (что охватывает не только область реализации

деструктивной экстремистской деятельности, но и сам по себе характер ее возникновения и направленности), адекватное его исследование возможно именно на уровне социологического знания. Вместе с тем, в условиях практической необходимости выработки системы мер по противодействию экстремизму приобретает актуальность вопрос о приоритетных направлениях теоретического раскрытия проблемы.

В этом отношении высокую значимость приобретает феноменологический подход, рассматривающий за отдельными социальными явлениями их сущностные основания. Поиск

оснований развития экстремизма предполагает рассмотрение за широким набором различных по своему содержанию и характеру явлений экстремистской деятельности общих факторов и тенденций, определяющих развитие деструктивных явлений в обществе. Их выявление и локализация могут способствовать максимально эффективному противодействию угрозе экстремизма в обществе, заключающемуся не только в пресечении существующих фактов развития экстремизма, но и в профилактике их последующего возникновения.

1. Самойлов С.Ф. Борьба религиозной установки сознания с философией и наукой // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 8.

2. Самойлов С.Ф. Обыденное мировоззрение в контексте образования: к постановке проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 8.

3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. URL: <http://docs.procspsb.ru/content/base/9929> (дата обращения: 03.05.2015).

4. Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.

5. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014.

1. Samoilov S.F. Fighting religious consciousness installation with philosophy and science // Socially-humanitarian knowledge. 2006. № 8.

2. Samoilov S.F. The ordinary worldview in the context of education: to the problem // Socially-humanitarian knowledge. 2006. № 8.

3. On countering extremist activity: fed. law of July 25, 2002. URL: <http://docs.procspsb.ru/content/base/9929> (date of access: 03.05.2015).

4. Schutz A. Favorites: peace, glowing shining. Moscow, 2004.

5. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Attitude to the social reality in the Russian society: social and cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow, 2014.

Нарыков Николай Владимирович

доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612583516)

Пилюгина Юлия Геннадьевна

кандидат философских наук,
 преподаватель кафедры специальных дисциплин
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612333598)

К вопросу о методологии анализа моделей корпоративного управления

В статье производится анализ управленческой структуры экономических корпораций с позиции синергетического подхода. Выявляются основные факторы, определяющие эффективность адаптации экономических организаций к изменениям социальной ситуации.

Ключевые слова: корпоративное управление, синергетика, глобализация, организационная культура.

N.V. Narykov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

Yu.G. Pilyugina, Master of Philosophy, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

To the issue of methodology of analysis of corporate management models

In the current article the management structure of economic corporations from a position of synergetic approach is analyzed. The major factors defining efficiency of adaptation of the economic organizations to changes of a social situation is made.

Key words: corporate management, synergetics, globalization, organizational culture.

Современное общество пребывает на той стадии развития, когда сложность социальных взаимодействий и их многообразие делают невозможным централизованный тотальный контроль социальных процессов. Это связано с тем, что сами условия протекания общественных процессов находятся в состоянии непрерывной трансформации. Эффективная модель организации общественных процессов не может быть статичной, поскольку сам момент эффективности связан с динамическим соответствием характеристик системы и суммы внешних и внутренних факторов, определяющих ее состояние. Несоответствие между централизованными директивами управления и реальной практикой приводит к отклонениям от ожидаемых результатов, которые проявляются в снижении эффективности социальных процессов а также в возникновении непредвиденных ситуаций, для которых не существует однозначной регламентации. В этих условиях актуализируется значимость процессов самоорганизации

общественной структуры, в результате которых реализуется ее адаптация на локальном и глобальном уровнях. Эта тенденция затрагивает не только политический и юридический аспекты бытия общества, но и сферу экономических отношений. В этой связи приобретает актуальность рассмотрение проблемы корпоративного управления в условиях современной динамики социально-экономических отношений. Поскольку современное социальное бытие характеризуется высоким уровнем подвижности, изменчивости, а также таким свойством, как нелинейность развития, актуальной методологией рассмотрения проблемы корпоративного управления является синергетический подход, на уровне которого возможно отражение противоречия между стремлением к сохранению структурной целостности и эффективности крупных экономических организаций и необходимостью их динамического приспособления к меняющейся ситуации. В рамках настоящей статьи производится рассмотрение основных проблем корпоративного управления с пози-

ции синергетического подхода, что позволяет сформировать динамическую модель исследуемого объекта и произвести постановку вопроса об основных факторах, определяющих эффективность или, напротив, отрицательную динамику развития корпоративных структур в условиях современного рынка.

На первоначальном уровне следует обратить внимание на важный методологический аспект проблемы: тематика корпоративного управления достаточно глубоко разработана на уровне экономической теории. Однако здесь мы имеем дело, в первую очередь, с попыткой построения универсальной модели взаимоотношений управленческого характера. Постановка вопроса о моделях корпоративного управления находится здесь в непосредственной взаимосвязи с постановкой вопроса о формах управления в приложении к проблеме взаимодействия акционеров и менеджеров организации, а также к вопросу о подконтрольности принимаемых решений на различных уровнях корпоративной деятельности. Будучи важным аспектом исследуемой проблемы, данная тематика, однако, отражает лишь одну из существующих сторон вопроса. Взаимодействие управленческой структуры и держателей акций определяет смещение управленческой политики в сторону эффективности организации корпоративной деятельности (связанной одновременно с повышением рисков) либо в сторону повышения стабильности результатов корпоративной деятельности (что отражает потребность акционеров в получении гарантированной прибыли и общую их направленность на минимизацию рисков). Однако организация корпоративного управления представляет собой значительно более сложную проблему, нежели выбор актуальной стратегии развития организации. Проблема корпоративного управления затрагивает все уровни организации корпоративной деятельности, поскольку в современных условиях нелинейности протекания социальных процессов частный уровень осуществления экономической деятельности (проявляющийся в форме непосредственной деятельности рядовых работников корпорации) имеет не меньшую значимость, чем тематика централизованного принятия стратегических решений. Кроме того, сам по себе вопрос эффективности применения конкретной модели оказывается под вопросом, поскольку заявленная структура отношений нередко отличается от актуально существующей. Например,

независимость наемных топ-менеджеров от крупных держателей акций может быть только заявленной, что связано с возникновением теневых отношений в корпоративной структуре.

Разрабатываемая в рамках экономической теории стратегия организации корпоративной деятельности претендует на универсальную эффективность. Однако именно момент расхождения между идеальной моделью и фактическими результатами ее применения в различных условиях свидетельствует о том, что построение адекватной управленческой модели требует учета различных по своему уровню аспектов корпоративной деятельности.

Тезис об универсальной применимости эффективных структур организации корпоративной деятельности происходит из разграничения различных уровней ее организации. Неизбежным результатом идеализации централизованного корпоративного управления является проведение линии демаркации между частными процессами и аспектами осуществления экономической деятельности (важнейшим из которых является человеческий фактор), с одной стороны, и глобальной структурой экономической организации – с другой. Это объясняет ситуацию, когда попытка заимствования эффективной на Западе модели корпоративного управления в условиях российской социокультурной действительности в конечном итоге оборачивается возникновением ряда проблем, не имеющих аналогов на уровне зарубежного экономического процесса. Расхождение реальных показателей корпоративной деятельности с ожидаемыми представляет собой непосредственное проявление специфических факторов развития экономической деятельности, затрагивающих частные аспекты ее организации. Иными словами, речь идет о том, что заимствуемая эффективная модель представляет собой лишь часть реально действующей системы отношений, а ее принятие без учета широкой суммы сопутствующих факторов приобретает абстрактный характер. Здесь и проявляется значимость синергетического подхода, направленного на отражение системного аспекта организации экономической структуры и анализ факторов, определяющих неравновесное состояние открытых систем.

Организационная деятельность предполагает формирование эффективной системы отношений внутри управляемой структуры, что неизбежно влечет за собой необходимость учета внутренних и внешних факторов ее существо-

вания. Проблема организации деятельности экономических предприятий, таким образом, предполагает учет широкого круга определяющих факторов, которые при последовательном их анализе сводятся к различным уровням системного взаимодействия организации с внешними факторами и внутренними элементами. На общем уровне это может быть выражено следующим образом: для конкретной организации в число факторов, определяющих структуру и характер ее внутренних процессов, входит как внешняя ситуация, так и состояние основных ее структурных компонентов. Сложность организационной деятельности в данном случае обусловлена тем, что на различных уровнях экономической организации имеет место развертывание специфических векторов целеполагания, зачастую противоречащих друг другу. Так, например, адаптация к условиям рынка требует изменения структуры производства, что может блокироваться условиями государственной политики в экономической сфере или вступать в противоречия с интересами конкретных инвесторов. В этих условиях структуру экономической организации можно рассматривать в качестве динамической системы, претерпевающей разнонаправленные воздействия и стремящейся к тому, чтобы максимально эффективно уравновесить их влияние.

Для более адекватного понимания специфики современной экономической деятельности целесообразным является проведение общего анализа среды ее осуществления. Современное общество характеризуется крайне высокой степенью динамики отношений. При этом сам по себе процесс потребления приобретает социально и культурно детерминированный характер: в силу перенасыщения рынка ценность конкретных товаров определяется не только их прагматическими характеристиками, но и статусным аспектом, рекламой, а также поставкой сопутствующих услуг в комплексе с приобретаемым товаром. Таким образом, сфера экономики выходит на информационный уровень, что определяет чрезвычайно высокий уровень динамики изменения экономической ситуации. При этом глобальная взаимосвязь различных элементов мировой экономики приводит к ситуации, когда успешность той или иной организации определяется не только качеством производимой продукции, но и рядом сторонних факторов, к числу которых относятся политическая обстановка в мире, научно-технический

прогресс и т.д. Динамика изменения внешних условий осуществления экономической деятельности определяет проблематичность формирования стабильной организационной структуры. Поэтому гибкость структурной организации, а также высокий уровень динамики адаптации являются теми основами, которые определяют эффективность экономической деятельности. Вместе с тем, возможность эффективного перестроения экономической организации определяется характером взаимодействия ее структурных элементов.

С точки зрения синергетического подхода эффективное функционирование системы определяется степенью устойчивости ее структуры по отношению к внешним воздействиям. В соответствии с этим адаптация частных элементов системы к изменяющейся ситуации может иметь как положительное, так и отрицательное значение в зависимости от того, насколько это нарушает ее целостность. Иными словами, частные формы адаптации могут привести как к повышению эффективности системы, так и к ее дезорганизации. Сложность организации корпораций определяет многообразие факторов их функционирования. В этих условиях объем информации, обрабатываемой на различных уровнях корпоративными менеджерами, не позволяет производить тотальное централизованное управление. Иными словами, на различных уровнях организации экономической деятельности производится самостоятельное принятие организационных решений, зачастую имеющих адаптационный характер. В ситуациях, когда экономическая организация претерпевает серьезное деструктивное воздействие, связанное с изменением внешней среды, процесс адаптации системы, реализуемый на частном уровне, приобретает массовый характер, что влечет за собой ее выход из структурного равновесия. На этом уровне актуализируются внутренние противоречия, зачастую приводящие к нарушению согласованности действий и принимаемых решений. Результатом кризисных тенденций становится либо изменение структуры экономической деятельности, результатом которой становится повышение ее эффективности в изменившихся условиях, либо крах экономической структуры.

Эффективность адаптации определяется степенью согласованности различных элементов экономической организации. В период кризиса происходит актуализация внутренних противоречий в организационной структуре, в

силу чего сама форма организации управления и ее соответствие исходному целеполаганию носителей управленческой деятельности определяют степень деструктивности происходящих изменений. Точнее, чем выше согласованность элементов организационной структуры, тем менее деструктивным является ее изменение. Таким образом, последствия адаптации определяются степенью вариативности организационной структуры, а та, в свою очередь, соответствием интересов различных представителей управленческой структуры.

Здесь мы приходим к формулировке важного принципа: помимо формы организации управленческого процесса (что во многом отражает статический аспект проблемы), существенное значение имеет направленность деятельности его участников. Это определяет важность такого фактора, как организационная культура. Как отмечает Ю.Г. Пилюгина, в условиях структурной неопределенности именно организационная культура является аттрактором, определяющим изменение структуры экономических процессов [1]. Иными словами, социокультурная определенность экономической деятельности (что включает в себя менталитет, экономическую образованность, социальные установки) определяет направленность

адаптационных процессов и их эффективность.

Рассмотренная выше ситуация, когда отдельные структурные модели «не приживаются» в условиях российской экономики, представляет собой частный случай рассмотренного принципа. Организационная культура определяет приемлемые формы осуществления управленческой деятельности, а также отношения работников с руководителями и подчиненными. Постановка вопроса об эффективности управленческой модели без рассмотрения проблемы организационной культуры является абстрактной, поскольку рассматривает лишь частный аспект системы организационных отношений.

Таким образом, исследование эффективности корпоративного управления не может быть полным без отражения социального контекста осуществления экономической деятельности, что включает в себя как совокупность социальных, политических, экономических факторов, так и уровень организационной культуры корпоративных работников. В зависимости от того, насколько сбалансированной и внутренне унифицированной является структура организации, имеет место большая или меньшая степень ее устойчивости по отношению к кризисным тенденциям.

1. Пилюгина Ю.Г. *Российское корпоративное управление: опыт синергетического исследования: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2014.*

1. Pilyugina Yu.G. *Russian corporate management: experience of synergetic research: diss. ... Master of Philosophy. Krasnodar, 2014.*

Самойлов Сергей Федорович

доктор философских наук, профессор,
заместитель начальника кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Шеуджен Нурдин Асланович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Ценностные основания процесса конструирования правоохранительного мировоззрения

В статье осмысливается процесс формирования мировоззрения сотрудников правоохранительных органов, которое является частью юридического мировоззрения. Рассматриваются особенности отбора мировоззренческих идей, осуществляемого сотрудниками на базе профессиональных ценностей.

Ключевые слова: мировоззрение, мироощущение, миропонимание, юридическое мировоззрение, правоохранительное мировоззрение.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

N.A. Sheudzhen, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Valuable bases of process of designing of law-enforcement worldview

The article is devoted to understanding the process of formation of worldview of staff of law enforcement agencies, which is part of the legal worldview. The peculiarities of worldview selection of ideas, carried out by employees on the basis of professional values are considered.

Key words: worldview, attitude, outlook, legal worldview, law enforcement worldview.

Мировоззрение сотрудников правоохранительных органов представляет собой одну из форм юридического мировоззрения наряду с обыденным и теоретическим правовым мировоззрением. По этой причине правоохранительное мировоззрение содержит в себе те же уровни, что и юридическое мировоззрение. В плане мироощущения оно может быть, оптимистическим, пессимистическим или эмоционально сбалансированным. Кроме того, мировоззрение сотрудников правоохранительных органов может осуществляться в рамках федералистской (демократической) или имперской (авторитарной) идеологии, использовать командные или дискурсивные методы управления. Наконец, правоохранительное мировоззрение является неотъемлемой частью функционирования любой правовой системы.

Вместе с тем, мировоззрение сотрудников правоохранительных органов существенным

образом отличается от других форм юридического мировоззрения. Прежде всего, специфика правоохранительного мировоззрения заключается в том, что оно, в отличие от теоретического правосознания, ориентировано не на познание правовой реальности, а на ее защиту. По этой причине сотрудник правоохранительных органов в своем знании ориентируется не на прошлое и не будущее права, а на его настоящее, на действующее законодательство. С другой стороны, он, в отличие от носителей обыденного юридического правосознания и мировоззрения, не может ограничиться простыми сведениями о действующем законодательстве. Для того чтобы быть подлинным защитником закона, необходимо знать не только внешнюю сторону права, но и его сущность. Если для представителей обыденного юридического мировоззрения закон – это совокупность правил, нарушение которых влечет за собой различные формы наказания,

а для теоретиков права – средство поддержания нормального развития общества, то для сотрудников правоохранительных органов это непереносимое условие самосохранения человека как нравственного существа. Находясь в постоянном противостоянии с организованной преступностью, пресекая различные формы противоправных действий, сотрудники правоохранительных органов как никто другой знают, что несоблюдение законности приводит не только к ущемлению прав людей, к нарушению нормальной общественной жизни, но и к саморазрушению личности преступника. По этой причине закон для подлинных носителей правоохранительного мировоззрения представляет собой не только сферу профессиональной деятельности, но и выражение их убеждений. Данное обстоятельство позволяет рассматривать деятельность по защите правопорядка не только в качестве профессии, но и в качестве выполнения долга как по отношению к обществу, так и по отношению к самому себе. По этой причине основную установку мировоззрения сотрудников правоохранительной деятельности можно определить как служение.

Говоря о служении как о мировоззренческой установке, необходимо учитывать два ее важнейших момента. Первый из них заключается в определении предмета служения, а второй в раскрытии его характера. В отличие от других форм государственной службы, служба в органах внутренних дел не есть служение только государству, тем более не конкретному политическому режиму. Конечно же, верность своей стране и возглавляющему ее правительству является непреложным условием выполнения сотрудниками полиции своего долга и сохранения своей профессиональной чести, однако служение государству осуществляется потому, что без него поддержание порядка в обществе и воспроизводство в нем высокой духовной культуры не представляется возможным. Сохраняя безусловную верность государству, полицейский служит ему не только потому, что оно выступает по отношению к нему работодателем, но главным образом в силу того, что оно является гарантом нормальной социальной жизни. Поэтому служба в органах внутренних дел является для полицейского не только государственным, но еще и социальным служением.

Служение как в объективном, так и в субъективном отношении имеет ценностный характер. В объективном отношении служение весьма значимо, поскольку далеко не все индивиды способны жертвовать своими силами, временем, здоровьем, а иногда и жизнью ради других людей. Поэтому общество и государство дают положительную характеристику и

стимулируют различные формы государственного и социального служения. В субъективном отношении служение также имеет ценностную природу, т.к. связано с преодолением индивидом самого себя, перенесением страданий, получением заслуг и т.д. В свою очередь, ценностная природа служения проявляется в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов в целом и сотрудников полиции в частности, что неизбежно отражается на их мировоззрении.

Вообще, мировоззрение может принимать различные формы. Важнейшими формами мировоззрения является его понимание в качестве совокупности взглядов на мир, а также представление о нем как о системе принципов, регулирующих отношения между людьми и содержащей ценности, нормы, правила и требования к их поведению. Мировоззрение сотрудников правоохранительных органов является мировоззрением преимущественно во втором значении данного термина, поскольку их профессиональная деятельность предполагает правовое регулирование отношений между гражданами и социальными группами. В свою очередь, правовое регулирование предполагает наличие конкретной ценностной системы и опирающуюся на нее систему правовых норм. По этой причине можно сделать вывод о том, что мировоззрение сотрудников правоохранительных органов имеет ценностный характер.

Конечно, любое мировоззрение является ценностным знанием, но правоохранительное мировоззрение является ценностным в силу следующих обстоятельств. Во-первых, демократическое устройство, предусмотренное Конституцией, предполагает отсутствие государственной идеологии и принципиальный плюрализм мировоззрений, религиозных убеждений, идеологических доктрин, политических убеждений. Это означает, что сотрудники правоохранительных органов не могут быть охвачены какой-либо одной идеологией или каким-либо одним мировоззрением. В этой ситуации единство их взглядов может быть достигнуто формальным образом, т.е. посредством следования общим ценностным ориентирам, задаваемым их профессиональной деятельностью. Во-вторых, правоохранительное мировоззрение является ценностным в силу специфики профессиональной деятельности сотрудников полиции, которая носит оценочный характер. Так, в задачу полицейского входит определение характера совершенного деяния: имеет оно противоправный характер или нет, вменяем ли обвиняемый или нет, причастен ли подозреваемый к совершенному преступлению или нет и т.д. В-третьих, профессиональные интересы сотрудников полиции постоянно

связаны с ценностными ориентирами людей. Например, в раскрытии преступления большую роль играет правильное установление мотивов совершенного преступления, в свою очередь, мотивы, как правило, обусловлены ценностными ориентирами преступника. Таким образом, ценностная природа мировоззрения сотрудников правоохранительных органов обусловлена социально-политическими, нравственными и коммуникационными причинами [1].

Прежде чем говорить о структуре ценностного мировоззрения сотрудников полиции, необходимо дать определение ценности и отличить его от понятия нормы. По мнению отечественного исследователя Н.С. Розова, в самом общем виде ценность можно определить как предельное основание актов сознания и поведения людей. Таким образом, ценность задает направление и идеал человеческой деятельности, ставит перед ним сверхзадачи. В противоположность этому норма представляет собой не верхний, а нижний предел человеческой деятельности, выход за который означает вступление в противоречие с моралью и правом. В структуре мировоззрения сотрудников правоохранительных органов ценностное основание представлено в виде ценностей общей и профессиональной морали. В свою очередь, нормативная база правоохранительного мировоззрения представлена правовыми нормами. В рамках ценностно-нормативного базиса выстраивается определенная картина мира и соответствующая им система знания, которые представляют собой содержательную сторону мировоззрения сотрудников правоохранительных органов. Рассмотрим ценностно-нормативный и содержательный аспекты правоохранительного мировоззрения более подробно.

Ценностно-нормативный аспект является для правоохранительного мировоззрения базисным, поскольку он, во-первых, обеспечивает выполнение основной функции правоохранительных органов: защиту действующей правовой системы и тем самым поддержание нормального развития социокультурного целого, а во-вторых, определяет выбор представлений и идей, входящих в состав картины мира и системы знания. Важнейшей проблемой, с которой приходится сталкиваться любой форме ценностного мировоззрения, является проблема абсолютности ценностных ориентиров. Так, большинство форм мировоззрения рассматривает свои ценностные ориентиры в качестве адекватного отражения объективно существующей системы ценностей. Негативным следствием данной точки зрения является так называемый теоретический или духовный фундаментализм, т.е. уверенность в исключительной истинности своей точки зрения и

нетерпимое отношение к чужой точке зрения. Для сотрудника правоохранительных органов проблема абсолютности морально-правовых ценностей звучит следующим образом. Без признания абсолютности ценностей, т.е. вне уверенности в своей правоте, невозможно выполнение своего служебного долга, но выбор в пользу признания абсолютности своих ценностей может привести к духовному фундаментализму и, как следствие, либо к внутреннему ценностному конфликту, либо к предвзятому отношению к определенным группам граждан. Поэтому ценностное мировоззрение сотрудников правоохранительных органов имеет принципиально конструктивный характер.

Конструктивность ценностей означает, что они являются абсолютными для определенной социальной группы, но могут не приниматься представителями другой группы. Таким образом, конструктивность ценностей означает их внутреннюю абсолютность и внешнюю относительность. Данное понимание природы ценностей делает необходимым поиск точек соприкосновения между представителями различных мировоззренческих позиций. В результате мировоззрение при ценностно-конструктивном понимании его природы превращается из набора идеологических догм в динамическую систему жизненных ориентиров, способствующую не изоляции индивидов и социальных групп, но их диалогу. Конструктивное понимание ценностей в полной мере соответствует профессиональной деятельности сотрудников полиции. Так, им в силу своих служебных обязанностей приходится вживаться в систему иных ценностных ориентиров, способствовать пониманию между представителями различных национальностей, конфессий и мировоззрений, преодолевать предрассудки, корректировать мыслительные и поведенческие установки граждан и сослуживцев. Решение всех этих задач представляется невозможным вне динамического понимания и использования природы ценностей.

Систему ценностных ориентиров сотрудников правоохранительных органов можно разделить на две основные сферы: общечеловеческих ценностей и профессиональных ценностей. При этом профессиональные ценности являются преломлением общечеловеческой деятельности в области правоохранительной деятельности. Данное преломление заключается, во-первых, в наполнении традиционных ценностей особым содержанием, а во-вторых, в акцентировании внимания на одних и меньшем уделении внимания другим ценностям. В результате данных операций формируется особая система ценностных ориентиров, отражающая специфику профессио-

нальной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Нормативный уровень правоохранительного мировоззрения представлен нормами морали и права. Взаимосвязь правовых и моральных норм в правоохранительном мировоззрении обусловлена спецификой профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В частности, нормативные правовые акты Министерства внутренних дел вменяют сотрудникам полиции в обязанность неукоснительное соблюдение этических норм. Несмотря на тесную взаимосвязь моральных и правовых норм, между ними существуют определенные различия. Так, некоторые процессуальные нормы могут вступать в противоречие с нормами общечеловеческой морали. Например, при проведении обыска может возникнуть необходимость досмотра постели тяжелобольного человека. Выполнение данного действия с чисто этической точки зрения недопустимо, а с профессиональной точки зрения необходимо. В целом же, правовые и моральные нормы правоохранительного мировоззрения и практики находятся в тесной взаимосвязи, обусловленной выполнением ими общей функции: поддержания определенного социального института или социального целого.

Выполнение данной функции в сочетании с конструктивным пониманием ценностей ставит перед правоохранительным мировоззрением проблему определения его смыслонадеждающей инстанции. И действительно, наличие любой ценности, а тем более системы ценностей предполагает наличие определенного субъекта. Таким субъектом для правоохранительного мировоззрения является действующая правовая система, которая обслуживает интересы определенного политического режима: либерального, демократического, авторитарного и тоталитарного. В настоящее время Россия стремится к формированию либерально-демократического режима, отстаивающего идеалы гуманизма, гражданского общества и естественных прав человека. Данный вид политического режима, предполагающий «федералистскую» картину социально-правовой реальности, исходит из необходимости существования в обществе социально-политического плюрализма и осуществления в нем диалога между государством и обществом. Естественно, что такая модель развития российского общества невозможна вне конструктивной ценностно-нормативной системы, частным проявлением которой служит ценностно-коммуникативное мировоззрение сотрудников правоохранительных органов.

Профессиональные ценности представляют собой важнейший момент ценностно-коммуни-

кативной системы мировоззрения сотрудников правоохранительной деятельности, поскольку именно они служат концептуальной призмой восприятия социальной реальности. Важнейшими профессиональными ценностями мировоззрения сотрудников правоохранительных органов следует признать: ответственность, вменяемость, жертвенность. Рассмотрим данные понятия более подробно.

Ответственность должна сопровождать каждый поступок сотрудника правоохранительных органов. Более того, она присутствует как до, так и после него, что отличает ее от вины, которая возникает только после совершения поступка. Специфика правоохранительного мировоззрения заключается в том, что человек, стоящий на страже закона, постепенно отучается от безразличного отношения не только к поступкам, но и к идеям. Он постоянно оценивает их с точки зрения их последствий как для самого субъекта, так и для общества.

Непосредственно связанным с понятием ответственности является понятие вменяемости. Немецкий философ Н. Гартман определил его следующим образом: «Акт вменения существует независимо от альтернативы одобрения или неодобрения, или даже при полном отказе от суждения, каковой бывает у нравственно неприязнательного. Яснее всего это до того, как свершится действие, – там, где можно наблюдать нравственный риск, который кто-либо по своей инициативе берет на себя; быть может, еще не видно, во благо или во зло это будет, но уже известно, что на личность того, кто совершит поступок, будет падать заслуга или вина. В ней а priori – причем не рефлексивным образом – просматривается подлинный инициатор и чувствуется ответственность, которую она на себя берет» [2, с. 625–626]. Вменение представляет собой важный элемент нравственно-правового мышления и позволяет юридическому мировоззрению в целом и мировоззрению в частности очертить конкретные нормы поведения человеку как индивиду и как представителю определенной социальной или профессиональной группы.

Жертвенность представляет собой одну из важнейших мировоззренческих установок сотрудников правоохранительных органов. Без нее профессиональная деятельность полицейских была бы работой, а не службой. Отличие же службы от работы заключается в том, что последняя предполагает строгое соотношение труда и вознаграждения, тогда как первая неразрывно связана с максимальной отдачей сил ради реализации определенного идеала. При этом риск собственной жизнью представляет собой лишь крайнюю форму жертвенности, в некоторых случаях даже более легкой, чем по-

стоянная трата сил. Непременным условием подлинной жертвенности является наличие у нее нравственной цели. Для сотрудников внутренних дел такой целью является служение правопорядку, а следовательно – обществу в целом. Применение идеи жертвенности в мировоззрении сотрудников полиции проявляется в понимании социального мира как противостояния добра и зла. При этом добро понимается как различного рода силы, процессы и события социальной жизни, способствующие прогрессу общества и поддержанию в нем гуманистических ценностей, тогда как зло предстает в виде крайних проявлений агрессии, нарушений законности, идей и сил, культивирующих в обществе насилие и ненависть.

Под самообладанием понимают способность человека сохранять спокойствие перед лицом внешних и внутренних угроз. Характеризуя самообладание, Н. Гартман писал: «Своеобразие добродетели самообладания заключается в том, что она в высокой мере приобретаема, образуема, даже воспитуема в других. Это заключено в ее сущности, как раз потому, что она состоит во внутреннем становлении в человеке господина природы, которая сама по себе не имеет над собой никаких господ. Быть может, она низшая среди ценностей добродетели (так считал уже Платон), минимальное требование, которое может поставить перед собой человек; только над ней возвышаются более высокие нравственные задачи... Однако достижение самообладания при этом вовсе не является легким и отнюдь не присуще каждому, кто по своему личностному складу удовлетворяет более высоким ценностям. В нравственном бытии такого человека тогда остается как бы разрыв, который делает этнос не единым. Во всей этой связи самообладание сродни справедливости» [2, с. 416]. Для профессиональной деятельности сотрудников полиции самообладание имеет огромное значение, поскольку оно лежит в

основе как мужества, так и психологической устойчивости, позволяющей переносить тяготы и лишения службы.

Справедливость означает способность человека возвыситься как над собственными, так и над чужими интересами и принять сбалансированное решение, учитывающее права всех заинтересованных в решении того или иного вопроса сторон. Главной предпосылкой формирования чувства справедливости следует признать наличие у индивида способности к преодолению эгоистической установки сознания [1]. Осуществление справедливости становится возможным благодаря признанию существования инстанции с позиции, с которой все люди, несмотря на все их различия, являются равными. Идея справедливости, имея этическое происхождение, находит свое применение в религиозном и правовом сознании. Благодаря этому апелляция к идее справедливости позволяет установить взаимопонимание между представителями различных форм общественного сознания, политических идеологий, конфессий и мировоззренческих позиций. Важность такого личного качества сотрудника правоохранительных органов, как справедливость, объясняется тем, что его профессиональная деятельность предполагает не только формальное соблюдение законности, но и стремление к подлинному разрешению правовых и конфликтных ситуаций как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время.

В целом профессиональные ценности сотрудников правоохранительных органов представляют собой систему взаимосвязанных принципов, направленных на формирование личности защитника правопорядка, способного для решения служебных задач взаимодействовать с представителями различных социальных слоев и носителями различных мировоззрений. Главным условием такого взаимодействия служит обращение сотрудников полиции к общечеловеческим ценностям.

1. Самойлов С.Ф. *Философские установки сознания как форма духовной культуры*. Краснодар, 2008.

2. Гартман Н. *Этика*. СПб., 2002.

1. *Samoilov S.F. Philosophical attitude of consciousness as a form of spiritual culture*. Krasnodar, 2008.

2. *Hartmann N. Ethics*. St. Petersburg, 2002.

Жуйков Андрей Алексеевич

адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru)

Интернет и проблема информационного экстремизма в современном российском обществе

В статье отмечается, что одной из наиболее острых проблем общества выступает информационный экстремизм, который является одной из серьезных угроз информационной безопасности России. Автор обосновывает необходимость выработки верифицируемых научно-управленческих моделей, позволяющих эффективно осуществлять профилактику и противодействие информационному экстремизму, обеспечивать информационную безопасность России.

Ключевые слова: Интернет, информация, информационно-компьютерные технологии, информационная безопасность, информационный экстремизм.

A.A. Zhuykov, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru

Internet and the problem of information extremism in modern Russian society

In article it is noted that as one of the most burning issues of society information extremism which is one of serious threats of information safety of Russia acts. The author proves need of development of the verified scientific and administrative models allowing to carry out effectively prevention and counteraction to information extremism, to ensure information security of Russia.

Key words: Internet, information, information and computer technologies, information security, information extremism.

Общество начала XXI в. характеризуется масштабными технико-технологическими, социокоммуникативными и социокультурными изменениями. Социальная динамика затронула все основные институты и подсистемы общества. Ключевой социоинформационной технологией общества начала XXI в. по праву считается Интернет. Несмотря на очевидный позитивный тренд, наблюдающийся в течение последних десятилетий, стоит обратить внимание и на ряд возникающих проблем. Прежде всего, обратимся к содержательной сути понятия «Интернет». Так, по мнению классика современной социологии М. Кастельса, «Интернет – это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи. Интернет воплощает культуру свободы и личного творчества, будучи как источником новой экономики, так и общественного движения, базирующегося скорее на изменении человеческого сознания, чем на увеличении власти государства» [1].

С точки зрения отечественного социолога В.Л. Силаевой, «упоминание термина “Интернет” может содержать в себе смыслы не только

компьютерной, но и социальной направленности. Международная компьютерная сеть – это новое СМИ, общедоступное средство массовой коммуникации, площадка экономических и политических операций, место проведения досуга и даже религиозных действий. Интернет развивается как саморегулирующаяся социальная система, при этом он выполняет функцию социализации, как информационный ресурс, в котором можно черпать знания о мире, и как социальная структура, взаимодействие в которой похоже на тренажер реальной жизни» [2, с. 101–107].

По мнению Е.Ю. Журавлевой, «Интернет представляет собой средство массовой коммуникации, которое, будучи одной из мощнейших информационных технологий, работающих в интерактивном режиме, основано на гипертекстовой системе World Wide Web, состоящей из множества локальных сетей, позволяет осуществлять доступ к компьютерным ресурсам по всему миру в целях всестороннего разнообразного обмена информацией и установления коммуникаций» [3, с. 75].

Как полагает исследователь, «Интернет, с одной стороны, средство коммуникации, способствующее процессу глобализации, с другой стороны, открытие социального виртуального.

Интернет не следует рассматривать как только средство коммуникации или массовой коммуникации. Но считать Интернет преимущественно средством, или средой, или методом коммуникации означает ограничить понимание его роли» [3, с. 110].

Стремительное вхождение в социальную жизнь Интернета не только привело к существенным изменениям социально-структурной композиции, системы социальных действий и взаимодействий, но и обострило ряд социальных противоречий. В частности, прогресс информационных технологий меняет характер и направленность многих социальных явлений, процессов современного общества. Именно так произошло с экстремизмом. Расширившиеся возможности приема-передачи информации привлекли внимание лидеров экстремистских движений и групп. Они заинтересованы в пропаганде своих идей, в том числе с помощью псевдодискуссий, обмена мнениями в чатах, на форумах и прочих интернет-ресурсах. В инспирированную ими дискуссию обычно втягиваются «рядовые» интернет-пользователи, соответственно, у экстремистов появляется мощный ресурс коммуникативного воздействия (прежде всего, на сознание и поведение), манипулирования людьми [4, с. 56]. С позиции Е.О. Кубякина, проблема молодежного экстремизма в России связана в первую очередь с пространством интернет-сообществ [5]. В то время как В.В. Плотников указывает на деструктивный потенциал «запаздывания» культурного развития в параллели с высоким уровнем технического обеспечения. В связи с этим молодежь – одна из самых уязвимых социальных групп для тенденций молодежного экстремизма [6].

Информационный экстремизм в Интернете может рассматриваться в качестве собирательного понятия, которое объединяет в себе проявления агрессивного коммуникативного воздействия: манипуляцию сознанием, информационный терроризм, распространение искусственно созданных слухов, киберпреступления, осуществляемые в пространстве Интернета. Информационный экстремизм является угрозой стабильному существованию социума в коммуникационной системе, следовательно, может рассматриваться как угроза информационной безопасности России [7, с. 10].

Определяя содержательную суть понятия «информационный экстремизм», отметим, что это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является до-

стижение публично нелегитимных и противоправных целей. Признаком информационного экстремизма является нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного ущерба [8, с. 11–13].

С точки зрения О.С. Жуковой, «информационный экстремизм – это деятельность, связанная с: а) созданием, хранением и (или) распространением информации, содержащей предусмотренные законом признаки экстремистской деятельности; б) использованием информации, обрабатываемой компьютером, компьютерной системы и (или) компьютерной сети, осуществляемым в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, сопряженным с различными формами психического или опосредованного физического насилия (кибертерроризм); в) использовании информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику людей, не осознаваемое ими» [9, с. 12].

А.Х. Валеев указывает: «Сеть Интернет представляет собой удобное поле для экстремистской деятельности, а также возможность распространения среди большого круга пользователей материалов экстремистского содержания. В сети Интернет информация доступна не только в виде статических веб-страниц – идет интенсивный интерактивный обмен ею в чатах, блогах и форумах, через которые все желающие могут общаться с экстремистами по всему миру. Одной из основных проблем борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет, на наш взгляд, является проблема отсутствия законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет» [10, с. 125].

Особенностью информационного экстремизма в современном российском обществе является достаточно агрессивный «внешний» глобальный геополитический контекст, потенциально способный оказывать серьезное воздействие на информационно-коммуникационную систему современного российского общества, создавать в ней напряжение, дисфункции, дезорганизацию. Это находит свое отражение как в индустрии массовой культуры (пропаганда массового общества потребления, «гламура» и гедонизма), так и в агрессивных, радикальных политических проектах (например, так называемых «цветных революциях»). Учитывая недостаточную оперативность и эффективность проводимых мероприятий по борьбе с информационным экстремизмом, а также слабое взаимодействие науки и практи-

ки на данном направлении, можно прогнозировать дальнейшее обострение проблемы информационного экстремизма в России начала XXI в. [4, с. 9–10].

В результате возникновения и развития феномена информационного экстремизма исчезает прежний образ профессионального экстремизма, руководящегося идеологией и стремлением к национальному освобождению, действующему согласно определенным политическим целям, в открытую финансирующимся правительствами. На его место приходит новый образ, где один человек – носитель экстремистского сознания – потенциально может стать более разрушительным по своему масштабу, чем самые многочисленные экстремистские группировки. Основным оружием этого вида экстремизма является не разрушение домов и символов существующего строя, а нарушение коммуникаций с целью возникновения хаоса в сегодняшнем информационном обществе. Субъектом информационного экстремизма может стать как целое сообщество, так и один человек, для которого, впрочем, также свойственны черты субъекта экстремизма, а его методом является речевое воздействие [11].

Стоит отметить, что информационный экстремизм, представляя собой деструктивное явление современного российского общества, становится одной из наиболее острых проблем. В нашей стране далеко не сразу наступило осознание той опасности, которая исходит от информационного экстремизма; вследствие недооценки угрозы был нанесен серьезный удар по системе информационной и национальной безопасности России, ущерб частным лицам, государственным учреждениям и коммерческим компаниям. Именно поэтому подробное, всестороннее, последовательное изучение информационного экстремизма выступает целевой установкой к действию. Вообще, как указывает В.А. Диль, «тема экстремизма, его различных разновидностей занимает одно из заметных мест в современном научном дискурсе. Поэтому на протяжении последнего десятилетия экстремизм прочно занимает одно из главных мест в списке наиболее актуальных для человечества проблем» [11, с. 3].

Применительно к условиям современного российского общества необходимо обратить внимание на возникшие благоприятные условия для развития деструктивных явлений в информационно-коммуникационной сфере.

В этой связи И.Л. Бачило обращает внимание на то, что «нынешний этап развития ин-

формационных отношений характеризуется возможностью информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание, вплоть до угрозы информационных войн, в результате чего неизбежным противовесом свободы информации становится проблема информационной безопасности» [12, с. 66].

Дисфункциональность коммуникационной системы современного общества, проявление в ней экстремистских тенденций актуализирует научно-управленческую проблему обеспечения информационной безопасности.

М.Ю. Захаров справедливо отмечает, что «в таких условиях доминанта информационной безопасности колоссально возрастает. Поэтому чем выше уровень интеллектуализации и информатизации социума, тем значимее и действеннее должна быть его информационная безопасность» [13, с. 3–7].

Таким образом, целесообразно констатировать рост социальной значимости Интернета. Прогресс информационно-компьютерных технологий привел не только к положительным социальным последствиям, выразившимся в росте возможностей самообразования, ведения бизнеса, самореализации, но и к откровенно деструктивным моментам (ухудшению качества информации, манипуляции сознанием, распространению провокационных сообщений). Отдельную проблему представляют собой действия киберпреступников, угрожающие отдельным элементам или всей коммуникационной системе. В современном российском обществе весьма острой проблемой стал информационный экстремизм. Данная разновидность экстремизма лишь недавно оформилась в определенные институциональные структуры. Вместе с тем, потенциал информационного экстремизма в аспекте воздействия на сознание и поведение людей, особенно подрастающего поколения, весьма высок. Именно поэтому представляется актуальной и практически значимой в условиях современной России организация системы противодействия и профилактики информационного экстремизма. От решения этой важной стратегической задачи зависят и перспективы обеспечения информационной безопасности России, построения системы, релевантной возникающим угрозам и вызовам. Данная система, безусловно, должна опираться, в том числе, и на потенциал эмпирической и прикладной социологии, призванной диагностировать социальные проблемы и искать пути их эффективного социально-инженерного решения.

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

2. Силаева В.Л. Интернет как социальный феномен // Социс. 2008. № 11.

3. Журавлева Е.Ю. Глобальная информационная компьютерная сеть Интернет: проблемы становления и развития (социально-философский анализ). Вологда, 2002.

4. Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2015.

5. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22). С. 100–104.

6. Плотников В.В. Деструктивный потенциал неравномерного социального развития // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 22–24.

7. Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2012.

8. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

9. Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.

10. Валеев А.Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет // Бизнес в законе. 2011. № 6.

11. Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2006.

12. Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. М., 2003.

13. Захаров М.Ю. Информационная безопасность социума: социально-философское исследование: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 1998.

1. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on Internet, business and society*. Ekaterinburg, 2004.

2. Silaeva V.L. *the Internet as a social phenomenon* // Sotsis. 2008. № 11.

3. Zhuravleva E.Yu. *Global information computer network the Internet: problems of formation and development (social-philosophical analysis)*. Vologda, 2002.

4. Mozgovoy V.E. *Informational extremism under the conditions of socio-communicative transformations of Russian society: diss. ... Master of Sociology*. Krasnodar, 2015.

5. Kubyakin E.O., Safronov A.N. *Informational extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society* // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22). P. 100–104.

6. Plotnikov V.V. *The destructive potential of unequal social development* // Theory and practice of social development. 2014. № 20. P. 22–24.

7. Voronovich N.K. *The Internet as a threat to information security of Russia: diss. ... Master of Sociology*. Krasnodar, 2012.

8. Upornikov R.V. *Political and legal technologies of counter information extremism in Russia: auth. abstr. ... Master of Law*. Rostov-on-Don, 2007.

9. Zhukova O.S. *Legal measures of counter extremism information: diss. ... Master of Law* Voronezh, 2006.

10. Valeev A.H. *Fight against manifestation of extremism in the Internet* // Business in law. 2011. № 6.

11. Diel V.A. *Modern extremism and forms of its overcoming: social and cultural aspect: diss. ... Master of Philosophy*. Tomsk, 2006.

12. Bachilo I.L. *Information law: the foundations of practical computer science*. Moscow, 2003.

13. Zakharov M.Yu. *Information security of society: social-philosophical research: auth. abstr. ... Dr of Philosophy*. Rostov-on-Don, 1998.

Кононенко Наталья Сергеевна
адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Информационный характер современной социальной коммуникации как основание интенсификации проблемы суицида

Автор исследует те специфические последствия информатизации общества, которые имеют отношение к проблеме суицида. Рассматривает основные измерения проблемы информатизации как основания самоделинквентности.

Ключевые слова: проблема суицида, социальная ситуация, информатизация, дезорганизация, группы риска, социальная активность, коммуникация, социальные связи.

N.S. Kononenko, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Information nature of modern social communication as the basis of intensification of suicide problems

The author analyzes the specific effects of informatization of society that are relevant to the issue of suicide. Considers the basic measurement problems of information as the basis of self-delinquent behavior.

Key words: problem of suicide, social situation, informatization, disorganization, risk groups, social activities, communication, social communication.

Изменения в социальной структуре влияют на ее состояние, при этом даже позитивные сдвиги в организации общественных отношений на момент трансформации общества характеризуются увеличением интенсивности социальных проблем. По мнению современных исследователей социологии трансформирующегося общества, факторы глобализации, информатизации и глобальной трансформации негативно влияют на отдельные элементы социальной системы. Для локальных обществ глобальная трансформация с неизбежностью ведет к ситуации социальной дисфункции [1] и деструкции [2] отдельных институтов. При этом институциональная дезорганизация по понятным причинам ведет к внутреннему разладу личности с собой.

Социологический анализ проблемы самоубийства (Э. Дюркгейм [3]) показывает, что бурное увеличение статистики самоубийств отмечается не только в периоды негативных общественных кризисов, но и в моменты стремительного улучшения социальной ситуации. Это связано с переходным характером общественной структуры и ее нестабильностью в период трансформации. Серьезные изменения даже на уровне одного социального института в конечном итоге затрагивают общество в целом, приводя к временной рассогласованности

социальных институтов и, соответственно, их частичной дисфункции. В результате возникает ряд локальных проблем, которые, в свою очередь, оказывают воздействие на социальную структуру и еще сильнее усложняют ситуацию.

Анализ делинквентного поведения на столь существенном уровне, как экстремизм, показывает, что информатизация общества, развитие технологий и средств коммуникации без соответствующего уровня развития аксиологии ведут наиболее неустойчивые социальные группы к деструктивной деятельности [4]. По мнению Е.О. Кубякина, наиболее проблемным срезом общества, подверженным деструктивным последствиям глобальной трансформации, является молодежь [5]. Тем самым речь идет о развитии делинквентности за счет совершенствования информационных технологий и средств коммуникации. Делинквентность как идеология становится дискурсивным самостоятельным актором в сети Интернет [6]. В результате речь идет о разрушительных тенденциях в социализации молодежи в системе несогласованной коммуникации.

Адаптивные и защитные функции общества достаточно сильны для того, чтобы оно справлялось с большинством подобных деструктивных воздействий, и в конечном счете социальные сдвиги приводят (в случае их на-

правленности на развитие общества) к улучшению социальной обстановки. Однако это уровень общества, в то время как на уровне локальных социальных структур имеет место их деструкция в ходе социальной трансформации. Таким образом, в целом позитивные изменения в обществе сопрягаются с малыми по масштабу, но разрушительными по своему характеру процессами. Степень важности этого принципа напрямую определяется интенсивностью процессов изменения структуры общества.

Как это продемонстрировал С. Капица [7], процессы социальной трансформации имеют тенденцию к неуклонному увеличению скорости. Таким образом, современный этап развития общества характеризуется сжатыми во времени и очень интенсивными по глубине производимых изменений процессами социального развития. В результате мы видим тенденцию к постоянному повышению интенсивности (и значимости) последствий производимых социальных изменений. И если ранее их можно было рассматривать как малые издержки социального роста, то в настоящее время все более актуальным становится вопрос о способности современного общества к противодействию последствиям происходящих в нем глобальных изменений. Данная тематика будет рассмотрена нами на примере проблемы суицида (в частности, существенного увеличения статистики самоубийств в последние десятилетия). С этой целью нами будет рассмотрено на общем уровне влияние современных информационных процессов на развитие проблемы суицида.

Суицид как таковой представляет собой частную форму деликвентного поведения, характеризующегося разрушением членом общества всех существующих в отношении к нему социальных связей. Вместе с тем, как это демонстрируют на различном уровне Э. Дюркгейм [3] и Э. Фромм [8], одной из причин самоубийства является ослабление социальных связей человека, его социальная изолированность. Для того чтобы определить влияние современных информационных процессов на возникновение подобного рода отклонений, целесообразно выявить основные социальные детерминанты суицида как социально деструктивного действия и определить влияние на них информационного характера современных процессов в обществе. Таким образом, разрешение поставленной задачи требует анализа, с одной стороны, оснований суицида как действия, с другой – последствий информационных процессов в современном обществе. Их

сопоставление позволит достичь целостной картины воздействия современных информационных процессов на тенденцию развития масштабов суицида.

К числу социальных факторов, определяющих вероятность суицидального акта, следует отнести ценностную ориентированность культуры (в частности, оценку значимости человеческой жизни, оценку суицида в социальном мировоззрении), факторы экстремпантности [9]. Не меньшее значение имеют факторы актуализации (или, напротив, деактуализации) в сознании людей суицида как модели действия, уровень социального контроля (что, в частности, определяется прочностью социальных связей человека), а также степень социальной стабильности (что, в частности, определяет социальную устроенность и материальное благополучие членов общества). При этом немаловажным фактором является также характер и степень прочности социальных связей, выстраиваемых человеком в ходе его личного развития в обществе. Степень прочности этих связей определяет включенность человека в социальный процесс и, соответственно, его внутреннюю мотивацию к сохранению этой включенности. Уровень развития общества очень сильно определяет как интенсивность, так и число возникающих у члена общества социальных связей. Соответственно, степень личной ценности для человека существующих у него социальных связей будет различной в зависимости от того, в каком состоянии находится общество.

Специфический характер современных информационных процессов оказывает влияние практически на все сферы жизни общества, при этом речь идет как о прямом воздействии информационных процессов на отдельные формы социальной жизни, так и о косвенном влиянии через измененную структуру основных социальных институтов, а также культуры общества. Поэтому, ввиду глубины и многоплановости рассматриваемого явления, представляется целесообразным рассмотреть только те специфические последствия информатизации общества, которые имеют отношение к проблеме суицида. В связи с этим (и в соответствии с проведенным выше обзором основных социальных оснований суицида) нами будут рассмотрены следующие измерения проблемы:

1) влияние информационных процессов на структуру и содержание социального сознания (что включает в себя, в частности, вопрос о коммуникативных основаниях социальной девиации);

2) современное информационное пространство) как поле коммуникации (специфика онлайн-общения, характер и глубина социальных связей в информационном пространстве, проблема ухода от реальности);

3) деструктивные информационные процессы и их значение в условиях современных информационных технологий.

Рассмотрим по порядку каждый из перечисленных аспектов в отношении к проблеме суицида.

Состояние общества во многом определяется направленностью деятельности людей, и его жизнеспособность существенным образом зависит от степени согласованности их интересов. Единство социального сознания является одним из важных условий, определяющих стабильность и конструктивность социальных процессов. Это не означает, что наличие различных культурных (религиозных) традиций в обществе является безусловно деструктивным фактором. Речь идет скорее о том, что для общества важно единство социального мировоззрения в тех вопросах, которые определяют его структуру и нормы допустимого поведения (что оставляет определенную свободу в выборе конструктивных для общества мировоззренческих оснований). На предшествующих этапах истории одним из оснований сохранения внутреннего единообразия социального сознания являлся сравнительно замкнутый характер отдельных обществ.

В силу отсутствия достаточных средств коммуникации представителей различных культур процессы взаимного проникновения мировоззренческих конструкций, ценностных структур происходили достаточно медленно и по большей части гасились внутренними защитными механизмами преобладающего социального мировоззрения. В настоящее время возможности по налаживанию коммуникации между представителями различных социальных систем достигли такого уровня, что принято говорить о стирании государственных границ на уровне информационных процессов. Это приводит к ситуации, когда социальное мировоззрение характеризуется высокой степенью неоднородности в силу высокого количества сторонних заимствований. В результате возникает большое количество внутренних противоречий. Следует отметить, что культура и социальная организация настолько вариативны, что то, что является нормой для одного общества, может оказаться деструктивным отклонением для другого. По этой причине высокий уровень межкультурной коммуникации является также одним из оснований развития социальных девиаций.

Если учесть, что делинквентное поведение зачастую является следствием наличия у человека альтернативных ценностных установок, становится видно, что развитие информационных процессов создает благоприятную почву для формирования у отдельных членов общества деструктивной социальной направленности. Отношение к жизни и смерти (и, в частности, добровольному прекращению жизни) в различных культурах разнится (вплоть до обесценивания жизни и одобрения самоубийства). Поэтому современные информационные процессы приводят к ситуации, когда в социальном сознании возникает мировоззренческие основания, обосновывающие допустимость (и даже предпочтительность) самоубийства как действия. Это приводит к ослаблению социального запрета на самоубийство, реализуемого на уровне общественного сознания, что знаменует собой ослабление защитных функций общества в отношении феномена суицида.

Еще одним важным аспектом исследуемого вопроса является современная тенденция к уходу общения в сферу онлайн-коммуникации. С одной стороны, это позволяет сохранять социальный контакт людям, не имеющим возможности к непосредственному общению, с другой – общение в рамках информационного интернет-пространства существенным образом отличается от «живого» общения. Анонимность онлайн-общения приводит к существенному снижению роли внешних социальных запретов и ограничивающих факторов, что позволяет людям гораздо свободнее реализовывать собственные социальные потребности. Вместе с тем, сила социальных связей в интернет-пространстве существенно ниже, нежели в непосредственной социальной среде. По этой причине проблема «ухода от реальности» обнаруживает новое измерение в связи с вопросом об ограничивающих факторах суицида. Уход в сферу онлайн-коммуникации приводит к ослаблению существующих социальных связей, вместе с тем, новые социальные связи также обнаруживают по большей части поверхностный характер. В результате развивается ситуация, когда человек оказывается все в большей степени изолированным от общества. Это один из серьезнейших факторов, определяющих предрасположенность человека к суициду.

Важной особенностью современного общества являются скорость и масштабы распространения информации. В силу этого все большее значение приобретает информационный аспект проблемы суицида. В данном случае речь идет о том, что самоубийство как факт обладает деструктивным потенциалом на уровне социального сознания. Повышение актуально-

сти суицидальной модели действия в социальном сознании может привести к выходу проблемы на качественно новый уровень. Распространение информации о существующих фактах суицида способствует его актуализации на уровне социального сознания, что, в свою очередь, может привести к увеличению статистики самоубийств в обществе и еще большей актуализации суицидальной модели действия. Социальная деструктивность отдельных случаев суицида в конечном итоге существенно усиливается из-за высокого уровня информационного обмена.

Произведенный обзор показывает, что современное переходное состояние общества

характеризуется беспрецедентной интенсификацией внутренних деструктивных факторов. По этой причине проблема выработки внутренних механизмов противодействия социальной деструктивности выходит на качественно новый уровень. Отдельного внимания в данном отношении заслуживает аналитика социальной деструктивности, связанной с позитивными изменениями социальной структуры. При этом в отдельных случаях целесообразен вопрос о сдерживании процессов развития общества с целью оптимального урегулирования возникающих в его ходе деструктивных последствий.

1. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19.

2. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912.

4. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4.

5. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества. // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. №4 (22). С. 100–104.

6. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1.

7. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997.

8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

9. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.

1. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutions and local national security threat // Theory and practice of social development. 2014. № 19.

2. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2014. № 4. P. 38–41.

3. Durkheim E. Suicide. Sociological Studies. St. Petersburg, 1912.

4. Kubyakin E.O. Youth extremism in the Internet as a social problem // Historical and socio-educational thought. 2011. № 4.

5. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Information extremism among young people as a destructive phenomenon of modern Russian society // Bull. of the Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22). P. 100–104.

6. Kubyakin E.O. Specific character the prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. № 1.

7. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetics and forecasts the future. Moscow, 1997.

8. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, 1994.

9. Kubyakin E.O. Bases of sociological study of the phenomenon of extremism. Ekstremparanntnost. Krasnodar, 2014.

Светиков Игорь Александрович
 адъюнкт кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru)

Теоретические и эмпирические аспекты социологического анализа ценностных ориентаций

В статье отмечается, что социологический анализ ценностных ориентаций личностей и социальных групп сопряжен с рядом сложностей и системных противоречий, обусловленных спецификой сложного и противоречивого объекта научного познания. Указывается, что в целях успешного преодоления возникшей гносеологической проблемной ситуации целесообразно уделить внимание теоретико-методологическим и методико-процедурным аспектам фундаментального, теоретико-прикладного и эмпирического исследования ценностных ориентаций.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, методологические проблемы, методические проблемы, потребности, идеалы.

I.A. Svetikov, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: k_filosofii@krdu-mvd.ru

Theoretical and empirical aspects of the sociological analysis of value orientations

The author notes that the sociological analysis of value orientations of individuals and social groups is associated with a number of complexities and contradictions of the system, due to the specifics of the complex and contradictory object of scientific knowledge. In order their successful overcoming of the epistemological problem situation it is advisable to pay attention to the theoretical and methodological and methodical and procedural aspects of fundamental, applied and theoretical and empirical study of value orientations.

Key words: values, value orientations, methodological problems, methodical problems, requirements, ideals.

Социологический анализ ценностных ориентаций представляет собой весьма сложную познавательную процедуру как в теоретическом, так и в прикладном, социально-управленческом аспекте. Место и роль ценностных ориентаций в системе социокультурной регуляции личности, социальной группы, общества обусловлены значительным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей.

В настоящее время безусловный интерес представляют механизмы духовно-нравственной, моральной регуляции поведения различных социальных групп в современной России, в том числе сотрудников полиции. Именно формирование целостной позитивной системы ценностных ориентаций, гуманистически ориентированных нравственных идеалов у сотрудников полиции способно в ближайшие годы кардинально улучшить ситуацию с деятельностью полиции, не допускать девиаций полицейских, изменить отношение к полиции значительной части населения. Соответственно, возникнут объективные основания рас-

суждать об успешности реформы полиции в нашей стране.

В настоящее время необходимо уделять повышенное внимание духовной культуре сотрудников полиции, системе их социокультурных координат. В данной системе важную роль играют ценности, имеющие определенную структурную иерархию. В настоящее время в научной литературе ощущается определенный вакуум теоретических и эмпирических исследований, посвященных именно структуре ценностей сотрудников полиции. Стоит отметить, что структура ценностей российских полицейских представляет большой интерес не только с научной точки зрения, но и в социально-управленческом аспекте. Получив научно обоснованную информацию о структуре ценностей полицейских, можно оптимизировать работу с личным составом, придать ей большую научную направленность. Это особенно важно в аспекте организации коммуникативного воздействия на целевые аудитории, непосредственно или опосредованно связанные с деятельностью полиции, преодоления негативно

окрашенных информационных тенденций, слухов [1, с. 16–17].

Необходимо принимать во внимание тот факт, что ценности личности играют одну из определяющих ролей в системе социальной и духовной регуляции социума. Ценностная сфера является определяющим звеном в развитии любого общества. Сбои в этой сфере чреваты большими потерями как в морально-этическом, так и материальном плане. В конечном итоге при самом неблагоприятном сценарии развития данные проблемы могут обернуться деградацией и крахом общества. В условиях трансформирующегося российского общества возникает состояние определенно-го идейно-мировоззренческого вакуума, когда одни социальные идеалы и ценности уже ушли в прошлое, а другие еще не сформировались либо находятся на этапе становления. Принцип естественного социокультурного развития нуждается в осмыслении, тогда как современное состояние общества может быть охарактеризовано как аксиологически нестабильное [2].

Ценностная проблематика относится к числу наиболее важных направлений социологического анализа. Система ценностей – одна из основополагающих составляющих культуры. Теоретический и практический анализ ценностей может дать многое для изучения общества и происходящих в нем процессов, поскольку ценности не только входят в число основных компонентов мотивации человеческой деятельности, но и во многом детерминируют специфику восприятия индивидом окружающей действительности. На уровне общества в целом они выполняют фундаментальную функцию интегрирующего элемента в общественной структуре. Единство ценностей у большинства членов общества является основой его целостности, стабильного существования. Диагностика ценностей конкретного общества – эффективный способ его изучения, выявления проблемных областей и в определенной мере прогнозирования будущего состояния [3].

В истории социологической науки ряд выдающихся ученых уделили внимание анализу проблематики ценностей в контексте развития социальных институтов и подсистем. В частности, классик немецкой социологии М. Вебер, изучая феномен ценности в рамках концепции социального действия, применял микроуровень анализа функционирования ценности в социуме. Ценности, наряду с целями, аффектами и традициями, выделяются им как основные мотивы человеческой деятельности. Характеризуя идеальный тип ценностно-рационально-

го социального действия, М. Вебер определяет его как основанный на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового [3].

На макроуровне изучения роли ценностей в общественной жизни работал классик структурного функционализма американский социолог Т. Парсонс. В масштабах общества в целом ценности им рассматривались как высшие принципы организации социальных систем, выполняющие функцию интеграции, поддержания социального порядка [3].

Выдающийся социолог П.А. Сорокин отмечал, что «ценности – это ... обобщенные представления людей относительно целей и норм своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культур отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия. На основе этих ориентиров складываются конкретные типы поведения, в том числе социокультурные типы отношения людей к различным проблемам» [4].

Ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях [4].

Таким образом, мы будем рассматривать ценность как синоним и маркер важности, значимости объектов и явлений социума. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления. Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, человек в них заинтересован или испытывает потребность. Система ценностей играет роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности человека, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям [5].

Для личности ценности выступают в роли ориентиров, способствующих в обширном потоке внешней информации о жизненных явлениях выделению того, что наиболее важно для жизнедеятельности человека, для его поведения, т.е. ценности определяют избирательность отношений человека к миру, характеризуют его жизненную позицию, направленность

устремлений личности, а также соизмеримость потребностей и способов их удовлетворения [6].

В ценностях выражается отношение человека к действительности с точки зрения или должного, подчас еще не осуществленного, но желанного, важного, нужного, или нежелательного, неважного, ненужного, вредного. Всякая ценность имеет смысл только в сравнении с другой, противостоящей ей. Люди стремятся к добру потому, что есть зло, защищают истину потому, что есть ложь, восхищаются прекрасным потому, что есть безобразное [7].

Ряд социологов предпочитает использовать понятие «ценностные ориентации», которое более точно отражает системный характер ценностей и особенности их функционирования в современной социокультурной системе. Ценностные ориентации предстают как система наиболее фундаментальных, основополагающих социальных установок личности.

И.С. Якунина полагает, что ценностные ориентации – значимые элементы внутренней структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации через усвоение и принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве целей жизни, а также определяющие средства их реализации [8].

Однако внутренняя структура ценностей крайне неоднородна. Исследователи в этой связи предлагают различные варианты классификации ценностей. Поскольку ценности влияют на поведение людей во всех сферах их жизнедеятельности, то простейшим и наиболее распространенным основанием для типологизации является их конкретное предметное содержание. По этому основанию различают ценности социальные, экономические, политические, духовные и т.д. [9].

Вместе с тем, наиболее общих, базовых ценностей, составляющих основание ценностного сознания людей и подспудно влияющих на их поступки, в различных областях жизни не так много. Их число оказывается минимальным, если соотносить ценности с потребностями людей: З. Фрейд предложил ограничиться двумя, А. Маслоу пятью потребностями-ценностями, М. Рокич оценил число терминальных ценностей в полторы дюжины, а инструментальных – в пять-шесть дюжин, но эмпирически исследовал по 18 тех и других. Словом, речь идет о двух-четыре десятках базовых ценностей [4].

Другим основанием типологии ценностей может служить их отнесение к соответствующим потребностям индивидов: витальным – простейшим или первичным потребностям, значимым для сохранения и продолжения

жизни (благополучие, комфорт, безопасность); интеракционистским – более сложным потребностям в общении, взаимодействии с другими людьми; социализационным – еще более сложным потребностям в усвоении ценностей, норм, образцов поведения, одобряемых в данном этносе, обществе, культуре; смысложизненным – высшим по сложности и функциям потребностям в наполнении своей деятельности общим смыслом, значимым для всей жизни [4].

Важным социокультурным основанием типологии ценностей является их соотнесение с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которой она по преимуществу относится. Под этим культурно-генетическим углом зрения различаются: традиционные ценности, или ценности обществ традиционного типа, ориентированных на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни; современные ценности, или ценности обществ типа *modernity*, ориентированных на инновации и прогресс в достижении рациональных целей; кроме того, на наш взгляд, следует учитывать существование общечеловеческих ценностей, в равной мере свойственных традиционным и современным обществам, хотя большинство из них (но не все) возникли в традиционных обществах как исторически более ранних [4].

Характеризуя особенности эмпирического социологического подхода к анализу ценностей, необходимо обратить внимание на сложный и многоаспектный характер данной гносеологической проблемы. Наиболее богатым и методически обоснованным направлением такого рода исследований мы считаем методические разработки М. Рокича (метод прямого ранжирования ценностей) [10].

Таким образом, социологический анализ ценностных ориентаций имеет большое теоретическое и практическое, социально-управленческое значение.

Социологический подход к изучению ценностей отличается определенным своеобразием, методологической и методической спецификой, продиктованной логикой научного анализа общества, его структурных элементов, в том числе системы культуры и ценностей как ее интегрального элемента. Реализуя социологический подход к анализу ценностей, необходимо основное внимание уделить системе взаимосвязей ценностей личности с более крупными социальными и культурными сегментами, связанными с внешней (цивилизационной) и внутренней (присущей определенному обществу) средой. Именно концептуальное рассмотрение системы ценностей как интегрального элемен-

та института культуры отличает социологический подход от подходов, реализуемых в ряде смежных общественных наук.

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что ценностный мир представляет собой один из наиболее противоречивых, закрытых, сложных объектов социологического познания. В теоретическом аспекте сказываются трудности фундаментального, междисциплинарного анализа проблемы, когда контактируют (и не всегда успешно) социально-философские, социологические и психологические методологии. В практическом аспекте превалируют сложности перехода теории—эмпирические факты—теория. Кроме того, сказываются сложности взаимодействия с респондентами — носителями информации, т.к. ценностный мир связан с наиболее глубокими социальными установками личности и многие не хотят, чтобы посторонние люди (в том числе и социолог-исследователь) сюда проникали.

Стоит также отметить, что характер деятельности сотрудников полиции, их поведенческие практики, стиль и образ жизни во многом регламентируются нормативно-правовыми документами МВД России. В результате их ценностная система имеет ряд специфических атрибутов, отличающих ее от аналогичной системы граждан России. На наш взгляд, особые условия несения службы способны видоизменить иерархическую матрицу ценностей, выводить на первый план одни специфические ценности и затенять другие, общепринятые в российском обществе. В среде российских полицейских на первый план выходят ценности семьи, детей, а также ценности ответственности, решительности, целеустремленности, соблюдения закона, товарищества, что формирует особый социокультурный мир сотрудников российской полиции.

1. Куликов Е.М. *Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра социол. наук.* Краснодар, 2014.

2. Плотников В.В., Плотников Н.В. *Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития.* 2014. № 16. С. 226–228.

3. Прокудина Д.А. *Особенности теоретико-методологических подходов к социологическому анализу ценностей // Ломоносовские чтения 2004 г.: сб. ст. аспирантов «Россия и социальные изменения в современном мире».* М., 2004. Т. 1.

4. Лапин Н.И. *Модернизация базовых ценностей россиян // Социс.* 1996. № 6.

5. *Ценности.* URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/137139>

6. Карпушина Л.В. *Структура жизненных ценностей различных социальных групп студентов вузов: дис. ... канд. психол. наук.* Самара, 2003.

7. URL: <http://философу.рф/словарь/статья/3-философия-ценностей/48-ценность>

8. Якунина И.С. *Динамика структуры ценностных ориентаций студенчества среднего российского города: дис. ... канд. социол. наук.* Новочеркасск, 2007.

9. Абдурагимова Х.А. *Структура и классификация ценностей // Журн. научн. публикаций аспирантов и докторантов.* 2008. № 10.

10. Обидин И.Ю. *Клинико-психологические характеристики патоморфоза истерических расстройств: в период социально-экономических перемен в России: дис. ... канд. психол. наук.* СПб., 2007.

1. Kulikov E.M. *Gossips as an element of network communication in the Internet space of modern Russia: diss. ... Dr of Sociology.* Krasnodar, 2014.

2. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. *The natural socio-cultural equilibrium as a factor that determines social development // Theory and practice of social development.* 2014. № 16. P. 226–228.

3. Prokudina D.A. *Features of theoretical-methodological approaches to the sociological analysis of values // Lomonosov readings, 2004: coll. of papers of post-graduates «Russia and social changes in the modern world».* Moscow, 2004. Vol. 1.

4. Lapin N.I. *Modernization of basic values of Russians // Sotsis.* 1996. № 6.

5. *Values.* URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/137139>

6. Karpushina L.V. *Structure of vital values of various social groups of students of higher education institutions: diss. ... Master of Pshychology.* Samara, 2003.

7. URL: <http://philosophy.rf/dictionary/article/3-philosophy-value/48-value>

8. Yakunina I.S. *Dinamic of structure of valuable orientations of students of the average Russian city: diss. ... Master of Sociology.* Novocherkassk, 2007.

9. Abduragimova H.A. *Structure and classification of values // Magazine of sci. publications of graduate students and doctoral candidates.* 2008. № 10.

10. Obidin I.Yu. *Clinical psychological characteristics of a patomorfozis of hysterical frustration: during social and economic changes in Russia: diss. ... Master of Psychology.* St. Petersburg, 2007.

Украинский Сергей Викторовичпреподаватель кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: usv2010via@mail.ru)

Методические, педагогические, психологические и социальные аспекты профессионального обучения (профессиональной подготовки) сотрудников полиции

В статье рассмотрены проблемные вопросы обучения сотрудников полиции в ходе профессионального обучения (профессиональной подготовки). Представлены основные принципы и методы преподавания дисциплины «Тактико-специальная подготовка. Личная безопасность сотрудника органов внутренних дел». Проанализированы методологические особенности преподавания дисциплины.

Ключевые слова: тактико-специальная подготовка, основы личной безопасности сотрудника, прикладные знания, профессиональное обучение (профессиональная подготовка), методика преподавания, педагогический процесс.

S.V. Ukrainskiy, Lecturer of the Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russia; e-mail: usv2010via@mail.ru

Methodological, pedagogical, psychological and social aspects of vocational learning (training) of police officers

The article highlights the problematic issues of training of police officers in the course of vocational training (training). Presents the basic principles and methods of teaching the discipline «Special tactical training. Personal safety of law enforcement officers». Recommendations on the methodological features of teaching are analyzed.

Key words: tactical and special training, bases of personal security of officer, applied knowledge, vocational learning (training), teaching methods, teaching process.

В соответствии с Программой профессионального обучения (профессиональной подготовки) сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должности рядового, младшего, среднего и старшего начальствующих составов по профессии «Полицейский», в центрах профессиональной подготовки министерств внутренних дел по республикам, главным управлениям (управлений) МВД России по иным субъектам Российской Федерации и в образовательных организациях МВД России с 2014 г. представлен для обучения новый предмет «Тактико-специальная подготовка. Личная безопасность сотрудника органов внутренних дел» (далее – ТСП ОЛБ). Курс ТСП ОЛБ включает в себя как теоретические, так и практические занятия и заканчивается итоговым контролем в форме зачета. Основной формой проведения занятий является практическая индивидуальная и групповая отработка тактико-технических приемов и действий.

Учебная дисциплина основывается на требованиях нормативно-правовых актов Россий-

ской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, положений и рекомендаций науки, передовой практики деятельности ОВД, внутренних войск МВД России и специальных подразделений других федеральных ведомств по обеспечению общественного порядка и безопасности как в обычных условиях, так и в особых условиях служебной деятельности правоохранительных органов.

ТСП ОЛБ реализует выполнение требований государственного образовательного стандарта к уровню подготовки выпускников образовательных организаций МВД России.

Структурно дисциплину ТСП ОЛБ можно условно разделить на шесть взаимосвязанных разделов:

- 1) топографическая подготовка сотрудников ОВД;
- 2) тактическая подготовка сотрудников ОВД (включает также вопросы военно-инженерной подготовки и оказания первой помощи);
- 3) структура и задачи гражданской обороны в системе МВД России;

4) деятельность органов внутренних дел в особых условиях службы;

5) специальная огневая и физическая подготовка сотрудников ОВД;

6) профессионально-психологическая подготовка сотрудников ОВД.

В результате освоения данного курса ТСП ОЛБ, который имеет междисциплинарную связь с другими дисциплинами, изучаемыми в образовательных организациях МВД России (правовая подготовка, первая помощь, тактика несения службы, физическая и огневая подготовка), выпускник должен знать основы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел; основы гражданской обороны в ОВД РФ; методы обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД в повседневной деятельности и проведении спецопераций; алгоритм безопасного поведения сотрудников ОВД при обнаружении взрывчатых веществ и взрывных устройств; причины возникновения и порядок действий при чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и социального характера, приемы самоспасения; тактику действий служебных нарядов при чрезвычайных ситуациях; уметь пользоваться графическими служебными документами; применять боевые приемы борьбы с использованием средств активной обороны, выполнять действия с оружием, обеспечивающие безопасность сотрудников органов внутренних дел; использовать специальные и подручные средства индивидуальной защиты и активной обороны; использовать индивидуальные средства защиты и первой помощи; выполнять обязанности в составе нарядов патрульно-постовой службы, эффективно действовать при изменении оперативной обстановки; применять навыки обеспечения личной безопасности в ходе проведения специальных операций, владеть навыками обеспечения личной безопасности в процессе повседневной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел; проверки документов граждан с обеспечением мер личной безопасности; проведения наружного досмотра нарушителя с использованием пистолета и автомата и последующим сковыванием нарушителя наручниками, связыванием подручными средствами (ремнем, веревкой, шнурком); безопасных действий при задержании и сопровождении в дежурную часть ОВД лиц, подозреваемых в совершении преступлений, совершивших административное правонарушение; обеспечения личной безопасности при огневом контакте путем быстрого извлечения оружия из кобуры и подготовки его к выстрелу из различных положений, с уходом с линии огня противника, перемещений с оружием, смены изготовок для стрельбы в процессе передвижений.

Сотрудники полиции, прошедшие курс ТСП ОЛБ, кроме того, должны овладеть специфическими навыками ведения скоростной стрельбы из пистолета (автомата) по неподвижным (появляющимся) целям, с выбором цели и зоны поражения, скоростной стрельбы из различных положений со сменной огневой позиции, из-за укрытий, после физической нагрузки, скоростной стрельбы со сменой магазина.

На изучение дисциплины ТСП ОЛБ отводится: для лиц рядового и младшего начальствующего состава – 38 часов;

для лиц среднего и старшего начальствующего состава – 16 часов.

Незначительный срок изучения данной дисциплины не позволяет слушателям более качественно освоить практические навыки по обеспечению личной безопасности как в различных условиях оперативно-служебной деятельности, так и в быту. Значительное число научных работ о проблемах обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД при осуществлении своей профессиональной деятельности не раскрывает методологические инструменты освоения дисциплины в условиях первоначальной профессиональной подготовки. Разработано множество программ и рекомендаций по обучению основам личной безопасности для различных категорий обучаемых, но все они, на наш взгляд, разрознены и не освещают суть методологических особенностей преподавания дисциплины.

При обучении сотрудников полиции ТСП ОЛБ пришлось столкнуться с тем фактом, что у слушателей отсутствуют системные знания в рамках общего среднего (специального) и (или) высшего образования (в области прикладной математики, естествознания и т.п.), полагающие ориентироваться в событиях, явлениях и процессах современного мира. И этот факт необходимо учитывать в процессе обучения. В ходе преподавания дисциплины преподавателю приходится ориентироваться на имеющиеся у обучаемых базовые знания и, компенсируя пробелы в них, придавать им соответствующую коррекционную практическую направленность в рамках изучаемых вопросов. При этом в ходе занятий необходимо задействовать и активизировать такие психофизиологические процессы, как внимание, восприятие, память, мышление, переключение с одного вида деятельности на другой, двигательные реакции и навыки, а также использовать в педагогическом процессе включение коллективного творческого мышления учебной группы.

Так, авторы А.Р. Братусин и Е.Е. Власенко в своей статье «Организация, функционирование и методическое обеспечение первоначальной подготовки полицейских в системе МВД России» отметили: «Профессионально-прак-

тическая направленность обучения требует особой роли преподавателя, который должен выступить в роли партнера, предоставляя учащимся возможность самим активно участвовать в процессе обучения. Главной фигурой в учебном процессе был и остается преподаватель. Работа со слушателями еще больше повышает требования к профессорско-преподавательскому составу, поскольку для завоевания авторитета у сотрудников необходимо владеть педагогическим мастерством, стилем общения, иметь прочные и глубокие знания по преподаваемым дисциплинам» [1, с. 5–12].

При изучении вопросов выживания сотрудников полиции в экстремальных ситуациях преподаватель использует эмоциональный аспект (категоричная, провокационная подача событий, требующая от обучаемых четких, оправданных законных решений и действий в жестких, установленных преподавателем временных рамках и условиях), на фоне которого моделируется та или иная стрессовая ситуация или тактическая обстановка, при этом добивается должного результата по самооценке каждым слушателем собственных поведенческих действий. Сотрудникам обоснованно дается утверждение, что служба в правоохранительных органах связана с необходимостью постоянной работы в режиме большого напряжения и самоотдачи, с высокой степенью риска потери здоровья, а иногда и жизни, требует особого организационного построения и правил межличностного общения, повышенной социальной и профессиональной ответственности, что зачастую приводит к нервно-психическому перенапряжению. Поэтому проблема психологической устойчивости сотрудников ОВД к стрессу является профессионально значимой, поскольку от нее во многом зависит эффективность оперативно-служебной деятельности. Длительное воздействие стрессогенных факторов, наличие постоянной витальной угрозы, высокая вероятность гибели, ранения или травматизации предъявляют высокие требования не только к уровню профессиональной подготовленности, но и к психологическим качествам личности полицейского, обуславливающим психологическую готовность к деятельности в экстремальных условиях.

Следовательно, при отработке тактико-технических действий сотрудников на фоне созданной учебной тактической обстановки преподаватель выступает в роли определенного стресс-фактора, можно сказать, провоцируя обучаемого (ставя на грань психологического всплеска эмоций...) на необходимые ответные действия и принятие мгновенного решения в соответствии с имеющимися в собственном арсенале практическими и теоретическими знаниями.

Стрессоустойчивость личности сотрудника необходима не только для обеспечения общественного порядка и безопасности жизнедеятельности населения в экстремальных условиях, но и для жизнестойкости и социальной адаптации. В условиях экстремальности многие ситуации могут оказаться абсолютно стрессогенными в зависимости от отношения к ним самого сотрудника ОВД и его опыта. Отсюда и роль психологических мотивационных факторов, определяющих отношение к тем или иным событиям. Поэтому формирование психологической стрессоустойчивости сотрудников полиции необходимо обеспечить различными способами и видами подготовок (духовно-психологической, физической, специальной технической: боевой, огневой и др.). Поскольку уровень здоровья отражает резерв адаптации, которым обладает организм в данный период времени, степень стрессоустойчивости выше у людей, которые активно занимаются спортом и ведут здоровый образ жизни [2, с. 59–60]. Следовательно, здоровый, активный образ жизни, хорошая боевая выучка для сотрудника, осуществляющего свои обязанности в экстремальных условиях, является насущной жизненной необходимостью. В свою очередь, «свойства личности (психическое состояние, устойчивость к стрессам, показатели психической активности, эмоциональной возбудимости) влияют, в частности, на успешность скоростной стрельбы из пистолета» [3]. Чем лучше подготовлен сотрудник во всех сферах, тем выше его устойчивость к стрессам и психофизическим нагрузкам – кратковременным и долговременным. Это может достигаться только проведением целенаправленной систематической комплексной служебной подготовки.

Вопрос о психологической безопасности сотрудников полиции стоит не менее остро. Практика показывает, что негативные последствия были бы значительно меньше, если бы сам сотрудник обладал определенными навыками психологического самоанализа и психологической саморегуляции, непосредственно в момент профессиональных действий в эмоционально напряженной обстановке. Известно, что снимать последствия стресса значительно сложнее, чем научить человека быть более устойчивым к стрессу. Следовательно, личная профессиональная безопасность сотрудников ОВД основывается на трех взаимосвязанных составляющих: физическая, психологическая и профессионально-нравственная безопасность. Соответственно, действия сотрудника по обеспечению личной безопасности включают владение тактикой и методами обеспечения безопасности по всем трем направлениям. Есть, однако, общие принципы обеспечения личной профессиональной безопасности, кото-

рые сформулированы в виде обращения к сотруднику ОВД как «установка на выживание».

При этом каждый сотрудник ОВД должен уяснить, что в критической ситуации немало зависит от него самого, но зачастую понимание этого приходит лишь тогда, когда он выполнил задачу и остался в живых. При прохождении курса подготовки обучаемые должны уверовать в то, что не всегда можно уйти от опасности, но всегда можно уменьшить ее. И это надо уметь, следовательно, этому необходимо учиться.

В процессе обучения требуется особое внимание уделить:

повышению, корректировке, практической направленности уровня знаний и информированности обучаемых (необходимо дать сумму конкретных прикладных знаний);

убеждению слушателей, что предлагаемые знания, умения и навыки при их верном понимании и усвоении могут способствовать повышению уровня личной безопасности;

обучению действовать (отработка конкретных умений, навыков и приемов практических действий по обеспечению личной безопасности) в типовых ситуациях;

доведению рекомендаций по вопросам профессиональной безопасности, разработке специальных памяток и рекомендаций по обеспечению личной безопасности, вручаемых сотрудникам при подготовке к выполнению задач в экстремальных условиях.

Непременным условием успешного усвоения материала является глубокая проработка слушателями рекомендованных к изучению нормативных актов, учебной и научной литературы, а также постоянное взаимодействие с преподавателями кафедры для своевременного разрешения возникающих вопросов.

На практических занятиях очень важна обратная связь с обучаемыми, при которой формируется правильное понимание того, что происходит с сотрудником в ситуации опасности. В повседневной служебной деятельности сотрудник полиции сталкивается с различны-

ми экстремальными ситуациями, на решение которых нет готовых стандартных действий и приемов. Поэтому преподавателю приходится мотивировать обучаемых в поисках алгоритма решения возникших нестандартных критических ситуаций. При этом применяемый метод «проб и ошибок» позволяет выявить и исправить недостатки в определении способов обеспечения личной безопасности обучаемых. Но, тем не менее, усвоение слушателями твердых практических навыков, основанных на определенных алгоритмах действий, помогает преодолеть неуверенность, компенсируя при этом отсутствие системных знаний, вселяет уверенность в своих силах, приносит моральное удовлетворение и дает посыл (стимул) на познавательную деятельность по изучению проблемных вопросов, возникших при отработке вопросов ТСП ОЛБ, и устранению выявленных пробелов в знаниях. Актуальность именно такой методологии преподавания данной дисциплины не только сохраняется, но и усиливается в условиях тенденций развития современного общества.

В заключение следует отметить, что в результате прохождения курса ТСП ОЛБ необходимо сформировать у слушателей личностную установку на выживание и те психологические качества, которые позволят адекватно оценивать обстановку, принимать быстрые и правильные решения и не терять самообладания в опасных ситуациях. В рекомендательной части хотелось бы обратить внимание на увеличение сроков изучения дисциплины.

В данной статье обозначена попытка обобщения раннее накопленного опыта преподавания ТСП ОЛБ, и, естественно, это не единственно возможные методологические подходы к реализации программы обучения, предназначенной сформировать навыки личной профессиональной безопасности у сотрудников органов правопорядка в современных условиях.

1. Власенко Е.Е., Братусин А.Р. Организация, функционирование и методическое обеспечение первоначальной подготовки полицейских в системе МВД России // APRIORI. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3.

2. Неделеяева А.В. Оценка здоровья и стрессоустойчивости у студентов // Современная наука: тенденции развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 20 мая 2014 г.: сб. науч. тр.: в 2 т. Краснодар, 2014. Т. 2.

3. Скобликов Р.В., Устименко В.О. Роль свойств личности в успешности формирования навыка стрельбы из пистолета // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 1(23).

1. Vlasenko E.E., Bratusin A.R. The organization, functioning and methodological support initial training of police in the Ministry of the Interior of Russia // APRIORI. Ser.: Humanities. 2014. № 3.

2. Nedelyaeva A.V. Assessment of health and stress of students // Modern science: tendencies of development: proc. of the VII Intern. sci. and pract. conf., May 20, 2014: coll. of sci. papers: in 2 vols. Krasnodar, 2014. Vol. 2.

3. Skoblikov R.V., Ustimenko V.O. The role of personality in the success of the properties of the formation of skill shooting the gun // Bull. of the Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 1(23).

Костюченко Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: nikiv1948@gmail.com)

Проблемы теории управления и общих функций управления на примере определения понятия «управленческое решение» как общей функции управления

В статье автор рассматривает проблемы теории и практики управления, связанные с рядом противоречий в научных мнениях и неоднозначностью определения понятий функций управления, их видов и количественного состава. Данный подход имеет существенное значение для обеспечения оптимального функционирования социальных систем и оптимизации процессов управленческой деятельности.

Ключевые слова: управленческое решение, управление, система управления, функции управления, общие функции, свойство латентности, латентные функции.

N.I. Kostiuhenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Activity of Bodies of Internal Affairs in Special Conditions of the Crimea branch of the Krasnodar university of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com

Problems of management theory and general management functions on the example of definition of notion «management decision» as general management function

In article the author considers the problems of the theory and practice of management connected with a number of contradictions in scientific opinions and ambiguity of definition of concepts of functions of management, their types and quantitative structure. This approach has essential value for ensuring optimum performance of social systems and optimization of processes of administrative activity.

Key words: management decision, management, management system, management functions, general management functions, latency, latent functions.

Изменения, происшедшие в мире в последнее двадцатилетие в такой социальной системе, как государство, «поставили на повестку дня» целый комплекс проблем в сфере теории и практики управленческой деятельности. В их числе одно из основных мест занимают проблемы, связанные с понятием систем управления и их элементов: методов управления, функций управления, управленческих связей, структуры и механизмов управления.

Актуальность рассмотрения упомянутых проблем обусловлена наличием ряда противоречий в научных мнениях и неоднозначностью определения понятий функций управления, их видов и количественного состава общих функций управления. Указанные проблемы теоретического плана приводят к возникновению проблем в сфере управленческой деятельности, связанной с реформированием структур социальных систем и реализацией функций управления.

В числе элементов социальных систем, которые в последнее время привлекали внимание ученых как проблемные с точки зрения теории управления, были и такие элементы, как принятие управленческих решений (ПУР) и управленческое решение (УР).

Внимание ученых, прежде всего представителей школы государственного управления и менеджмента, к этим элементам вполне закономерно. В процессе реформирования социальных систем их значение для повышения эффективности управления социальными системами трудно переоценить.

В связи с этим явления ПУР и УР исследовались не только в сфере теории и практики управления, но и в теории принятия управленческих решений. Однако результаты исследований не привели к формированию единого научного мнения относительно определения этих понятий как системных явлений. Они опреде-

лялись как действие, процесс, единовременный акт и как функция управления. Вследствие этого в практике управления возникли проблемы с внедрением полученных результатов научных исследований.

Причиной полярности мнений относительно терминологии указанных явлений явился комплекс проблем, существующий в теории и практике управления:

применение для исследования одноименных явлений не коррелированных научных подходов с точки зрения теории управления, теории принятия решений и практики управления;

неоднозначность определения понятия функций и их видов;

отсутствие единой классификации функций; противоречия научных мнений, вызванных полифонией этих понятий.

Указанные проблемы при рассмотрении явлений УР и ПУР как необходимых элементов системы приводят к неоднозначности терминологии. Такие элементы систем могут рассматриваться как вид деятельности, как процесс, как метод, а в отдельных случаях и как функция управления. На этой основе возникает противоречие научных мнений относительно ограничения количественного состава общих функций управления и системной детерминации «цели – задачи – функции – структуры». При этом в условиях отрицания «существования» ряда функций это приводит к эмпирическому созданию структурных подразделений системы и, как следствие, параллелизму в деятельности отдельных подразделений. Кроме того, возникновение подобного рода неоднозначностей и противоречий в теории приводит к возникновению проблем практического использования теоретических результатов субъектами управления.

Отмеченные научные разночтения однотипных явлений в разных сферах (теории управления и теории принятия решений) необходимо учитывать при определении понятия УР. При этом независимо от различия теоретических подходов и оснований исследования рассматривать его как необходимый элемент социальных систем – общую функцию управления. Это имеет особое значение для эффективной управленческой деятельности в условиях роста динамики эволюции социальных систем.

В связи с этим рассмотрим упомянутые проблемы, причины их возникновения и пути разрешения на примере исследования понятия УР как общей функции управления более детально.

Проблема принятия управленческих решений рассматривалась во многих научных ис-

следованиях, связанных с теорией управления и теорией принятия управленческих решений. В их числе можно назвать работы В.Б. Аверьянова, Ю.Е. Аврутина, Ю.П. Алексеева, А.Н. Алисова, Ю.Н. Барышникова, А.А. Бетуганова, Н.В. Бугеля, В.И. Варфоломеева, А.П. Веревченко, С.Н. Воробьева, В.В. Горчакова, О.В. Голодовой, И.В. Иванова, С.Н. Князева, В.М. Колпакова, В.В. Коноплева, Б.Г. Литвака, Н.П. Пищулина, Е.А. Подольской, Л.Н. Сумарокова, Е.В. Троицкой, Р.А. Фатхутдинова и др.

Следует отметить, что подходы авторов к определению этого явления социальных систем существенно различались, что было объективно в силу различия предметов исследования.

При этом ученые были единодушны в оценке значимости ПУР для управленческих процессов, а их мнения относительно определения этого понятия оказались неоднозначными. Последнее не совсем справедливо с точки зрения социальных систем, поскольку и в теории управления и в теории принятия управленческих решений в данном случае рассматривался один и тот же системный элемент.

Так, Р.А. Фатхутдинов полагает, что в системе менеджмента курс «Управленческие решения» является одной из самых важных и обязательных дисциплин, потому что степень обоснованности управленческого решения определяет уровень эффективности системы менеджмента [1, с. 6]. При этом он рассматривал ПУР только как вид деятельности.

В.М. Колпаков в рамках теории и практики принятия управленческого решения отмечал: «Роль УР возросла в условиях научно-технического прогресса, который значительно расширяет возможности человека» [2, с. 3]. «Принятие управленческого решения» он рассматривал как процесс, а управленческое решение как акт, который закрепляется документально в процессе управления», подчеркивая при этом, что «УР реализуется посредством взаимосвязанных “основных” функций (анализа, планирования, организации, регулирования, контроля и координации), последовательное выполнение которых формирует процесс его выработки» [2, с. 28].

В этом контексте интересно и мнение Б.Г. Литвака: «Разработка управленческих решений является важным процессом, который связывает основные функции управления: планирование, организацию, мотивацию, контроль. Именно решения, принятые руководителями любой организации, определяют не только эффективность ее деятельности, но и возможность постоянного развития в быстром

изменяющемся мире» [3, с. 33–34]. По сути, он высказывает мнение, созвучное мнению В.М. Колпакова, рассматривая ПУР с позиций теории принятия решений как процесс, не определяя его как функцию управления.

Из приведенных примеров видно, что с точки зрения «теории принятия управленческих решений» ПУР определяется как «одноразовый акт выбора оптимального решения», а понятие УР – как результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы.

Следует отметить, что при определении этих понятий не учитывалось весьма существенное обстоятельство, связанное с системами управления. По сути, понятия УР и ПУР в первую очередь являются элементами систем управления, однако в этом качестве они не рассматривались.

В то же время, если рассматривать явление УР одновременно с позиций теории принятия решений и теории управления как элементов социальной системы, можно сделать вывод, что УР как «результат осуществления различных видов деятельности» [2, с. 28] фактически «отражает» содержание цикла комплексной реализации управленческих функций. При этом напрашивается вывод, что в этой ситуации элемент УР будет являться не действием, а функцией, причем основной, а остальные функции будут вспомогательными.

Вывод относительно целесообразности определения УР как понятия «функция», а не действия можно сделать, рассмотрев возникающие ограничения управленческой деятельности в плане подготовки, обоснования, принятия наиболее оптимальных решений, а также их эффективной реализации в случае определения этого понятия как действия. Основная причина таких ограничений связана с неоднозначностью детерминации различных элементов системы управления: «действия» (управленческого решения) и «функций» (планирования, организации и контроля, мотивации).

Правомочность этих тезисов можно подтвердить, обратившись к ситуации комплексной реализации общих функций управления. Если в процессе управления мы позаботимся о реализации функций планирования, организации и контроля, но оставим без достаточного внимания функцию мотивации, то, как бы качественно ни планировалась, организовывалась и контролировалась управленческая деятельность, достижение желаемого результата может остаться под вопросом. Эта ситуация

легко объяснима, поскольку без достаточной мотивации сотрудники вряд ли выполнят с необходимым качеством мероприятия, запланированные субъектом управления.

Аналогичная ситуация может сложиться и с функцией управленческого решения, если исходить из ее определения как действия. УР как действие, во-первых, не предусматривает раскрытие его содержания, как это происходит в случае определения понятия функции. Во-вторых, оно не предполагает обязательной, комплексной реализации общих функций управления в объеме, необходимом для выполнения этого действия, на что обращали внимание Б.Г. Литвак и другие авторы, подчеркивая необходимость обязательной связи «действия» УР и «функций» управления (планирования, организации, контроля, анализа и мотивации). В связи с этим отсутствие детерминации действия и функций не позволит субъектам управления учесть все особенности и полноту реализации действия УР и функций управления. В результате эффективность их реализации может оказаться недостаточной, а обратная связь о выполнении УР может оказаться неэффективной. При этом принятое УР может оказаться нереализованным (частично или даже полностью), а обоснованность подготовки и принятия УР относительно нового цикла управления останется под вопросом.

В то же время, определяя УР как функцию, можно наиболее полно выразить содержание понятия «УР», определить его целевую направленность по отношению к любой социальной системе, обеспечить непрерывность подготовки и принятия всесторонне обоснованных УР, а также их оптимальную реализацию в рамках каждого цикла управленческой деятельности. При этом становится понятной и логика детерминации УР с другими функциями системы, поскольку реализация любой функции системы не может происходить изолированно.

Необходимо отметить, что неоднозначность мнений относительно определения УР как функции управления существует также в теории и практике управления. Большинство ученых отрицает необходимость введения в число общих функций таких понятий, как функции анализа, прогнозирования, координации, и ряда других.

Такое мнение обусловлено, во-первых, общепринятым мнением, ограничивающим состав общих функций четырьмя (планированием, организацией, контролем и мотивацией). Во-вторых, наличием исследований, где упоминание понятия функций отсутствует вообще

(более 50 из числа работ, с которыми удалось ознакомиться автору). При этом при рассмотрении процессов управления речь идет не о функциях, а об одноименных упомянутым выше функциям «действиях».

В то же время некоторые ученые определяют понятие УР (в отдельных работах – ПУР) как функцию управления, обосновывая ее место и роль в процессе управления, а в ряде случаев раскрывают и ее содержание.

Например, Е.А. Подольская вводит в состав общих функций управления «управленческое решение» полагая, что оно «является исходным пунктом движения в процессе управления, ведь весь управленческий цикл как бы подчиняется общему замыслу решения» [4, с. 303–304].

Н.Ф. Пушкарев и Е.В. Троицкая отмечали: «В управленческом цикле важное место занимает такая функция, как управленческое решение. В сущности, она в общем процессе управления является узловым пунктом управленческого воздействия». При этом они подчеркивали, что обычно под управленческим решением понимается «социальное действие, подготовленное на основе анализа и сделанное в установленном порядке, который определяет цели и средства их достижения и организующую деятельность субъектов и объектов управления» [5, с. 146]. Другими словами, они тоже не только определяли УР как функцию, но и связывали ее с циклом управления, хотя применяли в последнем случае термин «действие».

В пользу необходимости определения УР как общей функции говорит ряд сформировавшихся в теории управления научных взглядов относительно функций социальных систем.

Во-первых, существует общепринятое научное мнение относительно основополагающей роли функций в системе управления, а также необходимости комплексной реализации функций для достижения наибольшей эффективности управления. Во-вторых, ряд авторов придерживаются мнения, согласно которому набор функций в социальных системах не может быть ограниченным и неизменным.

Например, О.А. Машков и Н.Р. Нижник полагают: «Набор функций государственного управления зависит от состояния, структуры и самоуправления управленческих общественных процессов, а также места и роли государства в общественной жизни» [6, с. 81].

Е.Б. Кубко в связи с этим обращал внимание на эволюционные способности системы: «В процессе эволюции системы будет возникать способность ее к новым функциям как

внутренняя возможность действовать в определенном направлении, определенным образом и, напротив, какие-то из функций будут утрачены либо на время, либо вообще» [7, с. 32–33]. Такое мнение вытекает из вариантов определения понятия функций, предложенных В.Г. Вишняковым [8], Е.Б. Кубко [7] и В.А. Юсуповым [9]: функция является философским понятием, реально не существует, а в качестве ее проявления в процессе управления мы видим результат реальных действий.

Таким образом, из приведенных мнений следует, что количественный состав функций системы не должен ограничиваться и может меняться в процессе функционирования социальной системы в зависимости от ее эволюционных потребностей.

Применение такого подхода к определению понятия функций и их количественного состава устраняет неоднозначность в определении понятия функций, а также снимает упомянутое выше противоречие между ограничением количественного состава общих функций системы и системной потребностью введения новых функций: информационной, анализа, прогноза, УР и др.

Необходимость определения понятия УР как функции и причины существования проблем теории управления, рассмотренных в статье, достаточно просто объясняются и с точки зрения понятия латентности функций. Данное понятие «вытекает» из приведенных выше определений функций как «потенциальной возможности действовать» [7] и как философской категории – «функция – объективная реальность, существующая вне нашего сознания» [8; 9], т.е. латентно.

Такие функции вводятся в теорию и практику управления в случаях осознания субъектом управления эволюционной потребности системы в необходимости реализации такой функции. Если этого не произойдет, функция останется в состоянии латентности и будет реализовываться субъектом неосознанно на эмпирической основе. Такая эмпирическая реализация напрямую связана со случаями, когда понятие «функция» подменялось понятием «действие» или «процесс». Примеры и результаты такой реализации были подробно рассмотрены выше.

Проблемы определения понятия латентности функций применительно к теории управления ранее рассмотрены автором, предложены их определения как теоретические понятия, необходимые для разрешения проблем и противоречий теории и практики управления, ко-

торые упомянуты в настоящей статье, а также для совершенствования управленческой деятельности:

латентная функция – это функция, которая объективно существует как элемент социальной системы, но не воспринята субъектом управления в этом качестве и реализуется без его участия;

латентная реализация функции – это реализация функции, которая происходит без осознанного воздействия субъекта управления на этот процесс [10, с. 311–320].

Как видно, определение понятия функций как «потенциальной возможности действовать» [7], введение понятия «свойство латентности функ-

ций» [10] и переосмысление на этой основе подходов к рассмотрению проблем, существующих в теории и практике управления, позволяют: устранить неопределенность и полифонию ряда научных понятий в теории управления; разрешить комплекс проблем и научных противоречий, существующих в теории и практике управления, прежде всего связанных с общими функциями управления; обосновать на этой основе необходимость введения в теорию и практику управления понятия новых функций, например «управленческого решения», как результата эволюционных потребностей социальных систем и вывода из состояния латентности объективно существующих функций.

1. Фатхутдинов Р.А. *Управленческие решения: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2001.*

2. Колпаков В.М. *Теория и практика принятия управленческих решений деятельности: учеб. пособие. Киев, 2000.*

3. Литвак Б.Г. *Разработка управленческого решения: учеб. для вузов по специальности «Менеджмент». М., 2002.*

4. Подольская Е.А. *Управление социальными процессами. Харьков, 2007.*

5. Троицкая Е.В. *Управленческие решения фирмы: учеб. пособие для вузов / под ред. Н.Ф. Пушкарёва. М., 1998.*

6. Нижник Н.Р., Машков О.А. *Системный подход в организации государственного управления: учеб. пособие. Киев, 1998.*

7. *Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / под общ. ред. Е.Б. Кубко. Киев, 1997.*

8. Вишняков В.Г. *Структура и штаты органов советского государственного управления. М., 1972.*

9. Юсупов В.А. *Право и советское государственное управление. Административно-правовой аспект проблемы / науч. ред. Р.И. Гарнопольский. Казань, 1976.*

10. Костюченко Н.И. *Свойство латентности функций как причина существующих расхождений в формировании понятия функций управления // Науч. вестн. Днепропетровск. гос. ун-та внутренних дел. 2012. № 3(62). С. 311–320.*

1. Fatkhudinov R.A. *Management decisions: textbook. 4th ed., rev. and suppl. Moscow, 2001.*

2. Kolpakov V.M. *Theory and practice of making management decision activity: study aid. Kiev, 2000.*

3. Litvak B.G. *Management decision development: textbook for high school on specialization «Management». Moscow, 2002.*

4. Podolskaya E.A. *Social processes management. Kharkov, 2007.*

5. Troitskaya E.V. *Firm's management decisions: study aid for high school / ed. by N.F. Pushkarev. Moscow, 1998.*

6. Nizhnik N.R., Mashkov O.A. *System approach to the state management organization: study aid. Kiev, 1998.*

7. *Introduction to the theory of state-legal organization of the social systems / gen. ed. by E.B. Kubko. Kiev, 1997.*

8. Vishnyakov V.G. *Structure and personnel of the organs of soviet state management. Moscow, 1972.*

9. Yusupov V.A. *Law and soviet state management. Administrative-legal aspect of the problem / sci. ed. by R.I. Garnopolsky. Kazan, 1976.*

10. Kostyuchenko N.I. *Feature of the latency of the function as a reason of existing controversies in formation of the function management notion // Sci. bull. of the Dnepropetrovsk state university of the Interior. 2012. № 3(62). P. 311–320.*

Данильян Александр Сергеевич

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583268)

О тактических особенностях проведения допроса потерпевшего при расследовании имущественных преступлений

В статье рассматриваются особенности проведения допроса потерпевшего при расследовании имущественных преступлений. Указан перечень обстоятельств, подлежащих установлению при допросе потерпевшего.

Ключевые слова: потерпевший, допрос, обстоятельства, тактика, имущество, преступление, следователь, психологический контакт.

A.S. Danilyan, Master of Law, Deputy Head of the Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583268.

About tactical peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded when investigating property crimes

The article considers peculiarities of carrying out of interrogation of defrauded when investigating property crimes, and enumeration of circumstances liable to be established during the interrogation of defrauded is indicated in this work.

Key words: defrauded, interrogation, circumstances, tactics, property, crime, investigator, psychological contact.

Самым распространенным и необходимым следственным действием при расследовании имущественных преступлений является допрос, основная цель которого – получение от допрашиваемых лиц показаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. Без допроса не обходится ни одно уголовное дело. Для достижения всех целей данного следственного действия, общие правила которого регламентированы ст. 189 УПК РФ, необходимо знание субъектом расследования правовых и криминалистических приемов допроса и умение их правильно применять.

Важнейшей составной частью комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на первоначальном этапе расследования имущественных преступлений, является привлечение потерпевшего к участию в установлении места нахождения похищенного имущества. По делам данной категории допрос потерпевшего лица необходимо начинать после возбуждения уголовного дела и осмотра места происшествия. Следователю для успешного проведения данного следственного действия необходимо четко представлять себе, какую информацию и с помощью каких приемов и средств он намерен получить. Особое внимание при проведении

допроса потерпевших лиц по имущественным преступлениям следует уделить установлению индивидуальных признаков похищенного имущества, желательно делать зарисовки этого имущества или отдельных его признаков. В процессе допроса необходимо выяснить следующие обстоятельства:

наличие атрибутов похищенных предметов, вещей, ценностей (документы на приобретение, упаковка, цвет похищенного, его размеры, вес, дефекты, назначение и т.п.);

время и место приобретения похищенных предметов, первоначальная стоимость похищенного, период эксплуатации и ее характер, степень износа;

кто перевозил и кто складировал имущество; место хранения, наличие охраны;

круг лиц, знавших о наличии определенного имущества и его местонахождении, о режиме работы, об образе жизни потерпевших;

кого потерпевший подозревает в совершении хищения и на чем основываются подозрения, с кем состоит в неприязненных отношениях, какие отношения с соседями;

какие меры предосторожности принимались потерпевшим и его соседями в целях защиты от преступлений (наличие и эффективность работы кодовых замков, переговорных устройств в подъезде и т.п.);

наличие и сохранность ключей от помещения; кем запиралась дверь, исправны ли были запирающие устройства;

не были ли ранее потеряны ключи, место хранения ключей;

кто мог быть, по мнению потерпевшего, очевидцем хищения и др.

При допросе потерпевшего нужно уделить внимание знакомым потерпевшего, уточнить, приходил ли кто-либо перед хищением в данное помещение, если да, то знаком ли потерпевший с ним и в каких отношениях состоит, его приметы.

Данные, полученные во время допроса потерпевших (материально ответственных лиц), необходимо немедленно использовать как для дополнения ориентировок, так и для активного поиска преступников с помощью различных средств [1, с. 38–39].

В 80% случаев потерпевший дает точные приметы похищенных вещей [2, с. 227].

При изучении уголовных дел нами было установлено, что в 85% случаев следователи (дознаватели) в ходе допросов потерпевших лиц ограничиваются лишь фиксацией общих примет похищенного имущества в протоколах, т.е. описывают наименование, форму, размер, цвет, материал, фасон, при этом не уделяют внимание индивидуальным признакам, которые могут быть полезны при поиске. Установить индивидуальные признаки и их особенности (например, фирменные знаки, голограммы, штрих-код, повреждения и царапины различной формы, следы износа и ремонта, штампы, пробы и др.) представляет наибольшую ценность для поиска искомых объектов. Например, при допросе гр. К. было установлено, что на корпусе похищенного телевизора имеется рисунок в виде цветов и бабочек, выполненный его дочерью, потерпевший приложил к протоколу зарисовку. В ходе расследования уголовного дела был проведен обыск в жилище у гр. М., в ходе которого был изъят телевизор, по описанию схожий с похищенным телевизором (уголовное дело № 545236, возб. 14 марта 2005 г., архив СО при ОВД по Динскому району Краснодарского края).

Если предметом кражи были деньги или иные ценности (облигации, лотерейные билеты и т.д.), то, кроме суммы, необходимо выяснить их количество и достоинство, поинтересоваться, имеется ли у потерпевшего список их номеров [3, с. 23].

По отдельным категориям преступлений у потерпевшего можно получить сведения о похищенных вещах и предметах, которые занимают особое место в процессе расследования и установления их места нахождения. Например, при описании примет иконы и предметов, имеющих особую ценность, необходимо уточ-

нить: сколько ликов на ней изображено; их пол; взаиморасположение; наличие или отсутствие ковчега, шпонок, оклада, надписей, номерных обозначений (знаков); чем они нанесены.

Владельцы коллекций предметов антиквариата, художники-реставраторы обычно легко описывают похищенные вещи, более того, могут эскизно изобразить предмет, его детали, индивидуальные особенности, разъяснить технику исполнения, реставрации. Однако встречаются потерпевшие, которые затрудняются дать четкое описание. В таких случаях следует предъявить альбом с фотографиями различных икон, других предметов культа с их названиями. Если потерпевший или его представитель не могут объяснить назначение отдельных предметов, нужно пригласить специалиста, что позволит потерпевшему точнее сформулировать сюжет картины, описать отдельные элементы техники исполнения [4, с. 167–168].

Во многих работах ученых-криминалистов пристальное внимание уделяется тактике допроса потерпевшего [5–7].

Несмотря на то, что потерпевшие от преступления заинтересованы в раскрытии данного преступления и возвращении им похищенного, следователю перед допросом необходимо установить психологический контакт с потерпевшим для создания более благоприятных условий, предшествующих допросу. Следователю необходимо действовать в каждом конкретном случае индивидуально, т.к. не существует универсальных способов установления психологического контакта. Однако такие способы перечисляются в отечественной юридической литературе, но носят они чисто рекомендательный характер и не могут быть применены шаблонно. Следователю при проведении допроса должен выявить психологические особенности потерпевшего лица, установить характер его отношения к происшедшему событию и уяснить объективные и субъективные условия, влияющие на эффективность допроса.

При проведении допроса потерпевшего следователю (дознавателю) необходимо получить как можно больше информации о произошедшем событии, т.к. потерпевший является единственным и основным источником информации. Поэтому не рекомендуется в целях получения объективной информации допрашивать потерпевшего, который находится в состоянии алкогольного опьянения или наркотического возбуждения, т.к. напряженно-эмоциональное состояние потерпевшего тормозит процесс воспроизведения и может способствовать получению необъективных данных. Интервьюирование следователей показало, что следователи (дознаватели) сталкивались с такими ситуациями в 22% случаев,

когда потерпевшие находились в состоянии алкогольного опьянения или наркотического возбуждения. Обычно у таких лиц наблюдается неполное восприятие, отсутствие правильной ориентации, а потому и нечеткое воспроизведение. В данной ситуации потерпевшее лицо подвергали медицинскому освидетельствованию и переносили проведение следственного действия на более позднее время или следующий день.

При грабежах и разбойных нападениях потерпевший непосредственно сталкивается с фактом преступления и преступником. В большинстве случаев он более чем кто-либо осведомлен об обстоятельствах совершенного преступления. Его показания более полны, чем показания свидетеля, они помогают следователю составить верное представление о случившемся, построить версии и обнаружить доказательства.

Потерпевший является в большинстве случаев заинтересованным лицом, поэтому его показания могут быть тенденциозными, необъективными. Однако заинтересованность потерпевшего в исходе дела не должна рассматриваться как обстоятельство, дающее основание подвергать сомнению правдивость его показаний. Недопустимы формальный подход и оценка показаний потерпевшего. Потерпевший, в отличие от свидетеля, может при даче показаний выйти за пределы вопросов, поставленных следователем, и высказать свое мнение и выводы относительно обстоятельств расследуемого события, что может иметь важное значение для правильного направления всего последующего расследования. В отличие от

свидетеля, потерпевший наделен большими правами участника процесса, поэтому его показания являются средством защиты его нарушенных прав [8, с. 24–25].

Так, в сентябре 2005 г. утром неизвестный мужчина с пистолетом, войдя в помещенные сберкассы № 5186/018, расположенной в ст. Воронцовской Динского района Краснодарского края, и перепрыгнув через стойку, напал на кассира Р. Ударив рукояткой пистолета по голове и выстрелив ей в руку, преодолел ее сопротивление, а после, забрав из стола 17769 руб. 99 коп., скрылся с места происшествия. По данному факту следственным отделом было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 2 ст. 162 УК РФ. Тщательный допрос потерпевшей Р. о фактах нападения и приметах преступника привели к положительному результату. В своих показаниях Р. сообщила, что напавшего на нее мужчину она не знает, но может подробно описать его внешность. Мужчина был высокого роста, худощавого телосложения, на голове был мотоциклетный шлем черного цвета с темным стеклом, сообщила и другие подробности, в результате в ходе оперативно-розыскных мероприятий был установлен подозреваемый (уголовное дело № 545530, возб. 5 октября 2005 г., архив СО при ОВД по Динскому району Краснодарского края).

При проведении исследования нами было установлено, что своевременность и полнота допроса потерпевших по уголовному делу, в ведении либо под охраной которых находилось похищенное имущество, составило 78%, а в остальных случаях они по различным основаниям отсутствовали.

1. Шурухнов Н.Г. *Расследование краж*. М., 1999.

2. Субботина М.В. *Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества*. Волгоград, 2004.

3. *Расследование краж, совершенных из квартир*. Волгоград, 1990.

4. Резван А.П. *Правовые и криминалистические проблемы борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность*. Волгоград, 2000.

5. Закатов А.А. *Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии*. Волгоград, 1976.

6. Ратинов А.Р. *Судебная психология для следователей*. М., 2001.

7. Шейфер С.А. *Следственные действия. Система и процессуальная форма*. М., 2001.

8. Целищев А.Я. *Расследование грабежей и разбоев в условиях крупного города*. М., 1986.

1. Shuruhnov N.G. *Investigation of larceny*. Moscow, 1999.

2. Subbotina M.V. *Criminalistics problems of investigation of other people's property theft*. Volgograd, 2004.

3. *Investigation of residential burglary*. Volgograd, 1990.

4. Rezvan A.P. *Legal and criminalistics problems of prevention of valuables theft*. Volgograd, 2000.

5. Zakatov A.A. *Tactics of interrogation of defrauded in preliminary investigation*. Volgograd, 1976.

6. Ratinov A.R. *Forensic psychology for investigators*. Moscow, 2001.

7. Sheifer S.A. *Investigative actions. System and procedural form*. Moscow, 2001.

8. Tselitshev A.Ya. *The investigation of robberies and plunder in the conditions of big cities*. Moscow, 1986.

Бондарев Александр Владимировичстарший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sbond1966@mail.ru)

Современные проблемы информационной безопасности в российском обществе

В статье рассматриваются проблемы информационной безопасности на современном этапе развития российского общества. Раскрываются основные содержательные аспекты противодействия деструктивным процессам информационного характера в современном российском обществе.

Ключевые слова: информационная безопасность, информация, социальная активность, социальные практики, глобализация, деструктивность.

A.V. Bondarev, Senior Lecturer of the Chair of Activity of Departments of Internal Affairs in Special Conditions of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sbond1966@mail.ru

Modern problems of informational security in the Russian society

In article problems of information security at the present stage of development of the Russian society are considered. The article reveals the main substantive aspects of counteraction to destructive processes of information character in contemporary Russian society.

Key words: information security, information, social activity, social practices, globalization, destructiveness.

Развитие общества не происходит равномерно, посредством соразмерной по своей интенсивности трансформации различных его структурных элементов. Процесс социальной трансформации предполагает наличие различной степени интенсивности развития отдельных сфер социальной организации. В результате имеет место ситуация временного несоответствия уровня развития отдельных сфер социальной жизни, что проявляется на уровне различных деструктивных явлений переходного периода.

В методологическом плане мы опирались как на тексты классиков социологии (таких как Т. Парсонс, Э. Агацци и др.), в чьих трудах есть разработки проблемы информации как социального феномена, так и на исследования современных российских авторов, среди которых наибольшее влияние на наше исследование оказали работы Ю.А.Зубок, В.И. Чупрова, Е.О. Кубякина и В.В. Плотникова. В исследованиях Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова отражено, каким образом социальные интенции деструктивного характера преобразуются в конкретных процессах [1; 2]. В публикациях В.В. Плотникова последовательно раскрываются принципы и механизмы влияния информации на картину социальной деструктивности. По мнению

автора, социально деструктивные явления (к которым относятся информационная война как открытая форма противостояния и экстремизм как скрытая [3]) основываются на естественном социальном развертывании деструктивного потенциала [4; 5] и предполагаются в качестве структурных нарушений системной функциональности основных социальных институтов [6; 7]. В научных публикациях Е.О. Кубякина присутствует идея поиска оснований социальной деструктивности, таких как ксенофобия [8; 9], экстремизм [10], преступность [11]. Среди различных оснований автор выделяет такие процессы, как глобализация [12] и информатизация [13; 14] современного общества. Как таковые процессы информатизации и глобализации не содержат негативной окраски, они просто есть результат естественного развития общества. Проблему представляет несоразмерность в развитии культуры и цивилизации [6; 7]. Культура, а следовательно, и система ценностей общества оказывается явно не готовой к скорости технического прогресса. В результате ситуация конфликтности приобретает разрушительный потенциал.

Несбалансированный характер социальной структуры, выступающий результатом ее

активной адаптации, позволяет судить о переходном состоянии конкретного общества. Справедливо и обратное: общество, пребывающее на стадии активной трансформации, неизбежно испытывает на себе негативное воздействие структурного дисбаланса, что может проявляться как на непосредственном уровне возникновения негативных процессов, так и на уровне возникновения уязвимости общества к определенным разрушительным процессам. Специфика российской социальной действительности состоит в том, что само по себе российское общество пребывает на стадии глубокой трансформации и, вместе с тем, испытывает на себе воздействие глобальных динамических процессов, связанных с переходным состоянием мировой социальной среды. Это определяет высокий уровень уязвимости российского общества как к внутренним, так и к внешним деструктивным воздействиям. В этой связи отдельного внимания заслуживает тематика информационной безопасности общества, в частности такая проблема, как развитие информационного экстремизма в отечественном социокультурном пространстве.

Для более полного понимания проблемы деструктивных информационных процессов в современном российском обществе рассмотрим роль социального сознания в протекании общественных процессов и специфику современного протекания информационных процессов. Социальное сознание представляет собой важнейшее основание, определяющее характер и направленность социальных процессов. Это связано с тем, что сама по себе деятельность человека в системе социальных отношений определяется существующим у него в сознании набором норм, моделей поведения и ценностных установок, а также способом трактовки окружающей действительности.

Структура общества идеальна по своей природе и существует (помимо закрепленных при помощи материальных носителей информационных продуктов) на уровне сознания отдельных участников общественных отношений [15]. Изменение мировоззренческих установок отдельных членов общества неизбежно ведет к трансформации самой по себе структуры социальных отношений. Что немаловажно, осознание человеком окружающей социокультурной реальности неизбежно сопрягается с моментом ее трактовки. Один и тот же набор структурных элементов общества можно интерпретировать множеством различных способов,

что непосредственно влияет на способ оценки сложившейся ситуации и направленность деятельности человека. Уже на этом уровне можно прийти к выводу, что для одной и той же формы общественной организации могут существовать конструктивные, соразмерные структуре общества способы социального мировоззрения и, напротив, деструктивные формы, ориентация которых противоречит существующему социальному порядку. Нельзя однозначно оценивать позитивное или негативное значение отдельных установок социального сознания по критерию соответствия существующей системе отношений.

Такие явления, как стагнация, обострение внутренних противоречий, нарушение функциональности основных социальных институтов, безусловно, требуют регулятивного вмешательства. При этом процесс оптимизации общественной структуры невозможен без осознания существующих проблем и их отражения на уровне социального сознания. Однако следует учитывать то, что всякое изменение социальной структуры представляет собой кризисное явление, связанное с возникновением временных структурных противоречий в обществе. По этой причине одним из определяющих критериев должна являться эффективность принимаемых мер в их соотношении с предполагаемыми последствиями и заявленными целями. И здесь актуализируется проблема адекватности отражения сложившейся ситуации в социальном мировоззрении членов общества. Зачастую на уровне социального сознания имеют место призывы к изменению элементов общества, функционирование которых вполне адекватно и соответствует интересам большинства проживающих в нем людей. Неоправданные установки на изменение социальной структуры в сознании отдельных людей представляют собой результат превратного осознания ими окружающей социокультурной действительности, что с необходимостью приводит к нарастанию негативных тенденций в обществе. Напротив, адекватное осознание отдельными людьми специфики окружающей их социокультурной действительности выступает в качестве одного из важнейших оснований поддержания стабильности в обществе.

Именно по причине того, что социальное сознание выступает в качестве важнейшего регулятора общественных отношений, его деформация представляет серьезную угрозу стабильности в обществе. Следует отметить, что

существует широкий спектр внутренних механизмов формирования конструктивных установок социального сознания, от эффективности которых зависит правовая установка, политическое сознание населения, общая направленность развития общества. Эти механизмы находят реализацию на уровне основных социальных институтов. Вместе с тем, изменение условий формирования социального сознания далеко не сразу находит отклик на социоструктурном уровне. Запаздывание основных подсистем общества за протекающими изменениями представляет собой одну из серьезнейших причин возникновения глубоко деструктивных тенденций. На этом основании актуализируется необходимость теоретической проработки основных изменений, определяющих современное состояние процессов формирования и развития социального сознания.

Одним из важнейших факторов, определяющих облик современного общества, является интенсификация информационных процессов, на общем уровне получившая отражение в термине «информационная революция». Развитие информационных технологий, технических средств коммуникации, возникновение механизмов трансляции информационной продукции привело к ситуации, когда процессы информационного обмена вышли на качественно новый уровень. Это проявляется, в частности, в таком явлении, как стирание территориальных границ коммуникации в цифровом пространстве сети Интернет. Сформировалась новая, еще в полной мере не освоенная системами социальной регуляции среда коммуникации. В результате, с одной стороны, повысился уровень внешнего информационного воздействия на общество, с другой – прослеживается общая тенденция выхода коммуникативных процессов из-под контроля государственных структур. При этом одной из важных тенденций стало развитие процессов самоорганизации в медиaprостранстве. Сама по себе эта тенденция является нейтральной, поскольку включает в себя как положительные по своему значению процессы организации социальных контактов и трансляции социально значимых установок, так и негативную самоорганизацию, в основании которой лежит объединение носителей деструктивных социальных установок. Именно на этом уровне проявляется проблема информационного экстремизма.

Основная проблема заключается в том, что в рамках современного российского общества не существует эффективной стратегии противодействия информационным угрозам. Это связано с тем, что сама по себе проблема информационной безопасности еще не имеет должной теоретической разработанности, в результате чего отсутствует необходимая теоретико-методологическая база, позволяющая выработать эффективный набор мер по противодействию возникающим угрозам. Проблема эта комплексная, поскольку затрагивает не только момент мониторинга социальной ситуации на уровне современного медиaprостранства и сетевых ресурсов, но также связана с необходимостью выработки адекватной методологии обеспечения информационной безопасности. В частности, современная юридическая база характеризуется существенной степенью неполноты проработки проблемы экстремизма. Как отмечает Е.О. Кубякин, «необходим комплекс мер по доработке действующего антиэкстремистского законодательства, возникла необходимость регламентировать понятие “экстремизм”, разграничив его с понятием “экстремистская деятельность”, ввести в закон понятия “экстремист” и “экстремистская акция”, а также “международный экстремизм”, выделить признаки и основные черты экстремизма в целом. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы действия, носящие явно экстремистский характер, не были бы ошибочно квалифицированы» [9]. В настоящее время имеет место высокая степень проблематичности как в выявлении негативных форм социальной активности, так и в их соответствующем пресечении. Это характеризует высокую степень ответственности современных исследователей, поскольку выработка адекватного теоретико-методологического подхода представляет собой необходимое основание своевременного и эффективного противодействия информационным угрозам.

Следует выделить такой важный аспект проблемы, как ее комплексный, системный характер. При рассмотрении тематики экстремизма, в частности информационного экстремизма, традиционным способом рассмотрения является анализ существующих фактов развития деструктивных социальных установок, определения характера их распространения и формы организации

экстремистских сообществ. Все эти вопросы имеют несомненную значимость, однако не исчерпывают в полной мере существо исследуемого вопроса. Поскольку развитие деструктивных социальных тенденций выходит в настоящее время на уровень эффективной самоорганизации, одним из важных приоритетов является не точечное реагирование на возникающие очаги экстремистской активности, но формирование системных механизмов противодействия возникающим негативным тенденциям. Необходимо развитие в рамках социальной среды таких мировоззренческих установок, которые позволили бы самому населению осуществлять деятельность по выявлению деструктивного характера негативных

информационных воздействий, что актуализирует важность развития эффективной методологии социальной рефлексии в среде населения. Как отмечает Д.С. Глухарев, «противодействие экстремизму в медиапространстве представляет собой определенный набор специфических действий, направленных на формирование определенного мировоззрения как у массовой аудитории, так и у отдельных групп» [16]. Таким образом, специфика современного социокультурного пространства требует не только развитых теоретических и технических оснований эффективного мониторинга социальной ситуации, но и создания условий для борьбы самого населения с негативными информационными воздействиями.

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 103–111.

2. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.

3. Плотников В.В. Деструктивные факторы дисфункции института семьи // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 13–15.

4. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38–41.

5. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 19–22.

6. Плотников В.В. Свобода как «подлинный способ» человеческого существования // Власть. 2007. № 12. С. 58–59.

7. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 226–228.

8. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях становления глобального информационного общества. Краснодар, 2011.

9. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной

1. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. The ratio of youth to education as a factor in increasing the effectiveness of the training of highly qualified personnel // Sociological researches. 2012. № 8. P. 103-111.

2. Chuprov V.I., Zubok Y.A. Youth extremism: the nature, manifestations and trends. Moscow, 2009.

3. Plotnikov V.V. Destructive factors of dysfunction of the family institution // Theory and practice of social development. 2015. № 6. P. 13-15.

4. Plotnikov V.V. The destruction of the social group as a medium of existence of extremism // The humanitarian, social, economic, and social sciences. 2014. № 4. P. 38-41.

5. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutions and local national security threat // Theory and practice of social development. 2014. № 19. P. 19-22.

6. Plotnikov V.V. Freedom as the «true way» to human existence // Power. 2007. № 12. P. 58-59.

7. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. The natural equilibrium as a socio-cultural factor that determines social development // Theory and practice of social development. 2014. № 16. P. 226-228.

8. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of the global information society. Krasnodar, 2011.

9. Kubyakin E.O. Features of prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. № 1.

10. Kubyakin E.O. On the question of determining the nature of the extremist attitudes of young people // Power. 2010. № 9. P. 56-59.

России // *Общество: политика, экономика, право*. 2011. № 1.

10. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // *Власть*. 2010. № 9. С. 56–59.

11. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 4. С. 149–152.

12. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011. № 3. С. 65–69.

13. Кубякин Е.О. Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2005.

14. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2010. № 1. С. 16–18.

15. Фролов А.А. Исследование правосознания сотрудников ОВД как фактор безопасности личности в обществе и правоохранительной системе // *Изв. Сочинского гос. ун-та*. 2013. № 4–2(28). С. 81–84.

16. Глухарев Д.С. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // *Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки*. 2012. № 10(269).

11. Kubyakin E.O. Youth extremism in the Internet as a social problem // *Historical and socio-educational thought*. 2011. № 4. P. 149–152.

12. Kubyakin E.O. Youth extremism in the information society and globalization: problem // *Historical and socio-educational thought*. 2011. № 3. P. 65–69.

13. Kubyakin E.O. Socio-structural preconditions of interethnic tension: diss. ... Master of Sociology. Novocherkassk, 2005.

14. Kubyakin E.O. Extremism and xenophobia among young people in the context of national security // *The humanitarian, social, economic, and social sciences*. 2010. № 1. P. 16–18.

15. Frolov A.A. Research of sense of justice of staff of Department of Internal Affairs as a factor of safety of the personality in society and law-enforcement system // *News of Sochi state university*. 2013. № 4–2(28). P. 81–84.

16. Glukharev D.S. Countering extremism in the modern media space // *Bull. of SUSU. Ser.: Social and human sciences*. 2012. № 10(269).

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 15.12.2015
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 39,0
Тираж 1050 экз. Заказ 389
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249